

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»

ЯЗЫК КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Материалы международной
научной конференции*

(Тула, 16–18 мая 2024 г.)

Тула
Тульский полиграфист 1
2024

ББК 81.006.3

Я41

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор *В. М. Мокиенко*;

доктор филологических наук, профессор *В. А. Маслова*;

доктор филологических наук, профессор *Г. В. Токарев*;

доктор педагогических наук, профессор *Е. Ю. Ромашина*

Язык как основа национальной идентичности : материалы
Я41 междунар. науч. конф. (Тула, 16–18 мая 2024 г.). – Тула : Туль-
ский полиграфист 1, 2024. – 506 с.

ISBN 978-5-907806-25-2

В сборник включены материалы международной научной конференции «Язык как основа национальной идентичности» (Тула, 16–18 мая 2024 г.). Рассмотрены вопросы, связанные с когнитивной базой, симболярием национальной идентичности, её отражением в текстах культуры. Отдельное внимание уделено формированию представлений о национальной идентичности в аспекте преподавания родного языка и литературы. Книга адресована всем интересующимся проблемой взаимодействия языка и культуры.

ББК 81.006.3

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники
«Проведение международной научной конференции
“Язык как основа национальной идентичности”»
(договор № ДС/128) от 27 сентября 2023 г.*

ISBN 978-5-907806-25-2

© Авторы статей, 2024

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Г. В. Токарев

*Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема национальной идентичности в лингвокультурологическом аспекте. Освещены ментальный и знаковый аспекты идентичности. Показана когнитивная и коммуникативно-прагматическая сущность процесса идентификации. Обозначены перспективы изучения идентичности в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: язык, культура, идентичность, культурный код, ментальность, симболарий культуры, лингвокультурная группа, свой / чужой.

Концепт идентичности представляет интерес для многих современных гуманитарных наук, что предопределяет его междисциплинарность. Такой интерес является реакцией на процессы глобализации, имеющие следствием культурную глухоту, редукцию культурной специфики.

Идентичность является одним из перспективных для лингвокультурологического осмысления понятий. В. И. Карасик определяет социально-языковую идентичность «...как осознание своей принадлежности к той или иной группе социума и вытекающие отсюда установки мировосприятия и коммуникативного поведения». [Карасик, 2020, 285].

В истории любой культуры называют периоды, когда вопрос об идентичности её носителей становится особенно остро. Такие этапы можно квалифицировать как переходные, направляющие культуру на новый виток развития, когда она задаётся вопросами, предполагающими анализ сгенерированных знаний и текстов и поиск перспектив своего дальнейшего развития. По всей вероятности, такие этапы обязательны для жизненного цикла любой развивающейся культуры.

Понятие идентичности нередко используют в качестве синонимов терминов *культура, культурный код, ментальность*, освещая тем самым и концептуальную, и знаковую природу идентичности. Это означает, что все подходы и методы, которые применимы к описанию культуры, релевантны и при изучении идентичности. Следуя за определением

культуры, данным В. Н. Телия, – «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» (Телия В. Н., 1996, 222), указанные дифференцирующие признаки культуры можно перенести и на понятие идентичности, сущность которой заключается в тождественности объяснения мира и способов и средств воплощения этих знаний.

Ментальную сферу идентичности представляют собой концепты культуры, отражающие культурный опыт и его эмоциональное переживание. Л. Н. Гумилёв указывал, что «...основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в эмоциях: симпатиях – антипатиях, любви – ненависти» (Гумилёв Л. Н., 1992, 300). Из этого тезиса следует, что основой идентичности становятся общие переживания, оценки, историческая судьба. Идентичность воплощается в автостереотипах, объективированных, например, пословицами и поговорками. *Русский народ – царелюбивый. Русский терпелив до зачина. Русский задора ждет. Русский человек – добрый человек. Русский народ не боится креста, а боится песта.*

Идентичность проявляет себя и в иерархии ценностей, которых придерживается лингвокультурное сообщество. Так, в XVIII–XIX веках было распространено немало представлений, идентифицирующих туляков. Любовь туляков к разведению голубей интерпретировалась как проявление сентиментальности, сдержанности в отношении к употреблению спиртных напитков, материального благополучия: покупка птиц и их содержание требовали средств.

В стереотип туляка входили представления о его доброте, бескорыстности, благодарности. Большое число храмов, построенных на деньги местных купцов, именование улиц именами тульских меценатов отражают эти знания.

Считалось, что туляки – зажиточные люди. До сих пор Тула, в сравнении с соседними городами, воспринимается как город богатый. Это обусловлено прежде всего наличием многообразных производств, возможностью дополнительного заработка на заказах оружейных заводов, гармонных и самоварных фабрик.

Знаковое измерение идентичности составляют симболарии, включающие совокупности культурно маркированных знаков, ядро которых формируют символы, эталоны, обереги, меры, эмблемы, бренды. Примером такой симболария может быть речевой этикет. Часть из этих знаков отражает внутренние для культуры смыслы, понятные только членам лингвокультурного сообщества, другая часть – служит презентации культуры, выступает в виде меток, позволяющих идентифицировать культуру. Тульский пряник, тульский самовар, наряду с другими единицами, выступают в роли брендов региона, служащих презентации тульской культуры.

Образно сущность симболария идентичности передал великий русский поэт А.С. Пушкин:

Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

Идентичность проявляется в разнообразных, но прежде всего вербальных текстах культуры. Благодаря ей формируется знаково-когнитивная база лингвокультурной общности, в которую входят прецедентные тексты и тезаурус культуры, включающий в себя представления, нормы, запреты, установки, эталоны.

К числу таких текстов можно отнести, например, приметы, обобщающие культурные практики в типичных ситуациях, которые понятны членам лингвокультурной общности. Особым видом текстов культуры являются песни, объединяющие людей и выражающие общий эмоциональный фон.

Идентичность ориентирована на субъекта культуры. В зависимости от степени обобщённости представлений о субъекте можно говорить о личностной, социальной, региональной, культурной и других видах идентичности.

Идентичность проявляется в чертах национального характера, в сходных интерпретантах явлений действительности. Так, русским приписываются противоречивые качества характера: доброта и склонность к агрессии, лень и трудолюбие, терпимость и бунтарство, анархизм и законопослушность, набожность и атеизм, гордость и самоуничижение, статичность и стремление к переменам и др.

Идентичность связана с узнаваемостью своих. Этот процесс осуществляется с опорой на знаковые признаки и свойства членов лингвокультурного сообщества, соотношением их с теми или иными лингвокультурными типажам, которым свойственны определённые сценарии поведения. «Своё» лингвокультурной общностью трактуется как правильное, «чужое» – как отступающее от нормы. Особенно остро лингвокультурная общность реагирует на их нарушение, накладывая нравственные санкции, называя отступников негативно оценочными номинациями.

Культурная идентичность соотносится с ключевым для лингвокультурологии понятием лингвокультурной общности, под которой понимается совокупность людей, пользующихся одним языком как родным. Из этого следует, что знаковой базой идентичности является естественный язык.

Идентичность связана с поиском ответа на вопрос, кто я / мы?, что и наполняет процесс идентификации, то есть категоризации, ориентирующейся на ментальные фильтры: свой / чужой, мое / не моё, близкий / далёкий, понятный / непонятный, приемлемый / неприемлемый.

Так, значения русских пословиц и поговорок о своём и чужом показывают, что своё трактуется как то, что даёт свободу, право, чужое

воспринимается как греховное, ненадёжное: *на своей кляче куда хочу, туда и скачу; свой хлеб хошь ночью ешь! чужой мед горек, чужие хлебы приедчивы*. Авторы словаря «Славянские древности» указывают на родство оппозиций хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мёртвый, человеческий – звериный, внутренний – внешний оппозиции свой vs. чужой («Славянские древности», 1995, т. 1, 581–582).

Идентификация включает в себя культурную интерпретацию, сущность которой проявляется в прочтении знака культуры. Так, для представителей Тульского региона понятны номинации Мыльная Гора, Петелино, их коннотативные смыслы, в то время как те же названия являются обычными топонимами для представителей иных региональных культур.

Полагаем, что для изучения феномена идентичности на лингвокультурологической платформе будут актуальны следующие аспекты:

- 1) нормы, запреты, ценности, определяющие ментальное пространство идентичности;
- 2) вербальные средства выражения идентичности;
- 3) прототипические коммуникативные ситуации, характерные для лингвокультурных групп;
- 4) тексты как формы аккумуляции идентичности;
- 5) пути постижения идентичности в процессе изучения языка;
- 6) практическое осмысление смежных с идентичностью концептов ксенофобия и экстремизм.

Литература

1. Гумилёв Л. Н. От Руси к России. М. : Экспресс, 1992.
2. Карасик В. И. Языковые картины бытия. М. : Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2020.
3. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995.
4. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.
5. Токарев Г. В. Вопросы изучения символика региональной идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2022. Т. 21. № 6. С. 173–182.

Т. Ю. Дорофеева
Октябрьский центр образования
(м. о. Киреевск, Тульская область, Россия)

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. *В данной статье рассмотрено понятие «национальная идентичность» в работах современных исследователей. Изучение данной проблемы помогает выявить особенности кризиса современной общест-венности, которая оказывает влияние на формирование и изменение национальной идентичности.*

Ключевые слова: *язык, культура, общество, национальная идентич-ность.*

Одной из самых актуальных проблем для современных лингвисти-ческих исследований является проблема национальной идентичности. Язык, являясь не только средством отражения идентичности, но и её со-здания, формирует важнейшую функцию языка.

Национальной идентичностью является чувство «нации как связно-го целого, представленного уникальными традициями, культурой и язы-ком» (Хренов Н. А., 2007, 603). Национальную идентичность можно от-нести к субъективному чувству человека, разделяющего его с группой людей о нации, независимо от его правового статуса гражданства. Национальную идентичность можно рассматривать с точки зрения психологии как «осознание различия», «чувство и осознание «мы» и «они» (Кожевникова Ю. А., 2012, 22).

Ученые, проявляющие особый интерес к проблеме национальной идентичности, объясняют это несколькими обстоятельствами. В контек-сте глобализации изменился способ интерпретации понятия «идентич-ность». Углублённое изучение данной проблемы помогает выявить осо-бенности кризиса современной общественности, которая оказывает влияние на формирование и изменение национальной идентичности. Переоценка ценностей, ранее составляющая основу идентификации че-ловека в обществе, ускорила кризис культуры в целом.

Научные исследования литературы отражают множество понятий идентичности. Термином «идентичность» пользовались в своих работах западные философы, начиная от древних греков заканчивая современ-ной теоретической философией. Термин «идентичность» происходит от латинского слова *identifico* – «отождествляю». Зигмунд Фрейд считал, что «процесс идентификации представляется механизмом, обеспечива-ющим формирование личности, и интерпретируется как переживание индивидом своей сходимости с другим субъектом или объектом действи-тельности» [Фрейд З., электронный ресурс).

Проблему национальной идентичности в своих научно-исследовательских работах рассматривает В. В. Кочетков, специалист по проблемам идентичности и культуры в международных отношениях, профессор, доктор социологических наук. Его исследование «Национальная и этническая идентичность в современном мире» посвящено понятию национальной идентичности с точки зрения различных научных школ. Также автор оценивает значимость анализируемых форм идентичности в процессе формирования и развития современного общества. В. В. Кочетков определил национальную идентичность как «культурную норму, отражающую экспансивные реакции личности по отношению к своей нации и национальной политической системе» (Кочетков В. В., 2012, 214–227).

Особый интерес вызывает работа Ю. А. Кожевниковой «Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире». В ней автор рассматривает национальную идентичность с точки зрения совокупности различных «измерений» и «атрибутов». Национальную идентичность Ю. А. Кожевникова определяет как сложное, многоплановое и разностороннее по своей сути общественное явление. Национальная идентичность представляется как некое «укоренившееся» символическое пространство, основанное на анализе психологическом, культурологическом, историческом, территориальном и политическом в измерениях национальной идентичности. В данном пространстве общность людей превращается в «национальную общность», способную отличать «своих» от «чужих». Собственная культура, система моральных и общественных ценностей, культурные нормы и идеалы – принципы, на которых строится идентичность. Ю. А. Кожевникова утверждает, что «национальная идентичность – это реально существующее явление, подверженное различным влияниям, воздействиям и изменениям». Автор отмечает, что «национальной идентичностью является своеобразное единство ее элементов, «значимых атрибутов», разделяемых теми, кто принадлежит к той или иной нации» (Кожевникова Ю. А., 2012, 22).

Следовательно, национальную идентичность можно «синонимировать» с понятиями «самобытность», «преемственность», «устойчивость», отождествляя этническую и национальную принадлежность и характеризуя качественной определенностью.

Литература

1. Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. М. : Наука, 2007.
2. Кожевникова Ю. А. Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.
3. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18 «Социология и политология». 2012. № 2. С. 214–227.

4. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». URL: <http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/ФРЕЙД%20-%20Психолог%20масс%20и%20анализ%20человеч%20Я%201926%2043%20c.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

Ю. М. Зубарева

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются направления изучения национальной идентичности как лингвокультурного феномена. Отмечается взаимообусловленность национальной и региональной идентификации. Исследуются особенности культурно-когнитивных доминант субкультуры региона, влияющих на формирование национального суверенитета.

Ключевые слова: национальная идентичность, региональная идентификация, культурно-когнитивные доминанты, ключевой знак культуры.

Активные процессы глобализации и интеграции современных социокультурных систем существенно влияют на формирование национальной самоидентификации и понимание ее роли в современном мире, размывают границы между этносами, зачастую приводя к утрате самобытности в различных сферах человеческой коммуникации. Стоит отметить, что в российском обществе серьезный кризис национальной идентичности, обесценивание ее значимости были обусловлены прежде всего радикальной сменой политической парадигмы после распада СССР. Произошло смещение общенациональных интересов в плоскость экономического целеполагания, переориентация на общие «европейские (и американские) ценности» и культурные традиции. В настоящее время, несмотря на положительные тенденции, наметившиеся в российском обществе, «существенно актуализировался массовый интерес людей к патриотическим идеям, лозунгам, символам, наблюдается рост патриотической самоидентификации россиян» (Плотникова О. А., 2016, 13), очевидно, что принципы и условия формирования «чувства нации», ощущающей себя «связным целым» и воспринимающей свою «общность» как «единство», «силу», «самобытность» (Осипов Е. А., 2016, 68; Алаудинов А. А., 2012), требуют серьезного и глубокого переосмысления.

Термин «национальная идентичность» закрепился в социально-философском дискурсе в конце XX в. и рассматривается с точки зрения

подходов различных научных школ (классического психоанализа, немецкой, французской). В существующих российских исследовательских работах, в том числе диссертационного характера, посвященных данной проблеме (труды Л. М. Дробижевой, Е. В. Ереминой, В. В. Лапкина, А. С. Макарычева, Е. Ю. Мелешкиной, М. В. Назукиной, С. П. Перегудова, Н. А. Смирновой, Л. В. Смирнягина, Р. Ф. Туровского, К. Г. Холодковского и др.), это понятие определяется как «сложное, многомерное и разностороннее по своей сути общественное явление», «глубоко укоренившееся символическое пространство, благодаря анализу психологического, культурологического, исторического, территориального и политического измерений» (Велилаева Л. Р., Абдуллаева Н. Р., 2020, 27).

Национальная идентичность не зависит от правового статуса гражданина, относится к субъективному чувству, которое человек разделяет с группой людей (нацией). Оно рассматривается в психологическом плане как «осознание различия» – «мы» и «они» (Велилаева Л. Р., Абдуллаева Н. Р., 2020, 27).

Данное понятие многоаспектно и состоит из ряда важных мировоззренческих компонентов: «национального самосознания и менталитета, национального характера, исторической памяти, этнонациональных образов, национальных традиций, мифов, символов и стереотипов поведения» (Гаджиев К. С., 2011, 3). Немаловажными составляющими идентичности являются исторически сформировавшиеся, относительно формализованные и зачастую конкурирующие между собой представления о месте страны в мире, её культурно-цивилизационной принадлежности, геополитических приоритетах.

В процессе изучения феномена национальной идентичности ученые-исследователи рассматривают также смежные лингвокультурологические категории, такие как этническая идентичность (Ю. Б. Бромлей, В. М. Межуев, В. С. Рахманинов, З. В. Синкевич, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, В. А. Тишков, А. Л. Эпстайн, А. Я. Якобсон), региональная идентичность (М. П. Крылов, М. Н. Назукина, А. А. Алаудинов, А. С. Гусев, К. Е. Тумакова, Е. Ю. Цумарова), бикультурная идентичность (О. Б. Подвинцев; у З. А. Жаде – «амбивалетная», у Е. В. Морозовой – «сложносоставная»), которые позволяют увидеть многоплановость данного явления.

«Цементирующим элементом» национальной идентичности можно считать «региональный патриотизм», проявляющийся в любви к своему краю, «отождествлении образа Родины с регионом и страной», в отсутствии желания сменить местожительство, чувстве солидарности с земляками, гордости за их достижения, понимании ответственности за развитие своего города или деревни. И. Я. Мурзина выделяет два уровня идентичности: «первого порядка – региональный, и... второго порядка (принадлежности большей общности) – общероссийский» (Мурзина И. Я., 2003, 101).

Символическая связь населения с пространством возникает в результате определения культурно-когнитивных доминант субкультуры региона, то есть ключевых признаков различных культурных и природных объектов городской инфраструктуры, их оценивания с «опорой на принятые культурные нормы, эмоциональное переживание», что предполагает гармоничное соединение «индивидуальности» и «включенности в социум» (Токарев Г. В., 2022, 174).

В лингвокультурологии существуют несколько подходов в исследовании процесса формирования региональной идентичности, объясняющих причины ее закрепления в сознании индивидуума. Сущностный (эссенциалистский) подход позволяет считать региональную идентичность свободной моделью коллективного самоосознания, которая образуется под влиянием экстралингвистических факторов, в первую очередь территориальных, исторических, культурных, религиозных (Головнёва Е. В., 2013, 42; Докучаев Д. С., 2014, 12). Конструктивистский подход (А. И. Кольба, И. М. Бусыгина, О. А. Богатова) подчеркивает целенаправленность моделирования, его обусловленность «проводимой в регионе культурной политикой, главным и доминирующим актором которой является краевая администрация» (Бусыгина И. М., 2006, 15, Кольба А. И., 2011, 52).

В частности, с этим связано явление брендинга доминант субкультуры региона как значимых «активов территории», которые способствуют популяризации области, созданию туристической и экономической привлекательности города. В них традиционно включаются объекты культурно-исторического наследия, природного ландшафта, элементы инфраструктуры (Таникиева Т. А., Королёв А. В., 2018, 56).

Символы-бренды являются уникальными единицами различных семиотических систем, обладают особой семантикой и определяют «симболярный региональный субкультуры» (Телия В. Н., 1999, 118), отражающий репрезентированные различными знаковыми средствами представления «лингвокультурного сообщества о собственной самобытности, уникальности в рамках противопоставления одной локации другой» (Токарев Г. В., 2022, 178). Они «оформляют ядро региональной идентичности, поскольку... значимы для членов сообщества и интерпретируются только ими» (Токарев Г. В., 2023, 119).

Региональные доминанты, отражая важные для жителей направления общественного развития, формируют ядро национальной культуры, являясь в том числе и ее ключевыми знаками и символами. Например, значимые доминанты для Московской области: «*Москва – сердце России*», «*политический и экономический центр страны*»; для Ленинградской области: «*Санкт-Петербург – культурная столица России*»; для Тульской области: «*Тула – арсенал и щит России*», «*Тульский край – пряничный рай*»; для Тюменской области: «*Тюмень – столица нефтяного края*», «*Тюмень – столица деревень*»; для Томской области: «*сибир-*

ская тайга», «памятники деревянного зодчества»; для Краснодарского края: «Кубань», «плодородные земли» («Кубань – вековой наш богатый», «Кубань – житница России»); «море, солнце, отдых» («Если есть в мире рай, то это – Краснодарский край») и др.

Наличие региональной идеи – значимый культурный ресурс, который влияет на динамику и продуктивность развития области, является системообразующим фактором во взаимодействии федеральной и региональной власти. При этом состояние уровня баланса может служить индикатором проблем, связанных с процессами развития гражданского общества, его самосознания. Так, доминирование региональной идентичности является показателем сепаратных настроений, «паритет идентичностей может свидетельствовать как о кризисных аспектах в самом государстве (слабая ценностная основа, потеря управляемости и т. д.), так и о включении в регионе особого контекста консолидации (тогда важны причины) или, наоборот, появлении резкой поляризации в самом региональном сообществе» (Ширманов Е. В., 2016, 14).

Таким образом, формирование национальной идентичности – значимый процесс для существования страны как федеративного и многонационального государства, вопрос связанный с суверенитетом. Региональная среда создает базу для возможного успешного взаимодействия существующих рядом самобытных субкультур, ментальную основу принятия и усвоения общегосударственных ценностей, где связующими звеньями является общая историческая память, традиции, патриотизм.

Литература

1. Алаудинов А. А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности : дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.
2. Бусыгина И. М. Политическая регионалистика : учеб. пособие. М. : РОССПЭН, 2006.
3. Велилаева Л. Р., Абдуллаева Н. Р. Понятие «Национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования // *Universum: филология и искусствоведение*. 2020. № 6 (73). С. 26–28.
4. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // *Вопр. философии*. 2011. № 10. С. 3–17.
5. Головнёва Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 5. С. 42–50.
6. Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях : автореф. ... дис. канд. филос. наук. Иваново : ИГУ, 2011.
7. Кольба А. И. Интегративный и конфликтный ракурсы кубанской идентичности // *Культурная политика в регионах и борьба за идентич-*

ность : Вестн. Перм. ун-та. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2011. С. 52.

8. Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // Дискурс-Пи. 2003. № 1. С.101–103.

9. Осипов Е. А. Фактор национальной идентичности в современной Франции // Междунар. жизнь. 2016. № 12. С. 68–80.

10. Плотникова О. А. Кризис национальной самоидентификации в современной России // Социальные исследования. 2016. № 2. С.13–18.

11. Таникиева Т. А., Королёв А. В. Бренды территории как основа продвижения региона (на примере Тульской области) // СервисPlus. 2018. Т. 12. № 4. С. 56–69.

12. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М. : Яз. рус. культуры, 1999. С. 13–24.

13. Токарев Г. В. Вопросы изучения символика региональной идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2022. Т. 21. № 6. С. 173–182.

14. Токарев Г. В. Когнитивно-семантические особенности ключевых знаков тульской культуры // Тул. науч. вестн. Сер. «История. Языкознание». 2023. Вып. 1 (13). С. 118–125.

15. Ширманов Е. В. Общероссийская и региональная идентичности в современной России: политический анализ (на примере Республики Мордовия) : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2016.

Е. Ф. Киров

*Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ РОДСТВЕННЫХ НАУК

Аннотация. В статье описываются новые для филологии направления литературокультуроведения и филологокультуроведения, которые образуют с существующей в науке лингвокультурологией системное единство.

Ключевые слова: культура, язык, литература литературокультуроведение, филологокультуроведение.

Благодаря системной лингвистике Г. П. Мельникова (Мельников Г. П., 2000) становится понятной связь и взаимообусловленность наук, которых нет пока в филологии в наличии, но которые системно восстанавли-

ваются. Речь пойдет сначала о литературоведении как конгломерате наук (которому бы пора «расконгломератиться»). Мы далеки от мысли, что в современном литературоведении нет того, что выделила лингвистика в виде особых наук: социолингвистики, психолингвистики, лингвокультуроведения и т. д. Скорее всего, в литературоведении присутствует все это в нерасчлененном виде, есть и психолитературоведение у А. А. Потебни; в трудах В. Шкловского и Б. Эйхенбаума присутствует настоящее социолитературоведение. Есть и науки, которое возникли в недрах литературоведения, например, гендерное литературоведение, которое возникло раньше гендерной лингвистики (всем известны женский роман или стихи), а лингвистика только приступила к подобным исследованиям в гендерной лингвистике, но тотчас обзавелась соответствующим названием. В литературоведении возникло гораздо раньше направление детской литературы (онтолитературоведение), по сути своей, соответствующее направлению в лингвистике возникает на наших глазах. Речь идет об онтолингвистике, направление только возникло сейчас, но уже имеет собственное название, или термин.

Мы различаем и отделяем друг от друга сходные понятия: такие как культурология как наука широкая о любой культуре (включая музыкальную и сельскохозяйственную и т. д.), с одной стороны, и лингвокультурология как наука теоретическая (о связи языка и культуры), с другой стороны, литературоведение и литературокультуроведение. Такое же разделение касается и пары других сходных наук: страноведение как наука более историческая, например, сведения об Англии, с одной стороны, и лингвострановедение как наука лингвометодическая, рожденная в недрах преподавания РКИ, с другой стороны (Костомаров В. Г., Верещагин Е. М., 1973).

В. А. Маслова пишет о разнице наук: «Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии» (Маслова В. А., 2001, 9).

Следует разобраться также с парой наук, которые называются близко, но между ними есть существенная разница – это литературоведение и предлагаемое здесь еще несуществующее (или системно существующее) литературокультуроведение, которые предложено различать друг от друга. Лингвокультурологии дается много определений, например, (Воробьев В., 2008; Алифференко Ф. Н., 2010; Шаклеин В. М., 2012). В чем же состоит различие?

Разница в ориентации: всем известно, что литературоведение (русское, немецкое... любое) ориентируется на печатную литературу и не включает в свой состав фольклор, т. е. устное народное творчество. Ли-

тературоведение предпочитает работать с письменным текстом, с трудом включая в себя эпос, который возникает часто в устной форме и лишь потом записывается. Например, «Калевала» или «Манас». При этом в РФ обывателю больше знаком иноязычный эпос, например, «Калевала» а свой родной русский он не знает, как правило.

В то же самое время фольклор и эпос чрезвычайно нагружены культурой, передают ее, содержат культурный код нации.

Следует отметить, что литературокультуроведение, специфику которого мы здесь рассматриваем, гораздо шире собственно литературоведения, т. е. оно включает в себя фольклор и эпос, не сужает объём понятия «культура» собственно рукописной и печатной литературой, касаясь духовной культуры широко, богато и фольклорными произведениями, произведениями литературной критики, например, текстами В. Г. Белинского, эпосом, знаковыми названиями произведений и их персонажами, например, Евгений Онегин, Обломов и «обломовщина», «чичиковщина», произведениями интернета и т. д.

Тогда лингвокультурология становится частью более общей науки и вместе с литературокультуроведением входит в состав филологокультуроведения как комплексной и полной науки, изучающей культуру в филологии. Действительно, если есть лингвокультурология, то вторую половину комплекса составляет литературокультуроведение, и только вместе они составляют филологокультуроведение, т. е. образуют единую науку, изучающую культуру в филологии (а не только в лингвистике). В. В. Красных считает лингвокультурологию частью этнопсихолингвистики (Красных В. В., 2002), но, на наш взгляд, уместней ее считать частью лингвистической антропологии и связывать ее с семиотикой и дискурсом (Киров Е. Ф., 2018).

И вновь возникает некоторое различие между лингвистикой и лингвокультурологией, с одной стороны, и литературоведением и литературокультурологией, с другой. Если пределы лингво-наук заканчиваются текстом, и не обязательно художественным, то пределы конгломерата литературо-наук только начинаются с художественного текста и его актуализированного варианта – дискурса, включают в себя катарасис в художественном тексте и заканчиваются художественным мегатекстом (многотомником, собранием сочинений того или иного классика, комиксом по произведениям того или иного автора, цепочкой экранизаций одного автора и т. д.).

В объём литературокультурологии включается вся национальная классическая литература и не входит то, что называется «чтивом», (А. А. Маринина считает себя, например, литератором и им является для определенной части читающей публики). Разница между классикой и чтивом в том, что чтиво не нагружено культурой. Культура, проникая в классическую литературу, нагружена вечными смыслами и актуальна

всегда, т. е. выдерживает проверку временем. Читиво такую проверку не выдерживает: известно, что во времена Пушкина самым популярным и читаемым автором был П. Д. Боборыкин, но кто его сейчас помнит, а именем А. С. Пушкина называют улицы, и есть в РФ даже город с таким именем. Но более всего ценится титул «наше все», который ему присвоен.

Некоторые литературные тексты прямо иллюстрируют пословицы как единицы языка и лингвокультурологии, при этом они так и называются пословицами (А. Н. Островский и др.). Но в некоторых случаях в языке просто нет пословиц («Чем меньше женщину мы любим...»), нет такой ФЕ, и выдержки литературного произведения становятся крылатыми выражениями (А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов и др.), выполняя такую функцию ФЕ (*Счастливые часов не наблюдают* и т. д.).

Предметом филологокультуроведения является национально окрашенное поле филологокультурем, воплощенное в образах – представлениях – понятиях значения слова языка, а также и в компрессионных единицах языка, литературы и фольклора: пословицах, поговорках, идиомах, побасенках, загадках, прибаутках, сказках, песнях, славословиях, эпосе, художественных текстах, религиозных текстах/дискурсах, сценариях компьютерных игр, других культуросносных ИТ-продуктах, отражающих культуру народа в концептосфере и филологосфере, т. е. в филологической картине мира (ФКМ), построенной по образцу языковой картины мира (ЯКМ), но имеющей более широкий формат.

Именно ФКМ порождает мифологию и религию, фольклор, эпос и национальную классическую литературу, которые в сумме своей и составляют предмет филологокультуроведения, являющегося составной частью культурной антропологии. Таким образом, филологокультуроведение включает в себя не только гуттенбергову галактику, но и произведения устного творчества, имеющие память в качестве носителя информации.

Филологокультуроведение (культура, отраженная во всей филологии, включая эпос и фольклор) начинается с анализа религиозно-художественных текстов/дискурсов: для христиан оно начинается с Нового Завета Библии, для иудеев – со Старого Завета Библии, для мусульман – с Корана и т. д., т. к. они предстают и воспринимаются в целом как литературные тексты, религиозная мифология, например, «Песнь песней» изучает и религиоведение, и литературоведение, и литературокультуроведение, что не мешает каждой гуманитарной науке находить в этом тексте свою специфику. И это составляет еще одно различие между сопоставляемыми науками: религиозная мифология – это тоже предмет филологокультуроведения как полной науки о культуре. Филологокультурология изучает систему филологокультурем, образующих ФКМ.

Мы должны дать в итоге определение филологокультуремы (ФК), следуя за В. В. Воробьевым (Воробьев В. В., 2008), выделившим лингвокультурему (2008): филологокультурема – это первопонятие (исход-

ный концепт), воплощенное в эпический, фольклорный, религиозной или литературный первоисточник с повторяющимися бродячими сюжетами, которые повторяются по мере развития темы, а также компрессированные единицы менталитета народа (слова, поговорки, крылатые фразы, песни, сказки...и т. д.), которые понимаются во все века одинаково и постоянно порождают в любую эпоху прецедентные тексты с потенциалом катарсиса типа *Ромео и Джульетта*, *Евгений Онегин* и *Анна Каренина* (все они «нанизаны» на один и тот же концепт любви). ФК воплощаются в слове языка, фразеологических единицах, фольклорном, эпическом, классическом литературном тексте, сценариях театральных и кинематографических постановок, произведениях интернета (сетературе, блогосфере и т. д.), в сайтах, культураносной рекламе и компьютерных играх и других филолого-ориентированных ИТ-продуктах.

Филологокультурема вплетается в ткань дискурса, который имеет начало во тьме веков, проходит через современность и удаляется в будущее.

Каждая эпоха сохраняет старые и порождает новые филологокультуремы, которые в целом очень многолики, имеют субъективный и национальный характер, образуют менталитет нации и ФКМ-сферу в целом, но включают в себя и общечеловеческие семы и темы, т. е. обогащают общечеловеческую филологокультуросферу. Филологокультурема вплетается в ткань дискурса на одну и ту же тему, проходят красной нитью (Й. В. Гете) через века и тысячелетия константными и обогащенными в понимании кочуют из текста в текст, не прекращают этого движения, иногда возвращаются к исходному состоянию, но всегда по спирали, более глубоко обнажая исходный концепт, никогда не прекращая своего движения (Лотман Ю. М., 2000). Например, А. С. Пушкин так удивил русское общество своей строкой про любовь к женщине (Чем меньше женщину мы любим...») и тем самым обогатил исходный концепт, что русский язык не удосужился отразить эту идею в каком-либо фразеологизме – филологокультуреме, так до сих пор и довольствуется это строкой. Но ведь лучше и не скажешь...

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2010.

2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973.

3. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М. : Изд-во РУДН, 2008.

4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Изд. центр «Академия», 2001.

5. Мельников Г. П. Системная типология языков / ред Л. Г. Зубкова. М. : Изд-во РУДН, 2000. URL: https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/gl3.htm
6. Киров Е. Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2018. Т. 17. № 2. С. 15–25.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство СПб, 2000.
9. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации : моногр. М. : Флинта, 2012.

И. А. Морозова

*Борисоглебский филиал
Воронежского государственного университета
(Борисоглебск, Россия)*

К. О. Селезнева

*Краснодарское высшее военное
авиационное училище лётчиков
(Краснодар, Россия)*

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. В статье представлен анализ психолингвистического значения лексемы **Культура** в русском языковом сознании. Материалом исследования послужили экспериментальные данные, полученные методом субъективных дефиниций.

Ключевые слова: языковое сознание, психолингвистическое значение, лексема, метод субъективных дефиниций.

Понятие *Культура* традиционно привлекает внимание исследователей разных наук (философии, культурологии, антропологии, этнографии, когнитивной лингвистики и т. д.). Культуроведческий подход в течение долгого времени был одним из основных в школьной практике, в частности в обучении русскому языку. С введением в образовательный процесс обновлённых ФГОС, требующих ориентации на культурологический (культурно-исторический) и аксиологический (ценностный) подходы к содержанию образования, изучение понятия *Культура* приобретает всё большую актуальность с точки зрения не только теоретической науки, но и педагогической деятельности. На взаимосвязь культуры и педагогики в сознании носителей русского языка указывают

экспериментальные данные, полученные нами в ходе психолингвистического исследования лексем *Образование* и *Воспитание* (Селезнева К. О., 2021; Морозова И. А., Селезнева К. О., 2023).

Неоспоримым представляется тот факт, что «язык является не только средством общения, но неким концентратом культуры нации» (Сергеева О. В., 2018, 146), и «базовые черты национального характера закрепляются именно в языке» (Зененко Н. В., Сон Л. П., 2022, 24). Как упоминалось выше, не только культурологи, но и лингвисты «всё большее внимание обращают на культурные различия разных народов и делают попытки их анализа и обобщения» (Цзинь Ифан, 2020, 443). Именно поэтому является очень важным понимание того, какой смысл представитель той или иной нации вкладывает в определённое понятие.

С целью изучения лексемы *Культура* в русском языковом сознании мы обратились к психолингвистическим методам исследования, в частности – методу субъективных дефиниций, описанному О. Е. Виноградовой и И. А. Стерниным (Виноградова О. Е., Стернин И. А., 2016, 32). Респондентам предлагалось закончить фразу «Культура – это...». Испытание было проведено в 2021 году среди 154 человек (русские мужчины и женщины в возрасте от 20 до 74 лет разных профессий).

Вслед за И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой (Стернин И. А., Рудакова А. В., 2011) нами были сформулированы психолингвистические значения (далее – ПЛЗ) лексемы *Культура* в современном русском языковом сознании.

КУЛЬТУРА

Психолингвистические значения

1. Совокупность достижений, традиций и менталитет этноса в определённый исторический период 146 – традиции (традиции предков) и обычаи 29; искусство 11; всё, что сделано руками человека / то, что создано людьми 10; история 9; будущее; быт; люди; прошлое; совокупность благ, созданных обществом; совокупность достижений человека в производственном, общественном и духовном отношении; совокупность созданных человеком моральных, духовных и материальных ценностей 3; достояние народа; материальные объекты; менталитет; народ; наследие предков; некое достояние, передающееся из поколения в поколение / передача из поколения в поколение; процесс и результат созидательной деятельности человека; совокупность достижений человека (в различных областях); совокупность материальных и духовных ценностей, принятых в определённом обществе; страна 2; вклад; все виды преобразовательной деятельности человека и общества; достижения человека; достижения человечества определённого периода или эпохи; достояние человека; знание обычаев и истории своего народа, общества; знание традиций, обычаев, норм этики и морали; исторически сложившийся образ жизни людей; исторические ценности; история своей стра-

ны; история, передаваемая поколениями; классика относительно всех поколений; мы; накопленные человечеством знания, умения, обычаи, традиции; народ с богатым наследием; народность; наследство; национальное достояние; одежда; опыт поколений; память; передаваемое из поколения в поколение народное достояние; понятие для форм жизнедеятельности человека, созданных им объектов в процессе эволюции; посуда; праздники народа; преемственность; приобщение к историческим ценностям; природа; производная деятельности общества; процесс и результат созидательной деятельности человека; процесс материальных достижений; результат устной и письменной деятельности того или иного общества; Родина; система ценностей государства через призму истории и др. 1.

2. Совокупность правил поведения в обществе и их соблюдение 91 – нормы и правила поведения 14; воспитание 12; поведение 9; поведение людей в обществе 5; правила / свод правил; речь; этикет 4; набор правил, которые предписывают человеку определённое поведение (с присущими ему переживаниями и мыслями); этика 3; общение; пример 2; владение манерами; воспитанность; головной убор; дисциплина, изучающая правила поведения в обществе; достойное поведение в обществе; знание и поддержание общепринятых правил; интеллигентность; кроссовки под джинсы; культура поведения; манеры, привитые родителями; набор определённых ценностей в поведении; набор правил и стандартов, применяя которые члены какого-либо общества; навыки поведения в обществе; общественный инструмент, позволяющий держать человека в определённых рамках; почитание; правильно; правильность речи и поведения; привитие манер поведения; привычки человека; русский язык; способ общения; такт; уважение; уважение к старшему поколению; умение вести беседу; умения поведения в обществе и др. 1.

3. Значимые творческие достижения общества 54 – архитектура 4; картины; красота; театр 3; достопримечательности; живопись; книги; литература; музей; образ; ремесло; эстетика 2; всё прекрасное, что сделал человек; кино; красиво; музыка; направленность в музыке; наука о прекрасном; не декламируй стихов тому, кто не является поэтом; мир; образ жизни, отвечающий критериям современного общества; общественная сфера деятельности человека; общественное движение; общество; окружающее вокруг; прекрасно; процесс творческой деятельности; Рерих (художник); система достопримечательностей страны; скульптуры; собрание самого прекрасного; стремление к прекрасному; творчество; Эрмитаж и др. 1.

4. Духовная составляющая человека 48 – уровень духовного развития человека 9; моральные ценности; религия (религии) 6; духовная составляющая / духовность человека; определённый уровень развития человека; развитие (человека) 3; нравственные ценности 2; вера; вторая

природа человека; высокий уровень чего-нибудь; достижения человека в духовном отношении; духовное состояние; духовные ценности; знания и достижения человека в духовном отношении; отличительная черта личности; совокупность духовных достижений человека; совокупность накопленного духовного опыта; совокупность полученных личностью качеств, характеризующих это поведение в обществе; создание, хранение, распространение духовных ценностей; степень развития различных общественных моральных ценностей; то, что отличает человека от животного; уровень образованности; черта, которую важно иметь людям 1.

5. Интеллектуальная составляющая личности 34 – образование 6; знание /знания; наука 4; результат умственного труда; самовыражение 2; гордость науки; гуманитарная наука, изучающая обычаи, нормы, правила в определённой культуре (субкультуре); идеи, открытия человека; интеллектуальное развитие; Кант (философ); наука, изучающая народное и мировое достояние, культуру и традиции эпох; наука, изучающая традиции в установленном обществе; начитанность; образованность; раскрытие себя; самопознание; саморазвитие; совокупность людских знаний; умственная деятельность человека; философия; человеческое самовыражение 1.

6. Материальные и духовные ценности 33 (ценности 9; материальные и духовные ценности; убеждения 8; мировые ценности (ценности, признанные мировым сообществом) 3; понятие, которое имеет большое количество значений в разных областях жизнедеятельности 2; культурные ценности; материальные и нематериальные понятия; система моральных ценностей, заложенных в кино и книгах 1).

Интерпретация полученных экспериментальных данных представляла собой определённую сложность, поскольку само понятие *Культура* является многогранным. 14 реакций (*богато; важно; возвращение; выбор; глубина; желание; жизнь; интерес; комплекс, включающий в себя знания, верования; креативность; направление деятельности; обобщающее понятие для форм жизнедеятельности человека; ответственность за потерю; хорошо*) не интерпретируются, их невозможно было объективно отнести к какому-либо из сформулированных ПЛЗ. Тем не менее, именно они позволяют судить о том, что исследуемое понятие в русском языковом сознании оценивается положительно (*важно; глубина; хорошо*) и вызывает интерес (*желание; интерес; креативность*).

Результаты исследования позволяют констатировать, что в сознании носителей русского языка лексема *Культура* имеет 6 ПЛЗ. Самым ярким ПЛЗ является ***Совокупность достижений, традиций и менталитет этноса в определённый исторический период***. Данный факт наводит на мысль о том, что для респондентов культура ассоциируется, прежде всего, с определённой нацией, её обычаями и мировосприятием.

Вторым по яркости является признак *Совокупность правил поведения в обществе и их соблюдение* (91 реакция), связанный с поведением человека в обществе, что объясняется необходимостью ежедневной коммуникации в социуме и применением этикетных правил в повседневной жизни.

Психолингвистические значения *Значимые творческие достижения общества* и *Духовная составляющая человека* очень близки в количественном соотношении (54 и 48 реакций соответственно). Предполагаем, что это свидетельство некой взаимосвязи между духовной составляющей отдельно взятого человека и её проявлением в творчестве.

Отдельно остановимся на рассмотрении ПЛЗ *Духовная составляющая человека* и *Интеллектуальная составляющая личности* (48 и 34 реакции соответственно). Считаем, что такая количественная разница объясняется приоритетом духовности перед интеллектуальностью в сознании русского человека. К этому же мнению склоняется А. В. Грошева, говоря о том, что «для русского человека духовность всегда считалась наивысшим развитием внутреннего мира, одной из главных тем для всех писателей и мыслителей разных эпох» (Грошева А. В., 2016, 31).

Обратимся к характеристике ПЛЗ *Материальные и духовные ценности* (33 реакции). В его состав нами была отнесена реакция *материальные и духовные ценности*, отмеченная у 8 респондентов. Данный факт привлекает наше внимание, поскольку противоположные, на первый взгляд, понятия материальных и духовных ценностей в этом конкретном случае выступают единым компонентом, что говорит о том, что в сознании носителей русского языка эти понятия неразрывно связаны. Такие реакции, как *ценности* и *мировые ценности (ценности, признанные мировым сообществом)*, позволяют предположить, что речь идёт опять же о материальных ценностях.

Полученные нами экспериментальные данные указывают на то, что духовный компонент личности для носителя русского языка важнее, нежели материальный аспект, о чём свидетельствуют количественные показатели соответствующих ПЛЗ (48 в сравнении с 33 реакциями).

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для русского менталитета характерной чертой является «ненаделение» отвлечённым смыслом важных абстрактных понятий и/или их составляющих, попытка их трактовки через более «приземлённые», конкретные, доступные и близкие понятия.

Литература

1. Виноградова О. Е., Стернин И. А. Психолингвистические методы в описании семантики слова : моногр. Воронеж : Истоки, 2016.

2. Грошева А. В. Значимостный компонент концепта «духовность» в обыденном сознании носителей русского языка // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 29–33.
3. Зененко Н. В., Сон Л. П. Испанские паремии: проявление национального характера и сохранение национальной идентичности // Казанская наука. 2022. № 1. С. 122–125.
4. Морозова И. А., Селезнева К. О. Лексема воспитание в сознании носителей русского языка // Вопр. психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 69–77.
5. Селезнева К. О. Психолингвистическое исследование лексемы «Образование» // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Филология. Журналистика». 2021. № 4. С. 60–62.
6. Сергеева О. В. Национальные концепты русской культуры // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков. 2018. С. 144–149.
7. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. Saarbrücken : LAPLAMBERT Academic Publishing GmbHCo. KG, 2011.
8. Цзинь И. Несоответствие понятия культуры между русским и китайским языками в переводе // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 443–444.

КОГНИТИВНАЯ БАЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В. Р. Анисимова

*Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ЯЗЫК КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В данной статье говорится о языке как отражении национального самосознания и проблеме современной языковой личности россиянина как одного из носителей государственного языка. Данные вопросы в настоящее время стоят достаточно остро вследствие возросшего влияния средств массовой информации, социальной интеграции на просторах интернета, стремления к мультикультурности, а также других социально-политических, социально-культурных изменений, происходящих в нашей стране сегодня и оказывающих давление как на государственный язык, так и на национальную идентичность нашего народа в целом.

Ключевые слова: русский язык, национальная идентичность, языковая личность, языковая безопасность, современный россиянин, мультикультурность.

Вопросы национальной идентичности в нашем государстве стоят давно. Наиболее ярко иллюстрируют проблемы национальной идентичности события, произошедшие в 1991 году. Именно тогда – в конце XX века, после распада СССР и, соответственно, краха советской идеологии, наступило время кризиса – кризиса самоидентификации, ответов на вопрос: «Кто я?», «Кто свои, а кто чужие?». Это обусловлено тем, что некогда существовавшее государство со своими устоями, ценностями, со своей культурой и бытностью перестало существовать. В связи с этим особую важность приобрела проблема национальной идентичности и единого государственного языка как одного из инструментов её выстраивания.

Несмотря на то что многие современные исследователи до сих пор изучают губительное влияние данного исторического события на человека со стороны разрушения его социально-психологической самоидентификации и репрезентации такого слома в языке в настоящее время, мы считаем, что эта проблема немного уступает другой (не менее важной проблеме) – проблеме «бесконтрольного словесного и культурного вербования». Поясним свою мысль.

Феномен языка уникален и бесценен именно своей народообразующей способностью. При помощи языка удерживается национальная или народная идентичность, то есть способность народа правильно воспринимать и продолжать свою историю, сохранять и защищать собственную самобытность, не допускать буквальной перевербовки, то есть увлечения чужими мыслями и словами, трансформации своего языкового родового или генетического кода.

Уже относительно давно в силу экономических и торговых отношений между странами в нашу речь стали проникать варваризмы. Поначалу кальки затрагивали отдельные сферы жизни и обслуживали только малый процент людей, но с течением времени их влияние на нас, нашу речь и язык стало наиболее осязаемо. Без преувеличения можно сказать, что чужая лексика добралась даже до самой интимной сферы жизни человека – чувственной (эмотивная лексика).

Целый пласт заимствований в лексикон русскоговорящего человека пришёл из рекламы, бизнес-медиа, брендинга. В настоящее время всё меньше людей употребляют в речи слово «улучшить», на смену ему пришёл варваризм «*апгрейд*», а привычные глаголы «пропустить» и «листать» заменили новомодные «*скипать*» и «*скроллить*». Приведём в качестве примера варваризмы из сферы услуг, которые уже продолжительное время используют россияне: *грумер, лэй-мейкер, нейл-мейкер, клининг-менеджер, бизнес-коуч, аутсорсер, аниматор*. Все вышеперечисленные слова (как и многие другие) появились в языке благодаря влиянию средств массовой информации и социальной интеграции в интернете. Стоит задаться вопросом: почему же спустя время так сильно снизилась ответственность за выпускаемый в массы информационный продукт? Ведь таким образом СМИ и интернет искусственно закрепляют в сознании общества новые языковые модели и штампы с массой стилистических, синтаксических и прочих ошибок, а также избыточные заимствования.

Осмелимся предположить, что такое быстрое внедрение в нашу жизнь всего чужого происходит ещё по одной причине и скрывается в индивидуальных психологических характеристиках современного носителя языка, который принимает за стандарт и за «хорошо» всё то, что прибывает из-за границы. Новые лекарства – хорошо, новое оборудование – хорошо, но это не значит, что наплыв варваризмов в наш родной язык тоже хорошо. Приведём пример из сферы туризма. Здесь мы можем наблюдать тенденцию к полной транслитерации заимствований. Агентство из Санкт-Петербурга, предоставляющее туры, стало называться «ТрипТревел», а сервис по покупке билетов «Авиасейлс».

Ещё один яркий пример связан с едой. Редко встретишь человека, который назвал бы кулебяку кулебякой, всё заменили инородные гамбургеры и чизбургеры. Стоит добавить, что даже после замены названия

заведений быстрого питания, казалось бы, исконно русскими словами – «Вкусно и точка» – многие давали отрицательную оценку новому наименованию, а некоторые говорящие на русском языке как родном и вовсе продолжают называть такие рестораны по-старому.

Всё, что мы описали, – это социально-культурная сфера, в которой активнее всего «размножается» и быстрее распространяется инородное. Всё это, несомненно, не помогает сохранить колорит нашего народа, государства и самоидентификацию современного россиянина, который, по словам Ф. М. Достоевского, обладает «открытым языковым сознанием», а напротив, ведёт к его утрате. Такая «открытость» находит отражение и в поведении (вербальная составляющая) носителя языка, и закрепляется в лексическом фонде современного русского языка. Это лишний раз доказывает, насколько сильно могут оказывать влияние на менталитет человека варваризмы, экзотизмы, из-за которых носитель языка, возможно сам того не понимая, меняет свой язык, свою культуру на чужую.

Такая «мультикультурность», такое размывание национальных границ не может не пугать. Именно поэтому язык как один из базисных аспектов национальной идентичности в условиях настоящего информационного противоборства является мишенью информационно-психологической агрессии. В связи с чем сегодня активная защита языковой среды является важнейшим аспектом национальной безопасности России.

Литература

1. Бушев А. Б. Язык как основание и индикатор личности. URL: [https://pse.syktu.ru/publes/2\(4\)2012-147-165.pdf](https://pse.syktu.ru/publes/2(4)2012-147-165.pdf) (дата обращения: 28.01.2024).

2. Васильев С. С. Звучащие СМИ в системе языкового сознания современного общества: аспекты вербальной деятельности произведений массовой культуры и их влияние на массовое сознание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvuchaschie-smi-v-sisteme-yazykovogo-soznaniya-sovremennogo-obschestva-aspekty-verbalnoy-deyatelnosti-proizvedeniy-massovoy-kultury-i/viewer> (дата обращения: 28.01.2024).

3. Икиликян С. Г. Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-formirovanii-obscherossiyskoy-identichnosti-1/viewer> (дата обращения: 27.01.2024).

4. Казарян А. Н. Языковая политика Российской Федерации в контексте конструирования национальной идентичности / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 322–327.

5. Мухарямов Н. М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика : Энцикл. изд. М. : Весь мир, 2017. С. 677–684.

Е. А. Борзых
*Луганский государственный
университет им. В. Даля
(Алчевск, Россия)*

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КОНЦЕПТА «ТРАВА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. *В рамках современного языкознания антропоцентричность современной лингвистики является основой для исследования языка как активного фактора предметно-познавательной деятельности человека, в процессе которого возникают концепты, составляющие знания субъекта о мире. Концепт «трава» наиболее широко используется в фольклорной традиции и прочно закреплен в русском языковом сознании.*

Ключевые слова: *концепт «трава», макроконцепт, антропоцентричность, лингвокультурология.*

Одним из приоритетных направлений современного языкознания является анализ языка как важнейшего средства выражения этнического сознания, национального характера, духовной культуры народа, его картины мира. Доминирование в современной мировой лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы направляет такие исследования в область лингвоконцептологии, целью которой является описание организации и способов вербализации концептов как составляющих сознания носителей.

Антропоцентричность современной лингвистики является основой для исследования языка как активного фактора предметно-познавательной деятельности человека, в процессе которого возникают концепты, составляющие знания субъекта о мире. Язык не только формирует национальный характер народа, но и аккумулирует его опыт, отражает и сохраняет духовный мир, материальную культуру как его отдельного носителя, так и целого языкового коллектива. Поэтому языковая картина мира придает отраженной в сознании каждого человека действительности специфическую окраску.

В современной лингвистике концепт представляет собой сложное понятие, которое до сих пор квалифицируется по-разному. Существует два подхода к толкованию этого термина – лингвокультурологический (Ю. Степанов) и когнитивный (Е. Кубрякова). В общей сложности, концепт, по мнению Ю. Степанова, – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... то, с помощью чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... тот «клочок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, сопровождающий слово» (Степанов Ю. С., 2004, 40–43). Поэтому концепт считается сегодня одной из ключевых единиц лингво-

культурологии и рассматривается как многогранное культурное и социо-психическое образование в коллективном сознании, то есть «семантической единицей языка культуры, план выражения которой является двусторонним языковым знаком, линейная протяженность которого ничем не ограничена» (Воркачев С. Г., 2005, 11).

Категория лингвоконцепта включает в себя понятие образа, ей характерна метафоричность и эмотивность. Такого же мнения относительно использования концептов в художественном тексте придерживается и В. Кухаренко, отмечая, что «есть произведения без сюжета, без темы, которую можно легко выделить, но произведений без концепта нет. Воплощение социальной, нравственной, эстетической идеи – концепта – художественными средствами лежит в основе творческого процесса. Поэтому обязательно наличие концепта – концептуальность художественного текста – можно считать его основной категорией» (Кухаренко В. А., 1988, 75).

Несколько иной точки зрения придерживаются ученые лингвокогнитивного толка. Так, Е. Кубрякова понимает концепт как оперативную содержательную единицу ментальных или психических ресурсов человеческого сознания; смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления; содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания (Кубрякова Е. С., 1997, 90).

Трава является наиболее распространенным концептом, используемым в фольклорной традиции. Словарное значение слова «трава» таково: «Многолетнее или однолетнее растение с недеревеневающим, обычно мягким и зелёным невысоким стеблем» (Ожегов С. И., 2014, 1259). В контексте русской культуры фитоним трава символизирует добрые и злые силы природы; человеческие существа; молитву; тихое шептание, клятву; оберег; смерть. Это достаточно отражено в определении концепта «трава» в толковом словаре В. Даля. «Трава – всякое однолетнее растение, или растение без лесины, у которого стебель к зиме вянет, а весной от корня идет новый; сорное, дикое растение, мельче куста; всякое былье, зябь, однолетнее прозябенье, злак и зелье» (Даль В. И., 2009, 324).

Трава вызывает массу противоречивых чувств в душах людей: ее прорастание кажется простейшим процессом, но человек ничего не знает о философской сути травы, поскольку это очень сложно. В фольклорной традиции зеленая трава символизирует жизнь, молодость, добрые силы природы. С эпитетом «зеленая» трава может символизировать возраст человека, например, молодой девушки, а увядшая – печаль, болезнь и несчастливую любовь. Вялая, почерневшая трава символизирует грусть, безответную любовь, болезнь. В народных песнях зеленая трава – сухая трава могут символизировать счастливую/несчастную женскую судьбу.

Травы – это основной вид растительности степей, с которыми связан быт и культура народа на протяжении многих веков. А восприятие и осмысление современным человеком окружающей среды оказывается производным от культурно-исторического бытия народа (Вежбицкая А., 1996, 231–290). Поэтому в картине мира россиян и в XX ст. весомое место занимает макроконцепт «трава», давно вошедший и прочно закрепившийся в сознании.

Макроконцепт «трава» содержит в своей структуре большое количество концепто-составляющих, для которых общим основанием является ядро-понятие: «Растение с однолетними зелеными мягкими побегами, которые не деревенеют» (Вендина Т. И., 1998, 39–48).

Макроконцепт «трава» имеет в своей структуре понятие, характеристики качества, количества, действия, пространства и времени. Важную роль в жизни человека занимает сегмент «функциональное предназначение». Развита система символов, содержащая даже противоположные элементы.

В структуре макроконцепта «трава» насчитывается большое количество символических значений, национальные концепты вообще тяготеют к символизации, обусловленной этно-ориентированной селекцией отдельных элементов глобальной модели мира.

Группа символов связана с ассоциациями по цикличности роста травы. Во многих культурах мира трава – символ обновления, пробуждения природы.

В русском языковом сознании трава – это полноправный член растительного и, шире, природного мира, питаемый солнцем, дождем и землей, произрастающий вдали от городской суеты весной и летом, служащий кормом животным и используемый человеком в утилитарных (лекарственная) и психотерапевтических целях (удовольствие, отдых, расслабиться).

Таким образом, концепт «трава» – это одно из воплощений макроконцепта «природа», имеющий в воображении людей положительную коннотацию – тот компонент значения, включающий наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмоциональную модальность и стилистическую маркированность.

Литература

1. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–290.
2. Вендина Т. И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование. М. : Индрик, 1998. Т. I.
3. Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии. Волгоград, 2005. Т. 1. С. 10–13.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009.
5. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студ. М. : Просвещение, 1988.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2014.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академ. проект, 2004.

Е. В. Волкова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

КОНЦЕПТЫ *GEZELLIGHEID* И *HUGGE* КАК ОСНОВА НИДЕРЛАНДСКОЙ И ДАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы, имеющие отношение к особенностям национального мироощущения в контексте взаимообусловленности концептов и культур, также рассматриваются трудности, возникающие у представителей определенного культурного кода при реализации коммуникативного процесса и его верного восприятия. За базовую составляющую была взята семантическая способность концепта репрезентировать уникальные, принадлежащие определенной национальности, черты этнического характера участников коммуникации лингвокультурного социума. В качестве основы для анализа в статье были изучены концепты *HUGGE* и *GEZELLIGHEID*, воплощающие в себе национальную идентичность и самобытность жителей Дании и Нидерландского королевства.

Ключевые слова: культурологический концепт, категоризация, концептуализация, языковая и понятийная картины мира, концептуальная сущность, лингвокультурная среда.

Основной доминантой когнитивной лингвистики как раздела, изучающего корреляцию языка и сознания, является утверждение о том, что в мышлении любого носителя культурного кода существует связь между языком и национальной культурой. Концептосфера той или иной нации включает в себя особенности культуры и истории народа, получающие отражение в языке и входящие в семантическое поле языка. По мере развития когнитивной лингвистики появляется интерес

к проблемам семантической сферы языка и языковой картины мира. Тем не менее И. А. Стернин и З. Д. Попова считают, что термин «концептосфера» следует отделять от термина «семантическое пространство языка», в связи с тем, что данное понятие, в первую очередь, имеет отношение к мышлению, имея в качестве составляющих «мыслительные картинки, схемы, понятия, фреймы и т. д., обобщающие разнообразные признаки внешнего мира» [Попова, Стернин 2007: 12], в то время как семантическое пространство языка относится только к части концептосферы и находит свое выражение при помощи языковых знаков.

Каждая культура обладает определенными уникальными характеристиками на концептуальном уровне, а представитель того или иного лингвокультурного поля анализирует и осмысливает всю поступающую информацию. Лингвокультурная формация играет одну из ключевых ролей в распространении и определении универсальных концептов. В нидерландском и датском языках концепты «GEZELLIGHEID» и «HYGGE» воспроизводятся множеством своих воплощений на разных уровнях, являясь, на наш взгляд, одними из основополагающих концептуальных регуляторов-компонентов датского и нидерландского национального самосознания и национального культурного пространства. По мнению В. А. Масловой, культурное пространство – это своего рода «информационно-эмоциональное поле», в котором человек присутствует. Оно становится осознаваемым при столкновении с явлениями иной культуры. [Маслова 2008: 42]. Исследователь считает, что определенная картина мира того или иного субъекта отражается в концептах, соединяющих в себе все принципиально важные и существенные знания человека о мире, в которых отброшены все «несуществующие представления» [Маслова 2008: 43]. В связи с тем, что «HYGGE» и «GEZELLIGHEID» являются крайне важными понятиями для нидерландской и датской культур, в нашей работе мы будем относить их к ключевым концептам. В. А. Маслова считает ключевые концепты базовыми единицами характерными как «для отдельной языковой личности», так и для «лингвокультурного сообщества в целом» [Маслова 2008: 49]. Итак, рассмотрим нидерландский культурный концепт Gezelligheid. В словарях он трактуется как голландское понятие, которое, в зависимости от контекста, можно перевести как «праздник», «уют», «веселье». Его часто используют для описания социальной и непринужденной ситуации. Оно также может указывать на принадлежность, время, проведенное с близкими, встречу со старым другом или просто общее единение, которое вызывает у людей теплые чувства. A common feature to all descriptions of the concept gezelligheid is an abstract and general sense of individual's well-being that people typically share with other individuals. All the descriptions contain a positive atmosphere, flow or vibe that shows the person's experience in a favorable way. Чтобы лучше понять значение

термина, несколько жителей Нидерландского королевства были опрошены по поводу их личного понимания «GEZELLIGHEID»:

© Виллемейн Фейфер. «Перевести gezelligheid очень сложно. Это может быть кухня в доме, где вы проводите время с друзьями, или кафе за бокалом вина с близкими людьми, также это может быть приключение в путешествии с друзьями, которым можно поделиться. Если рядом есть нужные люди, все может стать gezellig, даже уборка в вашей квартире».

© ВоутерМулдерс. «Все, что может заставить людей улыбаться и проводить свободное время вместе, подшучивая, – это gezelligheid. Однако когда мы говорим о хюгге, то чаще всего мы имеем дело со своего рода сезонным уютом, и очень часто он ассоциируется с зимним временем года, при этом gezelligheid актуален во все времена года».

Необходимо отметить, что сами голландцы подчеркивают разницу между концептами, указывая на так называемый «зимний» характер хюгге.

В самом начале «The little book of hygge» М. Викинг приводит примеры значения термина, такие как «комфорт души», «уютное единение», «какао при свечах» [Wiking 2016: 7]. Для подтверждения описания зимней составляющей HYGGE приведем пример из книги. Автор описывает компанию молодых людей, проводящих время вместе в уютном маленьком домике, треск поленьев и шерстяные носки у камина. «И один из моих друзей нарушил тишину. – Можно ли было бы почувствовать больше hygge, – риторически спросил он.

– Да, – тут же ответила одна из девушек. – Если бы за окном бушевала метель. Мы все кивнули» [Wiking 2016: 7].

Таким образом, в отличие от голландского gezelligheid датский концепт hygge отсылает к внутреннему состоянию индивида и имеет сезонный хаактер, хотя ему и присущ приблизительно тот же синонимический ряд при определении дефиниции. The concept of hygge (hyggelig) in Denmark deals with finding comfort, vibe, warmth and pleasure in simple things such as a cozy atmosphere or feeling of friendship. The synonyms of hygge are: happiness, coziness, charm, safety, familiarity, comfort, reassurance, simplicity. Голландский же концепт имеет дуальную характеристику, направленную как вовне, так и на уют внутри дома. GEZELLIGHEID апеллирует к состоянию уюта «cozyness» при нахождении в компании с отсылкой к какой-либо социальной ситуации. Таким образом, голландский gezelligheid как один из ключевых регулятивных элементов нидерландской культуры выражается огромным количеством способов своей репрезентации в нидерландском обществе, один из которых может быть описан авторами как уютный индивидуализм наряду с проявлением толерантности и глубокого уважения к миру и поведению других людей.

На данный момент концепты *gezelligheid* и *hygge* являются базовыми (ключевыми) в датской и нидерландской культурах, это сложные культурные сущности, в которых находит отражение внутренняя сокровенная жизнь человека. В их дефиниции входят как материальные составляющие, имеющие отношение к чувству комфорта, так и социальные маркеры, включающие в себя естественное дружеское общение. В концептах *gezelligheid* и *hygge* имплицитно существует необходимость в наличии индивидуального уютного и неприкосновенного личного пространства. В заключении необходимо указать на то, что между мышлением и языком существует тесная и глубокая связь, на которую указывал еще Вильгельм фон Гумбольдт. Ученый считал язык отражением духа нации, прослойкой между действительностью и мышлением, отражающей образ жизни и основные духовные приоритеты, говорящих на нем людей. Таким образом, исследуя концептосферы определенных наций, мы можем постичь картины мира другой нации.

Литература

1. Вишнякова О. Д., Липгарт А. А. Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 74–77.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Вишнякова О. Д. Анализ культурного концепта в контексте «фамильного сходства» // Вестн. Помор. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 2. С. 43–48.
4. Терешко Е. В. Культурная ДНК Нидерландов. М. : Макс пресс, 2020.
5. Ella Frances Sanders. Lost in Translation: An Illustrated Compendium of Untranslatable Words from Around the World. Berkeley: Ten speed press, 2014.
6. Wiking M. The little book of hygge. Penguin Life, 2016.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия», 2001.
8. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : ТетраСистемс, 2008.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж : Истоки, 2007.

ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа семантики и употребления языковых единиц предпринята попытка сопоставления представлений, характеризующих национальную и региональную идентичность; выявлены сходства и различия в понимании нравственного идеала воина, отраженные в региональном и общерусском текстах.

Ключевые слова: лексическая семантика, идентичность, эмотивность, нравственный идеал.

Понятие «идентичность» относится к числу интегральных и определяет научный поиск психологов, социологов, политологов, культурологов, философов и лингвистов. В работах исследователей идентичность рассматривается как сложное, многокомпонентное явление или явление, имеющее многоуровневую структуру, и получает такие уточняющие определения, как «социокультурная», «этническая», «национальная», «региональная», «религиозная», «гражданская» и др.

В рамках лингвистической науки наиболее востребованным оказывается понятие «национальная идентичность», поскольку его изучение сопряжено с анализом языковой картины мира, языкового сознания нации. В этой связи язык рассматривается как главный инструмент формирования национальной идентичности.

В последние годы в работах языковедов встречается термин «региональная идентичность», под которым понимается «комплекс репрезентированных различными знаковыми средствами представлений лингвокультурного сообщества о собственной самобытности, уникальности в рамках противопоставления одной локации другой» (Токарев Г. В., 2022, 174).

Поскольку идентичность мыслится как нечто ситуативно обусловленное, в различных контекстах и текстах возможно наблюдать взаимодействие национальных и региональных характеристик, установление соотношения которых представляет особый интерес.

Одним из значимых конституирующих элементов национальной и региональной идентичности являются представления о нравственном идеале (подробнее см.: Дмитриева Е. Г., 2018), которые находят отражение в текстах различной стилевой и жанровой отнесенности. При этом важное место в характеристике высшего образца человеческой личности занимает эмоционально-чувственная сфера, для описания которой используется лексика эмоций.

В центре нашего внимания находятся отраженные в текстах представления о нравственном идеале воина. Источником материала для анализа выступили «казачьи сказки», изданные В. В. Когитиным, а также «Житие Феодора Ушакова».

Волгоградская область является одним из центров казачьей культуры, здесь образ казака воплощает народный идеал защитника Отечества. В его характеристике отчетливо выделяются такие важные черты, как отношение к службе (например, в сказке «Султанская дочь» молодой казак Родион, впервые оказавшийся в гуще военных действий, стремится заслужить уважение старших сослуживцев, тогда как антагонист главного героя-казака в сказке «Оборотень», колдун, вводится в повествование краткой и емкой характеристикой: *Действительную Жогша не служил* (Когитин В. В., 1996, 30)); уважительное отношение к старшим; отзывчивость и готовность помочь, защитить слабых, сирот и бедствующих (на этом построены сюжеты сказок «Сужен-ряжен», «Оборотень» и других); настойчивость и твердость в выполнении принятого решения, порой упрямство. Помимо перечисленных качеств, важной составляющей портрета казака становятся чувства, которые он испытывает.

Доминирующим в эмоциональном тоне сказки «Сужен-ряжен» является чувство страха, которое испытывает в ходе развития действия каждый персонаж. Для наименования этого чувства в каждом случае повествователь использует специфические языковые средства, различая тонкие оттенки данного переживания, что позволяет создать яркие образы. С этой точки зрения можно выделить три группы глаголов.

К первой группе относятся глаголы эмоций, характеризующие положительных героев – сестрицу Аленушку и братца Иванушку. Так, в нее входит нейтральная в стилевом отношении лексема *испугаться*, имеющая в современном русском языке прямое значение ‘почувствовать испуг, боязнь’ (МАС, I, 685). В таком значении данный глагол характеризует причину отрицательной эмоции средней степени интенсивности.

Помимо глаголов в прямом значении для описания состояния страха могут использоваться и метафорические обороты, например: *Страх Иванушке кожу ободрал* (Когитин В. В., 1996, 20). Глагол *ободрать* имеет прямое значение ‘содрать со всех сторон, со всей поверхности чего-либо верхний слой, покров и т. п.; снять шкуру с кого-либо’ (МАС, II, 552); в этом значении он может быть отнесен к лексико-семантической группе глаголов повреждения неодушевленного / одушевленного объекта. В контексте объектом выступает конкретное одушевленное существительное – *Иванушка*, субъект же действия выражен абстрактным неодушевленным существительным – *страх*. Подобный метафорический перенос приводит к реализации в рассматриваемом отрывке семантики приведения субъекта в эмоциональное состояние, не зафиксированной для данного глагола в словарях. Такое употребление глагола позволяет автору показать особую интенсивность эмоционального переживания за счет ассоциативной связи между страхом и диким зверем.

Ко второй группе можно отнести глаголы и глагольно-именные сочетания, характеризующие отрицательных героев – *барина* и *купчину*, которые получают негативную оценку потому, что, заботясь о собственном благе, отказывают в помощи сиротам, радушно принявших их в непогоду. Эмоциональные переживания данных персонажей имеют высокую степень интенсивности, их описания полны художественной образности и иронии: для создания их характеристики автор использует просторечный глагол *зайтись*, диалектную лексику *заколodить*, разговорное слово *продрать*.

Третью группу составляют глаголы, описывающие эмоциональные переживания казака Завьяла. В отличие от других персонажей, он не испытывает чувство страха, для передачи его состояния сказитель использует описательный оборот *горестъ забирает* (Когитин В. В., 1996, 22).

Сложные эмоциональные чувства героя передаются с помощью простого сопоставления двух контрастных наречий: *Боязно казаку и весело, потому что за христианскую душу стоит* (Когитин В. В., 1996, 23). Вообще веселье и отвага являются одними из важных составляющих характера воплощенного в сказках идеального образа, казак смеется в лицо горю и печали. Еще одной определяющей чертой данного образа является ориентация на народное представление о нравственности, неотъемлемой частью которой является вера в Бога. В связи с этим особенно важной является упомянутая в контексте причина переживаний казака – *потому что за христианскую душу стоит*, а также композиционное построение сказки, строящееся на борьбе казака с чертом.

Смелость, бесстрашие, которые демонстрирует Завьял в противоборстве с нечистой силой, становятся в сказках определяющей чертой характеристики поведения казака и во время военных действий. Так, в сказке «Казак Чигин» заглавный герой не задумываясь приходит на выручку своим однополчанам, попавшим «в гибельные места» и оставшимся без провианта. Пословица, произносимая Чигиным (*Смелство кандалы трет, смелство мед пьет*), – это не бахвальство. Встретившись в степи с неприятелем, казак отважно скачет ему навстречу.

В сказке «Митяй – казак бесстрашный» страх становится самостоятельным персонажем, антагонистом главного героя. С самого детства Митяй своего противника не щадил, не поддавался страху казак и на поле боя: *Чует Митяй, что-то тревожит его, не по себе ему чего-то* (Когитин В. В., 1996, 148). Интересным для нас является употребленный в приведенном контексте глагол *тревожить*. В современном русском языке он имеет прямое значение ‘приводить в состояние тревоги, беспокойства, волнения’ (МАС, IV, 402). В таком значении данная лексема характеризует отрицательное эмоциональное состояние низкой степени интенсивности. Таким образом, даже в критической ситуации страх не смог заставить казака испытать испуг.

Именно чувство страха является одним из определяющих в характеристике Феодора Ушакова. При описании подвижника автор Жития

использует существительные *бесстрашие*, *неустранимость*, глагол *отваживаться*. Храбрость подвижника-воина, защитника интересов родной земли как важная часть религиозно-нравственного идеала оказывается тесно связана с милосердием, человеколюбием, состраданием (ЖФУ, 2004, с. 20–21).

Таким образом, представления о нравственном идеале воина, выраженные в рассмотренных текстах лексикой эмоций и отражающие региональную и национальную идентичность, обнаруживают как общие составляющие, так и различные. К общим элементам может быть отнесены бесстрашие, отвага. Различительными элементами выступают лихость, веселье, свойственные казаку, и милосердие к врагам, характеризующее святого.

Литература

1. Дмитриева Е. Г. Религиозно-нравственный идеал в современных агиографических текстах: лингвистическая характеристика // Научный диалог. 2018. № 12. С. 64–74.
2. Житие Феодора Ушакова // Житие святого праведного воина Феодора Ушакова. Рождество-Богородичный Санаксарский монастырь, 2004. С. 3–32 (ЖФУ).
3. Когитин В. В. Сказки-пересказки. Волгоград : Перемена, 1996.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999 (МАС).
5. Токарев Г. В. Вопросы изучения символика региональной идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2022. Т. 21. № 6. С. 173–182.

И. В. Ерофеева

*Казанский федеральный университет
(Казань, Россия)*

М. А. Пильгун

*Российский государственный социальный университет
(Москва, Россия)*

ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БАЗОВЫХ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО НАРОДА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается семантический и функциональный статус лексем *вера*, *правда*, *истина*, репрезентирующих наиболее значимые понятия национальной идентичности русского народа, в древнерусском языке. Исследование проводится на материале древнейшего оригинального памятника письменности – «Повести временных лет», что позво-

ляет показать пути развития значения общеславянских лексем, получивших новое содержание в связи с распространением христианского вероучения и ставших обозначениями базовых религиозно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: национальная идентичность, нравственная категория, ценности, летопись.

Истоки формирования национальной идентичности русского народа зарождались в эпоху средневековья. Уже в тот период закладывались основополагающие принципы национального самосознания, во многом определявшиеся христианским мировоззрением. Принятие христианства как основной религии восточных славян сыграло решающую роль в формировании системы ценностных ориентиров, особенностей миропонимания и взглядов на жизнь русского народа.

В основе национальной идентичности заложены базовые ценности, большинство из которых носит традиционный характер: *вера, правда, справедливость, мир, свобода, единство* и другие. Смысловое содержание этих ключевых для русского народа понятий может видоизменяться вместе с развитием общества, сменой социальных укладов, преобразованием религиозных концепций.

Представление о путях развития этих понятий в древности можно реконструировать, опираясь на древнерусские письменные памятники, заключающие в себе важнейшие сведения по истории формирующегося русского государства. Объективной материальной базой для понимания того, как в коллективном языковом сознании формируется образ своего народа, является язык (Зиновьева Е. И., 2020, 23). Осмысление русскими национальной идентичности происходит через осознание своего места в истории народа, русской культуры и русского общества в целом. Как отмечают исследователи, чтобы осознать свой путь развития, собственное Я необходимо «заглянуть» в глубь веков, понять динамику своего развития (Каргаполов Е. П., 2015, 122).

Богатейший материал для понимания истоков национального самосознания дают древнейшие оригинальные памятники письменности, к числу которых относятся летописные своды. В текстах летописей отразились формы восприятия внеязыковой действительности представителями восточнославянского этноса. Они создавались в эпоху подъема общего народного самосознания в первой половине XI века, когда закладывались основы русской церковной и государственной самостоятельности, русской книжности и русского летописания (Лихачев Д. С., 1947, 47–48). В период христианизации Руси, в связи с притязаниями Византийской империи на осуществление полного контроля над Русским государством, происходила борьба за сохранение своей духовной культуры. Ярослав Мудрый проводил политику самостоятельности русского народа, и все созданные в это время памятники были написаны в русле этой главной идеи, поэтому и русская летопись отличалась вы-

сокой идейностью. Летопись занимала среди других памятников письменности своего времени особое место и по разноплановости вошедших и в нее произведений различных жанров, и по широте охвата событий, и по особенностям языковой организации.

Заложенные в летописном тексте идейные принципы находят свое воплощение в соответствующих языковых формах. Базовые понятия христианского вероучения, ставшие основой представлений о нравственности вообще, получают в оригинальных произведениях особую фиксацию. Многие из слов, называющих наиболее значимые ценностные представления русского народа, имеют дохристианское происхождение, но в новых социокультурных условиях приобретают религиозно-нравственное содержание. Происходит расширение значения таких общеславянских лексем, как *вѢра*, *миръ*, *свѣтъ*, *грѣхъ*, *истина*, *правда* и др.

Среди понятий, составляющих основу национальной идентичности русских людей, одно из главных мест занимает понятие «вера». Лексема *вѢра* имеет дохристианское происхождение и подвергается процессу терминологизации в процессе приобщения русского народа к христианскому вероисповеданию. В статье известного российского палеослависта Е. М. Верещагина «У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием термин творчества» подробно рассматривается процесс формирования новой терминосистемы (Верещагин Е. М., 1982). Язык стал основным проводником новой христианской культуры, и многие исконно славянские лексемы оказались способными к передаче глубинных смыслов христианского вероучения. Так, слово *вѢра* в результате семантических приращений к древнему значению становится религиозным термином. Являясь родственным латинскому слову *veritas*, обозначавшему «истина, правда», слово *вѢра* стало наименованием одного из центральных понятий христианства. В языковой картине мира средневековья религиозная вера не просто приобрела характер нравственного закона, но и стала выступать как объединяющая и консолидирующая сила, обладающая большим идеологическим воздействием.

Материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» демонстрируют смысловое развитие данной лексемы от древнейшего значения индоевропейского корня **ver-*, связанного с представлениями об истинности, правдивости, к значению отвлеченного действия «верование (поклонение истинам, догматам; идолам, божествам)». В данном значении отражаются древнейшие языческие культовые воззрения, в недрах которых зарождалось убеждение в значимости сверхъестественных сил и их существенном влиянии на жизнь людей. На базе этого значения формируется терминологизированное «вера, вероисповедание, религия». Кроме того, в древнерусском языке слово *вѢра* выражало значение «доверие» и утраченное позже «присяга, клятва» (СРЯ XI–XVII, 1975, вып. 2, 79–80).

В тексте наиболее значимой русской летописи – «Повести временных лет» – лексема *вѢра* выступает в своих различных значениях. В по-

годных статьях, связанных с народно-разговорной традицией, она реализует значение «доверие», лишенное религиозного компонента: «*И рекоша не имуть вѢры наши князи. аще не ядят сами*» (ПВЛ, 997 г.) «*Давыдъ же емь вѢру лживым словесемь*» (ПВЛ, 1097 г.).

Слово *вѢра* и однокоренные к нему образования используются в летописи и для называния языческих верований. В «Договоре русских с греками»: «*Азь же и со мною и подо мною, да имѢемъ клятву от Бога, в неже вѢруемъ – в Перуна и въ Волоса, бога скотья*» (ПВЛ, 971 г.). В погодной статье, в которой рассказывается о выборе вер князем Владимиром, осознавшим необходимость установления общей религии для идейно-культурной консолидации различных племен Киевской Руси и усиления международного авторитета страны, слово *вѢра* и соответствующий глагол *вѢровати* используются для номинации различных вероисповеданий. Они выступают при характеристике мусульманства, иудаизма, католичества: «Рече Володимирь: «*Кака есть вѢра ваша?*» Они же рѢша: «*ВѢруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить*»; «*Хрестьяни бо вѢруютъ, егоже мы распяхомъ, а мы вѢруемъ едину Богу Аврамову, Исакову, Ияковлю*» (ПВЛ, 986 г.). И, наконец, в погодных статьях, повествующих о выбранной и принятой Владимиром и утвердившейся на Русской земле как основной христианской вере по греческому обряду, реализуется значение «вера в Христа». Так, при описании заслуг Ярослава Мудрого: «*И при семь нача вѢра крестьяньская плодитися и раширятися, и чернорисци поча множитися, и монастыреве почеху быти*» (ПВЛ, 1037 г.). Соответствующую семантику приобретают и многочисленные производные от основы *вѢр-* дериваты. В частности, прилагательное *вѢрными* выступает в устаревшем ныне значении «верующий»: «*Сии же Ярославъ, сынъ Володимеръ, насѢя книжными словесы сердца вѢрныхъ людиши*» (ПВЛ, 1037 год); «*Крестомъ огражени вѢрнии челоуѣци и побѢжають супостаты противныя, крестомъ бо въскорѢ избавляетъ от напасти призывающимъ его с вѢрою*» (ПВЛ, 1068 г.). В составе устойчивой синтаксической конструкции *съ вѢрою* в значении сопровождающего обстоятельства *вѢра* приобретает значение нравственного закона, имеющего охранительный характер и выступающего в качестве гаранта всех положительных свершений и побед русских людей.

Не случайно синонимом к слову *вѢра* в его древнем значении является слово *истина*. В связи с распространением христианского верования оно также становится наименованием одной из важнейших и наиболее значимых религиозно-нравственных ценностей. В структуре данного имени уже в древнерусском языке четко выделялся формант *-ина*, относившийся к древнейшему деривационному фонду и реализовавший различные значения в составе производных имен. Производящее прилагательное *истыи* имело значение «истинный, подлинный, настоящий» (СРЯ XI–XVII, 1979, вып. 6, 339), а потому уже в его се-

мантике было заложено морально-нравственное содержание. С общепhilософской точки зрения истина рассматривается как существующая объективно, независимо от субъекта и его воззрений действительность, в христианском же понимании истина соотносится с признанием самой личности Иисуса Христа: «*К сим едино крещеніе исповѣдаю водою и духомъ, приступаю къ пречистымъ тайнамъ, вѣрую въ истину тѣло и кровь*» (ПВЛ, 988 г.). Сочетание *истиньныи Богъ* употребляется в летописи для подчеркивания правильности выбора Владимира из предлагавшихся ему религий: «*Люди сия новыя, имже обратилъ еси сердца в разумъ, познати тебе, истиньнаго Бога*» (ПВЛ, 996 г.)

К числу мировоззренческих принципов русского народа, ассоциируемых с его национальной идентичностью, относится также понятие «*правда*». Лексема *правьда* является общеславянской по происхождению и связывается с прилагательным *правый* в значении «истинный». Этимологи рассматривают данное слово параллельно с существовавшим в древности *кривьда*, образованным по той же модели с суффиксом *-ьд(а)* от основы прилагательного *кривой*, и имевшим противоположный смысл «ложь, несправедливость». Развитие значения слов *вѣра* и *правьда* во многом шло схожими путями – в древности они реализовывали юридическую семантику, позже становились ключевыми терминами религиозного дискурса, а в дальнейшем и общекультурного (Толстая, 2016, 386). Оба слова принадлежали к языческой культуре, в недрах которой формировалось представление о справедливости, поэтому первоначально они были правовыми терминами.

Однако в дальнейшем происходит их размежевание в функциональном отношении: *вѣра* закрепляется за религиозными контекстами, а *правьда* становится базовой этической категорией русского менталитета. Материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» фиксируют разветвленную систему значений слова *правьда*, среди которых ряд значений юридического характера: «*правота, отсутствие вины*», «*установление, правило, закон, свод законов*», «*договор, условия договора*», «*обет, обещание*» «*право, права*» (СРЯ XI–XVII, 1992, вып. 18, 97–98). Так, в начальной части летописи при описании вражды племен: «*И не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша*» (862 г.); «*Аще бо кая земля управитъ предъ Богомъ, поставляетъ цесаря и князя правѣдна, любяща судъ и правду*» (ПВЛ, 1015 г.).

С другой стороны, происходит развитие значения слова в направлении обозначения качеств, значимых с точки зрения религиозных предписаний: «*справедливость как свойство праведника; праведность, благочестивость*», «*справедливость как соответствие требованиям морали*», «*праведные деяния*», «*исполнение божественных заповедей, долга*» (СРЯ XI–XVII, 1992, вып. 18, 96): «*Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго*» (ПВЛ, 1015 г.); «*Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду, поиде къ Мѣньску*» (ПВЛ, 1116 г.).

Таким образом, материалы древнерусских летописей позволяют реконструировать систему ценностных представлений древнего русича, воспроизвести пути семантического развития лексем, называющих наиболее значимые религиозно-нравственные понятия.

Литература

1. Верещагин Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминовтворачества // Вопр. языкознания. 1982. № 6. С. 105–114.
2. Зиновьева Е. И. Русская национальная идентичность в лингвокультурнографическом фокусе (на материале прилагательных, номинирующих черты личности человека) // Профессорский журнал. Сер. «Русский язык и литература: изучение и преподавание». 2020. № 1 (1). С. 23–26.
3. Каргаполов Е. П. Русская национальная идентичность: вопросы теории // Евразийский союз ученых. Философские науки. 2015. № 7-3 (16). С. 122–125.
4. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
5. ПВЛ – Повесть временных лет / подготовка текста, пер. и коммент. О. В. Творогова. Электронные публикации Ин-та русской литературы. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869>
6. СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН, Ин-т русского языка. М. : Наука, 1975–2006. Вып. 1–27.
7. Толстая С. М. Вера и правда: к истории понятий // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 3 (9). С. 377–389.

Е. В. Жбанкова

*Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Актуальные гуманитарные науки уделяют огромное внимание рассмотрению и изучению понятия «социокультурная идентичность», особенно с использованием не совсем стандартных и привычных характеристик культурного типа изучаемого общества, таких как определение уровня развития физической культуры. В данном случае будем говорить об отечественной социокультурной идентичности, в основу*

понятия которой легли представления выдающихся теоретиков и практиков физической культуры, и которые стали основой русской дореволюционной и советской физкультурной школы.

Ключевые слова: самоидентичность, система, школа, физическое воспитание, физическое образование.

Социокультурная идентичность определяется как осознание человеческой личностью своей принадлежности к той или иной культуре. Актуальные гуманитарные науки уделяют огромное внимание рассмотрению и изучению понятия «социокультурная идентичность», так как в условиях постоянно идущей глобализации и стирания граней между этносами только она позволит современному обществу сохранить самобытные культурные особенности нации (Люббе Г., 1994).

Большую роль в этом процессе могут сыграть не совсем стандартные и привычные характеристики культурного типа изучаемого общества. К подобным характеристикам общества относится становление и уровень развития физической культуры.

Весь советский период отечественной истории, когда и произошло в целом становление отечественной физкультуры и спорта, идеология и политика были неразрывно связаны между собой. Власть активно вмешивалась и в профессиональный спорт, и в спортивный досуг граждан СССР, сознательно формируя тем самым понятие советской идентичности. Изучение этого процесса представляется актуальным и имеет несомненный научный интерес в связи с поиском новых путей взаимодействия власти и общества, с перспективами развития программ по оздоровлению нации (Пономарев И. Е., 2006).

Но говорить о физкультуре с точки зрения социокультурной идентичности невозможно без подробного ознакомления с дореволюционными программами физического развития граждан Российской империи, которые легли в основу будущих советских программ.

В 2024 году исполняется 115 лет со дня ухода из жизни Петра Францевича Лесгафта. Это имя чаще всего вспоминают в связи с развитием русского спорта. Однако вклад Лесгафта в развитие физической культуры гораздо шире, он, по существу, является основоположником отечественного физического воспитания и образования в целом и поэтому одним из разработчиков понятия «отечественная социокультурная идентичность».

Петр Францевич Лесгафт служил в Главном управлении военно-учебных заведений консультантом по вопросам правильной постановки физической подготовки в военно-учебных заведениях и в армии. За годы работы в военном ведомстве (1874–1886) Лесгафт разработал программы для различных возрастных групп (от 10 до 18 лет), по которым проводились занятия физическими упражнениями в ряде учебных заведений.

В 1890-е годы Лесгафт много внимания уделяет разработке и популяризации своей системы физического воспитания. Через созданные им и его учениками общества содействия физическому развитию устраивались детские площадки для игр, катки для детей и взрослых в Петербурге и других городах России. На средства, собранные учениками, при поддержке передовой русской общественности Лесгафт основывал ряд научных и учебных заведений. В 1896 г. Лесгафтом были открыты курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, представлявшие собой частное высшее женское учебное заведение, которое готовило специалистов по физическому воспитанию. Это было первое в мире высшее женское учебное заведение, которое готовило специалистов данного профиля.

Что же представляет собой система физического воспитания Лесгафта? Она во многом основывалась на критическом отношении к широко распространенной во второй половине XIX века гимнастике, представленной тогда двумя основными видами: шведской и немецкой (Лесгафт П. Ф., 1988, 234).

Лесгафт настаивал на том, что главной целью физического воспитания является формирование характера и воли человека при помощи испытаний, а не нарочитая тренировка каких-то отдельных групп мышц. Именно в этой позиции и кроется основной смысл системы Лесгафта, а впоследствии и смысл отечественной самоидентификации.

В конце XIX века Лесгафтом были разработаны правила, на которых, по его мнению, должно было основываться преподавание гимнастики в учебных заведениях:

1. Физические упражнения должны быть доступны для всех без исключения, независимо от природных данных конкретного ребенка, и быть соразмерными с силами учеников.

2. Физические упражнения должны стремиться к гармоническому развитию всех жизненных сил ребенка, а главное, необходимых личностных качеств характера.

3. Физические упражнения в школах должны служить по возможности отдыхом и даже удовольствием после умственного труда.

Можно сказать, что именно на этих положениях основывается понятие отечественной социокультурной идентичности, так как они применимы ко многим сторонам жизни человека.

Лесгафтом был написан целый ряд трудов, в числе которых несколько программ для преподавания гимнастики для различных возрастных групп как в военно-учебных заведениях, так и для девочек (Лесгафт П. Ф., 1875).

До 1890 г. по этим программам проводились занятия физическими упражнениями в 12 военных гимназиях, в подготовительных классах Пажеского корпуса и в учительской семинарии военного ведомства. Что

касается программы для девочек, то она была введена в учебный курс позднее и в малом количестве учебных заведений. Известно точно, что по программе Лесгафта девочки занимались гимнастикой в гимназии М. Н. Стоюниной в Петербурге в 80-е годы XIX века.

Более основательно представления Лесгафта о гимнастике для девочек были реализованы на курсах воспитательниц и руководителей физического образования, организованных им в 1896 году (Лесгафт П. Ф., 1896).

В первом наборе на курсы в 1896 г. было 109 слушательниц. Из них 35 человек представляли петербургские гимназии и институты, 26 учебные заведения Сибири и восточных губерний, 21 губернии средней полосы России, 11 южные губернии, шесть человек Кавказ, десять западные и северные губернии. Несмотря на то, что на курсы поступали лица, окончившие средние учебные заведения, все слушательницы, как было отмечено в отчетах, оказались недостаточно подготовленными, особенно по дисциплинам, связанным с телесным движением (Лесгафт П. Ф., 1988, 379).

Деятельность Лесгафта по открытию курсов для женщин доказывает, какое огромное значение он придавал физическому развитию девочек. Содействуя организации женских средних учебных заведений нового типа (гимназия М. Н. Стоюниной), Лесгафт стремился утвердить в них принципы научности, всестороннего развития, связи с жизнью в области именно физических упражнений. Он дискутировал с другими теоретиками физического воспитания как раз в вопросе о женской гимнастике. Изучив труд известного французского исследователя вопросов физиологии Ф. Лагранжа «Гигиена физических упражнений детей и молодых людей», он, соглашаясь с большинством идей автора, серьезно критиковал позицию Лагранжа именно в вопросе женского физического развития. «Совершенно непонятно и несогласно с санитарными и гигиеническими требованиями мнение г. Лагранжа о физическом развитии женщин. По его мнению, «танцы, прыгание через веревочку, игры и прогулки на чистом воздухе – вот вся гимнастика женщин» (Лагранж Ф., 1890). Лагранж считал, что женщина не создана для работы и усилий, что она не способна к атлетической гимнастике. Лесгафт был категорически не согласен с этим, говоря, что подобное заключение неверно ни с точки зрения особенностей мышечного строения женского организма, ни с точки зрения санитарных требований (Лесгафт П. Ф., 1988, 295).

Лесгафт считал, что во всех учебных заведениях, и женских, и мужских, должны быть приняты сходные программы физического развития, суть которых одна – дать ребенку физическое образование.

Главная задача физического образования, по Лесгафту, состоит в том, чтобы приучить молодого человека к работе, научить его как можно проще и непосредственнее справляться с любыми жизненными

препятствиями, применяя столько физической и нравственной силы, сколько для этого нужно. Чтобы решить подобную задачу, нужно путем физического воспитания сформировать в ребенке, в первую очередь, целый комплекс нравственных качеств, главными из которых являются воля и ответственность. Определенная система физических упражнений лучше всего, по Лесгафту, справится с воспитанием этих важных черт характера. Физическое образование и воспитание, в целом, кардинально отличаются по своим задачам и методам применения от обыкновенных физических упражнений, преследующих только гигиенические цели и просто содействующих развитию сил и физического здоровья ребенка. В школе, по мнению Лесгафта, необходимо было, прежде всего, руководствоваться общими педагогическими задачами, в числе которых находились как умственные, так и физические. Только при посредстве физического образования и воспитания молодой человек «сможет научиться действовать сознательно, работать настойчиво, с возрастающим напряжением; при этом он учится распределять свою работу по времени» (Лесгафт П. Ф., 1988, 329).

Под термином «физическое образование», в конечном счете, понималось психофизическое формирование личности, главным педагогическим задачам которого была подчинена вся система физических упражнений Лесгафта. Гармоничное всестороннее развитие человеческого организма должно было составлять общую цель воспитания и образования, задачи которых только в частности отличались между собой. Воспитание, в том числе и физическое, должно было способствовать выработке нравственных качеств человека. Под образованием имелось в виду систематическое умственное, эстетическое и физическое развитие, которое должно было «приучить молодого человека разбираться в получаемых им из окружающего мира ощущениях и впечатлениях, и на основании правильно сделанных выводов уже действовать» (Лесгафт П. Ф., 1988, 235).

Лесгафт утверждал, что сочетание развитой умственной деятельности со слабым телом есть нарушение общей гармонии личности, которое не проходит бесследно. В неразвитом теле даже при наличии сильного интеллекта не хватит энергии для последовательной проверки идей и настойчивого проведения и применения их на практике. В подобных случаях вследствие преобладающего развития одних органов в ущерб другим нарушается деятельность организма, отправления которого становятся ненормальными (Лесгафт П. Ф., 1988, 234).

Идеи Лесгафта о «физическом воспитании» и «физическом образовании», безусловно, интересны и важны с точки зрения поисков путей формирования гармонически развитой личности. К сожалению, в дореволюционной России было совсем немного учебных заведений, где пытались применить теорию Лесгафта на практике. В советской России,

в совершенно другой исторической эпохе, Лесгафт был официально признан, по его системе воспитывались советские спортсмены на протяжении длительного времени.

В завершение необходимо отметить, что система физического воспитания Лесгафта современниками была признана самой лучшей, а сам Лесгафт был назван первым лицом в деле формирования русской физической культуры.

Как было уже сказано, учение Лесгафта впоследствии во многом стало основой становления советских физкультуры и спорта, а в этой связи можно с уверенностью говорить, что Лесгафт был одной из тех творческих личностей, которые, по существу, разрабатывали понятие отечественной (советской) социокультурной идентичности.

Литература

1. Лагранж Ф. Гигиена физических упражнений детей и молодых людей. М. : Вестник воспитания, 1890.
2. Лесгафт П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М. : Педагогика, 1988.
3. Лесгафт П. Ф. Программа для преподавания гимнастики во 2-й военной гимназии. СПб. : Изд-во 2-й военной гимназии, 1875.
4. Лесгафт П. Ф. Положение о временных курсах для приготовления руководительниц физических упражнений и игр. СПб., 1896.
5. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 108–113.
6. Пономарев И. Е. Спорт в системе социальной идентификации российской молодежи. Ростов н/Дону : Науку – всем, 2006.

Н. А. Здор, Е. Н. Рядчикова

*Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)*

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» КАК СОСТАВНАЯ ЧЕРТА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье представлены и сопоставлены взгляды ряда русских и советских писателей и поэтов, философов и словесников на понятие «интеллигенция». Выявлены различные основания, по которым определялось данное понятие: социальная принадлежность родителей, образование, место дислокации, направленность деятельности, внешние характеристики, предметы и имена, способ мышления, обязанности.

Цель исследования – выявить основные словарные и национально-культурные составляющие понятий «интеллигент, интеллигенция», их аксиологические компоненты, как положительные, так и отрицательные, а также проследить их трансформацию с начала XIX в.

Ключевые слова: *интеллигенция, интеллигент, морально-нравственный аспект, аксиология, национальная идентичность.*

Рассмотрим характеристики понятия «интеллигенция» как составной части русского национального бытования. Много рассуждений об интеллигенции можно встретить у Д. С. Лихачёва. Он отмечает, что понятие это «чисто русское» и в иностранных словарях часто сопровождается соответствующим прилагательным «русская». В это слово вкладывается главным образом ассоциативно-эмоциональное содержание. Интеллигент, по мнению Д. С. Лихачёва, определяется как «представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и как человек, обладающий умственной порядочностью» (Лихачев Д. С., 1993, 5). Ученый считает, что интеллигентом может быть только свободный человек, тот, чьи убеждения не зависят от государственных, экономических, партийных и прочих принуждений. Интеллектуальную свободу он называет основным принципом интеллигенции. Свобода интеллигентного человека ограничена совестью и принципами, принятыми им раз и навсегда. Но, «если интеллигентный человек по размышлению приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, – это его не может уронить» (там же). За тем, чтобы свобода не превращалась в произвол, должна следить совесть (свободным от которой интеллигент быть не может), её Лихачёв называет рулевым свободы и ангелом-хранителем человеческой чести.

Морально-нравственный аспект интеллигентности ученый считает особенно важным, ведь люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, включая собственно науку, могут быть неинтеллигентными в высшем смысле этого слова. Это происходит, когда ученые разрабатывают опасные для людей и животных вещества и технологии, в том числе и те, которые могут быть предназначены для использования во время военных действий. Они приносят культурные ценности и интересы людей в жертву ради своей специальности, в этом и проявляется их неинтеллигентность. Профессионализм и образованность ценны, но не равны интеллигентности.

Д. С. Лихачёв рассуждает и о нелегкой судьбе русской интеллигенции. «Мы слишком часто употребляем выражение “гнилая интеллигенция”, представляем ее себе слабой и нестойкой потому, что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих “классом-гегемоном”» (Лихачев Д. С., 1993, 7), – говорит ученый, тут же отмечая, что это в высшей степени

несправедливо. Лихачёва поражает мужество и стойкость, с которыми интеллигенты переносили все легшие на их плечи тяготы. Были, конечно, и те, кто отступил от своих идей, но большинство русских интеллигентов, говорит ученый, отступниками не стало. «Я мог бы назвать десятки имен людей, которые честно прожили свою жизнь и не нуждаются в оправдании себе тем, что “мы так верили”, “мы так считали”, “такое было время”, “все так делали”, “мы тогда еще не понимали”, “мы были под наркозом” и пр. Эти люди исключают себя из числа интеллигентных, обязанностью которых всегда было и остается: знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи» (там же). Во время противостояния интеллигенции власти, которое началось, по мнению автора, «сразу же после пришествия к власти большевиков» и длилось семьдесят лет, из официального языка ушли понятия чести, совести, человеческого достоинства, благородства, беспристрастности, порядочности, верности своим принципам, и слово «интеллигенция» лишилось духовного осмысления, стало обозначать лишь лиц, принадлежащих к профессии умственного труда. Лихачёв считает несправедливым продолжать недооценивать интеллигенцию и не уважать ее. Это «неуважение к памяти тысяч и тысяч людей, которые мужественно вели себя на допросах и под пытками, остававшихся честными в лагерях и ссылках, во время гонений на те или иные направления в науке» (Лихачев Д. С., 1993, 7).

В «Письмах о добром и прекрасном» Д. С. Лихачёв призывает каждого человека быть интеллигентным. По его мнению, нет такой профессии, которая не требовала бы интеллигентности, также для интеллигентности не важен уровень образования и статус в обществе. «Интеллигентность, – говорит академик, – нужна при всех обстоятельствах. Она нужна и для окружающих, и для самого человека» (Лихачев Д. С., 1992, 37). Это качество приравнивается Лихачёвым к нравственному здоровью и, по его мнению, способствует долголетию. Автор говорит о том, что встречал по-настоящему интеллигентных людей и среди крестьян. Они имели налаженный быт, были доброжелательны и приветливы, восприимчивы к чужим горестям и радостям. Интеллигентность – это душевные силы, которые нуждаются в развитии и тренировке, которую должен производить их обладатель, так же, как и физические силы. Доброжелательность и приветливость ведут человека к красоте и физическому здоровью, говорит Лихачёв. Душевная же слабость влечет за собой слабость физическую. Быть интеллигентным – социальный долг человека. Ученый передает призыв к интеллигентности всем своим читателям.

Черты, которыми, по мнению Лихачёва, должен обладать интеллигентный человек, и способности, которые он должен развивать в себе, следующие: восприимчивость к интеллектуальным ценностям; любовь к приобретению знаний; интерес к истории; эстетическое чутьё; способ-

ность восхищаться красотой природы; бережное отношение к природе; понимание характера и индивидуальности другого человека; готовность оказать помощь (сделать это незаметно); отсутствие грубости; отсутствие равнодушия; отсутствие злорадства; отсутствие зависти; уважение (в том числе к культуре прошлого, умение уважительно спорить); воспитанность; ответственность; богатство и точность своего языка; скромность; гостеприимность; приветливость; доброта; терпимое отношение к миру и людям.

Теперь обратимся к параметрам, обнаруженным нами в результате исследования данных языка художественной литературы, в том числе подкорпуса «Художественная литература» Национального корпуса русского языка. Отметим, что в данной работе нами рассмотрены характеристики без яркого оценочного компонента, так как последние требуют отдельного рассмотрения.

Итак, интеллигенция, в первую очередь, так или иначе, соотносится с понятием «образование». Эту особенность, свойственную интеллигенции, что называется, по умолчанию, видим в «Письмах с дороги» Г. И. Успенского: *«А вы, петербургская интеллигенция, сидите по чердакам с высшим образованием»* (Здесь и далее, кроме отдельно оговариваемых, все примеры из художественной литературы извлечены из Национального корпуса русского языка.). Можно также найти такое определение, как *«жрецы науки»*. Кроме того, наличие образования, согласно С. П. Залыгину, накладывает на интеллигенцию определенные обязательства: *«Она получила образование, и не для себя только, а должна отдавать его народу»*. Тесная связь существования интеллигенции с возможностью получения образования и вытекающая из этого зависимость находят отражение в рассказе Ю. М. Нагибина «Смерть на вокзале»: *«С отменой классического образования если и не вовсе погаснет, то поблекнет скорбно русская интеллигенция»*. Также в произведениях отражается и другое, обывательское, более бытовое понимание интеллигенции, как *«имеющие какое-нибудь образование, хоть два класса гимназии»* в романе В. Б. Шкловского «Сентиментальное путешествие», или *«книжек, наверно, много прочитали»* в рассказе В. М. Шукшина «Живёт такой парень».

Интересно «попадание» в интеллигенцию, его возможность или невозможность, предопределенность данного процесса. *«Интеллигенция в ихнем роде в плоть и в кровь въелась»* – слова из романа А. Ф. Писемского. «Интеллигенция» здесь может быть отождествлена с «интеллигентностью», но всё же прослеживается детерминированность принадлежности к интеллигенции родом и утверждение об осуществимости передачи этой принадлежности по наследству. Встречается также выражение *«потомственная интеллигенция»*. С другой стороны, некоторые герои на *«стезе попасть в интеллигенцию»* имеют желание и возможно-

сти *«пробиться»* в неё, повысив тем самым свой социальный статус. Имеет место довольно примитивное представление части людей о том, как можно стать интеллигенцией: по их мнению, попадают туда без промедления, *«приобретя енотовые шубы и записавшись членами в клуб»*.

Среди определений интеллигенции возможно выделить определения, классифицирующие её по месту дислокации (например, местная, провинциальная, городская, сельская, петербургская, узловская (район в Тульской области)), в зависимости от направленности деятельности (например, творческая, художественная, техническая), а также более широкие категории, такие как интеллигенция отечественная и интеллигенция фронтовая.

Интеллигенция определяется и через некоторые внешние характеристики её представителей. Причем в произведении второй половины XIX в. это образованные светские молодые люди, а в тексте конца XX в. – *«очкарики, сплошь пожилые, одышливые, плоскостопных много»*.

О формировании интеллигенции можно встретить следующее суждение: *«У русской интеллигенции отец – дворянин, но мать все-таки крестьянка»*. Этим детерминированы её долг и проклятие, а также, возможно, утверждение о том, что интеллигенция характеризуется *«ломаным, полународным, полукнижным, языком»*.

Хотя существует предположение, что интеллигенция делится на определённые группы (*«Одна была более или менее безграмотна в политике (во всяком случае – Ленина не читала), к ней принадлежали большие поэты и прозаики, художники, композиторы, театральные деятели. Другая жила целеустремленно в том или другом активном революционном действии»*), часты также утверждения о её единстве и единомыслии, а также политической ответственности единой интеллигенции.

Нередко интеллигенцию считают обособленной группой, отстраненной и даже изолированной от остального общества, *«нацией внутри нации»*, говорят, что она не нуждается в понимании, чем сама поддерживает сложившуюся дистанцированность.

Из уст героев литературных произведений звучат неутешительные прогнозы относительно будущего интеллигенции: *«Мы с тобой, Андрей, еще доживем до того времени, когда она вымрет как класс, и слова эти сами собой выпадут из языка за ненадобностью»*. Или: *«Униженная новым временем интеллигенция окажется податливым и надежным материалом, не способным на бунт и предательство, в особенности, если восполнит через Книги, а косвенно и Лагудова, свою извечную классовую тоску по духовности»*.

И. А. Ефремов называет интеллигентной частью народа людей, открыто инакомыслящих (Ефремов И. А., 2015, 251). Отрицание и протест Татьяна Толстая считает главным стержнем интеллигентского мировоз-

зрения, который был и остаётся неизменным, несмотря на все видоизменения, претерпеваемые интеллигентом, хотя бы потому, что мир вокруг него тоже меняется (Толстая Т. Н. Электронный ресурс).

Тем не менее, русская интеллигенция, которая признаётся детищем Пушкина, Герцена, Толстого, Чехова, считается *«вне званий и состояний, вне размеров благосостояния и общественного положения»*, имеет на плечах своих священную и одновременно тяжкую *«обязанность собирать все живое, собирать всю Россию, охранять всю культуру от варваров, достоинство России и цивилизации оберегать от разнузданных временичников»*.

Необходимо сказать также о том, что если на протяжении полутора столетий – с середины XIX до конца XX – понятие «интеллигенция», «интеллигент» были интересны русскому обществу, востребованы и актуальны в различных сферах жизни, они формировались, активно обсуждались, трансформировались, предлагались для саморазвития в числе духовных ценностей, то XXI век потерял к ним интерес – видимо, под влиянием менталитета Запада, где данные понятия отсутствуют вообще. Так, например, «Толковый словарь русского языка конца XX века» чётко отражал дуальность и противоречивость понятия «интеллигенция»: «Интеллигент – 1. Тот, кто отличается стремлением к знаниям, культурой поведения и твёрдыми нравственными принципами (независимо от уровня образования, рода занятий и социального положения); 2. Презрит. В советск. время: о человеке умственного труда, наделяемом такими качествами, как нерешительность, склонность к сомнению, малодушию» (Толковый словарь, 1998, 271).

Литература

1. Ефремов И. А. Час Быка. М. : АСТ, 2015.
2. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. М. : Известия, 1993. № 2. С. 3–9.
3. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М. : Прогресс, 1992.
4. Национальный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. Подкорпус: художественная литература. URL: <https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=JSONeyJkb2Nfc3BoZXJlJjogWyLRhdGD0LTQvtC20LXRgdGC0LLQtdC90L3QsNGPII19&mysent=&mysize=>
5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Изд-во РАН, Ин-т русского языка, 1998.
6. Толстая Т. Н. Мюмзики и Нострадамус: интервью газете «Московские новости» // Электронная библиотека «Библиотека фантастики». URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_rus_classic/tolstaya/8/j59.html

Е. В. Кудрина
*Луганский государственный
университет им. В. Даля
(Луганск, Россия)*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос появления понятия «языковая личность», освещаются теоретические основы в данной области исследования, отмечаются основные черты. Освещен ряд характеристик и отличительных особенностей данного феномена. Показана трехуровневая структура языковой личности и связь понятия языковой личности с национальной идентичностью.

Ключевые слова: язык, языковая идентичность, этнос, теория языковой личности.

Языковая личность – это термин, используемый в лингвистике и филологии для описания индивидуальных особенностей использования языка конкретным человеком или группой людей. Это понятие включает в себя все аспекты, связанные с использованием языка: словарный запас, грамматику, стилистику, риторику и т. д.

Языковая личность может быть охарактеризована с точки зрения ее уровня владения языком, степени индивидуализации, социальной принадлежности и национальной идентичности. Например, языковая личность ребенка отличается от языковой личности взрослого человека, а языковая личность ученого будет отличаться от языковой личности спортсмена.

Изучение языковой личности помогает понять, как люди используют язык для выражения своих мыслей, чувств и идей, а также для коммуникации с другими людьми. Это также позволяет анализировать и сравнивать различные языковые культуры и традиции.

Данное понятие широко известно в настоящее время, является общеупотребительным и было введено в 80-е годы XX века Ю. Н. Карауловым. Ученый считает языковую личность многокомпонентным понятием, которое включает набор языковых умений, способностей, осуществление речевых поступков, которые разделяются на письмо, чтение, аудирование, говорение. Следует отнести к данному перечню соотношение в соответствии с уровнями языка (Караулов Ю. Н., 2010, 25).

Ю. Н. Караулов является автором теории языковой личности, которая представляет собой модель языковой коммуникации, включающую в себя как индивидуальные, так и социальные аспекты. Согласно этой теории, языковая личность – это не только носитель языка, но и активный участник коммуникативного процесса, обладающий определенными навыками и знаниями.

Теория языковой личности Ю. Н. Караулова получила широкое признание в лингвистике и стала основой для многих исследований в области коммуникации и социальной психологии. Она позволяет более глубоко понять процессы, происходящие в языке, и помогает разрабатывать методы обучения и развития языковой компетенции.

Ю. Н. Караулов предложил трехуровневую структуру языковой личности:

1) вербально-семантический уровень – включает в себя лексикон человека, то есть словарный запас, которым он владеет. На этом уровне анализируются слова и выражения, которые человек использует в своей речи;

2) когнитивный уровень – включает в себя знания и представления человека о мире, его систему ценностей и убеждений. На этом уровне анализируются мысли и идеи, которые выражаются через язык;

3) прагматический уровень – включает в себя цели и мотивы, которые стоят за использованием языка. На этом уровне анализируются коммуникативные стратегии и тактики, которые используются для достижения определенных целей в общении.

Понятие языковой личности не ограничивается только индивидуальным пользователем языка. Оно также включает в себя социальные и культурные аспекты использования языка, которые определяются нормами и правилами общества. Например, языковая личность может быть определена как представитель определенной культуры, нации или социального класса, который имеет свои особенности использования языка (Карасик В. И., 2005, 45).

Таким образом, языковая личность является сложным и многомерным понятием, и его изучение позволяет лучше понять как индивидуальные особенности использования языка, так и общие закономерности его функционирования в обществе. В связи с этим стоит отметить, что существование общерусского языкового типа влечет за собой создание национального характера.

Национальный характер – это набор психологических особенностей, которые характеризуют большинство представителей определенной нации. Эти особенности формируются под влиянием исторических, культурных, социальных и географических факторов. Некоторые из наиболее распространенных черт национального характера включают в себя:

терпимость и толерантность – это одна из ключевых особенностей национального характера, которая помогает нации сохранять единство и избегать конфликтов на религиозной, этнической или культурной почве;

гостеприимство – многие нации славятся своим гостеприимством, особенно в отношении туристов и гостей из других стран. Это проявляется в дружелюбности, открытости и желании помочь;

трудолюбие – многие народы известны своим трудолюбием и усердием в работе. Это помогает им достигать успеха в различных сферах жизни и обеспечивать благополучие своих семей;

патриотизм – большинство наций гордятся своей историей, культурой и традициями, что проявляется в любви к своей стране и стремлении ее развивать;

коллективизм – некоторые нации больше ориентированы на коллективные ценности и интересы, чем на индивидуальные. Это может проявляться в стремлении к сотрудничеству и взаимопомощи;

индивидуализм – в то же время, есть нации, которые более ориентированы на индивидуализм и личные достижения.

Исследователи из разных сфер (психолингвистики, этнопсихологии, социологии и других) хотят разобраться во взаимосвязи языковой личности и национальной идентичности, дать им определение.

Языковую личность формирует культурная картина мира, в состав которой входят национальный характер и менталитет народа.

А. В. Сергеева считает, что изучение языка позволяет воспринимать мир так, как воспринимает его собеседник – представитель иной культуры (Сергеева А. В., 2004, 101).

Язык объединяет людей в этнос, образует нацию, хранит и передает культуру, культурные традиции людей из поколения в поколение. Языковая и культурная картины мира взаимосвязаны и взаимодействуют, поэтому язык и человек неразделимы так же, как языковая личность и национальный характер. Язык отражает восприятие человека, окружающий мир, которые зависят от особенностей национального характера, специфики национального менталитета и этнической принадлежности.

Общеизвестно, что национальный характер отражается в поведении как отдельной личности, так и всего народа в целом. Человек осознает свою идентичность в рамках своей принадлежности этносу и исчисляемой совокупности социальных групп и своей уникальности (Карасик В. И., 2005, 205). Менталитет конкретной личности может быть обусловлен различными факторами, такими как воспитание, образование, социальное окружение, личный опыт и тому подобное. Однако важно понимать, что каждый человек имеет свою индивидуальность и может иметь свой собственный взгляд на мир, который может отличаться от общепринятых представлений (Стернин И. А., 2001, 98). Поведенческий аспект языковой личности связан с тем, как человек использует язык в различных ситуациях общения. Это включает в себя выбор слов, построение предложений, использование интонации, мимики и жестов. Поведенческий аспект также охватывает такие аспекты, как вежливость, уважение к другим людям, умение слушать и задавать вопросы.

Важной частью поведенческого аспекта является коммуникативная компетенция, то есть способность человека эффективно общаться с другими людьми. Коммуникативная компетенция включает в себя знание

правил и норм общения, умение находить общий язык с разными людьми и умение разрешать конфликты. Также поведенческий аспект включает в себя социальные роли, которые человек играет в разных ситуациях общения. Например, на работе человек может быть руководителем, а дома – родителем или супругом. В зависимости от роли человек будет использовать разные стили общения и проявлять разные качества. В целом, поведенческий аспект является важным аспектом языковой личности, так как он определяет, как человек взаимодействует с другими людьми и как он проявляет себя в общении.

Многие ученые определяют языковую личность как совокупность языковых способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью.

Подводя итог, отметим, что каждый человек, усваивая язык еще с детства, усваивает культуру своего народа. Языковая личность является носителем национальной культуры и национального характера. В связи с этим языковые знаки способны выполнять функцию знаков культуры и отображать культурно-национальную ментальность его носителей.

Литература

1. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики : учеб. пособие. М., 2001.
2. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград, 2005.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
4. Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004.
5. Сорокин Ю. А. Этнос, сознание, культура, язык // Социальная психолингвистика. М., 2007.
6. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

А. В. Курьянович
*Томский государственный
педагогический университет
(Томск, Россия)*

О ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА*

Аннотация. *Анализируется динамика культурных смыслов в региональной дискурсивной картине мира, отражающаяся в интерпретации концептов-мифологем Томск – Сибирские Афины и Томск – Изумрудный город. Данные смыслы способствуют созданию представления о культурном коде Томска как концептуальном феномене, содержание которого имеет дискурсивно-историческую обусловленность.*

Ключевые слова: *региональная дискурсивная картина мира, культурный код регионального города, городская идентичность, концепт-мифологема, Томск, Сибирские Афины, Изумрудный город, региональный медиадискурс.*

Разноаспектное изучение национальной картины мира в рамках современной гуманитаристики становится одним из приоритетных направлений научного поиска. Особый интерес ученые проявляют к рассмотрению региональной картины мира, в том числе, в таком ее функциональном варианте, как *региональная дискурсивная картина мира*. Представителями томской дискурсологической школы данное понятие трактуется как «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в социальных практиках адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов» (Резанова З. И. и др., 2019, 5). Актуальным видится анализ фрагмента региональной дискурсивной картины мира, связанного с осмыслением культурных концептуальных смыслов в ее структуре, включая опыт интерпретации *культурного кода регионального города* как самобытного фрагмента *городской идентичности*. Культурный код составляет основу «образа города» (Замятин Д. Н., 2006, 38) и определяется через систему взаимосвязанных знаков, символов, стереотипов и иных моделей, репрезентирующих культурные аксиологические смыслы. Город является той средой, которая порождает культурные мифы – «систему представлений, задающих смысловое пространство, в котором происходит интерпретация составляющих истории города, его архитектурной среды и культурных традиций или – шире – как некий обобщенный образ города» (Резанова З. И. и др., 2019, 21).

В числе средств отражения концептуальных смыслов, структурирующих культурный образ города, активно привлекаются как мифоло-

---

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательских проектов из проносящей доходов деятельности ТГПУ, номер научно-исследовательского проекта: Г.01/2024, тема «Создание и использование методического ресурса объектов городского стрит-арта как маркеров культурного кода Томска в практике преподавания РКИ и РКН».

гемы, отражающие результат интуитивной рецепции смысла через его отражение в воспринимающем сознании, так и *концепты-мифологемы* (О. И. Быкова, Н. Н. Бочегова, М. П. Калугина, И. Б. Руберт, Ю. В. Уткина, Н. В. Шелепова и др.). В последнем случае речь идет о концептуально обработанных мыслительных структурах, «мысле-образах» (Ю. С. Степанов), выступающих фрагментами упорядоченной картины мира. Опыт рассмотрения концепта-мифологемы как средства миромоделирования в рамках авторского дискурса представлен в: (Курьянович А. В., 2022).

Томск – один из сибирских городов, край перевозданной тайги и бескрайних Васюганских болот, славящийся своей древней и богатой историей, суровыми климатическими условиями, добродушным и гостеприимным населением. Именно в Томске располагается самый крупный в Сибири университет. Культурный код города составляют представления о нем как признанном не только в стране, но и за ее пределами научном и образовательном центре. Благодаря этому изначально полиэтничный и мультикультурный Томск является сегодня точкой притяжения для молодых представителей различных лингвокультур, порой кардинально отличающихся между собой чертами психологического склада, ментальности, традициями и интерпретациями аксиологических ценностей. Глубокую самобытность городской атмосфере придают уникальные образцы деревянного зодчества: резные оконные наличники, дома, разукрашенные деревянными узорами, хранят дух томской старины. В культурном образе Томска с незапамятных времен устойчиво присутствует его характеристика как места исторической памяти. В связи с чем составляющей культурного городского кода справедливо считается его интерпретация как города сказочных теремов. Таким образом, сочетание истории и современности, суровости природы и открытости души жителей, основ традиционной русской культуры и этнической специфики коренных сибирских народностей, а также веяний иных культур, «привозимых» иногородними и иностранными студентами, – таков собирательный многоликий облик Томска сегодня.

Очерченный нами в общих чертах образ современного Томска имеет ставшее уже традиционным и привычным в практике своего использования не только в региональном дискурсе средство выражения своей сущности – мифологему *Сибирские Афины*. Исследователи называют ее смысловой скрепой региональной картины мира, единицей, «вербализующей базовый миф Томска о его особом цивилизационном статусе, основывающемся на особой роли в культурной истории России первого сибирского университета» (Резанова З. И. и др., 2019, 21–22), обозначающей «своеобразие культурной выделенности Томска, которая маркируется совокупностью концептов: ‚образование‘, ‚наука‘, ‚университет‘» (там же).

Наличие лексических единиц, репрезентирующих данный концепт-мифологему, в городских текстах и текстах о Томске разной жанровой, стилевой и дискурсивной принадлежности является доказательством

присутствия данного концептуального смысла в сознании носителей региональной картины мира. Приведем примеры фрагментов текстов из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка: *Ну как удержишь цветущую девицу да доброго молодца в таежной глуши, когда в паре сотен километров – "сибирские Афины", то бишь Томск с десятками вузов, завидными женихами и невестами, с карьерной перспективой, наконец...* [Иванкова Евгения. ЧУЛЫМ ШАГАЕТ В НОВЫЙ ВЕК // Труд-7, 01.08.2000]¹, *Время не властно над тобой – ты лишь приобретаешь особую прелесть! Мои Сибирские Афины! Томская Губерния!* [vk (07.06.2015)]², *Дальше всего от столичности Томск, местный интеллеktуал – в Сибирь вписан и вправлен: «Сибирские Афины», университет-первый-в-Сибири, политех-первый-в-Сибири, один из центров сибирского областничества.* [Надежда Замятина. Места Нестолиц. Где нельзя размещать столицу // «Октябрь», 2003]³.

В последнее время в региональной дискурсивной картине мира наблюдается укрепление позиций мифологемы *Изумрудный город*. Активное формирование этого концептуального смысла можно связать с 2014 годом, когда в Томске был открыт первый крупный торговоразвлекательный центр «Изумрудный город», а на площади перед входом в него – скульптурная композиция, посвященная героям известной сказки Александра Волкова «Волшебник Изумрудного города». Смыслы, ретранслируемые данной мифологемой, не противоречат, а значительно расширяют содержание мифологемы *Сибирские Афины*, в соответствии с изменившимся социокультурным историческим контекстом. Это утверждение базируется на знании таких выделенных авторитетными учеными свойствах дискурсивной картины мира, как динамичность смыслоформирования, постоянная изменчивость, вариативность интерпретаций, детерминированность деятельной позицией акторов дискурса, реактивность их поведенческих характеристик в дискурсе. См. об этом подробнее: (Резанова З. И., 2011).

В числе дискурсивных факторов, которые обусловили появление и развитие концептуальных смыслов, репрезентированных мифологемой *Изумрудный город*, можно отметить, что, во-первых, этому способствует специфика географического расположения региона (окружен-

---

¹ Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkUqEAoICAAQChgyIAogAEAFeAEyAggDOgEBQioKKAomCgNyZXESHwod0KHQuNCx0LjRgNGB0LrQuNC1INCQ0YTQuNC90YswAQ==> (дата обращения: 23.01.2024).

² Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkUqEAoICAAQChgyIAoQBAAQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCKgooCiYKA3JlcRifCh3QodC40LHQuNGA0YHQutC40LUg0JDRhNC40L3RizAB> (дата обращения: 23.01.2024).

³ Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Ck0qGAoICAAQChgyIAoQBAAQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCKgooCiYKA3JlcRifCh3QodC40LHQuNGA0YHQutC40LUg0JDRhNC40L3RizAB> (дата обращения: 23.01.2024).

ность тайгой), а также фактор озелененности самого города. Во-вторых, этому мог способствовать исторический факт: в конце XIX – начале XX веков крыши томских домов покрывали краской «медяной» (или «парижской зеленой»), которая придавала им в солнечный день ярко-изумрудный оттенок. Многие здания и сегодня имеют окрашенные в зеленый цвет стены. Например, самый известный образец томского деревянного зодчества – культовый особняк, построенный в 1904 году архитектором С. Хомичем (расположен по адресу: ул. Белинского, 19). Сказанное можно считать мотивирующей базой для появления такого компонента в семантике мифологемы, как «зеленый цвет». Ср. с данными толкового словаря: «Изумрудный – густой зеленый цвет, по цвету драгоценного камня»¹.

Наконец, в Томске в начале XX века жил и учился А. Волков, автор сказки «Волшебник Изумрудного города», и существует версия, что на создание образа волшебного города писателя вдохновила уникальная красота томской архитектуры, а иллюстрации художника Л. Владимирского сделали книгу легендарной. Именно ассоциации с текстом сказки порождают варианты интерпретации мифологемы *Изумрудный город* в дискурсивной региональной картине мира. Отправными для создания таких вариантов можно считать семы «дорога как олицетворение жизненного пути человека», «дом – место силы и начало начал», «преодолевающая все препятствия сила дружбы», «добро, побеждающее зло», а также смыслы, связанные с образами отдельных героев: «ум» (Страшила), «сердце» (Железный Дровосек), «смелость» (Лев). Актуальность приобретают также ассоциативные сближения смыслов: «Изумрудный город» – «город Томск» – «сказочные дома-терема Томска» – «сказка» – «волшебство».

В качестве подтверждения сказанному отметим, что одноименная лексема-номинат мифологемы *Изумрудный город* широко представлена в городском пространстве в виде эргонимов, урбанонимов в городском пространстве (название агентства недвижимости, торговой марки конфет, рекламно-производственной компании). В региональных и в целом российских медиа данный маркер анализируемой мифологемы также встречается довольно часто, что свидетельствует о формировании устойчивого образа в сознании акторов регионального дискурса, его воспроизводимости в массовой коммуникации. Приведем примеры: *Васюганские болота, сокровища Салаира, путешествия по следам Миддендорфа – мало кто не слышал об этих знаменитых автоэкспедициях «Комсомолки». В этот раз наша команда отправляется в «Изумрудный город» Сибири. Город Томск. В нашем маленьком приключении мы планируем изучить историю древнерусского города и познакомиться с его секретами как можно поближе*², *Хочу рассказать особо об одном па-*

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 243.

² Комсомольская правда. URL: <https://arhiv-proectov.tilda.ws/page6837977.html> (дата обращения: 23.01.2024).

мятнике. Был такой человек Александр Волков, и написал, зачёркнуто, художественно перевёл он книгу Баума и назвал её «Волшебник Изумрудного города». Мы можем относиться по-разному к произошедшему, не судите да не судимы будете, но чего не отнять – не изменить, так это то, что Саша Волков учился в Томске, и в честь Томска назвал свою книгу. И томичи помнят это, и вот появился в Томске ТЦ «Изумрудный город» и такой вот памятник ¹.

Добавим, что аксиологическую значимость мифологемы *Изумрудный город* как фрагмента региональной дискурсивной картины мира подтверждают факты последнего времени. Во-первых, павильон Томской области, открытый в рамках проведения Международной выставки-форума «Россия» (Москва, ВДНХ, 04.11.2023–12.04.2024), имеет соответствующее дизайнерское оформление и название: «Создатели экспозиции региона вдохновились известной сказочной повестью Александра Волкова. А потому стенд будет разбит на три тематические зоны: «Сердце» расскажет о разработках в сфере медицины, «Ум» – о научной деятельности, а «Храбрость» посвящена смелым, прорывным технологиям в различных областях» ². Во-вторых, проект Томского туристского информационного центра «Изумрудный город» (проект, представляющий Томск как город для путешествий выходного дня) был заявлен для участия в Первой Всероссийской премии «Служение» и победил в номинации «Мой край – моя гордость!» (итоги были подведены в начале января 2024 года) ³.

Таким образом, рассмотрение концептуальных смыслов, образующих содержание культурного кода регионального города, в аспекте динамики позволяет исследовать дискурсивную картину мира и русскую лингвокультуру в их постоянной изменчивости, вариативности, а значит, с учетом различных нюансов смыслопорождения.

Литература

1. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М. : Знак, 2006.
2. Курьянович А. В. Славянский космогонический миф в картине мира и идиостиле В. И. Вернадского // Русин. 2022. № 68. С. 352–369.
3. Резанова З. И., Ермоленкина Л. И., Костяшина Е. А. Картины русского мира: городские дискурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019.

---

¹ Отзыв.RU. Форум. URL: <https://otzyv.ru/review/200903/?ysclid=lrq4xcw5x0400232916> (дата обращения: 23.01.2024).

² Изумрудный город покажет Томская область на выставке «Россия». URL: https://russia.ru/news/izumrudnii-gorod-pokajet-tomskaya-oblast-na-vistavke-rossiya-1?ysclid=lrnj0mtnr6902977759&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 23.01.2024).

³ РИА-Томск. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20240116/turizm-premiya-tomsk/?ysclid=lrnim61ley551891108> (дата обращения: 23.01.2024).

4. Резанова З. И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношения // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.

М. С. Огуренкова

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)*

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Цель исследования – выявление стереотипных представлений о мужчинах и женщинах, отраженных в русской фразеологии. Гендерный анализ словаря фразеологизмов позволил выделить ряд групп гендерных стереотипов: внешность, социальные роли, маскулинные и феминные модели поведения, – которые демонстрируют связь фрагментов языковой картины мира с представлениями о мужественности и женственности.*

Ключевые слова: *лексикография, русская фразеология, гендерные стереотипы, социальные роли, языковая картина мира.*

В 1922 г. в книге «Общественное мнение» У. Липпман высказал мысль о том, что восприятие окружающего мира субъективно и дискретно, поэтому в общественном мнении существуют готовые, редуцированные «картинки-образы» (стереотипы), которые выполняют защитные механизмы выживания социума: они не только фиксируют факты, но и являются ориентирами, схемами поведения, приемлемыми для членов общества.

Язык, безусловно, отражает социальные стереотипы, в том числе и гендерные. «С современной точки зрения стереотипы можно представить в виде особого вида ментальных репрезентаций широко распространенных мнений, получивших статус знания и потому закрепившихся в языке. Иными словами, стереотип – это результат особой формы концептуализации, сопровождающейся переживаниями и оценкой, следовательно, обязательно имеющей аксиологическую природу» (Ефремов В. А., 2011, 152).

Анализ фразеологии – эффективный способ реконструкции картины мира. Иными словами, фразеологические единицы (ФЕ) можно рассматривать как культурные источники, отражающие в том числе и гендерные стереотипы: «Большинство русских фразеологизмов по образованию исконно связано с повседневной жизнью человека, возможными бытовыми перипетиями, заботами, восприятием мира» (Русский язык и культура речи, 2006, 87).

Согласно концепции В. Н. Телия, в большинстве значений ФЕ присутствует оценка, т. к. «идиомообразование, как общее правило, сопро-

вождается квалификацией обозначаемого, а точнее – денотативного аспекта» (Телия В. Н., 1996, 181–182), а квалификация всегда подразумевает оценку. Как отмечает А. В. Кирилина: «Пол и его проявления не просто “регистрируются” языком, но приобретают аксиологичность, оцениваются с точки зрения наивной картины мира» (Кирилина А. В., 1999, 15). В том случае, когда метафорический образ, заложенный в идиому, прозрачен (хотя бы частично), носители языка интуитивно стремятся связать «буквальное прочтение» идиомы и ее смысл.

К гендерно маркированным фразеологизмам могут быть отнесены идиомы, референтно соотносимые в сознании носителя русского языка с образами мужчины и женщины. При этом ФЕ не обязательно должна содержать родовые понятия «мужчина» или «женщина». Важно отметить, что фразеологизмы, в основу внутренней формы которых положен мужской или женский образ, могут характеризовать не только тот пол, который запечатлен в ФЕ, но и любого человека в целом: такие ФЕ «обладают сдвинутой референтной отнесенностью» (Зуева Т. А., 2010, 493).

Лингвогендерологический анализ подобных гендерно маркированных единиц был проведен на материале «Словаря сравнений русского языка» В. М. Мокиенко. В результате сплошной выборки обнаружены примеры, иллюстрирующие стереотипные представления о мужчинах и женщинах, которые можно объединить в три группы.

1. Внешность

Стереотипно во внешности мужчины отмечается физическая сила; в большинстве примеров она является базовым критерием идеала мужской внешности. Нередко подобные примеры словарных статей содержат помету *одобр.*

(красив) **Как (молодой) бог.** *Одобр.* Об очень красивом, идеально сложенном, стройном (молодом) мужчине.

Как гигант. *Одобр.* О сильном, высоком, могучего сложения мужчине.

Необходимо сказать и о таких ФЕ, в толковании которых не содержится прямая отнесенность к определенному гендеру. Однако в ряде случаев можно предположить, что некоторые сравнения с большей вероятностью будут использоваться по отношению именно к человеку мужского пола:

(сильный) **Как богатырь.** Об очень сильном, могучем, богатырского сложения и очень храбром человеке.

Одновременно в русской языковой картине мира стереотипно не поощряется чрезмерно ухоженный внешний вид мужчин. Подобные ФЕ содержат пометы *неодобр.* и *пренебр.*

Как лощёный. *Неодобр.* О чрезмерно ухоженном, франтоватом мужчине.

Как пижон. *Пренебр.* О франтоватом, пустом молодом человеке, щеголе.

В стереотипном образе женщины положительно оценивается привлекательная внешность:

Как картина писаная. *Одобр.* Об идеально красивой, обаятельной женщине.

Мила (прекрасна, прелестна) как ангел (небесный). *Книжн.-поэт. Одобр.* Об очень миловидной, идеально красивой девушке, молодой женщине.

При этом единицы, описывающие стройных женщин, также часто содержат помету *одобр.*

Стройная как берёзка. *Одобр.* Об очень стройной, гибкой, грациозной молодой девушке.

Женщины крупного телосложения или, наоборот, чрезмерно худые стереотипно воспринимаются в русской языковой картине мира отрицательно:

Тощая (худая, сухая) как (сушёная (вяленая)) вобла. *Прост. Презр.* Об очень худой, костлявой, плоскогрудой женщине.

Как корова. *Прост. Неодобр.* 1. Об очень толстой, полной женщине.

Несоответствие стереотипному образу женщины также может проявляться в неухоженности или, наоборот, в чрезмерной нарядности:

Ходить как мотря. *Прост. Неодобр.* О расхаживающей в неряшливой, аляповатой и бедной одежде женщине.

Разодеть (одевать/одеть, наряжать/нарядить) кого как куклу. *Неодобр.* Об одевании кого-л. (обычно женщины) излишне ярко, нарядно, пышно (часто безвкусно и аляповато).

Последний пример особенно интересен, поскольку содержит помету *неодобр.* При этом близкая по форме ФЕ *одевать как куколку* воспринимается положительно, о чем свидетельствует помета *одобр.*

Одевать / одеть (наряжать / нарядить, разодеть) кого как куколку. *Ум.-ласк. Одобр.* 1. О хорошенькой девушке, одетой очень ярко, нарядно аккуратно и изящно.

Также важно отметить, что при номинации именно женщин часто используются фитоморфные (*цветсти как ландыш, бела как лилия*) и гастрономические (*как конфетка*) метафоры.

Таким образом, в русской языковой картине мира в стереотипных представлениях о мужчине важным считается физическая сила; она же часто выступает в качестве критерия мужской привлекательности. Критерии женской привлекательности не столь очевидны. Скорее можно говорить о том, что чрезмерность каких-либо внешних признаков в образе женщины придает ему отрицательный характер.

2. Поведение

Часто неприемлемое для мужчины или женщины поведение прослеживается в сравнениях с представителями противоположного пола.

Так, в русской языковой картине мира неприемлемыми для мужчины считаются

1) трусость:

Вести себя как баба. *Прост. Презр.* О малодушном, трусливом и нерешительном поведении какого-л. мужчины в трудной ситуации.

2) непостоянство характера:

Характер у кого как у женщины. *Неодобр.* О мужчине с непостоянным, изменчивым характером.

3) сварливость:

Как базарная баба. *Прост. Презр. 2.* О сварливом, ворчливом, скандальном мужчине.

4) слабость:

Хныкать как кисейная барышня. *Книжн. Пренебр.* О ноющем, постоянно жалующемся мужчине.

5) скромность и застенчивость:

Вид у кого как у барышни. 2. О юноше очень скромного, робкого, застенчивого вида.

Для женщины несоответствующим считается проявление типично мужских черт:

1) грубость:

(женщина) **Как мужчина.** *Неодобр.* или *Пренебр.* О мужеподобной, неизящной с грубыми манерами женщине.

2) решительность:

Характер у кого как у мужчины. Обычно *Неодобр.* О женщине с решительным, самолюбивым, властным, мужским характером.

Итак, можно сказать, что при характеристике поведения сравнение с представителем противоположного пола подразумевает негативную оценку.

3. Социальные роли

ФЕ, отражающие особенности социальных ролей мужчин и женщин, составляют небольшую группу. В то же время возможно выявление нескольких ролей у женщины (*жена, мать, мачеха, теща и свекровь*) и только двух у мужчины (*муж и отец*).

Для русской языковой картины мира, отражающей традиционные, патриархальные устои, интересно отметить особое выстраивание отношений между мужем и женой, разрыв которых мало возможен.

Жена не лапоть: с ноги не сбросишь. *Посл. Ирон.* От жены не очень легко, непросто избавиться.

Роль мужчины как отца однозначно положительна, например:

Относиться к кому как (родной) отец. *Одобр.* О заботливом, бережном отношении старшего по возрасту мужчины к молодёжи.

Стереотипно положительный в русской языковой картине мира образ матери в русской фразеологии неоднозначен. С одной сторо-

ны, встречается положительная оценка (*как родная мать*), с другой стороны, излишняя опека и заботливость осуждаются (*как клуша с цыплятами*).

Как (родная) мать. Об исключительно внимательном, заботливом, бережном и любовном отношении старшей женщины к кому-л. младшему.

Как клуша с (цыплятами). *Прост. Пренебр.* О чрезмерно, суетливо и суматошно заботящейся о своих детях, хлопотливо беспокоящейся о них матери.

Сравнение женщины с *мачехой, свекровью и тещей* подразумевает актуализацию негативных характеристик:

Как злая мачеха. *Неодобр.* О злой, сварливой, ненавидящей кого-л. женщине.

Как тёща. *Ирон.* Об очень злой, привередливой, придирчивой к какому-л. мужчине женщине.

(*строгая*) **Как свекровь.** *Народн. Неодобр.* Об очень строгой, требовательной, жестокой по отношению к какой-л. девушке женщине (обычно старшего возраста).

Итак, «Словарь сравнений русского языка» В. М. Мокиенко позволяет эксплицировать разнообразные стереотипные представления о мужчинах и женщинах в русской языковой картине мира, отражение маскулинных и феминных черт во внешности и поведении людей и представления о типично женских и мужских социальных ролях.

Литература

1. Ефремов В. А. Гендерные стереотипы как элемент концептуализации // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. 2011. № 2. С. 149–158.

2. Зуева Т. А. Гендерные стереотипы в русской фразеологии // Казанская наука. 2010. № 9. С. 492–495.

3. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.

4. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб. : Норинт, 2003.

5. Русский язык и культура речи : учеб. для вузов / А. И. Дунев, М. Я. Дымарский, В. А. Ефремов (и др.). М. : Высш. школа, 2006.

6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

М. В. Пименова

*Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семёнова-Тянь-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия)*

ФАКТОРЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: МАКРОКОНЦЕПТ РОД

Аннотация. Цель статьи – описать слово род – репрезентанта изучаемого макроконцепта, показав связь его этимона в разных языках. Согласно О. Н. Трубачеву, праформа слова род – *ord. Слова с этим корнем рассматриваются в русском, английском, немецком и латинском языках. Семантика производных указывает на связь с: 1. Военным сословием; 2. Военной терминологией; 3. Порядком и управлением; 4. Архитектурой и строительством; 5. Речью (языком); 6. Ткачеством (в русской лингвокультуре оно ассоциируется с жизнью: нить жизни, жизнь оборвалась и т. д.).

Ключевые слова: концепт, мотивирующие признаки, языковая картина мира.

Язык развивается во времени, слова в ходе семантических сдвигов меняют свои значения, отображая тенденции потерь и приобретений новых смыслов, наблюдаемых в аспекте ментальности народа. Под *ментальностью* понимается «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» (Колесов В. В., 2000, 15).

В русской лингвокультуре существует ряд базовых концептов и макроконцептов, которые являются ключевыми для русского народа. Ключевой концепт (макроконцепт) выступает фактом культурного наследия, через него возможно увидеть значимые признаки национальной идентичности человека. Род – это группа людей, имеющих одного предка. Эта форма отношений между людьми, которая в разных языках называется по-разному: *род, клан, жуз, тайп/ тейп* (англ. *tribe*), *линидж* (англ. *lineage*), *сеок* (алт., хак., шор. *сёк*; кирг., тув. *сөөк* – род по мужской линии) и т. д. Род – это система кровных родственников по отцовской или материнской линии. У рода свои «инвариантные признаки: экзогамия, однолинейный счет родства, общий предок, символы единства» (Попов В. А., 2020, 321). Как представлен макроконцепт *Род* в русской лингвокультуре.

В русском языке сохранились выражения, в которых заметно отличие между словами *род* и *племя*¹: *Какого ты роду-племени* означает «из

---

¹ Племенем называется: 1. сообщество из нескольких родов людей, которые имеют общий язык, живут совместно на какой-либо территории и т. п. 2. Народность, в которую люди объединены общим происхождением и языком. Славянское племя. | Цыганское племя. (Дмитриев 2003, с. 879).

какой семьи», *Без роду и племени* или *без роду, без племени* – «неизвестного происхождения, без родственных связей». В былинах эти выражения встречаются часто с разными вариациями¹. По месту проживания определялось племя, а по имени – род героя. В эпосе, в былинной картине мира важно «получение сведений об имени, отчестве и родине героя, определяющих его принадлежность к своему или чужому миру» (Черноусова И. П., 2014, 298). Вопросы национальной идентичности занимают умы на переломе времён. Рассмотрим слово *род*: его этимологию.

О. Н. Трубачев встраивает цепочку семантических связей: ст.-слав. *родъ* «происхождение, род» состоит в очевидном родстве с формами: ср.-в.-нем. *art* «происхождение, род», нем. *Art* «вид, способ»; арм. *ordl* «сын», санскр. *rādhnōti* «выполняет, совершает» < *erdh, *ordh-, *redh-, *rodh-; ср. также арм. *urja* (< i *ordyu : *ordi*) «пасынок». Сюда же относятся хеттск. *fyardu*- ср. р. «правнук, потомок» и хеттск. иероглифич. *hartu*- «праправнук», возможно, из и.-е. *gordho- (Трубачев О. Н., т. III, 205).

Стереотипы, сформированные в сознании современников, не позволяют увидеть факты языка в аспекте этимологии. О. Н. Трубачев, разбирая этимологию слова *род*, указывает на индоевропейскую форму *-ord-*, которая «в итоге славянской метатезы» (Трубачев О. Н., т. III, 205) приводит к первоисточнику. В латинском языке отмечен ряд слов с корнем *ord/ort*: *ortus* «место или родом из места»; *ortus* «рождение; происхождение на свет»; *oriundus ex Etruscis* «из этрусков» (Мусселиус В., 1891, 327). На британских островах сохранилось племя *ордовиков*: «*Ordovīcēs*, um m. ордовики, племя в северной части нынешнего Уэльса, против острова Мона (ныне Anglesey)» (Дворецкий И. Х., 1976, 711). В русском языке известно слово *орда*: для носителей языка *род* и *орда* в наши дни уже не связаны друг с другом: этому мешают стереотипы.

По «этимологическим словарям, слово *орда* пришло в русский язык из тюркских. Первоначально его значениями были: 1. Беспорядок, шум. 2. Стан, кочевье. 3. Дворец / шатер хана / султана. 4. Военный лагерь» (Пименова М. В., 2019, 199). В русских былинах слово *орда* упоминается в значении «земля, страна вообще»²; слова *орда* и *земля* поясняют друг друга³.

---

¹ Вопрос: Откудова (откул-ь/-ешн-и(-ой), удал-ый/-енькой (дородный) добрый молодец? /

Ты (вы) ко(е/ё)й (какой) земли [да ты] ко(е/ё)й орды (Литвы) / какого города? /

Ты чьего роду (и чьего) племени?

Ты чьего (какого / коего) отца да чьей (какой) мат-ер/-ушк-и?

Ответ: (Родом) есть я (мы) из города (земли) [название города],

Из того села [название села]

(Есть я/ а зовут меня) [имя, отчество].

² Ты откудошний дородный добрый молодец, ты с какой земли да из какой орды (Первая поездка Ильи Муромца. Илья и Соловей-разбойник).

³ И не матушка ли орда подымалася, Мать сыра земля от войска потрясалася... (Мамаево побоище).

О каких стереотипах мы говорим? Для нас Орда – это восточные земли, слово *орда* тесно связано с термином *татаро-монгольское иго*¹. Однако в былинах словом *орда* описываются иные территориальные ориентиры: «*А и едем мы из дальней Орды, Золотой земли, от грозна короля Етмануйла Етмануйловича...*» (Про Ставра-боярина). Восточных правителей не называют королями, а имя Етмануйла Етмануйловича (?Иммануил Иммануилович) подкрепляет это утверждение. Еще один былинный контекст прямо указывает на западные земли и называет Литву *темной ордой*, правителем которой так же является король, которому платили дань: «*А кого бы мне послать повыехать Да во тую ли во землю да во дальнюю, да во тую ль во орду во темную, Во темную орду да в хоробру Литву, Ко тому ли к королю литовскому, Ко тому ли к Ботияну к Ботиянову, – А свезти-то дани ему, выходы...*» (Добрыня и Василий Казимирович. Добрыня в отъезде).

Крестоносцы – это особый воинский – рыцарский – *орден* (корень *орд*). *Орден* – это военно-монашеские организации европейских рыцарей в период крестовых походов в XI–XIII вв. Тевтонский орден, разбитый Александром Невским, совместно с Ливонским орденом в XIII–XIV веках постоянно воевал с Литвою, Польшею и Северо-Западной Русью. Рыцарские ордены характеризуются как дисциплинированные со строгой иерархией воинские соединения, воевавшие, в том числе, за гроб Господень. *Орден* рыцарей – военный термин, дополняемый еще рядом однокоренных слов, связанных с военным поприщем: *орденá* – это награды за особые заслуги (первоначально – на военном поприще); *ординарец* – военнотружущий, состоящий при командире для служебных поручений, для передачи приказаний и ещё слово: *координация* – согласование, упорядочивание.

---

¹ Об истории этого термина пишет историк В. И. Таланин: «Этот термин тоже является «кабинетным», поскольку современники его не использовали. Впервые он был употреблён применительно именно к власти Орды над Русью в виде *jugum barbarum* или *jugum servitutis* поляками Я. Длугошем (1479) и М. Меховским (1517). В своём почти классическом виде – *jugum tartaricum* или *jugo Tartarico* – его использовал (1577) Д. Принц фон Бухау (Daniel Prinz von Buchau, 1546–1608): советник Императорского Апелляционного Суда в Чехии, двукратный чрезвычайный посол «империи Запада» в Москву [1576, 1578]. Он составил отчёт о своём первом московском посольстве уже в 1577 г. по личному указанию Максимилиана II, короля Германии [1562–1576] и «императора Запада» [1564–1576]; поскольку принимал этот отчёт его сын – Рудольф II, король Германии [1575–1612] и «император Запада» [1576–1612], который затем послал его во второе посольство, то отчёт удовлетворил нового монарха. В печатном виде – в виде книги – отчёт Принца был издан в Силезии (1668) и очень скоро переиздан (1679, 1681, 1687). После этого этот термин начинает употребляться в сочинениях различных западных историков. На русском языке термин «татарское иго» был впервые опубликован в «Киевском Синописе» (1674), а именно в одном из списков «Сказания о Мамаевом побоище» (ок. 1521); в этом виде его использовал г-н Карамзин. Форму «монголо-татарское иго» впервые применил (1817) немецкий историк Ф. К. Х. Крузе (1790–1866). От него термин заимствовали гг. Соловьёв и Ключевский» (Таланин В. И., т. 3, 195).

В современном русском языке у слова *орда* есть значения, которые дополняют сказанное выше¹: выражением *фашистские орды* прямо указывается на западные страны, находящиеся в Европе. Обычно упоминают метафорическое значение этого выражения. У слова *орда* «значения “государство” и “земля”, обнаруженные посредством контекстов былин, в словарях русского языка не упоминаются вовсе» (Пименова 2019, с. 200). «Европейский след», обнаруженный в семантике слова *орда*, позволяет обратиться к языкам этих земель.

В английском языке соответствующих слов с этим корнем несколько: *order* «заказ», «порядок», «орден» (ср. так же: *in order that; in order to*), *ordinance*, *ordnance* – оба слова переводятся как «постановление», но первое означает «закон, установленный государственным органом», а второе – военный термин со значением «акт организации», оба слова восходят к среднефранцузскому *ordenance*.

Ряд слов латинского языка противоречит семантике русского слова *орда* в «Словаре русского языка»: «Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л.»³: *ordinatim* adv. «по порядку, один за другим»; *ordo*, *in* m «ряд, строй, порядок»; *ordinātē* [*ordinatus*] «в надлежащем порядке, правильно» (Латинско-русский словарь: интернет-ресурс). Порядок связан с управлением, порядком, распределением, устройением: *ordinātīm*², *ōrdino*³, *ōrdinātor*, *ōrdinātrīx*⁴, *consul ordinārius*⁵. Латинское слово *ordo*⁶

¹ Орда-ы́, мн. о́рды, ж. 1. ист. Название крупных тюркских и монгольских феодальных государств в эпоху средневековья, а также ставка, местопребывание их правителей. Золотая орда. Крымская орда. || Название союзов кочевых племен. 2. перен.; с определением. пренебр. Вражеское войско; полчище. Фашистские орды. 3. перен.; кого или какая. разг. Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л. (МАС, т. II, с. 638).

² *ordinātīm* [*ordo*] в должном порядке, по порядку, последовательно, правильно, как следует; *ōrdinātio*, *ōnis* f. [*ordino*] 1) распределение, приведение в порядок, упорядочение, устройство, организация *ōrdinātio orientis* «управление восточными странами»; 2) определение, распоряжение, назначение; *ordinatione praeficere aliquem Aegypto* «возложить на кого-л. управление Египтом»; 3) порядок, упорядоченность (*mundus est ornata ōrdinātio* (Дворецкий И. Х., 1976, 711).

³ *ōrdino*, *āvī*, *ātum*, *āre* [*ordo*]: 1) располагать в порядке, приводить в порядок (*arbusta sulcis H; affluentes annos*); правильно распределять (*partes orationis C*); выстраивать (*agmina*); 2) устраивать, возбуждать (*litem*); 3) рассматривать или рассказывать по порядку (*res publicas*); 4) управлять (*statum liberarum civitatum*); руководить (*ōrdino studia alicujus*); назначать (*magistratūs*); распределять (*praefecturas Just*); 5) составлять (*testamentum*) (Дворецкий И. Х., 1976, 711).

⁴ *ōrdinātor*, *ōris* m. [*ordino*] приводящий в порядок, устроитель (*rerum*); организатор (*litis*); *ōrdinātrīx*, *īcis* f. устроительница (*mens ōrdinātrīx rerum omnium*) (там же).

⁵ *consul ordinārius* L консул, избранный в обычном порядке (т. е. до наступления года) (там же).

⁶ *ordo*, *in* m 1) ряд (*ordine* «по порядку, как следует»; *ex ordine* «по порядку, по очереди»); 2) тотчас (*in ordinem* или *in ordine* «по порядку, по очереди»; *nullo ordine* «без всякого порядка»; *extra ordinem* «необыкновенно, чрезвычайно, против всякого порядка, против обыкновения, против обычая»); 3) слой, пласт; 4) ряд скамей или

указывает на военную терминологию [Латинско-русский словарь: интернет-ресурс].

Относительно слов с корнем *ord/ort* в других европейских языках: здесь мы сталкиваемся с основополагающими смыслами лингвокультур: ключевой концепт немецкой ментальности *Ordnung* имеет этот корень. Слово *Ordnung* – репрезентант концепта – означает «порядок, строй, устав». Концепт включает в свою базовую часть такие признаки, как «*Disziplin* “дисциплина”, *Gesetz* “закон”, *Regeln* “правило”, *Reihenfolge* “последовательность”» (Тахтарова С. С., 2009, 231).

Военные – это особый вид сообщества людей, которые с давних времен выделяются в особое сословие. В Индии – это кшатрии (санскр. क्षत्रिय «властный, благородный») – особая каста. В русском языке – это *орда*, казаческое войско: *казаки*. В латинском языке: *ordo*, *in is m* «сословие» (Дворецкий И. Х., 1976, 711).

В отечественной архитектуре встречается термин *ордер*, характеризующий греческий (античный) стиль. Ордерная система имеет разновидности: *дорический ордер*, *ионический*, *коринфский*, различавшиеся пропорциями в размерах и декором. Несущие и несомые части в любом строении, созданном в дорическом ордере, ионическом или коринфском: цоколь по периметру храма, колонны – несущая часть; антаблемент – перекрытие из архитрава (балки, лежащей на колоннах)¹, фриза – часть несомая. Архитектурный *ордер* (лат. *ordo* «строй, порядок») – тип архитектурной композиции, использующий определённые элементы и подчиняющийся определённой архитектурно-стилевой обработке. Здания, построенные в этом архитектурном стиле, находятся в странах по всему земному шару. Судя по всему, архитектурный *ордер* – пример типового строительного проекта². Есть ряд латинских слов и выраже-

---

сидений; 5) воен. линия, шеренга; 6) отряд, центурия (*ordinem ducere* «вести центурию, командовать центурией, служить или быть центурионом»; *alqm in ordinem cogere* «заставить кого-либо стать в строй»); 7) центурион; 8) унижать достоинство, унижать, обижать; 9) разряд, сословие (*ordo equester* «всадническое сословие»; *ordo pedester* «класс граждан, которые служат в пехоте»); 10) разряд, класс, звание; 11) порядок, надлежащая последовательность, правильный ход, движение, правильное устройство (*res in ordinem adducere* или *redigere* «привести дела в порядок»; *ordines temporum explicare* «излагать события в хронологическом порядке»); 12) биолог. отряд (Латинско-русский онлайн словарь).

¹ Ср. лат.: *jugum* «поперечина, перекладина, поперечный брус» (Дворецкий И. Х., 1976, 711). Слово *уго* латинского происхождения, и у этого слова отмечена архитектурная семантика. У этого же слова есть значение «уго (воротца из двух вертикальных копий, воткнутого в землю, и одного горизонтального, под которым римляне заставляли пройти побеждённых в знак их покорности) (*sub jugum* или *sub jugo mittere* C, L etc. и *sub jugo abire* L)» (там же).

² В советском строительстве существовал термин *типовой проект*. Типовое проектирование – это разработка проектов зданий, конструкций, предназначенных для многократного строительства. Типовой проект одобрен государственными структурами и широко используется в рамках государства.

ний с семантикой строительства с корнем *ord*, где содержится указание на нормативы: *lapis ordinarius* Vtr «ординарная каменная кладка, при которой верхний слой закрывает пазы нижнего»; 2) соответствующий обычным правилам, обычный, надлежащий, нормальный (Дворецкий И. Х., 1976, 711).

Кроме слов, относящихся к военной терминологии, общественному сословию, другая часть слов латинского языка показывает семантику речи / языка и общения, а также значения ткачества: *ordior*¹, *orsus sum*, *ordiri* начинать(ся); говорить, обращаться; навивать основу (ткацк.); *oratio ordinaria* Sen правильно построенная речь; ср.: *jugum* навой (в ткацком станке) (*tela jugo vincire*) (Дворецкий И.Х., 1976, 711). Язык объединяет род и племя – народ. Ткачество – традиционный вид женского труда: богиня-пряха в русской лингвокультуре – Макошь (Мокошь) – хранительница рода.

Анализ слов с корнем *ord/ord/ort* в разных языках позволил выявить несколько важных аспектов, их объединяющих: 1. Их семантика прямо указывает на военное сословие; 2. Это военные термины; 3. Они обозначают порядок, управление и устройство; 4. Это строительные термины, вошедшие во все культуры европейских государств, что показывает сильнейшее влияние на архитектуру этих стран со стороны языка-источника; 5. Слова указывают на язык и речь; 6. Слова связаны с ткачеством. У славян нити судьбы в руках Макоши/ Мокоши, у греков и римлян это норны и парки (пряжи, в руках которых находится жизнь человека). Как видим, только при первом соприкосновении с темой семантики слов с корнем *ord/ord/ort* сталкиваются две позиции: историческая и идеологическая, которые взаимопределяют друг друга.

Литература

1. Аракин В. Д. Латинско-русский словарь. URL: http://www.6lib.ru/books/latinsko_russkii_slovar_-22820.html (дата обращения: 24.01.2024).
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1976.
3. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ ; Астрель, 2003.
4. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000.
5. Мусселиус В. Русско-латинский словарь. СПб. : Издание К. Л. Риккера, 1891.

---

¹ *ordior*, *orsus sum*, *īrī* depon. 1) ткацк. навивать основу (*Parca, quae hominis vitam ordiatur* Lact) или ткать (*araneus orditur telas* PM); 2) а) начинать (*opus, bellum* L; *sermonem* C): *initium alicujus rei ordior* C положить начало чему-л.; *ordior aliquem* Nep начать говорить о ком-л. (дать чьё-л. жизнеописание); *commodum dominari orso* Ap как только (Поликрат) воцарился; б) начинать говорить, приступать к рассказу: *ordior ab aliquā re* C, L etc. исходить из (начинать с) чего-л.; *unde igitur ordiar?* C чего же мне начать?; *tum Aenēas sic orsus est* V тогда Эней начал так; 3) говорить, обращаться (*alicui* O) (там же).

6. Пименова М. В. Процесс семантического развития слова *орда* // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография. Казань : ИЯЛИ, 2019. С. 198–201.

7. Попов В. А. Концепты *Род* и *Родовая организация*: опыт переосмысления дефиниций // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 230–242.

8. Словарь современного русского языка / под ред. А. Е. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1987. Т. II. (МАС)

9. Таланин В. И. История. Т. 3: Русская история до конца XVIII в. Мировая история до конца XVIII в. Иркутск : Репроцентр А1.

10. Тахтарова С. С. Концепт «*Ordnung*» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2 «Филология и искусствоведение». 2009. Вып. 3. С. 229–234.

11. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. 3.

12. Черноусова И. П. Концепт *знакомство* в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров) // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 297–306.

М. В. Пименова

Международный гуманитарный университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. В. Вайрах

Иркутский национальный технический исследовательский университет (Иркутск, Россия)

КОНЦЕПТ РОДНИК КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Цель статьи – описать мотивирующие признаки концепта *родник*, а также развитие его концептуальной структуры во времени и языке. На основе анализа одиннадцати этимологических словарей было обнаружено 13 мотивирующих признаков.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, языковая картина мира.

Слово *родник* – русское, в других славянских языках эквиваленты отсутствуют. В словарях это слово отмечено в 1731 г., а прилагательное *родниковый* в 1794 г. (Черных П. Я., 1999, 119). В русском языке XI–XVII вв. известно слово *родище* «источник», «место рождения реки» и *родьникъ* в этом же значении (Срезневский И. И., 1893, 134; Фасмер М., 1987, 492; Шапошников А. К., 2010, 283).

Этимологически слово восходит к той же основе, что и *род*, *родить* – словам и соответствующим значениям «то, что родит»:

‘род’ (Горяев Н. В., 1896, 300; Крылов Г. А., 2005, 343; Преображенский А. Г., 2010, 208; Фасмер М., 1987, 492; Цыганенко Г. П., 1989, 359; Черных П. Я., 1999, 119; Micloshich, 1886, 280);

‘источник’ (Преображенский А. Г., 2010, 208; Фасмер М., 1987, 492; Шапошников А. К., 2010, 283; Черных П. Я., 1999, 119);

‘поколение’ (Крылов Г. А., 2005, 343);

‘родить’ «рождать, давать начало» (Крылов Г. А., 2005, 343; Цыганенко Г. П., 1989, 359; Черных П. Я., 1999, 119; Шапошников А. К., 2010, 283];

‘родиться’ (Шапошников А. К., 2010, 283);

‘река’ (Шанский Н. М.: интернет-ресурс; Шапошников А. К., 2010, 283);

‘родник родит воду’ (Крылов Г. А., 2005, 343);

‘родный’ «рождающий» (Шанский Н. М.: интернет-ресурс; Свиридова М. Н., 2014: 325);

‘давать начало’ (Цыганенко Г. П., 1989, 359);

‘раждаю’ (Гельтергоф Ф., 1771).

Найденные мотивирующие признаки концепта *родник* указаны в таблице 1.

Таблица 1

**Мотивирующие признаки
символического концепта *родник***

№ п/п	Мотивирующие признаки	Словари										
		Горяев Н. В.	Крылов Г. А.	Преображенский А. Г.	Цыганенко Г. П.	Шанский Н. М.	Шапошников А. К.	Фасмер М.	Черных П. Я.	Micloshich Fr.	Свиридова М. Н.	Гельтергоф Ф.
1	‘вода’	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	‘источник’	–	–	+	–	–	+	+	+	–	–	–
3	‘место’	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	–
4	‘(давать) начало’	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
5	‘поколение’	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	‘река’	–	–	–	–	+	+	+	+	–	–	–
7	‘род’	+	+	+	+	–	–	+	+	+	–	–
8	‘родить’	–	+	–	+	–	+	–	+	–	–	–
9	‘родиться’	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–

№ п/п	Мотивирующие признаки	Словари										
		Горяев Н. В.	Крылов Г. А.	Преображенский А. Г.	Цыганенко Г. П.	Шанский Н. М.	Шапошников А. К.	Фасмер М.	Черных П. Я.	Miclosich Fr.	Свиридова М. Н.	Гельгергоф Ф.
10	‘родный’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
11	‘рождающий’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
12	‘рождение’	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-
13	‘раждаю’	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+

В итоге анализа словарной статьи «родник» в 11 этимологических словарях был найден набор мотивирующих признаков концепта *родник*, состоящий из 13 единиц. Эти признаки можно сгруппировать в 4 блока: 1. Рождение (‘род’, ‘родить’, ‘родиться’, ‘родный’, ‘рождающий’, ‘рождение’, ‘раждаю’); 2. Начало (‘(давать) начало’); 3. Вода (‘вода’, ‘источник’, ‘река’); 4. Пространство (‘место’).

В современном русском языке слово – репрезентант изучаемого концепта, приобретает значение: родник – «водяная струя, бьющая из-под земли вследствие выхода подземных вод на поверхность земли», «природный водный источник», «ключ» (Черных П. Я., 1999, 119), «водный источник, текущий из глубины земли, ключ» (Крылов Г. А., 2005, 343), «естественный источник воды», «ключ» (Цыганенко Г. П., 1989, 359).

В «Словаре русских народных говоров» указаны омонимы слова *родник* и его синонимы. 1. *Роднік, м. 1. Колодец. В этом роднике ключевая холодная вода. Кирил. Волог., 1896–1920. Сбегайте на родник за водой. У нас родник – вот глубоченной. Волог. СД Роднік. Черепов. Новг., 1910. а Родник. Пошех. Яросл., 1849. Яросл. Пенз. О Родник молока кому-л. Пожелание при дойке коров. Яросл., 1989. а [Удар.?! Балтийск. Сарат., 1946–1949. 2. Родник. Питьевая вода. Залей родником! Что ты родник-то пьешь? Каргон. Арх., 1976. 3. [Удар.?!]. Исток реки. Ворон., 1973. – Доп. [Знач.?!]. Междуречье Оки и Клязьмы, Строганова, 1945.*

2. *Роднік, м. Родственник, родня. Котельн., Слобод. Вят., 1848. Вят. Нужно к роднику в гости сходить. Родник-то, он свой, родной. Невестины родники поедут. Арх. Родники угощают. Пек. Вся деревня родники. Родники съезжаются. С ее стороны родники ли, горды приехали. Ср. Урал. Якут., Камч. О Чеи-л. роднік. Вят., 1896. Тут пришел мужик, ихний родник. Арх. В начале зимы жители Русского Устья радушно встречали своих родников. Якут., Камч. а Рбднік. Олон., 1885–1898. Родник он мой, то дров, то воды принесет. Сев.-Зап. о Родник.*

Переясл.-Влад., 1848 Костром. И собираются у невесты родники – родня Арх Нет знакомства и родников Гости приехали, все родники соби- рались Киров., Удм АССР У кого есть родники, гуляют вместе Новосиб, Прибайкалье О Родник кому-л Он мне родник Никол., Волог, 1883–1889 Парень-от родник нам, племянник от брата Арх 0 Родник, родники с кем- л. А мы с ним родники Вохом Костром, 1980 п [Удар'] Краснояр, 1966.

В словарях даются синонимы слова ‘родник’: *аршан* (16); *вершень*, *вершина* (15); *верховик* (13); *вьюр*; *вьюн* (20); *вадья*; *водосоп*; *гремяч* (10); *дрич* (13); *ердань* (13); *жерело* (13); *жилина*; *жила*; *живец*; *иголка* (13); *каржа* (13); *каржина* (13); *криничка*; *крыничка*; *крыниченька* (13); *креница*, *креничка*, диал. *кыница* (курск., орл.); *крина* [13]; *ключица* (13); *ключак* родник, *ключ*, *ключак* (11); *ключина* (11); *ключевина* (11); *колодезь* (1); *кагальник* (1); *кипун*; *крутик* (7); *кряж*; *ляло*; *пруд* (1); *пендус* (7); *родище*; *родовина* (11); *русло*; *рождение*; *родище*; *струга* (13); *источник* (13); *сточник* (4); *исток* (13); *святник* (13); *святой ключ* (14); *светун* (14); *светун* (11); *студенец*; *талец* (11); *теплица*; *хрящ* (14); *чичора* (20); *чигирь* (20); *чишма* (Источник, фонтан для набора воды) (9); *яруг*.

В словаре И. И. Срезневского дается лексема исходь др.-русск. (ис- точник) *потокъ*: *Въ исходѣхъ водѣньихъ. Ио. екз. Бог. 308.* (17).

В Словаре русского языка XI-XVII вв. дается лексема «*отвратъ*» др.- русск. «течение, потокъ»: *Акы отвратъ расына (ὄσπερ τι ρεῖμα διέλυσε ν). Гр. Наз. XI β. 67. Яко же и отврати выспръ текушите (χαθάπερ ρεύματος ανατρέχοντα, velut fluctu reciprocante). т. ж. 27»; *отвратъ русск.-цслав. Течение, поток. Якоже и отврати выспръ текушите (ὄεύματος ἀνατρέχοντος). Гр. Наз., 21. XI в. Акы отвратъ расына (ὄσπερ τι ρεῖμα) (16).**

Объем структуры концепта ‘родник’ расширяется посредством приращения семантических компонентов, актуальных для определенного периода времени, национально-культурного восприятия народа. Устаревшие концептуальные признаки сохраняются в контекстах, а на их основе можно отследить семантическую трансформацию ментального образования.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества, М., 2003.
2. Гельтергоф, Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон: Купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российской этимологию / Изданный м[агистром] Франциском Гелтергофом, немецкаго языка лектором в Имп. Московском университете. [М.] : печатано при Императорском Московском униерситете, 1771.
3. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис : Тип. Канцелярии Главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1896.

4. Карпенко Ю. А., Уэмура С. (отв. ред.) Словарь русских говоров Одесщины. Одесса : Астропринт, 2001.
5. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. С. 343.
6. Micloshich Fr. Etymologisches Worterbuch der Slavischen Sprachen. Vien : W. Braumuller, 1886. S. 280.
7. Псковский областной словарь. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т, 1994.
8. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. II. С. 208–209.
9. Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Ду, 2005
10. Словарь пермских говоров. Пермь, 2000.
11. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Санкт-Петербург. гос. ун-т; гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–.
12. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2001. Т. 35. С. 139–140.
13. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина; Рос. акад. наук. Ин-т лингв. исслед. СПб. : Наука, 2001.
14. Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск : Наука, 2001.
15. Словарь русского языка XVIII в. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru>
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–.
17. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб, 1893.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. III.
19. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев : Рад. Шк., 1989.
20. Федоров А. И. Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск : Наука, 2001.
21. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. II.
22. Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/p/родник> (дата обращения: 23.01.2024).
23. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : ФЛИНТА, Наука, 2010. Т. II.
24. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачёва (ЭССЯ). М. : Наука, 1974–.
25. Этимологический словарь современного русского языка / под ред. М. Н. Свиридовой. М. : Аделант, 2014.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена описанию национально-культурных особенностей в современных лингвистических исследованиях. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому подходу как способу изучения особенностей национальной культуры.

Ключевые слова: язык, культура, национальные черты, лингвокультурология.

Лингвокультурология находится в тесном взаимодействии с когнитивной лингвистикой, будучи «соперницей» последней на передовых позициях современных лингвистических исследований. Различие между этими двумя областями лингвистического знания состоит, прежде всего, в характере расстановки акцентов в уже упоминавшейся триаде «язык – культура – человек», поскольку «с позиции когнитивной лингвистики мы двигаемся от человека к культуре, а с позиции лингвокультурологии – от культуры к человеку» (цит. по: Приходько А. М., 2008, 98). Как отмечает В. И. Карасик, «лингвокультурология – это направление языкознания, направленное на изучение культуры в языке и языка в культуре, т. е. на поиск закономерностей языкового преобразования действительности» (Карасик В. И., 2013, 4).

В русле лингвокультурологических исследований язык рассматривается как способ постижения особенностей национальной культуры определенного народа, исследования ценностного пространства культуры. Лингвокультурологический анализ языковых явлений дает возможность не только сказать что-то существенное о культуре, но и проследить, каким образом культура проявляется в языке. Нас интересует культура в ракурсе ее взаимодействия с языком, в аспекте их взаимосвязей и взаимовлияний. К. Леви-Стросс утверждал, что «прежде всего можно рассматривать язык как продукт культуры, с другой стороны, язык является частью культуры, она представляет собой один из ее элементов. Но и это еще не все: можно также рассматривать язык как условие культуры», ведь именно с помощью языка ребенок приобщается к культуре своей общественной группы. Кроме того, язык выступает фактором культуры благодаря сходству их строения (Леви-Стросс К., 2001, 74). Подытоживая свои соображения насчет корреляции языка и культуры, исследователь отмечает, что важным является позиционирование языка как своеобразного фундамента, на котором выстраивают-

ся определенные структуры, иногда более сложные, чем он сам, однако подобного типа, которые согласуются с культурой в различных аспектах ее существования (там же).

Как отмечает И. А. Голубовская, «на начало XXI в. задача описания «контуров культуры» уже завершена» (Голубовська, 2004, 34) и, по утверждению Н. И. Толстого, «сравнение культуры и языка в общем, а особенно конкретной национальной культуры и конкретного языка, обнаруживает определенный изоморфизм их структур в функциональном и внутренне иерархическом плане» (Толстой Н. И., 2013, 8). Так, между пластами культуры и языка могут возникать параллельные уровни: литературный язык отвечает элитной культуре, просторечие – «третьей культуре», наречия, говоры – народной культуре, арго – традиционно-профессиональной культуре (там же).

Анализ той или иной культуры без привлечения сведений о языке народа не может быть полным, ведь разнообразие языков, их богатство открывает многообразие культур, их красоту и самобытность: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; через разнообразие языков нам приоткрывается богатство мира и богатство того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас более широким, поскольку языки в четких чертах дают нам разные способы мышления и восприятия» (Толстой Н. И., 1995, 347).

Культура как сложная семиотическая система, духовное бытие общества, ментальная память народа, особая форма общения, совокупность духовных и материальных ценностей, созданных людьми, существует в тесной взаимосвязи с языком, в котором она «вербализируется» и хранится. «Язык – это зеркало культуры, в ней отражается не только окружающий человека мир, не только условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его ментальность, национальный характер, стиль жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей и стереотипов и т. п. Языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, т. к. его предмет – это язык, который является условием, основой и, вместе с тем, продуктом культуры» (Кубрякова Е. С., 2004, 26).

Как мы уже отмечали ранее, между языком и миром культуры, который он выражает, находится мыслящий человек, носитель языка. Именно поэтому новая междисциплинарная наука – лингвокультурология – возникает в плоскости антропологической парадигмы в лингвистике. В центре ее внимания находится человек как носитель языка и культуры, норм поведения, его фоновых знаний и лингвокультурных кодов, делающие его представителем данной культуры. По мнению В. А. Масловой, «в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии на передний план исследований выходят коды культуры, которые функционируют в языке. Более того, сама культура может быть представлена как совокупность различных кодов» (Маслова В. А., 2022, 99).

Терминологическая система лингвокультурологии находится на стадии формирования базовых понятий, о чем свидетельствуют попытки исследователей найти их точные определения. В. В. Воробьев ввел термин «лингвокультурема» как комплексную межуровневую единицу, представляющую собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания (Воробьев В. В., 1997, 44). В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин ввели термин «лингвокультурный концепт», который состоит из понятийного, образного и ценностного компонентов. В таком случае, лингвокультурный концепт – это «культурно окрашенный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, которые образуют соответствующую лексико-семантическую парадигму» (Карасик В. И., Слышкин Г. Г., 2007, 12). Иными словами, лингвокультурный концепт – это единица коллективного знания/сознания, имеющая языковое выражение и обозначенная национально-культурной спецификой. Сопоставление семантических пространств разных языков дает возможность увидеть общечеловеческие универсалии, с другой стороны, выделить специфическое, национальное, а потом групповое, индивидуальное в наборе концептов, их вербализации и структуризации. В процессе категоризации человек оперирует концептами, которые возникают благодаря способности человека познавать мир, разделяя его на отдельные структурные единицы (Сергиенко Н. А., 2023, 33).

Из этого следует, что концепты формируются в процессе размежевания объектов, выделения их свойств, действий, или отождествления их свойств на основе общего. Отдельные концепты в языковом сознании человека взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга, образуя концептуальную систему, в функциональной динамике которой происходят постоянные изменения. Те изменения, которые фиксируются языковыми знаками, дают возможность проводить последующие исследования и все глубже проникать в особенности взаимодействия когнитивной и языковой картин мира этноса.

Литература

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М. : Изд-во РУДН, 1997.
2. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу. К. : Логос, 2004.
3. Карасик В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. М. : Гнозис, 2007. С. 12–13.
4. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. славян. культуры, 2004.

6. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
7. Маслова В. А. Код языка как пространство реализации культуры // Коммуникативные стратегии : материалы XI Междунар. науч. конф. (Минск, 24 ноября 2021 г.). Минск : МГЛУ, 2022. С. 99–102.
8. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. Запоріжжя : Прем'єр, 2008.
9. Сергиенко Н. А. Лингвоментальная антропосфера как фактор категоризации лингвокультур : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2023.
10. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : ИНДРИК, 1995.
11. Толстой Н. И. Славянская этнолингвистика: вопросы теории : материалы ко Второму Всерос. совещанию славистов (5–6 ноября 2013 г., Москва) / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013.

В. К. Харченко

*Белгородский государственный университет
(Белгород, Россия)*

СЕМЕЙНЫЕ РОДОСЛОВНЫЕ И ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы изучения символярия семейных родословных.

Ключевые слова: язык, культура, символярий, эталон, семейная родословная, идентичность.

Символярий культуры (термин В. Н. Телия) – это совокупность знаков различных семиотических систем, обладающих культурной семантикой. К культурно-когнитивным доминантам символярия относятся защита Отечества, промышленность, культура, духовная жизнь, общественно полезная деятельность (Токарев 2022). Инвентарь символярия представлен такими понятиями, как архетип, тотем, фетиш, символ, ритуал, оберег, эталон, стереотип, мифологема.

Где скрывается символярий, где его законное место? Конечно, это художественная литература, прежде всего. Дело в том, что литература имеет как минимум две стратегии: одна – отражение жизни, а вторая – насаждение лучшего. Рассмотрим первую стратегию. Здесь у филологии «золотого XIX века» наметились свои прискорбные величины:

- ничего не написано для детей;
- не раскрывается счастливый случай в судьбе; последняя работа в этом плане – «Повести Белкина» Пушкина;

- нет показа честного торговца;
- нет успешного адвоката, замечательного строителя и т. д.;
- нет производственного романа, выражающего «поэзию труда», при чтении которого нам захотелось бы воскликнуть: и я пойду по этой стезе;
- нет произведения, целиком посвященного старому человеку;
- нет демонстрации позитивизма, жизнерадостности применительно к различным ситуациям нашего бытия.

Целые слои населения выпадали из литературы XIX-го века, XX-го и продолжают выпадать из литературы XXI века. Приведём всего лишь один пример, а именно слова С. И. Чупринина: «Я не знаю ни одного, – утверждает далее С. И., – ни одного произведения литературы, которое поддерживало бы сейчас действующую власть. В литературе нет положительного героя среди губернаторов, полицейских, налоговых инспекторов» (Есин 2019: 441).

Конечно, надо признать и нашу, сугубо филологическую, особенность: мы склонны в большей мере говорить о том, что именно надо исправить, забывая подчас одну существенную вещь. Была опубликована статья Александра Кривецкого, в которой говорилось: *«Скажу тебе по секрету: по-моему, литература поставила перед сознанием человечества столько образцов добродетели и целомудрия и так прославила его лучших представителей, что в обозримое время у него [человечества] не хватит ещё ума, чтобы следовать этим примерам»* (Кривецкий 1980).

Действительно, наша литература (после А. С. Пушкина) свернула на проблемный путь. Раскаяние на Руси почиталось. *«Я знаю одного большого поэта, который считает, – писал Виктор Конецкий, – что наша литература делится на литературу чести и литературу совести (Лермонтов и Достоевский – полюсы). Нашу литературу чести в мире уважают, классиков ее переводят и изучают. Но не она потрясла мир. Мир и до сих пор вздрагивает от нашей литературы совести»* (Конецкий 1975).

Так что вопрос: почему русская литература – это литература страдания, не кажется нам надуманным. Более того, наша жизнь даёт свежие примеры исчезновения из коллективного сознания таких понятий, как дружба, взаимопомощь.

«Анализ словоупотребления в современной речи показывает, что на периферию лексикона русского языка сместился целый пласт слов, обозначающих важнейшие понятия русской культуры, которые имеют длительную историю, вбирают в себя разные ее пласты, концептуализируют гуманистические представления о мире, накопленные человечеством: *сострадание, жалость, милосердие, сердобolie, участие, сочувствие, взаимопонимание, совесть, справедливость, радость, честь, стыд, стыдливость, добро, добродетель, уважительность...*» (Шахов-

ский 2017). Так, проведенное сравнительно недавно, в 2014 г., Е. Н. Кондратенко экспериментальное исследование выявило исчезновение из активного лексикона... такого слова, как «честь». Респонденты давали характерные, знаковые ответы для прошлых эпох: *уже не в чести; то, что отсутствует у многих в современном мире; то, что присуще рыцарям; редкость; забытое качество; традиции прошлого* (Кондратенко 2014: 105–106).

Приведём еще один яркий пример утраты нравственного поведения в нулевых годах XXI века. «Ценности советского общества – коллективизм, дружбу, взаимовыручку – поспешили отменить и, надо сказать, не без успеха. Уже в нулевые я с изумлением отметила для себя у пятиклассников странную, неприемлемую раньше вещь: заболевшему однокласснику, девочке или мальчику, приятели сообщают неправильные номера домашнего задания – такая специальная подстава, чтобы не получил хорошей оценки» (Коняева 2023: 134–135). Поясним: речь в этой статье шла о престижной школе с углублённым изучением английского языка.

«Просмотрел нечитанные газеты. Во вчерашней «РГ» любопытное сообщение. Наталья Солженицына отредактировала «Архипелаг Гулаг» для школы: сделала из трех томов один. Не представляю, как даже этот один том школьник будет читать, как воспримет он, прочтя, этот очень специфический материал. Что школьник станет думать о русской истории? Выбивается из истории весь советский период и заменяется лагерями, ссылками, расстрелами. Точно также из моего поколения выбивали всё позитивное, что всё же было в царской России. Бедная история, её насилует, как проститутку, каждый режим» (Есин 2012: 410).

Спрашивается: где же отыскать образцы целомудрия и человечности? И здесь вступает в силу неявная вторая стратегия книжной литературы. Говорящие на русском языке, наши соотечественники находят в анналах изданных книг свой способ выживания. Попробуем обратиться к этой таинственной стратегии литературы – насаждению лучшего поведения в жизни. Да-да, мы ищем, и мы, если ищем, то находим цитаты, отвечающие второй, менее заметной, но не мене важной стратегии. Но мы будем говорить не о литературе, а об «изданиях», бытующих в семье – семейных родословных, «изданиях» мало известных, однако они есть и оказывают свое влияние на чувство национальной идентичности.

Мы собирали родословные с 2002 года, предлагая слушателям курсов повышения квалификации и студентам писать развернуто, приводя факты, примеры переживаний, описывая поведение родственника. Получилось в итоге совмещение жанров: семейные родословные сопровождались материалом, более свойственным обычным сочинениям (Харченко 2013). Назовём состав симболяр: архетип, тотем, фетиш, символ, ритуал, оберег, эталон, стереотип, мифологема. Сегодня, сейчас мы выделим в этом списке «эталон» поведения и его прокоммен-

тируем. Сначала рассмотрим по родословным не эталон, а некоторые эталонные звенья.

«Роднитесь!» – таким было последнее слово старой женщины, сказанное своим близким.

«Она одинаково владела и пилой, и иглой» – так характеризовали умение бабушек работать и по мужской части, и по женской. Этот фразеологизм употребляется в нескольких родословных.

«На белом свете – маковом цвете!» – такой поговоркой женщина оснащала свою жизнь, радуясь самому факту жизни, невзирая на трудности, заботы, проблемы, которых всегда хватало.

«Первый раз не горазд!» – говорилось в утешение человеку, не очень успешно пытавшемуся что-либо сделать, осваивающему новое ремесло.

Таких слов-признаний немного, но они бесценны. Эталонные звенья касаются «последних советов», когда умирающая женщина говорит своим близким самое главное (*роднитесь!*). Многообразие умений – это тоже из серии эталонных знаний: как хорошо, когда в семье есть такой человек! Про маковый цвет – здесь повествуется сама идея жизнерадостности наперекор всему, жизнеутверждения, веселой и высокой стойкости. А «первый раз не горазд» – это о терпении, которым знаменуется каждое дело в его трудном, чреватом ошибками начале.

Эталонные звенья весьма значимы, но не только они прочитываются в текстах семейного родословия. Семейные родословные иногда содержат сами эталоны поведения, рассказы о людях, повлиявших на человека, сейчас пишущего о них, и здесь эталон смыкается с архетипом. Символарий охватывает различные стороны жизни, о которых писал Г. В. Токарев: защиту отечества, промышленность, культуру, духовную жизнь, общественно полезную деятельность (Токарев 2022). Проиллюстрируем такую сторону жизни, как защиту отечества.

«Он рос на рассказах о героической судьбе своего отца. Гордость за него и желание повторить жизнь героя подвигла Данилу Григорьевича пойти по стопам отца. В 1936 году он заканчивает пулеметно-артиллерийскую школу, участвует в финской кампании, совершает ряд подвигов и удостоивается награждения медалью и присвоения звания Герой Советского Союза (медаль за номером 425). Поэт Твардовский посвящает деду ряд своих произведений» (С. Д.)

«Его ещё совсем мальчишкой забрали на фронт в пехоту. Он из тех редких людей, кому повезло пройти всю войну и дойти до Рейхстага. Я им очень горжусь!» (Н. П.).

«Дед воевал на Балтийском море. Он был матросом на корабле. В 1942 году сторожевой корабль, на котором служил дед, был потоплен немецкой подводной лодкой. Торпеда попала прямо в центр корабля. Сторожевик затонул почти мгновенно. До берега было около

25 километров. Из 30 уцелевших матросов доплыли 17. Доплыв до берега, остаток команды попал под налёт вражеских самолётов. В итоге от команды осталось несколько человек, в числе которых был мой дед» (В. Н.).

«Запомнил на всю жизнь встречу с сыном Чапаева – Александром Васильевичем, который какое-то время был командиром истребительного противотанкового полка, в котором служил и дедушка. О сыне Чапаева – Александре Васильевиче дед отзывается с большим уважением, говорит, что он был строг, горяч, но очень справедлив» (А. Ч.).

«И вот однажды когда я первый раз увидела книгу «Солдаты Победы» и прочитала там фамилии родных (может, это и однофамильцы), меня охватили чувства, которые нельзя выразить одним словом: это и боль, и радость, и гордость. Боль за украденное детство моих бабушек и дедушек, радость за тех родных, кто прошёл страшное пекло войны и возвратился домой с победой. Я горжусь ими, горжусь своими родными!» (К. Л.).

Не в каждом отрывке в заключение стоят слова «Я горжусь им», однако эта гордость сквозит в самом факте рассказа о подвиге героя или о судьбе, которая адекватна подвигу. Символ, ритуал, оберег, мифологема – эти инструменты, составляющие языковое своеобразие, национальную идентичность, тоже находят свое место при внимательном чтении текстов родословия. *Ритуал* – когда вся семья собирается в День Победы или на Пасху. *Символ* – это о знамени, которое водружалось над рейхстагом. *Мифологема* – это повторяющийся рассказ о подвиге или о каком-то другом событии в жизни. *Оберег* – когда провожающая на войну сына мать дает иконку, не веля с ней расставаться. Приведём весьма выразительный пример с таким инструментом национальной идентичности, как оберег. В сочинении о Патрихалиной Ульяне Марковне говорится: «Воспитала достойными людьми одиннадцать детей. Сохранила семью в период голода 1933 года (никто не умер от голода). В 1941 году отправила на фронт четверых сыновей. Каждому дала по иконке (“Иисус-спаситель”). Все четверо вернулись в 1945–1946 целыми и невредимыми» (А. П.).

Мы привели всего несколько отрывков из семейных родословных (Харченко 2021), чтобы в итоге сказать следующее. Этот символярный в нашей культуре существует, но, во-первых, он на грани исчезновения, поскольку у слушателей подчас не бывает ни времени, ни желания слушать и записывать своих стариков, а во-вторых, он относится к закрытым фондам, не проговариваемым, и потому весьма часто неизвестным другим людям. Сохранение и разработка таких фондов относится к задачам отечественной филологии, потому что жизнь человеческая содержит массу не исследованных, но весьма актуальных, скажем сильнее: великих смыслов.

Литература

1. Есин С. Н. Дневник – 2010. М. : Академика, 2012.
2. Есин С. Н. Дневник – 2016. М. : Вест-Консалтинг, 2019.
3. Кондратенко Е. Н. Идеологические проксонимы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2014.
4. Конецкий В. Морские сны. Л. : Советский писатель, 1975.
5. Коняева Е. П. Элли и дружба народов // Звонница. 2023. № 4. С. 133–139.
6. Токарев Г. В. Вопросы изучения символика региональной идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2022. Т. 21. № 6. С. 173–182.
7. Харченко В. К. Семейные родословные : в 30 т. Белгород, 2013.
8. Харченко В. К. История Родины в зеркалах семейного родословия. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021.
9. Шаховский В. И. Триада экологий: человек, язык, эмоции в современной коммуникативной практике. Волгоград : Перемена, 2017.

СИМБОЛАРИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. Б. Абакумова

*Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева
(Орел, Россия)*

АНТИПОСЛОВИЦЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам выражения национальной идентичности в антипословицах на материале русских и английских пословиц о дружбе. Анализ показал, что при трансформациях полученные окказиональные выражения обнажают свою внутреннюю форму, признаки, которые лежат в основе номинации концепта и каждой конкретной пословицы. Пословичные трансформы в контекстах их употребления показали как универсальное, так и национально специфическое, представленное в семантике деонтических норм, этических в русской культуре и утилитарных в английской.*

Ключевые слова: *пословицы, антипословицы, дружба, язык, культура, идентичность.*

Пословица определяется нами как замкнутая предикативная фразеологическая единица гибридного типа, совмещающая признаки языкового знака и минитекста, с обобщенным, чаще метафорически мотивированным значением в ритмически организованной форме, используемая в речи как тактическое средство реализации разных коммуникативных целей и стратегий [Абакумова 2022, с. 11].

Антипословица в понимании автора этого термина В.Мидера и его соавтора А. Т. Литовкиной это трансформированная традиционная пословица, которая может быть просто результатом языковой игры, но чаще представляет собой критическую реакцию на картину мира и ее нормы и правила, представленные в традиционных пословицах [Mieder, Litovkina 1999]. Сходного понимания придерживается Е. В. Иванова, которая определяет антипословицу как суждение, в котором отрицаются утверждаемые в пословичной картине мира нормы и правила поведения [Иванова 2014]. Х. Вальтер и В. М. Мокиенко используют более широкое понимание, согласно которому антипословицы рассматриваются не только как видоизмененные пословицы, но и как трансформы афоризмов, крылатых слов и даже известных высказываний из сказочных и других прецедентных текстов [Вальтер, Мокиенко 2010].

Полагаем, что следует выделять два типа антипословиц в зависимости от фокуса интереса говорящего. В первом случае внимание человека, использующего антипословицу на базе традиционной, сосредоточено на модификациях фонетической, лексической составляющей и, возможно, синтаксической структуры (в плане перестановки слов или клауз в начало, середину или конец антипословичного высказывания). Например, *Сугроб да вьюга – два санкций друга* (ср. *Сошлись два друга – мороз да вьюга*). Второй тип антипословиц сохраняет сентенциальный фокус интереса говорящего: *Ничто не проходит* (ср. *Все проходит*); *И один в поле воин* (ср. *Один в поле не воин*). Этот тип антипословицы связан с изменением пропозиции базовой формы пословичного высказывания, в которой появляется отрицание, и тех деонтических норм, которые эксплицитно или имплицитно представлены в семантике традиционной паремической единицы. Во втором случае речь может идти об отражении в антипословицах изменения системы ценностей данной лингвокультуры [Абакумова 2022, с.16].

В данной статье хотелось рассмотреть, как через антипословицы проявляется национальная идентичность русских и англичан.

Энциклопедия Британника так определяет феномен дружбы:

дружба, как правило, характеризуется пятью определяющими чертам:

1) это диадические отношения, означающие серию взаимодействий между людьми, известными друг другу;

2) дружба признается обеими участниками отношений и характеризуется узами взаимной привязанности;

3) дружба не является обязательной; это одно из наименее предписанных близких отношений в западных обществах, она не предполагает каких-либо формальных обязанностей или юридических обязательств друг перед другом;

4) дружба носит, как правило, эгалитарный характер. Например, в отличие от отношений между родителями и детьми, каждый человек в дружбе обладает примерно одинаковой властью в отношениях;

5) для дружбы почти всегда характерны дружеские отношения и совместные занятия, но одной из главных целей дружбы является товарищеское общение; дружба подростков и взрослых имеет такие функции, как служение источником эмоциональной поддержки, а также возможностей самораскрытия и близости (Encyclopedia Britannica: <https://www.britannica.com/topic/friendship>).

Посмотрим, как отражается представление о дружбе в шутках и афоризмах, созданных в русскоязычной и англоязычной лингвокультуре.

Пример 1. Показывает трансформацию структуры базовой формы пословицы «Скажи мне, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты», которая приводит к изменению смысла пословицы, но, бытовой диалог в целом демонстрирует стойкое восприятие явления дружбы как необходимости

оказания поддержки другу в любой сложной ситуации. Как известно, в каждой шутке есть доля шутки, остальное правда.

А. – Скажи мне, кто ты, и я тебе скажу, кто твой друг.

Б. – Я миллионер.

А. – Я твой друг. <https://vse-shutochki.ru/shutka/23074>

Проведем анализ антипословицы в контексте с помощью модели КДМ (Абакумова 2013).

Коммуникативная составляющая: говорящий использует инструментальную индивидуально-ориентированную коммуникативную стратегию, желая узнать социальный статус и финансовое положение своего партнера по коммуникации. Вероятно, он уже о нем наслышан и хочет в шуточно-манипулятивной форме напроситься в друзья, чтобы иметь возможность обратиться за финансовой помощью в случае необходимости.

Констативная (когнитивная) составляющая: пословичный сценарий представлен в виде наложения двух типов фреймов.

Обобщенный фрейм: согласно 2-й логико-семиотической модели Г. Л. Пермякова, «Если две вещи связаны между собой, и одна вещь обладает каким-либо свойством, то и другая вещь обладает этим же свойством». Если человек богат, то у него много друзей, которые тоже мечтают, что станут богатыми рядом с ним, или хотя бы будут иметь возможность обратиться к нему за помощью в позиции друга. В рамках русской лингвокультуры друг обязан всегда прийти на помощь, расценивая беду своего товарища как свою собственную.

Конкретно-ситуативный фрейм: говорящий хочет стать другом миллионера, подразумевая, что тот всегда поможет ему деньгами в случае необходимости.

Репрезентативная (экспрессивная) составляющая: модальность высказывания алетическая, аксиологическая (высокая ценность дружбы в русской культуре, оценка ситуации положительная) и деонтическая.

Регулятивная составляющая: говорящий использует трансформ пословицы и расширяет возможный смысл, в контексте которого на поверхность выходит имплицитный смысл, заключенный в этических нормах взаимодействия социального поведения в рамках данной культуры: «Нельзя причинять вред своим», «Люди должны помогать друг другу», «Нельзя бросать друзей в беде» [Карасик 2004].

А теперь рассмотрим **Пример 2**, который представляет трансформ английской пословицы *A friend in need is a friend indeed* (Друг в беде – настоящий друг) показывает позицию англговорящего субъекта, принадлежащего к индивидуалистическому типу культуры:

– It was the liberal politician Lord Samuel who famously once said ‘*A friend in need is a friend to be avoided*’ and I have to agree with him. Needy people – even if they are your mates – are a pain in the backside.

*By Claudia Connell for MailOnline
Updated: 00:10 BST, 19 May 2011*

Проведем анализ смысла данной антипословицы в контексте с помощью модели КДМ.

Коммуникативная составляющая: говорящий использует социально-ориентированное стратегическое действие, желая убедить слушающих в своей правоте и навязать им свое мнение о том, что люди в беде, даже если это твои товарищи, это обуза, и совсем необязательно помогать своим друзьям, наоборот, их нужно избегать.

Констативная (когнитивная) составляющая: пословичный сценарий представлен опять наложением двух типов фреймов.

Обобщенный фрейм: предстает в виде 4 модели Г. Л. Пермякова «Если две вещи связаны и одна обладает каким-либо свойством, а другая нет, то первая вещь предпочтительнее второй».

Конкретно-ситуативный фрейм: либеральный политик, уверенный в себе и в том, что его соотечественники его поймут и поддержат, утверждает, что не следует помогать другу в беде, каждый должен сам решать свои проблемы.

Репрезентативная (экспрессивная) составляющая: модальность эпистемическая, аксиологическая (невысокая ценность дружбы в индивидуалистическом обществе, оценка ситуации отрицательная), деонтическая.

Регулятивная составляющая: инференция пословицы в контексте предполагает опору на утилитарные нормы социального взаимодействия: нормы реализма (Следует рассчитывать на себя и предпочесть наиболее реальное благо и наименьшее зло), нормы безопасности (Следует быть осторожным) и нормы благоразумия (Не следует тревожиться).

Проведенный анализ пословиц и антипословиц о дружбе показал как универсальное, так и национально специфичное в толковании данного феномена в русской и английской лингвокультуре.

Литература

1. Абакумова О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : автореф. ... д-ра филол. наук. Орел: ОГУ, 2013.
2. Абакумова О. Б. Пословицы и антипословицы как средства выражения оценки и динамика системы ценностей лингвокультуры // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : сб. науч. трудов VI Междунар. науч.-практ. конф. 20–21 окт. 2022 г. Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2022. С. 10–17.
3. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
4. Иванова Е. В. Кривое зеркало английских антипословиц // Язык как культурный код нации. СПб. : Изд СПбГУ, 2014. С. 83–104.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
6. Mieder W., Anna T. Litovkina. Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs. Burlington : The University of Vermont, 1999.

А. Х. Аттия

*Университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)*

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Аннотация. *Язык, общество и культура взаимодействуют и влияют друг на друга, невозможно исследовать одно из них отдельно.*

Ключевые слова: *язык, общества, взаимодействие, взаимоотношение, лингвокультурология.*

Язык, культура и общество неразрывно взаимодействуют и сильно влияют друг на друга. Язык является феноменом на высшем уровне общества, невозможно изучать общество с точки зрения социологии без вербальной коммуникации. Культура – это совокупность факторов мышления, деятельности, ценностей, взаимодействия и убеждений, традиций, знаний и восприятия мира у одного народа.

При изучении функционировании языков выделяем два направления:

1) выделение роли и функций одного языка в пределах одного государства;

2) создание шансов коммуникации с субъектами из других государств, говорящими на иностранных языках.

Второе направление считается актуальным во всех странах. Учёные исследуют оптимальные условия для получения нужной информации и построения экономических контактов с носителями других языков, поэтому они изучают языки, имеющие признаки и обозначающие термин социальной значимости. Этот способ овладевает некоторыми элементами. Социальная значимость языков понимается только в рамках совокупности компонентов, например (количество носителей одного языка, менталитет носителей данного языка, количество иностранных обучающихся этого языка, богатство литературы данного языка и т. д.).

Принцип «язык – общество»

Г. Штейнталь считает, что по наследству представители одной нации имеют главные черты в психике и языке, обусловленные передачей. По нему, язык является продуктом народа, и отражением его самосознания, мировоззрения, логики (Штейнталь Г., 1964, 82). По мнению Бодуэна де Куртене, язык может только развиваться в обществе. Б. Куртене думает, что общество ограничивает и ускоряет развитие языка. Поэтому язык является коллективно-индивидуальным явлением, позволяющим выполнять коммуникативную функцию (Бодуэн, 2010, 52).

Ф. Фортунатов тоже отмечает открытое отношение между языком и обществом, он даже подверждает языкознания – это исследование истории и общественное развитие языка (Фортунатов Ф., 2016, 46). Ф. Эн-

гельс доказывает, что язык родился вместе с обществом из-за необходимости наличия средство общения людей в процессе их совместной производственной деятельности («Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека») и «формировании людей» (в процессе труда «пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу») (Энгельс Ф., 1968, 67). Ф. Соссюр считает, что связь языка и истории нации внеязыковым факторам, потому что, в языке отражаются традиции нации, и он формирует нацию. Факторы как политика или миграция способствуют на распространению языка (Соссюр Ф., 1977, 87).

А. Мейе соглашается с Ф. Соссюром в том, что язык является социальным продуктом речевой деятельности. Он утверждает, что лингвистика – социальная наука, и лингвистики стремится определить образование общества в соответствии с структурой языка и какие изменения в строении общества, отражающиеся на изменениях структуры языка. Й. Вахека верит в существование связь языка с социальными процессами и социальную роль литературного языка (Мейе А., 1954, 49).

Е. Д. Поливанов в круг социолингвистических проблем ставил определение языка как общественного явления. По его мнению, социальные сдвиги всегда отражаются только в лексике и фразеологии (Поливанов Е. Д., 2015, 43).

Советские лингвисты подтверждают, что язык является социальным явлением и любая дифференциация в обществе всегда отражается в языке. Поэтому в советском языкознании диалектология изучает языковые явления в тесной связи с территориальными и общественно- групповыми изменениями носителей данного языка (Ларин Б. А., 1977, 59).

Принцип «язык и культура»

Специфика национального языка, роль языка в генезисе культуры и феномен диалога культур. являются главными культурно-языковыми исследованиями.

Согласно А. Н. Уайтхеду, человеческая цивилизация считается продуктом языка, и язык сам считается продуктом развивающейся цивилизации. Другими словами, человек может узнать путём языка о достижениях цивилизации предков. К. Леви-Стросс думает, что язык считается продуктом, частью и условием культуры. По мнению Шора язык является социальной формой передачи мысли (Уайтхеду А. Н., 1990, 56).

В лингвокультурологии, П. М. Бицилли сформулировал концепцию языка, объясняя, что язык – наиболее важный фактор культуры в отношении своего строения, своей лексики (Бицилли П. М., 2017, 38). О. С. Ахманова считает, что язык – главная семиологическая система, существенное средство общения среди членов одного общества, в то же время он является способом развития мышления, передачи культурно-исторических традиций от одного поколения к другому. В XVIII в. культура считалась результатом духовной деятельности людей, и язык

считался основным состоянием существа человека, и он способствовал развитию мыслительной сферы человека.

Культура по Ф. Шеллингу, считается второй природой, созданным в процессе своей деятельности человеком, надстраивая ее над первой (Шеллинг Ф., 2021, 96). Г. Гегель думает, что главная роль языка проявляется в мыслительной деятельности человека, поясняя, что мысль, впервые, определяется в языке. Немецкие философы XVIII в. утверждают, что идея языка является основной составляющей духовной деятельности человека, это считается сутью учения В. Гумбольдта, кто думает, что основой современных концепций языка считаются главные положения. Исследователи гуманитарных наук развивают мысль Гумбольдта о том, что язык, рождённый в самой природе человека и важен для развития его духовных деятельностей и формирования мировоззрения. С. Пинкер подтверждает, что образы, заложенные в базе мышления и предложения в языке взаимодействуют и одновременно конфликтуют. С. Пинкеру также утверждает, люди думают не на определённом языке; но они думают на мыслекоде, заложенный в основе всех языков. Поэтому язык является реализованной «внутренней формы» и он выражает культуру как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера, а культура считается контролем человеком действительности и способом, способствующим развитию человеческого общества. Это заложено под прямым влиянием языка (Пинкер М., 2015, 80). Э. Сепир и Б. Уорф сформировали теорию ‘лингвистической относительности’, которая определяет язык как способ мышления народа, говорящего на нем, и также определяет способ познания окружающего мира (Сепир Э., 1993, 102).

Уорф считал, что языковые явления влияют на культуру непосредственно. Он подтвердил, что природа взаимоотношений языка и культуры сложная, язык и культура являются одной единицей. Он подчеркнул проблему «трансляции» культуры, которая должна исследоваться в пределах лингвистики, философии, культурологии и психологии (Уорф Б., 1960, 63).

Интересы любой науки о человеке можно найти в концепции «язык – культура», так как эта идея всеобщая, интегрирующая дисциплины, исследующие человеческую природу, вне пределов языка. Язык является основной формой выражения и состояния национальной культуры.

В. В. Воробьев определяет лингвокультурологию как – ‘научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками – культура и лингвистика’. По Воробьеву основными задачами этой дисциплины является изучение взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе его функционирования и исследование интерпретации в процессе языковой коммуникации – главные на его культурных ценностях все, что передаёт ‘языковую картину мира’. Лингвокультурология исследует предметную и всеобъемлющую интерпретацию культуры определённого народа посредством системного представления

культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии, и также она поощряет разработку понятийного аппарата, формирующего современную культурологическую и лингвистическую концепцию (Воробьев В. В., 2008, 24).

Можно делать вывод, что между языком, культурой и обществом существуют взаимоотношения. Язык является носителем культуры народа. Он сохраняет мысли, переживания, опыты, восприятие окружающей среды и гуманные отношения. Языковая картина мира определяется культурой, это не может осуществляться без общества.

Литература

1. Ахманова О. С. Основные направления в социолингвистике // Ин. яз в школе. 1971. № 4.
2. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры : моногр. Директ-Медиа, 2017.
3. Бодуэн-де-Куртенэ И. А. Введение в языковедение. Красанд, 2010.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2008.
5. Гегель Г. В. Наука логики. М. : Мысль, 1998.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
7. Ларин Б. Ф. История русского языка и общее языкознание. М. : Просвещение, 1977.
8. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., Изд-во иностр. лит., 1954.
9. Поливанов Е. Введение в языкознание. М. : Либроком, 2015.
10. Пинкер С. Язык как инстинкт. М. : Либроком, 2015.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993.
12. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977.
13. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
14. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990.
15. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное. М. : Юрайт, 2016.
16. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М. : Рипол-Классик, 2021.
17. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. 1.
18. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1968. Т. 20.

О. А. Ахмедов, М. Х. Бабаходжаева

*Ташкентский государственный транспортный университет
(Ташкент, Республика Узбекистан)*

ОТРАЖЕНИЕ УЗБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ТЕРМИНАХ РОДСТВА

Аннотация. Для терминов родства узбекского языка характерна детализация родственных связей. Этикет обращений выражает значимость культуры общения не только внутри семьи, но и вне ее.

Ключевые слова: термины родства, национальный менталитет, лингвокультурология.

Проблема национальной идентичности в современной науке является актуальнейшей. По определению википедии «национальная идентичность не является врожденной чертой. Она проистекает из приобретенного осознания общности культуры, истории, языка с определенной группой людей». В статье рассматривается один из аспектов лингвокультурологии: отражение национального самосознания, национальной идентичности на примере функционирования терминов родства в узбекском языке. Самое важное значение в жизни узбеков – это семья и ее окружение. Огромное значение в общении в общении на узбекском языке придается этикету обращений как в семье, так и вне ее.

Как известно, брачные узы, расширяют круг родственных связей. Основной единицей семьи являются отец и мать, затем дети. Национальный менталитет узбекской семьи выражен в терминах, отражающие родственные отношения в семье. Мать мужа на узбекском называется *кайнона*, свекор – *кайнота*. В составе этих терминов *она* – мать, *ота* – отец, *кай* можно рассматривать как выражение уважительного обозначения мать и отец по своей функции к зятю или к снохе. Однако в семейном общении употребляется обращение остается *ое-* мама и *ада-* папа, т. е. *мама* мужа или *папа* мужа, когда речь идет о них. Сноха и зять обращаются, как и к своим родителям *Оежон* или *Адажон* (*жон-*суффикс, придающий оттенок ласковости) как обращались и к родным маме и папе. Сноха по-узбекски *келин*, но в семье родители мужа обращаются к к ней *кизым* (дочка), братья и сестры мужа для снохи – *кайнага*, *кайногача*, обобщенно *кайни* – брат или братишка мужа и *кайнопа* – старшая сестра мужа, *кайнсингили* – сестренка мужа. Жены двух братьев называются *овсинлар* (сношенницы). А мужья сестер называются *божа* (во мн. ч *божалар*). Между собой зятя так же обращаются друг к другу *божа*.

Зять по-узбекски *куйов*. Но в обращении к нему используется его имя с прибавлением того же суффикса *жон* или *хон* (*Радишиджон*, *Собирхон*). Обращение младших членов семьи или соседей к снохе или

молодуде обращаются словами *кеное*. Употребительно также и в обращении к женщине вне семьи, например, в автобусе, в общественных местах.

Дедушка и бабушка- родители родителей, т. е. по линии матери или отца в литературном языке обозначаются словами *бува* и *буви*. А *дода* принято обращение у отцу или к свекру, тестю, обращение *ое* к свекрови и теще, но *ое* может означать и мама, обычно вежливость проявляется прибавлением суффикса *жон*; *додажон, оежон*. Имеются аналоги диалектного происхождения : *ота* или *эна, она*. Обычно добавляются ласковое *жон*: *онажо/энажон, оежон/аяжон, додажон/оппокада, бувижон, буважон*. А вот в отношении братьев и сестер используются термины *акалар, опалар, укалар, сингиллар* (*лар* -суффикс, обозначающий множество. Но в обращения употребляются: *укажон, акажон, опажон, сингилжон*. Внуки и внучки обозначаются терминами *невара* и *эвара*, т. е. внук, правнук или внучка и правнучка (в узбекском языке категория рода выражается лексически, причем они могут иметь и значение множества, т. е. внуки и правнуки). Тесно общение с братьями и сестрами наблюдаются и между племянниками-детьми братьев и сестер со стороны как матери, так и отца. Термины *аммавогча* или *аммакевогча, тогавогча* и *холавогча* выражают родственные отношения уже по второй линии- дети братьев, сестер, т. е. двоюродные или троюродные по линии отца или по линии матери, но между собой в обращении используются термины родства: *ака/ука* или *она(онча), сингил*, как видим, не уточняется двоюродность/троюродность, ибо это одна большая семья, связанная на всех уровнях братско-сестринскими узами.

Для выражения частичного родства братьев и сестер наблюдается в семьях, где в силу ряда причин произошел развод или умер кто-то из родителей и отец или мама создают новую семью, но связи с детьми не обрываются. Братья по отцу или сестры по отцу обозначаются терминами *отадош* и *онадош* – родство по матери, т. е. единоутробные братья и сестры. Общение очень тесное. В обращение это никак не сказывается.

Термины родства в обращении вне своей семьи, например, к русскоязычной незнакомой молодой женщине, узбеки используют кальку с узбекского: *сестра* (по-узбекски *она*), которое используется как уважительное обращение. В узбекском *она* – это и *мама* или *сестра*, и просто выражает статус. *Отажон* – вежливое обращение к пожилому мужчине, к молодому человеку или юноше выражается словами *окажон*, т. е. брат, *укажон* – братишка. К представителям русскоязычного населения у пожилым используют русское обращение *отец, бабуляхон* (типа бабулечка). Разумеется, такое обращение обязывает адресата вести себя соответственно преданного ему статусу вежливым обращением: ведет себя как отец, как брат или братик, как невестка, как сестра, как тетя, дядя, сестричка. Таким образом, функционирование терминов родства

в узбекском социуме способствует развитию этикета обращения не только в общении в кругу семьи, но и вне ее. Очень важен концептуальный аспект этих обращений – все мы *одна семья*.

В системе родства узбекский менталитет не допускает различия родства по жене или мужу. В обоих случаях употребляют термин *кариндош* (родня,) имеет обобщенное значение. Уважительное обращение к родителям зятя или снохи выражаются терминами *кудалар*. Принято обращение к женщине *кудахола*. Жены братьев по отношению друг к другу, выражая принадлежность к общей семье, используют термин *овсин*, *овсинлар* (сношеницы). Но в семье друг к другу они используют обращения: *опа* (сестра) или по имени к младшей. *Овсиним*, т. е. буквально жена брата именно *моего* мужа. а мужья двух сестер в узбекском языке называются термином *божа*, зятя между собой используют это слово и как обращение друг к другу.

Одним из важнейших особенностей рассматриваемой системы родства в узбекском языке являются термины, обозначающие членов – ближайших родственников – это *аммаке* – брат отца или *тога* – брат по матери, а также взрослый мужчина вообще, к которому обращаются дети, либо люди младше по возрасту – неродственники. Племянники называются *жиян*. Внучатые племянники: *неваражиян*, жена внука – *неваракелин*.

Таким образом, национальный менталитет в терминах родства в узбекском языке выражается в огромном значении родственных связей как внутри, так и вне семьи. Так образом, анализ значений терминов родства в лексике узбекского демонстрирует функциональные особенности национального видения мира семейных связей. Следует обратить внимание на системность лексических единиц, выраженных в терминологии родства. В узбекском языке большое значение придается близости родственных связей. Значительное внимание к признанию близости родственных отношений в семье распространяется и к признанию родни сватов, выражении уважения, в том числе и к троюродным и четверюродным родственникам, которое обозначается собирательным значением слова *кариндош*.

Важным компонентом национальной идентичности узбеков являются слова – термины родства, которые отражают определенный тип семейно-родственных отношений, правила и обязательства членов семьи. Объясняется это общим языком. «к числу важнейших особенностей рассматриваемой системы родства принадлежат дифференциация терминов родства по старшинству и полу и разграничение в терминологии отцовской и материнской линий родства» (Абрамзон С. М., 2001, 204–205).

В узбекском языке система родственных отношений отличается большей детализированностью, так как «в древнетюркском обществе сохранялись черты матрилокального брака: в семью могли входить не

только потомки главы семьи, имевшей уже патриархальный облик, но и потомки его сестер, что служит свидетельством совместного проживания женатых братьев и замужних сестер, отголоска явления, характерного для более раннего этапа развития семейных отношений» (Абрамзон С. М., 2001, 206). Следует также отметить, что в узбекском языке термины родства не употребляются в уничижительном, фамильярном или ироническом употреблении. А в обращении к пожилым (неродственникам) употребляют обращение *холажон* (сестра по матери), или *аммаке* (дядя по отцу).

Развитие национальных особенностей в функционировании терминов родства позволяет осознать уникальность функций этих терминологических единиц. Метаморфозы в лексике, выражающей термины родства, соотносятся с развитием языковой системы и историей нации, культуры общения народа и его ментальности. А менее или более востребованность использования этой лексики в коммуникации тесно связана с национальной культурой общения, традициями. Узбекский этнос отражает собственные системы выражения в языке родственных отношений, чем значимее родство в выживании этноса, тем оно более детализированно представлено в культуре коммуникации на родном языке.

Исследование функционирования, анализирование лексических единиц, образующих и выражающих системность терминов кровного родства в узбекском языке, позволяет сохранять национальную идентичность, менталитет и самобытность народа. А знакомство с национально-специфичными особенностями любого этноса развивает и обогащает культуру иноязычного общения.

Литература

1. Абрамзон С. М. О некоторых терминах родства в тюркских языках // Тюркология / К 70-летию академика А. Н. Кононова. Л. : Наука, 2001. С. 204–207.
2. Национальная идентичность // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/P%>
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальное сознание // Вопр. теории и методологии. Воронеж, 2002.

М. Р. Булатова

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана
(Казань, Россия)*

ДИАЛЕКТИЗМЫ, ДИАЛЕКТНЫЕ ФОРМЫ ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В татарском языке выделяются три диалекта: средний (казанско-татарский), западный (мишарский) и восточный (тоболо-иртышский, барабинский и томский), в совокупности с татарским литературным языком они образуют систему национального языка. В статье показано, что диалектизмы, диалектные формы языка ярко отражают особенности национальной культуры и, как следствие, являются средством формирования национальной идентичности. Приводятся некоторые примеры материальной культуры татар Республики Башкортостан.

Ключевые слова: национальная идентичность, татарская диалектология, ареальная лингвистика, диалект, диалектизм, говор, материальная культура.

Одним из признаков национальной идентичности является язык. В языке отражается культура страны, этноса, народа. Формирование национальной идентичности предполагает формирование у народа знаний особенностей межкультурной коммуникации, которая выражается не только в общении (письменном и устном), но и предполагает знание и уважение языка, условий и культуры общения, правил этикета и др.

Наиболее ярко и комплексно национальные, культурные и речевые особенности проявляются в диалектах. Объясним понятия «диалект», «диалектизм». Диалект – это одна из форм национального языка, распространенная в определенной местности и имеющая некоторые фонетические (звуковые), грамматические и лексические (словарные) особенности. «Татарский диалектный язык – совокупность говоров татарского языка, включающая как общие для всего языка черты, так и черты, имеющие разные варианты в диалектах, но вместе с тем являющиеся элементами общей системы языка. В татарском языке выделяются три диалекта: средний (казанско-татарский), западный (мишарский) и восточный (сибирско-татарский: тоболо-иртышский, барабинский и томский). Диалектизмы – характерные для каких-либо территориальных диалектов слова, словоформы, синтаксические обороты, фонетические, акцентологические варианты, включенные в литературную речь и воспринимаемые как отступления от литературной нормы. Различаются диалектизмы фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, фразеологические и заимствованные; в произведениях художественной литературы являются лишь стилистическим средством, определенным приемом литературного языка» (Булатова М. Р., 2021, 5, 121).

Татарские народные говоры, диалекты – это не только территориальные варианты татарского национального языка, составляющие его собственно лингвистическое богатство и многообразие, но и ценнейшее культурное достояние государства. В народных говорах, как и в любом языковом идиоме, имеющем длительную историю, зафиксированы знания, веками накопленные носителями данной культуры.

Диалекты, говоры и многообразие диалектных форм языка позволяет раскрыть территориальное, историческое, культурное своеобразие носителей языка. Взаимосвязь языка и культуры обусловлена самой структурой культуры, ее компонентами. К компонентам культуры, несущим национальную и региональную специфическую окраску, относят следующие:

а) традиции, обычаи и обряды. Они выполняют функцию приобщения к существующим в данной системе нормативным требованиям;

б) бытовую культуру, которая тесно связана с традициями. В связи с этим она может называться традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки и нормы общения представителей некоторой культуры, принятые в данном обществе);

г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

д) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Диалектные формы, диалектизмы охватывают все перечисленные выше компоненты культуры и отражают ее проявление на отдельно взятых территориях. Диалектные языковые формы, являясь вариантом стандартизированного языка, передают и отражают в себе культуру определенного региона, исторические, социальные, бытовые особенности населения. Народная речь хранит особые, не всегда выражаемые литературным языком знания: о традиционном ведении хозяйства, о традиционном семейном укладе жизни, о национальных одеждах, обрядах, обычаях, народном календаре, о том, как в народной традиции понимается мир и человек в нем.

Приведем некоторые примеры, связанные с материальной культурой татар – названия татарских одежд. Народный костюм (одежда) татар представляет одну из наиболее ярких сторон традиционной национальной культуры. Диалектизмы, характерные для татарских говоров Башкортостана:

Башантай / башалтай ‘шерстяные носки’. В татарском литературном – *йон оекбаш*. По нашему мнению, данная лексема образована от словосочетания: ‘баш алты ай’ – носили шерстяные носки шесть месяцев, начиная с октября до марта. Данный термин отсутствует в татарском литературном языке, имеется лишь в некоторых татарских говорах

Башкортостана: мензелинском, стерлитамакском *башалтай* / *башантай*, курмантауском, тепекеевском *башантай*, турбаслинском, златоустовском *башай* (Булатова М. Р., 2016, 257). Например: *Йөн эрләргә кирәк, башантай бәйләйбед* 'Нужно прясть шерсть, вяжем носки' (тепекеевском). Д. Б. Рамазанова считает, что «*башай* // *башантай*.., видимо, восходит к названию органа, вокруг или на что надевается рассматриваемый элемент одежды: *башантай* состоит из слова *баш* (сравним, например, *оекбаш*) и афф. *-алтай* / *-лтай* / *-нтай*, характерного для монгольского языка. Сравним: башк. *башалтай* – 'носки': у башкир-каратабынцев *башай* – 'обувь на высоких каблуках с суконным голенищем', каракалпакском – *башпай* – 'пальцы ног', казахском диалектах *башай*, *башпай* – 'большой палец ноги'» (Рамазанова Д. Б., 2002, 280).

Пыйма 'валенки'. В литературном – *киез итек*. Данное слово в таком синонимическом варианте употребляется в основном в татарских говорах Башкортостана (мензелинском, курмантауском, бирском, златоустовском, стерлитамакском *пыйма* / *пима*; турбаслинском, тепекеевском *пима*), Оренбуржья, Челябинска и Сибири (тевризском, тарском, тюменском *пыйма* / *пима*, эуштинском, барабинском *пима*) (Татар теленең....., 2009, 546]. Общепринято мнение о том, что данное слово заимствовано из финно-угорских языков: удмуртском *пим* / *пими* 'пимы (меховые сапоги)'; коми. *pit* / *pitі* 'сапоги с высокими голенищами из оленей шкуры', *pīwa* 'сапог'; нганасан. *faēti* 'зимний сапог'; коми-пермском *пими* 'пимы (войлочная обувь в виде глубоких галош)' (Насипов И. С., 2009, 165; Булатова М. Р., 2021, 69).

Көрти / *көртә* 'стеганная на вате безрукавка, душегрейка' употребляется в мензелинском и стерлитамакском говорах. В других татарских говорах *көрти* – 'кофта, т. е. верхняя вязанная одежда', в восточных (сибирско-татарских) говорах *көртә* – бешмет. Это слово зафиксировано в словаре С. Хальфина: *көртә* – 'фуфайка, душегрейка', в самоучителе М. Бекчурина: *көртә* 'куртка'. В других тюркских языках данная лексема также имеет различные оттенки. В казахском – *күрте* – 'короткий вид стеганого чапана', киргизском *көртә* – 'стеганый женский халат из бумажной материи', в турецком – в значении 'полукафтан' (Рамазанова Д. Б., 2002, 27).

Из вышеизложенного следует, что национальная идентичность и диалект как феномены взаимосвязаны через и посредством культуры. Они отражают своеобразие культуры определенного народа, нации. Национальное самосознание, национальная идентичность предполагает ориентацию личности на национальную культуру. В то же время, в диалектах отражены элементы культуры носителей языка, и они же (диалекты) составляют часть данной культуры. Как следствие, именно изучение диалектов может выступать эффективным средством формирования национальной идентичности человека.

Литература

1. Булатова М. Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. Казань : Изд. «Магариф-Вакыт», 2016.
2. Булатова М. Р. Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект. Казань : ИЯЛИ, 2021.
3. Насипов И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань, 2009.
4. Рамазанова Д. Б. Названия одежды и украшений в татарском языке. Казань : Изд-во Мастер Лайн, 2002.
5. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (Большой диалектологический словарь татарского языка) / төз: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар кит. нәшр., 2009.

А. К. Булатова, Ф. К. Сагдеева

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана
(Казань, Россия)*

ИССЛЕДОВАНИЕ ТАТАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье татарские диалектные единицы исследуются в лингвокультурологическом аспекте. Здесь предпринята попытка выявления элементов культурной коннотации в семантике диалектного знака, осуществлена культурно-историческая интерпретация элементов языковой картины мира диалектоносителей.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, диалектология, диалектологическая лингвокультурология, татарские диалекты, мензелинский говор, культурный код.

Разработка отдельных аспектов взаимоотношения культуры и языка остается одной из актуальных проблем современной лингвистики (Маслова В. А., 2001; Пименова М. В., 2019; Токарев Г.В., 2020 и др.). Татарские диалекты, как и литературный язык обладают большим культурологическим потенциалом. Диалекты и говоры являются неотъемлемой частью народной культуры. Как справедливо отмечает В. А. Маслова, «народная культура – народный язык и литературный язык – элитарная культура – это две мирно сосуществующие лингвокультуры, влияющие и подпитывающие друг друга» (Маслова В. А., 2001).

При изучении диалекта в лингвокультурологическом аспекте мы имеем дело с языковыми единицами, которые отображают культурно-

национальную ментальность ее носителей. Е. В. Брысина утверждает, что «актуальные, значимые для диалектоносителей представления об окружающей действительности неизбежно отражаются в языке в виде концептуальных понятий, которые реализуются, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне диалекта» (Брысина Е. В., 2012, 51).

Лингвокультурологический подход к изучению традиционной культуры посредством диалектного языка значительно расширяет возможности реконструкции архаических корней. Ф. С. Баязитова считает, что «материалы живых диалектов и народной культурной традиции являются ценным источником пополнения фактической базы и создания систематического корпуса сведений о духовной культуре в наше время» (Баязитова Ф. С., 2009, 46).

В данной статье реализуется актуальный для современной лингвистики лингвокультурологический подход к анализу диалектизмов. Цель и специфика описываемого материала определили выбор методов исследования: описательный, сопоставительный, компонентный, лингвокультурологический. Источниками фактического материала являются лексические диалектизмы.

В данной работе предлагается анализ диалектальных лексических единиц с регионально-культурным компонентом в семантике, зафиксированный нами в ходе комплексной научной экспедиции в Ютазинский район Республики Татарстан. Ютазинский район (Ютазы районы) – муниципальный район в составе Республики Татарстан Российской Федерации, административным центром которого является посёлок городского типа Уруссу. Население района примерно 20 248 человек, из них 72,5 % татары. По территориально-этническому принципу разделения на диалекты данный муниципальный район является в зоне распространения мензелинского говора среднего диалекта татарского языка.

Распространенный на довольно обширной территории, включающий восточные районы Республики Татарстан и западные районы Башкирии, мензелинский говор является целостным по своим ядерным элементам разновидностью национального татарского языка. Необходимо отметить, что по своим грамматическим, фонетическим и лексическим особенностям говор близок к литературному языку. С учетом периферийных элементов, лингвистических и экстралингвистических факторов, говор делится на основной, агрызский, янаульский и белебеевский подговоры. Исходя их, сделанных наблюдений и анализа диалектологического материала, можем говорить о том, что на изучаемой территории распространен основной подговор мензелинского говора.

Нами было изучено 17 населённых пунктов компактного проживания татар. В ходе экспедиции был собран богатый языковой материал, исследованы языковые особенности диалектоносителей. В речи местных жителей бытует большое количество лексических единиц, которые

характерны только для данного региона (или имеют место в речи носителей соседних говоров). Они ценны не только с лингвистической точки зрения, но так же являются хранилищем культурного кода народа. Рассмотрим некоторые из данных единиц.

В регионе мы познакомились с традиционной культурой и прежде всего связанной с различными обрядовыми, фольклорными традициями, определенное место заняла культура приготовления пищи и названий отдельных блюд.

Нами был записан диалектизм *бачмача* [вэҗтэҗэ] в значении ‘клецки, кусочки теста из муки и яиц, которые говорятся, отрывая кусочки теста и немного разминая’: *Бачмача ашын сөт белән пешералар* (букв. Бачмачу готовят на молоке). В литературном языке данное слово по значению близко к единицам *салма* (салма), *чумар* (чумар) – название весьма распространенного у татар (преимущественно у казанских татар) мучного изделия в виде клецок, которое готовится на мясном бульоне и на отварах. Чумар и салму делают из пшеничной, гречневой, чечевичной и гороховой муки. Бачмачу в Ютазинском районе готовят только на молоке.

По своему происхождению слово, вероятно, происходит от основы *бас-у* ‘месить тесто, разминать тесто’.

Также в населенных пунктах был записан этнографический термин *алба* [әл’бә], в литературном языке слово используется в значении ‘сладкая каша из муки, алба, халва, алва’.

В Ютазинском районе лексемой *алба* называют манную или кукурузную (реже, встретилось лишь в нескольких населенных пунктах) кашу. Этимолог Р. Г. Ахметьянов связывает происхождение слова именно с манной кашей. В священном Коране в суре «Аль-Араф» упоминается, что как только пророк Муса (Моисей) ударяет посохом о камень, с неба посыпалась манная крупа (*ман*), и ему удалось накормить соплеменников. Данный эпизод также описан в Библии как с неба посыпалась мана небесная и иудеи были накормлены (Әхмәтъянов Р. Г., 2015, 132).

Примечательно, у крещеных татар основным поминальным блюдом является *алба/кәлбә* – кушанье из муки, масла, меда или сахара, которое готовят как в день похорон, так и на поминки. В златоустовском говоре *алба* используется в значении ‘не виданная пища, услада, райское кушанье’ (Тимергалин А. К., 2016, 157).

Татарское слово *чулпы* является этнографическим термином, оно означает традиционный и древний вид татарских женских украшений в значении ‘накосники’. Их носили с детских лет и до преклонного возраста. Они вплетались отдельно в обе косы, располагаясь, как правило, намного ниже талии. Самые простые чулпы составлялись из нескольких крупных монет, пропущенных через шнурок или тесьму. Как вид ювелирного украшения, дорогие чулпы были распространены у зажиточного населения и инкрустировали драгоценными камнями. По происхож-

дению слово восходит к старомонгольскому *čolbun* ‘чулпан; звезда; орден’. Р. Г. Ахметьянов связывает слово с китайской культурой, где *чулпан/чулпы* является знаком бесконечности, означающим повторение всего утраченного и забытого.

В изучаемом нами регионе сохранилось слово *чулпы* [çulpɪ] в значении ‘ковшик, плетеный из ивовой лозы или камыша, лыка (сейчас из металлических прутьев, проволоки), дуршлаг’. Это значение, по мнению Р. Г. Ахметьянова, является первичным (Ахметьянов Р. Г., 2015, 454). Должно быть узор, который получался при плетении ковша принят за основу женского украшения, как результат появился лексико-семантический вариант ‘накосник’, со временем семы утратили семантическую общность, став омонимами. Плетеный ковш как кухонная принадлежность, большая плоская плетенная деревянная ложка для прохождения жидкости, которая использовалась для вытаскивания из чугуна или кастрюли горячее мясо, рыбу,пельменей, вареных яиц, а также снятия накипи, образовывавшейся при варке пищи со временем заменила традиционная шумовка, которая началась обозначаться в языке *тишекле чүмеч* ‘черпак с дырочками’.

Однако в изучаемом регионе шумовка, плетеный ковш продолжает активно применяться при приготовлении пищи, например, при вытаскивании из кипящего масла кусочков теста для чак-чака (который в регионе готовят несколько отлично от традиционного татарского чак-чака и он имеет крупную удлинённую форму).

Слово *чулпы* имеет фонетические варианты в сибирских диалектах и в других тюркских языках: *цолбо, цолпан, цулбы, цулбан* ‘плетёный ковш – дуршлаг’, в башкирском *сулпы*, киргизском *чолпу*, каракалпакском *шолпы* ‘шумовка’ в узбекском *чолпа / шолпы* ‘накосник’ (Ахметьянов Р. Г., 2015, 454).

Таким образом, представленные лексемы сохраняют региональную особенность и содержат в себе культурный код, который формировался и развивался в рамках народной и этнографической культуры, составляя одну из частей традиционной культуры. Диалектный язык представляет собой духовный, социальный и материальную культуру татарского народа и является уникальным собранием понятий традиционной культуры.

Литература

1. Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан : Мәгариф-Вақыт, 2015. Т. 1.
2. Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан : Мәгариф-Вақыт, 2015. Т. 2.
3. Баязитова Ф. С. Лексика традиционной культуры в диалектах и говорах татарского языка (этнолингвистический аспект) // Научный Татарстан. 2009. № 4. С. 46– 49.

4. Брысина Е. В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 51–56.

5. Калиткина Г. В. Междисциплинарные области диалектной лингвокультурологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarye-oblasti-dialektnoy-lingvokulturologii/viewer> (дата обращения: 29.01.2024).

6. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Изд. центр «Академия», 2001. URL: <https://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/lingvokulturnyj-analiz/opisanie-yazika-regiona-s-pozicii-lingvokulturologii-chast-2/1921/?q=641&n=1921> (дата обращения: 29.01.2024).

7. Peeters Bert. Applied ethnolinguistics is cultural linguistics, but is it cultural linguistics? // Speech Genres. 2017. № 1 (15). P. 37–50.

8. Пименова М. В. Языковая картина мира : учеб. пособие. М. : Флинта, 2019.

9. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009.

10. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Беренче китап / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова һ. б. Казан : Мәгариф, 2008.

11. Тимергалин А. К. Миллият сүзлеге: аңлатмалы сүзлек. Казан : Татар. кит. нәшр., 2016. Т. 1.

12. Токарев Г. В. Основы лингвокультурологии : учеб. Тула : ТППО, 2020.

13. Толстой Н. И. Язык и народная культура (очерки по славянской мифологии и этнолингвистике). М. : Индрик, 1995.

М. Л. Дорофеенко

*Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)*

МЕМОРАТИВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗВЕСТНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ, В ВИКОНИМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

Аннотация. В статье определена культурная семантика белорусских (русскоязычных) и французских виконимов, образованных от фамилий известных личностей. Установлены общие и частные тематические группы, которым соответствуют анализируемые наименования; выделены основные тексты культуры, транслируемые данными номинативными единицами.

Ключевые слова: Беларусь, Франция, виконим, культурная семантика, меморатив, текст культуры.

Меморативы, связанные с известными личностями, – тематический сектор лингвокультурологического поля «Память» виконимного пространства Беларуси и Франции наряду с еще четырьмя секторами – «меморативы, связанные с участниками исторических событий» «меморативы, связанные с историческим временем», «меморативы, связанные с общностями людей», «меморативы, связанные с географическими объектами».

Цель статьи – определить культурную семантику отфамильных виконимов Беларуси и Франции, выявить общее и национально-культурное в их составе. Виконим – «вид топонима. Собственное имя любого внутрисельского объекта, например, *Молодежный пер., Мелиоративная ул., Хуторская ул.* (Белорусское Поозерье..., 2023, 195). Реализации цели способствовало решение следующих задач: установить тематические группы, которым соответствуют анализируемые наименования; выделить основные тексты культуры, транслируемые данными номинативными единицами.

В целом работы, посвященные изучению меморативных виконимов конкретной местности, немногочисленны. Эта разновидность ономастических единиц до сих пор анализировалась в основном в совокупности с остальными внутрисельскими названиями конкретной местности, а целенаправленное исследование этой группы единиц в одной или нескольких лингвокультурах не осуществлялось, что и свидетельствует о новизне предпринятого нами исследования. Так, меморативы известным личностям фигурируют в научных трудах белорусских и российских ученых: А. М. Мезенко, определяя принципы номинации, которым соответствуют внутрисельские названия, выделяет принцип номинации по связи с человеком как социосубъектом [Витебщина, с. 10], которому отвечают виконимные меморативы, связанные с известными личностями. Р. В. Разумов, анализируя современную виконимию Ярославской области, в рамках виконимов – посвящений выделяет разновидность виконимов – персональных посвящений (Разумов Р. В., 2012, 132). М. Л. Дорофеев определяет, что одним из компонентов виконимной составляющей ономастического ландшафта Белорусского Поозерья являются виконимы – индивидуальные посвящения (Белорусское Поозерье..., 2023, 33–37]. Во французской ономастике малочисленны работы, посвященные исследованию внутрисельских названий в целом. Так, Р. Дебри, анализируя традиционные названия улиц сельских коммун департамента Соммы, выделяет наименования улиц, присвоенные в честь местных жителей [Дебри Р., 1987, 122]. Сопоставительное исследование анализируемой категории виконимов Беларуси и Франции пока не осуществлялось.

В конце XX – начале XXI вв. появляется все больше ономастических работ, выполненных в лингвокультурологическом аспекте: изучается взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка. В рамках этого

подхода любое имя собственное анализируется как неразрывно связанное с культурой определенного этноса. Внутрипоселенческие названия также исследуются в данном аспекте, однако большее количество работ посвящено изучению внутригородских названий (Е. А. Сизова, А. М. Мезенко и др.). В белорусской ономастике внутригородские и внутрисельские наименования рассмотрены с позиций текстов (компонентов) культуры (А. М. Мезенко [Мезенка Г. М., 2008, 22–30], М. Л. Дорофеенко [Дорофеенко М. Л., 2022]). Текст культуры соответствует национальной принадлежности лица, фамилия которого послужила основой для номинации внутригородского объекта. Французские внутрисельские названия пока не исследованы в данном аспекте. Однако некоторые франкоязычные исследования направлены на изучение роли имен собственных в формировании культурной идентичности (Ж.-К. Бувье, К. Эмон).

Материалом исследования послужили 145 виконимов сельских населенных пунктов Полоцкого и Витебского районов Витебской области Беларуси, а также округов Реймса и Шалон-ан-Шампань департамента Марна Большого восточного региона Франции. При этом внутрисельские названия данной разновидности превалируют во французской подсистеме (виконимия Беларуси (далее ВБ) vs виконимия Франции (далее ВФ) в соотношении 1 vs 4,6). Соответственно в системе французских номинаций выделенные тематические группы содержат большее количество конститuentов.

По результатам изучения указанных внутрисельских названий мы выделили общие тематические группы, связанные с характером деятельности известных личностей. Определение текстов культуры, характерных для анализируемых наименований, способствовало установлению культурной семантики виконимов.

Виконимы общих тематических групп восходят к фамильным антропонимам следующих представителей:

1) политических деятелей (29,7 % от общего количества названий). В ВБ такие названия составляют 35,5 % (процент названий от количества мемориальных наименований страны, а в ВФ – 28,1 %. В ВБ наиболее широко представлены названия, сформированные на базе фамилий политических и государственных деятелей советской эпохи: *Калининская ул., Ленинская ул.* В ВФ распространены наименования, образованные от фамилий французских (*rue Colbert* ‘улица Кольбера’ (здесь и далее – примеры, приведенные для белорусской виконимии, зарегистрированы в сельских населенных пунктах Витебской области Беларуси, для французской – в сельских населенных пунктах департамента Маорна Большого восточного региона Франции), *rue Jules Ferry* ‘улица Жюль Ферри’) государственных и политических деятелей;

2) литературных деятелей (всего 13,1 %; ВБ – 12,9 %; ВФ – 13,4 %). ВБ представлена названиями, образованными от фамильных

антропонимов белорусских писателей и поэтов (ул. *М. Лынькова*, ул. *Франциска Скорины*); ВФ включает названия, мотивированные фамилиями преимущественно французских авторов (*ruelle Constant Menissier* ‘переулок Констан Менисье’, *rue Saint-Exupéry* ‘улица Сент-Экзюпери’).

В ВФ можно выделить еще несколько тематических групп, представленных в ВБ немногочисленными названиями. Это виконимы, сформированные на базе фамилий следующих лиц:

– религиозных деятелей (12,3 % – ВФ; 3,2 % – ВБ). Данная подгруппа включает названия, образованные от фамилий епископов, священников, каноников, лиц, причисленных к лику святых и др. (*rue du Cardinal Luçon* ‘улица Кардинала Люсона’. Луи-Анри-Жозеф Люсон – французский кардинал, архиепископ Реймса, кардинал-священник, *rue Saint-Rémi* ‘улица Святого Ремигия’. Ремигий – епископ Реймский, апостол франков; *улица Ксении Блаженной*);

– научных деятелей (8,8 % – ВФ; 3,2 % – ВБ). Подгруппа включает виконимы, мотивированные фамилиями представителей естественных (преимущественно) и гуманитарных наук (*rue Charles Richon* ‘улица Шарля Ришона’. Шарль Ришон – французский ботаник, *rue Pasteur* ‘улица Пастера’, *улица Никифоровского*);

– военных деятелей (9,7 % – ВБ, 7,9 % – ВФ). Подгруппа объединяет внутрисельские названия, образованные от фамилий участников нескольких исторических событий, военачальников, генералов, военных деятелей, маршалов (*улица А. Невского*, *улица Генерала Друзенкова*; *rue du Général Leclerc* ‘улица Генерала Леклерка’. Филипп Леклерк де Отклок – французский генерал времен Второй мировой войны, маршал Франции, *rue du Maréchal Foch* ‘улица Маршала Фоша’. Фердинанд Фош – французский военный деятель, теоретик, военачальник времен Первой мировой войны, маршал);

– космонавтов, летчиков, летчиков-космонавтов (9,7 % – ВБ, 3,5 % – ВФ). Данная подгруппа включает виконимы, мотивированные фамилиями представителей авиационной и космической отраслей (*улица Гагарина*, ул. *Чкалова*; *rue Blériot*, *rue Henri Guillaumet*).

– музыкальных деятелей (6,5 % – ВБ, 2,6 % – ВФ). Группа объединяет внутрисельские названия, образованные от фамилий музыкантов, композиторов, авторов песен (ул. *Антон Гриневича*. Антон Гриневич – собиратель белорусского музыкального фольклора; *rue Daniel Balavoine* ‘улица Даниэля Балавуана’. Даниэль Балавуан – французский певец, композитор и автор песен, *rue Édith Piaf* ‘улица Эдит Пиаф’).

Кроме того, в ВФ функционируют немногочисленные номинативные единицы, мотиваторами для образования которых явились фамилии представителей изобразительного искусства (5,3 %, *rue Armand Guéry* ‘улица Армана Гери’. Арман Гери – живописец, родившийся в Реймсе; *rue Robert de Coucy* ‘улица Робера де Курси’. Робер де Курси – француз-

ский архитектор, один из зодчих Реймского собора); промышленной и сельскохозяйственной сфер (4,4%, *rue Gustave de Bohan* ‘улица Гюстава де Боан’. Гюстав де Боан – президент-основатель сельскохозяйственного союза Шампани; *boulevard René Perard* ‘бульвар Рене Перара’. Рене Перар – виноградарь в Серне-ле-Реймс). Заметим, что в ВФ зарегистрированы и единичные номинации, образованные от фамилий артистов, мореплавателей, спортсменов, инженеров и представителей других сфер деятельности.

По результатам исследования виконимных меморативов, связанных с известными деятелями, установлено, что ВБ транслирует два текста культуры – русский и белорусский. При этом первый репрезентируют преимущественно виконимы, мотивированные фамилиями представителей политической, военной, авиационной и космической сфер деятельности, а второй – литературных деятелей. В ВФ представлены семь текстов культуры, однако наибольшее количество названий транслируют французский (89,5 %). Заметим, что тексты культуры, репрезентируемые некоторыми виконимными единицы, не удалось определить однозначно ввиду недостаточности сведений о лицах, чьи фамилии послужили основой для номинации внутрисельских объектов.

Таким образом, сопоставительный анализ подсистем белорусских и французских виконимных меморативов, связанных с известными личностями, позволил обнаружить некоторые общие черты (наличие одноименных тематических групп названий; частичное совпадение номинативных приоритетов – в двух подсистемах наиболее многочисленными оказываются виконимы, мотивированные фамилиями политических и литературных деятелей). Кроме того, установлены национально-специфические особенности, свойственные анализируемой категории внутрисельских названий. Так, в двух подсистемах зафиксировано разное количество меморативов, связанных с известными личностями, с преобладанием их в 4,6 раза в ВФ; соответственно выделенные тематические группы содержат большее количество единиц в системе внутрисельских названий Франции; в ВФ функционируют также национально-специфические группы названий и виконимы, сформированные на основе отдельных мотиваторов; при выделении наиболее многочисленных тематических групп не совпадают номинативные приоритеты, за исключением первых двух позиций: в ВБ за ними следуют виконимы, мотивированные фамилиями представителей военной, авиационной, космической и музыкальной сфер деятельности; в ВФ – религиозной, научной и военной; несоответствующее количество текстов культуры при значительном преобладании одного из них на фоне других, представленных единичными примерами, в ВФ и выделение двух частотных в ВБ.

Литература

1. Дорофеев М. Л. Меморативы, связанные с известными личностями, в урбанонимном пространстве Беларуси и Франции // Ономастика Поволжья : материалы XXI Междунар. науч. конф. (Рязань, 3–5 октября 2023 г.). Рязань, 2023. С. 173–178.
2. Дорофеев М. Л. Тексты культуры в виконимии Витебской области (на материале отантропонимных внутрисельских названий) // Запад и Восток в диалоге культур : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. «Запад и Восток в диалоге культур» (Липецк, 27–29 апреля 2022 г.) и Всерос. науч.-просветительской конф. с междунар. участием «Славянский мир в прошлом и настоящем» (Липецк, 26 мая 2022 г.). Липецк, 2022. С. 184–188.
3. Мезенка Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манаграфія : у 2 ч. Ч. 1. Віцебск : УА “ВДУ імя П. М. Машэрава”, 2008.
4. Мезенко А. М., Дорофеев М. Л., Синкевич Т. И., Слесарева Т. П. Белорусское Поозерье на ономастическом ландшафте малой родины : моногр. / под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023.
5. Разумов Р. В. Современная виконимия Ярославской области // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.). Екатеринбург, 2012. Ч. 1. С. 131–133.
6. Debrie R. Les noms de rues traditionnels des communes rurales de la Somme // Nouvelle revue d'onomastique. 1987. № 9–10. L'Ardenne, l'eau et la forêt. P. 121–125.

И. Н. Кайгородова, М. В. Беззубикова

*Астраханский государственный
университет им. В. Н. Татищева
(Астрахань, Россия)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗНЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация. *Диалектно-просторечные слова представляют источник сведений об историко-культурной жизни народа. Лексика рыбного промысла в речи современных астраханцев реализует периферийные смыслы, создавая новые значения.*

Ключевые слова: *язык, культура, образ.*

Национальное восприятие мира, отражённое в языке, представляет языковую картину народа. Такая «картина мира» существует в сознании каждого представителя языкового сообщества и через субъективную систему взглядов отражает национальный менталитет.

Современный период в развитии языкознания характеризуется особым интересом к региональной лингвистике. По мнению Г. В. Токарева, «изучение вербализации знаний носителей языка о тех или иных территориях... позволяет говорить об особом направлении науки об интеракции языка и культуры – лингвокультурологии территориальной субкультуры» (Токарев Г. В., 2022, 174).

Путь изучения «человека вместе с языком и языка в человеке» был намечен в трудах В. Гумбольдта: «...язык исходя из глубин духа, законов мышления и из человеческой организации в целом, всё же воплощается в отдельной личности и вновь модифицируется через отдельные свои проявления» (Гумбольдт В., 1985, 383). Источники человеческого сознания кроются в реальном отношении человека к действительности, которое тесно связано с языком. Стремление к экономии языковой работы, вызывающей развитие языка, обусловлено силами бессознательного обобщения (Бодуэн де Куртенэ И. А., 1973, 364), к числу которых относятся привычка, апперцепция («сила, действием которой народ подводит все явления душевной жизни под известные общие категории»), что составляет языковое мышление.

Носители языка, объединённые территорией проживания и общностью культурного фона, демонстрируют более или менее регулярное воспроизведение одних и тех же образов предмета. В реальной речи носителей языка эта общность системы образов может быть проиллюстрирована особенностями выбора объекта сравнения в бытовом общении.

Если в общегносеологическом смысле под образом понимается «ментальная репрезентация чего-либо не путём прямого восприятия, а при участии памяти или воображения; идея, понятие» (Ричардсон Т. Э., 2006, 7), то лингвистический образ даёт нам эту информацию плюс информацию о связи этого объекта с другими объектами (Королева А. Л., 1980, 13). Одной из моделей создания языкового образа выступают сравнения. Сравнения наделены большой информативностью. В сравнении, как правило, соотносятся понятия, действия, ситуации принципиально различные по своей природе, эта их отдалённость и создаёт яркий образ.

В основе образной номинации лежит соотнесённость с некоторым предметом через указание на другой предмет или признак, что предполагает сопоставление двух предметов или двух признаков предметов на основе разнообразных отношений, существующих между ними в реальной действительности или в воображении коммуниканта. Можно отметить, что чаще всего в качестве объекта сравнения выступают слова с конкретным предметным значением.

Любое сравнение представляет собой необходимое сочетание трёх составляющих: 1) *что* сравнивается (предмет, качество предмета или выполняемое им действие); 2) *с чем* сравнивается (объект для сравне-

ния) и 3) *на основе чего* одно сравнивается с другим. Выбор объекта сравнения (образа) тогда полностью оправдан, когда у участников коммуникации есть общий пресуппозиционный фон, – в противном случае сравнение не будет понято и не выполнит своих коммуникативных функций.

Одна из особенностей лексических номинаций (образов для сравнения), анализируемых в статье, – это их принадлежность к тематической группе «Рыбный промысел». Рыбный промысел на определённых исторических этапах был доминирующим на территории Астраханского края, и поэтому лексика, обслуживающая эту сферу, столь важна для населения; она переходит из поколения в поколение, реализуясь в речи как в прямом, так и в переносном значении. Материалом исследования в настоящей работе являются образные номинации, экспрессивные сравнения, в основе которых лежит уподобление, а в качестве объекта сравнения используются диалектно-просторечные слова из областных словарей (Копылова Э. В., 1984; Копылова Э. В., Баташева Л. А., 2008).

В качестве образных сравнений для номинации используется дескриптивная лексика – слова, обозначающие всё, что может стать объектом сенсорного восприятия. Например, чувства, состояние человека (физическое и психическое) передаются сравнением с видом и поведением рыбы: *костлявый как вобла вяленая, как вобла (тарань) – ‘кто-л. худой’; как рыба в неводе, как окунь в вентере, как судак в икромёт – ‘кто-л. очень подвижный, суетливый’.*

Наиболее часто употребляемыми являются следующие сравнения:

1) основанные на взаимодействии объекта сравнения с предметом. Например: *голова как дубной котёл (дубной котёл – ‘котёл больших размеров для дубления рыбацких сетей’); язык как сомовий плёс (плёс – ‘хвостовой плавник сома’); дыра (дырища) как клеть в ахане (ахан – ‘сеть с крупной ячейкой’); квартира как неводной лабаз (неводной лабаз – ‘постройка, предназначенная для починки неводов, подготовки их к сезону, а также хранения’);*

2) основанные на взаимодействии объекта сравнения с качеством сравниваемого предмета: *скользящий (склизкий) как сом; мелкий как пузанок (пузанок – ‘небольшая рыба семейства сельдевых’); лёгкий как балбера (балбера – ‘поплавки для рыболовецких неводов’); снулый как рыба (снулая рыба – ‘неживая рыба’).* В данной группе примеров можно обнаружить такие выражения, где а) сравнение подкрепляет прямое значение слова. Например: *протёртая на локтях ткань – редкая как бредень (бредень – ‘небольшая сеть, используемая для ловли рыбы «бродом» в неглубоких местах’), о выскальзывающем из рук предмете – скользящий как сом); б) сравнение иллюстрирует переносное значение слова. Например: *пустой как балбера – ‘о несерьёзном, духовно ограниченном человеке’; колючий как чилим – ‘о злом, язвительном чело-**

век'; *скользящий как сом* – 'о человеке, таящем в себе что-то опасное, двусмысленное';

3) сравнения, в которых образ иллюстрирует действие (или процесс). Например: *блестит как рыба чешуя*; *ползёт как баржа*; *устроились как на яме* (*яма* – 'углубление дна, где зимует частичковая рыба'); *налетели (набросились) как кашкалдаки* (*кашкалдак* – 'водяная курица, лысуха').

В речи астраханцев можно обнаружить такие выражения, где сравнение подкрепляет прямое значение слова. Например: *протёртая на локтях ткань – редкая как бредень*; о длинноногом человеке – *длинногачий как чанура*, а также такие, где сравнение иллюстрирует переносное значение слова (например: *пустой как балбера* – 'о несерьёзном, духовно ограниченном человеке, *колючий как чилим* – о злом, язвительном человеке').

Большинство сравнений, в которых образ иллюстрирует действие или процесс, может также использоваться в прямом и переносном значениях. Ср.: 1) *На нём вся одежда кутырём надулась* (из разг. речи астраханцев, когда человек находится на открытом месте во время сильного ветра). Слово *кутырь* – 'плавательный пузырь у рыб' – прямое значение. Это же сравнение может быть употреблено в переносном смысле (*Ну ты что, надулся как кутырь?!*) и имеет значение 'обидеться'.

Региональный «образ» передаёт такой элемент смысла, который не представлен в общеязыковых сравнениях. К особенностям исследуемых нами сравнений можно отнести и то, что в речи современников данные обороты могут являться своеобразным отражением языкового опыта предыдущих поколений, одним из фактов генетической связи с ними. Это проявляется в том, что некоторые из имеющихся сравнений используются говорящим лишь на том основании, что так говорили (или говорят) в их семье или в среде родственников, близких, знакомых, при этом, какое значение имеет слово, называющее образ сравнения, им неизвестно. Так, например, сравнение *иголка как пешня* зафиксировано в речи коренной астраханки (студентка, 19 лет), которая не знает значения слова *пешня*, но употребляет данное выражение лишь на основании, что «так говорит мама, бабушка и многие знакомые». В другом случае женщина (45 лет, образование высшее) использует в речи сравнение *ходит как чамра* для характеристики хмурого или сердитого человека, хотя значения этого слово не знает (*чамра*, или *шамра* – 'сильный, порывистый ветер на море, налетающий неожиданно'). Подобные примеры в нашем материале не единичны.

Индивидуальное эмоционально окрашенное восприятие слова может быть обусловлено теми контекстами, в которых оно встретилось говорящему, ролью обозначаемых словом предметов и событий в его жизни, случайными звуковыми сближениями и т. д. Следует заметить, что в определённых условиях эмоциональное восприятие слова может

статье общим для целой группы говорящих. Судя по распространённости приведённых сравнений, безошибочной идентификации их значения даже лицами, которые сами не демонстрируют активности в их употреблении (например, лица молодого возраста, подростки), можно сделать вывод об общности региональных образов. Сами же рассмотренные сравнения – это своеобразная консервация языковых фактов, связанных с традициями, историей, культурой Астраханского края.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке (1871) // Хрестоматия по истории русского языкознания / сост. Ф. М. Березин. М. : Высш. школа, 1973. С. 363–376.
2. Гумбольдт В. фон. О двойственном числе // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры / сост. А. В. Гулыга и Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1985. С. 382–402.
3. Копылова Э. В. Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984.
4. Коралова А. Л. Характер информативности фразеологических единиц // Сб. науч. тр. М. : МГПИИЯ им. М. Горького, 1980. Вып. 168. С. 120–134.
5. Ричардсон Т. Э. Джон. Мысленные образы: Когнитивный подход / пер. с англ. М. : «Когито-Центр», 2006.
6. Токарев Г. В. Вопросы изучения символика региональной идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 6. С. 173–182.
7. Устная речь астраханцев: лексика, обороты речи, пословицы, тексты / авт.-сост. Л. А. Баташева, Э. В. Копылова. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2008.

Н. В. Карпинская

*Луганский государственный
аграрный университет им. К. Е. Ворошилова
(Луганск, Россия)*

СОМАТИЗМ ГОЛОВА В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (на фразеологическом материале)

Аннотация. Целью статьи является изучение соматической фразеологии на примере компонента *голова*, представленного дериватами и синонимическим рядом. Главный аспект в данном исследовании – это когнитивная информативность соматизма и его включение в систему

естественного языка и соматического кода как древнейшего выражения антропоцентризма. Выполнение поставленных задач позволит репрезентировать соматические фразеологизмы в культурологическом пространстве русского народа, которые формируют языковую картину мира, начиная с определения границ собственного тела.

Ключевые слова: *соматический фонд, фразеология, соматизм, антропоцентризм, соматизм голова, категоризация.*

В настоящее время в философии, психологии, культурологии, лингвистике наблюдается глубокий интерес к полному изучению природы человека, его природе, внешности, внутреннему миру, менталитету. В связи с повышенным интересом к проблеме выявления национально-культурного компонента на всех уровнях языковой системы, в том числе и фразеологическом, особую актуальность приобретает механизм взаимодействия фразеологии и лексем-соматизмов как национально-специфических единиц современного русского языка.

В данной статье мы определяем и описываем соматический фонд с нескольких точек зрения: выделяем национальный соматический фонд; дифференцируем составленный корпус фразем на основе соответствующих соматизмов и их проявления в подмножествах и в отдельных фраземах; составляем и дополняем перечень типов сооружений – определяем взаимосвязь между ними (их место с точки зрения определения прототипов), уточняем состав отдельных типов фразеологизмов (спецификация соответствующей, инвариантной формы), отслеживаем их свойства распределения; выясняем количественную долю отдельных структурных типов во всем соматическом фонде.

В соответствии с нашими задачами – описанием соматического фразеологического фонда с точки зрения выявления соматизмов и доминирования отдельных структурных типов (их состава и специфики), мы будем синхронно исследовать традиционную, лексикографически зафиксированную литературную и диалектную фразеологию. Поскольку полного словарного описания в русской соматической фразеологии не существует, мы полагаемся на словари, идеографическую обработку фраз отдельных авторов, на современный национальный корпус русского языка (НКРЯ). Материал, на котором основываемся, мы почерпнули из следующих источников: «Большой словарь русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010); «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телия (2006).

Фразеологизмы с соматическим компонентом рассматривались во многих научных исследованиях, к их изучению обращались С. И. Абакумов, 1936; Е. И. Абрамова, 2014; Ю. Д. Апресян, 1974; А. М. Бабкин, 1970; В. И. Зимин, 2000; В. Г. Гак, 2000; Д. Б. Гудков, М. В. Ковшова, 2007; В. М. Мокиенко, 1999; В. И. Карасик, 1999; С. И. Переверзева, 2013; Н. М. Сергеева, 2010; Д. С. Скнарев, 2006; В. Н. Телия, 1996; Н. М. Шанский, 2015; О. В. Шкуран, 2022 и др.

Значительная часть лингвистов уверенно подтверждает, что «чем больше возраст слова в языке, тем шире его семантическая структура, и, следовательно, тем больше у такого слова возможностей образования ФЕ» (Скнарев Д. С., 2013, 168)

Многочисленные исследования доказывают антропоцентрический характер фразеологизмов, потому что доминирующим компонентом в их структуре является слово, обозначающее ту часть человеческого тела, которая имеет первостепенное значение для человека. Фразеологизмы с соматическим (далее ФС) компонентом (от гр. *soma* – тело) также являются с точки зрения сравнения необходимым материалом для выявления фразеологических универсалий. Впервые термин *соматический* был введен в фино-, угроведении. Ф. Вакк, рассматривая фразеологизмы, в составе которых встречались части человеческого тела (названные автором соматическими), приходит к выводу, что соматизмы являются одним из древнейших пластов фразеологического состава языка.

Объем соматического фразеологического фонда современного русского языка, а также количество отдельных соматических подкорпусов (подмножеств, групп) определяются несколькими количественными и качественными критериями: Характеристики объекта наблюдения отражают, с одной стороны, определение изучаемого материала – то, что включено в понятие тела (ограничение только телом здорового человека, человеческим организмом, его материальной формой и др.), а, с другой стороны, репрезентацией синонимических рядов номинаций, относящихся к области человека и учитывающих передаваемые значения соматизмов-компонентов во фразеологических единицах (ФЕ). «Наблюдение над собой, знание о себе человек последовательно переносил на окружающую среду. Названия частей тела начали продуктивно использовать в роли метаморфических сравнений, поскольку во время называния нового объекта у человека первые ассоциации прежде всего с тем, что ему хорошо известно, что постоянно находится при нем» (Карпинская Н. В., 2022, 504). Из этого следует выделение стилистических синонимов-соматизмов, сконцентрированных только на одной или нескольких разновидностях национального языка. Следует отметить, что количественная оценка соматического фонда обусловлена границами фразеологии, то есть зависимостью от теоретико-методологической основы, фразеологического концепта соответствующего языка.

Семантическая структура СФ построена по иерархическому принципу: стержневой выделяется самая общая категориальная сема, которой подчиняются другие, менее общие. Они, подобно словам, объединяются по общему категориальному значению в семантико-грамматические группы, что способствует более тонкому изучению соотношений в значениях разных единиц и установлении взаимодействия среди понятий и явлений внеязыковой действительности.

По мнению А. М. Чепасовой, «семантическая специфика фразеологической единицы заключается в том, что отдельные слова, объединяясь в составе фразеологизма, образуют новое семантическое целое, отличающееся смысловой сложностью от значения составляющих его компонентов большой обобщенностью и, очень часто, оценочностью» (Чепасова А. М., 2000, 76). Такое мнение применимо и к отдельной группе СФ.

В соответствии с этим, мы выделяем семантические группы наименований частей тела по грамматическому классу, объединенному по общекатегориальным значениям: *глаз, голова, рука, нога, сердце, нос*.

Как показывает наше исследование, наиболее часто рассматривается одно из древнейших в языке слово *голова*, его семантическое и словообразовательное развитие в разных формах употребления общеславянского языка, что дает возможность отобразить довольно общую картину взаимосвязи слова-соматизма и всей языковой картины. Поэтому связь слова с человеком и окружающим его миром предопределяет развитие у слова новых значений, а также производных лексических единиц.

Лексема *голова* представлена в современном русском языке как значительным количеством дериватов, так и синонимическим рядом с различной стилистической коннотацией – от разговорного до жаргонного, напр.: умен-ласк. *головка*, *высок*. *глава*, *трад.-поэт.* или *ласк.* *головушка*, *устар.* *главизна*, *устар.* *головизна*, *разг.*, *шутл.*, *ласк.* *тыковка*, *разг.* *череп*, *разг.-сниж.*, *пренебр.* *арбуз*, *разг.-сниж.*, *груб.* *балда*, *разг.-сниж.* *башка*, *разг.-сниж.*, *шутл.* *бестолкова*, *разг.-сниж.*, *ирон.* *думалка*, *разг.-сниж.*, *пренебр.* *дыня*, *разг.-сниж.* *жбан*, *разг.-сниж.*, *шутл.* *котел*, *разг.-сниж.*, *шутл.* *котелок*, *разг.-сниж.*, *пренебр.* *кочан*, *разг.-сниж.* *крыша*, *разг.-сниж.*, *шутл.* *кумпол*, *разг.-сниж.*, *шутл.* *купол*, *разг.-сниж.*, *ирон.* *понималка*, *разг.-сниж.*, *пренебр.* *репа*, *разг.-сниж.*, *ирон.* *соображалка*, *разг.-сниж.* *тыква*, *разг.-сниж.*, *груб.* *чайник*, *разг.-сниж.* *чан*, *разг.-сниж.*, *ирон.* *чердак*, *шутл.* *черепок*, *разг.-сниж.*, *шутл.* *черепушка*, *разг.-сниж.* *чугунок*, *жарг.*, *шутл.* *скворечник* (Бабенко Л. Г., 2008, 752).

Компонент *голова* выступает стержневым фразеобразующим элементом, который параметризует фразеологическую единицу (ФЕ) и придает образность, имплицитность содержания, архетипичность, семантическую полисемию. Он способствует созданию самостоятельной языковой единицы, которая не десемантизирует полностью содержание, а выступает стержневым компонентом на вебсайтах, в социальных сетях, публикациях, в интернет-газетах и др., напр.: *броситься в омут с головой*; *ветер в голове*; *с больной головы на здоровую*; *непокрытая голова*; и др. (Мокиенко В. М., 2007, 784)

Определим семантическую идею СФ с компонентом-соматизмом *голова*: 'верхняя часть тела человека или передняя часть тела животного, состоящая из черепной коробки и лица (или морды)!'.

Как видим, соматизм *голова* сопряжен с номинациями органов, расположенных на передней, боковой или внутренней части головы и репрезентирован следующими значениями:

а) мыслительной деятельности человек-тело-голова-мысли: *Мысль в голову приходит/ Мысль в голову не приходит;*

б) движения человек-тело-голова-руки: *Сжать горячую голову руками / Схватить голову руками;* человек-тело-голова-ноги: *За дурную голову ноги не отвечают / Поставить с ног на голову;*

в) поступка, поведения человек-тело-голова-волосы: *Рвать волосы на голове/ Зашевелились волосы на голове.*

Интересным является тот факт, что в современном контексте появляется лексико-семантическое варьирование при этом сохраняется денотат и расширяется ряд коннотативных оттенков: *ветер в голове охлаждает кашу в голове; садовая голова; дырявая голова; тяжелая голова, без царя в голове*, сопровождая иконической частью дискурса с иллюстрацией сценария действия.

Соматическая фразеология в большинстве своем создается на основании функционального признака соматизма, результатом чего является получение наименованием частей тела значений процессов, происходящих в них или процессов, действий, происходящих с их помощью: *голова* – интеллектуальная деятельность. В сознании человека понятие *голова* ассоциируется, в первую очередь, с умственной, мыслительной деятельностью человека, также слово *голова* используется чаще всего в случаях, когда речь идет о качествах личности (гордость, сообразительность, легкомыслие, рассеянность, безрассудство), человек характеризуется с положительной или отрицательной стороны. Слово *голова* связывается в сознании человека и с руководящей деятельностью, так как *голова* – это конкретное лицо, осуществляющее руководство.

Вторичные значения могут быть связаны общими семами между собой. Так, например, значение «руководитель, старший в семье» и «председатель, руководитель некоторых выборных органов связаны между собой семой «руководитель».

Основное значение полисеманта прямое, которые имеют значение «ум, разум, сознание», «руководитель, председатель, старший в семье».

Когнитивная функция, как способность осуществлять процесс отражение вещественного и духовного мира в сознании человека, присуща компонентам-соматизмам большинства фразеологизмов с прямым и полностью переосмысленным мотивированным значением. В таких соматических фразеологизмах стержневой компонент, а в нашем случае *голова*, участвует в формировании целостного значения, единого устойчивого мысленного образа. Кроме этого, символическая функция является универсальной для некоторых славянских языков, которая реализуется и растворяется в когнитивном пространстве устойчивой языковой

единицы. Семантически-когнитивный центр *голова* как основная часть человеческого организма иллюстрирует семантическую сущность и имеет узуальные или окказиональные номинации, стилистическую соотнесенность и содержит эмоционально-оценочную информацию. Мы видим, что соматические фразеологизмы с компонентом *голова* содержат рационально-оценочные и эмотивно-оценочные смыслы с преобладанием отрицательной коннотации. Стилистически сниженные соматические фразеологизмы в современном русском языке подтверждают универсальную и национальную особенность русского человека о символической значимости человеческого организма в формировании когнитивного пространства языковой или дискурсивной личности.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд. испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры», «Восточная литература» РАН. 1995.
2. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л. : Наука, 1970.
3. Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, 2000 синонимических рядов, 10 500 синонимов. М. : АСТ-Пресс, 2008.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Изд-во РУДН, 2006.
5. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007.
6. Зимин В. И. Оценка и эмотивность как основные прагматические компоненты фразеологических единиц // Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы перспективы». Тула : ТГУ, 2000. С. 13–15.
7. Карасик В. И. Прагматические функции фразеологизмов. Волгоград : Перемена, 1999. С. 5–7.
8. Карпинская Н. В. Отражение концептуальных представлений архетипического характера в соматической фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 504–508.
9. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: моногр. / под ред. д-ра филол. наук, проф. В. М. Мокиенко. М. : Изд-во РУДН, 2018.
10. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. СПб. : Фолио-Пресс, 1999.
11. Скнарев Д. С. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в рекламном дискурсе: проблемы семантики и прагматики. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013.

12. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

13. Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. Челябинск: ЧГПИ, 2000.

14. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для студентов филол. факультетов. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015.

15. Шкуран О. В., Карпинская Н. В. Лексема *душа* в языковой картине мира: от сакрализации к десакрализации // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2022. № 9 (467). С. 238–244.

В. В. Катермина

*Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)*

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается категория пространства в англоязычном неологическом дискурсе на примере лексемы *landscape*. Проведенный анализ данных электронных словарей позволил выявить влияние анализируемых неологизмов на мировосприятие англоязычного общества посредством экспликации определенных институционально-заданных ценностей в дискурсе, обслуживающем данный институт.

Ключевые слова: пространство, дискурс, неология, англоязычный дискурс.

Пространство является базовой категорией, философская роль которой в жизни человека фундаментальна: «множество предметов, объектов, данных в человеческом восприятии одновременно формирует сложный пространственный образ мира, являющийся необходимым условием ориентации любой человеческой деятельности» (цит. по: Бронник Л. В., 2020, 2).

Пространство репрезентирует порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, это «форма бытия материи, характеризуемая такими свойствами, как протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие» (Спиркин А. Г., 1988, 120).

Одну из граней проблемы отражает стремление ученых-лингвистов познать, как представляют себе пространство носители определенного языка и как это знание закреплено в этом языке (Бронник Л. В., 2020, 3).

Категория пространства относится «к ключевым онтологическим параметрам в жизни отдельных индивидов, общества и природы. Дан-

ная категория входит в область интереса самых разных наук. Главным вопросом когнитивной лингвистики является поиск способов языковой концептуализации объектов и явлений действительности, в том числе пространства... Пространство рассматривается как фундаментальная категория, определяющая бытие человека. Особенность категории «пространство» заключается в его нематериальности. В рамках одной культуры, субъективное восприятие одного ее представителя образует тесные связи с другими, что обусловлено общностью сформировавшихся внутри группы обычаев, традиций и норм» (Бедарева А. В. и др., 2023, 1).

Лингвистические исследования, осуществляемые в междисциплинарной плоскости и систематизирующие данные, полученные в рамках различных областей научного знания в лингвистической перспективе, показывают, что пространство является базовой составляющей языковой картины мира (Безукладова И. Ю., 2016, 71). Согласно Е. С. Кубряковой, наряду с концептами объекта и его частей, концептами действия с объектами, концепты пространства и изменения местоположения объекта в пространстве «можно считать входящими в число архетипов коллективного сознания, универсальных для всего человечества» (Кубрякова Е. С., 2004, 23).

В. Г. Гак рассматривает мир как максимальное пространство, «о котором может мыслить человек. Поскольку все мыслится в пространстве, то пространство – это весь мир» (Гак В. Г., 2000, 129, 130). Пространство – это то, что «вмещает человека, то, что он осознает вокруг себя, то, что он видит простирающимся перед ним. Пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми «пустота»» (Кубрякова Е. С., 2004, 465).

Национально-культурные особенности также оказывают существенное влияние на процесс концептуализации и категоризации пространства в целом и эгоцентрическую категоризацию пространства, в частности (Безукладова И. Ю., 2016, 76).

Основой пространственных отношений являются понятия «перемещение» и «местонахождение». Пространство, находясь в составе лингвистических категорий, включает в себя субъект как центр ориентационной системы человека, объект/ты, место.

Эволюция средств Интернет-связи вызвало резкий рост неологических единиц. Их формирование «отразило в себе радикальные культурные трансформации, повлекшие за собой изменение картины мира. Интернет стал пространством изобретения и фиксации неологизмов в речи, универсальной площадкой для коллективного словотворчества – многообразие жанров сетевого общения повлекло за собой расширение возможностей рядовых участников интернет-дискурса в плане сотворения неологизмов» (Зенина И. Н., 2019, 65).

Новые слова воссоздают и передают «изменения коллективного сознания, передают специфику познавательной деятельности и установок

современного человека, являются зримым носителем общественных ценностей» (Липириди С. Х., 2021, 3). Дэвид Кристалл, ведущий британский лингвист, дает следующую характеристику неологической единицы: «создание новых лексических единиц как реакция на изменение обстоятельств внешнего мира, приобретающее определенную актуальность внутри речевого сообщества в определенное время. Новые слова в определенной степени передают идею новизны. Новые слова в языке постоянно входят в лексикон для описания новых концепций и технологий и того, что они для нас значат» (Crystal D., 1995, 234).

Материалом исследования послужили примеры, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических электронных источников (Wordspy, Urban Dictionary, Cambridge Dictionaries Online Blog) за период 2017–2023 годов. Данные неологические словари были выбраны потому, что в них заключена лексика, отображающая характерные черты коллективного создания новых слов.

В основе данной статьи – анализ неологизмов с лексемой “landscape”, образованных при помощи блендинга. Выбор именно данной единицы является не случайным, поскольку в нашей выборке это наиболее частотная лексема пространственной тематики; более того, она обладает переносным значением, которое достаточно распространено среди анализируемых неологизмов.

Landscape – 1) a portion of territory that can be viewed at one time from one place; 2) a particular area of activity (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/landscape>)

Центральными в нашем исследовании – неологизмы *egoscape* и *mindscape*:

egoscape – *the egos within a particular geographic area; the extent of a person's ego* (эго в определенной географической области; степень эго человека);

mindscape – *the landscape of thoughts, a reification of the domain of imaginary entities, memories, feelings, ideas, fears or any other object in the mind, seen together as making up metaphoric features: forests, jungles, deserts, rivers, valleys, cloudy mountains, etc.* (ландшафт мыслей, олицетвление области воображаемых сущностей, воспоминаний, чувств, идей, страхов или любого другого объекта в уме, рассматриваемых вместе как составляющие метафорические особенности: леса, джунгли, пустыни, реки, долины, облачные горы, и т. д.).

Принимая во внимание мысль о том, что идея антропоцентричности языка является ключевой в современной лингвистике, мы соглашались с мнением лингвистов, считающих познание человеком мира «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем», что, в свою очередь, дает ему «право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей» и определяет его духовную

сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» (Маслова В. А., 2001, 6–7).

Осознанию человека себя через «пространственные» категории близки неологизмы, описывающие чувства, эмоции, ощущения: *smell-scape* – *a collection of the different smells associated with a particular place*; *sadscape* – *a depressing or pathetic situation or landscape*; *dreamscape* – *a dreamlike, surrealistic setting or scene in, for example, a film*.

В основу данных неологизмов вошли совокупность различных запахов, связанных с определенным местом (*smellscape*); удручающая или жалкая ситуация или пейзаж (*sandscape*); сказочная, сюрреалистическая обстановка или сцена, например, в фильме (*dreamscape*).

Научно-технический прогресс внес изменения как в понимание распространения информации (*informationscape* – *spatial propagation of information (i.e., signals passed from one state variable to another* [пространственное распространение информации (т. е. сигналы передаются от одной переменной состояния к другой]), так и при изучении и моделировании разнообразных процессов (*coldscape* – *technologies, buildings, and other artificial sources of cold used for the preparation, distribution, and storage of food* [технологии, здания и другие искусственные источники холода, используемые для приготовления, раздачи и хранения продуктов питания]; *moonscape* – *a view of or resembling the surface of moon, characterized by rockiness and barrenness* [вид или подобие поверхности Луны, характеризующееся каменистостью и бесплодностью]; *Retail-Scape* – *the go-to source for reliable data and competitive intelligence for retailers* [надежный источник надежных данных и конкурентной разведки]; *gymscape* – *an android app, which will track your progress in gym* [приложение для Android, которое будет отслеживать ваши успехи в тренажерном зале]).

Таким образом, «в процессе постижения и освоения окружающего пространства как одного из феноменов человеческого бытия, существующего в виде окружающей среды независимо от человека, в сознании индивидуума формируется концептуальная модель пространства как базовая когнитивная структура, отображаемая в языке» (Безукладова И. Ю., 2016, 4–5). Англоязычные неологизмы показывают изменения, вызванные сменой парадигмы и помещением человека в центр языка и культуры. С их помощью возможно прогнозировать возможные социальные, культурные и технологические изменения. Анализируемые неологические единицы обладают склонностью выходить за пределы границ своих обычных употреблений, что связано с их когнитивно-прагматическим и аксиологическим потенциалом. Данные неологизмы – это единицы, рассмотрение и анализ которых необходимо для создания многогранной лингвистической модели.

Литература

1. Бедарева А. В. Дрыгина И. В., Груба Н. А. Языковая концептуализация пространства в художественном тексте на материале романа В. В. Набокова “Transparent Things” // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 1 (37). С. 1–7.
2. Безукладова И. Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2016.
3. Бронник Л. В. Категория пространства в языке и науке о языке // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 5. С. 2–13.
4. Гак В. Г. Пространство вне пространства // *Логический анализ языка. Языки пространств* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.
5. Зенина И. Н. Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 23–27.
6. Кубрякова Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М. : Языки славянской культуры, 2004.
7. Липириди С. Х. Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2021.
8. Маслова В. А. *Лингвокультурология*. М. : Изд. центр Академия, 2001.
9. Спиркин А. Г. *Основы философии*. М. : Политиздат, 1988.
10. Crystal D. *An Encyclopedic Dictionary of Language and languages*. Oxford : Oxford Univ. Press, 1995.
11. URL: <http://cambridge.org> (Accessed 23 December 2023).
12. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/landscape> (Accessed 23 December 2023).
13. URL: <http://www.urbandictionary.com> (Accessed 23 December 2023).
14. URL: <http://www.wordspy.com> (Accessed 23 December 2023).

Н. А. Красовская

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ПОНЯТИЕ ПОЧВА, ПОКРЫТАЯ ДЁРНОМ, В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о репрезентации в русских говорах понятий дерна и дерновой почвы. Автор приходит к выводу о том, что самые частотные номинации содержат корень -дерн-/-дёрн-

/дер-/дёр-/дерен-/дёрен-. Помимо этого, и другие имена существительные и имена прилагательные участвуют в репрезентации этого понятия, например, с корнем -облож-.

Ключевые слова: русские говоры, лексика, репрезентация, дёрн, почва.

Для того чтобы определять, как может то или иное понятие отражаться не только в литературном языке, но и в говорах, необходимо выяснить, что включает это понятие, то есть необходимо выявить объем понятия.

Итак, МАС («Словарь русского языка» в 4-х томах) дает следующее определение: «ДЁРН, -а (-у), м. Верхний слой почвы, густо заросший травянистыми растениями и скрепленный их переплетающимися корнями...» (Словарь русского языка // <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma139120.htm?cmd=0&istext=1>). В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова сказано: «ДЁРН... Густо заросший травой верхний слой почвы. || *собир.* Вырезанные пласты этого слоя. *Могилу обложили дерном*» (Ушаков // <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=lrxyomuqtu299410535>). В электронном каталоге «Большой советской энциклопедии» в качестве заголовочного слова используется не слово дёрн, а слово *дернина*. О ней сказано следующее: «Дернина (дёрн, дерновина, дерно, деренье), поверхностный слой почвы, густо переплетенный живыми и мертвыми корнями, побегами и корневищами многолетних трав, занимающих более половины объема почвы. Одним из диагностических свойств дернины является способность отделяться от остальной части почвы, если потянуть за стебли травянистых растений. Дернину выделяют в самостоятельный горизонт, если её мощность превышает 3см... Дернина формируется под травянистой растительностью, преимущественно луговой или злаковой, в любых природных зонах (от тундры до пустыни) и геоморфологических условиях (на равнинах и в горах). На равнинах дернина наиболее интенсивно развита в почвах степной зоны и в центральной части пойм рек. В лесах образуется на прогалинах, вырубках, опушках и других открытых пространствах. В горах дополнительной экологической нишей являются субальпийские луга. В настоящее время фиксируется и в постагrogenных почвах, вышедших из сельскохозяйственного использования и зарастающих травянистой растительностью. В этом случае мощность дернины невелика и редко достигает 4–5 см. Наиболее развита дернина в целинной степи и на лугах, где интенсивно и с большой продуктивностью развивается травянистая растительность» (Дернина // <https://bigenc.ru/c/dernina-3e79b5?ysclid=lrwey8s6dl360606191>). Помимо этого, выясним, имеется ли какое-то своеобразие в представлениях о дерновых почвах: «Дерновые почвы (также дерновые лесные почвы, серогумусовые почвы) – тип почв, развивающихся под лесами умеренного пояса (главным образом таёжными, а также под березняками) на богатых основаниями почвообразующих

породах. В этих условиях подзолообразовательный процесс замещается дерновым процессом.

Образование дерновых почв происходит под травянистой растительностью, богатой питательными элементами, создающей дернину и подстилку, под которыми располагается дерновой (гумусово-аккумулятивный) горизонт.

Для дерновых почв характерны: накопление перегноя (мощность гумусового горизонта 30–40 см, содержание гумуса от 2–4 % в кислых почвах, до 6–9 % в почвах с нейтральной реакцией); биологическое накопление зольных элементов и щёлочноземельных оснований» (Дерновая почва // https://ru.wikipedia.org/wiki/Дерновые_почвы).

Слово дерновой определяется следующим образом: «ДЕРНОВА́Й, -ая, -ое. Прил. к дерн; выстланный дерном. Дерновая скамья. Дерновая земля (перегной из дерна; с.-х.)» (Ушаков// <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=lrxyomuqtu299410535>).

Из приведенных выше толкований становится понятно, что такое дёрн, что дёрн может отличаться в зависимости от характеристики почвы и особенностей самой территории, а в указанных цитатах также сказано о том, что дёрн мог использоваться в утилитарных целях. Общее понятие *почва, покрытая дёрном*, может выражаться в языке словами разных частей речи: существительными, прилагательными, отглагольными образованиями (причастиями).

Для проведения исследования мы обратимся к материалам картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) по вопросам ЛСЛ 448. Дёрн и Л 449. Дерновая почва.

В целом в русских говорах представлены наименования, которые имеют либо фонетические (акцентологические), либо морфемные особенности, но большинство из этих наименований связано со словом *дёрн*.

Если говорить о фонетических вариантах, то тут можно наблюдать такие варианты, например, как *дерн, дорн, тёрн, терн; дерновáя, дернóвая, дёрновая*. Надо еще раз подчеркнуть, что фонетический вариант *тёрн, терн, торн* (а также, говоря о наличии начального [т], мы бы отнесли сюда и варианты *терень, тёр, тернястая*) сосредоточен на юге распространения русских говоров, отмечается в районах Краснодарского края, Ростовской, Волгоградской, Курской областей.

«Словарь русских народных говоров» (СРНГ) содержит следующую информацию: «2. Тёр, м. Тёр (тор) да (и) ёр; ёр да (и) тёр (тор). а) О небольшом количестве чего-л. Отцы наши говорили: чего там уродилось – тер да ер, неурожай. Дон., 1976. б) О чем-л. неудавшемся. Наготовила тер да ер, выкинь – припала. Дон., 1976» (СРНГ, вып. 44, с. 64). Сама лексема *тернёвый* также имеется в СРНГ: «Тернёвый... Наполненный трудностями, страданиями, невзгодами; тернистый (о жизненном пути). Терневый был мой жизненный путь. Одесск., 2001»

(СРНГ, вып. 44, с. 78). Имеется в СРНГ и лексема *тёрни*: «Тёрни, мн. Спутанные корни дерева. Одиноким плугом терни разорвали. Одесск., 2001» (СРНГ, вып. 44, с. 78). Слово *терник*, по данным СРНГ, обозначает следующее: «1. Терник. Растение терн, заросли терна. Кубан., 1901. Ворон. «Растет у нас в средней и южной полосе, плоды вроде слив, поменьше и круглые». Даль. 2. Терник. Всякое колючее растение. Дюже густой лес, непроходимый, там разный терник растёт, все глаза повыстебнешь. Ворон., 1973» (СРНГ, вып. 44, с. 78). Скорее всего, при использовании слов *терн*, *тёрн* в значении 'дёрн', 'дерновая почва' на указанных территориях произошло фонетическое (может, и смысловое наложение с использованием этих или близких лексем в значении 'непроходимый, густой, спутанный', 'с трудностями, невзгодами').

Отметим также, что фонетической особенностью может являться и произношение звука [э] под ударением, то есть отсутствие чередования с [о]: *дерн*, *дэрен*, *дэрно*, *дэрновье*, *дэрновый* и др.

Тут можно обратиться в том числе к этимологическим словарям, которые указывают на то, что слово *дёрн* восходит к слову *драть*. В частности, у М. Фасмера находим: «...укр. *дэрен*, русск.-цслав. *дърнь*... || Родственно др.-инд. *dīrṇās* «лопнувший, расколотый», кимр. *darn* «кусок, часть» и, далее, русск. *деру́*, *драть*...» (Фасмер // <https://lexicography.online/etymology/д/дёрн?ysclid=lrх9х14lqv766747396>).

То есть фонетические варианты корня фиксируются как исторические явления, поэтому их наличие в русских говорах является закономерным явлением. К фонетическим чертам можно отнести и наличие второго гласного в корне, то есть возникновение сочетания *-ере-*: *дерен*, *дерень*. Интересно отметить, что в прилагательном *деренистая* отмечается такая же черта.

К фонетическим явлениям, которые встречаются в лексемах, репрезентирующих рассматриваемое понятие, относятся лексемы, в которых встречается корень *-дер-/-дёр-* (без конечного н), что, как мы видели выше, обусловлено этимологически, связью со словами *деру*, *драть*: *дер*, *дёр*. В прилагательных данный корень тоже встречается: *деровая*, *дёрвая*.

В основном такие лексемы встречаются в северной части распространения русских говоров.

Помимо представленных фонетических вариантов, большое место в репрезентации понятия *почва*, *покрытая дёрном*, отводится лексемам, которые имеют морфемные особенности. Так, можно говорить о том, что распространенными являются лексемы, образованные суффиксальным способом, что закономерно для именных частей речи. Нами были выявлены как наиболее распространенные лексемы с суффиксами *-ьј-*, *-ов-*, *-ак-/-як-/-ок-*, *-ин-*, *-ик-/-ник-* (*дерэнье*, *дереньё*, *дэрновье*, *дернóвье*, *дерновье́*, *дерна́к*, *дерняк*, *дерно́к*, *дернина*, *дерновина* и др.), среди при-

лагательных это суффиксы встречаются варианты с суффиксами *-ист-, -ов-, -ян-, -н-* (*дернистая, дернёвая, дерновáя, дёровая, дерняная, деренная* и др.).

Еще одной яркой особенностью, которая отмечается в языковых способах репрезентации рассматриваемого понятия, является наличие довольно распространенной лексемы, которая имеет грамматическую особенность, а именно относится не к мужскому, а к среднему роду: *дерно́, дёрно, дёрно*.

Помимо самой распространенной группы лексем с корнями *-дер-/-дёр-; -дерн-/-дёрн-; -дерен-/-дёрен-* и т.п. встречаются и иные лексические способы, которые участвуют в репрезентации рассматриваемого понятия. Следует отметить, что это лексемы, которые имеют иное основное значение, но, видимо, могут участвовать и в выражении указанного понятия: *целина, перегной*, а также лексемы с корнем *-песч-*. В данном случае можно говорить о том, что, видимо, в говорах у данных лексем развилась вторичная номинация, их можно отнести к семантическим диалектизмам по сравнению со словами литературного языка. Слова *песчанка, песчинка, песчаный* в интересующем нас значении отсутствуют в СРНГ (см. выпуск 26). Однако слово *песчища* присутствует: «Песчища... Обширное песчаное место» (СРНГ, вып. 26, с. 325).

Среди слов, которые участвуют в репрезентации рассматриваемого понятия, присутствуют слова с корнем *-облож-*: *заблóженная, облóженная, облóженная земля, заоблóжина, обложёна*.

В СРНГ встречаем: «Заоблóженный... Заросший, покрытый дерном, запущенный (о пашне). Заобложенная пашня быстро зарастает березняком. Смол., Копаневич. Заоблóжить... сов., неперех. Зарости, покрыться дерном (о заброшенной пашне). Вон тот конец усадьбы совсем заобложил, едва ли что родится там, надо его вновь под осень поднять и удобрить. Ворон., Тростянский. Заоблóжитьея... То же, что заоблóжить. Эта пашня недавно заобложилась. Вельск., Смол. Смол., Копаневич. Ворон.» (СРНГ, вып. 10, с. 289).

В говорах также понятие *почвы, покрытой дёрном*, выражается и с помощью лексем с корнями *-раст-/-ращ-/-рос-*: *зáросли, зарóсшая* и с корнем *-пуст-* (*пустошь*). Использование указанных корней и лексем, содержащих эти корни, обусловлено общим пониманием дерновой почвы как такой, где невозможно без дополнительных усилий что-то вырастить, в целом как не совсем пригодной к быстрому выращиванию чего-либо и т. п.

Рассуждая о репрезентации в русских говорах понятия *почва, покрытая дёрном*, мы пришли к следующим наблюдениям.

Во-первых, при анализе языковой репрезентации понятия необходимо обращаться как к пониманию того, что такое *дёрн*, так и к пониманию свойств почвы, то есть принимать во внимание и слова с пред-

метной семантикой, и слова с признаковым значением (в материалах картотеки ЛАРНГ в 448 и 449 вопросах перемежаются ответы в виде существительных и прилагательных), также следует обратиться и к словам с семантикой действия или состояния (которые указывают на то, что изменяется состояние почвы, или на ее свойства).

Во-вторых, само понятие дёрна, видимо, разнообразно, при его рассмотрении следует учитывать, например, природно-климатические особенности, так как дерн на севере и на юге отличаются. Так же будут отличаться и его свойства, и его восприятие, и то, что из него можно сделать и как его можно использовать. Поэтому, видимо, появляются некоторые особенности в именовании (*терн, кавыл, кора, пласт, засуха, бросовая, дярмовье// лужок, лужковина, зарощенная*).

В-третьих, необходимо констатировать, что в современных говорах все-таки большинство лексем, репрезентирующих рассматриваемое понятие, это совокупность лексем с корнями дер-/дёр-; -дерн-/дёрн-; -дерен-/дёрен-.

Литература

1. Дернина. URL: <https://bigenc.ru/c/dernina-3e79b5?ysclid=lrwey8s6dl360606191> (дата обращения: 16.11.2023).
2. Дерновая почва. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дерновые_почвы (дата обращения: 16.11.2023).
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Л. : Наука, 1974.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Л. : Наука, 1991.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 44. СПб. : Наука, 2015.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma139120.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 15.11.2023).
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=lrxyomuqtu299410535> (дата обращения: 15.11.2023).
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/д/дёрн?ysclid=lrx9x14lqv766747396> (дата обращения: 16.11.2023).

С. А. Логвина
*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

ЭВФЕМИЗМ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

***Аннотация.** Вопрос интерлингвального и национального в языковой картине мира остается одним из центральных в лингвокультурологии, поэтому методологическая значимость выделенных нами свойств эвфемизма подтверждает эмпирическую пригодность в контексте декодирования в рамках коммуникативного взаимодействия в любой культуре, так как репрезентирует базовые аспекты объективации устойчивых архетипов и их корреляцию с языковой системой.*

***Ключевые слова:** лингвокультурология, эвфемизм, эвфемистическая функция, симболарий, культурный код.*

Вопрос интерлингвального и национального в языковой картине мира остается одним из центральных в лингвокультурологии. Лингвокультурологические и этнолингвистические исследования активно осуществляются различными научными школами: А. Вежбицкая, J. Bartmiski, Ю. Н. Караулов, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Н. К. Рябцева, Е. С. Кубрякова, Н. Б. Мечковская, А. Д. Шмелев и т. д.

Для фиксации и учета перечня семиологических средств и символов, способных на этапе лексикографической инициации экстраполировать определенную культурную сферу часто прибегают к созданию словарей концептов, словарей стереотипов, символов, образов, констант национального сознания и проработкой их теоретических основ, что выявляет тесные связи лингвокультурологии как с собственно лексикографией, в частности идеографией, так и с социо-, [этно] и психолингвистикой [1, с. 4].

Являясь одновременно и языковым, и культурным феноменом, эвфемизм отражает в себе мир определённой лингвокультуры, а порой и национальный менталитет конкретного народа [2 с. 53]. Традиционные определения в толковых словарях, с одной стороны, не способны решить лингвокультурологическую задачу, поскольку не содержат «культурной» информации, а также представляют информацию, не релевантную для носителя языка, то есть информацию, увеличивающую «когнитивные усилия». Я. Анусевич писал, что эвфемистические дефиниции, помещенные в имеющихся словарях польского языка, слишком энциклопедичны, что проявляется в противоречии между научным характером дефиниции и ее лингвистической экспликацией в словарной статье, а также в отсутствии в дефиниции конотативных или ассоциативных признаков исследуемого слова [8, с. 141]. Более того, толковые

словари последовательно не фиксируют способность эвфемизма выполнять символическую функцию, выражать символическое значение в разных дискурсах. С другой стороны, несмотря на то, что процесс создания эвфемизмов является типичным явлением для различных наций и культур, симболарии эвфемистических единиц, снабженных комментариями, в которых описываются: культура, к которой относится данный эвфемизм, черты и параметры фразеологичности данного эвфемизма в языке, сроки появления и период функционирования исследуемого эвфемизма в конкретной лингвокультуре, всегда высоко востребованы. В настоящее время существуют лишь несколько специальных словарей эвфемизмов [9, 10, 11], причем в англоязычных странах первые словари подобного типа появились в конце XX века, в русском языке – только в 2008 году. Именно это противоречие обуславливает актуальность данного исследования.

Несмотря на отсутствие консенсуса, ученым, однако, удается выделить ряд значимых, но в то же время парадоксальных характеристик эвфемизма, задающих вектор современных исследований: во-первых, эвфемизм не обязательно является свойством самого слова, но является свойством того, как это слово используется [2]; во-вторых, реализация эвфемии в тексте не предполагает обязательного использования эвфемизмов, так как смягчение или сокрытие смысла может быть достигнуто с помощью иных инструментов языка и речи [6]; эвфемизм эффективнее рассматривать через совокупность разнообразных процессов, нежели как совокупность выражений [4]. Кроме того, важным для нашего понимания является тезис о вербальной репрезентации эвфемизма как результата эвфемии, «масштаб и динамика реализации которой «напрямую связаны со значимостью понятия для лингвокультурного сообщества, а также с аксиологической перспективой, теоретической ценностью и событийной значимостью (протекания коммуникативной ситуации) того внеязыкового явления, которое воплощено во всем его когнитивно-семантическом объеме» [3, с. 160–161]. Такое осмысление эвфемизма способствует пониманию этого лингво-культурологического феномена как речевого поведения или речевого акта, что позволяет включить эвфемизм в разряд мощных дискурсивных инструментов, которые «напрямую зависимы от культурного статуса народа» [5, с. 46], таким образом, можно говорить об эвфемизмах, «как о компонентах языковой личности, культурная информация которых заключена в тематические сферы их наибольшего распространения в тот или иной период культурного развития народа» [там же].

Полагаем, что при таком научном подходе в центре внимания должны находиться не разрозненные и лишённые контекста единицы (слова или фразеологизмы), а метатекст целиком (эвфемистический текст), поскольку интерпретация извлеченного фрагмента не может

способствовать полноценному анализу, где полиморфизм эвфемизма играет немаловажную роль в процессе концептуализации реальности, а особенно табуированной.

В арабской культуре, например, «щедрость» и «богатство» напрямую ассоциируются с количеством пепла, через такие косвенные признаки как разжигание огня – приготовление еды – приглашение гостей – и, наконец, в итоге количество пепла, что говорит о щедрости и благополучии хозяина. В качестве примера рассмотрим беседу двух женщин:

«– *Добрый день, дорогая Сулейха!*

– *Добрый, уважаемая Мейраб.*

– *Не обижает тебя муж твой?*

– *Мой муж чудесный и добрый человек.*

– *Тогда, почему платье твое чистое и на нем не видно следов пепла?*

– *В моем доме совсем мало пепла.*

– *Я поговорю с отцом и передам ему твою просьбу.*

– *Прощай сестра»* [13].

Как видно из разговора, не называя своего мужа лентяем и жадным, женщина рассказывает о том, что дома совершенно нет пепла, а значит нечего готовить. Вторая женщина понимает, о чем идет речь и собирается жаловаться на плохого (жадного или ленивого) мужа своей сестры. Данный пример показывает, что недостаточно раскрыть эвфемистический смысл выражения «мало пепла», необходимо проанализировать и весь диалог (текст, где объем смысла многократно превалирует над объемом высказывания), чтобы понять его суть через культурную особенность арабского менталитета.

Эвфемизмы – это неотъемлемая составляющая символов культуры, но в пределах различных культурных систем они приобретают специфическую нагрузку. Уровень языковой и культурной компетенции коммуникантов определяет и такой фактор, как осведомленность о прецедентных текстах и культурных сценариях, поскольку сами эвфемизмы являются знаками, отсылающими к прецедентным текстам (мифам, басням, сказкам, легендам и т. п.). Наряду с этим в своем составе эвфемизмы содержат компоненты-символы, что свидетельствует о наслоении культурной информации.

Рассмотрим еще один пример: «*В Симферополе я стал свидетелем удивительно интересного диалога влюбленной пары. Девушка что-то яростно и горячо доказывала парню, на что он, осторожно коснувшись, мягко спросил: "Где у тебя CTRL-ALT-DEL?" – Она мгновенно улыбнулась: "Хочешь сказать, мне нужно перезагрузиться?" – "Ну, семь бед – один RESET", – подытожил он... и оба ушли успокоенные и счастливые»* [14]. Как видно из примера, использование компьютерной терминологии лаконично вписывается в межличностное общение влюбленной пары, где актуализация команд операционных систем (кла-

виш Control-Alt-Delete (сокращённо Ctrl+Alt+Del) – комбинация компьютерных клавиш для IBM-совместимых компьютеров, не является логично предсказуемой. Функция комбинации этих клавиш различна, но обычно она позволяет заблокировать сеанс, сменить пользователя, выйти из системы, другими словами «перезагрузить» систему. Таким образом, мы видим обоюдное использование собеседниками элементов компьютерной реальности, как формы культурного кода.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает использование трансформированной русской народной поговорки «семь бед один ответ» (что означает «на все проблемы имеется одно надежное решение»), которая была адаптирована в соответствии с современными реалиями и использована в повести Виктора Пелевина «Принц Госплана». Тот факт, что собеседники, продолжая компьютерную тематику, используют и элементы национального фольклора, свидетельствует о наслоении культурных слоев, что значительно усложняет работу лингвиста при оценке объема значения эвфемизма. Национально-культурная специфика эвфемизмов не только выполняет отсылку к национальному менталитету посредством многочисленных и разнообразных примет культуры, к типичным для определенного народа сценариям, историческим деятелям и событиям, прецедентным текстам, реалиям (например, игровая культура) и т. д., но и создают качественно уникальную (лингвоэкологическую) языковую среду.

Объект эвфемизации определяется ценностями той лингвокультуры, в рамках которой он используется, с теми культурными нормами и установками, которые регламентируют употребление эвфемизмов. Эвфемизация тесным образом связана с прагматикой языка и обусловлена интенциями общения и коммуникативными факторами, что находит отражение в появлении новых и «отмирании» старых тем. Степень эвфемизации речевого общения, частота употребления в определенных типах дискурса отражают правила речевого этикета, принятые в данном языковом коллективе. Выражение эвфемистической функции может происходить путем привлечения различных классов лексики: тропеической, этнокультурной лексики, фоновых слов, мнем и т. д. К сожалению, фиксация такой функции в словарях любого типа осложняется тем, что сама по себе возможность «абстрагирования признака от предмета (действия)» свойственная эвфемизму, возникает позже, чем приобретение этим признаком символических значений в рамках национальной картины мира.

Литература

1. Логический анализ языка: культурные концепты / ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1991.

2. Зверева М. И. Культурный код эвфемизмов // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования: сб. ст. по материалам I Международ. науч.-практ. конф. «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования». № 7 (44). М. : Изд-во «Интернаука», 2021.
3. Зубкова О. С., Логвина С. А. Актуальные тенденции и закономерности развития эвфемии. Курск : Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022.
4. Логвина С. А. Композиционная семантика эвфемистического дискурса. Лингвистика и образование. 2021. Т. 1. № 1. С. 112–128.
5. Катермина В. В. Эвфемизация как средство проявления национального характера. URL: <https://www.uhk.cz/file/edee/pedagogicka-fakulta/pdf/pracoviste-fakulty/katedra-ruskeho-jazyka-a-literatury/philologia-rossica/philologia-rossica-1/4-studie/3.pdf>
6. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта : Наука, 2008.
7. Порохницкая Л. В. К вопросу о роли контрастивных исследований в лингвокультурологии (из опыта когнитивно-сопоставительного анализа эвфемизмов) // Вестн. Моск. гос. лингвистического ун-та. Сер. «Языкознание». 2009. Вып. 576: Многоязычие в современном мире. С. 154–158.
8. Anusiewicz J. Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław, 1994.
9. Neaman J. S., Silver C. G. Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms. Expanded and Revised Edition. N. Y. : Facts on File, 1990.
10. Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1995.
11. Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2007.
12. Rees N. A Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness. L. : Harper Collins Publishers Ltd, 2006.
13. Yousif S. M. Similarities between English and Arabic euphemistic expressions with focus on religious, death and social euphemism / semanticscholar.org/CorpusID:150995652/-2017
14. Компьютерные анекдоты и истории. URL: https://scultus.narod.ru/onigdody_comp.html

Т. М. Малыхина, А. В. Кузьмина
Курский государственный университет
(Курск, Россия)

СИМБОЛАРИЙ КУРСКОГО РЕГИОНА КАК ЯДРО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Данная работа обусловлена поиском общероссийской идентичности на основе региональных этимологических и этнолингвистических исследований, потребностью в глубоком изучении истоков собственной культуры, в сохранении и использовании всего лучшего, что было создано за многовековую историю Российской цивилизации. Особого внимания в этой связи заслуживает анализ культуронимов Курского региона как ценностного ядра ментальности и самоидентификации многонационального российского государства.

Ключевые слова: язык, идентичность, культуроним, симболарий, этимология, Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение».

В самом сердце России, где пересекаются ведущие в столицу пути и открываются неоглядные русские дали, находится древний город Курск. Основанный в XI веке, он старше Москвы на целое столетие.

«Москва еще качалась в колыбели, а Курск уже сражался за Москву», – в этих поэтических строках Николая Сидоренко отражена богатая история города, который не единожды охранял южные рубежи государства российского от нашествия чужеземцев (Литературные традиции Курского края).

Элементы лингвистического симболария курской культуры могут быть представлены следующими идеографическими полями: «Прецедентные имена», «Исторические события», «Региональные артефакты», «Значимые региональные локации», «Значимые региональные природные объекты», «Арт-объекты / Культурно значимые объекты». В качестве основы настоящего разграничения лексем выступает классификация Григория Валериевича Токарева, репрезентирующая элементы лингвистического симболария тульской культуры. Эмпирическая база исследования выявлялась путем опроса студентов и преподавателей КГУ и анализа текстов, описывающих культуру Курской области.

В состав самого крупного по объему поля «Прецедентные имена» входят онимы: *Алехин Василий Васильевич* (ученый-геоботаник), *Асеев Николай Николаевич* (писатель), *Барятинский Иван Иванович* (князь, основатель усадьбы «Марьино»), *Белоусов Евгений Викторович* (певец), *Благинина Елена Александровна* (поэтесса и переводчик), *Богданович Ипполит Богданович* (писатель), *Брежнев Леонид Ильич* (политический деятель), *Винокур Владимир Натанович* (артист эстрады), *Винцкевич Леонид Владиславович* (джазовый пианист), *Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович / архиепископ Лука Крымский* (священнослужитель), *Во-*

робьев Константин Дмитриевич (писатель), Гайдар Аркадий Петрович (писатель), Дейнека Александр Александрович (художник), Дериглазова Инна Васильевна (фехтовальщица), Клыков Вячеслав Михайлович (скульптор), Ламонова Евгения Алексеевна (фехтовальщица), Медведев Дмитрий Анатольевич (политический деятель), Носов Евгений Иванович (писатель), Перекальский Степан Николаевич (командир дивизии, освобождавшей г. Курск, Герой Советского Союза), Плевицкая Надежда Васильевна (певица), Поветкин Александр Владимирович (боксер), Рокоссовский Константин Константинович (почетный гражданин г. Курска, командующий войсками Центрального фронта в период Курской битвы), Свиридов Георгий Васильевич (композитор), Семенов Федор Алексеевич (астроном), Серафим Саровский (святой), Сергеев Александр Семенович (российский офицер, лейтенант, командир миноносца «Стерегущий»), Скляр Игорь Борисович (актер театра и кино), Фет Афанасий Афанасьевич (поэт), Хрущев Никита Сергеевич (политический деятель), Шварц Вячеслав Григорьевич (художник), Шелихов Григорий Иванович (исследователь, мореплаватель), Щепкин Михаил Семенович (актер театра).

Идеографическое поле «Исторические события» составляют следующие единицы: *Красная Поляна, Курская битва.*

Поле «Региональные артефакты» представляют: *«Житие Феодосия Печерского», «Слово о полку Игореве», Курский детинец, Курская Коренная икона Божией Матери «Знамение», Кожлянская игрушка, Тимоня.*

Известные топонимы Курской области репрезентируют поле «Значимые региональные локации»: *Винниково, Воробьевка, Знаменский собор / Знаменский Богородицкий мужской монастырь, комплекс «Героям северного фаса Курской дуги», Коренная пустынь, Лебяжье, Марьино, Мемориальный комплекс «Курская битва», Мемориальный комплекс «Курская дуга», Моква.*

В идеографическое поле «Значимые региональные природные объекты» входят понятия: *антоновские яблоки, Боева дача, Курская магнитная аномалия, соловей, Стрелецкая степь, Утиный остров.*

Поле «Культурно значимые объекты / Арт-объекты» составляют следующие единицы: *Голубец (памятник), Дом купца Хлопонина / Музей археологии, железнодорожный вокзал, Женская Мариинская гимназия / КГУ, Здание Главного управления Банка России, Здание Дворянского собрания / Концертный зал «Свиридовский», Католический храм Успения Пресвятой Богородицы, Курская антоновка (памятник), Курский соловей (памятник), Половецкий воин / баба (памятник), Триумфальная арка.*

Культуронимы являются ценнейшим языковым свидетельством прошлого. Помимо своей самостоятельной лингвистической ценности, они важны как языковой источник в плане воссоздания элементов язы-

ковой картины мира, реконструкции истории ментальности и культуры народа, населяющего Курский регион.

Мы остановимся на изучении одного из самых известных и важных для нашей страны в целом и Курской области в частности христианских святынь с исторической, лингвокультурологической, семантической и этимологической точек зрения – *Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение»*. Этимологическое и этнолингвистическое исследование культуронимов Курского региона как ценностного ядра ментальности и самоидентификации курян подразумевает решение ряда проблем региональной ономастики, актуальных для современного этапа ее развития.

Первые сведения об иконе содержатся в памятнике русской литературы XVII в. «Сказание о граде Курске и о явлении чудотворныя иконы Пречистыя Богородицы; честнаго и славнаго Ея Знамения: иже нарицается Курския; и о чудесах Ея; и яко бы из давних лет», которое распадается на две части: в первой излагается история Курска с древнейших времен до его разорения при нашествии Батыя и обретения образа Божией Матери и перенесения в Знаменский монастырь в 1618 г.; во второй описываются чудеса от иконы в хронологической последовательности. Автором «Сказания...» был житель Курска, возможно монах Знаменского монастыря; он рассказывает только о чудесах, которые произошли недавно и имеют свидетелей, а отдаленные события автор приводит с большой осторожностью. Так, он не называет точную дату обретения образа и сообщает лишь, что это произошло после Батыева нашествия 1237 г. При создании «Сказания...» автор опирался на Киево-Печерский патерик (Православная энциклопедия).

В соответствии со «Сказанием...» Коренная икона была найдена охотником из Рыльска в лесу, на берегу реки Тускари, «при корени древа ниц лежащей», в 12 поприщах от разоренного татарами Курска (Православная энциклопедия). Когда он поднял икону, произошло первое чудо: из земли забил источник и образовался колодец. Охотник вместе с товарищами впоследствии на месте чудесной находки построили часовню, куда поместили икону. К ней приходили окрестные жители, многие исцелялись.

Дерево – природный символ динамического роста, жизненной силы Согласно данным словаря В.И. Даля, ‘*дерево* или *дрéво*; *мн. деревá, дерéвья, дрéвá, дрéвесá* – самое крупное и рослое растение, которое выгоняет от корня один пень или лесину, состоит из древесины, древесных волокон, придающих ему плотность и крепость. Меньшие деревья, не достигающие большой толщины, называются *деревцами*, а если лесина коротка и двоятся на сучья, то это *куст, дерево кустом, кустарное*’ (Даль, 1, 430).

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» *дерево* определяется как «один из основных элементов традиционной картины

мира, моделирующий его пространственный и временной образы (Славянские древности, 1995, 1, 60, 63).

В мифологии многих народов особое место отводится Мировому, или Космическому Древу Жизни, аллегорическому центру мироздания, связывающему воедино естественный и сверхъестественный миры. Корни Мирового Древа омывают воды загробного мира, его ствол, взметнувшийся в небо, обвивает Змея – символ движущейся по спирали энергии земли, а крона пронзает космическое пространство (Вовк, 2007, 123).

Важнейшим аспектом мифологии дерева является его связь с человеком, о чем свидетельствуют сюжеты о превращении человека в дерево. В мифопоэтической системе жизнь дерева и жизнь человека взаимосвязаны: они либо «параллельны» друг другу (как растет дерево, так растет и человек), либо взаимно избыточны (если растет дерево, гибнет человек). Считается, что если дерево примется, будет хорошо расти, то и ребенок будет здоров, если несчастливый или больной человек выльет под явор воду, в которой он умывался, то явор высохнет» (Славянские древности, 1995, 1, 63).

Согласно данным «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О.Н. Трубочева *dervo: ст.-слав. *дрѣво* ср. р., *arbor*, *lignum* ‘дерево’ (Этимологический словарь славянских языков, 5, 211). В «Русском этимологическом словаре» под редакцией А. Е. Аникина отмечено, что лексема *арбор* в вост.-слав. и болг. из итал. *albero*, также *arbores*, *arbor*, *arbor*, *albor*, *albora* собств. ‘дерево’ (Аникин, 2007, 1, 264).

В словаре М. Фасмера читаем: «допустимо думать, что слав. слово *род* родственно арм. *ordi* «сын», хетт. *hardu-* «правнук» и восходит к и.-е. *ǵordh – «высокий, выросший», сюда же *расмі*, лат. *arbor* «дерево», др.-инд. *vrādhant-* «поднимающийся», *vārdhati* «растет, умножается», авест. *vərədaiti* «растет» (Фасмер, 1996, 3, 491).

В «Латинско-русском словаре» находим: лексема *arbor* (арх. *arbors*), *oris* «дерево», *origo* «род», *origo* ‘зарождаться, вставать, восходить, появляться, вырастать, подниматься’ (Латинско-русский словарь, 2007, 43).

В «Славянорусском корнеслове» по поводу вещественного значения корня *-род-* (*-рад-*) в словенском языке отмечено: «...*Radix* по латыни в собственном смысле значит *корень у дерева*, в иносказательном же – *корень числа* (в арифметике). *Radius* значит луч, также и прутик или розга, в геометрии же приемлется за полупоперечник круга. Славенский язык имеет тот же самый корень *рад* (или *род*), пустивший от себя ветви *родить*, *раждаю*, *родина*, *порода*, *радимец*. Латинское *radix* значит *корень дерева*; но что ж иное *корень дерева*, как не *род* или *родоначальная* причина его? Не от корня ли оно родится? И вообще *radix* (*корень*) не означает ли *начала* или *рождения* всякого происходящего от него растения или вещи? Следовательно, латинец в корне своем *rad*, хо-

тя и не сохранил общего понятия, выражаемого славянским *rod* (или *rad*), однако в том же значении перенес его к частному понятию о дереве, и оно сделалось условным, ветвенным... (Славянорусский корнеслов, 2012, 97).

Кóрень, род. п. *-рня*, укр. *кóринь*, др.-русск., ст.-слав. *корень*, род. п. *корене ріца* (Супр.), болг. *кóрен*, сербохорв. *кòреñ*, словен. *korêñ*, чеш. *kořen*, слвц. *koreň*, польск. *korzeń*, в.-луж. *korjeń*, н.-луж. *kórjéń*. Сюда же русск.-цслав. *кора*, сербск.-цслав. *кора* – то же (Фасмер, 2, 325).

Корень, заявляет А. С. Шишков, без всякого сомнения, «произведен от слова *кора*; поскольку вещь, называемая корнем, есть не что иное, как та же самая *кора*, уходящая в землю и там пускающая от себя множество отраслей» (Славянорусский корнеслов, 2012, 73).

Таким образом, наши наблюдения показывают, что лексема *дерево* несет в себе смысл роста, *дерево* буквально – то, что зародилось, поднялось, то есть выросло (Малыхина, Летапурс, Писарева, 2011, 65–67).

Подтверждение этому мы находим в словарях русских народных говоров: *рощѣна* – ‘сев. растущее дерево, живое на корню’ (Даль, 4, 77), *растѣх* – ‘кустарниковое дерево, растущее около сосен’ (Элиасов, 1980, 355), *поросль* – ‘всякое растение, все, что входит в растительное царство’; (Даль, 3, 321); *росток*, *ростка́* (ж.р.) – ‘первый отросток, который пускает семя, прорастая, прозябая, росток развивается из зародыша, прорывается в пупке и делится на две лапки, на корешек и стебелек; показавшийся над почвой стебелек и по себе зовется ростком’ (Даль, 4, 76, 77); *подрост*, *порост*, *порость* в семантической структуре лексем присутствует сема ‘молодое деревце, побег от пня, корня, молодые деревья среди леса’ (Словарь русских народных говоров, 28, 161).

Таким образом, можно предположить, что лексемы *дерево*, *род*, *росток*, *поросль*, *роща* и другие, производные от них, являются этимологически родственными. При этом, по нашему мнению, в названии *Коренная* заключается единство «рода» и «роста», что позволяет показать целостность картины мира, где все рождается, растет, развивается, меняется и находится в постоянной взаимосвязи.

Литература

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь : в 16 вып. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М. : Рукописные памятники Древней Руси. 2007–2022 (издание продолжается).
2. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М. : Вече, 2007.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М. ; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
4. Латинско-русский словарь. М. : АСТ, Астрель, 2005.

5. Литературные традиции Курского края. Очерки. URL: <https://proza.ru/2015/07/13/1340> (дата обращения: 19.12.2023).

6. Малыхина Т. М., Летапурс Т. В., Писарева Л. Е. Об использовании славянских диалектных лексикографических источников в историко-лингвистических исследованиях (на примере лексемы дерево) / Славянская диалектная лексикография: материалы конференции ; ИЛИ РАН. СПб. : Наука, 2011. С. 65–67.

7. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2462319.html> (дата обращения: 19.12.2023).

8. Славянорусский корнеслов / сост. Л. С. Яковлева. СПб., 2012.

9. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 4 т. – М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1.

10. Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2019. Вып. 1–51 (издание продолжается).

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб. : Terra-Азбука, 1996.

12. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1974–2011. Т. 1–37.

К. С. Мозгачёва

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК СРЕДСТВО САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ТУЛЯКА

Аннотация. В данной статье рассматриваются прецедентные имена Тульского края. Имена-персоналии становятся средством самоидентификации жителей города.

Ключевые слова: прецедентные имена, региональная идентичность, самоидентификация.

Прецедентные имена являются одним из важных средств самоидентификации туляка. Такие единицы формируются на базе имён-персоналий, которые характеризуются общеизвестностью, широкой встречаемостью. Имя прецедентное перестаёт выполнять номинальную функцию, становясь знаком культуры. Данное явление связано, как правило, с прецедентной ситуацией, со значимой деятельностью личности.

Прецедентные имена выступают как основа для формирования лингвокультурных единиц символика культуры. Прецедентное имя становится базой, на которой формируется эталон. Эталон – лингвокультурная единица, отражающая стандарты свойств и качеств человека. (Токарев Г. В., 2022, 52). Эталоны включают стереотипные представления о качествах личности. Например, стереотипные представления о туляке:

- мастер, оружейник, кузнец. Выражается в таких именах: *Токарев, Шипунов, Левша, Тычка. Потомки славного Левши мастерством все хороши;*

- защитник родины. Выражено в именах: *Дмитрий Донской, Болотников* и др. Связано с событиями Куликовской битвы, Великой Отечественной войны;

- глубоко религиозный человек. Связано с именами святых - *Никола Тульский*, со святыми местами – монастыри, колодцы, соборы, святые источники;

- меценат, щедрый, способный на благотворительность. *Ваныкин* – пожертвовал деньги на строительство больницы. *Вересаевы* – помогали бедным, организовали первый бесплатный детский сад в Туле, *Толстой* – открыл школы для крестьянских детей.

Номинальные имена, переходя в разряд эталонов, утрачивают энциклопедические признаки. В поле исследования попадают те признаки, которые выражают стереотипы о регионе, отражают культурную значимость имени.

Установлены наиболее встречаемые эталоны тульской культуры: патриотизма, защитника Отечества, мастера, образованности и культуры, святости. Приведём примеры.

Болдин, Волнянский, Горшков – эталон патриотизма, мужества. Эталонное представление связано с прецедентной ситуацией в годы Великой Отечественной войны. *Болотов* – эталон учёного, общественного деятеля. Представления о нём связаны с профессиональными достижениями данного имени. *Вересаев, Даргомыжский, Гумилевская, Дрейер, Жуковский, Крылов, Успенский, Хомяков* – эталон интеллигента, связано с родом их деятельности. Отдельная группа имён – вымышленные герои литературных произведений: *Левша, Тычка* – эталон мастера. Характеризуется ценностью туляка – оружейным ремесленным делом.

Прецедентные имена Тульского края формируются двумя факторами: во-первых, известные личности родились в Туле (*Ушинский, Дуняша, Грязев и др.*). Во-вторых, связано с ценностями, характерными для тульской лингвокультуры (*мастерство, патриотизм, образованность и др.*). Таким образом, имена прецедентные являются средством самоидентификации туляка, выражая культурно-значимые ценности региона.

Литература

1. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула : ТШПО, 2022.

В. М. Мокиенко

*Санкт-Петербургский университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ *

Аннотация. *Фразеологические неологизмы отражают динамику современной языковой системы. Их лингвокультурологический потенциал создается как за счет собственных языковых ресурсов, так и путем заимствования (калькирования). В докладе демонстрируются оба способа обогащения новой русской фразеологии.*

Ключевые слова: *неологизмы, фразеология, фразеологический неологизм, лингвокультурологический потенциал фразеонеологии.*

Тема «Язык как основа национальной идентичности», предложенная организаторами Тульской международной конференции, многоаспектна, как и само понятие языковой идентичности. Одним из аспектов этой темы является соотношение традиционного (старого) и нетрадиционного (нового) в современной языковой системе. Известно, что русский язык с «лихих 90-х» пережил немало изменений, отразивших в какой-то мере и динамику национальной идентичности. Несколько изменился и сам (по определению организаторов Тульской конференции) «симболярный национальной идентичности», лингвистический анализ которого – задача исследователей.

Предложенная мною тема – «Лингвокультурологический потенциал новой русской фразеологии» может показаться специальной, ибо любая новизна специальна и не столь широкоформатна, как фразеологические лингвокультурологемы, отраженные всей языковой системой, накопившей и сохранившей их на протяжении веков. Анализ неологии в то же время имеет и определенное преимущество, ибо в ней более рельефно просвечивают и легко опознаются носителями языка культурологемы, маркирующие актуальные реалии, явления и процессы.

Но, следует признаться, путь к выявлению и описанию лингвокультурологического потенциала фразеологической неологии устан

---

* Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

терниями, т. е. необходимостью ответить на множество предварительных вопросов.

Исследование лексической и фразеологической неологии можно вести как в узко специализированных, так и в широко ориентированных направлениях. Как показывает опыт ее исследования и лексикографического описания, широкий подход к исследованию славянской неологии не только возможен, но и целесообразен. Стало ясно, что изучение «чистой», «узкой» неологии чревато слишком многими трудностями и не даёт возможности взглянуть на неё и интерлингвистически, и интердисциплинарно. Оно неперспективно и с точки зрения лексикографической обработки, поскольку для каждого конкретного языка мы имеем совсем иной банк неологической информации, – часто не сопоставимый ни количественно, ни качественно. А ведь без количественно сбалансированного сопоставления русской фразеологической неологии с соответствующим материалом других языков ее объективная оценка невозможна – всегда возникает опасность либо переоценки, либо недооценки национальной специфики.

При всех трудностях идентификации самого понятия и термина *неологизм*, общие параметры развития неологии заданы экстралингвистическими факторами и потому кажутся соблазнительно очевидными (Pstyga 1998, 241–243). Но погружение в конкретный языковой материал и сопоставление его с материалом других языков делают это очевидное «невероятным». В целом, – как это ни представляется парадоксальным, – языковая плоть многих неологизмов в разных языках может оказаться более отличной друг от друга, чем традиционная материя литературных языков. Кроме того, уровневое сопоставление славянской неологии демонстрирует весьма большие различия, а нередко даже несовместимость сопоставляемых объектов. Но при этом, как показывает опыт синтетического описания так называемых «новых явлений» в русском языке, общими могут быть названы некоторые доминантные *тенденции*, – напр., демократизация нормы или американизация, хотя языковые элементы разного уровня реагируют на них по-разному. Лексика, фразеология и отчасти словообразование становятся основными репрезентантами процессов неологизации, фонетика же, морфология и синтаксис в основном лишь реагируют на общее «расшатывание нормы», интенсифицируя те или иные признаки, которые в языковой системе уже существовали.

С позиций такого широкого подхода легче выявить различные группы фразеологической неологии, дать их стилистическую и социолингвистическую интерпретацию, предложить объективный источниковедческий анализ. Некоторые из аспектов такого анализа – *понятие неологизма и его граници, ономаσιологические доминанты фразеологической неологии, стилистическая характеристика неологизмов, их исто-*

рико-этимологические источники, лексикографические проблемы описания и др. – уже освещены в публикациях на данную тему (напр., Мокиенко 2002).

Типологическая общность процессов и механизмов неолгологизации не должна заслонять от исследователей фразеологической неологии и её специфики. Собственно говоря, можно сказать, что уже само разграничение славянской фразеологической неологии по оси «Своё» – «Чужое» налагает ощутимый отпечаток на её качественный и количественный состав и специфику для конкретных языков. И естественно, что национально маркированных фразеологизмов будет представлено больше в первой группе, чем второй. Приведём несколько примеров, иллюстрирующих такое утверждение.

1. Фразеологические неологизмы, образованные на основе «своих» языковых ресурсов.

Шутливо-ироническое выражение *богатенький Буратино* пришло в средства массовой информации в конце 90-х гг. из молодёжного жаргона, что квалифицируют словари (Мокиенко, Никитина 2000, 61). Сейчас оно стало разговорным и характеризует как состоятельного бизнесмена, предпринимателя в постсоветской России, так и человека, располагающего средствами в условиях, когда у окружающих либо денег нет совсем, либо их гораздо меньше (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008, 109):

1. И тут такой шанс выпал! Один *богатенький Буратино* решил себе родословную составить. Я взялся за эту работу, посулили мне тысячу долларов. (Д. Донцова. Скелет из пробирки).

Французская налоговая система весьма сурово к «*богатеньким Буратино*», а олимпийское золото – никогда не бывает поблажкой. <https://www.sovsport.ru>

2. – Я бы очень советовал его [хрусталь] продать... Я знаю одного любителя-толстосума. Или старичков-супругов. Тоже *богатенькие Буратино*. Запросить безумно много. Вытерпят. (В. Крупин. От рубля и выше).

Из машины вышли трое. Одинакового роста, одинаковой ширины и одинаково жующие... Один из двоих остановился. «Слышь, мужик, – развязно начал он, – ты *богатенький Буратино*. Васёк видел, – кивок в сторону оставшегося позади. – Поделись. А то у нас штаны порватые, и машина позорная...» (С. Залмунин. Волкодав-одиночка, 2006).

Историки крылатых слов единодушно определяют исконно русское происхождение этого неологизма. Он, конечно, имеет более старые, ещё советские культурологические корни. Это фраза, с которой хитрая Лиса, стремясь подольститься и выманить деньги, обращается к главному герою популярного в 70-е годы прошлого века телефильма «Приключения Буратино» (1975) по сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик» (1936). Режиссеры фильма – Л. А. Нечаев, сценарий И. И. Веткиной.

Иная история – у другого шутливо-иронического оборота *наивный чукотский юноша*, ставшего новейшей характеристикой глупого, наивного, недалёкого человека. Хотя оно ещё не перешагнуло границ литературного употребления, но уже мелькает в средствах массовой информации и особенно – в интернете:

Боже мой, какой *наивный чукотский юноша*. В любом клубе в нашей стране уволят тренера, а игрокам будет хоть бы что – это реалии РФПЛ. <https://www.sport-express.ru>

Надо признать, что бывший чиновник, имевший прямое отношение к вырубке цаговского леса, сегодня выглядит *наивным чукотским юношей*. <http://www.zhukvesti.ru>

Популярность этого выражения растёт не по дням, а по часам. Уже появился и «гендерный пандан» к нему – *наивная чукотская барышня*, который, правда, пока ещё не вышел за пределы интернетных «чатов» и Фейсбука.

Если выражение *богатенький Буратино* выросло из советского литературного источника, то оборот о чукотском юноше – симбиоз известных анекдотов о некоторых жителях крайнего Севера, т. е. из современного фольклора.

2. Фразеологические неологизмы, образованные на основе «чужих» языковых ресурсов.

Эта группа по определению является интернациональной и, следовательно, её собственно языковая специфика ограничена самим происхождением. И действительно, в большинстве славянских языков значения и функциональные характеристики таких оборотов, как *мы все в одной лодке, менять коней на переправе, мозговая атака, мозговой штурм, зелёные береты, звёздные войны, мыльная опера, хромая утка, офисный планктон* и под. идентичны.

Но и для исследования группы заимствованных неофразеологизмов открывается возможность «нащупать» определённую специфику при их адаптации. Недавно такие возможности были показаны на примере анализа американизма *класть все яйца в одну корзину* (Мокиенко 2019а). Сейчас приведу подобный пример – судьбы чрезвычайно популярного сейчас выражения *вишенка на торте*. Его общее значение – ‘завершающее дополнение к чему-л.’, обычно – дополнение приятное. Вот как пользователи Интернета, заинтересовавшиеся этим выражением, определяют его семантику (https://yandex.ru/znatoki/question/languages/chto_znachit_vyrazhenie_vishenka_na_torte_ae3d359c/):

«1) Приятное дополнение к основному событию, явлению и т. п. Например: «В номере отеля нас ждали прохладительные напитки, удобные кресла и – как *вишенка на торте* – прекрасный вид из окна».

2) Наоборот: завершающий неприятный акцент в цепи неудач. Например: «Утро началось с неудач: подгорел омлет, кофе залил плиту».

А вишенкой на торте стал бутерброд, предсказуемо упавший маслом вниз». (Полина Таева, филолог).

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) уже успел широко зафиксировать это выражение в многочисленных контекстах, и практически все они имеют ту же семантическую амплитуду, которую определили пользователи Интернета.

В некоторых контекстах этот оборот выкристаллизовался в устойчивое сравнение с актуальной образностью:

И главное украшение сезона, как вишенка на торте, – этот финал. И я хотел бы сюда добавить «Технологичный» хоккей «Чикаго» // РБК Дейли, 2013.06.28.

А на кровати, как вишенка на торте, лежала ночная рубашка в розочках. Евгений Черных. У Пиаф и Пугачевой одно на уме: мужчины и музыка // Комсомольская правда, 2010.12.18

Столь мощная активность употребления и всеобщая узнаваемость свидетельствуют о том, что этот фразеологизм уже глубоко укоренился в русском языке, несмотря на фиксации, не выходящие за рамки XXI в. Более того, – опрос носителей русского языка (особенно молодёжи) показывает, что оно воспринимается как исконно русское, «Своё», а не чужое.

Однако, уже факт его поздней фиксации в источниках – причём, как мы видели, повсеместно газетных и интернетных – и отсутствие в русской литературе даже новейшего времени рождает подозрение в том, что оно пришло к нам из другого языка. И это подозрение оправдывается более детальным анализом, который выявляет его англоязычный источник – американизм, источником которого являются сочетания *the icing on the cake* и *the cherry on the cake* (Мокиенко 2019, 141–144).

История рассмотренных фразеологических неологизмов весьма симптоматична. В поток этих языковых единиц, как видим, вливаются как обороты, образность которых имеет длительную литературную и речевую традицию (*богатенький Буратино*), так и новообразования, созданную ассоциативной креативностью молодёжной жаргонизированной речи на основе шуточных, анекдотических реминисценций. «Вишенкой же на торте» русской неофразеологизации сейчас нередко становятся кальки-американизмы. Но и они, наслоившись на русский фразеологический торт, не портят его первородного вкуса, а, наоборот, придают ему особую современную образную «брендовость». И именно она помогает фразеологическим неологизмам органически влиться в устойчивую систему современных языков.

Как видим, лингвокультурологической потенциал русской неофразеологии далеко не однороден по происхождению, что, конечно же, находит отражение в ее специфике на общей идеографической сетке. Здесь традиционные, на первый взгляд, устойчивые концепты и стереотипы могут обогащаться новыми коннотациями. И задача лингвистов

и лингвокультурологов – тщательно регистрировать каждую из них, воссоздавая языковую картину мира в зеркале Новой Фразеологии.

Литература

1. Берков В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. (Т. I. А–М. – 658 с.; – Т. II. Н–Я. – 656 с.) / под ред. С. Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

2. Мокиенко В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии // *Słowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas VI. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Szczecin, 6-7 września. Greifswald, 2001. Pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Waltera. Szczecin: Komisja Frazeologii słowiańskiej Międzynarodowego Komitetu slawistów – Uniwersytet Szczeciński, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2002. С. 63–79.*

3. Мокиенко В. М. Современная славянская неофразеология: сходства и различия Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : сб. науч. ст. / редкол.: Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 137–146.

4. Мокиенко В. М. Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т славяноведения РАН, Урал. федер. ун-т ; [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019а. – С. 216–219.*

5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний. – СПб. : Норинт, 2000.

6. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

7. Pstyga A. Innowacje leksykalne we współczesnych językach słowiańskich w perspektywie paraleli // *Studia Rossica VI. Warszawa, 1998. S. 241–250.*

**ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ В ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
С ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕМ БЕЛЫЙ
(на примере русского, немецкого и латышского языков)**

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы русского, немецкого и латышского языков, содержащие цветообозначение белый, как способ отражения культуры. В рамках исследования были проанализированы два пути семантизации цветообозначения белый в составе фразеологизмов.

Ключевые слова: цветообозначение, фразеологизм, лингвокультурология, языковая картина мира.

Язык является мощным инструментом, аккумулирующим в себе информацию о внеязыковой действительности, а одним из артефактов культуры, несущих в себе сплав свидетельств историческо-социального и лингвистического развития этноса, являются фразеологические единицы (ФЕ). Они могут трактоваться как ключевые знаки культуры, формирующие и отражающие ее народно-мировоззренческую основу (Буянова, Коваленко 2012: 46), они выступают этнокультурными маркерами и, будучи отражением специфики культуры народа, ее традиций, образов, стереотипов и символов, являются составной частью этнокогнитивной картины мира человека. Наиболее ярко когнитивную основу фразеологизмов выразила лингвист В. Н. Телия, охарактеризовав фразеологический состав языка как «зеркало», в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание (Телия 1996: 9).

Национальное своеобразие фразеологизмов особенно ярко проявляется, когда в их состав входят цветообозначения (ЦО), ведь каждый народ, каждая культура трактует цвет по-разному: так, на Руси белый цвет часто символизирует добро, чистоту и невинность, в Японии же это цвет траура. Вместе с этим подобные ФЕ нередко имеют полные или частичные соответствия в других языках, особенно в рамках одной языковой группы, что, с одной стороны, свидетельствует о родстве языков, а с другой стороны, говорит об общности мыслительных процессов, схожести механизмов категоризации и концептуализации представителей различных культур.

Стоит отметить, что процесс восприятия цвета проходит через призму национально-культурных и индивидуальных особенностей определенного этноса, что объясняет наличие расхождений в палитрах цветов и колористических ассоциаций отдельных народов. Различные

отношения к тому или иному цвету отражаются в образных выражениях, существующих в языке, так как они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера (Верещагин, Костомаров 1980: 59).

В ходе исследования мы встретились с двумя направлениями семантизации ЦО белый в составе ФЕ:

1) когда цветовое значение ЦО сохраняется, например:

– *белые мухи* – ‘снег’ – посредством ЦО констатируется окрашенность снега;

– *белые барашки* – ‘пена на волнах’ – посредством ЦО констатируется цвет пены, образующейся на волнах (частичное соответствие в нем. яз.: *die weißen Hunde*, дословно: белые собаки);

– *доводить до белого каления* – ‘раздражать до крайности’ – метафорическое сравнение психологического состояния человека с образом раскалённого до белого цвета металла (соответствие в нем. яз.: *j-n bis zur Weißglut reizen*);

– *белый уголь* – ‘вода, как движущая сила при получении энергии, например, на ГЭС’ – посредством ЦО констатируется светлая окрашенность воды, ФЕ построена на основании антонимического противопоставления обозначению традиционного топлива – углю, цвет которого черный (соответствие в нем. яз.: *die weiße Kohle*);

– *белый билет* – ‘документ, выдававшийся лицам не годным к военной службе по состоянию здоровья или в силу иных причин не служившим в армии’ – посредством ЦО констатируется белый цвет данного документа в отличие от обычного красного цвета военного билета (соответствие в лат. яз.: *baltā biļete*);

– *der weiße Sport* – ‘зимний спорт’ – ФЕ строится на основе метонимического переноса характеристики условий (цвет снега), в которых занимаются спортом, на обобщенное название зимних видов спорт;

– *der weiße Tod* – ‘смерть во время снежных обвалов, буранов, метели и т. д.’ – ФЕ строится на основе метонимического сравнения по цвету с условиями, в которых погибает человек;

– *gāž baltu* – ‘сплошная стена дождя’ – метонимический перенос по цвету, как характеристики сплошной белесой (белой) стены воды;

– *skatīties baltām acīm* – ‘свирепо смотреть, яростно смотреть’; дословно: ‘смотреть белыми глазами’ – предположительно, при образовании данной ФЕ посредством метонимии в фокусе внимания находится взгляд человека с выпученными от злости глазами (видны одни белки).

2) когда значение цвета переосмысливается, а семантика ФЕ наполняется ценностными культурными смыслами:

Так, например, сопоставительный анализ фразеологизмов русского, немецкого и латышского языка с ЦО белый продемонстрировал наличие определённого сходства. Белый цвет в составе ФЕ трёх языков метафорически переосмысливается как *добро*:

– *белая магия* – ‘божественная магия, применение магии в целях добра’, соответствия в нем. яз.: *die weiße Magie*, в лат.яз.: *balta maģija*;
– *baltas dienas* – ‘хорошие, счастливые дни’ – метафорическое сравнение с образом доброго, неомраченного времени.

Кроме того, белый цвет может выступать символом *чистоты, честности, невинности*:

– *белая зарплата*, то есть ‘деньги, выплачиваемые работнику официально, доход, не скрываемый работодателем от государства’, частичное соответствие в лат. яз.: *balta nauda* (дословно: белые деньги);

– *белая книга* – ‘официальное сообщение в письменном виде, разъясняющее позицию по какой-либо проблеме’ – ФЕ является калькой с английского *white book*, например, Белая книга Черчилля 1922 года, в основе ФЕ, очевидно, лежит метафорическое переосмысление белый → честный (соответствия в нем. яз.: *das Weißbuch* (государственное сообщение, поясняющее политику безопасности ФРГ); в лат. яз.: *balta grāmata* (государственное сообщение, поясняющее политику ЕС);

– *eine weiße Weste* – ‘незапятнанная репутация’ – метафорическая трансформация образа материала, на котором не записано ничего порочащего репутацию человека;

– *notazgāt baltu* – ‘оправдать, восстановить репутацию; обелить’ – построение ФЕ имеет место при метафорическом сравнении с образом чистого, белого листа, с которого «стерли» все обвинения.

В русском и латышском языках ЦО белый может метафорически переосмыслять как *видимое / явное*:

– *белый свет* – ‘мир со всем существующим в нём’ – метафорическое сравнение с образом видимого в светлое время суток мира;

– *balti meli* – ‘наглая, явная ложь’ – видимо, имеет место метафорическое переосмысление образа светлого, как видимого, явного.

В немецком языке может переосмыслять как *святость / божественность*:

– *der weiße Sonntag* – ‘первое воскресенье после пасхи’ – Н. Г. Бурухина отмечает следующее: «первое воскресенье после Пасхи называется «Белым», так как в этот день у католиков происходит конфирмация (первое причастие), и девушки впервые надевают белые длинные платья» (Бурухина 2012: 35); можем предположить, что в дальнейшем произошёл также и метафорический переноса светлый → святой, божественный (ср. с рус. Красная горка).

Таким образом, проведенный анализ лишь подтверждает, что некоторые культурные явления, являющиеся типичными для одного народа, не могут быть в полной мере поняты представителями другого этноса. В целом же, употребление ЦО в составе ФЕ может быть обусловлено как соотносённостью цвета с объектом действительности, так и с репрезентацией культурно-символического значения. Сравнительное изуче-

ние ФЕ с компонентом ЦО демонстрирует, что роль ЦО определяется не только лингвистическими факторами, но и экстралингвистическими, а именно: культурными традициями, укладом, нравами, обычаями народа, особенностями национальной психологии и сознания.

Литература

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М. : 1995.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио пресс, 1998.
3. Бурухина Н. Г. Немецкие цветообозначения с национально-культурной семантикой // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам : сб. материалов VI науч.-практ. конф. / Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз., каф. иностр. яз.; под ред. О. П. Казаковой. Екатеринбург, 2012. С. 31–35.
4. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. М. : Флинт; Наука, 2012.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М. : Русский язык, 1980.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
7. Latviešu frazeoloģijas vārdnīca / Atb. Red. A. Laua. Rīga : Avots, 2000.

Ума Парихар

*Викрамский университет
(Удджайн, Индия)*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКА ХИНДИ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ

Аннотация. Каждый язык имеет свою особую фонетическую систему и графику, которые идиоматичны в своём лингвокультурологическом проявлении. В фонетике это орфоэпические особенности, порождающие критерий шибболета, омонимы, каламбуры, аллитерация, скороговорки. В графике ими могут быть название самого письма и название букв. Однако специфичность звуковой системы и графики и составляет красоту этих языков.

Ключевые слова: фонетика, графика, лингвокультурология, русский язык, язык хинди.

Лингвокультурологическое изучение языковых единиц разворачивает перед нами особый мир, скрытый за данной единицей. Этот мир можно обнаружить на каждом уровне языка: фонетическом, графическом, грамматическом, но ярче всего он представлен лексикой (как отдельными лексическими единицами, так и фразеологией). Это естественно, потому что самобытность любого народа прежде всего выражается в лексике. Заглядывая во внутренний мир слова, мы узнаём на какие стороны было обращено внимание при его создании, какие ассоциации у наших предков были связаны с этим существительным, которые переданы и нынешним носителям данного языка и почему эти ассоциации, возникающие в сознании одного индивида отличаются от другого индивида, у которого другой родной язык. Поэтому лексико-фразеологическая лингвокультурология и изучена больше всего. Фонетическая лингвокультурология, графическая лингвокультурология и грамматическая лингвокультурология исследованы в меньшей мере.

Мы тоже до сих пор вместе с профессором Григорием Валериевичем Токаревым изучали культурогенные точки отдельных лексических единиц русского языка и языка хинди. Ими были разные квазиэталоны (в частности, различные зоонимы) и квазисимолы. И мы делали очень интересные выводы по каждой, подвергнутой сравнительному лингвокультурному изучению, единице. В этот раз опираясь на множество работ (см. библиографию) профессора Г. В. Токарева, мы предпринимаем попытку подвергнуть сравнительному лингвокультурологическому анализу некоторых фонетических и графических явлений русского языка и языка хинди. При таком исследовании мы сталкиваемся с проблемой, которая заключается в том, что «фонетическая система включает в себя небогатый культурно маркированный материал. Это связано прежде всего с особенностями основной функциональной единицы этого языкового уровня – фонемы, которая в рамках традиционного языкознания считается одноплановой единицей, то есть единицей, не имеющей значения» [Токарев Г. В., 2009, 52] Тем не менее, при близком ознакомлении обнаруживается, что каждый язык имеет свою особую фонетическую систему, которая идиоматична в своём лингвокультурологическом проявлении. В фонетике лингвокультурологическая информация передаётся следующими средствами: орфоэпическими особенностями, порождающими критерий шибболета, омонимами, каламбурами, аллитерацией и скороговорками.

Орфоэпические особенности. Для лингвокультурологов представляет интерес не правильное произношение слов, а отклонение от норм произношения. Если это отклонение проявляется в речи какого-то отдельного индивида, то оно просто считается орфоэпической ошибкой.

Однако, если это отклонение делается большим количеством говорящих, то оно выдаёт нам информацию о социальной или территориальной принадлежности этих людей. Такие особенности произношения определённой группы людей мы все замечали при общении с ними, однако научную основу они получили в фундаментальной работе Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура». Они назвали это культуро-носящее явление «критерием шибболета».

Когда в семидесятые годы XX века мы изучали русский язык в Университете Дружбы Народов, там были студенты из многих стран мира со разными родными языками. Учась в университете и проживая в общежитии, мы каждый день замечали одни и те же отклонения в произношении студентов из определённых стран, не зная, что мы сталкиваемся с критерием «шибболета».

И так, основываясь на особенностях произношения, мы постепенно приходили к выводу, если человек произносит звук «б» вместо звука «п», то он арабоязычный. Наши однокурсники Исам и Халаф и другие студенты из Ирака, Иордании, Йемена, Сирии... говорили:

Бошли бить биво! (Вместо: *Пошли пить пиво!*)

Бозавчера. (Вместо: *Позавчера*)

Боловина. (Вместо: *Половина*)

Вместе с нами учились и студенты из Латинской Америки: Аргентины, Боливии, Гватемалы, Панамы ...у них родной язык был испанский. И они все произносили звук «б» вместо звука «в». Они говорили:

Бладимир (Вместо: *Владимир*)

Биноград (Вместо: *Виноград*)

Бишня (Вместо: *Вишня*)

И, если студент произносил придыхательный звук «бх» вместо щелевого звука «в», и ещё вместо переднеязычного щелевого звука «з», он произносил среднеязычную аффрикату «дж», то у него родной язык – бенгальский.

Бхообще (Вместо: *Вообще*)

Роджа (Вместо: *Роза*)

Все это случаи с неродным языком. Однако явление «шибболета» явно заметно и в родном языке. Оно указывает на то, в каком месте родился и вырос человек, поскольку человек сохраняет в своей речи какие-то оттенки этой местности. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, указывая на фонетические явления оканья, аканья, произношения звука «х» вместо общепринятого «г», приводят такие примеры: [Верещагин Е. М. и Костомаров В. Г., 1990, 151].

У нас в Рязани хрибы с хлазами. (*грибы с глазами*)

С Масквы (*с Москвы*)

Болого (*благо*)

Таким же образом, некоторые отклонения в произношении некоторых звуков языка хинди также передают информацию о разной терри-

ториальной принадлежности человека внутри Индии. Это происходит под влиянием местных диалектов. Например,

Произношение придыхательного «чх» (छ) вместо лигатуры «кш» (क्ष) в некоторых районах штата Уттар Прадеш. Например, *чхетр* в *кшетр* (छेत्र - क्षेत्र) т. е. *территория или район*

Произношение переднеязычного щелевого «с» (स) вместо шипящего «ш» (श) в некоторых районах штата Бихара. Например, *сикса* в *шикша* (सिक्सा - शिक्षा) т. е. *образование*.

Произношение губного смычного «б» (ब) вместо губного щелевого «в» (व) в некоторых районах штата Бихара. Например, *бахан* в *вахан* (बाहन - वाहन) т. е. *транспорт*.

Особенностью произношения людей с родным языком пенджаби является вставка краткого гласного «а» между двумя конечными согласными. Например, *Сурендар* в *Сурендр* (सुरेन्दर - सुरेन्द्र). *Это индийское имя*.

Иногда неграмотное, просторечное, неполное произношение тоже может быть индикатором разных социальных принадлежностей. Например, речь разных персонажей из художественной литературы Гоголя, Шолохова, Чехова, Пушкина.

Такая речь явно заметно в индийских фильмах и в художественной литературе таких писателей как Премчанд, Манто.

Кроме того, явление омонимии, **каламбуры или игра слов и двусмысленность** фактически идиоматичны для каждого языка и практически не поддаются переводу на другой язык.

Например,

– *Вы что такой помятый, Колобок?*

– *А это мне сломали кол о бок!*

*Создал себе проблемку: между дел
Взял в руки две трубы – и меж дудел!*

Забрёл я как-то раз за сад, а Меня уже там ждёт засада!

*По пьянке удивил нас Толик,
Хозяйство выложив на столик... [Каламбуры].*

И вот классические примеры каламбура хинди:

रहिमन पानी राखिये, बिन पानी सब सूना

पानी गये न ऊब्रै, मोती मानुष चूना।

Значение: *Рахим говорит: цените воду, потому что без нее нет ничего.*

Вода ушла: нельзя восстанавливаться не жемчугу, не человеку и не извести.

Здесь слово «вода» использовано трижды, оно имеет три значения: в контексте жемчуга вода означает «сияние» или «блеск», в контексте человека вода означает «престиж», «честь» в контексте извести оно означает «вода» в самом простом и прямом смысле слова на хинди.

Смысловое значение двустипия: нужно беречь то, что самое ценное в жизни. Жемчуг должен беречь свой блеск, человек – свою честь, известь – воду. При потере этих ценностей, они превращаются в ничто. Ещё пример:

कनक-कनक ते सौगुनी, मादकता अधिकाया।

वा खाय बौराय जग, या पाए बौराय। [13 अलंकार]

Здесь слово «канак» (कनक) использовано дважды. Это слово имеет два значения: «золото» и «дхатура» (т. е. дурман индийский или опьяняющий цветок/плод).

Смысл представленного куплета в том, что канак (золото) опьяняет человека в сто раз сильнее, чем канак (дхатура). Человек сходит с ума после того, как съел канак (дхатуру), но получив канак (золото), его опьянение свирепствует в сто раз больше.

Аллитерация: это художественный приём в литературе, который получается благодаря повторению одинаковых звуков. В этом тропе согласные звуки играют большую роль. Приём аллитерации есть и в русском языке и в хинди. К. Д. Бальмонт

Вечер. Взморье. Вздохи ветра. (повтор согласного «в»)

Величавый возгласи волн. (повтор согласного «в»)

Близко буря. В берег бьётся (повтор согласного «б»)

Чуждый чарам чёрный чёлн. (повтор согласного «ч») [Аллитерация].

Примеры аллитерации (अनुप्रास अलंकार) из языка хинди:

रघुपति राघव राजा राम। राघुपति राघव राजा राम. (Частота буквы R /r/)

तरनि तनूजा तट तमाल तरुवर बहु छाए। *Тарни Тануджа Там Тамал Тарувар Баху*

Чхайе. (Частота буквы त /t/)

Скороговорки: это народное шуточное творение, которое не имеет особого смысла. Их проговаривание полезно для тренировки произношения и легкого развлечения. В русском языке скороговорки очень развиты, в нём можно найти скороговорки с каждым звуком алфавита. (см. Русские скороговорки – Викицитатник) Они весьма полезны малышам для развития дикции. И используются они в форме игры. Примеры русских скороговорок:

Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет.

Шла Саша по шоссе и сосала сушку.

Во дворе трава, на траве дрова [Русские скороговорки – Викицитатник].

В хинди тоже скороговорки очень популярны как игра слов: это просто народное развлечение, основанное на повторе согласных звуков. В скороговорках важным является их проговаривание. Например: चंदू के चाचा ने, चंदू की चाची को, चांदनी रात में, चांदी की चम्मच से, चटनी चटाई. (повтор согласного ч /ч/) Транслитерация: *Чанду ке чача не чанду ки чачи ко чандни рат мен чанди ки чаммач се чатни чатаи*. Смысловый перевод: *Дядя Чанду подал чатни тете Чанду серебряной ложкой лунной ночью*. Как заметно из примера, существительные в каждом языке создаются определённым набором звуков/букв. В каждом языке этот набор особый, не соответствующий другому языку. В силу этого своеобразия эти слова не возможно переводить на другой язык с тем же фонетическим/лексическим обликом. К тому же при потере внешнего облика, теряются и юмор и комический эффект.

«Произносительно-звуковые особенности языка составляют то явление, которое называется красотой языка, его звучностью, музыкальностью. Эстетика произносимой речи – это несомненно одна из составляющих национальной культуры» [Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1990, 152].

Культурогенные точки

в графике русского языка и языка хинди:

Графика представляет собой большой интерес с точки зрения лингвокультурологии.

В названиях алфавита можно найти лингвокультурологическую информацию. Русская азбука «кириллица» названа в честь её создателя Кирилла, который по просьбе византийского императора Михаила III создал этот алфавит во второй половине IX века (863).

Азбука хинди называется *Девнагари* (देवनागरी). Она создавалась на основе древнего письма *Брахми* (ब्रह्मी) с I по IV век н. э.

В кириллице буквы имели свои названия, которые отражали разные части речи. Ими могли быть существительные, (*люди, глаголы, покои*) глаголы, (*мыслите, живьте, веди*) наречия (*твёрдо, добро*), местоимения (*онъ, нашъ*). «Это позволяет утверждать, что азбука являлась своеобразным текстом, в котором были скрыты культурные ценности, истины, законы славянского социума. Эти представления отражены внутренней формой фразеологических единиц *азбучная истина, держаться буквы закона*» [Токарев Г. В., с. 56].

Алфавит хинди построен очень научно. Алфавит хинди слоговой: в каждом согласном скрыт краткий гласный «а». Порядок алфавита таков: сначала представлены все гласные. Затем идут группы согласных, собранных по месту и способу образования. Сначала идут заднеязычные, за ними среднеязычные, потом переднеязычные какуминальные, за

ними следуют переднеязычные апикальные и в конце идёт ряд губных согласных. В каждом ряду сначала идёт пара глухих смычных согласных (непридыхательного и соответствующего придыхательного), за ней следует пара звонких смычных согласных (непридыхательного и соответствующего придыхательного) и ряд кончается назальным согласным того же места образования. Таким образом, в каждом ряду пять согласных. После таких пяти рядов идёт группа четырёх сонорных согласных. За ними следуют щелевые согласные. Их всего четыре. В конце идут лигатуры. Их три.

Буквы в алфавите хинди не имеют названия. Они узнаются по звуку, который означает данная буква. В этом отношении алфавит хинди построен по фонетическому принципу. Следовательно, в этих звуках трудно найти каких-либо культурных ценностей. Поэтому во фразеологии хинди очень мало пословиц и поговорок, отражающих графику языка.

Как видно алфавит хинди упорядочен весьма научно. Это лишнее свидетельство о глубоком знании лингвистики (в частности фонетики) в древней Индии.

Теперь о названии алфавита хинди *девнагари*. Слово *девнагари* является соединением двух слов: дева (देव) и нагар (नगर). Дева (देव) означает «бог» / «божественное» / «небесное». Нагар (नगर) означает *город*. Следовательно, всё хорошее, в том числе и алфавит, древнеиндийцы воспринимали как приношение от бога, как творение бога, как неземное явление, отсюда и название *девнагари*.

И так мы обзорно просмотрели проявление лингвокультурологии в графике русского языка и хинди и можем сказать следующее: Кириллица была создана на базе греческого алфавита братьями Кириллом и Мефодием с целью перевести богослужебные книги на понятный славянский язык. Но всё это происходило в беспокойной обстановке. Шла борьба латино-немецкого духовенства. Оба брата платили своим здоровьем за это. На название разных букв видно отражение тогдашней атмосферы: *люди, мыслите, живьте* и т. д.

Алфавит хинди создавался долгое время в мирной спокойной атмосфере. Мы не знаем кто именно создал его. Скорее всего это был долгий путь и множество эрудированных филологов занимались этим процессом. В результате перед нами чистый научный продукт, не похожий на какой-либо европейский алфавит. Совершенно особая система и рисования букв, и соединения гласного с согласным, и научный порядок следования букв в алфавите. Видимо по этой же причине в языке хинди очень мало паремий, отражающих культурогенные точки в алфавите.

При сравнении графики, (а именно начертания буквы) русского языка и языка хинди можно заметить, что в русском алфавите «Очертания букв построены на трёх геометрических фигурах: кресте, треуголь-

нике, круге. Крест символизирует Христа, его распятие, круг – единство, бесконечность, совершенство, треугольник – всевидящее око Бога» [Токарев Г. В., 2009, 55].

В очертании своеобразных букв языка хинди (которые не похожи на буквы европейских языков, т. е. латиницу, кириллицу.) в общем не замечается какая-либо культурная информация, кроме двух знаков: это «чандрабинду» (चंद्रबिंदु °) и сакральный звук «ом» (ॐ). Чандрабинду (°) буквально переводится как «лунная точка» или «точка луны». Это диакритический знак в форме точки внутри нижней половины круга. Эта кривая похожая на полумесяц, отсюда и название «точка луны». Этот знак существует во многих языках Индии (во бенгальском, ассамском, гуджрати, ория ...). Он пишется над гласной и означает, что данная гласная назализована. Особенностью девнагари является тот факт, что тут буквы имеют одинаковый размер (так как не выделяются заглавные и строчные буквы) и ещё буквы «...сверху закрываются горизонтальной чертой» [Славинкая Т., 11].

Название диакритического знака чандрабинду соотносится с полумесяцем. С этим полумесяцем на голове изображают Бога Шиву – одного из сотворителей мира, символизируя, что сотворитель – «хозяин времени и он сам вне времени. Луна также знаменует разум» [Crescent, 16].

Сакральный звук «Ом» (ॐ) состоит из трёх звуков [а,у,м], т. е. двух полноценных гласных [а,у] и одного полугласного (или сонорного) [м]. Эти звуки являются символами создателей мира – троицы: Брахмы,(ब्रह्मा) Вишну, (विष्णु) Махеша (महेश) и трёх миров: земли (पृथ्वी), мира над землёй, т. е. неба, (आकाश) мира под землёй (पाताल). В индуизме верится, что Ом (ॐ) или Омкаар – первое слово, вышедшее из уст Бога, кто вдохнул жизнь в творение этого мира. Три звука Ома: Аакаар, Укаар и Макаар или [а, у, м], описывают три качества (गुण गुण) природы. Аакаар [а] символизирует сатогун (सतोगुण), укаар [у] символизирует раджогун (रजोगुण), а макаар [м] символизирует тамогун (तमोगुण). Раджогун является причиной происхождения нашего тела, и благодаря этому тело растет. Сатогун питает его и поддерживает его существование. Благодаря Тамогуну тело постоянно меняется и в конце концов разрушается. Если философски соотнести эти три гуна с жизнью человека, то это три стадии нашего существования на земле: рождение, жизнь (период между рождением и смертью) и смерть. Точка над Ом (°) символизирует выход за пределы трех гун. Повторяя Ом и правильно произнося его, живое существо может достичь высшего блаженства существования, соединив физическую энергию с духовной энергией, а эту духовную энергию с космической энергией. Следовательно, Ом – важнейший духовный звук. В индуизме Ом служит звуковым представлением божественного. Ом является как бы связывающим звеном между земной жизнью и небесной жизнью

(человеческим и божественным). По этой причине Ом используется в практиках йоги и техниках медитации [12 з*].

Заключение. Данная работа была первой попыткой сопоставительно изучать фонетику и графику русского языка и языка хинди с точки зрения лингвокультурологии, которая сама по себе является совсем молодой отраслью языкознания. Мы обнаружили, что в обоих языках в фонетике культурологическая информация передаётся следующими средствами: орфоэпическими особенностями, выражающимися в разного рода произносительных отклонениях, омонимами, каламбурами, аллитерацией и скороговорками. Все эти явления очень ярко и красиво выражены в исследуемых языках, только их содержание (звуковое/лексическое наполнение) весьма идиоматично для каждого языка. Заслуживает также внимания тот факт, что скороговорки в русском языке используются не только в качестве шуточного народного фольклора (как в хинди), но и как научное средство для улучшения дикции детей. Особенность русского языка ещё в том, что в его словаре есть огромное количество паремий, выявляющих культурологическую информацию о разных буквах. В хинди их число совсем незначительное. На наш взгляд, объяснение этому различию лежит в научном упорядочивании алфавита хинди с момента его создания.

Культурогенные элементы в графике русского языка и хинди тоже очень интересные. Их можно обнаружить прямо в названии алфавита. Русский алфавит назван по имени его создателя – Кирилла, а индийцы восприняли свой алфавит как небесный, божественный дар. В русской азбуке буквы имеют свои названия и представляют различные части речи. Они несут культурные ценности, которые проявляются в пословицах и поговорках. Наоборот, буквы алфавита хинди не имеют никакого названия. Они узнаются по тем звукам, знаками которых они являются. Исключением оказываются диакритический знак чандрабинду и сакральный звук *Ом*. Название чандрабинду (буквально значит точка в полумесяце) ассоциируется с Богом Шивой. Сакральный *Ом* является символом высокой духовности и связывающим мир земной с миром небесным.

Следует отметить, что русский язык и хинди принадлежат индоевропейской семье языков. Однако звуковая система и графика их весьма специфичны. В конечном счёте «произносительно-звуковые» и письменно-графические особенности языков и составляют красоту в уникальности этих языков.

Литература

1. Верещагин Е.М. Язык и культура. Линго-страноведение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

3. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Груд» в русском языке) : моногр. Волгоград : Перемена, 2003.

4. Токарев Г.В. Лингвокультурология : учеб. пособие. Тула.: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009.

5. Токарев Г. В. В развитие учения В. Н. Телия о языке культуры: квазиэталон. Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Вып. 46. М. : МАКС Пресс, 2013. С. 113–121.

6. Токарев Г. В., Ума Парихар. Отражение образа человека средствами зооморфного кода в хинди и русской лингвокультуре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. Вып. 2 (25). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=25> (дата публикации: 08.06.2017).

7. Токарев Г. В. Единицы языка и единицы лингвокультуры Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке // Материалы международного науч. конф. Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. – С. 405409.

8. Каламбуры: цитаты, высказывания, афоризмы.
URL: <https://www.inpearls.ru/%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D1%83%D1%80%D1%8B>

9. Аллитерация-Википедия.
URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

10. Русские скороговорки – Викицитатник.
URL: https://ru.m.wikiquote.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B8

11. Славинкая Т. Алфавит хинди. Особенности девнагари. URL: <https://happyhindi.ru/nagari/alfavit-hindi/>

12. ॐ URL: <https://hi.wikipedia.org/wiki/%E0%A5%90>

13. अलंकार (साहित्य) – विकिपीडिया
URL: [https://hi.wikipedia.org/wiki/%E0%A4%85%E0%A4%B2%E0%A4%82%E0%A4%95%E0%A4%BE%E0%A4%B0_\(%E0%A4%B8%E0%A4%BE%E0%A4%B9%E0%A4%BF%E0%A4%A4%E0%A5%8D%E0%A4%AF\)](https://hi.wikipedia.org/wiki/%E0%A4%85%E0%A4%B2%E0%A4%82%E0%A4%95%E0%A4%BE%E0%A4%B0_(%E0%A4%B8%E0%A4%BE%E0%A4%B9%E0%A4%BF%E0%A4%A4%E0%A5%8D%E0%A4%AF))

14. ब्राह्मी परिवार की लिपियाँ
URL: https://hi.wikipedia.org/wiki/%E0%A4%AC%E0%A5%8D%E0%A4%B0%E0%A4%BE%E0%A4%B9%E0%A5%8D%E0%A4%AE%E0%A5%80_%E0%A4%AA%E0%A4%B0%E0%A4%BF%E0%A4%B5%E0%A4%BE%E0%A4%B0_%E0%A4%95%E0%A5%80_%E0%A4%B2%E0%A4%BF%E0%A4%AA%E0%A4%BF%E0%A4%AF%E0%A4%BE%E0%A4%81

15. Crescent. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Crescent>

ПОНИМАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАК ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Данная статья рассматривает значение фразеологизмов как выражение культурной идентичности. Фразеологические выражения, состоящие из слов и словосочетаний с устойчивым значением, играют важную роль в передаче и отражении истории, традиций и ценностей определенной культуры, а также являются культурным кодом, отображающим особенности и уникальность народа. Анализ фразеологических выражений помогает понять и исследовать культурную идентичность определенного народа и языка.

Ключевые слова: фразеологизмы, культурная идентичность, язык, культура, значение, выражение, традиции, нормы, ценности, сообщество, символы, идиомы, национальная культура.

В лексике русского языка есть не только отдельные слова, которые помогают описывать окружающую действительность, но и словосочетания, которые называют фразеологизмами. Например: *реветь белугой* ‘громко и долго плакать; *задеть за живое* ‘вызвать переживания, оскорбить самолюбие’; *играть в жмурки* ‘обмануть, утаить истинные намерения’.

На примерах видно, что значение фразеологизма не связано со смыслом каждого отдельного слова в его составе. Все они меняют свои свойства: лексическое значение, форму изменения, синтаксическую функцию. И все же связь между словами в составе фразеологизма неразделимая.

Фразеологизмы – это устойчивые выражения из двух и более слов. Они отлично живут в нашей культуре, при этом их невозможно дословно перевести на другие языки – для иностранца такой перевод будет звучать странно и непонятно.

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью языка и играют важную роль в выражении культурной идентичности. Эти выражения, состоящие из слов и словосочетаний, имеют устойчивое значение, которое часто не подчиняется правилам обычной лексикографии и грамматики. Они служат важным культурным кодом и отражают особенности и ценности определенной культуры, а также являются особой категорией лексем в языке, которые выражают определенные устойчивые обороты слов или выражений.

Эти фразы обычно не всегда можно распознать, их значение обусловлено конкретным контекстом и культурными особенностями определенного языка и народа. Поэтому понимание значения фразеологизма

является важным аспектом изучения языков и культурных идентичностей. Фразеологические выражения часто отражают историю и традиции народа, их представления о мире и мировоззрение. Например, в русском языке существует выражение *белые ночи*, которое отсылает к феномену, присущему Петербургу, когда летом ночи становятся светлыми и короткими. Это выражение является символом уникальных атмосферных условий в этом городе и стало неотъемлемой частью его культурной идентичности. Фразеологизмы не просто языковые выражения, они отражают специфическую культурную информацию, идеи, образы и ценности определенной культуры. Они представляют собой результат длительного языкового и культурного развития народа и отображают его историю, обычаи, верования и взгляды на мир. Таким образом, фразеологизмы служат не только средством общения, но и сознательно или бессознательно передают культурные ценности определенного народа.

Фразеологизмы также помогают передать определенные культурные нормы и ценности. Например, в английском языке выражение *to kill two birds with one stone* имеет значение 'решить две проблемы одним действием'. Это выражение отражает эффективность и практичность, характерные для западной культуры.

Фразеологизмы также помогают передать определенные культурные нормы и ценности. Например, в английском языке выражение *to kill two birds with one stone* имеет значение 'решить две проблемы одним действием'. Это выражение отражает эффективность и практичность, характерные для западной культуры.

Другим примером фразеологизма, который отражает определенные ценности и нормы в западной культуре, является выражение *actions speak louder than words* (действия говорят громче слов). Это выражение подчеркивает важность примера и практического показа своих намерений, вместо просто говорения о них.

Еще один фразеологизм, отражающий ценности и отношения к времени, это *time is money* 'время – это деньги'. Оно выражает представление о том, что время является ценным ресурсом, и его нужно использовать с умом и эффективно.

Таким образом, фразеологизмы в английском языке играют роль в передаче культурных норм, ценностей и представлений о различных аспектах жизни.

Важно также отметить, что фразеологические выражения могут отличаться от культуры к культуре. Например, в китайском языке существует фразеологизм *乌鸦喝水* 'ворона пьет воду', который используется для обозначения сомнительных и странных действий. Для неспециалиста это может показаться непонятным, но для китайского общества это имеет ясное значение и передает различные культурные нормы и ценности.

Фразеологические выражения могут также создавать ощущение принадлежности к определенной группе или сообществу. Например, в американской культуре широко используются фразеологические выражения, связанные с спортом или армией. Например, выражение *to drop the ball* ‘упустить возможность’ отсылает к американскому футболу и передает негативное значение.

Таким образом, фразеологические выражения играют важную роль в выражении культурной идентичности. Они отражают историю, традиции и ценности определенного народа, а также помогают передать культурные нормы и создать ощущение принадлежности к определенному сообществу. Когда иностранец изучает фразеологизмы, он получает не только языковые навыки, но и глубже погружается в культуру и понимает ее особенности. Это помогает создать более глубокую и тонкую связь между людьми разных культур, а также способствует лучшему взаимопониманию и сотрудничеству. Понимание значения фразеологизмов является ключевым элементом в изучении и понимании культуры и языка определенного народа.

Литература

1. Токарев Г. В. Тульский форум фразеологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 «Филология». 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tulskiy-forum-frazeologov/viewer>
2. Звавич Л. С., Стернин И. А. Фразеологический анализ как способ интерпретации культурных кодов // Культурология. 2010. № 4. С. 112–119.
3. Фомичева И. Фразеологизмы как языковой инструмент передачи культурного опыта // Филологические науки. 2018. № 9. С. 98–102.
4. Тихонова Н. Д., Хамзин И. Р. Фразеология как маркер национальной культуры // Вестн. РГГУ. Сер. «Филология. Журналистика». 2015. № 3. С. 44–51.
5. URL: <https://skysmart.ru/articles/russian/frazeologizm> (онлайн школа).

В. Резвани

*Университет Аль-Захра
(Тегеран, Иран)*

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *Язык и идентичность являются двумя неразделимыми компонентами формирования инфраструктуры человеческого общества в сфере личных и социальных отношений. В этой статье мы рассматриваем взаимосвязь этих двух категорий и пытаемся проанализировать роль языка в становлении и создании национальной идентичности.*

Ключевые слова: национальный язык, этнический язык, идентичность, культура.

Язык всегда играл важную роль в создании и выражении идентичности. В эпоху постмодерна, с упадком некоторых признаков идентичности, таких как расовая принадлежность, эта роль стала более важной (Warschauer M., 2007). Сегодня международная экономика и интеграция средств массовой информации привели к драматическим изменениям во всем мире. Эти изменения включают поток богатства, власть символов и идентичности и приводят к разрушению некоторых идентичностей и формированию новых идентичностей (Кастеллс, М, 1997, 75) также подтверждает этот процесс и считает, что идентичность, особенно религиозная или этническая идентичность, сформировалась с момента его образования.

Язык используется для разных целей. Помимо основной роли языка, заключающейся в общении, Шохами (2006) напоминает о другой его важной роли, заключающейся в создании идентичности людей и определении их лояльности.

Идентичность имеет этническую, национальную, языковую, религиозную типы. Работа с языком требует внимания к его разделению на два типа национального языка и этнического языка. Вопрос идентичности и языка, а также того, как эти два компонента взаимодействуют как два компонента инфраструктуры человеческого общества, настолько важен, что некоторые социологи и аналитики социальных наук полагают, что нации не рождаются в новом веке; Скорее, мы должны рассматривать их как результат реконструкции старых территориальных идентичностей, на которые влияют традиции, история, язык, религия, экологические и географические факторы и особенно мифы, (Моини Аламдари, 2003, Дейлам Салехи, 2005, 18).

Отношения между языком и идентичностью

Эксперты обратили внимание на разные аспекты определения идентичности. Носители персидского языка используют это слово, эквивалентное английскому слову «Identity». Идентичность является одной из фундаментальных концепций социальных наук, особенно культурной социологии, и, как и другие концепции социальных наук, существуют разные мнения по поводу ее определения. Мыслители в различных областях предложили разные уровни идентичности. Например, такие психологи, как Пиаже и Фрейд, рассматривают основу формирования личности человека на разных этапах его развития. По их мнению, идентичность начинается на индивидуальном уровне и, проходя через социальные слои, развивается в чувство национальной идентичности, которое является высшим уровнем идентичности.

Социологи рассматривают идентичность как чувство, которого человек достигает в обществе; а затем, опираясь на общие черты или различия, достигает чувства независимой идентичности (Лак, 2005, 29).

Бьюзан считает идентичность душой общества, на которую сейчас необходимо обращать внимание из-за таких тенденций, как массовые миграции и этнические войны. (Buzan, 2004, 271).

Основная проблема поиска идентичности возникает в подростковом возрасте. Если это сильное чувство не осознается, произойдет вмешательство в роль человека и у него появится чувство безидентичности, бесцельности и антисоциального поведения. В связи с необходимостью выявления идентичности у человека необходимо выявить эффективные факторы, в том числе язык.

Национальный язык и национальная идентичность

Сегодня определение горизонта будущего языка и его влияние на консолидацию национальной идентичности гораздо важнее, чем в прошлом, потому что тщательное и научное исследование влияния языка на идентичность наций в будущем является национальной необходимостью.

Иранская идентичность имеет компоненты и элементы, которые ее идентифицируют. Некоторые национальные символы, такие как флаг, государственный гимн персидского языка, мифы, Навруз и тому подобное, представляют страну под названием Иран.

Дикшит считает, что источником национального самосознания и национального духа каждой страны являются духовные факторы. По его мнению, национальный дух каждой нации создает в ней единство и сплоченность (Dikshit R. D., 1995, 174).

Национальная идентичность и национальный язык влияют друг на друга. С одной стороны, национальная идентичность во многом формируется на основе национального языка, а с другой стороны, национальный язык находится под влиянием национальной идентичности. Новый подход лингвистов указывает на то, что когнитивная и перцептивная система человека неотделима от языковой структуры. Другими словами, язык не только нейтрален в выражении фактов и познании окружающей среды, но и влияет на конструирование фактов и передает концепции и человеческое взаимодействие с миром. Бенджамин Ли Уорф (1897–1941) был первым человеком, который серьезно и экспериментально исследовал взаимосвязь между языком и познанием. Витгенштейн (1988–1951) также верил в связь между языком и выражением реальности.

Национальная идентичность – это не просто естественная вещь. Скорее, это искусственная структура, продолжающаяся через историю и повествование, тогда это становится коллективной памятью и после этого закрепляется. Традиции, история, язык, религия, политические и экономические институты, экологические и географические факторы и особенно мифы придают смысл национальной идентичности (Дайлам Салехи, 2005, 7).

Маскуб подчеркивает важную роль языка в национальной идентичности и говорит: «Иранизм, иранская национальная идентичность

и смысл основаны на двух основах и двух главных столпах: языке и истории» (Маскуб, 1994, 44).

Гоббс-Баун подтверждает теорию о том, что национальная идентичность и национальный язык находятся под влиянием друг друга, и считает, что национальные языки возникли в результате повышения уровня грамотности и широкого политического участия. Реализация целостности национальной идентичности не ограничивается только языком, в этом играют роль и другие культурные элементы, такие как география и религия. Нельзя отрицать, что среди компонентов национальной идентичности географическая территория имеет большее значение, а Хайдеггер рассматривает родину как основополагающий фактор национальной идентичности, следовательно, национальная идентичность имеет конструктивные элементы, включая национальные религиозные, социальные и человеческие ценности (Hobsbawm E. 1996, 4).

Что касается признания роли национального языка в национальной идентичности, то достаточно того, что трудно представить, чтобы кто-то называл себя иранцем или русским и не знал персидского или русского языка. Таким образом, два компонента – земля и культура – наряду с языком играют важную роль в процессе формирования идентичности.

Этнический язык и национальная идентичность

На протяжении всей истории разные этнические группы, говорящие на разных языках, мирно жили вместе как одна нация. С течением времени принадлежность каждого языка к определенной этнической группе стала более очевидной и со временем стала основой идентификации и идентичности этой этнической группы. Взаимоотношения между этническими группами и национальным языком противоречивы. С одной стороны, меньшинства стремятся укрепить свой этнический язык и, следовательно, свою этническую идентичность, и они сопротивляются любым ограничительным попыткам и, возможно, подавить свой этнический язык по сравнению с национальным языком; С другой стороны, им нужен национальный язык как инструмент для понимания речи правительства и обретения более широкой идентичности, показывающей их принадлежность не к племени или этносу, а к нации. В странах с разными этническими группами и языками в таких ситуациях вовлечены и правительства, и склоняются к одному из двух полюсов этнического или национального языка означает отходить от другого полюса.

Взаимодействие социальных факторов языка на национальную идентичность

Инструментами влияния языка на идентичность можно считать лингвистические идеологии и рекламу.

Лингвистические идеологии

Языковые идеологии означают представления людей о языках. Языковые идеологии означают представления людей о языках. Эту об-

ласть невозможно четко отделить от политической идеологии правительства. Языковая идеология занимается вопросом о том, как следует использовать язык и как следует изучать или преподавать языки (Shohamy, 2006).

Рекламы

Язык – это инструмент СМИ, и с его помощью можно управлять группами людей. Иногда язык сам по себе может становиться целью; СМИ могут превратить сам феномен языка в миссию. Компоненты, составляющие идентичности каждой нации являются пресса и ее печатные произведения. По сути, вторжение языка и культуры продолжается до тех пор, пока общество не станет способным производить продукцию в области языка и культуры (Pric E., 2003).

Большинство экспертов подчеркивают влияние идентичности на этнические и национальные языки. Национальный язык необходим для установления отношений между правящей политической группой и нацией. Сегодня роль и положение языка в региональных и глобальных отношениях становятся все более важными. В то время как другие компоненты идентичности, такие как этническая принадлежность, раса и пол, менее важны. Один из парадоксальных моментов правления – это взаимодействие с этническим и национальным языком. С одной стороны, правительствам рекомендуется выбрать процедуру укрепления этнического языка и продвижения идентичности национальностей. С другой стороны, укрепление этнического языка противоречит основной обязанности правительств по внедрению национального языка и его поддержке; Следовательно, вопрос не может быть отклонен или подтвержден; Скорее, можно лишь рекомендовать больше или меньше проявлять внимания в каждом конкретном случае.

Язык этнических групп и национальный язык поддерживают идентичность, а защита национальной идентичности обязательно требует культурного и языкового единства. Для каждой нации, как иранской, так и русской, укрепление родного языка способствует развитию культуры.

Литература

1. Лак М. Идентичность в военной поэзии // Ежеквартальный журнал национальных исследований. 2004. № 6. Т. 2. С. 111–132.
2. Маскуб Ш. Иранская идентичность и персидский язык. Тегеран : Баг Айне, 1994.
3. Моини Аламдари Дж. Идентичность, история и повествование в Иране // Идентичность, национальность, этническая принадлежность : сб. ст. Хамида Ахмади. Тегеранский институт исследований и разработок гуманитарных наук, 2008.

4. Дейлам Салехи Б. Миф. Эпос. Два основания иранской идентичности // Ежеквартальный журнал национальных исследований. 2006. № 7. Т. 3. С. 25–3.
5. Buzan B. Security Studies: Beyond Strategy. 2004. www. Yorku .Dald
6. Castells M. The Power of Identity. Malden, MA: Blackwell, 1997.
7. Dikshit R. D. Political Geography: The Discipline and Its Dimentio. New Delhi: Tata. Mc Graw-Hill Publishing Company Limited. Mutimer / Security Studies. Htm Studies. 1995. Htm.
8. Hobsbawm E. Language, Culture, and National Identity: Multiculturalism Based on Language. Social research 1996.
9. Price E. Language and Broadcasting Policy 2003. htm.
10. Shohamy E. Language Policy. N. Y., 2006. Routledge.
11. Warschauer M. Language, Identity, and the Internet // В. Kolko, L. Nakamura, & G. Rodman (Eds.), Race in Cyberspace. N. Y. : Routledge, 2007.

Н. Г. Рогозинникова

*Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
(Ташкент, Республика Узбекистан)*

ТИТУЛЬНЫЙ ТОПОНИМ КАК ЦЕНТР СИМБОЛАРИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАШКЕНТА

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка обратиться к исследованию вопроса о городской идентичности на материале реалий Узбекистана и в частности – его столицы Ташкента. Были сделаны выводы, что вербальный знак «Ташкент», который представляет собой топоним, содержит в себе значимый культурный код, базирующийся на территориальной определенности. Он важен для членов городского сообщества и получает различные интерпретации в его коллективной памяти, а также формирует сферу названий городских объектов, эргонимов, прагмонимов, идеонимов, ивентонимов и др.

Ключевые слова: *символярий, идентичность, культурный код, лингвокультура, вербальный знак, топоним.*

В последнее время активно развивается новое направление науки о связи языка и культуры – территориальная лингвокультурология, суть которой заключается в изучении региональной идентификации, выражаемой вербальными средствами.

Исследователями данного направления выработан терминологический аппарат, определены понятия «региональная идентичность», «символярий региональной субкультуры», «городская идентичность» и под.

В своих работах они выявляют вербальные средства региональной идентичности и их признаки (Токарев Г. В., 2022, 173-182; Фаткуллина Ф. Г., 2021, 750–753; Романова Т. П., 2022, 172–178 и др.)

Такая теоретическая база дает возможность проводить научные изыскания в русле данного направления применительно к любому региону или городу. Довольно активно ведутся подобные исследования по отношению культурных кодов Тульской, Самарской областей. Перспективным представляется в этом плане обращение к территориальной лингвокультурологии и других стран, в частности – Узбекистана, где подобные исследования еще не проводились.

Нами сделана попытка выявить некоторые ключевые вербальные знаки городской лингвокультуры Ташкента (столицы Республики Узбекистан), представленные в коммерческих именах городского ономастического пространства, которые формируют в языковом сознании граждан представление о городской идентичности. Нам кажется продуктивной точка зрения Н. С. Дягилевой (Дягилева Н. С., 2013, 58), которая считает, что в качестве символов территориальной идентичности может выступать специфическая городская лексика, в том числе и культурно значимые местные топонимы. Эти топонимы в силу своей коннотативности обладают значительным онимообразующим потенциалом: на их основе создаются названия различных городских объектов, а также прагмонимов, ивентонимов, медионимов и т. п. Их можно считать так называемыми бренд-идентификаторами территории, т. е. «знаковыми именами, выполняющими роль коннотативных региональных компонентов и обеспечивающими ментальную связь с имиджем регионального бренда» (Романова Т. П., 2022, 172–178).

Основным топонимом, который может выступать в качестве бренд-идентификатора описываемой нами территории, является само название города – Ташкент. Он, во-первых, напрямую связан с данным регионом, а во-вторых, являясь именем главного города республики, выступает приоритетным символом городской идентичности. Этому способствует образ Ташкента, присутствующий в обыденном сознании его жителей.

Одна из имиджевых составляющих названия – это глубокая древность города. Любому жителю Ташкента известна его история, уходящая во II век до н.э. В записях персидского царя Шампура I Ташкентский оазис именовался как Чач, в некоторых арабских источниках эта область упоминается как Шаш. Согласно Беруни и Махмуду Кашгари, впервые название Ташкент появилось в турецких документах IX–XII веков, а в России XV века он был известен как Ташкура.

Другая сторона – это его значимость в истории. Уже в древние времена выгодное географическое положение и мягкий климат сделали Ташкент одним из основных пунктов на протяжении Великого Шелкового Пути из Китая в Европу, городом богатых купцов и ремесленни-

ков. Третье – его статус столицы, а следовательно – и представления о более современном и комфортном образе жизни, а также о высоком уровне туристических услуг для иностранных гостей.

Все эти факторы способствуют тому, что вокруг данного топонима создана и активно пополняется целая сфера вторичных, искусственных названий городских объектов и коммерческих имен – рекламно-информационная среда, способствующая формированию геобрендинга на основе титульной номинации. Станция метро, расположенная рядом с железнодорожным вокзалом – символическими «воротами» города, куда прибывают поезда не только из других городов Узбекистана, но и из других стран – называется *Ташкент*. Такое же название носит первая гостиница для интуристов, с образом которой связаны представления о повышенном комфорте и высоком качестве обслуживания. В фойе гостиницы располагается магазин национальных сувениров, довольно длительное время являвшийся единственным в городе. На верхней террасе гостиницы находится ресторан *Ташкент* – первый с таким названием, доступный только проживающим в гостинице иностранным туристам, имеющий имидж элитарности. Популярной среди горожан была газета «*Вечерний Ташкент*», известная среди горожан как «Вечерка», с имиджем неофициальности, с обсуждением городских проблем, близких каждому. Смена формы собственности в конце прошлого века породила множество новых коммерческих объектов, особенно эргонимов, которые требовали своих названий. Высокий культурно-символический потенциал ключевого вербального знака *Ташкент*, его культурный код воплотился в новых коммерческих именах, в том числе в названиях сферы общественного питания: кафе-ресторан *Огни Ташкента*, кафе *Ночной Ташкент*, кафе *Ташкентский Дворик*. В названиях отразились модные современные тенденции использования иноязычных заимствований и латинской графики, что привносит в них дух современной глобализации *Cavalli Club Tashkent*, *Restaurant Asia Tashkent*, *TashPizza*, *Restaurant Tashkent* и др.

С завершением архитектурно-административного проекта *Ташкент-Сити* городская территория в наивном ментальном поле горожан теперь представляется как противопоставленность трех вербально выраженных символов городской идентичности. Два неофициальных хоронима существуют с конца XIX века, когда с приходом русского населения часть города начала застраиваться по образцу европейских городов (с радиальным расположением улиц от центрального сквера и европейской архитектурой жилых и административных зданий). Возникла ментальная неофициальная дихотомия: *старый город* с имиджем преобладания в архитектуре и образе жизни традиционных восточных ценностей (и, надо заметить, более привлекательный для туристов, своеобразная туристическая Мекка), и *центр* – европейская часть с имиджем

преобладания более современного образа жизни и «благ цивилизации». Несколько лет назад на ментальной карте города возник третий значимый хороним – *Ташкент-Сити*. Это современный, по последней западной архитектурной моде построенный жилищно-развлекательный комплекс, где почти каждый вечер проходят масштабные развлекательные мероприятия. В сознании горожан он связан со следующими ассоциациями: развлечения, шумная яркая жизнь, необычный парковый дизайн, интересные фотозоны, а также престижное жилье. Таким образом, трихотомию *старый город – центр – Ташкент-Сити* можно рассматривать в качестве одной из составляющих символярия ташкентской городской идентичности.

Старшее и среднее поколение ташкентцев помнят популярную бутилированную минеральную воду – «*Ташкентскую воду*», которую покупала почти каждая городская семья и которая также выполняла роль одного из символов Ташкента. К числу значимых прагмонимов можно отнести салат *Ташкент*, содержащий в своем составе редьку – весьма популярный корнеплод в меню горожан.

Возрождается с 2021 года и снова приобретает статус крупного культурного события *Ташкентский кинофестиваль*. Он был основан в 1958 году как Международный фестиваль стран Азии и Африки, а затем с 1976 года стал Международным фестивалем стран Азии, Африки и Латинской Америки. В его имидже преобладала атмосфера дружбы, а не конкуренции (как на знаменитых европейских фестивалях), поскольку основной его целью было сохранить традиции национального киноискусства, дать возможность молодым кинематографам развивающихся стран заявить о себе и выйти на международную арену. Данный культурно маркированный ивентоним ассоциативно тесно связан с образом города и хорошо в этом плане коррелирует с широко известным и до сих пор популярным социальным слоганом «Ташкент – город дружбы».

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из основных в символярии Ташкентской городской идентичности является вербальный знак *Ташкент*, который представляет собой топоним, несущий значимый культурный код, базирующийся на территориальной определенности. Он важен для членов городского сообщества и получает различные интерпретации в его коллективной памяти. Он также играет роль приоритетного символа городской идентичности в составе различных коммерческих наименований, а также в названиях городских объектов. Этим подтверждается мнение Т. П. Романовой о том, что региональную идентичность определяют «значимые для характеристики региона собственные имена: его титульная номинация, местные топонимы и обозначения имиджевых ресурсов территории» (Романова Т. П., 2019, 158–159).

Литература

1. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 54–59. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/22420>
2. Романова Т. П. Самарская идентичность в зеркале рекламно-коммерческих наименований // Вестн. Самар. ун-та. Сер. «История, педагогика, филология». 2022. Т. 28. № 1. С. 172–178.
3. Романова Т. П. Геобрендинговый потенциал самарских ивентонимов // Вестн. Самар. ун-та. Сер. «История, педагогика, филология». 2019б. Т. 25. № 4. С. 156–161.
4. Токарев Г. В. Вопросы изучения симболария региональной идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. «Языкознание». 2022. Т. 21. № 6. С. 173–182. URL: <https://ljvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/798-science-journal-of-volsu-linguistics-2022-vol-21-no-6/diskussii/2498-to-karev-g-v-voprosy-izucheniya-simbolariya-regionalnoj-identichnosti> (дата обращения: 08.03.2023).
5. Фаткуллина Ф. Г. Стереотипы как маркеры лингвокультур // Вестн. Башкир. ун-та. 2021. Т. 26. № 3. С. 750–753.

А. А. Родичева

*Международный гуманитарный университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия)*

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В АСПЕКТЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ (макроконцепты *мир* и *world*)

Аннотация. В современной лингвистике намечается тенденция исследования значимых макроконцептов лингвокультуры. Одними из них являются русский макроконцепт *мир* и английский макроконцепт *world*. Макроконцепты *мир* и *world* практически не исследованы, что составляют научную новизну проводимого исследования. Несмотря на очевидную несхожесть сравниваемых лингвокультур у анализируемых концептов обнаружено 5 близких мотивирующих признака: 1. 'Вселенная' (рус./англ.) – общий признак; 2. 'община' (рус.) и 'род'; 3. 'свет' (рус.) и '(этот) мир' (англ.); 4. 'сообщество' (рус.) и 'общественный/общество' (англ.); 5. 'человечество/люди' (рус.) и 'человечество' (англ.).

Ключевые слова: язык, лингвокультура, самоидентичность.

В 2011 г. в лингвистике появился термин *символический концепт*. Как показали исследования, существуют «концепты, в мотивирующих признаках которых уже заложен символ. Т. е. символ в структурах та-

ких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» (Пименова М. В., 2011, 68). Первопризнак концепта соотносится с определенным символом, восходящем к забытому или сохранившемуся мифу культуры (Там же). Исследования символических концептов и макроконцептов в аспекте самоидентификации народа – очередной этап развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Основой возникновения слова *мир* одни этимологи называют общеиндоевропейский корень **mei-* со значением «кроткий», «милый», «дружественный». Этимологи отмечают, что первоначально *миръ* «рах» и *миръ* «*tundus*» не различались. Слово *мир* имеет славянское происхождение (Семёнов В. А., интернет-ресурс), формы *mier* (Свиридова М. Н., 2014, 207) и *mirъ* являются общеславянскими (Крылов Г. А., 2005, 234; Семёнов В. А., интернет-ресурс; Фасмер М., т. II, 626).

У русского слова *мир* в славянских языках есть соответствия (бел. *мір*, болг. *мир(ът)* «мир, спокойствие, свет», словац. *meir*, словен. *tír* «мир, покой», польск. *mir* «спокойствие», сербохорв. *mir* «мир, покой, тишина», укр. *mir* «весь мир, народ, спокойствие, согласие», в.-луж., н.-луж. *měr* и чеш. *tír* «мир, покой, спокойствие, согласие»), как и в балтийских языках (лат. *miêrs* «мир», «покой», «тишина», *atmietet* «смягчать», лит. *mieras* «мир, тишина»). В отдельных диалектах сохранились некоторые утраченные значения слова *мир*: диал. *мир* «плата за невесту (свадебный обычай)».

Анализ 12 этимологических словарей русского языка позволил выделить 42 мотивирующих признака макроконцепта *мир*, которые объединены в 8 блоков: 1. Вселенная («Вселенная», «космос», «свет», «солнце»); 2. Люди («друг», «народ», «община», «человечество/ люди»); 3. Качества характера («вежливый», «дружественный», «кроткий», «милый», «мягкий», «нежный», «располагающий к себе», «ровный»); 4. Лад («без разногласий», «не война», «не вражда», «не ссора», «покой», «согласие», «спокойствие», «тишина»); 5. Социальные устои («всеобщий», «договор», «дружба», «плата (за невесту: свадебный обычай)», «полюбовный», «связывать», «сельский», «смягчать», «соглашение», «содружество», «сообщество», «союз»); 6. Божество («божество/ Митра»); 7. Эмоции («любовь», «радость», «удовольствие»); 8. Оценка («добро», «хороший»).

Среди мотивирующих признаков макроконцепта *мир* пять являются символическими («божество/ Митра», «Вселенная», «космос», «свет», «солнце»). Этот факт позволяет отнести исследуемый макроконцепт к разряду символических.

Исторические соответствия слова *world* в английской лингвокультуре следующие: древнеангл. *werold, worold, world*; исл. *verólld*; от *Öld* «возраст, течение времени, жизни», древнеангл. *wer* «человек», и поэтому = «возраст или жизнь человека» и «мир без конца, вечно» (Chamber's etymological dictionary of the English language, p. 365),

древнефриз. *warld*, *wrald*, древневерхненемец. *wealt* (в современном немецком *Welt*) (Collins English Dictionary, интернет-ресурс), голланд. *weld*, древнескандинавск. *veröld* (Dictionary.com, интернет-ресурс); древневерхненемец. *weralt* «возраст, мир», древнеангл. *wer* «человек» (Merriam-Webster.com Dictionary, интернет-ресурс); старосаксонск. *werold*, древневерхненемецк. *weralt* (Online etymology dictionary, интернет-ресурс), древнефриз. *world*, древневерхненемец. *weralt*, средневерхненемец. *werelt*, *werlt*, *welt*, среднедат. *warelt*, *werlt*, *werlt*, *welt*, дат. *weld* (Patridge E., 2006, p. 3818).

В древнеанглийских Евангелиях самым распространенным словом для обозначения «физического мира» было *Middangeard* (древнескандинавский *Midgard*), буквально «среднее ограждение» (ср. *yard*), которое уходит корнями в германскую космологию. Греческое слово *kosmos* в религиозном аспекте означает «мир людей», переводимое на готский язык как *manaseþs* (буквально «семя человека»). Для выражения значения «мир» в древнескандинавском использовалось слово *heimr* (буквально «обитель»; ср. *home* «дом»). Слова со значением «мир» в некоторых других индоевропейских языках имеют более ранние значения «дно, основание» (например, ирландское *domun*, старославянское *duno*, родственное английскому *deep*); литовское слово *pasaulis* образовано от *pa-* «под» + *saulė* «солнце» (The Oxford dictionary of English etymology, интернет-ресурс).

Анализ восьми этимологических и толковых словарей, где приводится этимология слова *world* – основного репрезентанта английского макроконцепта – позволил отыскать 33 мотивирующих признака. Обнаруженные в этимологических словарях мотивирующие признаки макроконцепта *world* объединены в девять блоков: 1. Мир («Вселенная», «(этот) мир», «Земля», «земной», «небесный»); 2. Материальное («вещи»); 3. Объединение («система»); 4. Человек («мужчина», «обитатели», «общественный/ общество», «раса», «род», «человек», «человечество»); 5. Бытие («дела», «жизнь», «населенный», «существование»); 6. Особенный («известный», «практичность»); 7. Бесконечность («без конца»); 8. Время («вечно», «возраст», «время», «длительный», «нынешний», «период», «течение»); 9. Физиология («питать», «расти», «состояние», «тело», «физический»). Пять признаков из всех мотивирующих – «Вселенная», «(этот) мир», «Земля», «земной», «небесный» – являются символическими.

Близкими мотивирующими признаками сравниваемых макроконцептов *mir* и *world* выступают: 1. «Вселенная» (рус./ англ.) – общий признак; 2. «община» (рус.) и «род»; 3. «свет» (рус.) и «(этот) мир» (англ.); 4. «сообщество» (рус.) и «общественный/ общество» (англ.); 5. «человечество/ люди» (рус.) и «человечество» (англ.). Признаком «община» представлена форма проживания людей в определенной местности, объединенной родственными связями; в английской лингвокультуре ему соот-

ветствует признак 'род'. Признаком 'свет' в русской лингвокультуре описывается мир живых (*этот свет, на этом свете*), в английской лингвокультуре *этот свет* актуализируется через признак '(этот) мир' (противопоставляемого миру мёртвых).

Литература

1. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис : Тип. Канцелярии главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. С. 210.

2. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. С. 234.

3. Пименова М. В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта творчество) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М. : ИЯ РАН, 2011. С. 65–83. (Сер. «Концептуальные исследования». Вып. 15).

4. Преображенский А. К. Этимологический словарь русского языка. М. : Типография Г. Лисснера, Д. Совко, 1910–1911. Т. I. С. 538–539.

5. Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. С. 207.

6. Семёнов А. В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/м/мир> (дата обращения: 24.01.2024).

7/ Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/м/мир> (дата обращения: 24.01.2024).

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. Т. II. С. 626.

9. Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/м/мир> (дата обращения: 24.01.2024).

10. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Флинта, наука, 2010. Т. I. С. 521.

11. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. К. : Рад. шк., 1989. С. 235.

12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. язык, 1999. Т. I. С. 534.

13. Этимологический словарь славянских языков / под общ. ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 2004. Вып. XIX. Стлб. 55–57.

14. Chamber's etymological dictionary of the English language / Ed. by James Donald. London & Edinburg : W. & R. Chamber, 1874. P. 365, 541.

15. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/universe>; <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/world> (date of access: 24.01.2024).

16. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/universe>; <https://www.dictionary.com/browse/world> (date of access: 24.01.2024).

17. Merriam-Webster.com Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/universe>; <https://www.merriam-webster.com/dictionary/world#word-history> (date of access: 24.01.2024).

18. Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/word/universe>; <https://www.etymonline.com/word/world> (date of access: 24.01.2024).

19. The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C. T. Onions. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt; https://www.oed.com/dictionary/world_n?tl=true (date of access: 24.01.2024).

20. Patridge E. A short etymological dictionary of modern English. L. ; N. Y. : Routledge, 2006. P. 3628, 3818.

21. Weekly E. M. A. An etymological dictionary of modern English. L. : John Murrey, 1921. P. 1570.

И. А. Сафонова

*Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия)*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ГЛАГОЛАМИ ВОСПРИЯТИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностями выражения национально-культурной идентичности с помощью фразеологизмов. Материалом для изучения послужили фразеологические единицы с глаголами, в прямых значениях номинирующими восприятие. Результаты анализа, проведенного с опорой на данные лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, могут составить основу для дальнейших разысканий в рамках лингвокультурологии и этнолингвистики.

Ключевые слова: перцепция, глаголы восприятия, фразеологизм, национально-культурная идентичность, семантика, современный русский язык, история русского языка.

Национальная идентичность представляет собой сложное явление, включающее множество составляющих, которые исследуются в разных аспектах и с позиций разных наук – философии, социологии, этнологии, антропологии и др.

Исследование национальной идентичности осуществляется и учеными-языковедами. Так, с привлечением данных из смежных областей научного знания показана связь языка, культуры, ментальности и национальной идентичности (Бочегова Н. Н., 2010; Кузнецова Е. В., 2011); языкового сознания и национальной идентичности (Нечаева Е. Ф., 2009); языка и национального сознания (Язык и национальное сознание..., 2002); охарактеризованы особенности отражения национальной идентичности в медийном дискурсе (Мосягина М. С., 2022), а также в семантике языковых единиц (Кузенная Т. Ф., Лебедева В. Д., 2023). В работах лингвистов рассматриваются и вопросы отражения в языке явлений, смежных с национальной идентичностью, – региональной (Токарев Г. В., 2023) и этнокультурной идентичности (Патенко Г. Р., 2015).

Изучение языка как средства проявления национальной, региональной или этнокультурной идентичности часто проводится на материале отдельных языковых единиц. К таковым относятся в первую очередь фразеологизмы как единицы, обладающие, по мнению В. Н. Телия, культурно-национальной коннотацией, отражающей мировидение и так или иначе связанной с материальной, социальной или духовной культурой той или иной языковой общности, а потому свидетельствующей о ее культурно-национальном опыте и традициях (Телия В. Н., 215).

В центре нашего внимания находятся фразеологические единицы, включающие глаголы восприятия, в прямых значениях номинирующие получение информации с помощью органов чувств. Глаголы восприятия могут быть дифференцированы по разным основаниям. К важнейшим из них относятся способ восприятия, детерминируемый каналом, через который поступает информация, и характер воспринимающего субъекта. В зависимости от способа восприятия выделяются глаголы с общим значением восприятия, зрительного восприятия, слухового восприятия, обоняния, осязания и глаголы, обозначающие восприятие на вкус. Характер воспринимающего субъекта (активный / пассивный) задает деление рассматриваемых единиц на глаголы непреднамеренного и преднамеренного восприятия (Сафонова И. А., 2021).

Обращение к фразеологическим словарям русского языка (см. список литературы) позволило сформировать картотеку языковых единиц, которые исследуются с точки зрения семантики, этимологии, истории. Сведения о функционировании ФЕ извлекались из Национального корпуса русского языка.

Результаты предварительного анализа показали, что изучаемые ФЕ различаются по времени возникновения, по источникам, с которыми они соотносятся, по внутренним особенностям. С позиций проявления национально-культурной специфики мы будем рассматривать их как единый массив фактов. Систематизация фразеологического материала осуществлялась с учетом представленного выше деления перцептивных глаголов.

В анализируемом материале представлены фразеологизмы, включающие: 1) глаголы зрительного восприятия *видеть* / *увидеть* (в чужом глазу сучок видеть, а в своем бревна не замечать; имеющий глаза, да увидит; увидеть [все] небо в алмазах; хоть видит око, да зуб неймет; я видел тебя в гробу в белых тапочках; видеть / увидеть всё в розовом (черном) свете; за деревьями не видеть леса и др.); *видать* (зги Божьей не видать; не видать [мне] своей бороды; не видать как своих ушей и др.); *глядеть* (как в воду глядел; куда глаза глядят (идти, брести; глядеть (смотреть) букой и др.); *смотреть* (смотреть в лес; смотреть (глядеть) глаголом; смотреть как баран на новые ворота (гумно); смотреть сквозь пальцы; смотреть сквозь розовые очки; смотреть со своей колокольни; смотри (зри) в корень и др.); 2) глаголы слухового восприятия *слышать* / *услышать* (имеющий уши, да слышит (услышит); себя не слышать; не слышать земли под собой; не слышать ног под собой и др.); *слыхать* (слыхать краем (краешком) уха; слыхом не слыхать; слыхать своими собственными ушами и др.); 3) глаголы обоняния (не нюхать / понюхать пороха / пороху; нюхать / понюхать кобылу); 4) глаголы осязания (пальцем не трогать; не трогать чего-либо волоска; трогать до слёз (до глубины души (сердца)).

По количеству единиц доминирует группа фразеологизмов с глаголами зрительного восприятия (преднамеренного и непреднамеренного). Язык отражает особенности культуры носителей, для которой характерно признание особой значимости зрительной перцепции (ср.: *Глаз вернее уха; Не верь ушам, верь очам*). Вторым по значимости для культур такого типа является слуховое восприятие, что нашло отражение в наполненности группы ФЕ с глаголами слуховой перцепции. Наименее наполнены группы ФЕ с глаголами обоняния и осязания, что подтверждает факт недостаточной проработанности языком на фразеологическом уровне фрагментов действительности, связанных с обонянием и осязанием.

Объект особого исследовательского интереса составляют собственно русские фразеологические единицы, понимание семантики которых требует обращения к их этимологии и истории. В изучаемом материале к таковым относится, в частности, фразеологизм *глядеть / смотреть букой*, в современном русском языке реализующий значение 'иметь угрюмый, неприветливый, недобрый вид' (ИЭС, 70) и включающий глаголы *глядеть* или *смотреть* (номинаруют преднамеренное зрительное восприятие), и существительное *бука* в форме Тв. п. ед. ч.

В науке до сих пор нет единого мнения о происхождении данного существительного. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера приведены два его значения – 'староста, начальник' (сев.-русс.) и 'пугало для непослушных детей' – и выражены сомнения от-

носителем связи этих двух значений, как и в отношении происхождения от междометия *бу*, характерного для детской речи. При этом отвергается предположение о связи с др.-исл. *bokka* ‘лицо, привидение’ (ЭСРЯ, I, 235–236).

Данные исторических словарей русского языка позволяют сделать вывод, что существительное *бука* начинает активно использоваться с XVIII в. в значении ‘сказочное чудовище, которым пугали маленьких детей’ (СРЯ XVIII; см. также: САР, I, 376). Сведения о значении и употреблении существительного *бука* в более ранний период развития языка весьма ограничены. Так, единица **бѹка** (**бѹкъ**) представлена в «Материалах для словаря древнерусского языка», где отмечена ее связь с глаголом **бѹвати** (**бѹити**) (‘мычать’, ‘реветь’) (Срезн., I, 192, 195). Однако нет достоверных сведений, подтверждающих этимологическую связь этих существительных.

На современном этапе существительное *бука* фиксируется как областное в нескольких значениях – ‘черт’, ‘о начальнике’, ‘о грозном, свирепом человеке’, ‘толстый человек’, ‘несмелый человек’, ‘прозвище человека по какому-либо нравственному признаку’ (СРНГ, 3, 262). Для обозначения страшного фантастического существа, домового также используются существительные *букан*, *буканай*, *буканка(-о)*, по-видимому связанные по происхождению с *бука* (там же, 262–263).

В значениях глаголов *глядеть* и *смотреть*, употребляющихся в сочетании с существительным *бука*, произошли изменения, отражающие представления носителей языка о ситуации восприятия. На основе значения, связанного с восприятием, осуществляемым активным субъектом (*глядеть / смотреть на* кого-, что-л.), сформировалось значение, связанное с восприятием, осуществляемым третьим лицом, со стороны (*глядеть / смотреть – ‘выглядеть’*). При этом в значении ФЕ *глядеть / смотреть букой* появляется семантический компонент, связанный с оценкой человека окружающими: *глядеть / смотреть букой* – иметь вид недоверчивого, недоброго, угрюмого человека.

Сочетания *глядеть букой* и *смотреть букой* были употребительными в XIX в. – первой половине XX в., преимущественно в художественных текстах, например: *Ася ... никак не хотела подойти под общий уровень, упрячилась, глядела букой...* (И. С. Тургенев. Ася. 1858); *... Петр Кузьмич ... пятому наставительно промолвит, чтобы не глядел букой, исподлобья...* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6. 1867); *Она стригла свои русые густые волосы и смотрела букой* (И. С. Тургенев. Новь. 1877); *А когда говорит хозяйка, он должен слушать внимательно и не смотреть букой...* (М. Горький. Трое. 1901); *Меньше других смотрели букой Петров... и Фищев* (К. К. Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. 1902); *Лишь старый полковник фон Шведер по-прежнему либо вовсе не*

замечал меня, либо *смотрел букой* (В. С. Трубецкой. Записки кирасира. 1936–1937).

Начиная со второй половины XX в., рассматриваемые сочетания представлены в текстах не так широко. Из двух ФЕ чаще используется *смотреть букой*, например: *Я прятался за мамину юбку и смотрел букой* (Р. Нахапетов. Влюбленный. 1998); *Русанов оставался ... полным скептиком по отношению к нашим аграрно-революционным перспективам: «смотрел букой на мужика»*, как выражался С. Слетов (В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания. 1953). В первом из приведенных контекстов автор, описывая себя ребенком, употребляет сочетание, которое в представлении носителей языка связано с детьми, детством. Во втором контексте с помощью ФЕ *смотреть букой* пишущий создает образ взрослого человека (Русанова), поведение которого иронично характеризуется как поведение ребенка, а потому сочетание заключено в кавычки («*смотрел букой на мужика*»).

Итак, фразеологизмы с глаголами восприятия могут использоваться как языковое средство выражения принадлежности человека к социальной общности, сложившейся в том числе на основе единства культурных реалий. Иначе говоря, анализируемые нами единицы обладают определенным потенциалом в выражении национально-культурной идентичности.

Литература

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. (ИЭС).
2. Бочегова Н. Н. Этнос. Язык. Концептосфера : моногр. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010.
3. Кузенная Т. Ф., Лебедева В. Д. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: «свои» vs «чужие» // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 2. С. 15–22.
4. Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность // Омский науч. вестн. 2011. № 3 (98). С. 102–105.
5. Мосягина М. С. Национальная идентичность как антропоцентрический фактор англоязычного медиадискурса: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022.
6. Нечаева Е. Ф. Языковое сознание и национальная идентичность // Альманах современной науки и образования. 2009. № 11 (30). Ч. 2. С. 166–168.
7. Сафонова И. А. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. «Языкознание». 2021. Т. 20. № 6. С. 65–77.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. СПб. : При Императ. Акад. наук, 1789. Ч. 1. (САР).
9. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л. : Наука, 1968. Вып. 3. (СРНГ).

10. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2011. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>
11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. М. : Знак, 2003. Т. 3. 1420 стб. + 49 с. (Срезн.)
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. СПб. : Вариант, 1994.
13. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. М. : Наука, 2004.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1986. Т. 4.
15. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / науч. ред. : З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002.

Л. В. Табаченко

*Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

НАЗВАНИЯ НАРОДОВ И ВОЕННЫХ ПРОТИВНИКОВ В ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКАХ О ПОБЕДАХ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В НЕВСКОЙ БИТВЕ И ЛЕДОВОМ СРАЖЕНИИ

***Аннотация.** Языковой репрезентацией формирования национальной идентичности выступают самоназвания народа в противопоставлении с названиями врагов, что в основных древнерусских источниках о победах Александра Невского выражается в оппозициях «свой – чужой», «свой – враг», «единоведец – иноловедец».*

***Ключевые слова:** победы Александра Невского, древнерусские источники, оппозиция «свой – чужой».*

Начальный период формирования национальной идентичности связан с осознанием своей принадлежности к определенной этнической общности, которая отделена от других этносов и даже противопоставлена им в оппозициях «мы – они», «свой – чужой», «свой – враг», а также «единоведец – иноловедец», поскольку одним из основных признаков этно-культурной идентификации в средние века был религиозный. Языковой репрезентацией формирования этнического сознания выступают самоназвания народа в противопоставлении с названиями врагов. Важ-

ной составляющей национальной идентичности, её аффективным компонентом – источником гордости за достижения собственного народа является народная историческая память о совместно пережитых трагедиях и победах. Все это определяет актуальность представленного исследования.

Основными источниками сведений о двух главных событиях второго этапа шведско-немецко-русских войн XIII в. – побед Александра Невского в битве на Неве в июле 1240 г. и на льду Чудского озера в апреле 1242 г. являются Новгородская I летопись старшего извода (далее НЛ, в цитатах даётся номер листа летописи и год, в ссылках указывается страница издания) и «Повести о житии и храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра» (далее Житие АН).

Новгородская I летопись старшего извода известна по Синодальному списку второй половины XIII – второй четверти XIV вв. Погодные записи 1240-1242 гг., согласно традиционной точке зрения, были сделаны современником вскоре после описываемых событий, о которых ещё помнили, поэтому они отмечаются лаконичностью. Житие АН написано не позднее 80-х годов (возможно, в 60-х годах) XIII в., его автор, по замечанию В. И. Охотниковой, «книжник из окружения митрополита Кирилла, называющий себя современником князя, свидетелем его жизни, по своим воспоминаниям и рассказам соратников Александра Невского создает жизнеописание князя» (Житие АН, 1981, 426).

В современной исторической науке оценки этих центральных военных эпизодов шведско-немецко-русских войн XIII в., а также роли самого Александра Невского в русской истории находятся в очень широком аксиологическом диапазоне, что очевидно связано с разной политической и мировоззренческой ориентацией авторов.

Традиционной точке зрения, определяющей и указанные битвы, и всю деятельность Александра Невского как гражданский и духовный подвиг, направленный на сохранение русской государственности и православной духовности (см. работы А. Н. Ужанкова, В. Василика и др.), противопоставлена другая позиция, состоящая в том, что указанные битвы оцениваются как маломасштабные, рядовые военные события (см. работы Дж. Феннела, И. Н. Данилевского).

Дискутируя о численном масштабе этих битв, большинство исследователей солидарны в том, что эти сражения имели не столько военное, сколько духовно-религиозное значение – сохранение православия и русской государственности.

Этот духовно-религиозный смысл центральных сражений и всей деятельности Александра Невского отразился в некоторых особенностях языка источников, особенно Жития АН. Исследователи обращали внимание на особенности использования прецедентных имен, событий, библейских и исторических параллелей, на названия немцев и шведов

в Житии АН (Василик В., 2012). В представленной работе мы продолжим исследование названий народов и военных противников в указанных битвах в свете отражения в них признаков формирования национальной идентичности.

Этническая идентификация связана с осознания противопоставления «свой – чужой», которое «носит универсальный и вневременной характер, проникая в разные сферы человеческого бытия» (Фельде В. Г., 2015, 3). Эта оппозиция репрезентируется в разных группах наименований: этнонимах, этнотопонимах, территориальных, конфессиональных, а также в абстрактных наименованиях.

В погодных записях 1240–1242 гг. Новгородской I летописи для названия врагов с запада и севера употребляются, как правило, этнонимы и этнотопонимы – *нѣмци, свѣи, мурмане, сумь, гѣмь, чюдь, Чюдьская земля, литва*. О Невской битве: «*Придоша Свѣи в силѣ велицѣ, и Мурмане, и Сумь, и гѣмь в кораблехъ множество много згло ...<...> ...и ту бысть велика стѣча Свѣемъ*». л. 126 об. – 127. (1240) (НЛ, 1950, 77). О Ледовом побоище НЛ сообщает следующее: «*В лѣто 6750. ...князь же въспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша на нихъ*». л. 129–129об. (1242) (НЛ, 1950, 78).

В Житии АН другой принцип наименований: в его основе противопоставление православных и католиков – «римлян». Военные противники называются не только и не столько по этническому признаку, сколько по конфессионально-духовному, поскольку в средние века вера была одним из основных признаков национальной идентичности.

Конечно, в Житии АН тоже используются этнонимы и этнотопонимы – язык литовский: «...умножися языка литовьскаго и начаши пакостити волости Александрове» (Житие АН, 1981, 435), земля немецкая: «*поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ*» (Житие АН, 1981, 433), немцы и в вариации – безбожные немцы: «*Уже бо бяше град Псков взят и намѣстники от немец посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немец изстѣче, а инѣх повяза и град свободи от безбожных немецъ, а землю их повоева и пожже и полна взя бес числа, а овѣх исече. Они же, горди, совокупишася и рекоша: "Поидемъ и побѣдим Александра и имемъ его рукама"*» (Житие АН, 1981, 433).

Однако в Житии АН шведы названы не по национальности, а по конфессиональной принадлежности – *римляне*: «*и бысть стѣча велика над римляны, и изби их множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ*» (Житие АН, 1981, 431). В. Василик отмечает, что «наименование шведского короля римским имеет также и политический смысл: так показывается его зависимость от Римского папы. Возможно, это косвенный намек на то, что поход планировался и координировался Римской курией» (Василик В., 2012).

Поскольку язык Жития АН отличается неконкретностью, отвлечённостью, в нем присутствуют и абстрактные наименования – *король, королевич, король части Римския от Полунощныя страны* (имеется в виду шведский король, точнее, его наместник Ульф Фасси). Тот факт, что шведы названы римлянами, может обозначать, кроме привязки к папскому Риму и латинскому языку, и то, что «в духовном смысле они как бы уподобляются Пилату и распинателям Христа», – пишет диакон Владимир Василик (Василик В., 2012).

В Житии АН используются также абстрактно-географические названия – *Западная страна* (имеется в виду Ливония): «*нѣкто силенъ от Западныя страны*» (Житие АН, 1981, 428); «*приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечество Александровъ*» (Житие АН, 1981, 432) и *Западные страны*: «*А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны и вся полъкы своя посла с нимъ и ближних своих домочадець*» (Житие АН, 1981, 437) – имеется в виду поход на Юрьев в 1262 г., однако, на наш взгляд, это можно воспринимать и как отражение формирования геополитического противопоставления Западу.

В Житии АН также употребляются общие названия для чужих – *иноплеменники, иноязычники*: «*И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народ срътоша и пред градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: “Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменьники и вѣрному князю нашему оружиемъ крестным и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою”*» (Житие АН, 1981, 434). Лексема *иноплеменьникъ* используется и в НІЛ под 1240 годом, где подчеркивается, что враги действуют «без Божия повелѣния»: «*Но еше преблагыи, премилостивыи человекѡлюбець богъ ублюде ны и защити от иноплеменьникъ, яко всуе трудишася без божия повелѣния*» 126 об. (1240) (НІЛ, 1950, 77).

В Житии АН употребляются также названия рыцарей, можно сказать, «по принципу косвенной речи»: «*иже нарицаются слугы Божия*» (Житие АН, 1981, 428); «*иже именуютъ себе Божии риторы*»: «*И возвратися князь Александръ с побѣдою славною, и бяше множество полоненых в полку его, и вѣдяхут босы подле коний, иже именуютъ себе Божии риторы*» (Житие АН, 1981, 434). В этих контекстах чувствуется ирония автора, который рыцарей Божьими слугами не считает. В целом «свои» оцениваются положительно как выполняющие волю Божью и находящиеся под покровительством Бога, Богородицы и святых, а враги – отрицательно, как захватчики, пришедшие на новгородские земли «без божия повелѣния».

Наименования русских в погодных записях 1240-1242 гг. НІЛ связаны с топонимами и местом проживания: *новгородци, ладожане, пльсковичи, низовци* (жители местности по среднему течению Волги, кото-

рые жили «снизу» по отношению к Новгороду). Слово *новгородци* употребляется и в Житии АН. В НІЛ в противостоянии с противником подчеркивается его агрессивность, намерение захватить исконные новгородские территории и вторжение на них: «*Свѣи ... стаиша в Невѣ устьѣ Ижеры, хотяче восприяти Ладугу, просто же реку и Новѣгородъ и всю область Новгородъскую*» л. 126 (1240) (НІЛ, 1950, 77); «*...на волость Новгородъскую наидоша Литва, Нѣмци, Чюдъ...*» л. 128 об. (1240) (НІЛ, 1950, 78). Территориальный фактор, связь с территорией проживания тоже относится к основным факторам формирования национальной идентичности. В Житии АН эти земли называются *волость Александра, земля Александра, отечество Александрово*.

В НІЛ для названия войска князя Александра используется лексема *полкъ*: «*и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдъ и прошибошася свиньею сквозъ полкъ, и бысть стѣча ту велика Нѣмцемъ и Чюди*». 129 об. (1242) (НІЛ, 1950, 78). Самоидентификация летописца с войском Александра Ярославича позволяет употреблять ему местоимение 1 лица: «*Богъ ублюде ны*». 126 об. (1240) (НІЛ, 1950, 77).

В Житии АН употребляются словосочетания *полкъ Александра, полкъ Александровъ, полци Александрови, мужи Александровы*. И в НІЛ, и в Житии АН имя Александра как военачальника традиционно метонимически используется для номинации его войска: «*Поидемъ и побѣдим Александра...*» (Житие АН, 1981, 433).

Обобщающее наименование в Житии АН для новгородцев в противопоставлении немцам – *словенский язык*: «*По побѣдѣ же Александровъ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: “Укоримъ Словенъский языкъ ниже себе”*» (Житие АН, 1981, 432). В этом контексте прилагательное *словенский* употреблено в значении ‘относящийся к новгородским словенам’ (СлРЯ XI-XVII вв., вып. 25, 2000, 95).

Анализ языка основных источников о победах Александра Невского, в частности наименований народов и военных противников, выявил следующие особенности. Эти наименования, например, *иноплеменники, иноязычники*, репрезентируют оппозицию «свой – чужой», с которой неразрывно связано формирование национальной идентичности на первоначальных этапах развития этноса. В НІЛ для названия врагов употребляются, как правило, этнонимы и этнотопонимы (*нѣмци, свѣи, чюдъ* и др.), а в Житии АН основным является конфессионально-духовный принцип наименований: шведы называются *римляне*, т. е. ‘католики’, поскольку в средние века религия являлась одним из основных признаков национальной идентичности. Там же используются и отвлеченные наименования: *король части Римския от Полунощныя страны, Западная страна, Западные страны*, которые отражают не только абстрактность языка Жития АН, но и, возможно, формирование геополитическо-

го противопоставления Западу. Наименования русских в НИЛ связаны с территориальным фактором формирования национальной идентичности. Народная историческая память, в частности о победах Александра Невского, также является важным компонентом национальной идентичности, источником представления о народе как о едином целом с общим историческим прошлым.

Источники

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. (НИЛ).
2. Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра / подготовка текста, пер. и комментарии В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступит. статья Д. С. Лихачева; общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит., 1981. С. 426–439. (Житие АН).
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 2000. Вып. 25. (СлРЯ XI–XVII вв.)

Литература

1. Владимир (Василик, диакон). «И прииде в Неву, шатаяся безумием». Немцы и шведы в «Житии Александра Невского». 2012. URL: <https://pravoslavie.ru/57907.html?ysclid=ls3ерwaju8532501942> (дата обращения 30.01.2024 г.)
2. Фельде В. Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2015.

Н. А. Трофимова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ОТРАЖЕНИИ НОМИНАЦИЙ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (на материале ресторанных онимов)

Аннотация. В докладе рассматриваются номинации гастрономических заведений г. Санкт-Петербурга как элемент сверхтекста о городе. Автор анализирует значения, репрезентированные в этих номинациях, определяет их основные семантические типы, обосновывает их культурную ценность как элементов национальной идентичности.

Ключевые слова: *урбаноним, ресторанный оним, язык городского пространства, национальная идентичность.*

Актуальные исследования города представлены самыми разными сферами науки, в том числе и лингвистикой, в рамках которой активно изучается язык города, в частности, номинации городских объектов – урбанонимы, специфически организующие городское пространство, отражающие уникальное «лицо» города, определяющие восприятие города и отношение к нему.

В настоящее рассмотрение принимается отдельная категория урбанонимов одного из наиболее значимых городов России – Санкт-Петербурга. Речь идет о номинациях гастрономических локаций города, репрезентирующих, с одной стороны, значимые для российской культуры смыслы, а с другой стороны, определяющих внешний образ города, характеризующих его по историческим и социокультурным параметрам.

Названия гастрономических заведений города имеют свою, подчас довольно долгую историю, обладают особой культурной аурой и выполняют наряду с номинативной функцией еще и ассоциативно-познавательную – предполагается, что в сознании адресата возникают ассоциации с определенными фигурами и феноменами культуры, истории и т. д. (Анисимова Е. Е., 2006, 99). В ресторанно-номинативном ландшафте Санкт-Петербурга нашли отражение следующие группы онимов:

1. Имена русских писателей: *Достоевский, Бальмонт, Есенин (Yesenin), Грибоедов, Лесков (Leskoff), Ostrovskiy, Северянин, Л. Брик, Маяк (аллюзия на В. Маяковского), Гоголь, Кафе Пушкинъ;*

2. Герои произведений русских писателей и сказок/сказаний: *Маша и медведь, Иван да Марья, Емеля, Волконский, Раскольников, Onegin Dvor, Sadko, Ямщик;*

3. Названия произведений русских писателей, сказок, фольклорных произведений или аллюзия на них: *Бородино, Теремок, Идиот, Мертвые души, Палата № 6 Два му (аллюзия на «Му-му»), Двенадцать, Калинка моя, Катюша, Чижик, Рога и копыта (аллюзия на «Двенадцать стульев»);*

4. Имена людей (политических деятелей, ученых, композиторов, художников, архитекторов), слой за слоем «строивших» культуру Санкт-Петербурга, или аллюзия на них: *ПетрЪ, Торт первый (аллюзия на Петра первого), Milutin Palace (исторический деятель Д. А. Милютин), Штакенинейдер (архитектор А. И. Штакенинейдер), Палкинъ (династия петербургских рестораторов, основанная А. Палкиным), Шаляпин, Распутин, Бакунин, Скуратов (Skuratoff Coffee), Ломоносов (Lomonosov Bar), Менделеев (Mendeleev Bar), Чайковский, Petrov-Vodkin;*

5. Имена, указывающие на исторические события или периоды истории и культуры Санкт-Петербурга и России: *Дворянское собрание,*

Гусары, 1913 год, 1703, 1847, Декабрист, Могучая кучка, Дворяне, Царь-пышка

6. Имена городских топонимов или их элементов: *Атланты, Дом сведенных мостов (аллюзия на разводные мосты в Санкт-Петербурге), Эрмитаж, Петропавловский (ресторан), Siniy Most, Красный мост, Старый Невский, Фонтанка, Подписные булочки (в известном книжном магазине «Подписные издания»), ДЛП (Дом ленинградской пышки – аллюзия на известный универмаг ДЛТ – Дом ленинградской торговли), Поребрик, Парадная, Особняк Половцева (дом государственного секретаря А. А. Половцева), Склад № 5 (бывший винный склад в магазине купцов Елисеевых на Невском проспекте), Подвалъ бродячей собаки;*

7. Имена героев из произведений искусства нового и новейшего времени, а также сами номинации этих произведений: *Наденька (героиня фильма «Ирония судьбы или с легким паром!»), Ипполит (герой того же фильма), Старик Хинкалыч (аллюзия на повесть-сказку Л. Лагина «Старик Хоттабыч»), Гараж (одноименный фильм Э. Рязанова), Бандитский Петербург (одноименный детективный фильм-сериал по произведениям А. Константинова), Федя, дичь! (фраза из фильма «Бриллиантовая рука»);*

8. Имена, представляющие собой отсылку к культурным фактам: *В Питере пить! (отсылка к строке из песни группы «Ленинград»), Интеллигент, Кодла, На ход ноги, Перед прочтением сжечь, ТЧК, Лирика (отсылка к треку группы «Сектор Газа»), Волжанин, Хоровод, Квартирка;*

9. Имена, построенные на игре с внутриязыковым содержанием: *Пиворама, Пельмения, Угрюмочная, Фунт изюма, Сытинъ, Чайникофф, Проходимец, Мидийное место, Теория большого пива, Базара нет!, Ни в одном глазу, Тёрки, Невинный бар, In100gramm Bar, Литрбол, папа Блин, Пельмондо, Супстанция, Достоевский (служба доставки еды), Рыбное место, Мясонская ложка.*

Названные и оставшиеся за рамками перечисления онимы репрезентируют петербургскую картину мира, они представляют собой уникальную семиотическую систему, которая оказывает воздействие на восприятие и мотивацию поведения жителей и гостей города, на их культурные практики.

Как показывают примеры, ресторанные онимы с прозрачной семантикой (группы 1-5) позволяют «читать» город как энциклопедию биографий, судеб, событий, идей, сыгравших значительную роль в истории и культуре нашей страны. Другие онимы (группа 6) ведут нас по городу, называют наиболее яркие объекты городского пространства – здания, улицы, мосты. Еще одна категория названий гастрономических заведений имеет непрозрачную семантику, для ее декодирования требуется внимательный взгляд исследователя (группы 7–8). Этимологический анализ таких номинаций, а также рассмотрение философии самого

гастрономического объекта, выражающейся в первую очередь в его интерьере и кухне, позволяет увидеть то, о чем на первый взгляд «молчат» онимы, проникнуть в суть отдельных культурных слоев городской картины мира. Последняя группа онимов наиболее интересна как пример языковой игры: обыгрывание фонетических созвучий, тематическое включение фразеологизмов, игра со словообразовательными элементами.

Ресторанные онимы не ограничиваются названными номинациями, их совокупность значительно шире, семантическая палитра значительно ярче. Отобранные единицы, однако, являются иллюстрацией живой национальной идентичности, выражением позитивного чувства патриотизма. Кроме того, номинации гастрономических объектов города как элементы городской семиотической системы мозаично складываются в образ города и формируют специфическую городскую идентичность, которая, основываясь на исторических событиях и лицах, фактах культуры, предполагает понимание образов и мифов его истории, его значения в прошлом и настоящем.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Ресторанные онимы в русской и немецкой лингвокультурах // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 1. С. 99–103.

Е. Н. Цветаева, Е. С. Панкратьева

*Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)*

ВИЗУАЛИЗИРОВАННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. Исследование посвящено изучению полисемиотического лингвокультурного пространства Европы позднего Средневековья и раскрывает возможности комплексного анализа вербально-визуальных явлений эпохи, демонстрирующих не только актуальную на тот момент картину мира, но и позволяющую восстанавливать семиотическое тождество тексто-визуальных моделей в современной лингвокультурной парадигме.

Ключевые слова: визуализация фраземы; «перевернутый мир»; полисемиотическое пространство.

Воссоздание духовно-нравственных ориентиров и мировоззренческих стереотипов человека эпохи позднего Средневековья и раннего

Нового времени, без сомнения, становится возможным благодаря всестороннему анализу различных языковых явлений и литературных произведений. При этом пристального внимания заслуживает изучение иконографической традиции, в значительной степени ввиду особого отношения к феномену визуальности в рассматриваемый период, характеризующий исключительной бимедиальной направленностью, когда реализация игровой сущности находит свое самобытное воплощение в тексто-визуальных единицах. В этой связи исследование гетеросемиотических текстуальных пространств данного времени, образованных в результате интерсемиозиса разнородных знаков, языковых и иконических, оказывающих на реципиента комплексное прагматическое воздействие, признается важной исследовательской многоаспектной и междисциплинарной задачей.

Культурно-ценностная парадигма эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени получает отражение в различных видах художественного творчества: в живописи, графике, гравюре, декоративно-прикладном искусстве. Важно отметить, что частота встречаемости одних и тех же визуальных символов в рамках единой культурной традиции демонстрирует широкую распространенность специфических иконографических реминисценций. Так, одной из типичных для западноевропейской культуры указанного времени, обуславливающих ее фундаментальность и общую идентичность, является репрезентация аллегории «перевернутого мира» (*лат.* mundus inversus, *нем.* die verkehrte Welt, *франц.* le monde reversé, *исп.* el mundo al revés, *англ.* topsy-turvy world), главной особенностью которой является смена модальности – перенос смыслов из вербального в иконический знак, обусловленная карнавализацией существовавших в тот период социокультурных практик.

Неотъемлемым элементом иконографической традиции эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени становится изображение «корабля дураков» (Narrenschiff), апеллирующее прежде всего к одноименным произведениям С. Бранта (1494) и И. Босха (ок. 1495–1500), актуализирующим смысловые нюансы лексем, понятий, образов и объективирующим специфику центральной фигуры средневековой народной культуры – шута, дурака. Схожей фабулой обладают гравюры «Das Konzert in der Muschel» ‘Концерт в ракушке’ И. Т. де Бри (1596), Д. Манасера «Narrenschiff» ‘Корабль дураков’ (1630), П. Обри «Die Narrisch Welt» ‘Мир дураков’ (середина XVII в.), перенявших фрагменты изображений из иллюстраций А. Дюрера к «Кораблю дураков» С. Бранта, и др.

Следует упомянуть, что в нидерландской ментальности «корабль дураков» неслучайно получает языковое воплощение как «Die blaue Schute» ‘Синий корабль’, поскольку в рассматриваемое время синий цвет ассоциируется с обманом и глупыми поступками; одной из извест-

ных одноименных работ является гравюра П. ван дер Хейдена (1559) по мотивам произведения И. Босха. Хотя колоративный признак не может быть отображен на гравюре, название произведения, интегрированное в картину как имя изображенной лодки, предлагает однозначную интерпретацию происходящего на рисунке. Тем самым реализация гетеросемиотической целостности базируется на корреляции языковой составляющей и визуального знака.

Однако не только метакоммуникативное вербальное «послание» художника способствует экспликации смысла изображения; зритель непременно отметит на картине наличие и других атрибутов дурака, например, особое одеяние (дурацкие колпаки с ослиными ушами) или музыкальные инструменты (рожки, дудки, маультроммели (варганы) и пр.), нередко детерминированные присутствием характерных животных (ослы, обезьяны, вороны и др.), символизирующих глупость и пороки. Наличие множества визуальных реминисценций в этом случае представляется оправданным, поскольку в процессе симультанного восприятия зрительного образа ожидаемые реакции реципиента интенсифицируются, следовательно, влияние, оказываемое на его эмоционально-чувственную сферу, созданное благодаря взаимодействию разных семиотических модальностей, достигнет желаемого перлокутивного эффекта.

Транслируют специфику «мира наизнанку» и картины серии «праздник дураков» (Narrenfest), иллюстрирующие распространенные в средневековых западноевропейских городах карнавальные празднества. Интересным с точки зрения полимодального и лингвокультурологического анализа является одноименная гравюра П. ван дер Хейдена (ок. 1570), выполненная по мотивам работы П. Брейгеля Старшего. Данное произведение сопровождается вербальным компонентом: Ghÿ Sottebollen, die met ydelheÿt, ghequehlt " sÿt, / Compt al ter banen, die lust hebt om rollen, / Al wordet déen sÿn eere en dander tgelt " quÿt, / De weerelt die prÿft, de grootste Sottebollen. / Men vint Sottebols, onder elcke nacie, / Al en draghen sÿ geen sotscappen, op haeren cop, / Die int dansen hebben, al sulken gracie, / Dat hunnen Sottebol, draÿet, ghelÿck eenen top. / De vuÿlte Sottebols, lappent al duer de billen, / Dan sÿnder, die d'een dander, metten nuese vatten, / De sulck, vercoopt trompen, en dander brillen, / Daer sy veel, Sottebollen, mede verschatten. / Al sÿnder Sottebols, die haer wÿßelÿck draghen, / En van tSottebollen, den rechten sin " smaken, / Om dat sÿ in hun selfs sotheÿt hebben behaghen, / Sal hueren Sottebol alder best de pin " raken [SDK-Online Collection], в котором обыгрываются лексемы *Sottebol* ‘дурак’ и *bol* ‘шар’, что приводит к интеграции вербальной и визуальной модальностей, так как на гравюре шары изображены не только в руках дураков или на земле, их бритые головы также ассоциируются с шарами. Подобная целостность гетеросемиотического пространства позволя-

ет адекватно интерпретировать репрезентированные в произведении вербальные и иконографические знаки.

Нельзя не упомянуть, что в центре гравюры визуализирована фразеологическая единица *jemanden an die Nase fassen* 'водить кого-то за нос' за счет изображения тянущих за носы друг друга дураков. Справа от них декодируются два персонажа: шут с маультроммелем, неизменным спутником дурака, и продавец очков. Вербальный компонент также подкрепляет иллюстрацию *De sulck, vercoopt trompen, en dander brillen / Daer sy veel, Sottebollen, mede verschatten* 'Один глупец продает маультроммели, другой – очки, ими они обманывают многочисленных дураков'.

Визуализация фраземы «продавать очки слепому» (нем. *einem Blinden eine Brille verkaufen*) реализуется не только на картинах, гравюрах художников или воплощается в мизерикордиях соборов, например, в церкви Святой Екатерины в Хогстратене (Бельгия). Данный символ актуализируется в сознании реципиента и как отдельный аллегорический элемент. Собственно очки и маультроммели можно увидеть на гравюре П. Брейгеля Старшего «Торговец и обезьяны» («Обезьяны обворовывают торговца») и его последователя П. ван дер Хейдена (1562). Упомянутые работы выполнены в жанре изобразительного искусства сенжери (от фр. *singerie* 'обезьяньи шалости'), в рамках которого на полотне в пространстве человека представлены обезьяны, имитирующие внешний облик и манеру поведения людей. Этот пародийный сюжет существовал в искусстве начиная с XVI в. и вплоть до конца XIX в., но особо популярен оказался в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. Поскольку в это время обезьяна считалась символом греха, лживости, коварства, невежества, духовной слепоты, распространенным становится мотив изображения обезьяньих пиров, один из наиболее известных принадлежит кисти Я. Брейгеля Старшего (ок. 1618).

Представление вербального символа в виде иконографического знака усиливает его узнаваемость и обуславливает появление у зрителя желаемых ассоциаций, при этом реализация интертекстуальных связей происходит как на вербальном, так и на изобразительном уровнях.

Существующие в культурной парадигме позднесредневековой Европы смысловые тексто-визуальные модели встраиваются в полисемiotическое пространство, детальный анализ которого позволяет не только наиболее полно интерпретировать ментальность позднесредневековой личности, самобытность ее мировосприятия в рамках западноевропейской социально-культурной системы и является важным условием понимания способов видения мира несовременного человека, но и – в следствие этого – делает наиболее адекватным лексико- и фразеосемантическое толкование и описание языка отдаленных исторических эпох и позволяет интегрировать выявленные культурные смыслы в язык современности.

Литература

1. SDK-Online Collection. URL: <https://skd-online-collection.skdmuseum/Details/Index/913900> (дата обращения 01.02.2024).

Д. Б. Чадова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

СИМВОЛИКА ЯБЛОКА В РУССКОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. *Исследуется один из самых значимых символов для русской картины мира – яблоко. Анализ устойчивых единиц с данным культурным компонентом с точки зрения лингвокультурологии позволил выделить следующие значения квазисимвола: здоровье, красота, греховность, древо жизни, ажиотаж, оракул и др. Данный тезис в статье находит свое подтверждение при обращении к фольклорным и художественным текстам.*

Ключевые слова: *яблоко, символ, квазисимвол, лингвокультурология, русская вербальная культура.*

Анализ растительной символики составляет заметный фрагмент современного научного дискурса, связанного с изучением традиционной культуры в целом. Яблоко – наиболее противоречивый культурный символ, актуальный для мифологической и христианской (западноевропейской и русской) картин мира. Родиной данного фрукта предположительно считается Центральная Азия, однако именно европейская культура наделила яблоко особыми мифологическими коннотациями. Так, в германо-скандинавской мифологии богиня Идунн являлась хранительницей чудесных молодильных яблок; в древнегреческой мифологии золотое яблоко стало причиной ссоры трёх богинь – Геры, Афины и Афродиты, ассоциировалось с Троянской войной. Одновременно с этим округлая форма плода связывалась с представлениями о мире. В Римской империи несколько позже яблоко стало символом государственной власти, появилась держава. В Византии к державе добавили вершину в виде креста, впоследствии данная регалия распространилась по всей Европе. На Руси «яблоко» появилось в период правления Бориса Годунова, также являя собой символ власти.

В славянской мифологии яблоко – символ здоровья и красоты. Данные представления появились благодаря сказаниям о вещих птицах. Алконост и Сирин – существа из райского сада Ирия, они обладали волшебными голосами. Но если Алконост дарит пением радость, то мелодии Сирина, напротив, были губительны для людей. На Яблочный

Спас в сад прилетала птица Сирин, тосковала и плакала. А после полудня ее сменяла Алконост, преображая все вокруг радостью и смехом. Птица смахивала с крыльев живую росу и окропляла плоды, в них появлялась удивительная целительная сила.

В народной «Сказке о молодильных яблоках и живой воде» фрукт также наделялся целительными свойствами. Царь отправил своих сыновей за молодильными яблоками, дабы избавиться от старости.

Представления о целительных свойствах данного фрукта отразились во многих пословицах и поговорках. См. *По одному яблоку в день бери – врача не зови; В доме, где едят яблоки, не нужен врач.*

В славянской культуре яблоко считается женским деревом (в том числе и по грамматическому роду). Во многих народных песнях яблоня является символом матери, а ее плод (яблоко) – ребенком. Так, в народной сказке «Иван-царевич в Подсолнечном царстве» Царь-девица при обращении к Ивану-царевичу именовала своих еще не рождённых детей двумя яблоками, подразумевая при этом двух сыновей. Данное произведение было записано М. М. Пришвиным во время путешествия по Русскому Северу и преобразовано в балладу.

Неизменно в христианской культуре яблоко во многих пословицах и поговорках символизирует греховность. См. *Запретный плод сладок.* Впервые выражение упоминалось в сочинениях римского поэта Овидия. В семантику поговорки составной частью входят культурные смыслы, транслирующие вожделение всего табуированного и запретного. Символическое прочтение представляет собой аллюзию на библейский сюжет грехопадения.

Народное творчество продолжало наделять данный фрукт отрицательными коннотациями, в фольклорных мотивах яблоко стало символом смерти, упадка. Так, в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» именно яблоко олицетворяло смертный грех царицы – зависть, передав сей отравленный плод через чернавку, она надеялась стать прекраснейшей на свете. А. С. Пушкин при написании данного произведения мастерски интерпретировал народные сказания и легенды, которые услышал от Арины Родионовны.

Во многих культурах, в том числе и в славянской, яблоня выступает в роли древа жизни. В переводе со многих романских языков яблоко – райский плод. Так, в народной сказке «Гуси-лебеди» яблоня в благодарность за то, что девочка вкусила ее сладкий плод, спрятала под своими ветвями детей от смертельной опасности. Подобные представления о яблоне неразрывно связаны с округлой формой фрукта, что часто ассоциировалось с бесконечностью, цикличностью и со Вселенной в целом. Подобно мировому дереву яблоня даровала детям жизнь за то, что они своим поступком выразили уважение, продемонстрировали неразрывную связь между людьми и природой.

Яблоко также может выступать квазисимволом некоего ажиотажа, крайней степени тесноты. См. *Яблоку негде упасть*. В основе внутренней формы устойчивого выражения лежит ассоциативное сравнение. Традиционно в конце осени на Руси собирали урожай, но порой яблок на земле скапливалось так много, что они падали друг на друга. Корни данного выражения можно найти в древнерусской пословице: *Яблоней лист'ю упадет, кто соберет?* Значение неразрывно связано с представлениями о богатых садах, где яблоку, самому тяжелому плоду, негде было упасть.

Яблоня во многих народных сказках выступает в роли архетипа спасителя, который неизменно становится на защиту слабых и угнетаемых. Так, в «Крошечке-хаврошечке» яблоня, появившаяся на месте захоронения любимой коровы, позволила сорвать свой плод Хаврошечке. Отвернувшись при этом от ее злобных сестер, яблоня поспособствовала удачному замужеству главной героини. Подобные культурные представления связаны со славянскими преданиями, где наделенные чудесной силой деревья произрастали именно на захоронениях. Согласно этим воззрениям душа усопшего переселялась в растения.

Во многих русских народных сказках яблоко является квазисимволом оракула. Например, в «Сказке о серебряном блюдечке и наливном яблочке» фрукт определял судьбу героини, вырисовывая круг по блюдцу. Данная тенденция связана с тем, что образ яблока часто использовали в гаданиях. Одно из основных значений яблока – принятие решений. Когда человек обращался с вопросом о своей судьбе или о будущем, яблоко могло показать путь к ответу. Некоторые способы гадания с использованием яблока включали различные ритуалы, например, фрукт разрезали на части с различными заговорами.

Русские писатели наделяли яблоко особыми коннотациями. У И. А. Бунина яблоки являются символом дворянской эпохи (ее процветания и упадка). С исчезновением запаха антоновских яблок исчезли и дворянские усадьбы. Наступило царство мелкопоместных, обедневших до нищенства. В данном случае символическое значение лексемы соотносится представлением о яблоке, как о некоей защите. Пока росли яблоневые деревья, процветали дворянские усадьбы.

В современных реалиях у данной лексемы появилось еще одно символическое значение – техника определенного бренда. Фирма Apple имеет на своем логотипе надкусанное яблоко. По одной из неподтвержденных версий основатель бренда отдал дань памяти Алану Тьюрингу (английский математик, оказавший существенное влияние на развитие информатики). Ученый покончил с собой, надкусив яблоко, которое сам же наполнил цианидом. В России технику данного бренда именуют *яблоко*.

Таким образом, в русской вербальной культуре яблоко является квазисимволом здоровья, красоты, греховности, древа жизни, ажиотажа, оракула и когнитивно соотносится с известным брендом.

Литература

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. М. : Азбука, 2021.
4. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. М. : Ось–89, 2005.
5. Токарев Г. В. Лингвокультурология : учеб. пособие. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009.
6. Токарев Г. В. Лингвокультурный символяр: квазисимволы. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2021.
7. Фелицина В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановед : слов. М. : Рус. Яз., 1988.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

С. Р. Гельманова

*Независимый исследователь
(Москва, Россия)*

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКИХ МЕДИАПРОДУКТОВ НА РУССКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу влияния западных стран, а именно США, на речевое поведение современных российских подростков. Доказывается, что можно констатировать заимствование некоторых коммуникативных черт поведения, однако нельзя говорить о полном переходе из одной культурной идентичности в другую. В исследовании применяется параметрическая модель описания коммуникативного поведения, предложенная Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным.*

Ключевые слова: *речевой портрет, национальное коммуникативное поведение, социальные сети, модель описания коммуникативного поведения.*

Сложно отрицать большое влияние западного образа жизни, в особенности американского, на современную российскую молодежь. На культурном уровне оно распространяется через медиапродукты производства США (фильмы, сериалы, музыка) и социальные сети. В последнее время всё большую популярность набирает блогинг и ведение прямых эфиров на интернет-сервисе. Молодые люди, в частности подростки, склонны перенимать популярные на текущий период паттерны поведения, в том числе речевого, и даже подражать своим западным кумирам. В этой связи возникает вопрос: «Влияет ли такое активное потребление американских медиапродуктов на коммуникативную личность, а следовательно, и на коммуникативное поведение современных русских? Если да, то в какой степени?».

Цель статьи заключается в выявлении некоторых коммуникативных признаков, свойственных речи современных русскоязычных подростков.

Исследование посвящено изучению коммуникативного поведения абитуриентов в лингвистические вузы, выпускников 11 классов общеобразовательных школ Москвы. Подавляющее большинство из них вла-

деет английским языком на уровне выше среднего и практикует его в повседневной жизни (уроки в школе, занятия с репетитором, общение с друзьями, проживающими за рубежом). Будучи активными пользователями сети Интернет, они с большим интересом следят за новостями из личной жизни западных звёзд, новинками кинематографа и музыкальной индустрии. Основная часть исследуемых имеет учётные записи в социальных сетях. Речь идёт о девушках, которых далее будут обозначаться как «субъект текстовой деятельности (ж.)» и о юношах, которые будут обозначаться как «субъект текстовой деятельности (м.)» с соответствующим номером (например, № 1).

Материалом для нашего исследования, помимо прочего (записанные на диктофон разговоры, сочинения на тему: «Почему я хочу поступать в выбранный вуз?»), служат посты в социальных сетях. Подобные платформы и общение в них являются неотъемлемой частью жизни современных подростков. В наше время иметь учётную запись в нескольких социальных сетях стало чем-то вполне естественным. Молодые люди охотно делятся в них своими мыслями, причём их не сковывают рамки социальных условностей (как это бывает, например, при общении с более старшими или малознакомыми людьми). Одной из отличительных черт подобных платформ является высокая степень откровенности, которую можно проявить в виртуальном пространстве, как бы приоткрыв дверь в свой внутренний мир. В этом плане посты (общение на уровне «я – мои подписчики») на личных страничках, которые включают в том числе креолизованные/поликодовые тексты (Вашунина И. В., 2020, 23–50), вызывают для нас особый интерес. Материал собран в одной из наиболее популярных среди подростков социальных сетей – ВКонтакте – на примере письменных речевых произведений трёх абитуриентов. Проанализирован весь массив опубликованной субъектами текстовой деятельности информации в открытом доступе на собственных учётных записях, опубликованный в период с 2022 по 2023 год.

Для выявления у указанных субъектов текстовой деятельности признаков, указывающих на изменение коммуникативного поведения, использовался опыт построения модели коммуникативного поведения. Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин в работе «Русские: коммуникативное поведение» ставят одной из основных задач разработку моделей системного описания национального коммуникативного поведения (Прохоров Ю. Е., Стернин И. А., 2006, 11).

Авторы предлагают три модели описания национального коммуникативного поведения. В данном исследовании за основу принята параметрическая модель, однако не во всём её объёме, а только отдельные параметры, в которые входит ряд аспектов (коммуникативная подача как параметр, характер самоподачи личности, характер самопрезентации, допустимость самопохвалы, саморекламы, демонстрации личных успехов окружающим как аспекты этого параметра).

В исследованиях И. А. Стернина немалое значение отводится описанию доминантных черт американского коммуникативного поведения, в частности агрессивной самопрезентации, вовсе не свойственной русским. Проявление этой черты указано в параметрической модели через коммуникативную подачу (Стернин И. А., 2001, 192). У американцев отличается высокий уровень проявления следующих аспектов: характер самоподачи личности, характер самопрезентации, допустимость самопохвалы, саморекламы, демонстрации личных успехов окружающим. И. А. Стернин отмечает, что в русском коммуникативном поведении эти аспекты выражены крайне слабо либо не выражены вовсе.

Однако современная российская молодежь не сторонится демонстрации своих достижений. Учащиеся 11-х классов охотно пишут посты о победах в различных олимпиадах и соревнованиях, подкрепляя их фотографиями с соответствующими дипломами и грамотами. Например, в одном из своих постов исследуемый нами субъект текстовой деятельности № 1 (ж.) делится впечатлениями от участия во Всероссийской олимпиаде, одной из самых престижных олимпиад для школьников в нашей стране, в другом – перечисляет победителей очередного олимпиадного сезона, которых она вела к этой победе. Выбранный субъектом исследования псевдоним – «Даша Олимп». Согласно «Большому толковому словарю русского языка», олимп, в первом значении, – обиталище, а также собрание, сонм богов, во втором – избранный круг, верхушка какого-л. общества.

Субъект текстовой деятельности № 2 (м.) использует платформу в социальной сети, чтобы фиксировать свои достижения в учебе: «Переписываю историю с оценкой “отлично,»». Далее описывает соответствующий экзамен.

Ещё один субъект текстовой деятельности № 3 (ж.) поднимает типичную для западного общества тему привилегированности: «Я стыжусь своего комфортного существования и проблем белых людей. Чем у меня больше всё налаживается, тем больше мне противно от себя». Сейчас слово *комфортный* очень употребительно в отличие от других времён, например, 90-х годов XX века и ранее. Изначально оно значило то же, что и комфортабельный, то есть ‘удобный, уютный, с комфортом’. Однако в наше время подростки используют его скорее в том значении, которое это слово имеет в английском языке, а именно ‘то, что позволяет испытывать удовлетворённость и чувство безопасности’, то есть это скорее синоним к слову *благоустроенный*.

Однако, несмотря на присущие американцам коммуникативные признаки, исследуемые нами субъекты текстовой деятельности демонстрируют по большей части русское коммуникативное поведение. Речь идёт о параметре “тематическая направленность общения” и следующим его аспектам: допустимость откровенного разговора по душам, ин-

тимность сообщаемой информации, коммуникативный пессимизм, искренность, откровенность в общении, стремление к откровенным разговорам. В соответствии с результатами, полученными И. А. Стерниным, у русских показатели по этим аспектам весьма высоки, чего нельзя сказать об американцах. То же можно сказать и об исследуемых субъектах текстовой деятельности.

В высказывании субъекта текстовой деятельности № 1 (ж.) актуализируются идея фатума, предопределённости хода судьбы: «Спокойно ждём награждения, все что могли, уже сделали). Дальше – воля фатума...». В комментариях она отвечает на вопрос о подаче апелляции и сообщает о своём эмоциональном состоянии: «Но это уже не так нервно, хотя не менее важно» и «А глицин оказывается немного помогает».

В высказываниях субъекта текстовой деятельности № 2 (м.) отмечается высокий уровень коммуникативного пессимизма: «Да, это не выдающиеся результаты» или «...здесь мне больше повезло, нежели я был слишком упорным, сильным и настойчивым».

На личной страничке субъект текстовой деятельности № 3 (ж.) задаёт подписчикам вопрос, который в американском сообществе принято задавать только хорошо знакомым людям, но никак не подписчикам: «Объясните, в чём вы видите смысл своего существования?» Отметим, что русскоязычные подписчики с охотой развили дискуссию на эту тему.

Таким образом, большой интерес современных молодых людей к западной культуре оставляет свой отпечаток на их коммуникативном поведении, но говорить о слепом копировании американского национального коммуникативного поведения было бы неоправданно. Учитывая возобновившиеся после пандемии коронавируса процессы глобализации и повышенное внимание исследуемых нами субъектов текстовой деятельности к США и медиапродуктам американских компаний, можно говорить о некоем заимствовании некоторых коммуникативных черт поведения, но никак не о полном переходе из одной культурной идентичности в другую.

Литература

1. Креолизованный текст: Смысловое восприятие / отв. ред. И. В. Ващунина ; ред. колл.: Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. М. : Ин-т языкознания РАН, 2020.
2. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта, 2006.
3. Очерк американского коммуникативного поведения / науч. ред. И. А. Стернин, М. А. Стернина. Воронеж, 2001.

ЧАСТИЦА *ДЕ* ПРИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ТЕКСТАХ XVII В.: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В статье исследуется функционирование частицы *де*, используемой при цитировании или пересказе, в контекстах вербализации дихотомии «свой–чужой». Материалом исследования стали примеры из произведений XVII века, содержащиеся в старорусском подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: частицы, Национальный корпус русского языка, старорусский период, «свой–чужой».

Изучение идентичности как лингвокультурного концепта в значительной степени связано с дихотомией «свой–чужой» и обусловлено необходимостью говорящего в осмыслении характерных культурных и социальных признаков: «...Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”). Как это бинарное разбиение интерпретируется – зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям. Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» (Лотман Ю. М., 2016, 258). Исследование вербализации такого противопоставления, ввиду разнообразия языковых средств, является актуальным в рамках семантики, лингвокультурологии, социально-философских исследований, в том числе с опорой на тексты разных периодов развития языка (см., например, Петроченко Н. М., 2005; Матвеева А. А., 2007; Хазина А. В., 2012; Валеева Л. В., Давыдкина А. С., 2021).

Частицы-ксенопоказатели используются в русском языке с целью недословного воспроизведения речи вновь, в том числе собственной (Плунгян В. А., 2008, 4; Падучева, 2011, 15), но вместе с тем являются значимым маркером в рамках языковой репрезентации «свой–чужой». И. Б. Левонтина к русским ксенопоказателям относит производные от глаголов говорения частицы *мол*, *дескать*, *де*, *якобы* и *грит* (*гыт*): «Поскольку говорящий при помощи ксенопоказателей отстраняется от позиции другого человека, прагматически такие слова притягивают разного рода оценки воспроизводимой речи, чаще отрицательные» (Левонтина И. Б., 2020, 54).

Тексты XVII века содержат большое количество примеров передачи чужой речи, и особенно продуктивной является частица *де*. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), пик активности ее

употребления приходится на период с 1625 по 1694 год, а индекс частотности в старорусском подкорпусе равен 1631.17 ipm (к сравнению, в основном подкорпусе он составляет 70.3298 ipm).

Контексты употребления исследуемой частицы в текстах XVII века разнообразны. В рамках настоящей темы интерес представляют следующие группы примеров:

1) *де* + описание элементов русской культуры:

• *одинъ же в нихъ, Чювашенинъ, былъ у Кучюма рускаго полону, сказалъ: «Молятся де они рускому Богу, и тотъ дѣ русской Богъ литой золотой в чаше съдитъ, і в ту де чашу наливши воды, пьютъ и зовутъ его Христомъ; а сказываютъ де, привезень отъ Владимерова крещенія, и для того живутъ смѣло* (НКРЯ: С. У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку (1690–1700)).

• *А братом и племянником де королева государя писала потому, что в здешнем обычае брат и племянник – то одно любовное слово. И коли де в русском обычае то слово безчестно, и королева вперед племянником писать не учнет, а учнет его писать как ему, государю, годно* (НКРЯ: Выписка в посольском приказе об англо-русских отношениях в XVI–XVII вв. (1615.01.03)).

Особенностью данной речевой модели является указание на национальный или социальный статус «первичного» источника – подразумеваемого говорящего. Отмечено разнообразие коннотативных возможностей, включающее, в том числе, нейтральные контексты.

2) *де* + описание бытовых и социально-политических взаимоотношений между разными национальностями:

• *Бѣлорусецъ Черкашенинъ Тимовой Трофимовъ сынъ сказался съ Бѣлой Руси съ Глузка, отецъ его и мать вѣру держали христїанскую, а онъ потомужь вѣру держалъ христїанскую, а въ крещенье де у нихъ обливаютъ, а муромъ и масломъ у нихъ помазуютъ; у ксенжа не бывалъ и секраменту не имывалъ; и въ Переаславль де онъ женился на русской дѣвкѣ Окулинкѣ* (НКРЯ: Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в патриарший дворцовый приказ для допросов (1623.09.11–1624.08.22)).

• *И спрашивалъ царь Бориса: есть ли де такіе звѣри на Руси?* (НКРЯ: Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч (1699)).

• *и Митрофанъ де имъ сказалъ, что уроженецъ де онъ Литовского города Прилукъ, вотчины Збараского князя села Турбова, а живутъ де въ томъ городѣ Русь крестьяне, а крещенія своего, какъ его крестили, не помнитъ* (НКРЯ: Царские грамоты верхотурскому воеводе Федору Бояшеву (1632.11.16–1633.01.24)).

В данных употреблениях, в отличие от первой модели, прямое указание социальных характеристик факультативно; однако эта информа-

ция восстанавливается из экстралингвистического контекста всего документа или через указание географических ориентиров. Такие примеры не содержат коннотативных надбавок и в отношении эмоциональной оценки являются нейтральными.

3) *de* + атрибутив *свой* или *чужой*:

• *а ныне еще пошел к Москве от нихъ ходакъ і прикащик де на меня русынской писал с ним великие свої напрасные посяжъки і вы моі приятели понаслушаіте того ходака* (НКРЯ: Ф. Зиновьев. Ф. Зиновьев В. Т. Вындомскому (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.)).

• *А Юрью Отхотницкому я об лебедях бил челом, и он мне отказал: лебедеи де я Андргью Ил(ь)ичю не суливал, а лебеди де у меня были чюжие, и у меня взяли* (НКРЯ: Грамотка приказчика Г. Щербачева в с. Спасское (1680.09.30))

• *Извещал вам г(о)с(у)д(а)рем староста ваи г(о)с(у)д(а)реи Семен Романов на меня сироту и оглашает напрасно, ботто отец мой и мачеха моя жену мою убили, и от того де бутто жена моя умерла, и бутто я хожу за ходым [sic], живу де яз с чюжими женами и з девотчинами* (НКРЯ: Грамотка крестьянина Ф. Артемьева из д. Дединки (1670.03.13)).

Модель речений этой группы, ввиду широкой семантической валентности указанных прилагательных, не ограничивается приведенными контекстами. Однако стоит отметить, что лексема *чужой* в сочетании с частицей *de* в корпусных примерах не обнаруживается в противопоставлениях культур, а употребляется только в отношениях посессивности.

Частица *de*, являющаяся маркером пересказа, в контекстах дихотомии «свой–чужой» в текстах XVII века предваряет вводимую цитату и относится либо в целом к цитируемому тексту, либо к каждой отдельной части пересказа (с характерным для текстов этого периода повтором частицы). При этом в примерах отмечается широкая семантическая и коннотативная валентность частицы. Особенностью употребления *de* при функционировании в рамках разделения «свой–чужой» является обязательное соотнесение воспроизводимой речи с говорящим при прямом или косвенном указании на его этническую принадлежность или социальный статус.

Литература

1. Валеева Л. В., Давыдкина А. С. Оппозиция «свой–чужой» как форма развития пространственной семантики (на материале языка Посланий Ивана Грозного) // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. V Междунар. симпозиума, включенного в программу Международного фестиваля «Великое русское слово» : в 2 т. (Симферополь, 08–12 июня 2021 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь : Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2021. Т. 1. С. 162–169.

2. Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // *Вопр. языкознания*, 2020. № 3. С. 52–77.
3. Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров*. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
4. Матвеева А. А. Дейксис как маркер категории «свой – чужой» // *Вестн. Челябин. гос. ун-та*. 2007. № 13. С. 47–52.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).
6. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать // *Изв. Рос. академии наук. Сер. литературы и языка*. 2011. Т. 70. № 3. С. 13–19.
7. Петроченко М. Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
8. Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: ‘мол’, ‘якобы’ и другие // *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach, 72.) / Wiemer B., Plungjan V. (Hrsg.). München : Sagner, 2008. P. 285–311.
9. Хазина А. В. Антиномия «свой – чужой» в историческом нарративе взгляд эллинистической историографии // *Диалог со временем*. 2012. № 39. С. 271–285.

А. Л. Дединкин
*Витебский филиал
Международного университета “МИТСО”
(Витебск, Республика Беларусь)*

ОТ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К ЭТНИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ (из опыта работы лингвиста-эксперта)

Аннотация. В статье анализируется проблема истоков этнического экстремизма, делается вывод о том, что культивирование национальной идентичности может стать основой для интолерантности. Выражение этнического экстремизма осуществляется через публичные призывы, имплицитно или эксплицитно побуждающие к насильственным действиям в отношении той или иной группы лиц по национальному признаку.

Ключевые слова: национальная идентичность, этнический экстремизм, лингвистическая экспертиза.

Под воздействием процессов глобализации в той или иной степени происходит стирание этнических границ, возникает опасность утраты национальной идентичности. Это касается таких аспектов проб-

лемы, как сохранение языка, исторического наследия и культурного своеобразия.

В связи со сложившейся ситуацией возникает закономерный вопрос: не таит ли в себе стремление народа сохранить свою идентичность предпосылку для экстремистских настроений? Возможно, оно и так, а значит необходимо определять чёткую грань между выражением национальной идентичности и формирующимся чувством превосходства над другими народами, желанием их изолировать или уничтожить.

С одной стороны, утрата национальной идентичности обычно приводит не только к потере «самобытного», но и к навязыванию «чужого». Таким образом, обеднение духа народа будет в обязательном порядке сопровождаться подменой нравственных ориентиров (Фотиева О. Н., 2011, 316). Те же западные ценности, став для русского или белорусского народов базовыми, могут привести к необратимым негативным последствиям, вплоть до изменения магистрального пути развития славянской цивилизации.

С другой стороны, культивирование национальной идентичности может стать действенной основой для интолерантности и этнического экстремизма, который имеет широкие «рамки нетерпимости» (от неуважения на бытовом уровне до геноцида).

В Республике Беларусь в соответствии с Законом о противодействии экстремизму (от 04.01.2007 г. № 203-3) разжигание межнациональной розни и вражды квалифицируется как уголовно наказуемое деяние. Действительно, это крайне опасное общественное явление, которое провоцирует недоброжелательные отношения в полиэтническом обществе, подрывает основы государственности, порождая национальный сепаратизм.

Одной из форм противодействия этническому экстремизму является судебная лингвистическая экспертиза. Эксперт-лингвист должен предоставить правоприменителю неоспоримые доказательства для дальнейшей квалификации состава правонарушения. В нашем случае – установить корреляцию между юридическими фактами, отраженными в форме текстов предположительно экстремистского содержания, и соответствующими лингвистическими признаками.

Опираясь на многолетний опыт проведения судебных лингвистических исследований в качестве эксперта вне экспертной организации, являясь заместителем председателя Витебской областной комиссии по проведению оценки символики и атрибутики, информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в них признаков проявления экстремизма, нами разработан метод лингвистического маркирования юридических понятий, который можно использовать в экспертной практике по делам об этническом экстремизме.

Использование указанного метода при исследовании спорных текстов предполагает определенный алгоритм действий. Так, в первую оче-

редь эксперт должен установить наличие лингвистических маркёров, значимых для юридической оценки речевого акта как публичного.

Маркёры публичности мы определяем исходя из содержания модели коммуникации Р. О. Якобсона («адресант – информация – адресат») (Якобсон Р. О., 1985). В таком случае распространение информации адресантом должно быть открытым, а адресат должен иметь возможность эту информацию воспринять. Если же адресант стремится исключить из процесса коммуникации третьих лиц (к примеру, использует криптографию), то приватность речевого акта будет сохранена. Также коммуникация не станет публичной, если у адресата при восприятии информации возникнут фонетические, семантические или иные языковые барьеры.

Доказав, что речевой акт является публичным, эксперт устанавливает наличие лингвистических маркёров, коррелирующих с признаками конкретного вербального правонарушения.

В соответствии с диспозициями статей 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» и 361 УК Республики Беларусь призыв к разжиганию национальной вражды или розни может быть реализован либо имплицитно через пропаганду превосходства либо неполноценности граждан по признаку их национальной принадлежности, либо эксплицитно через агитация граждан к участию в несанкционированных мероприятиях по мотиву национальной вражды или розни.

С точки зрения юриспруденции, призывы всегда носят общий характер, тем самым отличаются от подстрекательства к совершению правонарушения конкретным лицом.

В лингвистике призыв опирается на следующую модель: «хочу, чтобы ты сделал это / говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал / знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал» (Бринёв К. И., 2016, 69–71). Исходя из данного положения, укажем лингвистические маркёры, коррелирующие с юридическим понятием «призыв к разжиганию национальной вражды или розни»:

1. Наличие побудительной интенции.

Для квалификации речевого акта как призыва соответствующий лингвистический маркёр должен присутствовать в обязательном порядке. Призыв обычно выражается повелительным наклонением глагола («*Выходи гасить хачей!*») или семантически эквивалентными формами в составе восклицательных высказываний («*Сметём пархатых с лица земли!*»). Возникают также речевые ситуации («*Настал час уничтожить чурок*»), когда призыв выражен так называемым «мягким волнением» (Осадчий М. А., 2019, 116).

2. Наименование способа совершения действия.

Данный лингвистический маркёр является содержательным критерием определения «экстремистского» значения. Соответственно, экс-

перт-лингвист должен назвать те лексемы, которые соответствуют по смыслу определённым в законодательстве способам реализации разжигания национальной вражды или розни (применение насилия, угроза насилием, осуществление террористических актов и т. д.). При этом важно учитывать уровень конкретизации лексем, обозначающих способ совершения действия. Например, если в спорном тексте используются глаголы с выраженным значением («выгони», «уничтожь»), то призыв будет успешным. В ситуации, когда значение глаголов является абстрактным («мы должны решиться», «надо что-то делать») призыв может не найти должного отклика у адресата.

3. Указание на объект действия.

По аналогии со способом совершения действия в ходе лингвистического исследования эксперт должен выявить используемые в спорном тексте лексемы, соответствующие юридической категории «группа лиц, объединенная по национальному признаку». Такими «экспрессивными» лексемами являются инвективы, содержащие интенцию автора унижить представителей рецессивной группы (к примеру, «хачи», «шавки», «чурки», «жиды» и т. д.). Отметим, что далеко не в каждом случае контекст позволяет исследователю эксплицировать объект.

4. Вербализация адресата.

Призыв к совершению экстремистской деятельности, безусловно, будет более успешным в случае вербализации адресата (для сравнения: «Славяне, скажем цыго «Нет»!» и «Скажем цыго «Нет»!»). При этом если адресат не выражен, но другие лингвистические маркёры установлены, коммуникативный акт можно квалифицировать как призыв к разжиганию национальной вражды или розни. Данный лингвистический маркёр не имеет существенного значения при корреляции с соответствующим юридическим понятием.

На наш взгляд, при квалификации состава правонарушений экстремистской направленности подготовленное экспертом заключение на основе метода лингвистического маркирования юридических понятий станет для суда неоспоримым доказательством.

Таким образом, в отличие от выражения национальной идентичности этнический экстремизм проявляется через публичные призывы, обращенные к потенциальным единомышленникам («своим») и направленные на разжигание вражды или розни в отношении группы лиц иной национальности («чужих»).

Литература

1. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М. : Либроком, 2016.

2. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе : книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. М. : ЛЕНАНД, 2019.

3. Фотиева О. Н. Национальная культура и этнополитический экстремизм // Мир науки, культуры образования. 2011. № 1. С. 314–316.

4. Якобсон Р. О. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985.

Ю. Д. Егоркина

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ОБЕРЕГ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. *Ещё с давних времён люди используют обереги для защиты от тех или иных негативных воздействий. В статье рассматривается понятие оберег с точки зрения национальной идентичности в современном мире. Приводятся примеры вербальных и невербальных оберегов, характеризующихся актуальностью в наши дни.*

Ключевые слова: *языковой оберег, лингвокультурная единица, национальная идентичность, защитная функция, суеверность.*

Испокон веков человек старается защитить себя и близких людей от негативного влияния окружающего мира. Для защиты от различного типа опасностей, бед, злых сил люди используют обереги.

Слово «оберег» происходит из северных диалектов русского языка и подразумевает различные магические средства, предназначенные для защиты от опасности. Обереги служат не только для защиты человека, но также для защиты его родных, дома и т. д.

Помимо предметов материального мира оберегами принято считать и словесные формулы. Часто в роли оберегов выступают определенные формы поведения, ритуальные действия или же короткие высказывания, используемые для предотвращения беды.

Словесный, или же языковой оберег – это высказывание, служащее для защиты от различных бед и невзгод, пришедшее к нам из древних времен. Их сила заключается в известных, издревле утвержденных эпических выражениях-формулах. Такой оберег является эффективным способом повседневной защиты от различных неприятностей.

Вербальный оберег является единицей лингвокультурологии. С точки зрения лингвокультурологии под языковым оберегом принято понимать культурный знак, выполняющий защитную функцию (Токарев Г. В., 2014, 5–7).

Также стоит заметить, что вербальные обереги являются отражением национальной идентичности, поскольку они являются частью куль-

турного наследия и языковой традиции определенной общности. Они не только содержат уникальные выражения, свойственные той или иной лингвокультурной общности, но и помогают укрепить чувство принадлежности к определенной культуре и нации, сохраняя традиции и ценности, связанные с берегами.

Цель использования оберегов – защита от потусторонних сил, диких животных, стихийных бедствий, «опасных» мест (*кладбище, болото*), определенного времени (полночь, пятница тринадцатого числа месяца). Особую опасность представляли все пограничные состояния: например, рождение или свадьба, связанные с переходом из одного статуса и мира в другой.

В основе использования оберегов лежит суеверность. Суеверностью принято называть веру в магию, нечистые силы. Суеверные убеждения могут быть распространены в различных культурах и обществах, часто связаны с попыткой объяснить непонятные или страшные явления, контролировать окружающий мир или обеспечить защиту от негативных влияний. Русский народ с давних времён очень суеверен, данная тенденция сохранилась и в наше время. Поэтому оберег является национальной ценностью русской лингвокультурной общности.

Стоит отметить, что использование оберегов актуально и в современном мире. На полках магазинов мы часто можем встретить различные предметы, выступающие в роли невербальных оберегов: аксессуары (*браслет «красная нить», амулет «Чертог медведя», «Семи архангелов»* и т. д.), предметы для дома (*скрутка из полыни, кукла-домовой*), талисманы (*«клевер на удачу»*), а также натуральные камни (например, *«гематит» – камень-оберег, благотворно влияющий на здоровье человека*).

Не только материальные обереги можно встретить в современном мире, но и языковые. К числу вербальных оберегов, которые человек использует каждый день в повседневной жизни относятся такие слова, как: «здравствуйте», «спасибо». Фактическое значение слова «здравствуйте» – пожелание здоровья. Данное выражение произошло от глагола «здравствовать», что означает быть здоровым и благополучным.

Слово «спасибо» представляет собой форму благодарности, буквально означающую «пусть тебя спасет Бог». Это выражение использовалось людьми в знак благодарности, пожелания спасения от Божьего вмешательства.

Здесь же стоит отметить и такие слова и выражения, как: *«слава Богу», «с Богом» («ступай с Богом»), «будь здоров»* и прочие. Эти слова стали традиционными, и мы забыли о том, что они являются словами-оберегами.

Языковые обереги можно встретить и среди детских потешек. Всем известная потешка *«У собаки заболи/ И у кошки заболи/, У медведя заболи/ И у волка заболи,/ А у нашего у Сашеньки Пройди,/ пройди, пройди!»* является оберегом, который служит для изгнания болезни.

Можно найти языковые обереги и в числе поговорок. Всем известное с детства выражение «*Икота, икота перейди на Федота, с Федота на Якова, а с Якова на всякого*», использующееся для помощи человеку, страдающему таким недугом, как икота».

Несомненно, языковыми оберегами являются и молитвы. Молитва – это обращение к Богу или духовным силам с просьбой, благодарностью, покаянием или почитанием. В различных религиозных традициях молитва играет важную роль в общении верующего с высшей силой. Молитва может быть произнесена вслух или быть внутренним размышлением. Примером языкового оберега является молитва «*Вокруг меня круг, чертила его не я, а Богородица моя. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь*». Данное выражение принято использовать в те моменты, когда на человека надвигается опасность.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что языковой (вербальный) оберег является лингвокультурной единицей, которая не утратила актуальности и в современном мире.

Литература

1. Токарев, Г. В. Языковой оберег как лингвокультурная единица // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика : Материалы научной школы – 2014. Тула : ИПО С-Принт, 2015. С. 5–7.

Н. Н. Захарова

*Тульский государственный университет
(Тула, Россия)*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СЕТЕВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. В статье исследуется использование и образование прецедентных феноменов как знаков вербализуемых в коллективном словесном творчестве в рамках сетевой коммуникации национально обусловленных представлений о культурно значимых фактах современной действительности.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, массовая культура, сетевой фольклор.

Текстовыми источниками для лингвокультурологического анализа послужили такие малые жанры сетевого фольклора, как пирожки, порошки, экспромты, тиражируемые в социальных сетях и приспособленные для удовлетворения коммуникативных, эстетических и эмоциональных потребностей широких масс людей. Интернет-коммуникация способствовала концептуальным изменениям в публичных формах обще-

ния – она привела к ориентации на сферу быта, культуру повседневной жизни, фатическую коммуникацию и более того – когнитивную сферу массоизированного индивида.

Использование прецедентных феноменов в современном народном творчестве обусловлено следующими факторами:

- более высоким уровнем культурной компетенции современного человека, связанным с доступностью культурной информации в сети;

- новыми формами социализации и инкультурации современного человека и коммуникативного взаимодействия в цифровой среде;

- массовым тиражированием культурных образцов, модой на популяризацию классических произведений;

- виртуальным эскапизмом, когда киберпространство представляется формой жизни, отличной от физической реальности, и позволяет по-своему структурировать фрагменты реальности, особенно в том случае, если она представляется абсурдной, неразумной, угрожающей нравственным ценностям, традициям, жизни и возможности прогнозировать будущее;

- потребностью в профанизации тех идеологем, которые представляются коммуниканту изжившими себя, ложными или неприемлемыми.

Погружая адресата в прецедентное поле культуры, обогащая его кругозор воспроизводимыми, тиражируемыми в обществе прескрипциями, прецедентными высказываниями, получившими значение обязательных, мид-культура закладывает определенные паттерны поведения, апеллируя к авторитетным личностям. И в то же время особенностью современной смеховой культуры является варваризация, «мемизация» известной личности или события, когда текст содержит не отсылку к реальному факту, а его ироничную интерпретацию профанным сознанием массоизированного индивида: *«казимир малевич / рисовал портрет / просто в это время / выключили свет»* (orlovca). – *«детей труду и физкультуре / дистанционно обучив / в поту от ужаса проснулся сизиф»* (NataliE). – *«созрели вишни и крыжовник / но чернышевский был не прост / сидел и ждал пока созреет / вопрос»* (Elvira) (авторская орфография и пунктуация сохранены).

Такие стихотворные поделки стремятся быть регулятором когнитивной сферы личности: ее восприятия культурных фактов, ценностной базы, стратегий поведения: *«в рубенса полотна / понимаешь люсь / без бутылки водки / точно не врублюсь»* (Murppp). – *«знает на Гавайях / всяк абориген / к куку подается / лук вино и хрен»* (Андрей Хвальский). При этом довольно часто вылезает зоценковский тип, варварски кромсающий то, что мировой культурой признано как эталон: *«и не запахло вам / пикассо пабло / женщинам такие / рисовать табло»* (Lara).

Сетевой фольклор, актуализируя прецедентные феномены, становится механизмом распространения ведущих концептов, имен, пре-

скрипций в упрощенном, доступном виде; тиражируются и приспособляются к массовому сознанию культурно значимые факты. В стихах появляются прецедентные высказывания, определяющие оценочный модус восприятия реальной жизни и провозглашающие определенный образец поведения личности и фактор ее успешности через апелляцию к культурно значимому факту, личности: *«жена читает письма мужа / чужой жене на мейл ру / сквозь слезы шепчет гений гений / литературный сукин сын»* (МОРГЕНМУФФЕЛЬ).

В пирожке *«всё пойдет по маслу / делают прогноз / у меня же сразу / в мыслях Берлиоз»* (Vetchij) семантика текста подпитывается прецедентной ситуацией непредсказуемости трагического финала булгаковского персонажа, при этом из фрейма философской беседы о человеке как субъекте своего жизнеустройства и предопределенности событий некими трансцендентными силами выбирается и реализуется в бытовой ситуации лишь слот полемичности диалога и недоверия будущему. Высказывание *«Аннушка уже пролила масло»* стало тиражируемым в современном узусе, отвечая фатализму, свойственному русской ментальности как восточному типу культуры. Стихи становятся дидактическим конструктом, предупреждающим, что не стоит верить оптимистическим прогнозам, поскольку социальный опыт скорее трагичен.

Виртуальные постулаты стремятся убедить нас в том, что реальная жизнь соответствует скорее пессимистической картине и человек, воспринимающий жизнь как безрадостное бытие, ближе к истине. В пирожке *«меня встречает огнегривый / исполненный очей карась / и говорит не надо больше / не крась»* (Niloff) лексические компоненты «огнегривый» и «исполненный очей» указывают на прецедентный текст культовой песни XX века на стихи А. Волохонского и музыку В. Вавилова, исполняемой Б. Гребенщиковым: *«Одно как рыжий огнегривый лев, / Другое – вол, исполненный очей. / Третье – золотой орёл небесный, / Чей так светел взор незабываемый... Мы встречаем образы из Книги пророка Иезикииля: «И образ лиц их – лицо человека, и лицо льва – справа у (каждого из) четырех, и лицо быка – слева у (каждого из) четырех, и лицо орла у (каждого из) четырех. И (таковы) лица их» (Иез, 1:10) В Откровении Иоанна Богослова тетраморф представлен в образе единого антропоморфного существа с четырьмя лицами: человека, льва, быка и орла – стражами пределов рая (Таран Г.).*

Мотив недостижимости мечты звучит саундтреком в фильме С. Соловьева «Асса», где влюбленные, которым не суждено обрести счастье любви и воссоединения, уплывают в бесконечность в кабине канатной дороги. В прецедентных феноменах содержится образ души-странницы, которой недоступно обрести рай на земной стезе. Прекрасные мифические существа напрасно ожидают человека. В порошке же место небесных существ занимает карась, выносящий приговор: сказка

о рае, сотворенная фантазией, есть обманчивый, лукавый придуманный мир, вслед за развенчанием которого идет горькое послевкусие – еще большее разочарование в реальности, звучит в императивной и категоричной форме запрет на идеализацию – *«не надо больше / не крась»*.

«Разгероизация» знаменитых мифологических Атлантов, воспетых А. Городницким, происходит в следующем тексте: *«атланты перестали небо / держать на каменных руках / и трут замерзшие ладони / и мнут усталые ступни (Неусита)*. Наблюдаем явную полемику не только с многовековой мифологической историей, но и с константами советской культуры, где восславляется долготерпение, сила и мощь героев, продолжающих исполнять свою миссию, несмотря на оставленность («забытые в веках») (вспоминается прецедентное высказывание «Кто, если не мы?»). В прецедентном тексте песни советского автора образная система и оценочная окрашенность текста создают апофеоз советскому типу личности. Профанизируя образ Атлантов, автор текста порошка намекает на то, что приходит время, когда даже титаны устают, и пора повернуться от пафоса долга и ответственности к живому человеку, человеку другого времени, который отвергает социальное бремя в силу своей усталости. Что же произойдет с небесным сводом, остается за пределами стиха.

На глубочайший разрыв между поколением начала XX века с его философскими и религиозными чаяниями определить русскую национальную ментальность как соборное движение к Богу и человеку (богоискательство Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и др.) и нынешним безбожным поколением, представляющим *tabula rasa* – гносеологической пустотой без внутреннего духовного содержания, указывает следующий пример: *«олег купил богоискатель / но был обманут продавцом / его заклинившая стрелка / везде показывает вверх»* (karim-abdul). В эмпирическом опыте нового поколения не содержится представления о божественной вертикали, по которой воспаряет душа.

Интересны примеры, когда каламбурный эффект, семантическая двуплановость стихотворения, большая информативность при малом объеме формируются опорой на национально детерминированные минимизированные представления, которые существуют в коллективной когнитивной базе и поддерживаются в коллективной памяти постоянной дискурсивной актуализацией, на которую и рассчитывает автор каламбура: *«в эту ночь грешили самураи / ну совсем границы перешили», «себе я памятник воздвигну / и тропку буду подстригать», «пятнадцать лет не говоривший / лежащий в комнате иван / издал вдруг нечленораздельный / роман», «завела подруга / дюжину котов / нет не тот песок я / целовать готов»*. Без удержания в памяти ироничного оценочного отношения к ситуации восьмидесятых – стремительного ухода из жизни стареющих руководителей компартии и страны и сопро-

вождающего этот уход медийного коллапса – невозможно восприятие не как абсурдного неожиданного вывода: *«вот так решаешь судьбы мира / находишься во цвете лет / вдруг хоба и всем каналам / балет»*. Без знания советской идеи коммунизма алогичным представляется высказывание *«мы в светлом будущем стояли / с тоской в глазах смотря назад»*. Изменения культурной компетенции постперестроечного поколения могут провоцировать изменения в коллективной когнитивной базе, в том числе и в аксиологическом восприятии тех или иных культурно значимых событий, приводить к разрывам в передаче национально, культурно и коммуникативно значимой информации, которая определяет национальную идентичность представителей этносоциума.

Как уже отмечалось, варваризованная семантическая интерпретация прецедентного феномена, деидеологизация эталонов политической советской культуры выполняет функцию концептуальной смены идеологием, когда сознательное осмеяние имени, выполнявшего роль авторитета, на котором держались прескрипции, паттерны поведения, идеалы предшествующей системы, выполняет расчистку идеологических Авгиевых конюшен прошлого: *«в постель к надюше заползает / ильич в настрое озорном / а от него изрядно пахнет / бревном»* (Икигаев). Если «бревно» как атрибут прецедентного имени *Ленин* для советского поколения неминуемо воскрешает ленинскую инициативу коммунистического субботника и представляет непререкаемый паттерн поведения советского человека, то для поколения начала XXI века сексуальный подтекст может быть реализован и без знания прецедентной ситуации, если за собственными именами Ильич и Надюша молодые люди вообще способны понять, о каких персоналиях идет речь. Возможно, автора этого креатива ждет коммуникативная неудача, поскольку разорвана идеологическая преемственность поколений.

Сетевой фольклор, имеющий возможность тиражироваться в широких масштабах, служить источником бесконечной сетевой коммуникации, не исключая возможности неограниченной семантической и языковой игры и дискурсивного преобразования в зависимости от актуальных событий и изменения оценочных препозиций, сам создает прецедентные феномены. Так, прецедентное имя *Наполеон* получает еще один семантический вариант, коннотативно очень насыщенный, – ‘пациент психиатрической больницы с манией величия’: *«предупреждал наполеона / что бубен отберут врачи / а он твердил по барабану / стучи»*. В сети возникает персонаж *Трудовик* – «...учитель труда в средней школе; иногда, чаще в сёлах, ещё и собутыльник, подельник и свой чел для школьников», неудачник и алкоголик, работающий за копейки, как объясняет значение образа Неолурк, «народная википедия, территория свободных художников и их творчества» (Неолурк): *«Трудовик подменяет физрука: – Дети, берите лыжи, будем делать из них*

табуретки», при этом «*табуретки*» становятся атрибутом данного прецедентного имени

В поэтических сетевых миниатюрах проходят путь стереотипизации имена *Олег, Аркадий, Оксана, Татьяна*. *Олег* – кидалт, инфантильный неудачник, маменькин сынок: «*олег устроен очень просто / он то что видит то поет / а если накрывают тряпкой / то засыпает и молчит*» (Петкутин), «*олег на первое свиданье / пришел к оксане не один / с ним мама ...*» (Arhistratig), «*олег по лестнице карьерной / упорно катится в карьер*», «*олег прикинулся собакой / чтоб не платить за газ и свет ...*» (kozokryl). *Оксана* – женщина легкого поведения: «*олег при помощи линейки / измерил тысячу рублей / вот так и ты оксана мерись / любовь*», «*оксана между занавеской / и стенкой голая стоит / и представляет дом прозрачным / и будто все ее хотят*». *Аркадий* – активный тип, бунтарь, действия которого представляются бессмысленными или опасными: «*груз лапши аркадий / выносить не мог / и решил проблему / методом ван гог*», «*поедем говорит аркадий / петр отвечает а куда / достали говорит аркадий / твои вопросы не о том*» (zhigaltsev), «*аркадий выловил всю рыбу / и обезрыбела земля / нехорошо ворчит создатель / и снова рыбу создает*» (Михаил Гаевский). Все эти типы рожают героев низовой культуры, обрисовывают их поведенческие паттерны, «подсказывают» эмоционально-оценочное восприятие их действий.

Итак, наблюдения над функционированием прецедентных феноменов показывают, что их включение в семантическое поле сетевого фольклора формирует среднее поле культурной компетентности современного человека, мид-культуру современного российского общества, удовлетворяет потребность в общении, социализации и креативном самовыражении людей, позволяет организовать и направлять коллективную креативную деятельность, которая расширяет возможности использования единого семиотического кода в рамках одного этносоциума.

Литература

1. Неолурк, народный Lurkmore. URL: <https://neolurk.org/wiki/Трудовик> (дата обращения: 26.01.2024).
2. Таран Г. Город золотой... Так о чем же песня. URL: <https://poembook.ru/роем/2227800> (дата обращения: 26.01.2024).

Д. А. Золотухина

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ В СФЕРЕ FASHION-ИНДУСТРИИ

Аннотация. *Мода – это обширная индустрия со спектром функций, которые охватывают постоянно развивающиеся творческие и коммерческие результаты. Поэтому таланты, желающие присоединиться к нему, должны иметь четкое и обоснованное представление о том, куда они хотят идти и чего хотят достичь.*

Ключевые слова: *трансфер знаний, кадровый потенциал, fashion-индустрия, идентичность.*

Национальная идентичность в сфере fashion-индустрии может быть проявлена и передана через трансфер знаний. Трансфер знаний означает обмен и передачу опыта, навыков и идей между различными культурами и нациями. В случае fashion-индустрии, трансфер знаний может осуществляться через различные каналы, такие как международные модные показы, образовательные программы, совместные проекты и коллаборации.

Когда национальные дизайнеры и бренды представляют свои коллекции на международных показах моды, они не только демонстрируют свои творческие идеи, но и передают особенности и культурное наследие своей страны. Модельеры могут использовать элементы традиционной одежды, национальные мотивы, цвета или техники, чтобы выразить свою национальную идентичность и привлечь внимание мировой аудитории.

Трансфер знаний в fashion-индустрии также происходит через образовательные программы. Многие страны предлагают обучение в области моды, которое включает изучение истории моды, дизайна, текстиля и технологий производства одежды. В рамках таких программ студенты могут познакомиться с различными культурами и национальными традициями, что способствует расширению их кругозора и возможности учиться у талантливых дизайнеров из разных стран.

Кроме того, совместные коллаборации между национальными брендами и дизайнерами из разных стран способствуют трансферу знаний и обмену опытом. Такие проекты могут включать разработку совместных коллекций, обмен технологическими решениями или использование уникальных ремесленных навыков и традиций разных культур в дизайне одежды.

Феномен «культурных / творческих / креативных индустрий», как предмет исследовательского интереса, был актуализирован в последние

десятилетия XX в связи со структурными изменениями в процессе производства и потребления в сфере культуры. На данный момент эта тема все чаще привлекает внимание специалистов в области культурологии, социологии, философии и экономики культуры, арт-менеджмента и маркетинга – как теоретиков, так и практиков. Особое значение данного сегмента социокультурного пространства подчеркивается в активно разрабатываемых концепциях и программах федерального, регионального и городского развития, проектах в рамках государственной культурной политики (1, 2).

В последние годы индустрия моды начала использовать таланты, не входящие в ее непосредственный кадровый резерв, чтобы уменьшить существующие пробелы в навыках и диверсифицировать рабочую силу.

Действительно, согласно данным Harvard Business Review (HBR) (4), профессиональные переходы становятся обычным явлением: менее трети выпускников колледжей в конечном итоге работают на должностях, тесно связанных с их специальностью. Более половины из тех, кто уволился с работы в 2021 году, с тех пор сменили сферу деятельности или род деятельности. Это происходит во всех возрастных группах: люди, которые пытались сменить карьеру после 45 лет, сообщают об успехе в 82 процентах случаев – признак того, что профессионалы всех уровней старшинства, стремящиеся перейти в моду, могут использовать свои уже существующие знания и опыт, чтобы открыть отраслевые возможности.

Задача заключается в способности талантливых людей обобщать свои навыки и демонстрировать, как их можно применять в новой области и создавать ценность в новых контекстах, чему, по мнению экспертов, следует обучать на университетском уровне. Причина, по которой мы наблюдаем дефицит квалификаций, заключается в том, что колледжи только начинают осознавать, что нам могут понадобиться междисциплинарные факультеты, которые помогают людям.

Работодатели должны осознавать свою личную заинтересованность в поиске кандидатов из различных кадровых резервов для стимулирования инноваций (4).

Индустрия моды – это совокупность предприятий, занимающихся разработкой, производством и продажей одежды, обуви и различных аксессуаров. В отличие от других производственных сегментов рынка, предприятия индустрии моды имеют тесную связь с социокультурным аспектом развития современного общества, поскольку продукция таких предприятий подчеркивает социальный статус потребителей, их эстетические вкусы и предпочтения, культурные различия и многое другое. Другие социальные стороны жизни. Индустрия моды – одна из немногих отраслей современной экономики, опирающаяся на социально-ценностный аспект потребления, под которым следует понимать сово-

купность способов и способов самовыражения (представления) человека посредством приобретения и использования конкретных категорий товаров (5).

За прошедшие годы были созданы различные формы и методы стратегического и бренд-менеджмента. Эта отрасль экономики специфична; от традиционных он отличается особенностями функционирования и привлечения инвестиций. Сегодня экономическая активность в этом сегменте рынка характеризуется массовостью. Он обладает всеми свойствами экономических объектов: продуктовой и региональной диверсификацией, слияниями и поглощениями, большими объемами инвестиций, сложным производственно-технологическим процессом, активным участием на фондовом рынке (1).

Научный дискурс об индустрии моды довольно обширен. Так, существует множество исследований об этимологической и философской стороне индустрии моды (2, 3), о культурном феномене (4) и социальных взаимодействиях людей посредством стиля (5). В условиях усложнения экономических процессов, появления феномена развивающихся рынков, консолидации бизнеса, развития системы маркетинговых коммуникаций и подходов к долгосрочному удержанию внимания потребителей научный дискурс об индустрии моды стал активнее. перешла в плоскость анализа долгосрочных конкурентных преимуществ. Вопросы управления брендом и другими нематериальными активами стали играть жизненно важную роль. Трансформация экономики в сторону развития способности использовать экономический потенциал творчества человека привела к быстрому становлению креативной экономики. Индустрия моды имеет широкий спектр влияния на разных уровнях – от государственной политики в области решения национальной безопасности, отраслевых вопросов или конкурентоспособности компаний за счет предоставления актуальных и модных вещей.

Сегодня индустрия моды неразрывно реагирует на экологические вызовы, что делает эко-повестку чрезвычайно актуальной для дальнейшего стратегического развития. Трансформации касаются и современных потребителей – на первый план выходит этическая сторона. В связи с этим многие корпоративные игроки пересматривают свои стратегические документы в сторону экологизации бизнес-процессов. Качественные инновации как источник решения задач снижения негативного воздействия внешней среды, а также отраслевое превосходство становятся ключевыми факторами успеха на высококонкурентном рынке.

Итак, специалисты в сфере культурных / творческих индустрий отмечают ряд ключевых проблемных точек в их функционировании. Первая сложность – раздробленность профессиональных сообществ. И здесь, на наш взгляд, есть огромный потенциал: привлечение креативных площадок к образовательным проектам вузов не только поможет сфор-

мировать актуальную теоретико-технологическую базу, но и будет способствовать консолидации специалистов, задействованных в подобного рода коллаборациях (3).

Вторая сложность – территориальная неравномерность в развитии креативной среды. Стратегия моды как основа долгосрочного развития легкой промышленности и модных предприятий открывает новые горизонты деятельности, усиливает синергетический эффект всех факторов производства, подчеркивает ДНК культурных и творческих индустрий – уникальные нематериальные активы, выраженные в творчестве. Успешное предпринимательство в этой сфере требует умения адаптировать коммерческие продукты к интересам и ценностям целевой аудитории, выявлять стратегические тенденции и закономерности, а также увеличивать или создавать свои конкурентные преимущества.

Индустрия моды может помочь решить проблемы, связанные с достижением спортсменами высоких результатов, создавая уникальные технологичные предметы одежды.

Таким образом, трансфер знаний в сфере fashion-индустрии играет важную роль в передаче национальной идентичности. Он помогает расширить границы и преодолеть культурные различия, способствуя обогащению и развитию мировой моды.

Литература

1. Барнетт Р. Осмысление университета // Теоретические вопросы образования : хрестоматия / сост., под ред. : М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова, А. М. Корбута. Минск : БГУ, 2013. С. 5–29.

2. Гордин В. Э., Кузьмина К. А., Никольская М. В. Анализ образовательного потенциала креативных пространств // Междунар. журн. исследований культуры. 2017. № 1 (26).

3. Зеленцова Е. В., Мельвиль Е. Х. Развитие творческих индустрий в России: проблемы и перспективы // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6).

4. Зеленцова Е., Мельвиль Е. Культурная политика и экономика культуры: тезисы для сборки региональных стратегий. М. : Арт-транзит, 2022.

5. Косолапова Е. А., Стеклова И. А. Креативное пространство: диалектика мотивации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3.

Э. А. Китанина, Н. Г. Ерёмченко
*Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)*

ПРОЯВЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ СВОЙ/ЧУЖОЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ МАСС-МЕДИА

Аннотация. В статье на актуальном языковом материале рассматриваются лингвосоциокультурные аспекты оппозиции свой/чужой применительно к религиозному дискурсу. Авторы, опираясь на традиционные научные представления, предлагают своё видение оппозиции свой/чужой в претерпевших значительные изменения православных масс-медиа.

Ключевые слова: язык, культура, оппозиция свой/чужой, православие, масс-медиа, религиозная лексика, языковые средства.

Особенности языка масс-медиа, как и сетевого дискурса в отдельности, подвергается всё большему обсуждению в рамках научной дискуссии.

«Средства массовой информации и коммуникации синтезируют в себе главные, основополагающие черты культуры и цивилизации как двух ипостасей творческой деятельности человека. С одной стороны, они по своей глубинной сущности являются продуктами цивилизационной деятельности человека, с другой – оперируют главным продуктом национально-культурного творчества человека – языком» (Романова Т. В., Винокурова А. С., Маликова Д. А., 2021, с. 7). В научной лингвистической литературе затрагиваются вопросы функции языка, отражение и концептуализация ценностей общества в языке, проявления особенностей языкового менталитета в языке в рамках социолингвистики и лингвокультурологии. «Рассматривая функции языка, исследователи едины в признании коммуникативной функции в качестве важнейшей объяснительной причины существования языка» (Карасик В. И., 2023, с. 236). Если рассуждать более конкретно, то, воспринимая коммуникативную функцию языка как основную, необходимо выделить важнейшую роль коммуникации – воздействие на адресата; в масс-медиа мы наблюдаем воздействие именно на массового адресата. Этот механизм сегодня недостаточно описан – особенно относительно православных электронных СМИ, ведущих диалоги с разными аудиториями, адресатами, читателями современной религиозной прессы.

Здесь необходимо отметить, что, во-первых, существует довольно большое количество речевых жанров, разнообразие типов институционального дискурса, широта охвата аудитории, имеющей различные ценностные установки в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе (страте) социума. По наблюдению В. И. Карасика,

«с позиций лингвокультурных скриптов в центре нашего внимания оказываются нормы и предписания поведения, обусловленные системой ценностей в обществе» (Карасик В. И., 2019, с. 222), то есть «одним из наиболее значимых является *социальный фактор*, с которым часто связан фактор *аксиологический*: владение/невладение определёнными жанрами, как и само использование того или иного жанра, может выступать в качестве оценочной характеристики как в национально-культурном, так и более частном внутрикультурном или групповом плане» (Алпатов В. М., 2007, с. 31).

Во-вторых, в разных этносах существует своё национальное восприятие того или иного фрагмента языковой картины мира. Известный исследователь функциональной семантики и структуры оценки Е. М. Вольф отмечает: «...вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо/плохо». Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность» (Вольф Е. М., 2020, с. 9). В то же время, опираясь на позицию Ю. Д. Апресяна, мы можем сказать, что знания о мире носят как универсальный, так и национальный, особенный характер (Апресян Ю. Д., 1995, с. 5–6). Грани национального характера и демонстрируют православные медиатексты. Т. Б. Радбиль, говоря о национальной специфике лексической системы любого языка, отмечает особо важный аспект: содержательный компонент национальной специфики в лексике языка и, прежде всего, это «своеобразие способа представления того или иного содержания..., как некий смысл выражается в лексике данного языка, т. е. *интерпретационный* компонент национальной специфики» (Радбиль Т. Б., 2010, с. 113). Именно в религиозной лексике, её интерпретации содержатся те языковые особенности, которые разделяют мировосприятие на хорошее и плохое, на *своё* и *чужое*. Ю. М. Лотман отмечает: «Типичной является интерпретация противопоставления «своего» и «чужого» в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции «хороший» – «плохой», – с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру (Лотман Ю. М., 1969, 465–466).

В современных же православных масс-медиа мы уже не наблюдаем «в чистом виде» данного явления. Сегодня «концептуализация ценностей моделируется с помощью трёхмерной схемы содержания любого регулятивного ментального образования и включает понятийное, образное и собственно ценностное измерения» (Карасик В. И., 2019, с. 140). Акцентируя внимание на языковых средствах и культурных особенностях, транслирующих вековую оппозицию *своё/чужое*, которые способствуют формированию и укреплению данной оппозиции в медийной среде, можно констатировать тот факт, что за последние десятилетия религиозные темы заняли центральное место в общественных дискуссиях, в политическом дискурсе, усилилась их роль в масс-медийном прост-

ранстве. В фундаментальном труде Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» отмечается, что противопоставление «своих» и «чужих» в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов Ю. С., 1997, с. 472). Ср.: *Вечером 7 января 2022 года, в праздник Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил великую вечерню в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве (Журнал «Православная беседа», 7 января 2022 года)*. Мы видим, что это важное религиозное событие, связанное с празднованием Рождества Христова, является значимым для православного сообщества, участие в таких торжественных мероприятиях приносит верующим особое духовное восхождение, а Храм Христа Спасителя является символом и центром религиозной жизни в России, безусловно, это восприятие «своего», не «чужого». Следует отметить, что даже заимствованная лексика (*митрополит, дискриминация, саммит*) воспринимается как своя, русская. Ср.: *Преследование и даже физическое уничтожение христиан в целом ряде стран Ближнего Востока и Африки, а также дискриминация верующих Украинской Православной Церкви стали главными темами выступления председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона на Международном саммите по вопросам религиозной свободы в Вашингтоне. (Журнал «Православная беседа», 18 июля 2021 года)*.

Т. Б. Радбиль, говоря о национальной специфике лексической системы любого языка, отмечает особо важный аспект: содержательный компонент национальной специфики в лексике языка и, прежде всего, это «своеобразие способа представления того или иного содержания..., как некий смысл выражается в лексике данного языка, т. е. *интерпретационный* компонент национальной специфики» (Радбиль Т. Б., 2010, с. 113). Исследователи религиозной лексики (В. А. Шумкова, Р. В. Багдасаров, А. В. Афанасьева, Е. В. Родионова и мн. др.) анализируют лингвокультурные особенности концептов *своё/чужое* по отношению к православным масс-медиа – это и маркеры конфликтности, и проявление ценностей, и бинарная оппозиция, но исследовательских работ по интерпретации религиозной лексики в, например, в социокультурном аспекте, в современных православных медиа нет. Видимо, это связано с тем, что «одним из наиболее значимых является *социальный фактор*, с которым часто связан фактор *аксиологический*: владение/невладение определёнными жанрами, как и само использование того или иного жанра, может выступать в качестве оценочной характеристики как в национально-культурном, так и более частном внутрикультурном или групповом плане (Алпатов В. М., 2007, с. 31). Ранее считалось, что «в рели-

гиозном дискурсе оппозиция *свой/чужой* является доминирующей. Типичной является интерпретация противопоставления «своего» и «чужого» в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции «хороший» – «плохой», – с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру (Лотман Ю. М., 1969, с. 465–466). Однако вышеназванный социальный фактор не даёт такого однозначного подхода. Медиатексты в современных православных масс-медиа часто содержат гибридную лексику как «дань времени», как приём воздействия на массового адресата разных социальных страт социума, как один из видов манипуляции сознанием.

Творцы «великой перезагрузки» не стесняются своих политических (ликвидация государств и передача власти мировым глобалистским структурам) и антихристианских религиозных целей. Современная американская «демократическая» политология устами Джоэла Коткина прямо называет протестантов, пропагандистов и политтехнологов «великой перезагрузки» и «нового дивного экологического мира» и его ЛГБТ «ценностей» «новым клиром». Чьим клиром? (Журнал «Православная беседа», 19 июля 2021 года). В данном медиатексте основной смысл передаётся такими языковыми средствами, которые понятны всем адресатам (жаргонизм *перезагрузка*; термины из разных сфер: *политология, клир, экологический мир*; лексика разговорного стиля – *не стесняются*). Представление о «своем/чужом» формировалось в древности, отражая особенности архаического сознания подмечать и фиксировать существующие в мире объективные противоположности. Для древнего сознания характерна дуалистичность, отражающая «извечную конфликтность» реальности (Китанина Э. А., 2005, с. 11).

В современных православных масс-медиа по закону публицистики ширится спектр языковых единиц, «призванных» воздействовать на каждого. Авторы медиатекстов – представители разных профессий, родов деятельности, возрастов, социального статуса (служители церкви, журналисты, юристы, художники, преподаватели, студенты, домохозяйки). Реальность, таким образом, многогранна, многоаспектна, что отражается в названиях православных медиа: Православие.ру; ОТРОК.аи; Благовест-инфо; Седмица.Ру; Газета «Церковный Вестник»; Журнал Московской Патриархии; Церковный вестник; Православие и мир и др. Популярны интервью авторитетных служителей церкви. Например, в интервью с митрополитом Черкасским и Каневским Феодосием от 13 января 2024 года отражены актуальные проблемы современного социума – *«так называемое «право на аборт», «права ЛГБТ-сообщества», «право на эвтаназию» и т. д., и т. п. Эти движения, по сути, являются не «защитой прав» носителей этих идей, а агрессивным навязыванием этой повестки окружающим людям. Под видом «защиты прав» этих сообществ мы наблюдаем открытую войну против хри-*

стианских ценностей, да и в принципе против традиционных ценностей здорового человека. Наши двери открыты для людей доброй воли и традиционных ценностей жизни (Портал «Православная жизнь», 13 января 2024 года). Адресант, признавая иную, «чужую», не «свою», то есть чуждую ему сторону жизни манифестирует традиционные ценности жизни. Нередко читатели электронных православных газет и журналов пишут о наболевшем:

«Не могу ходить в церковь. Там толстые и жадные священники на дорогуших иномарках. Не хочу иметь с ними ничего общего» (Православный журнал для молодёжи «ОТРОК.иа», 29 января 2024 года). Транслируя крушение традиционного отношения к святым ритуалам, адресат таких текстов как бы помещает в своём сознании иное восприятие своего/чужого.

Нередко, основываясь на известных образных диадах (*свое/чужое*), как будто рассуждая от обратного, автор медиатекста формулирует свою мысль семантически инверсионно. Ср.: *Апостол Иаков говорил, что лучшими верующими часто являются... бесы. В отличие от нас бесы не просто верят. Они ведь всё своими глазами видели и на себе испытали, как чистота и свет превращаются в мрак и вонючую чешую* (Телеграмм-канал «Русская народная линия», 25 января 2024 года). И ещё: *Ты можешь сидеть в какой-нибудь каморке, но ощущать себя в раю. Или: Когда сейчас говорят:*

«Давайте вернем цензуру, в советское время все было так хорошо, так нравственно», – это вранье! Не было нравственно и не было хорошо (Портал «Православие.ру», 20 января 2024 года). Данные новообразования в диалоге как с конкретным, так и с массовым адресатом (ведь виртуальное пространство открыто для всех пользователей) «используются в реальном и виртуальном коммуникативных пространствах, отражая тенденции развития русской лингвокультуры» (Kitanina E. A., Trukhanova D.S., 2020, p.83).

Таким образом, концепты *свое/чужое* в современных православных масс-медиа, во-первых, могут быть отнесены к числу базовых общезнаковых концептов русской лингвокультуры – одновременно они по-новому отражают специфическую логику, свойственную именно носителям русской лингвокультуры. Во-вторых, концепты *свое/чужое* по-разному интерпретируются в различными социальными группами современного общества.

Литература

1. Алпатов В. М. Заимствования из английского языка и жанровые особенности // Жанры речи. Саратов : ИЦ «Наука». 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 345–351.

2. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Апресян Ю. Д. Избранные труды. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. С. 767.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020.
3. Карасик В. И. Языковые мосты понимания : моногр. М. : Дискурс, 2019.
4. Карасик В. И. Языковое преобразование реальности : моногр. М. : Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2023.
5. Китанина Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: моногр. Ростов н/Д, 2005.
6. Лотман Ю. М. О языке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам. Тарту. 1969. Т. IV. С. 460–475.
7. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2010.
8. Романова Т. В., Винокурова А. С., Маликова Д. А. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации : моногр. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2021.
9. Kitanina E. A., Trukhanova D. S. Semantic Transformations of Word *bomb* and Its Derivatives as a Reflection of Shifts in the Linguistic Picture of World. *Nauchnyi dialog*. 2020; (4): 74–86.

Ю. И. Кузина

*Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

**КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО
В СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА «ПРОЩАНИЕ»
КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ:
НА МАТЕРИАЛЕ РАННИХ ПИСЕМ ПИСАТЕЛЯ К ЖЕНЕ**

Аннотация. Характеризуется коммуникативное поведение Л. Н. Толстого в ситуации речевого жанра «Прощание» (на материале посланий 1860–1870-х гг. к жене). Определены конкретные правила и приёмы достижения успешной коммуникации писателя. Сделан вывод о том, что эпистолярное наследие Толстого отражает черты русского национального характера, а также самобытный и уникальный феномен мирового масштаба автора.

Ключевые слова: язык, культура, идентичность, Л. Н. Толстой, эпистолярный жанр.

На современном этапе развития лингвистической науки антропоцентрическая парадигма является одной из наиболее масштабных. Е. С. Кубрякова отмечает: «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования» (Кубрякова Е. С., 1995, 212).

Согласно данному принципу, речь и язык рассматриваются в первую очередь как продукт деятельности человека и средство коммуникации, который составляет основу национальной и индивидуальной идентичности. Социальные, психологические, национально-культурные, когнитивно-прагматические факторы становятся ведущими аспектами в контексте изучения языковой картины мира.

Очевидное превалирование интереса к исследованию личности как субъекта коммуникации, к прагматическому аспекту обуславливает актуальность исследования. Верно указывает Т. С. Наумова: «В связи с названной тенденцией сегодня акцент делается на исследовании своеобразия, непохожести коммуникативного поведения различных личностей и групп людей, что позволяет выявить потенциальные коммуникативные трудности человека говорящего» (Наумова Т. С., 2009, 3).

Величие Л. Н. Толстого – человека, мыслителя, писателя – неоспоримо. Несмотря на разнообразие аспектов и методов исследования наследия великого русского писателя, количество трудов, посвящённых именно коммуникативным свойствам личности, достаточно невелико.

Материалом работы послужило эпистолярное наследие Толстого, а точнее, ранние письма Льва Николаевича, обращённые к жене. Письма являются бесценным источником информации, так как их смысловое содержание включает биографические, культурные и психологические компоненты, а структура, представленная в виде модели диалога, позволяет выявить определённые приёмы коммуникативного поведения. А. Г. Балакай подчёркивает: «Стилистический синкретизм эпистолярного стиля, обусловленный полифункциональностью письма как средства коммуникации, делает эпистолярный стиль открытым для разнообразных лексико-фразеологических и грамматических средств» (Балакай А. Г., 2002, 182).

Безусловно, в зависимости от адресата эпистолярные тексты автора определяются различными жанровыми формами. Романтический цикл посланий к С. А. Толстой, насчитывающий 840 писем, написанных в 1862–1910 гг., является одним из интереснейших в плане содержательного и языкового исследования. С. А. Розанова отмечает, что письма Толстого к жене можно разделить на два типа: «... одна – о любви состоявшейся, счастливой, цельной, вдохнувшей в опустевшую Ясную Поляну жизнь истинную, полную, давшую её владельцу желанный дом,

семью, детей. Другая – тоже о любви, но уже драматической, омрачённой разладом на почве духовного разъединения» (Розанова С. А., 1984, 772).

Письма Толстого к Софье Андреевне определяются семейно-дидактической тематикой. Как известно, на протяжении всей жизни писатель проявлял интерес к проблемам семейного уклада, общей атмосфере в отношениях между мужчиной и женщиной, взаимоотношениям с детьми и др. Несомненно, в разные периоды жизни Толстого происходили изменения в его мировоззрении, касающиеся в том числе и взглядов на различные вопросы семейной жизни.

Учитывая многогранность содержания и разнообразный характер посланий к С. А. Толстой, ограничимся рассмотрением посланий 1860–1870-х гг., а также конкретной ситуацией речевого этикета «Прощание».

Традиционно в русской культуре речевые формулы прощания способствуют вежливому завершению диалога и помогают оставить собеседнику положительное впечатление о себе. Рассматривая систему русских этикетных формул, Т. Г. Скребцова справедливо замечает, что «этикетные формулы, завершающие обмен, синкретично с прощанием могут выражать пожелание (ср. Спокойной ночи!; Хорошего дня!)» (Скребцова Т. Г., 2023, 52).

Прощание в анализируемых письмах Л. Н. Толстого, как правило, представлено несколькими эпистолярными формулами. Отметим основные:

а) собственно этикетные речевые формулы речевого жанра прощания (*прощай*). Например:

Прощай, душа, и двух недель не проживу здесь (24 ноября 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 51).

Прощай, душенька. Иду спать (21 мая 1865) (Толстой Л. Н., 1938, 99).

Прощай, милая голубушка. До завтра (15 ноября 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 130).

Прощай, милый, голубушка. 12 часов ночи (19 марта 1867) (Толстой Л. Н., 1938, 135).

Прощай, душенька я и не говорю о том, как мне несносна здесь и тянет домой (21 июня 1867) (Толстой Л. Н., 1938, 146).

Прощай, душенька, до свиданья. Кроме мысленных потребностей нет ничего на свете, чтобы хоть немножко занимало меня и отвлекало от мысли о тебе и доме. Это вчера мне показал театр. Ушёл от скуки, не доглядев новую пьесу и игранную прекрасно. Скучно стало (18 января 1869) (Толстой Л. Н., 1938, 161);

б) перформативы, то есть слова, обозначающие действия, производимые в момент речи (в данном случае – при прощании: *целую*). Например:

Целую милых Зефиротов, и Машеньку, и Сережу <...> Тётеньке целую ручки <...> Целую тебя в детской, за ширмами, в сером капоте (29 ноября 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 65).

Целую ручки тётенки и целую Машу, Зефиротов, Серёжу большого и малого, а Таня ещё не человек. Бог даст, я сам привезу тебе это письмо (11 декабря 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 93).

Храни вас Бог, целую тебя и твои руки, милый голубчик (12 ноября 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 120);

в) высказывания с интенцией пожелания. Например:

Серёже кланяйся и не вели капризничать, а атама, атама (11 или 12 августа 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 45).

Посылаю тебе твой салоп, непременно закутайся им, и главное, лицо – нос – щёки. У нас всё так хорошо, как желаю, чтобы у тебя было (1-3 декабря 1867) (Толстой Л. Н., 1938, 157).

г) комбинированные формы прощания. Например:

Целую крепко. Серёже: атама, атама.. (10 или 11 августа 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 44).

Надеюсь, две Тани у тебя, целуй их от меня. А о тебе ничего не говорю. В этот раз я чувствую, как ты мне ещё много ближе стала (9 августа 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 40).

Ну, прощай, милый мой друг <...> Целую всех <...> Прощай, голубчик, поди гулять, смотреть заячьи следы с Зефиротами и каждый день посылай в Тулу и пиши мне (1 декабря 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 70).

Прощай, моя милая, душечка, голубчик. Не могу диктовать всего. Я тебя так сильно всеми любовями люблю всё это время. Милый мой друг. И чем больше люблю, тем больше боюсь. – Пожалуйста, дай мне слово телеграфировать всё... (2 декабря 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 73).

Душа моя милая. Только ты меня люби, как я тебя, и все мне нипочём, и все прекрасно. Прощай, пора идти по делам (7 декабря 1864) (Толстой Л. Н., 1938, 87).

Ну, опять до свиданья, душенька, Христос с тобой, как писали наши отцы. – Будь умна и осторожна (11–26 апреля 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 109).

Прощай, душа моя. Целую тебя и детей (12 августа 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 111).

Прощай, целую тебя в глаза (29 октября 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 112).

Прощай, душечка, обнимаю и целую тебя в глаза и во всю (30 октября 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 114).

Прощай, мой милый голубчик, целую тебя в глаза, в шею и руки. Тётенке целуй руку. Наташе скажи, что... (14 ноября 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 127).

В ходе проведённого исследования можно выделить следующие черты коммуникативного поведения Л. Н. Толстого в ситуации речевого жанра «Прощание» (на примере ранних писем писателя к жене):

1) обязательность следования этикетным нормам;

2) положительный эмоциональный фон, выраженный с помощью экспрессивно-оценочной лексики, в том числе в обращениях. Так, Л. Н. Толстой называет С. А. Толстую *голубчиком, милой душенькой моей, душой, милым другом, душенькой, голубушкой* и т. п.;

3) внимание к коммуникативным потребностям собеседника, комплиментарность общения;

4) высокая степень искреннего интереса к собеседнику, его окружению и всем происходящим с ним событиям;

5) низкий уровень самопрезентации собственных достижений;

6) анализ собственного коммуникативного поведения, самокритика;

7) широкий спектр тем, обсуждаемых в речевом общении, высокий уровень заинтересованности при обсуждении тех или иных проблем. Зачастую даже после завершения акта прощания Толстой возвращается к обсуждаемой ранее теме или начинает новую. Например:

Прощай, душенька. Иду спать.

Устроимся мы все в Никольском прекрасно. Только перегородку переставить, нужник приделать и одну комнатку подклеить... (21 мая 1865) (Толстой Л. Н., 1938, 99).

Прощай, душа, целуй детей и тётеньку. Таня, бедная, всё плоха (16 ноября 1866) (Толстой Л. Н., 1938, 131).

Таким образом, исследование ранних писем Л. Н. Толстого к жене позволило выделить конкретные приёмы достижения эффективной коммуникации в поведении писателя в аспекте рассмотрения ситуации речевого этикета «Прощание».

Толстой является не только одной из высочайших вершин русской культуры, отражающей черты национального характера, но и самобытным и уникальным феноменом мирового масштаба. В свете снижения общего уровня речевой и коммуникативной культуры в XXI в. обращение к гордости своего народа, к глобальной фигуре в истории всего человечества, чьё поведение является ориентиром, является целесообразным. Рассмотрение правил и приёмов коммуникативного поведения писателя способно обеспечить успешность общения с различными типами собеседников в разных сферах общения.

Литература

1. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002.

2. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. // Язык и наука конца XX века. 1995. С. 144–238.

3. Наумова Т. С. Коммуникативное поведение Л. Н. Толстого (на материале эпистолярного наследия и мемуаров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009.

4. Розанова С. А. Эпистолярное наследие Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 20. С. 766–786.

5. Скребцова Т. Г. Старое и новое в системе русских этикетных формул приветствия и прощания (на материале конструкций «прилагательное + существительное») // Вестн. Том. гос. ун-та. 2023. № 486. С. 50–57.

6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худож. лит., 1928–1958. Т. 83. 1938.

Е. С. Пименова

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)*

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ФЕМИНИСТСКИХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ: УРОВЕНЬ НОМИНАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются пейоративные лексические единицы, характеризующие речевую агрессию феминисток в адрес лиц мужского пола. Из комментариев под постами в наиболее популярных феминистских пабликах были выделены как системные, так и узуальные и окказиональные оскорбительные номинации мужчин, используемые в агрессивных высказываниях участниц.

Ключевые слова: речевая агрессия, интернет-коммуникация, интернет-сообщества феминисток, оскорбление.

Рунет (русскоязычный сегмент интернета) как зеркало отражает те особенности бытования языка, которые определяют его актуальное состояние. Одной из наиболее характерных черт современной российской коммуникации становится высокий уровень агрессии: «Дело заключается не только в том, что снизился общий уровень речевой культуры. Основными недостатками современного речевого общения являются его агрессивность и демагогичность» (Русский язык и культура речи, 2008, с. 452).

Одним из главных факторов, влияющих на выбор формы выражения агрессии, является гендер. В ходе изучения агрессии детей проф. И. А. Фурманов пришел к выводу, что «у мальчиков на протяжении всех возрастных этапов устойчиво доминировали физическая агрессия и негативизм, а у девочек – негативизм и вербальная агрессия» (Фурманов И. А., 2016, с. 106). В качестве рабочего определения речевой агрессии можно взять следующее: «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» (Щербинина Ю. В., 2014, с. 13).

С появлением интернета и социальных сетей масштабное распространение получило такое социальное движение, как феминизм. Феминистки создают специальные сообщества и аккаунты в различных соцсетях, которые предназначены для продвижения радикальной феминистской идеологии. Материалом данного исследования послужили публикации и комментарии к ним из таких фемсообществ, как: «Подслушано у женщин» (https://vk.com/pusyam_net), «Подслушано Феминизм» (https://vk.com/overhear_feminism), «Куны Не Нужны (КНН)» (<https://vk.com/knndev>). Исследователи отмечают, что «повышенная раздражительность и агрессивность являются отличительными чертами многих русскоязычных форумов и социальных сетей» (Ефремов В. А., 2015, с. 64). Эта характеристика присуща и фемсообществам. Защита женских прав на свободу и равенство в этих пабликах приобретает различные формы выражения, в том числе – речевой агрессии по отношению к мужчинам.

Для выражения речевой агрессии участницы фемсообществ используют различные лексические средства. Рассмотрим некоторые из них.

В комментариях феминисток встречаются такие языковые единицы, которые уже существуют в русском языке и часто используются для оскорбления оппонента. К ним относятся зоосемантические метафоры, жаргонизмы. В качестве примера приведём слово *петух*, которое в русском языке классифицируется и как зоометафора, и как жаргонизм. Первое значение – «Разг. О задиристом, запальчивом человеке, забияке» (БТСРЯ). В этой семеме актуализируется сема *забияка* ‘тот, кто затевает ссоры, драки’, поскольку в представлении феминисток мужчина – это «угнетатель женщины». Чаще всего это угнетение проявляется в физическом насилии мужчины над женщиной или в психологическом отрицательном воздействии на неё (абьюзинг). Агрессивные реакции мужчин в адрес женщин встречаются не только в реальной, но и в виртуальной среде. В качестве примера приведём следующий комментарий (орфография, пунктуация и графическое оформление сохранены; курсив везде наш. – Е. П.): «*Большинство таких петухов, которые ко всем постам строчат комментарии какие все бабы шалавы и мрази, в реальной жизни сидят и помалкивают. Мерзкие, недалекие мужичонки. Интернет для них единственная отдушина, способ показать внутреннего "мачо"*». Второе, жаргонное значение слова *петух*, связанное с уголовной картиной мира и сексуальным насилием, также спорадически актуализируется в высказываниях участниц пабликов.

Помимо использования известных носителям русского языка единиц феминистки также создают собственные лексемы (феминистские неологизмы), в которых уже заложен агрессивный компонент. Эти неологизмы можно классифицировать по семантическому или словообразовательному критерию. Так, одной из наиболее активно используе-

мых является группа лексем, которую условно можно назвать феминистской «терминологией»: *нитакусик*, *нифсетакие*, *патриархал*, *ущемленец*, *пополамщик*, *паприродник*, *трансформер*. Эти номинации служат для обозначения разных категорий людей, выступающих против феминизма и равноправия женщин с мужчинами.

Лексема *нитакусик* и её орфографический вариант *нетакусик*, зафиксированный в словаре-ежегоднике «Новое в русской лексике» за 2019 г., представляет собой контаминацию двух единиц: «не такой, как большинство» (*нитаккой*) и слова *кукусик* (о мужчине, *жарг.*) (НРЛ-2019, 2021, 67). *Нитаккой* и *нитакусик* появляются в речи феминисток во время дискуссий между членами фемсообществ и женщинами, которые не поддерживают (радикальный) феминизм. Опираясь на положительный опыт взаимодействия с лицами мужского пола, оппоненты феминисток стремятся подчеркнуть, что не всем мужчинам свойственна та отрицательная модель поведения, которую описывают участницы фемпабликов. Феминистки трансформировали распространенное высказывание-аргумент «*а мой не такой*» в лексему *нитаккой*. Стоит отметить, что при создании новых слов феминистки часто используют искажение орфографических норм для создания эффекта издевки и передразнивания. Особенно ярко это видно на примере лексемы *нифсетакие*, которая реализует этот эффект еще и с помощью фонетического принципа орфографии: «*Девушка вела себя по принципу нифсетакие и верила в адекватность мужчин. При этом любой нитакусик на эту историю скажет, что она сама виновата*».

Феминистки выступают против патриархатных устоев. Те люди, которые придерживаются подобных, давно устаревших взглядов и поддерживают патриархальный уклад, в речи феминисток получают номинацию «патриархал». Для феминисток едва ли не любой мужчина – патриархал, потому что именно лицам мужского пола выгоден патриархальный уклад жизни. Феминистки рассуждают о патриархалах следующим образом: «*Это даже не "нитаккой", "нитаккой" – это когда весь из себя прогрессивный профеминист, который говорит, что унижать женщин недопустимо, или по крайней мере тип с либеральными взглядами, а тут – патриархал классический токсичный*».

Ущемленец – это «мужчина, который считает, что его права ущемляются, когда женщины активно отстаивают свои». Лексема образована от глагола *ущемить* в значении «стеснить, ограничить (в правах, действиях, возможностях и т. п.); притеснить» (БТСРЯ). Для *ущемленцев* большую угрозу представляют феминистки, поскольку именно последние стремятся вывести современных женщин на борьбу с социальными и гендерными стереотипами, которые мужчины придумали для того, чтобы сдерживать представительниц прекрасного пола. По мнению представительниц фемдвижения, мужчины не хотят равно-

правия для женщин, поскольку они боятся потерять главенствующую роль в обществе. Ярким примером противостояния феминисток и ущемленцев является борьба за право женщины самостоятельно распоряжаться своим телом (например, рожать ей или нет). Большая часть состоящих в фемсообществах женщин позиционируют себя как чайлдфри. Вместе с этим в фемпабликах активно обсуждается и вопрос аборт. Феминистки поддерживают желание женщины прервать беременность, если она ребенка не хочет или не имеет возможности содержать его. В этих случаях появляются мужчины-ущемленцы, которые выступают против того, чтобы женщина принимала решение без их участия. Лексема ущемленец имеет явную негативную коннотацию и используется феминистками в случаях, когда речь идет о мужчинах, которые не согласны с единоличным решением женщин в вопросе рождения детей. В фемсообществах найдём следующее подтверждение: «"обожаю" таких ущемленцев, как Павлуша, который, видимо, сам родил, выкормил и вырастил как минимум троих, только чтобы ходить выпендриваться в комментариях».

Пополамщик – ‘мужчина, который предлагает разделить бытовые обязанности пополам’. Многие женщины говорят, что их мужья отказываются помогать им вести быт. Некоторые же предлагают свою помощь и берут на себя часть обязанностей. Однако не всегда это надолго. Феминистки отмечают, что мужчины предлагают разделить пополам домашнюю работу и заботу о детях исключительно для того, чтобы уставшая жена от них не ушла. Как только атмосфера в семье нормализуется, мужчина прекращает помогать и возвращает свою часть обязанностей женщине. Лексема *пополамщик* употребляется в речевых ситуациях, связанных с созданием мужчинами иллюзии партнёрских отношений в семье, которые существуют только до удобного мужчине момента. Это подтверждается следующим комментарием-мнением одной из участниц: «*пополамщики* самый мерзкий тип му, мерзотнее патриархалов. Хорошо пристроились, полный пансион без серьезных вложений и при этом женщины уверены, что у них партнерские отношения».

Номинация *наприродник* образована от сочетания «по (па) природе», которое, по мнению феминисток, используется мужчинами для того, чтобы очертить круг возможностей и обязанностей женщины. Так, например, «по природе» женщина должна уметь готовить, должна хотеть стать матерью, должна ставить семью выше себя и своих желаний и т. д. При этом мужчина «по природе» не ограничен в своей свободе и имеет гораздо больше возможностей, чем женщина. Феминистки обращают внимание на то, что лица мужского пола удобно пользуются этими «природными» ограничениями, когда видят, что женщина достигает больших успехов. Приведем пример, в котором феминистки переворачивают идею «по природе» против мужчин: «Муды любят *напри-*

роде приводить в пример. Так вот там самка выбирает самого достойного, лучшего среди всех себе в партнёры. А не плешивого захолюстика из жалости подбирает. Конкуренция, борьба за выживание. Тот случай когда можно прислушаться к "**наприродникам**".

Трансформер. У заимствования трансформер в словарях зафиксировано несколько значений, одно из которых – «Предмет, который может быть преобразован для изменения формы, функции» (НСЗ, 2014, 1120). Участницы фемсообществ перенимают эту лексему, однако семантику модифицируют. В фемлексиконе трансформер – это ‘мужчина, который посредством медицинских манипуляций сменил пол; трансгендер’. Трансгендерные женщины, или изменившие половую принадлежность мужчины, вызывают у феминисток ещё большую ненависть, чем мужчины, которые не позиционируют себя женщинами. Дело в том, что последовательницы радикального феминизма считают, что женщиной нельзя стать, ей можно только родиться, поэтому попытки лиц мужского пола стать женщинами они рассматривают как оскорбление биологических женщин и ущемление их прав. Для подтверждения этого положения приведём следующий пример: «У меня неприятие вызывают только **трансформеры**, которые вваливаются в безопасные женские пространства, женский спорт и женские сообщества. А также требуют отказаться от слова женщина».

Таким образом, в феминистских интернет-сообществах выражение речевой агрессии в адрес мужчин реализуется разными средствами (как традиционными, так и нетрадиционными) с помощью разных стратегий, общая цель которых – унижение лиц мужского пола.

Литература

1. Ефремов В. А. Граммар-наци: речевая агрессия и наивная лексикография // Вестн. Новосибир. гос. пед. ун-та. 2015. № 5. С. 56–65.
2. Русский язык и культура речи : учеб. для вузов / А. И. Дунев, М. Я. Дымарский, В. А. Ефремов [и др.]. М. : Высш. школа, 2008.
3. Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия. Минск : БГУ, 2016.
4. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М. : Форум, 2014.

Список словарей и их сокращения

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка: [около 130 000 слов] / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004.

НРЛ-2019 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2019 / сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая ; отв. ред. Ю. С. Ридецкая / Ин-т

лингвистических исследований РАН. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021.

НСЗ – Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века : в 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко [и др.] ; отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014.

А. А. Романова

*Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)*

**СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГОВОРЯЩЕГО СООБЩЕСТВА
В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(на примере немецкоязычного документального сериала
«GERMANIA – Was ist deutsch?»)**

Аннотация. В статье анализируется понятие «национальная идентичность». Особое внимание уделяется способам манифестации идентичности эмигрантов, представителей русскоговорящего сообщества в Германии. Анализ проводится на примере документального сериала «GERMANIA – Was ist deutsch?».

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, маркеры идентичности, документальный сериал.

Идентичность – это многогранное явление, которое в настоящий день находится в фокусе исследования различных дисциплин. Понятие «идентичность», впервые появившееся в работе психолога Э. Эриксона как «субъективное, вдохновенное ощущение тождества и целостности» (Эриксон Э., 1996, 27), быстро вошло в категориальный аппарат различных гуманитарных наук, в том числе и лингвистики. На данный момент существует множество подходов к рассмотрению идентичности: индивидуальной, профессиональной, гендерной, этнической и т. д. Особый интерес в условиях современного мира вызывает вопрос национальной идентичности, т. к. в процессе глобализации понятие «национальной идентичности» претерпело определенные трансформации.

Национальная идентичность – это чувство «нации как связанного целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком» (Искусство и цивилизационная идентичность, 2007, 120). Понятие национальной идентичности связано с общей системой ценностей, с чувством принадлежности к своей нации и в то же время с «сопостав-

лением и/или сравнением себя с другими нациями» (Попова М. К., 2004, 15). Одним из важных параметров разделения на «своих» и «чужих» является язык как «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» (Тер-Минасова С. Г., 2000, 14).

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить, какие средства выступают в качестве маркеров идентичности носителей русского языка в Германии. Материалом для исследования послужили серии немецкоязычного документального сериала «GERMANIA – Was ist deutsch?» с участием Дмитрия Цветкова, который родился в русской семье и провел большую часть жизни в Одессе, и Даниэля Донского, выросшего в Берлине в семье русских евреев.

При анализе материала была выявлена чёткая разница в уровне языковой компетенции говорящих: Даниэль Донской уверенно владеет немецким языком, в то время как Дмитрий Цветков чаще допускает грамматические ошибки как следствие овладения немецким языком как иностранным:

(1) *Ich habe für euch auch zwei **Gäbel** geholt;*

(2) *Und als ich **nächstes Jahr** gekommen bin, **er hat** mich nach Hamburg eingeladen.* (GERMANIA – Was ist deutsch? Dimitri Tsvetkov. URL)

Использование феминитивов при упоминании профессий чаще встречается в речи Даниэля Донского, т. к. для него это является нормой, как для человека, выросшего в немецкой лингвокультуре:

(3) *Jeder **Künstler oder jede Künstlerin**, die so einen Song in Russland releast hätte, würde 15 Jahre Haft mit sich bringen.* (GERMANIA – Was ist deutsch? Daniel Donskoy. URL)

В отличие от Даниэля, у Дмитрия также присутствует иноязычный акцент, который является маркером его национальной идентичности для реципиентов и обусловлен в первую очередь тем, что Дмитрий рос в Одессе и переехал в Германию в более осознанном возрасте. С этим же связана репрезентация национальной идентичности на невербальном уровне: при встрече со своим другом Себастьяном Дмитрий использует типичное для России, Украины и Беларуси приветствие – пожимает руку и обнимает, похлопывая левой рукой по плечу. Кроме того, когда он ест карривурст, он предлагает присоединиться и съемочной группе, говоря о том, что взял для них две дополнительные порции, проявляя тем самым гостеприимство и щедрость, как характерные черты восточнославянских народов.

С другой стороны, у обоих говорящих встречаются также и общие языковые маркеры, например, склонность к использованию местоимения «мы», когда речь идет об их народе:

(4) *Ja, **wir** haben so viel gelernt von der Geschichte, von dem Zweiten Weltkrieg, von allen Kriegen. **Wir** wissen, was Propaganda ist. **Wir** wissen,*

was Fake News ist. Wir wissen, was dieser Eiserne Vorhang ist. Wir wissen das alles, wir kommen von da, ja? Wir wissen das alles, was das bedeutet, nicht frei zu sein. (GERMANIA – Was ist deutsch? Dimitri Tsvetkov. URL)

(5) *Das ist eine Bevölkerung, die keine Demokratisierungsprozess hatte, wie wir.* (GERMANIA – Was ist deutsch? Daniel Donskoy. URL)

Осознание себя как «мы» является одним из показателей коллективистского мышления по Г. Хофстеде, который выделяет коллективистские и индивидуалистские культуры. Для Дмитрия этот признак можно считать более характерным, как для представителя восточнославянской культуры с её сильной тенденцией к коллективизму. У Даниэля это скорее является способом противопоставить европейцев российскому народу, частью которого он не ощущает себя в полной мере, несмотря на происхождение:

(6) *Ich erzähle immer, ich komme aus Russland. Dann stand ich in Moskau und dachte mir so, ich spreche die Sprache, sonst hat man jetzt nichts gemeinsam.* (GERMANIA – Was ist deutsch? Daniel Donskoy. URL)

В обоих случаях мы также наблюдаем использование этнонимов и слов-реалий. Этнонимы – это способ оповещения о своей этнической принадлежности. В проанализированном материале встречаются такие этнонимы, как *Russe, Ukrainer, Deutscher, Jude, Israeli, Russlanddeutsche*. Здесь необходимо подчеркнуть, что большую роль также играет контекст, в котором данные этнонимы употребляются:

(7) *Ich habe mich nie als **Deutscher** gefühlt. Ich habe mich immer gesehen als ein Mensch der russischen Kultur. <...> Und natürlich kann ich jetzt nicht sagen, dass ich mich als **Russe** oder **Ukrainer** spüre. Es ist irgendwie beides.* (GERMANIA – Was ist deutsch? Dimitri Tsvetkov. URL)

(8) *Weil ich in Deutschland aufgewachsen bin, muss ich jetzt so zu sagen mich als **Deutscher** fühlen. Was bedeutet das? Was ist „ein Deutscher sein“? Genauso wenig kann ich sagen „Ich bin **Israeli**“ nur weil ich in Israel gelebt habe. Genauso wenig kann ich sagen „Ich bin **Russe**“, weil die Kultur, aus der ich komme, oder aus der meine Familie kommt, die gibt's gar nicht, es war die Sowjetunion.* (GERMANIA – Was ist deutsch? Daniel Donskoy. URL).

Кроме этого, носителями культурной информации являются слова-реалии. Этот термин был введён В. С. Виноградовым, под словами-реалиями он понимал лексику, несущую фоновую информацию, «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» (Виноградов В. С., 2001, 36). Исходя из его классификации, нами были выделены следующие слова-реалии:

1. Бытовые реалии (пища, напитки): *Hummus, Currywurst*
2. Ономастический реалии
  - 2.1. Антропонимы: *Puschkin, Lermontow, Tschaikowsky, Daniel Donskoy, Dimitri Tsvetkov*

2.2. Топонимы: *die Sowjetunion, die Ukraine, Odessa, Russland, Königsberg, Moskau, die Krim, Berlin, Marzahn, Neukölln, Israel, Tel Aviv, London*

2.3. Имена героев: *Wadik Junge* (герой комедийных роликов Дмитрия Цветкова)

Помимо этого, в выпусках также встречаются исторические реалии: *Perestroika, Holocaust*. Среди вышеперечисленных примеров выделяется одно слово-лакуна, которое упоминает Дмитрий Цветков, говоря о своём комедийном персонаже Вадике – *Gopnik*. Гопник – это уличный хулиган, и это слово вызывает определённые ассоциации только у носителей восточнославянской культуры, на что и опирался Дмитрий, создавая подобный образ.

Таким образом, данные примеры подчеркивают многогранность и неоднозначность понятия национальной идентичности, на которое оказывают влияние различные факторы, в том числе и язык. Из проанализированного материала следует, что способы идентификации представителей русскоговорящего сообщества в Германии находят своё отражение как в вербальных маркерах на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, так и в невербальных маркерах на уровне жестов и паттернов поведения. Можно сделать вывод, что исходная, родная культура влияет на способы самопрезентации индивида, когда он использует иностранный язык, что видно из речи Дмитрия – он чувствует сильное влияние немецкой культуры на восприятие самого себя, но при этом продолжает идентифицировать себя с родной культурой. Или же наоборот, на примере Даниэля, определяющего себя как *multinationale Person* (многонациональную личность), как национальная идентичность становится многокомпонентной, вбирая в себя сразу несколько культур.

Литература

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001.

2. Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М. : Наука, 2007. С. 120–142.

3. Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж, 2004.

4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/Slovo, 2000.

5. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Изд. группа «Прогресс», 1996. С. 27.

Источники

1. GERMANIA – Was ist deutsch? Daniel Donskoy. ZDF-Mediathek. URL: <https://www.zdf.de/kultur/germania/daniel-donskoy-112.html> (дата обращения: 29.01.2024).

2. GERMANIA – Was ist deutsch? Dimitri Tsvetkov. ZDF-Mediathek. URL: <https://www.zdf.de/kultur/germania/dimitri-tsvetkov-106.html> (дата обращения: 29.01.2024).

К. Р. Руссу

*Югорский государственный университет
(Ханты-Мансийск, Россия)*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ РОЗЫСКОГО ДИСКУРСА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются теоретические предпосылки лингвистического моделирования розыского дискурса конца XVIII – начала XIX вв. Выявлено, что в основе данного процесса лежит многомерный подход к анализу рассматриваемого типа дискурса, что можно свести к интерпретации таких понятий, как системность, равновесие и конфигуративность розыского дискурсивного пространства.

Ключевые слова: моделирование, розыский дискурс, дискурсивная картина мира, XVIII век, XIX век.

Любой тип дискурса всегда является частью дискурсивной картины мира, которая конструируется из смежных типов дискурса (заметим, что розыский дискурс может рассматриваться как подтип правового (юридического), или пенитенциарного, или официально-делового дискурса). Вслед за З. И. Резановой, мы придерживаемся точки зрения, что в современной лингвистике до сих пор остаются актуальными две исследовательские практики моделирования дискурсивной картины мира (Картины русского мира..., 2011, 40). С одной стороны, она воспринимается учёными-лингвистами в качестве картины мира, репрезентированной в системе готовых форм, связанной с языковой картиной мира, эксплицированной как её социально и функционально обусловленный вариант. В этом случае дискурсивная картина мира аккумулирует черты, обусловленные своеобразием моделей мира, сформированных в данной этноязыковой культуре, и отражённые в инвариантных языковых единицах.

Типологическое моделирование розыского дискурсивного пространства конца XVIII – начала XIX вв. основывается на признании его

многомерности и многоуровневости, что соотносится со сложной структурой оперативно-розыскной деятельности соответствующего исторического периода. Системная организация дискурсивного пространства проявляется в том, что оно содержит параметрические характеристики ряда систем: культурологической, структурно-организованной, семиологической, типологической, исторической. Мы, вслед за Н. Н. Казыдуб считаем, что культурологическая составляющая «позиционирует дискурсивное пространство в качестве фрагмента культурного универсума на основе определения компонентов прототипического сценария. Семиологическим образом дискурсивного пространства является прототипическая пропозиция – инвариант актуальных пропозиций высказываний. Структурное представление дискурсивного пространства имеет вид интегрированной презентации, включающей ряд конститутивных пространств. Типологическая организация дискурсивного пространства детерминируется кластерным сочетанием критериальных характеристик, оформляющихся в качестве *типологем* – диагностических инструментов спецификации дискурсивных жанров» (выделено нами *курсивом*. – К. Р.) (Казыдуб, 2006, 6–7).

Специфика историко-культурного осмысления розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв. была детерминирована параметрами исторического развития национального менталитета: понимание, как необходимо описать внешность пропавшего человека, как соблюсти принципы документооборота, безусловно, формировалось в языковом сознании человека постепенно. Все участники оперативно-розыскной системы, в первую очередь, хорошо понимали свой участок розыскного пространства, поскольку несли за него административную (и, конечно же, уголовную) ответственность. Но также они владели знаниями о том, как работает процесс поиска того или иного человека в целом.

Приведём пример, иллюстрирующий данную модель отношения к системе рассматриваемого дискурса. Обязательным элементом любого розыскного документа конца XVIII – начала XIX вв., встроенным в структуру фрейма «информирование о пропаже», оказывается слот «адресат». То есть лицо, занимающее нижестоящее положение по отношению к составителю розыскного документа и, возможно, несвязанное с инициатором – тем, кто запускал розыскной процесс, сообщал о появлении объекта розыскного дискурса (лица, местоположение которого необходимо было определить). Именно адресат мог успешно завершить розыскной процесс в кратчайшие сроки. Так, в тексте предписания первой города части от 1 февраля 1815 г. [ГБУТО «ГА в г. Тобольске», ф. И1, оп. 1, д. 236, л. 2] номинализирован адресат – *Первая города часть*. Или, например, в другом документе [ГБУТО «ГА в г. Тобольске», ф. И1, оп. 1, д. 234, л. 90] указана в качестве адресата *Вторая города часть*. И в том, и в другом случае каждый из получателей ро-

зыскной информации обладал определёнными возможностями для реализации поставленных розыскных шагов, имел для того конкретные (то есть функционально-прагматические, встроенные в экстралингвистический контекст) полномочия.

Структурная организация рассматриваемого дискурсивного пространства формировалась с помощью ряда принципов, регламентирующих взаимопроявленность и взаимодействие его компонентов. Именно они определяют теоретические основы моделирования розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв.:

1) **системность** – розыскной дискурс есть относительно статическая система, развивающаяся и трансформирующаяся постепенно, с точки зрения наличия шаблона. Её самоидентичность определяется системными корреляциями и реляциями, действующими на внутрисистемном уровне.

2) **равновесие** – розыскной дискурс зависит от механизмов дифференциации и интеграции (конкретный тип дискурсивного пространства реализовывался через определённый набор жанров документов, с одной стороны, тип документа формировал типичные модели семантизации розыскных ситуаций). Обогащение системы розыскного дискурсивного пространства происходит за счёт планомерного (то есть недиффузного) расширения спектра вариативных реализаций системных характеристик: так, например, дискурсивное событие «ответ на розыскное задание» не предполагало заполнения слота «розыскной шаг», что определялось спецификой дискурсивного события.

3) **конфигуративность** розыскного дискурсивного пространства определяется его диалектической природой, предполагает неоднородность (то есть многомерность) этого пространства. Дискурсивные события «информирование о пропаже», «запрос информации» и «ответ на розыскное задание» указывают на раздельность составляющих модель розыскного дискурса пространств и множественность его актуальных образов.

Мы, вслед за В. И. Карасиком, понимаем, что лингвистическое моделирование схематически сводится к постановке вопросов «Что это?», «Какие разновидности этого явления существуют?» и «Какими языковыми способами это явление выражается» (Карасик, 2012, 43). То есть, опираясь на парадигму настоящего исследования, необходимо получить ответы на следующие вопросы:

– что такое розыскной дискурс и можно ли говорить о существовании розыскного фрагмента дискурсивной картины мира конца XVIII – начала XIX вв.;

– какие дискурсивные события формируют основу розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв.;

– как соотносятся понятия ядра и периферии в системе розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв.

Подчеркнём, что проблема моделирования розыскного дискурсивного пространства на материале архивных деловых бумаг определённого исторического периода поднимается в современной науке впервые. Настоящий подход к изучению текстов конца XVIII – начала XIX вв. сформулирован необходимостью детально рассмотреть такие источники с позиции аккумуляции в них некоторого объёма коммуникативного потенциала, многогранностью и комплексностью самого феномена розыскного дискурса, состоящего из трёх дискурсивных событий, каждое из которых иерархически организовано.

Также следует сказать и о возможностях когнитивного моделирования дискурса: «Когнитивный подход предполагает, что языковая деятельность представляет собой один из видов когнитивной деятельности человека, и языковые явления могут быть адекватно поняты лишь в контексте других когнитивных процессов, таких как представление знаний, память, внимание, сознание» (Кибрик, 2003, 5). В процессе описания процессов порождения и восприятия текста / дискурса, способов декодирования текста и экспликации информации важной оказывается задача построения интегральной когнитивной модели дискурсивного процесса.

К такому подходу в дискурсивном моделировании тяготеет и модель дидактической коммуникации М. Ю. Олешкова. Трудно не согласиться с автором в том, что «модель дискурса должна строиться на интеракционной основе с учётом факторов инференционной интерпретации, коллективной интенциональности и принципа интересубъективности. Любое речевое событие категориально и символически «маркировано» нормой в координатах данной культуры: институтов, ритуалов, обычаев, способов деятельности, – и это позволяет считать дискурсивный процесс конвенциональным процессом» (Олешков, 2007, 22). Продолжая мысль М. Ю. Олешкова, отметим следующее: розыскной дискурс конца XVIII – начала XIX вв. встроен в контекст эпохи, вне которой он не может существовать. Включённость в парадигму времени определяет содержание дискурсивных событий, их структур и иерархическую зависимость друг от друга.

Исследование розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв., моделирование его структуры невозможно без учёта современных тенденций описания дискурса. Оно носит междисциплинарный характер, продиктовано необходимостью заполнения теоретических лакун в области фундаментального анализа розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв., а также практической востребованностью знаний о когнитивной структуре розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв., его коммуникативной практике, интеракционной и предметно-содержательной структуре, текстовых типах и жанрах, дискурсивных способах воздействия. Настоящее моделирование розыскного дискурса происходит именно в письменном модусе коммуникации, но с учётом устного

формата, поскольку какие-то процессы (например, воспроизводство словесного портрета, постановка задач после получения документа адресатом) парадигмально встроены в оба модуля.

Подведём итоги. Наше понимание розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв. как сложного коммуникативного феномена предполагает наличие определённых методологических требований к модели его анализа, которая должна соответствовать следующим характеристикам:

– *универсальности*, под которой понимается возможность её применения ко всем дискурсивным событиям розыскного дискурса, соответственно, ко всем рассматриваемым текстам, созданным в конце XVIII – начале XIX вв.;

– *целостности*, то есть способности непротиворечиво розыскной дискурс во всей полноте его конституирующих признаков и текстовом разнообразии;

– *уровневой структуры* анализа, которая предполагает, что исследованию подвергаются единицы разных уровней коммуникации, следовательно, построение модели анализа осуществляется по принципу уровневой иерархии: от внешнего (социокультурного и прагматического) уровня описания дискурса до внутреннего уровня анализа текста и его единиц;

– *аспектной структуры* анализа, которая позволяет упорядочить разнородные признаки розыскного фрагмента дискурсивной картины мира, объединить их в единые аспекты, описывающие разные стороны объекта на каждом уровне.

В семантическом плане розыскной дискурс конца XVIII – начала XIX вв. представляет собой **констатацию фактов** о лице/-ах, чьё местоположение по тем или иным причинам неизвестно, подлежит идентификации, и **модель** приближения к определённому набору характеристик объекта. Такая квалификация в деловом языке рассматриваемого периода не является оценочной, носит универсальный характер и подвержена шаблонизации.

Литература

1. Предписание первой города части от 1 февраля 1815 г. // ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 236. Л. 2.
2. Предписание второй города части от 23 июня 1815 г. // ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 90.
3. Казыдуб Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006.
4. Карасик В. И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. № 1 (39). С. 43–50.

5. Картины русского мира: современный медиадискурс / З. И. Резанова, Л. И. Ермоленкина, Е. А. Костяшина и др. ; ред. З. И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011.

6. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.

7. Олешков М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса: на материале устных дидактических текстов : автореф. дис. ... д-р филол. наук. Нижний Тагил, 2007.

Т. В. Сафонова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные черты литературного языка советской эпохи, сложившегося под влиянием идеологических установок отмеченного периода. Особое внимание уделяется характеристике художественного и публицистического стилей в силу их глубокой культурной обусловленности.

Ключевые слова: язык пропаганды, партийно-публицистический стиль, научно-техническая, публицистическая терминология.

«Естественно, чем масштабнее социальное событие, тем отчетливее и внушительнее оно отражается в языке. В XX в. русский язык был подвержен воздействию двух крупных социальных потрясений – революционного 1917-го года и так наз. перестроечного середины 80-х – начала 90-х гг.» (Дуличенко А. Д., 1994, 2).

Самые значительные изменения в первой половине XX века произошли в лексической системе языка. Большое количество единиц, служащих средством названия реалий уходящей в прошлое Российской империи, характеризующих государственное устройство, быт, культуру и мировоззрение дворянского сословия, переходят в пассивный запас, становятся историзмами (*сенат, управа, жандармерия, губерния, губернатор, царь, дворовый, холоп*). В то же время лексический состав языка активно пополняется неологизмами, отражающими особенности нового советского государства (*авангард, агитация, буржуй, буденовка, вождь, вожатый, гегемония, индустриализация, комиссар, коммунизм*).

Среди способов словообразования выделим аббревиацию (*ВАПМ – Всероссийская ассоциация пролетарских музыкантов, ВАПП – Всерос-*

сийская ассоциация пролетарских писателей). В это время особую популярность приобретают мужские и женские имена, образованные в результате сокращений фамилий и имен ведущих политических деятелей или отражающие значимые для советского государства понятия, напр.: *Авангард* – от нариц. 'передовая, ведущая часть класса, общества'; *Виллен*, *Владилент* – сокращение от Владимир Ильич Ленин; *Вилор* – Владимир Ильич Ленин – организатор революции.

Задаче пропаганды советской идеологии был максимально подчинен язык публицистики. Лексика и фразеология публицистического стиля выражает противопоставление «мы (хранители и продолжатели идей Ленина, борцы за светлое будущее) и они (угнетатели, капиталисты, сторонники старого режима враги молодого государства и его народа)»: *торжество марксизма-ленинизма, первенцы революции, братские народы, братья по классу – акулы империализма, идеологические отщепенцы, идеологические диверсанты, агенты буржуазии и пр.*

Идеологическое противостояние Советского Союза и Запада во многом определяет преобладание слов со значением 'борьба' (*борцы за свободу, борцы за идеи коммунизма, трудовая армия, авангард рабочего класса*). «Военная» лексика и фразеология при употреблении в тексте дополняется призывом к действию, апелляцией к высоким идеалам, для чего используются клише: *благородная цель, сила духа, железная дисциплина*. Напр.: «*Советский народ знает, что обороноспособность и могущество Советского государства растут и крепнут, что партия всемерно укрепляет Советскую Армию, Военно-Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно повышать нашу готовность к сокрушительному отпору любому агрессору. <...> Да здравствует всепобеждающее, великое учение Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина! Да здравствует наша могучая социалистическая Родина!*» (Литературная газета. 1953. № 29).

Лозунги как универсальное средство пропаганды размещали на первой странице газетного номера: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь*», «*Мы придем к победе коммунистического труда*» и др.

Официальная идеология, оказавшая огромное влияние на язык публицистики, нашла отражение и в других стилях и жанрах, поэтому литературный язык советского времени определяют как «язык лозунга и пропаганды».

Внимание к новому герою в контексте нового времени определило и масштабные изменения в художественном стиле. Среди общих тенденций отметим широкое использование в художественной литературе данного периода диалектизмов. В 20-х и частично в начале 30-х годов наблюдался «наплыв в художественную литературу вульгаризмов и арготизмов типа *на ять, на большой палец, мура, буза* и т. п.» (Ефимов А. И., 1961, 306). Широко представлена в языке художественной

литературы данного периода и публицистическая терминология (*капитализм, коммунизм, антанта, диктатура, пропаганда, агитация и др.*). «В связи с мощным развитием общественно-публицистических стилей, а также устной, ораторской публицистической речи, в связи с тем, что миллионы советских людей принимают участие в агитации и пропаганде, общественно-публицистическая терминология и вообще элементы публицистических стилей стали широко известными и употребительными в других стилях литературного языка и прежде всего в стилях художественно-беллетристических» (Ефимов А. И., 1961, 306). Напр.: «*Потом, как Колчака в Сибирь отогнали, политрук и говорит: – Пламенное, дескать, вам спасибо, товарищи-старики, от лица советской власти, а только теперь, как вы есть инвалиды подземного труда, подавайтесь на трудовой фронт*» (П. П. Бажов. *Солнечный камень*).

Другая характерная черта языка художественной литературы советской эпохи – частотность производственно-технической терминологии. Напр.: «*В ней металл лишь размягчается, сохраняя форму куска, так называемой «крицы»*» (Глеб Григорьев, Иван Александров, Курако). Нередко стремление писателя к максимальному использованию подобной лексики и фразеологии шло вразрез с основной функцией художественной литературы – эстетической.

Необходимо отметить и стремление писателей, особенно начала XX века, к словотворчеству. Среди самых оригинальных новаторов языка и стиля многие лингвисты однозначно выделяют В. В. Маяковского. Окказионализмы – одна из характерных черт идиостиля писателя (*бесконечночасый, божнице, голоштаный, громоустый, даме, декабрь и др.*). Установка поэта на описание нового времени по-новому проявляется и в особом отборе лексики и фразеологии: писатель нередко допускает в свои произведения единицы, стоящие за пределами литературного языка. «Функция этого отбора очевидна: именно его средствами создается образ автора – человека простого и своего, вызывающе грубо пришедшего в поэзию из доселе чуждого ей мира, носителя языка улицы» (Гаспаров М. Л., 1995, 365). Напр.: *молча перла; идемте жрать; похабно развалились; хохочут и ржут канделябры*.

Русская литература начала XX века, получившая определение литература «серебряного века», в целом ориентировалась на поиски нового в темах, образах и слове.

Глобальные и подчас стихийные изменения, происходящие в языке в начале XX века, а также та миссия, которая была возложена на язык, быть не только фундаментом новой культуры, но и средством идеологической борьбы, требовали его нормализации. На необходимость вдумчивого отношения к художественному слову как образцовому одним из первых указал М. Горький. По мнению писателя, художественный стиль должен избавляться от подчас неоправданно широкого во-

влечения диалектной и просторечной лексики, приветствуя в современной ему литературе новые способы выражения действительности. М. Горький вместе с тем не советовал категорически отказываться от наследия прошлого.

Свои размышления о путях развития литературного языка и художественного стиля М. Горький воплощал в собственных произведениях. Писатель не отказывается от просторечных, областных, жаргонных лексических единиц, использует в своих текстах и разговорные синтаксические конструкции, но у М. Горького они в традициях литературы XIX века служат средством создания достоверных речевых портретов персонажей, помогают воссоздать атмосферу места и времени событий и пр.: *«Потемневшее от пыли голубое южное небо – мутно; жаркое солнце смотрит в зеленоватое море, точно сквозь тонкую серую вуаль. Оно почти не отражается в воде, рассекаемой ударами весел, парходных винтов, острыми киями турецких фелюг и других судов, бороздящих по всем направлениям тесную гавань»*; *«– Пошел к черту! Товарищ повернул назад. – Эй, погоди! Кто это тебя изукрасил? Ишь как испортили вывеску-то... Мишку не видал здесь? («Челкаш»)*.

Во второй половине XX века сохраняется тенденция к масштабной идеологизации прежде всего публицистики. «В советскую эпоху публицистический стиль функционирует как стиль партийно-публицистический, что обусловлено развитием стилистической категории, называемой языком идеологии. Признаком партийно-публицистического стиля является строгое следование нормативно-стилистическим предписаниям, выдержанность, торжественность, риторичность, пафос, характерные и для партийных газет, журналов, выступлений руководителей компартии, и для передовых и официальных статей в других изданиях» (Войлова К. А., Леденева В. В., 2020, 408). Напр.: *«Таков уж наш социалистический строй, – говорил Л. И. Брежнев в речи при вручении заводу им. А. И. Лихачева ордена Октябрьской Революции, – что для хорошего, по-настоящему передового работника мало быть просто трудолюбивым и дисциплинированным, от него требуется еще активный, живой интерес, забота об общем деле...»* (Учительская газета. 6 мая 1976. № 53).

Язык идеологии становится необходимой частью научного стиля: цитаты из речей лидеров коммунистической партии, политическая терминология – обязательный элемент композиции научных текстов разных жанров: *«В заметке «Об очистке русского языка Ленин писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки, пробелы»* (Горшков А. И., 1965, 189).

Не менее яркая черта данного периода – влияние официально-делового стиля (канцелярского языка) на все сферы речевой практики.

Канцеляризм закрепляется в публицистическом стиле, встречается в научных и художественных текстах и активно внедряется даже в разговорный язык. Напр.: *«Все вместе они составляли основу изобилия – гигантский, предельно автоматизированный комбинат, производящий продукты питания, – все, начиная от свинины и картофеля и кончая устрицами и манго»* (Стругацкие. Полдень. XXII век (1961–1967)).

Во второй половине XX в. актуализируются новые темы и герои в литературе, что главным образом определяет язык и стиль художественных произведений.

Представители «лейтенантской прозы», воссоздавая реалистичные картины войны, используют и максимально правдивый язык. Здесь нет бравадных речей, внимание к деталям определяет общую стилистику произведений: разговорные конструкции, солдатский жаргон, просторечные и грубо-просторечные единицы, военная терминология, бытовизмы, обороты немецкой речи, система тропов с отрицательной коннотацией тематической группы «война», «смерть» и пр. Напр.: *«– Я тебя, матери твоей черт! Я тебя зараз... Он не забыл смочить бензином и поджечь паклю и швырнул бутылку. Визжащим комком голубого пламени она перелетела через башню танка, и, поняв, что он промахнулся, Алексей нырнул на дно могилы. Он падал, на лету обнимая голову руками, успев краем глаз схватить зубчатый столб голубого огня и лаково-смоляного дыма, взметнувшегося за куполом башни»* (К. Воробьев. Убиты под Москвой).

Представители «лагерной прозы» используют большое количество единиц лагерной тематики (тюремный жаргон, лексика и фразеология, отражающие реалии лагерной жизни):

«Ноготь мизинца был сверхъестественной длины – тоже блатарский шик, так же, как «фиксы» – золотые, то есть бронзовые, коронки, надеваемые на вполне здоровые зубы» (В. Шаламов. Колымские рассказы).

Авторы произведений в жанре «деревенской прозы» широко употребляют областные и просторечные элементы:

«Мне продавица grit: «Свези, Иван Африканович, посуду, а обратно товару привезешь. Только, – grit, – накладную-то не потеряй»; «Я говорю: «Какой ты, Миша, шельма. Ты ведь, – говорю, – шельма! Ну кто вино с хлебом ложкой хлебает? Ведь это, – говорю, – не шти какие-либо, не суп с курой, чтобы его, вино-то, ложкой, как тюрю, хлебать». (В. Белов. Привычное дело).

Литература

1. Войлова К. А., Леденёва В. В. История русского литературного языка : учеб. для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2019.

2. Гаспаров М. Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. – М., 1995.
3. Гиндин С. И. Маяковский: стих, синтаксис, стиль // Русский язык. – 2003. – № 27–28.
4. Горшков А. И. История русского литературного языка. Краткий курс лекций. – М. : Высш. школа, 1965.
5. Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. Verlag Otto Sagner, 1994.
6. Ефимов А. И. История русского литературного языка. М. : М-во просвещения, 1961.
7. Старые газеты. URL: <http://www.oldgazette.ru>

Е. С. Свиридова

*Луганский государственный университет им. В. Даля
(Луганск, Россия)*

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ЭТНОСИМВОЛИЗМА

Аннотация. В данном исследовании этносимволизм рассматривается как концептуальная основа для определения национализма и национальной идентичности, а также для понимания их исторического развития. Дискурс-анализ обеспечивает метод исследования значений, передаваемых в текстах, изображениях и практиках. Этносимволическая структура обеспечивает типологию символических ресурсов, с которой можно начать анализ дискурса, а также становится средством организации и понимания результатов анализа.

Ключевые слова: язык, дискурс, этносимволизм, дискурс-анализ, идентичность.

Помимо того, что этносимволизм рассматривается как концептуальная основа (или теория) для понимания национализма и национальной идентичности, он представляет собой отдельную методологию. Дискурс-анализ, хотя и представляет собой совершенно другой инструмент, обеспечивает метод исследования значений, передаваемых в текстах, изображениях и практиках. Несмотря на совпадение методологий, в совокупности они обеспечивают мощный синергетический набор инструментов для понимания дискурсов национализма и символических связей между историческими и современными идентичностями. Благодаря единому подходу эти методы становятся весьма взаимодополняющими. Этносимволическая структура обеспечивает типологию символических ресурсов, с которой можно начать анализ дискурса, а также становится средством организации и понимания результатов анализа.

В данном исследовании этносимволизм рассматривается как концептуальная основа для определения национализма и национальной

идентичности, а также для понимания их исторического развития. Этому подходу также присуща особая методология. Армстронг предложил подход *longue duree* для определения исторического развития этнических групп, передаваемого через комплекс мифов и символов. Опираясь на Армстронга, Смит разработал и систематизировал то, что он назвал «исследовательской стратегией и программой» (9) для описания содержания, определения и признаков национализма. Он описывает это так: «Для этносимволистов это означает анализ сообществ, идеологий и чувства идентичности с точки зрения составляющих их символических ресурсов, то есть традиций, воспоминаний, ценностей, мифов и символов, составляющих накопленное культурное наследие этнических групп» (9).

Согласно Смицу именно культурное наследие наций, «непрерывные символические ресурсы» передает и воспроизводит национальную идентичность между поколениями и демонстрирует преемственность между современными национальными идентичностями и более ранними этническими идентичностями. Кроме того, именно культурное наследие обеспечивает материал, на котором формируются и процветают националистические идеологии. Чтобы понять современные идентичности, необходимо поместить их в исторический и культурный контекст. Это означает: «обосновать наше понимание современного национализма на исторической основе, охватывающей обширные временные промежутки, чтобы увидеть, насколько его темы и формы были predeterminedены в более ранние периоды и насколько можно установить связь с более ранними этническими связями и взглядами» (9).

Этносимволический метод представляет собой попытку понять историческую эволюцию культурного общества нации и понять, как эта история влияет на настоящее.

Кроме того, можно оценить степень влияния националистических идеологий путем выявления «разнообразных символов, воспоминаний, традиций, мифов и ценностей, которые находят отклик среди различных групп населения» (9).

Ключевой компонент метода заключается в понимании символического ресурса. Этот термин используется в двух смыслах. Во-первых, это сам символ. Анализируя символический ресурс, этносимволист стремится идентифицировать символические ресурсы, из которых состоит символизм. Смит обрисовывает типологию символических ресурсов, на которых основываются националистические идеологии (9). Хотя существует множество потенциальных символических ресурсов прошлого нации, Смит перечисляет основные ресурсы: мифы о происхождении, мифы о выборе, священных землях, золотых веках и жертвоприношении. Различные мифы о прошлом народа и связанные с ними (но часто оспариваемые) ценности, воспроизводятся посредством ритуалов, социальных практик и других форм символизма. Этот символизм в раз-

ной степени определяет современную идентичность. Смит утверждает, что эта «этноистория» помогает как группам, так и отдельным людям контекстуализировать свою роль в мире (9). Этносимволический анализ помогает определить степень, в которой современные идентичности основаны на исторических. Таким образом, основное внимание уделяется преемственности между исторической и современной идентичностью, а также символике, посредством которой эта преемственность передается.

Символы национальной идентичности – это представления определенных взглядов на характер и роль нации, а также на обоснованность определенных идентичностей внутри нации (2). Способы передачи и понимания этих взглядов зависят от конкретных социальных, исторических и географических контекстов, в которых они находятся. Холл описывает репрезентацию как «использование языка, знаков и изображений, которые обозначают или определяют вещи» (6). Способы понимания их значений зависят от множества факторов. Культура подразумевает «набор кодов, которые управляют... отношениями перевода» (5). Например, социальные и семейные роли, социальный класс и религиозные традиции – все это влияет на то, как мы интерпретируем символы вокруг нас. Эти случайности или «отношения перевода» формируют значение. Понимание репрезентаций через культурные «коды», в которых они передаются, имеет решающее значение для понимания их значений. Эти коды включают в себя ценности, мифы и нарративы, которые интересуют этносимволистов (4).

Дискурс – это форма репрезентации. Холл описывает дискурс как «систему репрезентации» (7). Эйткен и Валентайн определяют дискурс как «набор связанных идей, значений и практик, посредством которых мы говорим о мире или представляем его». Группой утверждений, изображений или текстов понимается как единый аргумент, передающий смысл. Этот смысл зависит от культурных кодов, которые имплицитно управляют их переводом. Дискурс, проще говоря, – это разговор. Это разговор, который может происходить на очень простом языке, но часто имеет разнообразное значение. Палтридж утверждает, что дискурс имеет место «в определенных социальных и культурных условиях и используется и понимается по-разному в разных социальных и культурных условиях». Выявление и понимание случайных значений разговора находится в центре внимания дискурсивного анализа. Как описывает Роуз (8), дискурсивный анализ обращает внимание на то, как определенные группы людей рассматривают и понимают изображения и тексты. Холл утверждает, что в дискурсе представлены и смысл, и практика (7). Анализ дискурса стремится идентифицировать и понять «различные способы видения», а также «социальные институты и практики, посредством которых создаются и демонстрируются изображения» (8).

Дискурс-анализ также называют «черным ящиком», что позволяет предположить, что выводы берутся из ниоткуда. Большая часть методологии исходит от Фуко, но Роуз описывает его методологические утверждения как «довольно расплывчатые» и утверждает, что разработка его метода «непроста». Продуктивные аспекты дискурса, помимо роли дискурса как репрезентации, были в центре внимания большей части работ Фуко. Чтобы внести вклад в «разработку» техники дискурс-анализа, предоставляются три характеристики, которые подчеркивают «интенсивно процессуальное» качество метода. Во-первых, процесс должен быть итеративным, поскольку необходимы повторные взаимодействия с дискурсивным образованием на различных уровнях. Итеративный характер процесса приводит к появлению идей из различных контекстуализаций и ситуативного понимания. Кроме того, это диалогический процесс, поскольку аналитик стремится включить дискурс в диалектическую схему (3).

Понимая каждый дискурс как пространственную коммуникацию символических ресурсов, каждый дискурс рассматривается с точки зрения того, где и как он «коммуницируется» (1). Анализ каждой дискурсивной формации и символических ресурсов, которые они передают, должен учитывать местные, провинциальные, национальные, региональные и даже глобальные масштабы значимости и значения. Таким образом, понятие масштаба относится как к распространению и местоположению символа, так и к дифференциальным и спорным значениям в разных масштабах.

Интертекстуальность становится основным компонентом анализа на всех уровнях. Роуз определяет интертекстуальность как «способ, которым значения любого дискурсивного образа или текста зависят не только от этого одного текста или изображения, но также и от значений, несущих в себе другие изображения и тексты» (8). Взятые вместе, различные изображения и тексты с их дифференциальными значениями и символизмом становятся дискурсивным образованием, которое Роуз описывает как «способ, которым значения соединяются друг с другом в конкретном дискурсе» (8). Темы трансформации и преемственности передаются как символическое взаимодействие между прошлым и настоящим, а также как образцы и руководства к будущему. Потенциальным недостатком этого метода является очень субъективный характер анализа. Потенциальное отсутствие строгости и повторяемости, которое предполагает это, выражено в дискуссиях о методе как о «черном ящике». Роуз предполагает, что аналитик может делать «довольно слабые» связи и выводы (8). Однако эта субъективность, сопровождающаяся диалогическим процессом, во многом является сильной стороной метода. По мере того, как аналитик участвует в дискурсе, используя процессуальный подход, появляются новые идеи, и знания переходят на более высокий уровень понимания.

Литература

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М. : Прогресс, 2000.
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. Т. 32. С. 335.
3. Дьякова Е. Г. Теория дискурса в британской школе культурных исследований // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Сер. «Дискурсология»). Екатеринбург : Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006.
4. Марков Б. В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб. : Наука, 2011.
5. Hall S. Encoding/Decoding // Media and Cultural Studies. Key Works. L., Blackwell Publishers. 2001
6. Hall S. Signification, representation, ideology: Althusser and the post-structuralist debates//Critical Studies in Media Communication. 1985. Т. 2. № 2. С. 91–114.
7. Hall E.T. The Silent Language. N. Y. : Doubleday, 1959.
8. Rose, G. 2001. Visual Methodologies: an Introduction to the Interpretation of Visual materials. L. : Routledge.
9. Smith, nthony D. Ethnic Persistence and National Transformation // The British Journal of Sociology. 1984. 35 (3): 452–461.

С. Б. Фомина

*Донбасский государственный технический университет
(Алчевск, Россия)*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования реалий современного английского языка на материале англоязычных публицистических текстов; рассмотрена связь передачи значений реалий на русский язык, как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами. Обработка фактического материала позволяет определить этнографические реалии как наиболее значимые для представителей любой культуры.

Ключевые слова: лексика, этнокультурные реалии, семантика, культура, способ перевода.

Язык является средством отражения культуры, а лексика любого языка многообразна, в свою очередь, национально-маркированная лексика представляет особый компонент семантики языковой единицы, по-

сколькx язык – это не только средство общения, но иместилище культурологической, социологической, исторической информации о представителях нации. Тексты, компонентом которых являются реалии, насыщены особой лексикой, требует от переводчика не только высокого уровня квалификации в знании грамматики и лексики языка, а также осведомленности в области страноведения.

Знание реалий помогает познать духовное богатство другого народа, повышает уровень гуманитарного образования и способствует вхождению в мировое сообщество. Особое внимание уделяется эволюции лексического состава языка, так как лексика, которая относится к элементам языка, обозначающим понятия чуждые иным культурам, всегда составляет сложность, однако в тоже время, ее появление в иных культурах указывает на проникновение нового явления в понятийный состав языка.

Объект исследования – этнографические реалии английского языка.

Цель исследования – характеристика этнографических реалий современного английского языка и способы передачи на русский язык.

Согласно тематики, реалии принято классифицировать на: географические, общественно-политические, этнографические (Влахов С. И., 2006, 88; Федорова Н. В., 2019, 226).

Этнографические реалии наиболее интересны, так как они вербализуют предметы или явления привычные для культуры носителей языка.

Рассмотрим примеры реалий, относящихся к типичной категории быта, а именно, *напитки и еда, одежда*, отметим, что многие лексические единицы уже заимствованы русским языком и активно используются в коммуникации, однако история и привычки, связанные с тем или иным явлением, формируют различное восприятие в разных культурах.

Основываясь на трудах В. С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина, В. Н. Комиссарова можно выделить следующие методы перевода реалий: транскрипция, транслитерация, описательный перевод, калькирование, введение неологизмов, комбинированный перевод, аналоговый перевод, «контекстуальный перевод» (Виноградов В. С., 2001, 35; Комиссаров В. Н., 2014, 79–104). Обратим внимание на то, что именно способ перевода, т. е. вербализация реалии в ином языке, указывает на ее значимость и частотность употребления в языке переводящем.

Для того чтобы решить транскодировать (транскрибировать, транслитерировать) реалию или переводить, нужно проанализировать следующие факторы: какую роль реалия играет в содержании, какую значимость несет при передаче колорита, является ли важным лексическим элементом в тексте. Все это зависит от следующего фактора – является ли реалия своей или чужой в тексте оригинала.

Способом транскодирования переводятся лексические единицы, которые вошли в русский язык вместе с явлением или предметом, который они вербализуют, сюда можно отнести такие лексические единицы

как: *fast food, steak, ketchup, Coca-Cola, Big Mac, chips, jeans*. Вербализация культурно-маркированной лексики представлена в современных текстах англоязычных СМИ: "...to find anyone willing to cater for a president whose taste for *fast food* and well-cooked *steak*, slathered in *ketchup*, was by then well-known" (...найти любого, кто готов обслуживать президента, чей вкус к *фаст-фуду* и хорошо приготовленным *стейкам*, с *кетчупом*, к тому времени был хорошо известен) (Taylor E.).

Отметим, что на данном этапе развития языка данная лексика полностью заимствована русским языком, однако, непосредственно сам культурный компонент и связь с появлением предмета, либо явления не всегда открыта обычному пользователю.

"*Coca-Cola*" – популярный сейчас напиток, был изобретен Джоном Пембертоном, бывшим полковником армии Конфедерации, в 1886 году в Джорджии, первоначально известен как «вино из коки» под названием «Французское вино Кока Пембертона». Позже напиток был назван «Кока-кола», так как изначально в нем присутствовал кокаин из листьев коки. Также напиток был ароматизирован орехами Кола: "It is astonishingly sweet, containing 15g sugar per 100g – more than *Coca-Cola*. I would much prefer a glass of Coke" (Он удивительно сладкий, содержит 15 г сахара на 100 г – больше, чем в кока-коле. Я бы предпочел стакан колы) (Pavia W.).

Ряд заголовков в англоязычной прессе являются событийными для носителей языка и указывают на важность самого явления для представителей культуры:

Big Mac (Биг Мак): "*The Big Mac is the story of McDonald's*" (Биг Мак – это история Макдональдса) (Morris I.).

Chips: "*Higher costs mean the chips are down at potato supplier Albert Bartlett*" (Более высокие цены на чипсы означают, что у поставщика картофеля Альберта Бартла увеличились затраты) (Cameron G.).

Jeans (джинсы): "*Jeans maker Levi Strauss fashions a return to the market*" (Производитель джинсов Леви Страусс возвращается на рынок) (Dean J.).

Семантический перевод позволяет воспользоваться разнообразием значений лексических единиц, что дает возможность создать эквивалентное значение при переводе, однако указывает на отсутствие явления в иной культуре: *Lamb meatballs* (фрикадельки из баранины) – блюдо, которое часто можно встретить в английской кухне, '*meatballs*' (мясные шарики), в русском же языке есть более привычное слово '*фрикаделька*' (от итал. *frittatella* – «жареное на сковороде»). Для британцев «эти изящные шарики из белка и приправ» бывают разных вкусов: от классических «Итальянская леди» и «Бродяга» до современных блюд, которые можно купить в уличных продуктовых ларьках: "Recipe: Lindsey Vareham's minted *lamb meatballs* with *petits pois* Vareham Lindsey

Bareham Lindsey” (Рецепт: фрикадельки из мятой баранины с горохом от Линдси Бэрхэм) (Bannerman L.). В этом же предложении присутствует французское словосочетание ‘*petits pois*’ которое передано на английский язык оригиналом, однако при передаче значения фразы на русский, правильнее произвести перевод слова русскоязычным эквивалентом ‘горошек’.

Комбинированный перевод может быть применен в составных лексических единицах (названиях блюд), причем одна часть лексической единицы знакома для большинства представителей иных культур, поскольку плотно ассимилирована в ряд европейских языков: *Pasta with stracciatella* (макароны со страчателлой) – семантический перевод + транскрипция: “*Restaurant Kinsley serves up a locally sourced menu of feel-good food like lamb meatballs and pasta with stracciatella* (В ресторане Кинсли подают блюда местной кухни, такие как фрикадельки из баранины и паста со страчателлой.)” (Taylor E.).

Рассмотрим еще ряд примеров: “... *we relied on our favorite local provisions: chocolate-covered licorice, Nocco (an addictive Swedish energy drink), and skyr, the creamiest Icelandic yogurt (in North America, try Siggis’ Skyr)*” (мы полагались на наши любимые местные продукты: *лакрицу в шоколаде, Nocco* (вызывающий привыкание шведский энергетический напиток) и *скир*, сливочный исландский йогурт (в Северной Америке попробуйте Siggis’ Skyr) (Mosha L.). *Chocolate-covered licorice* (лакрица в шоколаде) – комбинированный перевод: перестановка + калькирование. В этом же предложении присутствует описательный перевод (экспликация), используемый самим автором англоязычной статьи при пояснении слов ‘*Nocco*’, ‘*skyr*’, что позволяет сделать вывод о том, что ряд специфических национальных блюд (североамериканских) малоизвестны даже представителям англоязычной культуры: *Nocco (an addictive Swedish energy drink), and skyr, the creamiest Icelandic yogurt (in North America)* (Nocco, вызывающий привыкание шведский энергетический напиток) и (скир, сливочный исландский йогурт в Северной Америке).

Фразеологизмы считаются отголоском культуры, а способ перевода указывает либо на однотипность явлений, либо на различие в картинах мира представителей культур.

Фразеологический эквивалент – это слово или словосочетание, имеющее полное соответствие в другом языке. Эквивалентом переведены такие фразеологизмы как: “*never swap horses crossing a stream*” (коней на переправе не меняют). Обратим внимание, что впервые данный афоризм вошел в использование с подачи Авраама Линкольна, так в 1864 году кампания по переизбранию Авраама Линкольна предостерегала избирателей «не менять лошадей на переправе».

Фразеологический аналог – это фразеологизм со сходным значением, используется в случае, когда в языке перевода отсутствует образ

идентичный содержащемуся в исходном языке, т. е. подобрать эквивалент не представляется возможным: “...took the wind out of its sails” (...выбил ветер из его парусов” (Smith A.). Русский аналог звучит – выбить почву из-под ног. Наличие водных просторов Британии является причиной появления фразеологизма, связанного с ветром и парусами, типичных для англичан явлений.

Так пословица “*you can't have your cake and eat it*” построена на синонимичности глаголов ‘*have*’ и ‘*eat*’ гласит: «вы не можете съесть свой пирог и одновременно съесть его», что означает невозможность насладиться обеими желательными, но взаимоисключающими альтернативами, на русском существует аналог: «угнаться за двумя зайцами». Данное идиоматическое выражение приписывают английскому драматургу и эпиграмматике Джону Хейвуду. Игра слов в английском языке не может быть передана на русский с сохранением полного значения, кроме того слово ‘*cake*’ (пирог, торт) довольно часто употребляется в англоязычных выражениях, а сам факт использования фразы в текстах СМИ указывает на ее емкость и популярность: “Mr Trump knows that America's elites want “*to have their cake and eat it*” (Мистер Трамп знает, что высшие слои общества Америки хотят «угнаться за двумя зайцами») (Luce E.).

Итак, этнографические реалии представляют особый компонент любого языка, так как имеют не только семантическое, но и коннотативное значение, формируются под влиянием экстралингвистических факторов, соответственно, перевод реалий требует значительного анализа, поскольку нужно передать не только национальный, но и исторический колорит.

Литература

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М. : Р. Валент, 2006.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : Р. Валент, 2014.
4. Федорова Н. В. Бытовые реалии в английском языке и их передача на русский язык (на примере художественного произведения) // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 225–240.
5. Bannerman L. Oxford needs diverse students as much as we need it. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/danial-hussain-oxford-needs-diverse-students-as-much-as-we-need-it-b5xbw>
6. Cameron G. Higher costs mean the chips are down at potato supplier Albert Bartlett Wednesday. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/higher-costs-mean-the-chips-are-down-at-potato-supplier-albert-bartlett-nx8qssfsc>

7. Dean J. Jeans maker Levi Strauss fashions a return to the market. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/jeans-maker-levi-strauss-fashions-a-return-to-the-market-59x690bgw>

8. Luce E. Donald Trump and the golden age of America's oligarchy. URL: <https://www.ft.com/content/be86c640-c79d-11e8-ba8f-ee390057b8c9>

9. Morris I. From Russia with love, but no Big Mac. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/from-russia-with-love-but-no-big-mac-wn67szhev> (дата обращения: 12.11.2023).

10. Mosha L. Halbert Beyond the Blue Lagoon: Inside Iceland's Most Spectacular New Pool. URL: <https://www.vogue.com/article/beyond-the-blue-lagoon-inside-geosea-iceland-most-spectacular-new-pool?verso=true>

11. Pavia W. Dinner as diplomacy: how US presidents weaponised food. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/dinner-as-diplomacy-how-us-presidents-weaponised-food-lbfxtk30k> (дата обращения: 10.02.2023).

12. Smith A. Joe Biden's age puts voters off, but history says he should run again. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/joe-bidens-old-but-history-says-he-should-run-again-hp5dmrx55>

13. Taylor, Elise 5 places to travel this fall. URL: <https://www.vogue.com/article/5-places-to-travel-this-fall/>

Л. Г. Хабибуллина

*Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан (Казань, Россия)*

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕНЗЕЛИНСКОГО ГОВОРА СРЕДНЕГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье изучаются некоторые синтаксические особенности мензелинского говора среднего диалекта татарского языка, распространенного на территории Актанышского района Республики Татарстан. Фактический материал для анализа взят из труда «Милли-мәдәни мирасыбыз: Актаныш» («Национально-культурное наследие: Актаныш», Казань, 2010). Это издание – первая книга из серии «Из сокровищницы научных экспедиций», написанная по материалам комплексных экспедиций Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова в регионы проживания татар.

Ключевые слова: татарский язык, средний диалект, мензелинский говор.

В диалектах отражаются синтаксические особенности живого разговорного языка. Изучению диалектной лексики, фонетики и морфологии татарского языка уделяется значительное внимание, в то

время как диалектный синтаксис остается менее изученной областью лингвистики.

Основное отличие диалектного синтаксиса от синтаксиса литературного языка связано со структурой предложения и выражается в изменении порядка слов. Синтаксические особенности татарских диалектов одинаковы, как правило, характеризуются сохранением предикативного аффикса, использованием первого типа изафета, преобладанием сложносочиненных предложений, употреблением вопросительного аффикса перед предикативным аффиксом (Сафиуллина Ф. С., 1978, 67).

Как показал анализ диалектных текстов, большинство терминов, относящихся к лексике духовной культуры, образуется синтаксическим способом – путем сложения двух или нескольких основ. Сочетания, относящиеся к первому типу изафета, который считается одним из древнейших словообразовательных средств в тюркских языках, являются самыми частотными. Как отмечают ученые-лингвисты, примечательно то, что наиболее точным показателем синтаксической архаичности того или иного говора или диалекта является именно первый тип изафета (Сафиуллина Ф. С., 1978, 68).

Как показал анализ фактического материала, и в говоре, распространенном на территории Актанышского района Республики Татарстан, подобные примеры встречаются довольно часто. Например: *Бед ике баланы да тал бишектә үстердек*. ‘Мы обоих детей вырастили в плетеной колыбели’; *Тал бишек үрүчеләр күп булды*. ‘Многие делали плетеные колыбели’; *Бәбәй туганда амылда бер атақлы кендек әби булыр ыйы*. ‘При рождении ребенка в деревне была одна повивальная бабка’.

Как видно из примеров, в мензелинском говоре, распространенном на территории Актанышского района РТ, предикативные аффиксы присоединяются и к именным сказуемым. Например: *Бер генә баламын*. ‘Я один ребенок (в семье)’.

Довольно часто наблюдается следование зависимого слова за главным, т. е. обратный порядок слов. Например: *Йегетләр утын китерәләр, кешеләрнең читәннәрен, қоймаларын сүтәп*. ‘Юноши приносят дрова, разбирая чужие плетни и заборы’; *Иртәнге сәгәт икегә, өчкә чақлы шулай уйнап утыра торған ыйық жәқламайчы*. ‘До двух, до трех часов утра так сидели и играли, не спали’; *Бер вақыт йегетләрне кертмәдек аулағиза*. ‘Как-то раз не впустили парней на вечерние посиделки’.

Вопросительные предложения оформляются как в литературном языке. В построении простого предложения наблюдается такая особенность: слово в начале предложения или местоимение, которое его заменяет, повторяется и в конце предложения. Например: *Иркә күлендә гел балық тоталар анда*. ‘На озере Ирка постоянно ловят рыбу там’.

Как отмечается в академических трудах, виды сложных предложений, состав средств связи их компонентов в говорах в основном не отличаются от литературного языка (Татар лексикологиясе, 2016, 152).

В системе сложных предложений мензелинского говора активно употребляются бессоюзные сложносочиненные предложения, что характерно для разговорного языка в целом. Например: *Мин бер мең тугыд йөд илле сизденче йылны бардым, бед аның белән сүләшмәдек*. ‘Я пошла в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, мы с ним не разговаривали’; *Дүрт атна уда, жыйын бетә, эш башлана*. ‘Проходит четыре недели, лето заканчивается, работа начинается’.

В литературном языке при прямом порядке слов синтетическое придаточное предложение не может завершить сложное предложение, находится в препозиции по отношению к главному предложению. В диалектах же часто наблюдается инверсия: синтетическое придаточное предложение находится в постпозиции. Например: *Бер мең сизед йөд сиксән икенче йылны монда күчкәннәр су басқанга*. ‘В тысяча восемьсот восемьдесят втором году переселились сюда из-за затопления’; *Миннегөл, Миннебай, Миннеқамал исемнәре кушалар ыйы баланың миңе булса*. ‘Детей называли Миннигуль, Миннибай, Минникамал, при наличии родинок’; *Нықлы була инде Тимер исеми кушалар*. ‘Бывает сильным, если называют Тимером’.

В тюркских языках, в том числе и в татарском, условные предложения считаются одними из самых древних типов придаточных предложений. Аффикс *-сар/-сәр*, являющийся древней формой условного наклонения, используется еще в древнетюркских письменных памятниках (Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, 1961, 215).

Как показал анализ диалектных текстов, собранных на территории Актанышского района РТ, сложные предложения с придаточными условиями встречаются довольно часто. Например: *Қызын бирергә риза булса, никах көнен билгеләп қайтқаннар*. ‘Если соглашался выдать дочь, назначили дату бракосочетания’; *Көн қойашлы булса, кичкә кибеп тә чыгадыр ыйы*. ‘Если день был солнечный, к вечеру уже и высыхало’.

В предложениях с условной формой *-са/-сә* часто наблюдается синкретизм условных и временных значений. В этом случае сама фраза имеет вневременной характер. В подобных примерах значение времени указывает на постоянство. Например: *Қоролық булса, соңғы күмелгән мәйет қаберенә су салығыд*. ‘Если будет засуха, полейте водой последнюю могилу’; *Қыш көне булса, чанада киләләр атлар белән, жәй көне булса, арбада киләләр инде*. ‘Если зима, то приезжают на санях, а если лето, то приезжают на телеге’. Таким образом, в отличие от условных отношений, в конструкциях с условно-временной семантикой описываются определенные условия выполнения событий.

Сочетание частицы *исә* в значении союза с глаголом в изъявительном наклонении в форме прошедшего определенного времени выражает условное отношение. Например: *Ақчаң булдисә аласың*. ‘Если будут деньги, купишь’; *Ашағыд, йараттығыд исә*. ‘Кушайте, если нравится’.

В текстах изучаемого говора для связи придаточного предложения цели с главным вместо послелога *өчен* 'для' может употребляться послелог *күрә*. Например: *Қарама қайырысыннан чабата жасайлар, су үтмәскә күрә төбәнә қайын тузы салалар*. 'Из коры вяза делают лапти, чтобы защититься от влаги, на дно обуви кладут берестяные стельки'.

Компоненты аналитических сложноподчиненных предложений связываются при помощи парных относительных слов. Например: *Кем қыйурақ, шул килен сувы сатыб утыра*. 'Кто смелее, тот и продает воду невесты'; *Бийанай намә қушса, шуны эшләп йөреш ийе*. 'Что скажет свекровь, то и делали'.

Таким образом, диалектные тексты являются основным источником для изучения традиционной культуры народа.

Как показал научный анализ синтаксических особенностей мензелинского говора среднего диалекта татарского языка, распространенного на территории Актанышского района Республики Татарстан, несмотря на некоторое отличие от литературного языка, в основном общие элементы сохраняются.

Литература

1. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под общ. ред. Н. К. Дмитриева и др. М. : Изд-во АН СССР, 1961.
2. Милли-мәдәни мирасыбыз: Актаныш. Казан, 2010.
3. Сафиуллина Ф. С. О диалектном синтаксисе (на материале диалектов татарского языка) // Советская тюркология. 1978. № 4. С. 63–71.
4. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев. Казан : ТӘҺСИ, 2016. Т. II.

М. В. Шаманова

*Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова
(Ярославль, Россия)*

КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ К ОБЩЕНИЮ (на материале пословиц, поговорок и афоризмов)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности русского общения, нашедшие отражение в пословицах и поговорках русского народа, а также в афоризмах, на примере семантической подгруппы коммуникативных паремий «Качества человека в отношении к общению». Показано, что в большей степени в коммуникативных пословицах и афоризмах представлены смыслы: «Коммуникативные навыки говорящего», «Многословие», «Немногословие», «Назойливость в общении». Семантическая

группа «Качества человека в отношении к общению» содержит большое количество оценочных пословиц и поговорок.

Ключевые слова: общение, пословицы, афоризмы, паремии, семантическая группа.

Исследователи не раз указывали на особенности русского общения и важность общения для русского человека. Анна А. Зализняк отмечает специфичность слов *общение, общаться* и тот факт, что они плохо поддаются переводу (Зализняк Анна А., 2005, 280). А. Вежбицкая упоминает слова *общение, общаться* среди ключевых «культурных» слов, которые не имеют эквивалента в английском языке (Вежбицкая, 2001).

С целью выявления особенностей русского общения нами были проанализированы пословицы, поговорки и афоризмы, характеризующие концепт *общение* описательно.

Наиболее объемными семантическими группами паремий, характеризующими процесс общения, являются: «Выражение отношения к содержанию разговора, к собеседнику, к себе самому» (355 примеров), «Степень искажения информации» (232 примера), «Степень конфликтности» (201 пример), «Качества человека в отношении к общению» (144 примера), «Активность собеседников» (130 примеров), «Особенности изложения» (108 примеров).

В данной статье анализируются особенности общения в рамках семантической группы «Качества человека в отношении к общению» (144 примера).

В составе семантической группы нами были выделены следующие подгруппы:

«Коммуникативные навыки говорящего» (30 примеров). Это одна из самых больших подгрупп, она включает в себя следующие пословицы и афоризм: *Что слово молвит, то рублем подарит; Взглянет, что огнем опалит, а слово молвит, рублем подарит; За ответом за пазуху (в карман) не полезет; Одет просто, а на языке речей со сто; Она (девка) бает, рассыпает, как погодой посыпает; Речист, как наш Феклист; Рот на опашку, язык на отмашку; На слово скор, на поклон легок; Вертит языком, что корова хвостом; Вертит хвостом, что кочадыком; Твоими бы устами да мед пить; Сидит, как свеча горит, говорит, что рублем дарит; Ваши слова – хоть в Библию, а наши и в татарские святцы не годятся; Ваши слова – хоть в Библию, а наши и в татарский пролог не годятся; Ваши речи в Евангелие, наши и в азбуку не годятся; Поет как канарейка; Слово молвит – соловей поет; Речь вести – не лапти плести; Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с пороком, голова с поклоном, язык с приговором; Чиста, личиста, да говорить речиста; Что такое есть талант? Талант есть... способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно (Ф. Достоевский).*

В пословицах высоко оценивается умение красиво говорить, вести беседу. Отрицательно оценивается отсутствие речевых навыков: *Ему говорить, что в стену горох лепить; Как ветючень (т. е. дикий голубь), ни очей, ни речей; Ни с очей, ни с речей; Ни ухом, ни рылом, ни очми, ни речьми; Кланяться горазд, а говорить не умеет; Долог у коровы язык, да говорить не умеет; Говорит, как клещами на лошадь хомут тащит; Говорит бы немало, да речей недостало.* В одной пословице говорится о том, что речевые навыки препятствуют деловым качествам: *Рассказчики не годятся в приказчики.*

«Многословие» (30 примеров). В большинстве пословиц данной семантической подгруппы многословие оценивается отрицательно: *И старику не даст выговорить (слова молвить); Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать; Ты ему слово, а он тебе десять; У него язык длинен (долог, длинней лизуна); За твоим языком не поспеешь и босиком; Болтливому молчание в тягость; Язык блудлив, что коза (кошка); У пьяного басней не переслушать.* Резко отрицательно оценивается женское многословие: *Бабий язык – чертово помело; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Бабу не переговоришь; Волос долог, а язык длинней (у бабы); Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; За бабой покидай последнее словцо; Коса до пояса, язык до колен; Знать сороку по язычку; С болтливой женой хлопот не оберешься.*

Отрицательное отношение к многословию прослеживается и в афоризмах: *Люди запутываются в массе лишних слов (М. Горький); Лишние слова надо истреблять, как вошь (М. Горький).* В афоризмах отражены также следующие смыслы: человеку свойственно стыдиться своего многословия: *Человеку всегда как-то совестно и неловко становится, когда он много наговорит сам (И. С. Тургенев); После долгого разговора постарайся вспомнить все то, о чем было говорено, и ты удивишься, как пусто и не нужно и часто дурно было все говоренное (Л. Н. Толстой);* многословие не приносит пользы: *...Во многоглаголании нет спасения (Д. Давыдов);* болтливость – это наказание для человека: *Острый язык – дарование, длинный язык – наказание (Д. Минаев);* многословного человека надо останавливать: *Болтун подобен маятнику: того и другого надо остановить (К. Прутков);* бездельники болтливы: *Бездельники – самые болтливые люди на свете (П. А. Павленко);* много говорящий человек вызывает скуку: *Самые скучные те, кто не умеет молчать (Г. Н. Матюшов).*

Такой же объемной является семантическая подгруппа **«Немногословие»** (26 примеров): *Беседлив, как тюлень; Не доищется (не доискался) слова; Нем (бессловесен), как (безголосая) рыба; Разговорчив, как устрица; Молчит, как стена (пень); Молчит, как воды в рот набрал; Молчит, как мертвый (неживой); Он спроста не говорит: растопырит слово, что вилы, да и молчит.* Немногословный человек сравнивается

с рыбой, устрицей, тюленем, со стеной и пнём. Кроме того, утверждается, что молчаливый человек опасен: *Молчан-собака исподтишка (из-под подворотни) хватает; Молчан-собака да тихий омут <опасны>; Не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой; Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает; Не та собака кусает, что лает, а та, что молчит; Иной тем подсидит, что ловко (кстати) смолчит.*

В афоризмах отражено противоречивое отношение к многословному и немногословному человеку. С одной стороны, краткость – признак хорошей речи: *Лучше скажи мало, но хорошо* (К. Прутков); *Краткость – сестра таланта* (А. П. Чехов); краткие речи свойственны мудрому человеку: *Красноречие, точно жемчуг, блещет содержанием. Настоящая мудрость немногословна* (Л. Т. Толстой); молчание выделяет человека среди других людей: *Умением говорить выделяются люди из мира животных; умением молчать выделяется человек из мира людей* (Г. Ландау); немногословие делает человека умнее: *Когда человек говорит мало, он кажется умнее* (М. Горький). С другой стороны, молчаливые люди утомляют собеседников: *Бессловесные люди не менее утомительны, чем болтуны, с теми и другими собеседник утрачивает ощущение собственной ценности* (Ю. Нагибин).

Итак, как многословие, так и немногословие отрицательно оценивается русским народом, а в афоризмах выражено однозначно отрицательное отношение к многословию, однако разное отношение к людям молчаливым и к умению молчать.

«Назойливость в общении» (19 примеров). В пословицах отрицательно оценивается навязчивость, настойчивость в общении: *Женское слово, что клей пристаёт; Лезет с языком, что с пирогом; На его спросы ответов не напасешься; Не приказный, да привязчив; Придирчив, как приказный; Пусть бы (хоть бы) подрался, да отвязался; От него ни отмолиться, ни отбиться; Ни отмолиться, ни отплеваться, ни отляяться, ни отчураться; От попа, как от черта, не открестишься; От вора отобьюсь, от приказного откуплюсь, от попа не отмолюсь; Прибился, что придорожный пень; Льнет, как смола к сучку; Льнет, как сера к стене; Липнет, как смола; Пристаёт, как вар (т. е. смола); Неотвязчив, как муха; Как муха к меду льнет; Пристаёт, как муха на сон грядущий; И ладаном не выкуришь, не берет его ни крест, ни пест.*

«Речь и интеллектуальные качества говорящего» (18 примеров). Соотнесение умного / глупого представлено в следующих пословицах: *Осла знать по ушам, медведя – по когтям, а дурака по речам; В пустой бочке звону больше; Умный одно слово вымолвит, и то скажется; Долго не говорит – ум копит, а вымолвит – слушать нечего; У дурака дурацкая и речь; Дурной язык голове неприятель; Какова голова, такова и речь; Каков разум, таковы и речи.* Многословие в посло-

вицах осуждается, это показатель глупости: *На словах густо, а в голове пусто; Длинный язык с умом не в родстве; Кто говорит без умолку, в том мало толку; Кто без устали болтает, в том толку не бывает.*

В афоризмах также отражена взаимосвязь общения и интеллектуальных качеств человека: *Умные речи подобны строкам, напечатанным курсивом* (К. Прутков); *Язык мудрого в сердце, сердце глупого – на языке* (Н. В. Шелгунов); *У них мысль не ведет за собой слов, а с трудом догоняет их* (В. Ключевский); *Если язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли, то некоторым он совершенно не нужен* (В. Абакумов, автор 16-й полосы «ЛГ»). (Ср. *Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли.* Талейран); *Дуракам нельзя делать доклады! Дураки должны выступать в прениях* (В. Ардов).

«Характер человека и его нравственные качества в отношении к речи» (18 примеров). В паремиях подчеркивается, что речь непосредственно связана с человеком и его качествами: *Каковы свойства, таковы и речи; Каков муж, такова и речь; Знать птицу по перьям, а молодца по речам; Не гляди, каков в плечах, слушай, каков в речах; Гнило слово от гнилого сердца; Ради красного словца не пожалеет родного отца. Нравственность человека видна в его отношении к слову* (Л. Толстой). В пословицах отражается отношение к лицемерам: *У лицемера хвалы горшок, а у завистливого хулы мешок; В очи льстив, а за очи лжив; В ноги кланяется, а за пятки кусает.* Речевые характеристики не всегда совпадают со свойствами характера человека: *Мужик ражий, да язык-то вражий; Тих, да лих, криклив, да отходчив; Речами тих, да сердцем лих; На словах тих, а на деле лих.* В некоторых пословицах речевые умения противопоставляются качествам личности: *Болтун речист, да на руку нечист; Лука речист, да на руку нечист; И речисто, да нечисто.*

В одном из афоризмов данной семантической подгруппы содержится призыв не доверять людям, которые говорят плохо о других и льстят вам: *Не слушайте никогда тех, кто говорит дурно о других и хорошо о вас* (Л. Толстой).

«Избегание контактов» (10 примеров). В пословицах отображается склонность человека к уединению, избегание общения: *И в гости не ездит, и к себе не зовет; Зовут Фокою, а живет собою: в гости не ездит, к себе не зовет; Как бирюк в нору забился; Как байбак, как медведь в берлоге; Дома сидит ни на кого не глядит; У него гостят четыре угла; Только с богами своими и знается; Он только с образами своими и знается; У него один замок гостит, да и тот на пробое висит.* В одной пословице дается отрицательная оценка таких людей: *Глуп совсем, кто не знается ни с кем.*

«Склонность к юмору, самоиронии» (6 примеров). В большинстве паремий выражено положительное отношение к человеку, умею-

щему острить, шутить: *Невелика щучка, да зуб востер; Ящерка маленька, да зубы остреньки; Гол, как сокол, а остер, как бритва; К старости зубы туже, а язык острее; Острый язык – дарование, длинный язык – наказание (Д. Минаев).* В одной пословице содержится отрицательное отношение к остряку: *Из-за куста и ворона остра.*

В семантической группе «**Соответствие речи внешности человека**» (4 примера) показано, что речь зачастую не соответствует внешности человека: *Голос соловьиный, да рыло свиное; Душа, что в венике, а голос, что в тереме; Поглядеть – картина, а послушать – животина; На лицо красива, а на язычок – крапива.*

«**Пустословие**» (4 примера). Пустословие отрицательно оценивается в пословицах: *Не дивись, суеслов, что сын пустослов; Пустобрех наврет за трех – и за Дарью, и за Марью, и за сваху Пелагею; Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов; С ворон болтун начал – на сорок перевел.*

Единичными примерами представлены следующие семантические подгруппы: «Приветливость в общении» (*Будь приветлив, да не будь изветлив; Не будь в людях приметлив, а будь у себя приветлив*), «Отношение к лести» (*Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи; Тому великий стыд, кто языком льстив*).

Таким образом, семантическая группа «**Качества человека в отношении к общению**» состоит из разных по объему семантических подгрупп, наиболее объемными из которых являются: «Коммуникативные навыки говорящего», «Многословие», «Немногословие». Основная часть паремий содержит положительные или отрицательные характеристики человека в отношении к общению.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки русской культуры, 2001.
2. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Заметки о словах *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* // Ключевые идеи русской языковой картины : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 280–284.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

В. Н. Андреев

*Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

СПОСОБЫ ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫХ ЧЕРТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Структура научного текста изучалась в рамках разных научных парадигм: прагматической, когнитивной, структурно-системной и др. Задачей настоящего исследования стало изучение национально-обусловленных черт структуры англоязычного научного текста на материале краткой аннотации научной статьи или выступления на конференции (*abstract*). Материалом для исследования послужили более 450 текстов данного типа, опубликованные в сборниках ежегодной конференции Международной ассоциации поэтики и лингвистики. Были выявлены национально-обусловленные черты структуры текста в англоязычных аннотациях, включающие пять элементарных единиц – микротекстов в составе текста, три из которых являются его обязательными элементами.

Ключевые слова: научный стиль, структура научного текста, микротекст

Научный текст традиционно изучается в рамках функционально-стилистического направления в лингвистике. В функциональной стилистике обычно выделяются следующие характеристики данного стиля: указывается, что сферой использования стиля научной коммуникации является наука, научные публикации, конференции, адресатами текстовых научных сообщений выступают ученые, будущие специалисты, обучающиеся, широкая публика, интересующаяся той или иной научной областью.

Особенностью научного стиля являются то, что авторами текстов выступают ученые, специалисты в своей области. Целью стиля можно назвать описание законов, выявление закономерностей, описание открытий, обучение, главная же функция – обмен новой научной информацией, распространение результатов исследований. Основной функцией сообщение информации, а также доказательство ее истинности: «Научная речь – это устная и письменная речь, обусловленная и мотивированная профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью научных работников, которая реализует ком-

муникативные цели профессионального общения в форме разнообразных жанров: научная биография, аннотация, реферат, тезисы, рецензия, статья, доклад, лекция, дискуссия» (Рыбина Т. Н., 2005, 6).

Для научного текста характерно наличие терминов соответственной научной области, общенаучных слов, абстрактной лексики, в текстах преобладает имя существительное, часто обобщенной и вещественной семантики. Также отмечается, что научный стиль функционирует преимущественно в письменной монологической речи. Его жанры – научная статья, учебная литература, монография, выступление на конференции и др. К стилевым чертам научного стиля обычно причисляют монологичность, обобщенно-отвлеченный характер изложения, подчеркнутая логичность, доказательность, смысловая точность (однозначность), отсутствие изобразительных языковых средств, образности (Разинкина Н. М., 2020, 8).

М. Н. Кожина отмечает особенности сферы научного общения: «Сфера научного общения отличается тем, что в ней преследуются цели наиболее точного, логичного, однозначного выражения мысли» (Кожина М. Н., 1993, 161). Научные тексты избегают неясности, многозначности, возможности различных толкований: «вариативность декодирования текстов научного стиля должна быть минимальной, так как для сложного содержания научных текстов требуется однозначное и непротиворечивое выражение (Исакова Л. Д., 2001, 120).

Научная коммуникация в современном мире является одной из главных сфер, в которой реализуется доминирующее положение английского языка. Английский язык в течение долгого времени является международным языком науки. Он используется при проведении международных конференций и семинаров, на нем публикуются научные исследования авторов из разных стран. Общеизвестный факт вытеснения английским языком всех остальных из сферы научной коммуникации. Так, по данным У. Аммона, в 2018 г. среди публикаций в области естественных и математических наук доля англоязычных текстов составила более 90 %, в области гуманитарных – более 80 % (Ammon U., 2019, 115–116).

При описании языковых характеристик научного стиля английского языка также указывается, что языковые средства в данном стиле направлены на создание таких его параметров, как «отвлеченно-обобщенный характер, логичность, объективная нейтральность, безличность и точность» (Лапшина М. Н., 2013, 246). Отмечается насыщенность терминологией, преобладание сложноподчиненных предложений, частое употребление неличных форм глагола, пассивных конструкций, распространенных именных определительных групп, аббревиатур-акронимов, отсутствие эллипсиса и т. д.

В более широком контексте – для всех германских языков – отмечается наличие следующих характеристик научной речи: «для языков

германской группы, имеющих общее происхождение и проявляющих общие типологические тенденции, характерны особенности языковых средств формирования научного стиля, наблюдающиеся во всех трех исследуемых германских языках: большая употребительность имен существительных; большая употребительность безличных конструкций; употребительность пассивных форм глагола; употребительность определенного артикля; использование моделируемых аналитических конструкций; использование глагольных форм настоящего времени (за исключением текстов исторического содержания)» (Исакова Л. Д., 2001, 271).

В англоязычных работах по исследованию научного стиля обычно используется термин «академическая проза» (*academic prose*) для обозначения всего массива текстов, принадлежащих данному стилю. «Академическая проза» обычно рассматривается как отдельный (социальный) регистр речи, используемый в общении в устной и письменной формах академической средой. На основе исследования характеристик академической речи появилось целое направление в лингводидактике – обучение стилю академического общения, созданию академических текстов (*English for Academic Purposes*).

Данный термин объединяет научно-исследовательский подстиль (научные статьи, монографии и т. д.) и подстиль учебной и научно-популярной литературы и указывает на принадлежность к академическому домену общения (см., например, Conrad S., 1996). В данной статье мы будем пользоваться термином «академический текст» в приложении к англоязычным текстам как синонимом термина «научный текст», используемого в русскоязычной научной литературе.

Вопросы изучения национально-обусловленных черт в такого рода текстах также давно привлекают внимание исследователей. Исследователи находят и описывают как общие, так и различные черты в академических текстах, созданных на разных языках. Общее в них объясняется тем, что «форма мышления, цели и задачи общения, определяемые назначением науки в обществе, едины в сфере научного общения независимо от языка ... общими для научного стиля разных языков являются и закономерности функционирования в этой сфере языковых средств, а также специфические черты стиля. Вытекающие из строго понятийной и подчеркнута логической формы мышления в науке основные специфические черты научной речи – обобщенно-отвлеченность и подчеркнутая логичность – оказываются, таким образом, общими специфическими чертами научного стиля разных языков» (Кожина, 1977, 8).

Особенностям научной речи современных германских языков – английского, немецкого, шведского – посвящено исследование Л. Д. Исаковой (Исакова Л. Д., 2001), в котором она связывает общее и различное в текстах научного стиля на данных языках с их типологическими характеристиками на морфологическом, словообразовательном и синтак-

сическом уровнях (аналитичность – в английском языке, синтетичность – в немецком, промежуточное положение – в шведском).

В зарубежной филологии возникла целая область научных исследований – контрастивная риторика академической речи, изучающая особенности академических текстов на разных языках, что связывается исследователями с особенностями мышления носителей разных языков и проявлением этих особенностей в текстах. Начало данной области исследований положила работа Р. Каплана, посвященная отражению «культурных моделей» автора в академическом письме (Caplan R., 1965).

Р. Каплан, на основе изучения академических текстов, принадлежащих разным культурным сообществам, выделяет модели аргументации в научном тексте, отражающиеся в их структурной организации. Так, он выделяет следующие типы организации аргументации внутри научного стиля: прямая по типу «тезис-доказательство» (представлена графически прямой стрелкой, характерна для публикаций англоязычных авторов), зигзагообразная (в арабских научных текстах), спиралевидная (в публикациях «восточных» авторов, т. е. на китайском, японском и корейском языках), «комбинированная» («косая» стрелка с элементами спирали, характерна для аргументации в научной речи на романских, а также на русском языках).

Исследование Д. Сипмана (Siermann D., 2006) основано на обширном корпусе академических текстов на английском, французском и немецком языках. Параметрами для сравнительного анализа послужили следующие текстовые параметры: отношения «автор-читатель», средства обеспечения когерентности текста, структурная организация текста, структура речевого акта, метаязыковые характеристики текста, структурная организация абзацев, дискурсивные маркеры, текстуальная модальность, авторское присутствие в тексте.

Для академических текстов на английском языке, согласно Д. Сипману, характерна «авторо-центричность», ориентация на автора, а не читателя, эксплицитно выраженные элементы обеспечения связности текста (когеренция), линейная структура аргументации (тезис-доказательство), обеспечивающая смысловое единство (когерентность), метаязыковые знаки для обозначения отдельных частей текста (наличие вступительной части, основной части, выводов), упорядоченная структура абзаца (тематическое предложение, содержащее главную идею, ряд предложений, дополняющие основную идею абзаца, заключение) и т. д. (Sierman D., 2006, 142).

В целом, можно сказать, что исследование Д. Сипмана является детализацией вывода Р. Каплана (Caplan R., 1965) о том, что для академической речи на английском языке характерна линейная структура по модели тезис → доказательство, эксплицитный характер аргументации, множественные формальные текстовые скрепы и т. д.

В рамках настоящего исследования нами была предпринята попытка исследования структуры короткого академического текста на английском языке – аннотации научной статьи или доклада/выступления на научной конференции (abstract). Материалом для исследования послужили аннотации статей и выступлений на ежегодной конференции Международной ассоциации лингвистики и поэтики (Poetics and Linguistics Association – PALA), опубликованные в материалах конференции в 2010–2022 гг. Из них методом сплошной выборки было отобрано 220 аннотаций, созданных представителями университетов англоязычных стран (корпус 1) и 230 аннотаций, созданных на английском языке представителями университетов и научных организаций неанглоязычных стран (корпус 2).

Целью исследования было изучение структуры текстов корпуса 1 и корпуса 2 с целью нахождения типизированных повторяющихся элементов структуры, за которыми можно закрепить передачу определенной семантики на уровне текста.

В результате предпринятого исследования было установлено, что в корпусе 1, представляющем тексты, созданные учеными-носителями английского языка, можно выделять пять микро-текстов, входящих в структуру аннотации: (1) контекст исследования; (2) цель исследования; (3) подходы к исследованию материала; (4) результаты исследования; (5) заключение.

Первый элемент структуры текста англоязычной аннотации – контекст исследования – включает информацию о предыдущих исследованиях, описание научных областей в рамках которых проводится настоящее исследование. Второй микротекст – цель исследования – может быть формулировкой цели, вопроса исследования или его гипотезы. Третий элемент – подходы – может включать описание материала исследования, методик и процедуры исследования. Четвертый элемент – результаты исследования – является описанием основных выводов, полученных в ходе предпринятого исследования. В пятом микротексте содержится интерпретация выводов или указания на возможности дальнейшего исследования по теме.

Рассмотрим структуру типичной аннотации:

“Walker (2001) argues that, while many published guides to the layout of writing or print are principally concerned with the look of the page, a more important concern is the use of space and graphic devices to articulate the meaning of the text. Cooper (1964), for example, shows how, in a list of directors in a company annual report, layout and type size are used to convey information which would formerly have been conveyed by punctuation (1-контекст). In this paper I examine page layout as a component of the style of particular texts (2 – цель). The project included the investigation of 120 pages with the view of establishing the stylistic features (3 – подходы). The

typographer works with a particular manuscript to design a page layout which best articulates its character; which presents the material elegantly and in a way that makes it consistently readable. The typographer, then, makes a contribution over and above that of the author to the style of the finished text. I explore the nature of this contribution in printed books, examining how the block of text, margins and page size are varied so that together they give a typographic style suited to that of the material printed (4 – выводы). I argue that this is a significant component of the style as a whole (5 – заключение)” (PALA-2019, 2019, 9).

В корпусе 1 нами было обнаружено 149 текстов, содержащих все пять элементов структуры. В 71 тексте было выявлено от четырех до двух указанных смысловых элемента, на основании чего можно сделать вывод, что три элемента структуры – цель исследования и выводы – являются обязательными, а три оставшихся – факультативными.

Приведем пример аннотации с сокращенной структурой:

The present study seeks to address the existing lacuna by conducting a keyword analysis of Sir Gawain and the Green Knight using a self-built reference corpus of selected 14th century poetic texts by Chaucer, Gower, and Langland (цель). Keywords identify terms appearing with unusual or unexpected statistical frequency in a text compared to their general usage in a reference corpus, terms which, when studied in greater depth, are also often shown to function as indicators of textual style (выводы). This research engages with the existing literary criticism, while simultaneously testing the applicability of current corpus methods to (and usefulness in) much more distant historical fields than generally explored in corpus stylistic investigations (заключение) (PALA-2016, 2016, 55).

Данный пример представляет трехчленную структуру (цель – выводы – заключение), которая достаточно частотна, но структурным ядром аннотаций, созданных учеными – носителями английского языка, являются микротексты «цель исследования» и «выводы». В проанализированных нами текстах корпуса 1, аннотаций не содержащих данных элементов, не обнаружено.

В результате анализа текстов корпуса 2 (аннотации на английском языке, созданные авторами из неанглоязычных лингвокультур) сходных повторяющихся смысловых компонентов структуры не обнаружено.

Таким образом, в результате предпринятого исследования можно констатировать, что академические тексты малой формы (аннотация) в англоязычной лингвокультуре имеют четко установленную структуру, содержащую максимум пять и минимум два микротекста, представляющие собой тематические блоки, предающие сходную обобщенную семантику и функцию в тексте. Данная структура обусловлена особенностями типа мышления, отраженного в данных текстах, и академической практики, транслируемой через систему образования англоязычных стран.

Литература

1. Исакова Л. Д. Соотношение типологических тенденций и особенностей проявления функционального стиля в современных германских языках : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
2. Кожина М. Н. Сопоставительное изучение научного стиля // Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные аспекты. М. : Наука, 1977.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М. : Просвещение, 1993.
4. Лапшина М. Н. Стилистика современного английского языка. М. : Академия, 2013.
5. Разинкина Н. М. Стилистика английского научного текста. М. : Либроком, 2020.
6. Рыбина Т. М. Методика обучения научной речи на английском языке слушателей факультета повышения квалификации : автореф. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.
7. Ammon U. World languages: Trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization / ed. by N. Coupland. L. : Blackwell Publishing, 2019. P. 101–122.
8. Caplan R. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education // Language Education. 1965. № 16. P. 1–20.
9. Conrad S. Investigating Academic Texts with Corpus-Based Techniques // Linguistics and Education. 1996. № 8. P. 299–326.
10. PALA-2016, Language. Discourse, Contexts. Cagliari : University of Cagliari, 2016.
11. PALA-2019, Stylistics Without Borders, Book of Abstracts. Liverpool : University of Liverpool Press, 2019.
12. Siepmann D. Academic Writing and Culture // Meta. 2006. № 1. P. 131–150.

С. Ф. Бут-Гусаим

*Брестский государственный
университет им. А. С. Пушкина
(Брест, Республика Беларусь)*

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ЗЕРКАЛЕ ИМЕНОСЛОВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ЗИНАИДЫ ДУДЮК

Аннотация. В статье рассматриваются использованные в исторической прозе З. Дудюк – романе «Велеситы» и повести-хронографе «Славянские князья» – антропонимы, являющиеся носителями ценной информации о материальной, духовной культуре и мировосприятии славянских

народов IX–X столетий. Рассмотрена характерная для мифологического сознания креативная сущность имени. Имена персонажей проанализированы с точки зрения степени их смысловой активности.

Ключевые слова: *оним, поэтоним, говорящее имя, прагматическая значимость поэтонима.*

Предметом художественного анализа в историческом приключенческом романе Зинаиды Дудюк «Велеситы» стала одна из неизвестных страниц древней славянской истории. Писательница воссоздает события IX–X веков н. э. – противостояние древней славянской державы Велеситии и Византийской империи. В повести-хронографе «Славянские князья» З. Дудюк, опираясь на сведения, оставленные древними историками, отыскивает давние следы славянских племен на памятниках культуры человечества. Автор не только рисует драматические события прошлого. Писательница тонко передает особенности мироощущения и мышления древних славян. Решению этой художественной задачи способствует умелое использование образно-изобразительных возможностей собственных имен, прежде всего – антропонимов.

Цель представленной работы – систематизация структуры ономастического пространства исторической прозы брестской писательницы с учетом исторических традиций славянского именослова; выявление образных компонентов, лежащих в основе поэтонимов, и установление характера экстралингвистических признаков, нашедших отражение в поэтонимиконе художественных произведений. В работе впервые осуществлено комплексное лингвокультурологическое и лингвопрагматическое описание ономастического пространства исторической прозы брестской писательницы.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения литературного ономастикона в контексте новой лингвистической парадигмы, в центре внимания которой – отражение в языковых знаках национальной культуры. Научная значимость работы определяется тем, что ее основные положения могут быть использованы для дальнейшего развития поэтической ономастики. Практическая значимость результатов исследования – в возможности их использования при разработке и преподавании в вузах курсов лингвистического анализа художественного текста, стилистики, ономастики.

В упомянутых произведениях Зинаиды Дудюк было зафиксировано 273 имени (246 мужских, 27 женских).

До введения христианства имена славян были прозваниями-характеристиками, которые обозначали физические, умственные, нравственные качества человека, указывали на порядок появления ребенка в семье, на время, желанность или неожиданность рождения ребенка.

Произведения З. Дудюк интересны сочетанием мира реальных событий и фигур отечественной истории с миром событий и персонажей,

рожденных воображением автора. Поэтому все зафиксированные в произведениях антропонимы мы можем разделить на две группы. Во-первых, это имена реальных исторических личностей, во-вторых, это прозвания персонажей, созданных фантазией писательницы.

Значительную часть антропонимикона исторической прозы составляют имена реальных исторических деятелей, властителей тогдашних государств мира: славянских князей *Драговита*, *Мусокия*, *Пирогаста*, *Людовита*, императора великой Римской империи *Карла*, болгарского хана *Крума*, византийских базилевсов *Константина*, *Льва*, *Никифора*, базилисы *Ирины*, папы *Льва III*, патриарха *Николая III*, калифа *Гаруна-аль-Рашида* и др.

Наши предки понимали имя материально, как неотъемлемую часть именуемого, верили в то, что имя предопределяет жизненный путь человека. Вера в связь имени человека и его судьбы проявилась в обычае давать младенцу имя божества, которое будет охранять носителя прозвания от опасности. Так, князь *Велеслав* был назван в честь Велеса: «Он носит имя бога, который издревле покровительствует их роду» [1, с. 21]. В трудные минуты жизни Велеслав просит поддержки и содействия от могущественного Велеса: «Могучий Велесе и духи предков, обращаюсь к вам с просьбой. Помогите мне во всех замыслах и свершениях, дайте мудрости и силы» [1, с. 53].

Писательница отмечает, что имена божеств лежат в основе именованний могущественных вождей славянских племен: «*Вышан* – князь славянского племени *ободритов*. Возможно, имя могло звучать как *Вышень*, ибо так назывался один из главных языческих богов, в котором воплощался дух *Всевышнего*» [2, с. 246].

Созидательная природа называния проявлялась в функционировании так называемых имен-пожеланий, которыми предопределялась судьба древних властителей: «*Валук* – князь *венедов*. Имя это происходит от слова “*владыка*” и означало у славян *верховного правителя*, *вождя* или *князя*. Могло происходить имя и от слова “*великий*”, которое, возможно, входило в состав *княжеского титула*» [2, с. 80].

Автор отмечает, что у славян были распространены апотропеические имена которые, имея отрицательный смысл, должны были отвести беды, болезни и смерть: «*Небул* – славянский князь, имя которого происходит от глагола “*не был*” и является *защитным* от злых духов, кстати, на *полесском диалекте* эти слова произносятся как “*не був*”» [2, с. 70].

Имена политических и религиозных деятелей используются как средство социальной типизации, придавая событиям и фактам художественного произведения черты правдоподобности, художественной убедительности.

Имена персонажей, созданные фантазией писательницы, соответствуют моделям называния, существовавшим в тогдашних славянских

государствах. В. А. Никонов писал: «Имя собственное существует только в обществе и для общества. Оно и диктует неумолимый выбор его, каким бы индивидуальным он ни представлялся» [3, с. 158]. Имена в древнем обществе были социально информативными. Так, герои романа «Велеситы», являющиеся представителями высших сословий, имеют сложные имена-композиции: княгиня *Мирослава*, ведун *Святослав* и др. В таких именах отражена древнейшая традиция имяславия. Такие прозвания выражали пожелание человеку стать великим, могущественным, сильным, славным владыкой. Имена представителей низших сословий являются прозваниями, отражающими внешность (*Огнян, Златица, Лилия*), характер человека (*Радуня, Веселина, Горазд, Храбр*), обстоятельства рождения (*Обрич* был рожден от обра – представителя тюркского племени – славянской женщиной), отношение к ребенку в семье (*Любим*). Апотропеическое (защитное) имя *Невдах* ('несчастливый') должно было отвести духи неудачи от человека.

С точки зрения литературной (поэтической) ономастики, многие из имен персонажей, созданных фантазией автора, являются «говорящими» онимами.

Имена эпизодических героев, как правило, можно считать *прямоговорящими поэтонимами*. Такие имена имеют прозрачный смысл, они характеризуют прямо, непосредственно, являясь своего рода ярлыками, этикетками, предопределяющими характер восприятия и оценки героя. О. Фонякова отмечает: «Эти онимы похожи на маски героя или преступника в средневековом театре, по которым зритель сразу знал: кто перед ним» [5, с. 44]. Антропонимы этого типа позволяют ярко и точно нарисовать целостный образ.

Так, говорящее имя *Веселина* точно очерчивает характер девушки: «*Имя сестре Амана, наверное, дали не зря. Была она действительно хохотунья, все время или что-то пела, или пританцовывала, или смеялась без всякой причины*» [1, с. 74].

Имена главных героев исторической прозы Зинаиды Дудюк можно отнести к *косвенноговорящим поэтонимам*. Именования этого типа лишены заданности и прямолинейности прямоговорящих онимов. Такие антропонимы имеют «затемненную» внутреннюю форму, для выяснения которой нужен контекст. Смысл этих имён раскрывается путём постижения художественных характеров, созданных писателем.

Одна из главных героинь произведения носит имя *Радуня*, соответствующее внешней и внутренней сущности красавицы, подарившей князю *Велеславу* радость первой любви. Девушка пошла с любимым в плен, спасала раненого Драгомира: «*Велеслав снова увидел ее, молодую, светлую, влюбленную. Ему так ярко представились серые Радунины глаза, длинная русая коса, улыбающиеся губы и ямочки на щеках, что, показалось, протяни руку – и она окажется в объятиях, доверчивая и строптивая, нежная и недостижимая*» [1, с. 22].

Писательница фиксирует давний обычай наших предков приобретать новое имя при переходе в иной возрастной, социальный статус. Древние славяне были уверены в преобразовании человека, который приобретает новое имя. Сын князя **Велеслав** попадает в плен и проходит тяжелые испытания, чтобы вернуть главную ценность – волю. Приобретая ее, юноша берет новое имя: *«Самая главная вещь на этом свете – воля. Только с нею ты принадлежишь сам себе, а без нее человек превращается в животное, с которым можно сделать что угодно. Зови меня просто Воля. Я – это Воля. Если нет воли, нет и меня»* [1, с. 16]. Путешествуя по мусульманским странам вместе с другом и соратником Мусой, славянский князь получает имя **Хасан Сакр (Красивый Сокол)**. Соколибами (соколами) мусульмане называли славян, а определение в составе имени передает внешнюю и внутреннюю красоту молодого человека. Отметим, что имена народности и человека Сокол имеют тотемистическое наполнение: на ранних этапах развития восточнославянской именной системы наименования племен были непосредственно обращены к миру природы, частью которой были и люди. Предок-тотем персонифицировал собой человеческий коллектив и как бы существовал в каждом его члене, что выражалось в именах. В этнониме и антропониме **Сокол** отражен отголосок представлений о тотемном предке славянского племени.

Дохристианские имена часто образовывались на базе наименований растений и животных. Я. Станкевич отмечал дезидеративный (пожелательный) характер таких имен: *«Давая такие и подобные имена, родители именами выражали свои пожелания ребенку, желали, чтобы сын был крепкий, как медведь, тур, вол; хитрый, как лис; храбрый, как орел, сокол; твердый, как дуб; чтобы дочь была красивая, как ласточка, цветок»* [4, с. 96]. На страницах произведений З. Дудюк много языческих имен, образованных на базе наименований живых существ. Носители таких прозваний якобы родственны тем животным, птицам и растениям, названия которых стали основой «говорящих» поэтонимов. В основе языческого имени княгини **Дубравки** лежит апеллатив со значением 'лес со значительным количеством дубов и молодого дубняка'. Дуб в славянской мифологии – символ вечной жизни. Верхняя часть дуба символизирует мир вечности, а корни соответствуют зоне сохранения предков. У корней находится вход в тридевятое царство – царство смерти. Дубравы древними славянами считались священными, были связаны с культом предков, представлялись местом, где жили души дедов. Имя **Дубравка** соответствует чрезвычайным способностям женщины, которая тонко ощущает невидимый мир духов и может открывать будущее в вещих снах. Потеряв мужа-князя, **Дубравка** беззаветно бросается в погребальный огонь, чтобы сопровождать Вокамира в царство умерших.

Имена в древнем обществе были показателями родства. В соответствии с обычаем сосименования, представители одной семьи имели имена, которые содержали общий структурный компонент. Так, кузнец, ставший князем велеситов, носит имя *Радослав*, его брат назван *Радомиром*, а дочь носит имя *Радуня*.

Таким образом, в произведениях Зинаиды Дудюк художественно отражены не только именослов дохристианской поры, но и ощущение древним человеком мира через имя – неотъемлемую составляющую личности, программирующую судьбу, связывающую с тотемным предком, защищающую человека от злых сил, объединяющую с семьей, родом, племенем. С точки зрения литературной ономастики, большинство антропонимов, использованных в контексте проанализированных произведений писательницы, являются косвенноговорящими поэтонимами. Дефинитивная сущность таких наименований раскрывается в контексте произведения, создающего представление о носителях говорящих имен.

Литература

1. Дудюк З. И. Велеситы // Маладосць. 2005. № 2. С. 18–87.
2. Дудюк З. И. Славянские князья: повесть-хронограф. Мн. : Беларусь, 2006. С. 202–258.
3. Никонов В. А. Личное имя – социальный // Сов. этнография. 1967. № 5. С. 157–168.
4. Станкевіч Я. Хрышчоныя імёны вялікалітоўскія // Спадчына. 1992. № 6. С. 96–101.
5. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990.

Л. В. Валеева

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

САКРАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В ТЕКСТАХ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые языковые сакральные знаки Богородица и Бог, представляющие устойчивую символическую систему заговорного текста. Описаны семантические категории, источники и функции, характеризующие ключевые христианские символы русского заговорного текста.

Ключевые слова: заговор, символ, семантика.

Заговор – прагматически ориентированный текст, функционирующий в специфической коммуникативной ситуации и являющийся уникальным источником национальной идентичности. Заговорный текст моделирует один из видов прагмалингвистических дискурсов, согласно типологии В. И. Карасика (Карасик В. И., 2004), так как представляет стратегии интерактивно-когнитивного поведения и определяется суггестивными навыками адресата.

Доказательством принадлежности заговорного текста к магическому дискурсу являются его системообразующие признаки. Цель магического дискурса – оказание воздействия на происходящее, которая реализуется в рамках коммуникативной ситуации между участниками ритуала: клиентом и агентом. Ту же цель преследует заговорный текст, первостепенная функция которого – способствовать достижению желаемого. Несмотря на различия в семантике наименований агентов, каждый из них связан с высшими силами и способен совершать поступки, нарушающие законы устройства мира. По мнению Н. Б. Мечковской, общей чертой магического отношения к семиотическим феноменам является неконвенциональное восприятие знака, а именно знак является не условным, а слагаемым важного содержания (Мечковская Н. Б., 2007, 237). Языковые символы являются основными средствами выражения прагматических намерений участников коммуникации.

В последние десятилетия обращает на себя внимание факт повышенного интереса к заговорным практикам. Их популярность обусловлена необъяснимой властью слова над человеческим сознанием, что способствовало их сохранению при смене общественных формаций. Еще одной причиной повышенного интереса к заговорам, представляющим как авторские, так и фольклорные тексты, является предназначение жанра для использования в обыденной жизни – решения проблем в сфере здоровья, личной жизни, материального благосостояния и т. п.

В любой коммуникативной ситуации человек преследует определенные цели, поэтому он намеренно использует те языковые знаки, которые способны повлиять на поведение окружающих и помочь в достижении результата. В заговорном тексте мы отмечаем последовательное включение лексических знаков, которые являются устойчивыми в процессе исторического изменения текста и сохраняются в заговорах настоящего времени. Они способны воздействовать на адресата, поскольку процессы сознательной деятельности человека обладают большой пластичностью и управляемостью, а значит, способствуют изменению человека. Задача исследования – выявить те языковые единицы в заговорном тексте, которые служат маркерами устойчивости заговора в современном русском языковом пространстве и формируют информационную и суггестивную природу текста.

Адекватная передача знаний и порождение новых смыслов – две функции текста, выделяемые Ю. М. Лотманом в общей системе культу-

ры. Первая функция идеально проявляет себя в среде искусственных языков при максимальной однозначности текста. В этом случае коды говорящего и слушающего совпадают, а искажение информации возможно лишь в случае помех при передаче. Говоря о порождении новых смыслов, мы подразумеваем функционирование текста в естественном языке, в котором информация не констатируется, а трактуется говорящим и слушающим, поэтому «текст представляет собой устройство, образованное как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение» (Лотман Ю. М., 1981, 7). Наличие постоянно воспроизводящихся компонентов в заговорном тексте способствует его устойчивости, поскольку повторяются значимые для общества знаки, имеющие культурную, в большинстве случаев сакральную значимость.

На семантическом уровне выделим два вида символов: христианские и языческие, представленные именами собственными и нарицательными. Особое место в заговорах последних десятилетий занимают главные христианские символы – *Богородица* и *Иисус Христос*.

Употребление лексемы *Богородица* не зависит от того, в какой области практического применения используется заговор, ее образ является сквозным для всех типов заговорных текстов, что обусловлено любовью и почтением народа к ее образу. По мнению верующих, *Богородица* способна помочь людям вымолить грехи перед своим сыном, её образ больше приближен к повседневной жизни людей, чем образ Бога.

Символическая природа *Богородицы* проявляется в экстраполяции образа на тематические группы – ‘материнство’, ‘женственность’, ‘власть’.

Первая тематическая группа представлена языковыми знаками *мать*, *матерь*, *матушка*. В тексте эти единицы выступают в сочетании с различными именами Богородицы и могут сопровождаться прилагательным, характеризующим качество субъекта. «*Приди на помощь, Божья Матушка, Со Своими молитвами*»; «...я подушечку набью, принесу я ту подушечку во святую церковь Богородичную, положу к Богородице на престол, чтобы Мать Пресвятая Богородица мирно почивала, добры сны видала, меня, рабу Божью (имярек), поминала». Необходимо отметить, что языковой знак *матушка*, кроме личностного отношения к субъекту, имеет и сакральное значение, поскольку это слово функционально активно в сфере религии, так как является номинацией монахини, почтенной старицы, наставницы либо супруги священнослужителя.

Высшая степень почитания в народе изучаемого образа выражается через усиление качества, выраженное в данных лексемах приставкой *пре-*. Лексемы *пресвятая* и *пречистая* в соединении со словом *мать* отсылают нас к истории о непорочном зачатии Богородицей Иисуса Христа, что также находит отражение в заговорных текстах: «*Пресвятая*

Мать Богородица, человек непорочный, в новом соборе трапезничала, ела с аппетитом, возрадовалась и разговаривала».

Отдельную группу прилагательных, сочетающихся с лексемой *Богородица* или ее другими именами, составляют наименования икон. Такое представление Богородицы обусловлено тем, что народ наделяет ее способностью помогать в разных сферах жизни. Поскольку каждая икона Божьей Матери предназначается для каждого отдельного случая, то происходит переход наименования иконы в личное имя Богородицы: *«скорбящая Мать Божья, моли Бога о нас, Тихвинская, Смоленская и Казанская Божья Мать молитв Бога об избавлении от болезней».* В группу «иконографических» прилагательных, выявленных при анализе заговоров, относятся следующие: *Тихвинская, Казанская, Смоленская, Калужская, Скорбящая, Почаевская, Белобережская, Троеручица, Бельчинская.*

Тематическая категория ‘женственность’, формирующая семантическую символику *Богородицы*, представлена именем собственным *Мария* и языковой единицей *дева*. Они связывают *Богородицу* с конкретной библейской персоналией и дают отсылку к сказанию о зачатии и рождении Христа: *«Мати Божия Марие по лугам гуляла, травы собирала, слезы роняла, ко Христу приходила, траву приносила»; «Пречистая Дева Мария! Как Ты смывала, Как Ты сполоскала С Самого Иисуса Христа истинного, Царя Небесного, Все уроки и прикосы, Исполохи, переполохи, И грыжи, и выполохи, Всякие немочи и недуги...».*

Категория ‘власть’ выражает отношение человека к высшей сущности через свое повиновение и ее возвеличивание. Человек ставит себя в положение подчиненного, над которым властны высшие силы: *«О Пресвятая Богородица, Царица Небесная, Владычица Мария, Укрой Своею ризою красною, Рукою честною, Крестом животворящим Рабу Божью (имя) от всякого зла И напасти во веки веков».* Семантическая символика имени *Богородица* реализуется в номинациях *Владычица, Госпожа, Царица Земная, Царица Небесная.*

Исследование источника формирования образа в тексте и своеобразие его функционирования указывает на разнообразные ресурсы символической природы *Богородицы*. Это библейские предания и их фольклорно-литературные интерпретации: предание о рождении Иисуса Христа *«На Арианской горе И на Абраминской горе Пречистая Владычица, Мать Богородица, Как породила Христа, единого Господа»;* иконография; богослужebная практика: *«Как спокойна Мать Божья на иконе, так и спокойно все в моем доме»;* народные верования, что отражают разнообразные представления человека о функциях святых, выстраивают цепочку взаимоотношений Богородицы с другими религиозными персоналиями: *«Приди на помощь, Божья Матушка. Со Своими молитвами. Приди на помощь, Илья-пророк, Со своею водичкою. Святой мученик Трифон. Помоги болящей (имя)».*

Другим значимым христианским символом в языке заговора является *Бог*. Семантическая символика имени *Бога* формируется лексическими репрезентантами категорий ‘библейский ономастикон’, ‘власть’, ‘личные характеристики’, ‘отцовство’.

Имя *Иисус Христос* и его сокращенные варианты *Иисус*, *Христос* являются доминантами семантической группы ‘библейский ономастикон’. Имена используются в прямом значении, без коннотативных оттенков или переноса значения. «*Плакала Мать, Пресвятая Богородица по сыну своему Иисусу Христу. Плачь и ты, раба Божья (имя), по своим деткам, по своему дому, по своему порогу*».

Категория ‘власть’ представлена номинациями *Господь*, *Царь Небесный*, *Владыка Жизни*, *Владыка всех*, *Царь Земной*, *Господин*, *Творец мира*. Бог определяется как наивысшая сущность в мироздании, которой подчиняются не только люди, но и все явления жизни: «*Слава Тебе Боже, слава Тебе, Царь Небесный, Спасова рука со мной, дорога безопасная передо мной*».

Семантика христианской символики в заговорном тексте отражает ментальный мир русского человека. Для русского менталитета характерно включение в материальный мир и личное пространство человека сверхсущностей, предметов и явлений, наделенных высшей силой. Тематическая категория ‘личные характеристики’ включает имя – *Божечко*, Субъективный образ *Бога* создается с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -ечк-: «*Господи, Божечко помоги, благослови*».

Категория ‘отцовство’ представлена ключевыми именами *Отец* и *Батюшка*. Первая лексема встречается в молитвенных вступлениях: «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь*», реже – в обращениях: «*Господи, отец небесный, сила твоя и воля твоя*». Вторая единица коррелирует с предыдущей категорией, указывая на почитание Бога как отца, что выражается не в страхе, а любви к нему.

Своеобразие сакральной христианской символики в заговорном тексте заключается в персонификации Божественных сил: «*Господи, Матерь Божия! Отцовская честь, Материнская милость, держите весь мир крещеный от вреда на моего сына. Аминь*», визуализации их как персонажей-помощников: «*Божья Мать впереди, Господь Бог позади, что будет им, то будет и мне, они помогут мне. Аминь*».

Источником христианского символа *Иисус Христос* в заговорном тексте является неоспоримость библейских сказаний о сотворении мира: «*сотворил небо, сотворил землю, сотвори здоровье рабе Божьей*», о крещении Иисуса Христа, о распятии: «*Господи Иисусе Христе, Ты был на Кресте, муки терпел*» и др.

Таким образом, семантическая христианская символика в заговорных текстах представлена ключевыми языковыми знаками *Бог* и *Богородица*, функционирование которых отмечено изменением их зна-

чения и формы, сопровождающимся наслоением субъективной оценки и введением их устойчивых символических образов в русскую языковую картину мира.

Литература

1. Владимирова Н. 1000 заговоров, оберегов, обрядов на все случаи жизни. М. : Рипол-Классик, 2009.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
3. Краснова А. Заговоры алтайской целительницы. Наговоры на дом, чтобы были деньги, здоровье, лад в семье. М. : АСТ, 2010.
4. Лотман Ю. М. Текст в тексте. Тарту, 1981.
5. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М. : Изд. центр «Академия», 2007.
6. Степанова Н. И. 200 защитных заговоров сибирской целительницы: Как уберечь свою семью и себя. М. : РИПОЛ классик, 2006.

Н. А. Верхотурова

*Томский государственный университет
(Томск, Россия)*

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аннотация. В статье описывается процесс реконструкции ритмико-композиционной модели стихов, которая определяет основные принципы отбора и структурирования содержания поэтического текста. Проводится сопоставительный лексико-стилистический анализ сонета английского поэта Джона Китса «On the Grasshopper and Cricket» и двух переводов на русский язык С. Маршака и Б. Пастернака «Кузнечик и сверчок», обосновывается национальная идентичность поэтических текстов.

Ключевые слова: поэтический перевод, стиховые позиции, ритм, рифма, идентичность.

Данное исследование вписывается в парадигму современного переводоведения, нацеленного на поиск универсальных оснований при переводе поэтических текстов с одного языка на другой. Метод перевода стихов обуславливается многими факторами (авторская эмоция, живая разговорная интонация, близкое воспроизведение смысла оригинала, игра на рифмах), соответственно и анализ переводных текстов должен производиться с опорой на данные стиховые характеристики. Представленная в статье методика анализа перевода, прежде всего, делает акцент

на особых когнитивных и языковых структурах, присутствующих в стихотворных текстах и активизирующих те или иные механизмы перевода. Научный интерес представляет особая, отличная от прозы информация, которую переводчик извлекает из текста при восприятии стиха. Эта информация задается в процессе стихопорождения оригинала и перевода на уровне **композиционной, ритмико-синтаксической, интонационной структуры стихотворения.**

Материалом для сопоставительного анализа в работе выступает сонет английского поэта Джона Китса «*On the Grasshopper and Cricket*», написанный в 1816 году и переведенный на русский язык двумя гениальными русскими поэтами-переводчиками С. Маршаком и Б. Пастернаком «Кузнечик и сверчок». Стихотворение Дж. Китса – философское размышление о неумирающей «поэзии земли», которая не благодушна к человеку. Картины природы выступают фоном, на котором автор разворачивает свою философскую концепцию – гимн дерзкому, непокорному жизнелюбию, жизненный оптимизм. Земная, человеческая направленность сонета сохраняется и в русских переводах, где через осмысление природных реалий передается система ценностно-смысловых координат, различных по своему идейно-оценочному содержанию.

Интонация, ритмическая организация поэтического текста, отличающая его от прозы, позволяет по-новому взглянуть на словесную организацию стихотворений. В процессе перевода на другой язык, стихотворные тексты претерпевают ряд определенных трансформаций на разных уровнях стихотворного текста:

- лексико-семантическом уровне (регулярные повторы одних и тех же слов в пределах одной строфы или строф; слов с одинаковыми семами; слов, входящих в одинаковые лексико-тематические группы или разряды);
- фонетическом уровне (аллитерации);
- ритмико-синтаксическом, а шире композиционном уровне.

Гипотеза в данной статье включает представление об **особой интонационной, ритмико-синтаксической и композиционной** организации стихотворного текста, которая заслуживает подробного изучения, поскольку именно она участвует в организации смыслового содержания стиха, а также позволяет передать субъективно значимые смыслы. Безусловно, что исследования по изучению ассоциативной и лексико-семантической составляющей стихов коррелируют с предметом изучения предлагаемой статьи, но, в то же время, отличаются смещением проблемного поля в сторону композиционно-синтаксической, интонационной модели стихов.

Теоретической предпосылкой данной гипотезы послужили положения, сформулированные в исследованиях Е. В. Урысон, (Урысон, 2017), о том, что некоторые линейные позиции в строке являются «**семантически сильными**», а другие – «**семантически слабыми**».

«Семантически сильные» позиции определяются, во-первых, *структурой стиха*: это конец строки или строфы (и тем более – всего стиха). Этому ритмическому выделению соответствует и *психологическое выделение смысла*. Во-вторых, семантически сильная позиция создается *синтаксисом*:

1. Нарушением нейтрального порядка слов.

2. Концом предложения, а также концом обособленного оборота.

Тем самым, семантически сильные позиции можно делить на *семантически сильные стиховые позиции* и *семантически сильные синтаксические позиции*. По мнению Е. В. Урысон, можно, по-видимому, утверждать, что семантически сильная позиция в стихе маркируется на фонологическом уровне. Это очевидно для конца строки (строфы), а также для конца предложения (обособленного оборота): данные позиции маркируются той или иной паузой и определенной просодией. Что касается нарушения нейтрального порядка слов, то в обычной речи оно тоже маркируется специфической просодией. Как бы то ни было, нарушение нейтрального порядка слов психологически выделяет данный фрагмент высказывания.

Данная гипотеза проверяется в работе путем сопоставительного анализа оригинальных и переводных стихотворных текстов, объектом анализа выступает английский сонет и его переводы на русский язык.

В качестве основных методов использованы методы когнитивного моделирования, структурно-семантического и сравнительно-сопоставительного анализа.

Методика анализа

Семантический анализ стихов проводится в два этапа.

На первом этапе путем лексико-семантического анализа каждой строки в первой и второй строфах английского оригинала (стихотворение Дж. Китса «*On the Grasshopper and Cricket*»).

Семантически сильные стиховые позиции, выраженные концом строки или строфы, передают наиболее значимые смыслы, определяя общую идею и тональность стихотворения. Лексемы конца строки, образующие рифмы (ритмические пары) составляют смысловое единство, формируя в сознании реципиента (читателя, переводчика) ассоциативно-образные соответствия. Такие концептуальные единства реализуются так же и на уровне семантически сильных синтаксических позиций, в основе которых лежит выдвигание на первый план семантически значимых слов. Лексические, фонетические повторы, а также повторы семантически сходных слов (с повторяющимися семами), синтаксический параллелизм, и т. п. рассматриваются нами, как актуализаторы прагматического отношения автора к передаваемому им содержанию.

На втором этапе аналогичному построчному (построфному) анализу подвергаются переводы английского сонета («*Кузнечик и сверчок*»

С. Маршака и Б. Пастернака). Фокус исследования направлен на анализ семантически сильных стиховых позиции и семантически сильных синтаксических позиций в двух переводах.

Третий этап подразумевает сравнительный анализ переводческих картин мира, смоделированных посредством семантически сильных позиций.

Обсуждение результатов

В качестве материала в статье рассматривается сонет английского поэта Джона Китса «*On the Grasshopper and Cricket*» и его русские переводы, выполненные С. Маршаком и Б. Пастернаком «*Кузнечик и сверчок*». Исследовательский интерес представляет семантическая организация оригинального текста и его переводов на русский язык. Рассматривается гипотеза «сильных» позиций, которые выражаются на лексико-семантическом, фонетическом, ритмико-синтаксическом уровнях стиха. «Сильные» позиции в стихотворном тексте отражают его концептуальные смыслы, что становится очевидным при сопоставлении переводов.

Первый этап анализа английского стихотворного материала:

В смысловом плане стихотворение разделено на две части, что подчеркивается композиционной структурой стиха, повторением ключевой мысли автора (*The poetry of Earth is never dead: / The poetry of earth is ceasing never*).

Ритмико-синтаксическая структура стиха сближает пары слов: ***never dead – the new-mown mead; sun – will run***, провозглашая идею бесконечности жизни на Земле. Кузнечик Дж. Китса наделяется способность человека – голосом, провозглашающим Поэзию Земли.

Во втором четверостишии автор подчеркивает идею бесконечного праздника жизни ритмически сближенными парами слов в сильных стиховых позициях: ***lead – weed; never done – fun***. Авторская идея, зафиксированная в ритмически выделенных частях четверостишия, отражается и в семантике знаменательных лексем, которые подчеркивают центральную идею стихотворения: *luxury, delights, rests at ease, pleasant*.

Вторая смысловая часть стихотворения Дж. Китса начинается с повторения значимой мысли автора. Сильную стиховую позицию занимают слова, подчеркивающие эту идею: ***is ceasing never – increasing ever***. Одним из проявлений смерти является природа, которой противостоит тепло домашнего очага: ***the frost – in drowsiness half lost, half lost***. Это противопоставление выражается и в семантике знаменательных слов: *stove, warmth – lone winter evening; wrought a silence*. Дом, очаг, тепло символизируют жизнь, ее вечность, ее поэзию. Способностью пения наделяется в этом четверостишии сверчок (*shrills song*), звучание кузнечика является его зеркальным продолжением и улавливается из контекста. Ритмически сближая слова ***shrills – hills***, автор создает эффект эха, вечного повторения образов: звуковых, тактильных (*warmth*), зрительных (*grass hills*).

Смыслообразующая функция композиционной структуры стиха, участвующая в формировании его концептуально значимых смыслов, «особого лирического настроения» (в терминологии Е. В. Урысон (Урысон, 2017) может быть проиллюстрирована на примере оригинальной и двух переводных строк.

В оригинале сильную стиховую позицию занимают слова, подчеркивающие идею бесконечности жизни (наречия с семантикой времени): *is ceasing never – (in warmth) increasing ever*. Природа осмысляется как чуждая человеку стихия, подчиняющая себе все живое: *the frost – (in drowsiness) half lost*.

В переводе С. Маршака это содержание по-особому интерпретируется поэтом. Ключевую роль получает у автора идея «дома» – места, в котором можно найти теплое пристанище в смертельную стужу.

Ритмически сближая лексемы (*смерти – не верьте, метель – щель*) поэт-переводчик выражает свое отношение к содержанию оригинала и жизни вообще.

Б. Пастернак, интерпретируя содержание стиха, по-особому осмысляет и выражает авторское отношение к оригиналу, свою авторскую позицию. Композиционно сближая пары слов, находящиеся в сильной стиховой позиции конца строк (*своя – жилья, переливы – молчаливой*). Б. Пастернак отказывается от идеи смерти вообще, гармонизируя земное существование человека, в котором живая и не живая природа оказываются равны.

Сравнительный анализ стихов позволяет констатировать, что оба русских перевода отличаются от оригинала отношением С. Маршака и Б. Пастернака к лирическому герою – кузнечику, отличаются они и своим концептуальным наполнением. Так, в переводе С. Маршака усиливается идея борьбы со смертью, дом осмысляется как антипод смерти. Кузнечик С. Маршака – это существо разумное, способное испытывать чувства (*насладиться*), наделенное голосом. Идея смерти, наоборот, нивелируется в переводе Б. Пастернака, на передний план выдвигается, скорее, идея гармонизации жизни, идея дома, в котором кузнечик предстает как существо «низшего порядка» (треск кузнечика) и (пронзительны переливы сверчка).

Литература

1. Урысон Е. В. О семантической организации стихотворного текста // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова / Отв. ред. вып. Т. В. Скулачева. М., 2017. Вып. 14. Славянский стих. С. 243–257.
2. Маршак С. Я. URL: <https://rustih.ru/dzhon-kits-kuznechik-i-sverchok/>
3. Пастернак Б. Л. URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=29>
4. Keats John. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/53210/on-the-grasshopper-and-cricket>.

Л. Н. Грицук
*Брестский государственный
технический университет
(Брест, Беларусь)*

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯЗЭПА ПУЦЦА

Аннотация. *Статья посвящена особенностям элегического наследия Язэпа Пуццы. Рассматриваются элегии-размышления, патриотические и философские элегии. Делается попытка классифицировать элегии поэта, соотнести их с классическими образцами античной лирики.*

Ключевые слова: *элегия, мотивы одиночества, тоски, медитативная лирика, смысл жизни.*

Язэп Пуцца (настоящее имя Иосиф Павлович Плащинский) (1902–1964) – белорусский поэт, критик и переводчик. Был одним из организаторов литературных объединений «Маладняк» и «Узвышша». Язэп Пуцца стал одной из крупнейших фигур литературного движения в Белорусской ССР довоенной поры. Первые его стихи появились в печати в 1922 г. Известны сборники его стихов: «Раніца рыкае» (1925), «Vita» (1926), «Дні вясны» (1927), «Песні на руінах» (1929), а также поэмы «Песня вайны» (1928) и «Цень Консула», проникнутые впечатлениями о Первой мировой войне, а также поэма «Крываваы плякат» (1930).

В 1925–1927 гг. Язэп Пуцца учился на педагогическом факультете Белорусского государственного университета, затем перевелся в Санкт-Петербургский государственный университет. Вернулся в Минск, работал стилистическим редактором в Белгосиздательстве. 25 июля 1930 г. был арестован по делу «Союза освобождения Белоруссии» и приговорен к 5 годам ссылки. Отбывал наказание в г. Чебоксары, затем в г. Шадринске. Освобожден 24 июля 1935 г. После освобождения его жизнь проходила вдали от родины. В 1935–1936 гг. поэт работал в совхозе возле Анапы. Затем в 1937–1941 гг. был заведующим учебной частью, директором Монаковской средней школы Муромского района Горьковской области. В августе 1941 г. его перевели на работу в село Чаадаево Муромского района. В годы Великой Отечественной войны Язэп Пуцца учился во 2-м Московском пехотном училище. Был демобилизован из армии в 1942 г. по состоянию здоровья и вернулся на работу учителем и директором Чаадаевской средней школы до 1958 г.

В 1958 г. вместе с семьей вернулся в Минск. После возвращения на родину в печати появляется стихотворная сказка «На Бабрыцы» (1960), книга «Вершы і паэмы» (1960) и сборник «Пачатак легенды» (1963). Поэт занимался переводческой деятельностью, так, он перевел на белорусский язык роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1930) и повесть А. Н. Толстого «Детство Никиты» (1960).

Писатели начала XX века испытали на себе изменения в общественном строе, переживали недовольство новой действительностью. Их произведения проникнуты грустью, одиночеством, сентиментальностью, поэтому в начале XX века, в эпоху нового белорусского Возрождения, в белорусской литературе элегия заняла ведущие позиции.

В первый период творчества (1922–1926 гг.) Язэп Пуца создает торжественную песню, посвященную социалистическому обществу. Поэт стоит у истоков литературного объединения «Молодняк», стремится писать как Сергей Есенин, экспериментирует в образно-изобразительном плане. Героем его произведений выступает «сын деревни», кстати, как и сам поэт. Однако поэт уже испытывает сложность жизни, в произведениях появляется тревога. Язэп Пуца обращается к сокровенным глубинам человеческой души: *Смута́к слязо́й адцвітае на скронях... // Дайце мне, дайце мне новых настраю́! // <...> Шчо́дра рассы́паны росы на клёнах, – // Смута́к слязо́й адцвітае на скронях.* (рус. *Печаль слезой отцветает на висках... // Дайте мне, дайте мне новое настроение! // <...> Щедро рассыпаны росы на кленах, – // Печаль слезой отцветает на висках).*

Период с 1926 по 1927 гг. можно назвать вторым этапом творчества. В поэзии Язэпа Пуци вместо радостных, возвышенных чувств начинают звучать мотивы одиночества, тоски, отчаяния, недоверия. Лирика имеет философский уклон, на что указывают названия сборников этого времени – «Vita» и «Дни весны». Героем произведений становится сын Земли. Романтика встречается с реальностью, в результате чего, как замечал еще в XVII веке испанский поэт Луис де Гонгаро, происходит трагедия. Когда в 1927 г. Язэп Пуца переводится учиться в Ленинград, радостный, праздничный пафос вытесняется трагедийностью. Поэт удивляется красоте зданий, благополучию ленинградцев (цикл «Осенние песни») и чувствует боль от того, что добрые, искренние, трудолюбивые белорусы лишены такой красоты в жизни. Поэт даже думает о самоубийстве. Дисгармония в душе родила стихотворение «Заплаканный вечер», в котором Беларусь оказывается распятой на кресте, страдает.

Третий период (1927–1930 гг.) отмечается переходом от оды к элегии. Появляются символы несчастья, беды, горя. Исследователи творчества Язэпа Пуци отмечают, что в это время «содержание поэзии Пуци... еще четче приобретает черты классической соразмерности, гармонии» (Мишчанчук М., 2002, 550–575). Лирика времен пребывания поэта в России и послевоенные произведения определяются оптимистическим настроением, элегические произведения этого времени хоть и трагичны, но более эмоциональны, мелодраматичны.

Жанр элегии известен еще с античных времен. Сначала элегиями называли грустные стихи, написанные для прочтения над усопшим во время похорон. Позже жанровые границы расширились, и элегиями

стали называть стихи следующей тематики: элегии-размышления, элегии печали, медитативные элегии, социально-гражданские, элегии на тему природы, психологические, философские элегии. Древняя элегия характеризовалась отметками лирического и эпического родов литературы, находилась на пограничье описательности и переживания. Ее отличительными чертами были небольшой размер, эмоциональность, экспрессивность, связь с жизненными реалиями и дидактизм. Сюжеты древнейших элегий основывались на мифологических мотивах и образах согласно традициям героического эпоса. В элегии поэт самовыражается, рассказ, как и в лирике в целом, ведется в ней в настоящем времени. Но до свободного полета мыслей мастера древних элегий не поднимались. Сюжеты элегий не охватывали широко картины жизни народов и величественные происшествия, а основывались на отдельных событиях, в которых авторы или их близкое окружение принимали непосредственное участие.

В начале XX в. в элегиях отражается настроение Язэпа Пуци, его переживания, вызванные не только проблемами в личной жизни, а прежде всего – национальными проблемами, болью за трудную судьбу общества в целом. Белорусская элегия выступила в это время во всех разновидностях, которые были известны еще со времен античности.

В творчестве Язэпа Пуци можно определить элегии медитативные (или описательные), философские, социально-гражданские элегии, элегии-размышления, элегии печали. В философской элегии «Праплюскочуць гады, бы вада» (рус. «Расплескаются годы, как вода») поэт размышляет о смысле жизни. Самым страшным для него будет потерять «свой березовый край». Он боится, что вместо березовой рощи «ноги завязнут в песках». Интересно, что ощущение трагедии – прощания с родиной – появилось у поэта еще за несколько лет до высылки из Беларуси (стихотворение «Праплюскочуць гады, бы вада» датируется 1926 годом). Лирический герой остается один в чужой стране: «не встречу своих там сестер». Символическими являются слова «*завію дзень апошні ў вянок*» (рус. «*заплету день последний в венок*»). Венок – это будто колесо, у которого нет ни начала, ни конца. Поэтому у читателя появляется надежда, что лирический герой не погибнет, не потеряется, он должен жить вечно. Жить со своей печалью. Поэт предсказал не только свое будущее, но и трагическую пору в судьбе белорусского общества.

Осмысление того, что жизнь уже прошла, но прошла не так, как должно было быть, отчетливо ощущается в философской элегии «Зялёны шум лясны» («Зеленый шум лесной»: «*Мне сёння сняцца сны, // Што я другі, не той...*» («*Мне сегодня снятся сны, // что я другой, не тот...*»)). Ощущение необходимости перемен приходит только в зрелом возрасте. В стихотворении можно проследить весь жизненный путь человека, посмотреть, как с возрастом меняются его мысли и настроение.

В молодости «зялёны шум лясны // Змятае сум з кустоў» («зеленый шум лесной // сметает грусть с кустов»). С течением времени происходят различные события, важно не потерять выбранный путь, не «заблудиться», потому что хочется жить: «І хочацца ўсё жыць, // На бляск зары глядзець» («И хочется все жить, // на блеск зари смотреть»). В ранний период творчества утро казалось поэту светлым, постоянная жизнь предполагалась такой же светлой, но жизнь прошла, а света нет.

Медитативная лирика передает переживания, суждения поэта о жизни смерти, о любви, дружбе. Медитация – это умственное действие, цель которого привести психику человека в состояние углубленности и сосредоточенности. Медитация сопровождается отсутствием эмоциональных проявлений, ограниченностью от окружающей среды. Лирические высказывания всегда эмоциональны, и к тому же в них чрезвычайно активно проявляется медитативное начало (слово «медитация» происходит из латинского языка и означает ‘рассуждение’). Поэт-лирик оценивает личные чувства, тем самым позволяя читателю глубже заглянуть в мир своих переживаний. Так рождается лирика чувственной рефлексии (Поспелов Г. Н., 1976, 67). В стихотворении «Здаецца...» («Кажется...»), которое датируется 1926 г., поэт стремится понять тайну всего сущего, сидя один в комнате: *Здаецца, што глядзеў бы вечна й вечна // Ё таямна-існае сталаеццяў дно. // Люблю, калі гараць ды лампа з свечкай, // Калі іх свет зліваецца ў адно.* (рус. «Кажется, что смотрел бы вечно и вечно // В тайно-сущее столетий дно. // Люблю, когда горят лампа со свечкой, // Когда их свет сливается в одно»). Свеча – это всегда фантазия, это погружение в мир вне *ratio*, это и ощущение мистического, которое время от времени «позволяет» человеку узнать о тайнах Вселенной. Вопрос только в том, лучше ли станет человеку от того, что он претерпел о будущем?

В элегии-размышлении «З табой я спаткаўся учора» («С тобой я встретился вчера») (1926 г.) поэт укоряет себя за то, что полюбил. Он не радуется этому светлому чувству, а испытывает тоску. Однако тоска еще не очень сильна, как в стихотворении «Каханне, залатое каханне» («Любовь, золотая любовь») (1926 г.), в котором поэт вновь обращается к Стасе. Тоска нарастает, поэт признается, что полюбил сироту Стасю за то, что и сам «в одиночестве вырос». Любовь трудно найти: «цяжка шчасце ў дарозе налучыць» («трудно счастье в дороге найти»), любовь – это нечто неконкретное, тайное: «Я спаткаў у даліне два цені, // А таксама таямнасці здань...» («я встретил в долине две тени, // а также таинственности призрак...»). Еще в одном стихотворении, посвященном Стасе, который датируется 1929 годом, читатель уже не имеет надежды на то, что поэт и Стася будут вместе, ощущение трагедии приближается: «Ці ўспамінаеш ты сягоння, Стася, Пра гэтую пару ў сваёй радні». («Вспоминаешь ли ты нынче, Стася, об этой поре у своих родных?»).

В патриотической элегии «Пад хатай...» («Под домом...») публицистический призыв поэта имеет целью призвать белорусов к переменам. Язэп Пушча ищет новые пути к пробуждению духа соотечественников, но, как раньше Максим Богданович и Янка Купала, находит их в самих белорусах: *Пад хатай, на прызбе абуялай // Ды грэеца дзень светларусы. // Налівайцеся, гукі цымбалаў, // Уцехаі палёў Беларусі! (Под домом, на завалінке // Греется день светлорусый. // Наливайтесь, звуки цимбал, // Отрадой полей Беларусі!»).*

Сохранить независимый дух, получить самостоятельность стране поможет только твердое стремление народа к этому. Народная самобытность – вот тот стержень, который не позволит унижить и подчинить белорусов. Пока есть талантливые люди, пока они дарят нам свои мысли, оформленные в песни, белорусы не погибнут как нация. Источником песен для поэта стала родная страна, он *«ў народзе іх падслухаў сэрцам і душой, // І радасць, вобразаў нязвыклых ў іх знайшоў»* («в народе их подслушал сердцем и душой, // и радость, образов непривычных в них нашел») (стихотворение «Бальзам жывой вады») («Бальзам жывой воды»). Народные песни поэту эмоционально близки, потому что в них отражается суть народных представлений о мире, о справедливости, об истинных человеческих отношениях. Риторический вопрос «не знаю, какая моя будет с ними судьба?» заставляет и читателя задуматься над проблемой сохранения народных традиций. Очевидно, что в плане художественных зарисовок родной страны на Язэпа Пушчу повлияли традиции Сергея Есенина, Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича.

Жанр элегии помогал белорусским поэтам прививать белорусской литературе новые качества: индивидуализацию лирического письма, усиление личного начала в нем, углубление психологического анализа. Элегии Язэпа Пушчи соответствуют классическим элегиям древности в плане содержания, эмоционального настроения произведений, однако стихотворный размер античных элегий (сочетание гекзаметра с пентаметром) поэтом не используется.

Літэратура

1. Мішчанчук М. Язэп Пушча // Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя : у 4 т. Мінск, 2002. Т. 2. С. 550–575.
2. Поспелов Г. Н. Лирика: Среди литературных родов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976.
3. Пушча Язэп // Музей белорусского книгопечатания : офиц. сайт. 2024. URL: <http://book.polotsk.museum.by/node/68642> (дата обращения: 30.01.2024).

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются средства и способы выражения национальной идентичности в тексте официального документа. Доказывается, что национальная идентичность проявляется в однозначности интерпретации лексических единиц и грамматических конструкций представителями русской лингвокультурной общности.*

Ключевые слова: *официальный документ, национальная идентичность, модальность.*

Цель статьи заключается в исследовании средств и способов выражения национальной идентичности в тексте официального документа. Материалом исследования является Кодекс об административных правонарушениях РФ и Семейный кодекс РФ.

Официальный документ для реализации своей основной интенции должен был информативным, истинным, релевантным окружающей действительности; ясным и понятным (Саркисян Г. А., 2014, 22). Официально-деловому стилю, в котором создается документ, трудно дать определение, часто выделение стилевых языковых черт заменяется описанием условий функционирования и примерами наиболее ярких лексико-фразеологических единиц, «настраивающих» нас на восприятие типичных для стиля речевых «образцов» (Кушнерук С. П., 1999, 33). Составители официальных документов отмечают следующие особенности юридического стиля: строгость; чеканность; нейтральность; беспристрастность; отсутствие какой-либо оригинальности и стилевой индивидуальности; сдержанность и эмоциональная холодность; отсутствие образных сравнений; властность (повелительность) (Кашанина Т. В., 2011, 131).

Эти характеристики не приводят к единообразию структуры текстов документов. Синтаксис документного текста разнообразен. В документном тексте встречаются как простые распространенные предложения, так и многокомпонентные сложные предложения с союзной связью, отмечается высокая частота образования сочинительных и подчинительных словосочетаний с отглагольными существительными, подчинительных цепочек имён, чаще всего в родительном падеже. Одним из синтаксических свойств текста документа считают использование конструкций страдательного залога (Кушнерук С. П., 2016, 45). Выбор языковых средств в тексте документа происходит в зависимости от интенции субъекта документной речи передать то или иное отношение со-

держания документа к действительности, то есть от модальности. План выражения модальности представлен средствами, принадлежащими разным ярусам языковой системы (Киреева Е. З., 2019, 75). Одним из способов передачи отношения содержания текста к действительности является грамматическая категория времени (Киреева Е. З., 2019, 284). К примеру, ситуация будущего времени выражается глагольными формами настоящего времени. Рассмотрим, какие языковые средства используются в текстах Кодекса об административных правонарушениях РФ и Семейного кодекса РФ. Тексты этих документов выбраны не случайно. С одной стороны, в них содержится информация о русском понимании семейных ценностей, о русской национальной идентичности, с другой – прослеживается различие в синтаксисе, что задает определенный тон при прочтении.

В Кодексе об административных правонарушениях наблюдается большое количество сложноподчиненных предложений, которые перегружают текст. Все предложения составлены однотипно с использованием одного и того же глагола *влечет* в третьем лице настоящего времени: "Нарушение/невыполнение/ несоблюдение влечет наложение штрафа", что означает необратимость последствий в будущем: "если вы нарушите статьи кодекса, то понесете наказание в виде штрафа". Единообразное понимание последствий выполнения или невыполнения текста кодекса происходит благодаря форме настоящего времени глагола в значении будущего времени.

В Семейном кодексе РФ много простых и сложносочиненных предложений. Текст воспринимается легко, он создан для регулирования семейных отношений. В тексте часто встречаются безличные глаголы, такие как *применяется, определяются, не допускается, проводится, производится, признается*, объединенные интегральными дифференциальными семами 'в перспективе', 'намеченное, планируемое будущее' (Киреева Е. З., 2019, 288). В тексте этого кодекса также большое количество модальных экспликативов *могут быть, может, не может*, которые актуализируют сему 'разрешено' или 'запрещено', отражая потенциальность ситуации.

Оба кодекса содержат мысль, что семья в традиционном понимании русского человека – это хорошо, это одобряемо обществом и государством, члены традиционных семей могут рассчитывать на поддержку государства, а вступление в нетрадиционные отношения – это плохо, осуждается обществом. Взаимоотношения между членами семьи должны быть доброжелательные, проявление грубости и жестокости карается законом.

Так, статья 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола» в КоАП РФ отражает общее негативное восприятие однополых отношений в российском обществе.

Статья 5.35 «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» в КоАП РФ предупреждает об ответственности взрослых по отношению к детям. Семейный кодекс Российской Федерации содержит информацию о семейных ценностях граждан России, правах и обязанностях членов семьи по отношению друг к другу.

На лексическом уровне национальная идентичность выражается словами, воспринимаемыми однозначно только русским обществом. *Нетрадиционные отношения* в ст. 6.21. КоАП РФ означают для всех граждан России однополюсные отношения (а не отношения между бабушками, дедушками и внуками, например). Под словом *родители* в ст. 5.35. КоАП РФ подразумеваются только отец и мать, а не родитель 1 и родитель 2, как в странах Европы. Понятие *супруги* в Семейном кодексе РФ однозначно трактуется как муж и жена, а не муж и муж.

Таким образом, черты национальной идентичности прослеживаются в текстах официальных документов на синтаксическом и лексическом уровне. Семейные ценности, описанные в КоАП РФ и Семейном кодексе РФ, на лексическом уровне однозначно понимаются всеми гражданами страны благодаря общему подходу к созданию социальной ячейки. Отличие в средствах выражения модальности двух разных по назначению кодексов обусловлено целями этих документов. Целью КоАП РФ является предупреждение совершения новых правонарушений, тогда как Семейный кодекс РФ призван регулировать семейные отношения. В синтаксисе двух кодексов наблюдаются различные способы построения предложений, а также передача неизбежного будущего глаголом *влечет* в третьем лице единственного числа в КоАП РФ и передача потенциального, планируемого будущего глаголами в безличной форме, например, *применяются* и модальными экспликаторами, например, *может*. Полагаем, что однозначная интерпретация представителями русской лингвокультурной общности разной модальности текстов документов является проявлением национальной идентичности.

Литература

1. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. – 2-е изд., пересмотр. М. : Норма: ИНФРА-М, 2011.
2. Киреева Е. З. Категория модальности и ее выражение в тексте официального документа (на материале регионального законодательства). Архангельск, 2019. С. 75, 284, 288.
3. Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст) : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос- ун-та, 1999.
4. Кушнерук С. П. Документная лингвистика : учеб. пособие. 7-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА: Наука, 2016.

5. Саркисян Г. А. Этический кодекс в документно-лингвистическом и информационном аспектах. Волгоград, 2014.

Нормативные правовые акты

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КОАП РФ) от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: consultant.ru

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.).

4. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: consultant.ru

Г. Н. Зайнеева, Г. А. Хуснутдинова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)*

ПУБЛИЦИСТИКА ФАТИХА АМИРХАНА И ГАЯЗ ИСХАКИ (1907–1912)

Аннотация. *Фатих Амирхан и Гаяз Исхаки – классики татарской литературы, публицисты, ярые сторонники просветительских идей в образовании начала XX века. В их творчестве поднимаются вопросы, касаемые реформы в системе образования, равноправия женщин и мужчин, обучения женщин. В публицистике Фатиха Амирхана имеются статьи, посвященные творчеству Г.Исхаки в целом, также касаются конкретного литературного произведения. В статье дается информация о данных рецензиях.*

Ключевые слова: *Фатих Амирхан, Гаяз Исхаки, просветители, история татарской литературы, рецензии, публицистика.*

Классик татарской литературы, журналист, известный публицист Фатих Амирхан (1886–1926) – выдающаяся личность, оставившая глубокий след в татарской национальной жизни XX века, оказавшая сильное влияние на ее образование, духовное развитие. В своем творчестве поднимал актуальные вопросы начала XX века, стал известен как проныцательный журналист, смелый публицист.

Литературная и критическая деятельность Фатиха Амирхана тесно связана с редакциями газет и журналов. Как известно, он работал на ответственных должностях в газетах «Альислах», «Кояш», «Красная Ар-

мия», журналах «Тарбия этфаль», «Ялт-юлт». На страницах татарской периодической печати им были опубликованы многочисленные статьи, фельетоны, рецензии. Стоит отметить, что в периодической печати свои публицистические статьи он публиковал в основном под разными псевдонимами, иногда даже анонимно, без подписи. Например, период его активной писательской деятельности пришелся на 1907–1909 годы – с момента основания и до последнего номера издания газеты «Альислах» Фатих Амирхан работал в качестве фактического редактора, следовательно, в каждом номере были размещены его статьи. Автором вводных статей «Альислаха» также считается Ф. Амирхан. Они были напечатаны без подписи, но в своем письме к Ризвану Алуши от 25 ноября 1907 года он подчеркивал, что вышеупомянутые статьи принадлежат ему.

Журнал «Тарбия этфаль» («Детское воспитание») невозможно представить без участия Фатиха Амирхана. Всего в пяти выпусках данного издания содержатся уникальные статьи писателя. Этот журнал считается первым детским журналом на татарском языке, издававшимся в Москве в период с января по март 1907 года. На титульном листе журнала было написано: «Специальный литературный, научный и иллюстрированный журнал для детей, выходит раз в пятнадцать дней».

Г. Исхаки высоко оценивает редакторскую и публицистическую деятельность Ф. Амирхана: «... он встал на путь редактора, этот путь подобно смерти» (Исхаков М. Г., 2013, 19). В публицистике Фатиха Амирхана немало статей, посвященных именам, творчеству отдельных личностей, их роли в истории татарской литературы. Среди них имена Шигабутдина Марджани, Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова, Гаяза Исхаки, Ризы Фахретдина, Яруллы Вали и др. В той или иной степени освещение публицистики писателя раскрывается в статьях Зайнеевой Г. Н., Хуснутдиновой Г. А., Ганиевой А. Ф. (Зайнеева Г. Н., 2023; Хуснутдинова Г. А., Ганиева А. Ф., 2023)

В публицистике Фатиха Амирхана известны статьи, непосредственно связанные с творчеством Гаяза Исхаки, написанные в период 1907–1912 годов.

Первая из них была опубликована без названия и подписи в первом номере журнала «Тарбия этфаль» от 1 января 1907 года в разделе «События, происходившие в эти дни». О том, что эта статья принадлежит ему, он сообщил в письме своему другу Ризвану Алуши-Ибрагимову от 8 апреля 1907 года: «Фархана ханум читает мои статьи, но большинство своих статей я издаю без подписи, поэтому укажу вам, какие из них являются моими. В первом номере это заметки «От издательства», «Город Стамбул», «То, что видно на небе», «Гаяз» (Әмирхан Ф., 1986, 239).

Поскольку «Тарбия этфаль» являлся журналом для детей, стиль изложения Ф. Амирхана нетрудный, высказываемые мысли звучат как пожелание, а также желание пробудить у читателей интерес к твор-

честву Гаяза Исхаки, глубже познакомить с его творчеством. Статья написана с глубоким уважением к Гаязу Исхаки, в ней дается разъяснение к слову «писатель» и подчеркивается, кто же имеет право так называться: «Я назвал Гаяза эфенди «писателем», как вы думаете, этим словом можно ли назвать каждого человека, написавшего книгу? Нет, писателями называют только тех, кто своим творчеством затрагивает сердца, душу, чувства, может умело показать противопоставление отрицательных и положительных сторон жизни» (Әмирхан Ф., 1989, 28). Далее писатель останавливается на произведениях «Жизнь с тремя жёнами» (1900) и «Исчезновение через двести лет» (1904). Ф. Амирхан отмечает, что в пьесе «Жизнь с тремя жёнами» писатель мастерски изображает невежественных, безнравственных, высокомерных богачей, противопоставляя их интеллигентным, нравственным, воспитанным героям. Здесь Г. Исхаки выступает против многоженства, защищает равноправие женщин в семье. Ф. Амирхан подчеркивает, что: «и другие произведения Гаяза написаны впечатляюще, так же вызывают и слезы и смех» (Әмирхан Ф., 1989, 29]. В заключении Ф. Амирхан рекомендует читателям прочитать эти произведения и прислать свои впечатления от прочитанного в редакцию, а он в свою очередь обещает указать имена читателей на страницах данного журнала. Таким образом, писатель старался найти ключ к душе ребенка, приблизить его к чтению произведений, ознакомить с жизнью и творчеством классиков и вообще с литературой.

Известна также статья Ф. Амирхана «Солдат», опубликованная в газете «Альислах» от 26 октября 1908 года в разделе «Новые книги» за подписью «Дамелла». Данная статья была приурочена к изданию повести Гаяза Исхаки «Солдат». В более раннем номере газеты «Альислах» от 13 октября 1908 года было опубликовано объявление об издании данного произведения в рубрике «Новые книги»: «Солдат». Произведение Гаяза Исхакова. Издательство Хусаина Абузярова. На днях было издано одно из последних произведений Гаяза эфенди «Солдат». В следующем номере будет опубликована подробная рецензия». Вышеупомянутая статья по объему небольшая. В связи с этим возникает мнение, что она была написана в ознакомительной форме. Там же Ф. Амирхан надеется и обещает в будущем остановится более подробно на рецензии данного произведения.

Примечательна статья Ф. Амирхана «Брачный договор», опубликованная в газете «Альислах» от 19 ноября 1907 года в разделе «Рецензии о книгах» за подписью «Дамелла». Данная рецензия написана по случаю издания пьесы Гаяза Исхаки «Брачный договор» (1907). В большинстве статей Ф. Амирхана на передний план выдвигались идеи стремления к новизне, избавления от старых устоев, необходимости перемен в системе образования, равноправия женщин и мужчин, именно эти темы являлись стержнем в пьесе Г. Исхаки. Драма основана на со-

циальных идеях воззрения Галии, преодолевшей патриархально-сословные предрассудки и убежавшей из дома богатых родителей к возлюбленному. По мнению Ф.Амирхана, герои и события в пьесе представлены «правдиво и достоверно» (Әмирхан Ф., 1989, 71). Например, в характеристике героя Халил бай Шакирова говорится: «несмотря на то, что кажется, что они обращаются к новизне действиями и мыслями народа, но по-прежнему не могут отличить ее от старой, стремятся воспользоваться данными им привилегиями, в конце концов остаются на прежнем уровне» (Әмирхан Ф., 1989, 71). Также в статье приводится мнение о том, как жизненно описываются в пьесе богач Ахмади, типы религиозных деятелей. С точки зрения Ф. Амирхана, женские типы в произведении описаны даже лучше мужских. Например, героине по имени Галия Ф. Амирхан дает следующую характеристику: «...девушка, которая, не глядя ни на что старается делать все, что желает, и может по-настоящему любить одного, это истинный тип татарской девушки, которая по природе своей стремится к свободе и великому благу» (Әмирхан Ф., 1989, 72). В рецензии обращается внимание не только на положительные, но и на отрицательные стороны пьесы: например, теме любви уделено мало места, «скудость» романтизма в произведении. Подытоживая, Ф. Амирхан пишет: «Новая жизнь должна по-другому встречать своих героев! Это мое мнение, может быть, люди, более знакомые с литературой, представят его по-другому» (Әмирхан Ф., 1989, 73), и советует каждому ознакомиться с пьесой.

Дружеские и уважительные отношения Фатиха Амирхана с Г. Исхаки отчетливо прослеживаются в его письмах, встречаются строки, написанные в знак уважения друг к другу, советуясь друг с другом. Известна их переписка в 1912 году, в то время с июня по сентябрь Г.Исхаки был в ссылке в городе Мезень Архангельской губернии. Из их переписки видно, что Г. Исхаки считал себя, Фатиха Амирхана, Габдуллу Тукая, Сагида Рамеева одними из лидеров татарской национальной литературы того времени (Исхаков М. Г., 2013, 22).

Делая вывод, можем утверждать о невероятном богатстве литературного и публицистического наследия двух великих публицистов – Фатиха Амирхана и Гаяза Исхаки. Рассматривая и освещая в российском общественно-политическом контексте проблемы социального и национального равенства, общественной справедливости, привлекая к ним внимание общественности, писатели выражают свои взгляды, до последних дней служат своему народу, переживают за его будущее.

Литература

1. Әмирхан Ф. Әсәрләр: 4 томда / Т. 3. Публицистика. Казан : Татар. кит. нәшр., 1989.

2. Әмирхан Ф. Әсәрләр: 4 томда / Т. 4. Әдәбият-сәнгать тәнкыйте, биографик материаллар, хатлар. Казан : Татар.кит.нәшр., 1986.

3. Зайнеева Г. Н. Творчество Г. Исхаки в рецензиях Фатыха Амирхана (1907–1912) // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: материалы международного научно-практического семинара, посвященного 145-летию со дня рождения классика татарской литературы Гаяза Исхаки. Казань : ИЯЛИ, 2023. Б. 38–40.

4. Исхаков М. Г. Әсәрләр: 15 томда / Т. 14. Хатлар һәм автобиографик язмалар. Казан : Татар.кит.нәшр., 2013.

5. Хуснутдинова Г. А., Ганиева А. Ф. Фатих Амирхан о Гаязе Исхаки (по материалам газеты “Кояш” // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика : материалы междунар. науч.-практ. семинара, посвященного 145-летию со дня рождения классика татарской литературы Гаяза Исхаки. Казань : ИЯЛИ, 2023. Б. 38–40.

И. В. Игнатова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ (на примере трилогии С. Коллинз “The Hunger Games”)

Аннотация. Любой писатель является продуктом своих жизненных обстоятельств и реальности, оказывающих влияние на формирование его национальной идентичности. Фрагменты мироощущения автора могут имплицитно отражаться в его литературных произведениях. Данная статья посвящена попытке выявления отражения национальной идентичности С. Коллинз в романах-антиутопиях “The Hunger Games”.

Ключевые слова: антиутопия, автор, национальная идентичность, язык, культура

Феномен национальной идентичности сложен и многогранен, являясь социальным макроконструктом, через который человек познает как себя, так и общество, к которому он себя причисляет: «национальная идентичность является одним из самых глубинных пластов в структуре личности, так как соединяет отдельного человека с социальным сообществом сограждан в плане синхронии, а также предоставляет ему связь с историческим прошлым данного сообщества в плане диахронии» (Шевлякова, 2018, 248). В отечественной и зарубежной науке понятие национальной идентичности неоднократно рассматривалось учеными разных направлений – политологов, психологов, историков, этнологов

и т. д., тем не менее, четкой словарной дефиниции до сих пор не было выработано. Некоторые русскоязычные словари определяют данное понятие через дефиниции синонимичных терминов, например, «этническая (национальная) идентификация» (Крысько В. Г., 1999), «национальное самосознание» (Карта слов, 2024), либо заменяя слово «национальная» на «этническая» (Социологическая энциклопедия, 2024), уподобляя таким образом этнос нации, что неправомерно по отношению к многонациональным государствам, либо сужая дефиницию до этнической принадлежности человека по факту рождения (Словарь. Трудности перевода, 2009). Англоязычные словари, преимущественно, не предлагают определений термина “national identity”, рассматривая его компоненты в разных словарных статьях. Единственное определение, которое удалось обнаружить, содержится в сохраненной архивированной веб-версии Оксфордского словаря 2015 года: “A sense of a nation as a cohesive whole, as represented by distinctive traditions, culture, and language: his country’s lack of an explicit national identity; the image represents the Queen as an emblem of national identity” (Oxford Dictionary, 2015), причем в словаре 2024 года данной дефиниции уже не содержится. Статья, посвященная понятию и исследованиям национальной идентичности, также предлагается в Википедии (Wikipedia, 2024), откуда часть информации заимствована в различные онлайн-словари, например, словарь юридических терминов (Legal Dictionary, 2016), толковый словарь английского языка (Academic Dictionaries and Encyclopedias, 2024) и в лексикографические онлайн-ресурсы, поддерживаемые искусственным интеллектом (English Language WordTools.ai).

Анализ словарных дефиниций и мнений отечественных и зарубежных ученых относительно определения изучаемого термина позволяет определить термин «национальная идентичность» как «чувство принадлежности к государству и/или нации или чувство солидарности, которое человек испытывает по отношению к определенной группе, независимо от его фактического статуса гражданства или места рождения» (Reference, 2023). Подобное чувство, базирующееся на различных факторах, объединяет людей, категоризируя их относительно других групп (Rosenberg S., Beattie P., 2019). К факторам национальной идентичности могут относиться следующие: территория расселения и ее природные ресурсы, история, национальные символы и колорит, политическое устройство, религия, идеалы, ценности, независимость, культура, традиции, национальный нарратив, кухня, музыка, литература, искусство, образ жизни, образование, правовая система, язык, национальность, этнос, раса, справедливость, солидарность, чувство принадлежности, положительный образ своего сообщества, понимание отличий своей общности от других, преемственность поколений, кровные связи (Kelman H. S., 2005). Отметим, что часто чувство национальной идентичности усили-

вается при возникновении внутренней или внешней угрозы существованию сообщества или его территориальной и культурной целостности (там же).

Рассмотрим, какие из факторов национальной идентичности автора произведения нашли отражение в современном романе-антиутопии для молодежной аудитории на примере трилогии С. Коллинз “The Hunger Games”. Данная трилогия была выбрана ввиду того, что существуют пояснения автора относительно тех или иных особенностей сюжета. Первый роман из цикла был опубликован в 2008 году, за ним появились “Catching Fire” (Collins S., 2009) и “Mockingjay” (Collins S., 2010). Считается, что трилогия “The Hunger Games” заложила некий стандарт антиутопического романа 21 века: “This trilogy established a standard for dystopian fiction in the twenty-first century” (Monika K., Meenakshi Dr. S., 2022, 222), что доказывается огромным количеством появившихся позже художественных произведений с идентичными сюжетными характеристиками: мир после глобальной катастрофы или во время нее, молодой главный герой, сопротивление тоталитарной системе и террору, гиперболизация существующих в современном реальном мире социальных, политических, технологических проблем и вызовов, вооруженная борьба ради создания более справедливого мироустройства, любовь, жертва (смерть близкого главному герою человека или самого главного героя), развязка сюжета с положительным разрешением конфликта. К подобным произведениям можно отнести серии “The Divergent” В. Рот, “The Maze Runner” Дж. Дэшнера, “The Giver” Л. Лоури, “Delirium” Л. Оливер, “Ready Player One” Э. Клайна, анализ которых также проводился при проведении настоящего исследования.

В трилогии “The Hunger Games” сюжет разворачивается на территории государства Панем, созданного в Северной Америке после глобальной экологической катастрофы и последовавшей за ней войны. Страна разделена на 12 дистриктов и один административный округ (Капитолий), жестко управляющий этими дистриктами. До войны дистриктов было 13, но один из них был уничтожен в ходе военных действий. В качестве наказания за вооруженную борьбу с правительством, каждый из оставшихся дистриктов должен отправлять девушку и юношу 12–18 лет на ежегодные кровавые «Голодные игры». Став трибутом, подростки должны были выжить в очень опасных условиях «арены», убив всех остальных участников Игр. Победа знаменовалась почестями для победителя и большим количеством продуктов питания, которые выделялись для дистрикта победителя. Главная героиня трилогии, Кэтнис Эвердин, сумела навязать свою волю устроителям Игр, сохранив жизнь себе и еще одному трибуту из того же дистрикта – Пите Мэлларку. Таким образом, Кэтнис становится символом революции, впоследствии произошедшей в Панеме и свергнувшей тоталитарное правительство Капитолия.

Изучение англоязычного текста трилогии позволило выявить, какие из факторов национальной идентичности автора, упомянутые выше, отражены в произведениях. К ним относятся:

– территория, природные ресурсы, политическое устройство государства: данные аспекты в романе четко выявляются, т. к. есть аллюзия к 13 исконным колониям, сформировавшим США. Более того, описание типичных занятий и производства в дистриктах идентично ведущим хозяйственным областям штатов. В тексте романа есть географические названия, позволяющие четко локализовать государство Панем на современной карте мира: “*The Capitol was built in a place once called the Rockies. District 12 was in a region known as Appalachia*” (S. Collins, 2008, 30);

– политическое устройство: автор трилогии неоднократно упоминает демократию, однако, то, что названо демократией Панема, таковой не является, скорее речь идет о жестком тоталитарном правлении. Слом режима посредством революции приводит к формированию республики;

– культура: С. Коллинз отмечает, что идея первого романа зародилась, когда она смотрела телевизор, переключаясь с реалити шоу на новостные репортажи с войны в Ираке. В романе телевидение играет огромную роль: оно является ретранслятором и способом насаждения власти Капитолия, просмотр программ обязателен, созданные Капитолием, а потом и Дистриктом 13, видеоролики – яркие, прекрасно срежиссированные, вызывающие доверие, способные повлиять на общественное мнение;

– история: автор произведения явно увлекался историей Древнего Рима, т. к. сама практика проведения Голодных игр идентична гладиаторским боям. Кроме того, имена жителей Капитолия заимствуются или уподобляются по звучанию именам известных римлян и греков (*Plutarch, Heavensbee, Coriolanus, Seneca, Romulus*). Еще одним доказательством интереса писательницы к истории являются созданные ею названия исторических событий, например, *The Dark Days* (аллюзия к *Dark Ages*) и название государства – *Panem* (аллюзия к *Panem et Circenses*);

– справедливость: автор произведения задается вопросом, может ли война быть справедливой, что, вероятно, связано как с историей США, так и с событиями, которые происходили в мире во время написания романа. Гейл и Пита в романе фактически представляют два разных мировоззрения: Гейл склонен к жестким и даже жестоким решениям во имя достижения справедливости, Пита же готов проявлять дипломатию в любых условиях. Главной героине трилогии приходится выбирать не партнера, а то мировоззрение, которое она разделяет: “*Katniss isn't just deciding on a partner; she's figuring out her worldview*” (Levithan D., 2018);

– образование: вполне вероятно, что автор произведения разбирается в способах выживания в дикой природе, типах оружия и лекарственных растениях, т. к. в трилогии все эти аспекты описаны в мельчай-

ших деталях. С. Коллинз в интервью отмечает, что она действительно интересуется этими аспектами жизни: *“I was researching survival training and specifically edible plants”* (Levithan D., 2018).

Итак, текст произведения отражает некоторые из факторов национальной идентичности автора, связанные с его образованием, жизненными идеалами, образом жизни, культурой. Вероятно, именно эти факторы являются наиболее значимыми для формирования национальной идентичности.

Литература

1. Картаслов.ру: карта слов и выражений русского языка. 2024. URL: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Национальная+идентичность> (дата обращения: 08.02.2024).

2. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М. : МПСИ, 1999.

3. Словарь. Трудности перевода. 2009. URL: <https://x.lenta.ru/abc/163.htm> (дата обращения: 06.02.2024).

4. Социологическая энциклопедия // Национальная энциклопедическая служба. 2024. URL: <https://voluntary.ru/termin/identichnost-nacionalnaja.html> (дата обращения: 07.02.2024).

5. Шевлякова Д. А. К вопросу о национальной идентичности: теоретико-методологические подходы исследования // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 1А. С. 248–256.

6. Academic Dictionaries and Encyclopedias. 2000–2024. URL: <https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/11798773> (дата обращения: 07.02.2024).

7. Collins S. The Hunger Games. N. Y. : Scholastic Press, 2008.

8. Collins S. Catching Fire. N. Y. : Scholastic Press, 2009.

9. Collins S. Mockingjay. N. Y. : Scholastic Press, 2010.

10. English Language WordTools.ai. URL: <https://wordtools.ai/definition/national+identity> (дата обращения 06.02.2024).

11. Kelman H.C. National Identity and the Role of the “Other” in Existential Conflicts: The Israeli-Palestinian Case // Transformation of Intercultural Conflicts. 2005. URL: <https://nosmo.nl/isj/kelman.pdf> (дата обращения 06.02.2024).

12. Legal Dictionary: The Law Dictionary for Everyone. 2016. URL: <https://legaldictionary.net/nationality/> (дата обращения: 07.02.2024).

13. Levithan D. Suzanne Collins Talks About ‘The Hunger Games,’ the Books and the Movies // The New York Times. 18.10.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/18/books/suzanne-collins-talks-about-the-hunger-games-the-books-and-the-movies.html> (дата обращения 07.02.2024).

14. Monika K., Meenakshi Dr. S. Study on National Identity in Dystopian Society of Suzanne Collins’s The Hunger Games Trilogy // International Journal of English Literature and Social Sciences. 2022. Vol. 7. Issue 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/361624391_A_Study_

on_National_Identity_in_Dystopian_Society_of_Suzanne_Collins's_The_Hunger_Games_Triology (дата обращения 01.02.2024).

15. Oxford Dictionary: Language Matters. Oxford University Press, 2015. URL: http://www.oxforddictionaries.com/us/definition/american_english/national-identity (дата обращения 02.02.2024).

16. Reference. Ask Media Group LLC, 2023. URL: <https://www.reference.com/world-view/meaning-national-identity-a6313ef683d99c84> (дата обращения 01.02.2024).

17. Rosenberg S. W., Beattie P. The Cognitive Structuring of National Identity: Individual Differences in Identifying as American. 2019. URL: <https://escholarship.org/uc/item/3s4133cp> (дата обращения: 01.02.2024).

18. Wikipedia: The Free Encyclopedia. 2024. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/National_identity#:~:text=National%20identity%20is%20a%20person's,of%20people%20about%20a%20nation (дата обращения: 07.02.2024).

И. С. Климас

*Курский государственный университет
(Курск, Россия)*

РУССКИЙ В ПРОЗЕ Е. И. НОСОВА

Аннотация. *Анализируется концепт РУССКИЙ и его лексическая реализация в трех наиболее значительных произведениях курского писателя Е. И. Носова.*

Ключевые слова: *концепт РУССКИЙ, вербализация, художественный текст, сжатие конкорданса.*

Лингвистическое изучение произведений курских писателей является составной частью научного проекта кафедры русского языка «Курское слово», инициированного проф. А. Т. Хроленко. Особое место в рамках проекта занимает анализ произведений Евгения Ивановича Носова, жизнь и творчество которого связаны с Курским краем.

Наша задача – рассмотреть представления о национальной идентичности русского народа и государства, воплотившиеся в художественных текстах писателя. Ранее концепт *РУССКИЙ* описывался нами на материале русского фольклора (Климас И. С., 2014; 2014а).

Проанализированы три наиболее известные прозаические произведения Е. И. Носова, тематически перекликающиеся друг с другом: «Шумит луговая овсяница» (1966), «Красное вино победы» (1971), «Усвятские шлемоносцы» (1977). Их объединяет тема переломных моментов в жизни русского народа, когда война, ворвавшись в привычное разме-

ренное существование людей, повседневный труд, налаженный быт, изменила представления о мире, проявила характер и сущность каждого человека и в то же время сплотила всех перед лицом грозной опасности, необходимости защиты самого ценного. Однако сами военные события не описаны, они присутствуют или как тревожное ожидание и готовность отстоять страну, или как воспоминания о пережитом, о боях и погибших товарищах.

Безусловно, концепт *РУССКИЙ* в произведениях такой проблематики играет ключевую роль. Вербализаторами концепта являются лексические единицы, содержащие корни *рус-* или *росс-*, представленные в результате сплошной выборки из анализируемого мегатекста. Таких слов оказалось 4: собственные существительные *Россия*, *Русь* и прилагательные *русский*, *российский*, зафиксированные в 33 словоупотреблениях.

Для характеристики концепта и его лексической репрезентации воспользуемся оригинальной лингвокультурологической методикой сжатия конкорданса, разработанной курскими исследователями (Бобунова М. А. и др., 2003). Учет наиболее важных связей и отношений изучаемого слова с другими словами в контексте, его синтагматических, парадигматических, функциональных особенностей служит основой создания словарной статьи как «лексикографического портрета», а следовательно, своеобразной «концептограммы» (термин предложен А. Т. Хроленко).

Россия (20)

S: край России 1, пространства P. 1

Pron: вся 1, какова 1, самая P. 1

V_s: <быть> 1, <быть> (какова) 1, гибнуть 1, стоять 1

V_o: <...> (на машины) P. 1, <быть> (так) по (всей) P. 1, въехать в P. 1, ехать по P. 1, заглотив (столь много) от P. 1, замахиваться на P. 1, идти на P. 1, напасть на P. 1, петлять по P. 1, проплутать по (за-снеженным пространствам) P. 1, (Усвяты) стоять (далеко) от края P. 1, упереться в P. 1

/.../: Россия ... Германия 2

Российский (2)

S: деревня 1, покраска 1

Русь (2)

V_s: <быть> (велика) 1

V_o: итить на P. 1

/.../: Русь ... солнышко

Русский (9)

S: земля 5, мерезка 1, человек 3

Adv: глубинно русский 1

Наиболее ярко проявленная сема – ‘пространство’, с акцентом на широкие просторы, значительную протяженность, что рождает представление о мощи, надежности и силе. Россия прежде всего – русская земля, образ которой может встречаться в зачине произведения. Так, в «Усвятских шлемоносцах» описывается малая родина героев, жителей небольшой деревеньки, которая прочно вписана в контекст всего Отечества – России.

*Куда текла-бежала Остомля-река, далеко ли от края **России** стояли его Усвяты и достигаем ли вообще предел **русской** земли, толком он не знал ... Правда, знал Касьян, что ежели поехать лесом и миновать его, то сперва будут Ливны, а за Ливнами через столько-то ден объявится и сама Москва. А по тому вон полевому шляху должен стоять Козлов-город, по-за которым невесть что еще. А ежели поехать мимо церкви да потом прямки, прямки, никуда не сворачивая, то на третьем или четвертом дне покажется Воронеж, а уж за ним, сказывали, начинаются хохлы... («Усвятские шлемоносцы»).*

К своей Родине герои испытывают трепетное, святое отношение, отождествляя ее с такими понятиями, как «мать» или «хлеб». Показателен эпизод повести, где усвятцы рассматривают Россию на географической карте.

*И лишь одно название было всем дорого и понятно, как, скажем, мать или хлеб, – **Россия**. Против тех государств, как бы разнополевных кулижек, витиевато обведенных на карте межсами и частокольем, лежала она, будто большое, раздольное поле, да и то, оказывается, не вся поместилась на карте, смогла войти в нее лишь малой своей частью, тогда как на остальное не хватило бумаги. И голубые жилы рек, которые указал и назвал Иван Иванович, петляли по **России** не обрываясь, не подныривая под пограничные прясла, а текли себе привольно от самого начала до своего исхода – к синим морям («Усвятские шлемоносцы»).*

Кроме того, в произведениях Е. И. Носова зафиксирована устойчивая ассоциация родной земли с солнечным теплом и светом. Так, по словам дедушки Селивана – персонажа, воплощающего народную мудрость, велика **Русь**, и везде солнышко («Усвятские шлемоносцы»). Параметрами определения оптимального локуса для русских являются не только вольные просторы, но и возможность видеть ясное солнце.

*...любил **русский** человек селиться на высоте, чтоб душа его опахалась далью и ширью и чтоб ничто не застило того места, откуда занималось красно солнышко («Усвятские шлемоносцы»).*

По России нужно долго ехать, передвигаться, на это в анализируемом мегатексте указывают объектные глаголы *въехать, ехать, идти, петлять, проплутать, упереться*. Как правило, у Носова она сопоставляется с другими странами, не такими могущественными государствами. Ощущение Родины вызывает в душе героев положительный, радостный настрой.

*Наш эшелон ... проплутав около недели по заснеженным просторам **России**, наконец февральской вьюжной ночью нашел себе пристанище в серпуховском тупике. В **Россию** въехали со стороны Орши ... догадывались, что едем по **России**: исчезала едкая сырость Балтики ... остро пахло близким зимним лесом, а на безвестных станциях вдоль эшелона хрустели торопливые шаги, и было щемяще-радостно узнавать родную сторону по бабьим и детским голосам («Красное вино Победы»).*

Синонимами к наименованию *Россия* в контексте являются *Русь*, *русская земля*, *родная сторона*, *наша земля*.

Русский как название титульной нации в произведениях Е. И. Носова стабильно сочетается не только со словом *земля*, но и со словом *человек*. Сочетание *русский человек* выступает как синекдоха, обозначая не конкретную личность, а все население России. Подчеркиваются склонности и интересы русских к традиционным ценностям, поверьям, мифологии, народному духу.

*Но выбирались пацаны из зыбок, и, вопреки всяким присказкам, никуда не тянуло их так неудержимо, как в страховитую урему, что делалась для них неким чистилищем, испытанием крепости духа ... любит **русский** человек, чтобы поблизости от его жилища непременно было вот такое занятное место, окутанное побасками, о котором хочется говорить шепотом... («Усвятские шлемоносцы»).*

Характерными чертами русских являются чувство единения, товарищества, душевная теплота и поддержка других людей. Об этих **глубинно** национальных качествах можно судить по эпизоду повести, где описано прощание уходящих на фронт усвятцев с родными местами. Сами нуждающиеся в поддержке и одобрении, они с сочувствием относятся к приехавшему за ними молодому лейтенанту.

*... они, как это часто бывает в разломную минуту с глубинно **русским** человеком, сами проникались пониманием и сочувствием к нему – одинокому в чужих полях, среди незнакомого люда, и только ждали, чаяли минуты, чтобы протянуть руку товарищества и братства на начатой вместе дороге («Усвятские шлемоносцы»).*

Метонимический перенос определения *бесхитростный* с названия жителей на сочетание *российские деревни* показывает искренность и открытость русского человека, стремление вместе переживать и радость, и горе. Это качество видим в эпизоде с повестками на фронт, которые привез вестовой жителям деревни Усвяты: *Верховой, подворачивая, словно факелом подпаливал подворья, и те вмиг занимались поветренным плачем и сумятицей, как бывает только в **российских** бесхитростных деревнях, где не прячут ни радости, ни безутешного горя («Усвятские шлемоносцы»).*

Антонимичны представлениям о России, русском человеке в прозе Носова образы врага, «ирода», «супостата», захватчика, напавшего на

родную страну. В контексте произведений о Великой Отечественной войне под этим врагом подразумевается фашистская Германия.

*И было всем странно и непонятно, как это Германия осмелилась напасть на такую обширную землю <...> нос у немца вытянулся еще дальше, уперся в самую **Россию**, а теперь вот Германия и вовсе на нас напала – бомбит города, во многих местах вклинилась на нашу землю <...> Вон опять на **Россию** идут, чего, ироды, делают, ни старых, ни малых не разбирают <...> – **Россия** вон гибнет. Немец идет, душегубничает, малых детей и тех не щадит... («Усвятские шлемоносцы»).*

Противопоставление выявляет, с одной стороны, недоумение по поводу попыток завоевать большую и сильную Россию, с другой – уверенность в ее неминуемой победе. Участник прежних битв дед Селиван, наставляя новобранцев, говорит о том, что тысячелетия никто не мог сломить Россию, символически уподобляя ее огромному дереву – дереву жизни: – *Сколько уже замахивались на **Россию**, – ободренно продолжал Селиван, – а она и доси стоит. Уже тыщу годов. Эвон какое дерево вымахало за тыщу лет: шапка валится на верхушку глядеть («Усвятские шлемоносцы»).*

В произведениях «Красное вино Победы» и «Шумит луговая овсяница», где описываются последние дни войны и послевоенное время, звучит скорбь об огромных потерях, которые понесла Россия ради победы над врагом.

*– По всей **России** было так... Переполовиненные города и деревни. От отца тоже одна увеличенная карточка на стенке осталась... Из нашей семьи девятеро ушло. Сначала батя с дядьями. А следом и мы, пацаны. И все там... От самой Польши до Москвы могилы Чепуриных тянутся. А потом еще и в обратном порядке («Шумит луговая овсяница»).*

*Каждый воевал, думая о своем обжитом уголке, привычном с детства, и выходило, что всякая пядь земли имела своего защитника. Потому и похоронные так широко разлетались, так густо усеяли **русскую** землю... («Красное вино Победы»).*

Таким образом, концепт *РУССКИЙ* в прозе Е. И. Носова, репрезентированный названиями страны и ее жителей, в ярких художественных образах раскрывает представление о национальной идентичности. Семантические признаки концепта выявляются в связях его вербализаторов с другими словами, контекстуальных сопоставлениях и противопоставлениях, использовании различных способов реализации переносных значений.

Литература

1. Бобунова М. А., Климас И. С., Праведников С. П. и др. Комплекс методик лингвокультурологического анализа // *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2000 года : сб. рефератов избр. работ.* Екатеринбург, 2003. С. 130–132.

2. Климас И. С. Поглядите ж вы, ребята, в русскую сторонку! (РУССКИЙ в фольклорных исторических песнях) // Лингвофольклористика. 2014. № 21. С. 37–44.

3. Климас И. С. Русь в исторических песнях // Авторские миры в художественном тексте XIX–XX веков : материалы междунар. науч. конф. Курск: КГУ, 2014а. С. 3–10.

Е. С. Красноухова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «РОССИЯ» В ПОЭЗИИ Н. С. ГУМИЛЁВА

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие репрезентации художественного концепта 'Россия' в поэзии Н. С. Гумилёва.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, репрезентант.

Актуальным и интересным, на наш взгляд, представляется исследование своеобразия репрезентации художественного концепта 'Россия' в поэзии Н. С. Гумилёва. Оно позволит нам осмыслить феномен «русского Гумилёва», творчество которого изначально было пронизано тягой к экзотической Африке, загадочному Востоку и таинственной Азии.

Одна из главных целей акмеистов, к которым и относился Н. С. Гумилёв – это углубиться в мир образов и смыслов, придерживаясь принципа культурных ассоциаций. Такой подход к поэтическому творчеству даёт нам возможность провести параллель с подходом Ю. С. Степанова к определению концепта. Исследователь считает, что 'концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека' (Степанов С. Ю., 2004, 42). При этом в данной статье анализируется не культурный концепт, а художественный. Под ним мы, как и О. Е. Беспалова в своём исследовании, понимаем 'единицу сознания поэта (или писателя), получающую свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражающую индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений' (Беспалова О. Е., 2002, 6).

Ранний Гумилёв был странником. Он читал Готье и обращался к французским поэтам, до этого забытым. «Французский Гумилёв» – так о нём сказала А. Ахматова в беседе с П.Н. Лукницким, поэтому в первых сборниках поэта нет России. Она появляется позже, в сборнике «Колчан» (1915), а именно в стихотворении «Старые усадьбы». С него

мы и начнём наш анализ. Репрезентантами концепта 'Россия' в тексте лирического произведения становятся имя собственное 'Русь' и нарицательное 'усадьбы'.

Первый репрезентант, обозначающий название государственного образования восточных славян в IX веке (Ефремова Т. Ф., 2000), у автора оказывается усадебной Россией конца XIX в. При анализе контекста, в котором употребляется репрезентант, выделяются два смысловых ядра: 1) Русь языческая («По всей таинственной Руси», «О Русь, волшебница суровая»); 2) Русь, что «бредит Богом», т. е. православная. Остановимся на каждом подробнее.

Русь языческая пронизана фольклорными мотивами, для их реализации Гумилёв использует мифологемы 'лесовик' и 'русалка' («И угадать нельзя по голосу, / То человек иль лесовик»; «В пруду перед усадьбою / Русалкам бледным плохо ль жить?»). Таинственность языческой Руси подчеркивается и лексемами 'неясный', 'невнятный' («Порою в полдень льется по лесу / Неясный гул, невнятный крик»). Также автор в отношении Руси использует распространенное обращение «волшебница суровая», так мы понимаем, что Русь обладает необыкновенной силой воздействия на кого-либо, и сила эта, как подсказывает эпитет, 'суровая'. Но если мы обратимся к переносному значению данного прилагательного, то волшебница Русь будет охарактеризована как 'очень тяжёлая, трудная и полная испытаний' (Ефремова Т. Ф., 2000).

Русь православная у Н. С. Гумилёва «бредит Богом». Именно через это смысловое ядро мы замечаем начало влияния русской православной традиции на комплекс ценностей, утвердившихся в сознании лирического субъекта поэта, так тяготевшего к миру экзотики. Гумилёв для передачи смыслов использует религиозную лексику: крестный ход, Бог, икона, ангелы, звон колоколов. Здесь у него появляется библейский образ красного пламени, что символизирует Божественное присутствие («Русь бредит Богом, красным пламенем»). В противовес таинственной языческой Руси, Русь православная покорно верит знаменьям, живёт лишь своим и любит лишь своё.

Интересно, что два героя лирического текста, которых вводит поэт, тоже разделены по этим тематическим ядрам. Сосед – старик, удел которого «златоглавые, святые, белые скиты». Он относится к православной Руси, когда как его восемнадцатилетняя дочь Наташа репрезентирует Русь языческую. Именно она говорит о русалках, и именно ей пророчит автор «одни лукавые увещеванья пустоты». Лексема лукавые понимается здесь не только как 'хитрые, преисполненные добродушно-веселого коварства' (Ефремова Т. Ф., 2000), а в контексте мира автора отсылает нас больше к лукавому, т. е. нечистому духу.

Вторым репрезентантом имени концепта «Россия» в данном стихотворении является заглавие, а точнее имя нарицательное в нём – усадь-

бы. Акмеисты стремились к 'кларизму', т. е. к ясности образа, поэтому лексема 'усадьба' в тесте Гумилёва отвечает своему значению – 'жилой дом на селе, хозяйственные постройки и прилегающие к ним уголья как единое целое' (Ефремова Т. Ф., 2000). Употребляются лексемы *дом*, *скотный двор*, *сады и пруд* для описания первичной картины усадьбы, дальше уже эпитеты *косые* («дома косые»), *зацветших* («в прудах зацветших») и *старые* («усадьбы старые») добавляют детальности и в своём значении передают некую заброшенность и увядание. Такое восприятие русской усадьбы отсылает к произведению И. А. Бунина «Антоновские яблоки», одним из главных мотивов которого является увядание старой дворянской, помещной России.

Репрезентантом имени концепта «Россия» Русь становилась и в других произведениях Гумилёва. Например, в былинном стихотворении «Змей». В ближайшем круге репрезентанта находится лексема 'лесная', что является достаточно привычной для природной характеристики России. А в стихотворении «Мужик» Русь становится 'необозримой', т. е. 'беспредельной, необъятной'. Эта характеристика в отношении размеров страны также привычна для читателя. В данном тексте Гумилёв использует и топонимическую лексику (*чаща*, *болото*), добавляя образности концепту. Синонимом Руси становится лексема *край* в значении 'страна, область, местность' (Ефремова Т. Ф., 2000), которая описывается эпитетом *дикий*.

П. Н. Лукницкий писал: «пребывание на войне дало Николаю Степановичу понимание России» (Лукницкий П. Н., 1991). Его слова подтверждает то, что именно в лирических произведениях, посвященных военной теме, Гумилёв репрезентирует концепт России непосредственно через имя собственное Россия. Так, в стихотворении «Наступление» поэт пишет «Золотое сердце *России* / Мерно бьется в груди моей». В данном контексте нас будет интересовать эпитет *золотой*, так как в семантике поэта этот цвет означает не только солнце, украшения, но и некую божественную энергию. Гумилёв искал свою мифическую «золотую дверь», которой для него и оказалась родная страна. Россия приобретает сакральные смыслы, которые поэт вкладывает в собственное определение золотого цвета. Не только Русь у Гумилёва репрезентируется через топонимическую лексику. В стихотворении «Сестре милосердия» в последней строфе Россия определяется как *страна равнин* («И мечтаю я, чтоб сказали / О России, *стране равнин*»), отсылая нас к одной из устоявшихся деталей русского пейзажа.

Так, репрезентацией художественного концепта 'Россия' в идиостиле Н. С. Гумилёва становится сакральная и христианская, но при этом былинная, таинственная Русь, связанная с людьми.

Литература

1. Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилёва в ее лексическом представлении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000.
3. Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений в одном томе. М. : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017.
4. Лукницкий П. Н. Асумиана : Встречи с Анной Ахматовой. Р. : УМСА-press ; М. : Русский Путь, 1991–1997. Т. 1: 1924–1925 гг.
5. Степанов С. Ю. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. проект, 2001.

А. В. Круковская

*Независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)
(Дубай, ОАЭ)*

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Аннотация. *Статья посвящена лингвостилистическим особенностям поэзии Р. Гамзатова, влиянию на неё персидской литературы.*

Ключевые слова: *язык, культура, персидская поэзия, лирика Р. Гамзатова.*

Неиссякаемый интерес к богатому наследию мусульманского культурного Востока всегда наблюдался в России. Имена известных персидских поэтов – таких как Омар Хайам, Фирдоуси, Саади, Хафиз и других – постоянно встречаются в русской литературе XIX века.

В советский период сформировалось новое востоковедение, в котором внимание уделялось традиционным ценностям. Стоит отметить имя выдающегося лингвиста Ю. Н. Марра, творчество которого стало своеобразным мостом между литературоведением Серебряного века и последующим советским литературоведением.

В список работ академика Марра входят статьи:

- «Газель Низами в рукописи Азиатского музея»,
- «О двух персидских версиях поэмы Лейла и Маджнун»,
- «Газели и рубай Низами, переведенные в хавт-иклим»,
- «Фердовси и мировая поэзия»,
- «Зэһир Исфаханец»,

«О сефевидском поэте Тэрзи Афшаре»,

«О линейной речи у арабов, персов и турок» (Бабазаде, 2016, с. 60–64).

О вкладе персидской поэзии в мировую культуру красноречиво свидетельствует тот факт, что произведениями поэтов периода ее расцвета («шести веков славы») – Руми, Хафиза, Джами, Саади, Низами – восхищались известные писатели всего мира, включая Расула Гамзатова, которого по праву называют народным поэтом Дагестана. Его сердце бьется «в унисон» с сердцем великого персидского философа Омара Хайама:

Влюбленный! В горестях любви
На помощь Небо не зови!
Оно, поверь моим словам,
В любви бессильней, чем ты сам.

или

Я пред тобою лишь не потаюсь
Своей великой тайной поделюсь:
Любя тебя, я в прах сойду могильный
И для тебя из праха поднимусь.

Так писал о любви Хайам, автор стихотворных афоризмов под названием «рубайи» (Хайям, <https://www.omar-khayyam.eu/ru>).

Персидская классическая поэзия оказала мощное влияние на Расула Гамзатова, утверждавшего, что «Горы без поэзии – просто нагромождение камней». Автор признается в любви красотам родного края – величественным горам седого Кавказа.

Несмотря на определенную суровость и эмоциональную сдержанность, характерные для горцев, песни его полны любви, а любовь – это вся его жизнь.

Важно отметить, что писал Гамзатов не на русском, а на родном аварском языке, в котором широко развита песенная культура, доставшаяся аварцам от их далеких предков. Многие слова в аварском языке заимствованы из персидского языка (Алибекова, 2022, с. 1778–1782).

Поэт говорит на языке любви, объединяющем все страны и народы. «Суди меня по кодексу любви», – восклицает он в своем сонете. Речь здесь идет и о любви к родине, и о любви к матери, и о любви к любимой женщине:

Когда б за все, что совершили мы,
За горе, что любимым причинили,
Судом обычным каждого б судили,
Быть может, избежали б мы тюрьмы.

Но кодекс свой у каждого в груди,
И снисхождения не смею ждать я.
И ты меня, любимая, суди
По собственным законам и понятиям.

Суди меня по кодексу любви,
Признай во всех деяньях виноватым,
Чтоб доказать мою вину зови
Минувшие рассветы и закаты.

Все, чем мы были счастливы когда-то
И что еще живет у нас в крови.

(Гамзатов, 2004, с. 36)

Эти стихи передают необычайно глубокие внутренние переживания поэта. В них ощущаются и боль от свершенных деяний, и радость разделенных рассветов и закатов, которые, будто расположены на разных чашах весов судьбы, и при этом ни одна из этих чаш не начинает склоняться, а в сердце все еще теплится надежда на снисхождение и всепрощение.

Многочисленные поклонники писателя не могут не обратить внимание на первостепенное значение любви в его жизни и творчестве. В одном из сборников своих студенческих стихов я писала о нем:

Светом в сумраке закатов
Дагестан встречает гул –
Песнь любви Расул Гамзатов
Вновь принес в родной аул.

Каждое произведение автора наполнено искренностью: он отдаёт себя всецело, без остатка, и с упоением делится самыми сокровенными чувствами с почитателями своего таланта.

Великолепное стихотворение Гамзатова о любви было выбрано мной для междуниверситетского конкурса восточной поэзии, проходившего в Гуманитарном Университете Профсоюзов в Санкт-Петербурге, за участие в котором ныне покойный писатель Даниил Гранин преподнес мне сборник стихов Алишера Навои.

Глубоко затронули меня строки этой песни-признания в любви, тончайшая лиричность которой так свойственна Гамзатову:

Если в мире тысяча мужчин
Снарядить к тебе готова сватов
Знай, что в этой тысяче мужчин
Нахожусь и я – Расул Гамзатов.

Если пленены тобой давно
Сто мужчин, чья кровь несется с гулом,
Разглядеть меж них не мудрено
Горца, нареченного Расулом.

Если десять влюблены в тебя
Истинных мужей, огня не спрятав,
Среди них, ликуя и скорбя,
Нахожусь и я – Расул Гамзатов.

Если без ума всего один
От тебя, не склонная к посулам,
Знай, что это – с облачных вершин
Горец, именуемый Расулом.

Если не влюблен в тебя никто,
И грустней ты сумрачных закатов,
Значит, на базальтовом плато
Погребен в горах Расул Гамзатов.

(Гамзатов, 2004, с. 95)

В этих строках читается и влияние восточной культуры, и традиции персидской поэзии. Четверостишия мерно переливаются из одного в другое, словно зерна в четках или журчание воды в роднике. Так рождается сокровенная молитва-заклинание.

Для Расула Гамзатова характерно употребление глаголов со значением «ожидания» и «встречи», инфинитивных форм со значением желания («слышать», «слушать», «разглядеть», «увидеть»); отрицательных форм глаголов: не забыть, не скрывать чувства, не делать того, что бы испортило отношение к женщине; глаголов, обозначающих цвет и свет, эмоциональное и физическое состояние поэта; глаголов речи, просьбы, мольбы.

В стихотворении «Если в мире тысяча мужчин...» женщина изображается как единственная среди других, поэтому глагольные отрицания в ряде случаев носят компаративный характер («не мудрено», «не спрятав», «не склонная», «не влюблен»). Помимо необыкновенно величественного монументального сравнения-гиперболы («И грустней ты сумрачных закатов») автор прибегает к такому приему, как синтаксический параллелизм, заключающемуся в сходном построении строф – здесь каждое четверостишие начинается со слова «если». Важно отметить, что сравнения в поэзии Гамзатова представляют интерес как в плане их национально-культурных признаков, так и с точки зрения индивидуально-авторских особенностей. В сравнениях символически используются слова различных семантических групп. Союзные и бессоюзные сравнения соотносятся с разными кодами культуры – растительным, природным, зооморфным, антропным, вещным, и т. д. (Магомедова, 2016, <https://dissercat.com/concept/kontsept-zhenshchina-v-poezii-rasula-gamzatova-i-fazu-alievoi-lingvisticheskii-i-lingvokultu/read>).

Для актуализации концепта «женщина» в поэзии автора чаще всего используются лексико-морфологические средства. Ряд существительных и прилагательных приобретает коннотативно-символический характер. Имеет место употребление различного рода метафор-символов. Характеризуя женщину, Гамзатов противопоставляет два мира: мир, в котором живет красивая женщина и мир без нее (в стихотворении, о котором речь шла выше – это мир, где живет красивая женщина,

жизнь которой питает любовь лирического героя, и мир без этой всепоглощающей любви – мир без любимого). Прямолинейность чужда мироощущению поэта, ведь любовь – это истина, то есть величина постоянная, а истина многолика, как сама жизнь. Поэт остро чувствует зыбкость бытия и не перестает напоминать об уязвимости добра.

В нескольких стихотворениях Гамзатова представлен ассоциативный ряд «женщина – бокал – вино» – здесь используются восточные мотивы поэзии Омара Хайама. Вокруг этих слов традиционно группируется суфийская поэтическая символика: прибегая к иносказаниям суфии используют поэзию для создания обладающих мощным эмоциональным воздействием мистических текстов, которые для непосвященного звучат как любовные или гедонистические стихи. На деле стихи эти полны сокровенного смысла, сжато формулируя многие аспекты суфийского учения. История литературы на персидском (как и на арабском) знает немало поэтов-суфиев. Джалаледдин Руми, может быть, величайший из них. Не умолкают споры о том, является ли Хайям суфийским поэтом. «Любовь» в суфийской символической – это взаимоотношения взыскующей души с Богом, «вино» – восприятие уроков наставника и воздействие суфийских обрядов (Голубев, 2015, с. 9–44).

Вечная тема любви пронизывает все творчество автора-философа, который, употребляет лексические повторы (этот прием мы часто встречаем у Расула Гамзатова). Если у Гамзатова мы видим «если без ума», «если не влюблен» в начале каждого четверостишия, то у Хайама в конце каждой строки (как минимум два раза) мы встречаем: «словно» (1), «любовь» (1) и «по воле аллаха» (2):

1.
Словно солнце горит, не стора любовь,
Словно птица небесного рая – любовь.
Но еще не любовь – соловьиные стоны,
Не стонать, от любви умирая, – любовь!

2.
Любовь – роковая беда, но беда по воле Аллаха.
Что ж вы порицаете то, что всегда по воле Аллаха.
Возникла и зла и добра череда – по воле Аллаха.
За что же нам громы и пламя суда – по воле Аллаха?

Восторженные строки Расула Гамзатова посвящены мастеру слова Омару Хайяму: российский поэт восхищается особенностями стихосложения и вопрошает автора о его даре предельной емкости и лаконичности:

Омар Хайям, кому ты дал зарок,
Какой пророк мог быть к тебе так строг,
Что в каждом из твоих стихотворений
Всего четыре – и не больше? – строк!

Ответил он, издав глубокий стон:
«О, сколько я ни лез из кожи вон –
Укоротить не смог я ни на строчку
Свои стихи, свой сладкий страшный сон!».

Творения Гамзатова проникнуты вдохновенностью от работ заслуженных поэтов мировой классики (напр. Омар Хайам и Хафиз Ширази), а цикл персидских стихов, был создан после долгожданного путешествия в Иран – так глубоко отразилось оно в творчестве писателя, ведь произведения Хафиза Ширази читали в Дагестане в оригинале и переводили на многочисленные национальные языки:

Любовь – религия моя. Так небеса велят.
Вот отчего печаль и боль мне сердце веселят.

(Магомедова, 2016, <https://dissercat.com/concept/kontsept-zhenshchina-v-poezii-rasula-gamzatova-i-fazu-alievoi-lingvisticheskii-i-lingvokultu/read>)

Всего лишь триста с небольшим километров отделяют столицу Дагестана, Махачкалу, от «страны поэзии». Поэзия роднит народы и является ключом к пониманию культуры страны и мировоззрения жителей, ее населяющих.

Вдохновившись творчеством аварского поэта, я представила на суд читателей собственные стихи о Дагестане, вошедшие в сборник, изданный в 2006 году в Российском Государственном Педагогическом Университете им. Герцена:

Я помню тот далекий путь
Идущий в горное ущелье,
Канатоходца-горца грудь
В вечернем знойном ожерелье.

Светились факелы огнем,
Из сакли мягкий свет струился;
Вершины горные кругом
И чечевицы запах лился.

Я вспоминаю летний день,
Поток, стремящийся в ущелье,
Деревьев мраморную тень
И птиц серебряное пенье;

И лица мудрых стариков,
Что смотрят в сизый вечер хмуро,
И пламя огненных цветов,
То красных, то зелено-бурых.

Здесь взгляд не сводит пустота,
А слово тверже вечной глыбы.

Несет загадку сквозь века
Порою тот, кто нем, как рыба.

Суровый взгляд не подведет,
Их мудрость нам в пример годится.
Взметнешь в божественный полет;
Будь храбр и честен словно птица!

И дыня сладкая – лишь плод,
Который долго созревает,
Оплот страны – ее народ,
Что сам судьбу свою решает.

(Круковская, 2006, с. 7)

Многих писателей вдохновляют красота природы Кавказа и восточная мудрость, которая так характерна для народов, его населяющих:

Говорят: одна и та же игла шьет и свадебное платье, и саван.

Говорят: не открывай дверь, которую не сможешь потом закрыть.

(Гамзатов, Мой Дагестан, с. 36)

Расул Гамзатов по праву считается достойным наследником и продолжателем классических приемов персидской поэзии – его притчи в стихах ярко, точно и ненавязчиво выражают народную мудрость, будто песнь соловья или полет орла: из маленького окошка родной сакли писателю открывается огромный мир, все оттенки которого он передает в своем творчестве, тем самым заслуживая любовь читателей со всего света.

Поэзия автора продолжает и традиции монументального персидского памятника устного народного творчества «Сказки Шахразады», которые с необычайным совершенством выражают стремление народа предаться очарованию сладких грёз народов Востока, шелковые нити которых, переплетаясь между собой, покрывают землю роскошным ковром изумительной красоты.

Литература

1. Алибекова П. М. Научная работа «Хафиз Ширази в творчестве Расула Гамзатова» // Филологические науки. Вопр. теории и практики. Т. 15. Вып. 6. Тамбов : Грамота, 2022.

2. Бабазаде Н. Ш. Советское литературоведение о классической персидской литературе // Вестн. РУДН. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2016. № 3.

3. Гамзатов Р. Г. Суди меня по кодексу любви. М. : Молодая гвардия, 2004.

4. Гамзатов Р. Г. Мой Дагестан. URL: www.litlife.club.

5. Круковская А. В. Долгое свиданье. СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2007.

6. Магомедова С. М. Концепт «женщина» в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой (лингвистический и лингвокультурологический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала : ДГУ, 2016. URL: <https://dissercat.com>.

7. Марр Ю. Н. Статьи, сообщения и резюме докладов. М. : Академия Наук СССР ; Науч.-иссл. ин-т кавказоведения им. Н. Я. Марра, 1936.

8. Тысяча и Одна Ночь : собрание сказок : в 8 т. М. : Терра, 1993. Т. 1.

9. Хайям О. Рубаи Омара Хайяма о любви. URL: www.omar-khayyam.eu/ru

10. Хайям О. Философия любви. М. : РИПОЛ Классик, 2008.

11. Голубев И. А. Вступительная статья. М. : РИПОЛ Классик, 2015.

О. В. Милютина

*Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека
(Ташкент, Республика Узбекистан)*

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ Ю. НАГИБИНА «БЕРЕНДЕЕВ ЛЕС»

Аннотация. В статье представлен материал о проявлении русскости в тексте художественного произведения и ее осознании теми, кто ощущает себя частью национальной русской культуры. Анализ отдельных значимых слов и сочетаний показывает, что рассказ является в полном смысле текстом культуры и отражением мыслей и чувств от встречи с лесом, хранителем тайн и актуализатором преобразований в жизни человека.

Ключевые слова: язык, культура, общность, менталитет, русскость.

В современных исследованиях по социолингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии рассматривается такое понятие, как «национальная идентичность». Применяются разные подходы в установлении сущности этого явления, даются разные трактовки в зависимости от области исследования и задач, которые ставят перед собой ученые. Тем не менее все они сходятся в одном, что рассматриваемое явление имеет многомерную структуру, со значимыми составляющими, которые обеспечивают стройность и логичность всей системы самой национальной идентичности. Эта система включает компоненты морально-этического, социального, культурно-исторического характера, которые отражают идеалы, национальные ценности, традиции и многое другое из жизни русских людей, что свидетельствует о самобытности нации и создает «образ общности».

Основными составляющими понятия «национальная идентичность» являются такие его компоненты, как общий язык и культура. Язык выступает в качестве составной части культуры, он способствует ее усвоению и является носителем «специфических черт национальной ментальности» (Ольшанский И. Г., 2000, 26). При этом и сама культура включена в язык, поскольку «вся она смоделирована в тексте» (Маслова В. А. 1997, 35). Поэтому тексты можно рассматривать как источники культурной информации (Опарина Е. О., 2000, 28), поскольку в их содержании отражена «связь используемых в них языковых выражений с синхронным менталитетом народа» (Телия В. Н., 1996, 248).

Наблюдения за использованием слов и выражений в рассказе Ю. Нагибина «Берендеев лес» подтверждают правомерность выводов ученых о том, что национальная идентичность – это не просто общая территория и язык, а ощущение себя русским человеком, способным видеть, понимать, ценить и любить то, что несет на себе отражение русскости в ее высоком (отвлеченном) понимании и реально-бытовом проявлении.

Уже с первых страниц мелькание имен собственных Валдай, Москва, Ленинград, Солнечногорск, Клин, Завидово, Калинин, Торжок, Вышний Волочок заставляет представить русскую дорогу и испытать то чувство, которое возникает у людей, вырвавшихся из города и едущих мимо русских деревень. Ю. Нагибин так описывает это восприятие окружающей действительности: *«Это чувство вбирало в себя все, что насылала дорога: древние юродские названия селений (один Выдропужск чего стоит!), заставлявшие предполагать здесь какую-то гиблоразудалую и скоморошью жизнь, костерки обочь дороги, за кюветом, и расположившихся вокруг людей с дневным отсветом огня на рубахах и лицах, как у суриковских стрельцов перед казнью...»*. Это чувство рождает образы, которые связаны с общей исторической памятью русских людей и знанием образцов русского искусства. Эти образы возникают у нас, поскольку отдельные слова и сочетания несут информацию о юродивых, скоморохах, стрельцах, удальстве, красных рубахах и прочем, что знакомо из книг, фильмов, песен, которые на протяжении всей жизни формируют определенный запас сведений культурологического характера.

Даже названия проносящихся мимо машин – «Победа», «Запорожец», «Жигули» – несут в себе социально-культурную информацию, связанную с бытом русских людей конца XX века.

Но самым значимым все же представляется лес вдоль дороги. Он *«был еловый, темный, забитый валежником прямо от опушки, настоящий девственный лес»*. В ощущении героини Нины, *«такой лес стоит спокон веку и сам себя восстанавливает, ... преспокойно обходится без «умной» опеки человека»*. И вполне осознанно делается вывод и дается

оценка лесу: *«И как хорошо этот серьезный, угрюмый, нетронутый русский лес!»*

Однако, приехав на озеро Валдай, героиня от друга мужа узнала, что бывает и другой лес, *«куда и ступить страшно, да и почти невозможно, так он забит буреломом, мертвыми деревьями, так зарос кустарником, так оплетен валежником и тугой в полчеловеческого роста черничной зарослью»*. На просторах России такие леса не редкость, а слова бурелом, валежник, черника вызывают прямые ассоциации у тех, кто побывал в русском лесу. Название «Берендеев лес» также отсылает к русской истории, когда жили древние берендеи, верящие в магические силы леса, поклоняясь богам огня и солнца, воды и ветра. Берендеев лес, *«куда даже местные не ходят»*, запутал, заплутал героев, попавших в него, чуть не уморил, не утопил в болоте, но *«он же и вывел...»*. Именно в этом лесу наступило прозрение героини, она добилась от мужа откровения, раскрытия тайны, которую он хранил так долго после войны.

Мысли и чувства хорошо понятны автору статьи, поскольку в юности были поездки в гости к родственникам, проживающим в Челябинской области, когда вылазки в лес и грибная охота вызывали новые ощущения, незнакомые и волнующие. Грузди, подосиновики, подберезовики, волнушки навсегда запомнились как некие символы простой русской жизни. Может быть, потому и описываемая Ю. Нагибиным «грибная вечеря» всколыхнула воспоминания, когда тетя Галя жарила, варила, запекала грибы и мы наслаждались их вкусом, непривычным для жительницы далекого Узбекистана.

Рассказ Ю. Нагибина «Берендеев лес» – это своего рода осознание того, что ты русский человек, думаешь и чувствуешь по-русски, любишь тропинки в лесу, помнишь запах скошенной травы с ароматом земляники. И пусть сегодня русские люди живут в разных странах, но общая память хранит то, что является ценным и любимым, свидетельствует о национальной идентичности.

Литература

1. Искусство и цивилизационная идентичность. М. : Наука, 2007.
2. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М. : Наследие, 1997.
3. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в. : сб. обзоров. М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 26–55.
4. Опарина Е. О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия // Язык и культура : сб. обзоров. М. : ИНИОН РАН, 1999. С. 27–48.
5. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Шк. «Языки русской культуры», 1996.

Г. С. Миронова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В ДРАМАТУРГИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО И А. П. ЧЕХОВА: К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена русской дворянской усадьбе как феномену русской культуры XVIII в. – начала XX в. и как признаку самобытности русского сознания, его национальной идентичности. Рассматривается указанная тема на примере драматургии А. Н. Островского и А. П. Чехова.*

Ключевые слова: *драматургия, ремарка, реплика, пейзаж, интерьер, русская усадьба, тема дворянских гнезд.*

В настоящее время в культуре, искусстве, литературе наблюдается всплеск интереса к проблеме национальной идентичности, которая заключается в чувстве принадлежности человека к определенной нации, а также в осознании «нации как сплоченного целого, представленного отличительными традициями, культурой и языком» (Хренов, 2007, 60). С этой проблемой тесно связан образ дворянской усадьбы как феномена русской культуры XVIII в. – начала XX в. Родовое имение с портретной библиотекой и семейными альбомами, парком и садом, храмом и фамильным некрополем – это и колыбель великой русской литературы, и жилище усадебных муз, и источник философской мысли и художественного вдохновения. «Жизненный путь дворянина, как правило, начинался в усадьбе. Это место упокоения предков служило и колыбелью потомков... Город выступал от лица нации и государства, усадьба – от имени «малой родины», родительского гнезда и крова» (Евангулова, 2003, 47, 49). Поэзию русской усадебной жизни отразили в своей драматургии А. Н. Островский и А. П. Чехов – писатели, которые не были связаны с дворянством фактом рождения, но тема дворянских гнезд их живо интересовала. У А. Н. Островского истоки этой темы и её наполнение сопряжено с обретением усадьбы Щельково в Костромской губернии, пребывание в которой открывало ему неисчерпаемые возможности для творческих наблюдений над жизнью помещичьего дворянства. А. П. Чехову также было дорого все, что связано с усадебной жизнью, так как она символизировала для него теплоту семейных отношений, к чему он так стремился, создавая свой усадебный мир сначала в Мелихово, а затем в Ялте. В письме к редактору-издателю журнала «Осколки» Н. А. Лейкину А. П. Чехов признавался: «Ужасно я люблю все то, что в России называется именем. Это слово еще не потеряло своего поэтического оттенка» (Чехов, 1974, 165).

Русская усадьба немислима без природы, ее окружающей. Это прекрасно понимал А. Н. Островский, который воспроизводил усадебный ландшафт в ремарках и диалогах действующих лиц. В ремарке четвертого действия драмы «Светит, да не греет» читаем: «В глубине высокий берег реки, на котором разбросано несколько брёвен; по обе стороны лес. Светлая лунная ночь» [2, VIII, 222]. А ремарка третьего действия гласит: «В усадьбе Рабачёва... Палисадник, цветы и кусты; направо небольшое крыльцо дома; в глубине невысокий забор с калиткой» [2, VIII, 211]. Ренева в этой же пьесе утверждает: «...В этом имении вы находите всё, что вам нужно, здесь всё к вашим услугам: рощи, луга, река и город недалеко...», с ней согласны и Худобаев («Вообще... н-да... местность довольно живописная...» [2, VIII, 202]), и зажиточный крестьянин Дерюгин («...Воздух у нас очень лёгкий, все господа одобряют, и погулять есть где» [2, VIII, 201]). С этими описаниями созвучны мечты Леонида из «Воспитанницы»: «Покататься бы на лодке; я бы тебя перевёз на островок. Там так хорошо, на островке...» [2, II, 194]. Поэзия дворянской усадебной жизни на лоне русской природы запечатлена и в драматургии А. П. Чехова. Так, первое действие комедии «Чайка» открывается ремаркой: «Часть парка в имении Сорина. Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. Налево и направо у эстрады кустарник. Несколько стульев, столик» (Чехов, 1986, 484). Из ремарки ко второму действию читатель узнает, что события разворачиваются в жаркий полдень, на «площадке для крокета», везде «цветники», сбоку от площадки под старой липой скамья, сидя на которой хозяева и гости могут почитать книгу или просто отдохнуть (Чехов, 1986, 497). Пьеса «Чайка» была написана в Мелихово. Вот как об этом вспоминал Вл. И. Немирович-Данченко: «Благодаря озеру и саду, в лунные ночи и закатные вечера Мелихово было очень красиво и волновало фантазию. Здесь Чехов писал «Чайку», и много подробностей в «Чайке» навеяно обстановкой Мелихова. По крайней мере я не могу отделаться от впечатления, что сцена, которую устраивает Треплев, прошла на этой аллее, идущей к озеру, и «в доме играют», и «красная луна», и лото в четвертом действии» (Виноградова, 1959, 78). Из мелиховских впечатлений выросла и исполненная трагизма чеховская пьеса «Дядя Ваня (сцены из деревенской жизни)», действие которой происходит в имении, принадлежащем Соне, дочери профессора Серебрякова. «Сад. Видна часть дома с террасой. На аллее под старым тополем стол, сервированный для чая. Скамьи, стулья; на одной из скамей лежит гитара. Недалеко от стола качели» (Чехов, 1986, 529) – такой ремаркой открывается эта пьеса. Провинциальный мир русской усадьбы широко представлен и в драме «Три сестры», которую А. П. Чехов начал писать уже в Ялте. Как и предыдущие пьесы, это

произведение открывается ремаркой, рисующей обстановку поместья: «Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень; на дворе солнечно, весело...» (Чехов, 1986, 570). Из текста пьесы читатель узнает, что семья Прозоровых поселилась в имении одиннадцать лет назад, переехав из Москвы: «Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. <...> Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, – и радость заволновалась в моей душе...» (Чехов, 1986, 571).

Важное место в художественном мире «дворянских» пьес Островского и Чехова занимает усадебный интерьер, который легко прочитывается в авторских ремарках. Так, изображая декорацию второй сцены пьесы «Воспитанница», А. Н. Островский пишет: «Гостиная. Прямо отворенная дверь в сад, по сторонам двери, посередине круглый стол» [2, X, 178]. А в ремарке второго действия пьесы «Светит, да не греет» читаем: «Две боковые двери и одна – прямо, стеклянная, отворенная на балкон; виден сад...» [2, VIII, 198]. Драматург ввел в свои «усадебные» пьесы очень многие предметы домашнего быта, окружавшие его в летние месяцы щельковской жизни. Так, старинная мебель, частично оставшаяся в щельковском доме еще от отца, колокольчик стали принадлежностью залы Мурзавецкой из пьесы «Волки и овцы». Усадебный интерьер занимает важное место и в художественном мире пьес Чехова. Например, в ремарке к третьему действию «Чайки» читаем: «Столовая в доме Сорина. Направо и налево двери. Буфет. Шкап с лекарствами. Посреди комнаты стол. Чемодан и картонки; заметны приготовления к отъезду» (Чехов, 1986, 506). Четвертое действие разворачивается в бывшей гостиной, а теперь кабинете Треплева: «Направо и налево двери, ведущие во внутренние покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кроме обычной гостиной мебели, в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях» (Чехов, 1986, 515). В комедии «Вишневый сад» мы также можем по ремаркам и репликам персонажей воссоздать интерьер усадьбы Раневской. В первом действии приехавшие персонажи радостно и умиленно взирают на детскую, на комнаты белую и фиолетовую, на комнату Ани, на шкаф и столик: «Варя. <...> (*Любови Андреевне.*) Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка»; «Любовь Андреевна. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (*Плачет.*)» (Чехов, 1986, 628); «Любовь Андреевна. Я не могу усидеть, не в состоянии... (*Вскакивает и ходит в сильном волнении.*) Я не переживу этой радости... Смейтесь надо мной, я глупая... Шкафик мой родной... (*Целует и шкаф.*) Столик мой» (Чехов, 1986, 632).

Конечно, русскую дворянскую усадьбу невозможно представить без парка или сада. Так, первое действие пьесы Островского «Светит, да не греет» открывается картиной «старого, запущенного сада» [2, VIII,

184], а комедия «Дикарка» начинается в «густом парке» в усадьбе Ашметьевых («...в углу развалины каменной беседки, в глубине живописная местность за рекой» [2, VIII, 116]). Сад, как место действия, присутствует в комедии «Лес»: в ремарке к третьему акту («Старинный густой сад; налево от зрителей невысокая терраса барского дома, уставленная цветами; с террасы сход в три или четыре ступени» 2, III, 280) и в ремарке четвертого акта («Другая часть сада; направо беседка, налево садовая скамья, вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь» [2, III, 300]). Комедия «Блажь» также открывается ремаркой: «Сад. С правой стороны... видна часть большого помещичьего дома, выход в сад из нижнего этажа через стеклянную дверь... Перед домом площадка, которая ограждена редкими решетками из вьющихся растений с большим полукруглым навесом над площадкой... На площадке садовая мебель: скамья, кресла и столики. Налево густой сад; в глубине... выдается часть флигеля, от которого идет через всю сцену садовая изгородь, с калиткой посередине» [2, VIII, 250]. Вспоминая прошлое, помещик Бабаев из драмы «Грех да беда на кого не живёт» с нежностью замечает: «Помните сад? Помните липовую аллею? Помните, как мы после ужина, когда маменька уснёт, на террасе сиживали?..» [2, II, 405]. В пейзажных зарисовках «усадебных» пьес А. Н. Островского также обнаруживается связь с его щельковскими впечатлениями. Так, 4 мая 1848 года на третий день по приезде в Щельково драматург записал в дневнике: «Каждый пригорочек, каждая сосна, каждый изгиб речки – очаровательны» [2, X, 359]. А уже на четвертый день первого пребывания в Щелькове А. Н. Островский, пораженный первозданной роскошью щельковской природы, уверял: «Здесь все вопиет о воспроизведении, а больше всего восхитительные овраги подле дома, перед которыми Чертов овраг в Нескучном саду очень незначителен, и живописные берега речки Сендеги, которым я не могу найти и сравнения» [2, X, 359]. Шесть новых дней пребывания в Щелькове лишь усилили его первые впечатления: «...что за реки, что за горы, что за леса» [2, X, 360]. В «усадебных» пьесах Островского нашла отражение и такая подробность щельковского летнего обихода, как обилие цветов, которые стояли на террасе, в гостиной и во всех других комнатах. В четвертом действии комедии «Лес» Счастливец говорит: «Пойду, поброжу по саду, хоть георгины все переломаяю, все-таки легче» [2, III, 306]. Образ сада является центральным в последней пьесе А. П. Чехова, написанной им незадолго до смерти. В произведении отразились впечатления драматурга о пребывании на даче К. С. Станиславского в Любимовке, где в воображении писателя родилось окно старого барского дома, через которое виден цветущий вишневый сад, вызывающий в пьесе восторженные реплики чеховских героев: «Гаев (*отворяет другое окно*). Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо,

прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?»; «Любовь Андреевна (*глядит в окно на сад*). О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (*Смеется от радости.*) Весь, весь белый! О, сад мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!» (Чехов, 1986, 636). В ходе повествования становится известно, что род Раневской и Гаева был весьма обеспеченным. «Дом старый, барский; когда-то жили в нем очень богато, и это должно чувствоваться в обстановке. Богато и уютно», – так писал Чехов О. Л. Книппер-Чеховой (Чехов, 1982, 273). Но на тот момент, когда совершается действие, от былой роскоши не осталось и следа. Неслучайно радостная весенняя картина начала чеховской пьесы сменяется в финале грустной осенней. «На дворе октябрь», и, несмотря на то, что «солнечно и тихо, как летом» (Чехов, 1986, 661), природа наполнена печалью увядания. Слова «грустно», «печально» неоднократно звучат здесь в лаконичных авторских ремарках.

Таким образом, А. Н. Островскому и А. П. Чехову удалось объединить в одно эмоциональное целое красоту окружающей русскую усадьбу природы, внешнюю архитектуру и тонкий внутренний мир, созданный человеком. При создании образа дворянской усадьбы писатели, с одной стороны, идеализируют внешние признаки дворянского усадебного быта, а с другой – подчеркивают, что родовое имение с портретной галереей, библиотекой и семейными альбомами, парком и садом, храмом и фамильным некрополем постепенно уходит в небытие, погружаясь во мрак запустения. А с утратой родового имения исчезает и патриархальная идея семьи, основанная на сердечной связи поколений, а вместе с этим уходят и семейно-родственные связи – признак самобытности русского сознания, его национальной идентичности.

Литература

1. Виноградова К. М. Чехов в Мелихове. М. : Моск. рабочий, 1959.
2. Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
3. Искусство и цивилизационная идентичность. М. : Наука, 2007.
4. Островский А. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. М. : Искусство, 1973–1980. В дальнейшем цитаты из произведений Островского приводятся в тексте по этому изданию (римской цифрой обозначается том, арабской – страница).
5. Чехов А. П. Письмо Лейкину Н. А., 12 или 13 октября 1885 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т.

Письма : в 12 т. Т. 1. Письма, 1875–1886 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1974.

6. Чехов А. П. Письмо Книппер-Чеховой О. Л., 14 октября 1903 г. Ялта // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1974–1983. Т. 11. Письма, июль–декабрь 1903. М. : Наука, 1982. С. 272–274.

7. Чехов А. П. Избранные сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. Рассказы и повести. Пьесы.

Фаезе Мохаммадния-Ханаий
Тегеранский университет
(Тегеран, Иран)

«ПТИЦА СЧАСТЬЯ» В ИРАНСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. *Литература – часть национальной идентичности. В литературе каждого народа можно найти множество их верований и мыслей. Деревянная птица счастья или померанский голубь у русского народа и птица Хумай у иранского народа являются символом счастья в литературе.*

Ключевые слова: *Хумай, птица счастья, национальная идентичность.*

Литературу можно рассматривать как зеркало культуры любого народа. Литература – часть национальной идентичности в мире литературы каждого народа можно найти множество верований и мнений людей этого народа. Люди любой национальности и культуры унаследовали от своих предков богатый опыт, который дошел до наших дней. Хотя некоторые из этих традиций со временем были утеряны. Но интерес, который имеют люди каждой нации к традициям своих предков, это заставило их попытаться сохранить то, что было достигнуто до сих пор, и передать это следующему поколению. Можно сказать; каждая нация верила во многие традиционные символы от прошлого до настоящего времени; хорошие и плохие эмоции имели свой символ. Эти символы представляют национальную идентичность каждой страны, которую люди стараются сохранить. Все народы мира во все времена и эпохи стремились к счастью, и они искали его в разных символах. Символы включали в себя рукотворные предметы или элементы природы или животных. Существование птицы, называемой птица счастья, символизирует более глубокий смысл культур, и это неотъемлемая часть истории

литературы разных народов. В традиционной японской культуре журавль и черепаха являются символами долголетия, после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки изготовление бумажного журавля стало для детей символом мира и дружбы, и он достиг границ за пределами Японии. (Хэсам Хамид, Амирхани Масуд, 2019, 248) Орел также является одной из священных птиц среди американцев. По этой причине американские индейцы используют орлиные перья в своих шляпах. Деревянная птица счастья или померанский голубь у русского народа и птица Хумай у иранского народа являются символом счастья. Существование каждой из этих птиц можно проверить по литературным рассказам, которые остались от прошлого в письменной и устной форме. В данной статье мы рассмотрим особенности и историю присутствия этих двух птиц в жизни народов Ирана и России. Почему эти две птицы являются птицами счастья – наш вопрос в этой статье.

Литература – это мир мифов и символов, за каждым из которых скрыты тысячи загадок. Символы, иногда материальные, а иногда легендарные, использовались в литературе всех народов для выражения человеческих чувств. Ощущение счастья и горя, надежды и отчаяния, счастья и печали, и многих других эмоций людей через символы повсюду в литературе.

Символическое использование природы – один из наиболее распространенных видов символического использования окружающей среды в литературе. Животные также являются частью этой природы и встречаются во многих литературных произведениях. Среди животных присутствие птиц имеет мифологический аспект. С течением времени убеждения, созданные для людей в различных устных и письменных историях, стали частью их жизни.

Верования входят в жизнь людей каждой нации через литературу и влияют на нее. Эта литература может быть вымышленной или реальной, в большинстве из них есть надежда на жизнь. Надежда часто связана с литературой и обещает людям более легкую жизнь, чем кажется.

Русская фольклорная литература не является исключением из этого правила. Деревянная птица русского счастья вышла из рассказа в Архангельской губернии. В родине этой птицы, Архангельской губернии и поморском городе, около 300 лет назад птица счастливая деревянная спасла от смерти больного мальчика в этой географической зоне. После выздоровления мальчика эта история распространилась, и эта птица стала в народных поверьях символом счастья и радости. Люди вешали эту птицу в разных местах дома.

Некоторые вешали птицу над входной дверью, чтобы не допустить в дом злых духов и всякого зла; чтобы в дом вошло только счастье, здоровье и мир. Каждый день после обеда, по традиции русского народа, в русских домах зажигали самовар, птицу подвешивали над самоваром,

чтобы пар самовара заставлял птицу кружиться, и с этой экскурсией счастье распространится по всему дому, некоторые также вешали эту птицу рядом с источником света.

Как упоминалось ранее, у разных народов и в разные времена было принято иметь символы счастья. Литература, которая всегда была в центре жизни человека; здесь тоже есть ответ на всю жизнь. Сама птица является символом освобождения и свободы. Можно упомянуть множество литературных произведений, в которых птицы используются в разных образах и значениях. В этой статье мы ограничимся перечислением некоторых из них.

Иван Бунин в повести «Птицы небесные», написанной им на основе восточной философии, у него красивый разговор, напоминающий птиц в литературе.

– Живешь, как птицы небесные?

– А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся.

– А ты что? Философ? Атеист?

– Не понимаю я этих слов.

– Знаю, что не понимаешь. Я хотел спросить: в бога-то ты веришь? Нищий подумал.

– В бога нет того создания, чтоб не верило, – твердо сказал он. (Бунин Иван Алексеевич, Птицы небесные).

Присутствие птиц можно увидеть в литературе Ирана и мира. В древней литературе Ирана многие птицы присутствуют в произведениях великих литераторов. Символическое использование птиц известно в произведениях персидской литературы как своего рода национальное самосознание.

Птицы в персидской литературе имеют мифологический аспект. Человек бессилён перед мифом. Хотя он знает, что это не так или не должно быть так, он признает, что когда-то люди думали именно так и пришли к такому мнению и нынешние люди должны признать себе, что все эти события произошли на земле однажды, особенно согласно верованиям первых людей (Дехбозорги, ГоламХоссейн, 2002, 97).

В сегодняшней суете жизни, человек пытается защитить свою национальную идентичность, устанавливая связь между собой и литературными мифами нации, к которой он принадлежит, и связывая свою жизнь со сладкими верованиями.

Вера в существование Хумай, занимающей особое место в персидской литературе, является одним из связующих звеньев между персоязычным народом и древней персидской литературой.

Птица Хумай (*Cypaetus barbatus*) с научным названием Bearded, принадлежащая в орнитологии к семейству грифов. Птица, которая живет одна, питается костями, а иногда и падалью. Область вокруг его глаз

и клюва черная, а под клювом у него черные волосы, похожие на бороду, и по этой причине его еще называют бородатой птицей. Для гнездования Хумай выбирает высокие и отдаленные горы и строит свое гнездо на вершине самых высоких вершин (Шафак Исмаил, Зарей Джамиля, 2013, 59).

Самым известным стихотворением о поедании костей этой птицей является стих Голестана Саади: Птица Хумай превосходит других птиц, потому что ест кости и никому не причиняет вреда (Муслех бин Абдулла, 2006, 88).

Хумай – птица, которую можно увидеть на иранских флагах в доисламской культуре. Похоже, иранцы по своим верованиям считали Хумай благоприятным они использовали изображение этой птицы на своих флагах и воспринимали это как хорошее предзнаменование (Шафак Исмаил, Зарей Джамиля, 2013, 69) Роль этой птицы можно увидеть в резьбе и некоторых капителях Персеполя.

В Авесте о курице-варгане сказано: Если у кого-то при себе есть кость или перо варгана, он становится непобедимым и люди боятся того, у кого есть перо варгана (Дустха, 1993, 438). Согласно многим статьям на персидском языке, Хумай можно считать курицей-варганом. Так, в Авесте, старейшей из сохранившихся религиозных поэм старинного Ирана, Хумай тоже присутствует.

Следует отметить, что Деххода не пренебрег этим моментом в своем определении Хумай: Это птица, питающаяся костями. На кого упадет тень Хумай, тот станет королем (Деххода Али-Акбар, 1999, 23518).

Известность этой птицы в персидской литературе обусловлена ее мифологическим статусом: тень этой птицы падала на голову любого человека, его считали блаженным, и они даже сделали его королем. В легендах говорится, что в древних странах каждый раз, когда умирал король и преемника у него не было, Хумай летел, а кто сидел на голове, того называли королем.

Пример этого можно увидеть в «Шахнаме» Фирдоуси: Когда Дараб сел на трон, к нему пришла Хумай с короной. (Фирдоуси Абулгасем, 1391, 1129 гг.)

В персидской литературе птицы также присутствуют в зловещих символах. Сова – одна из этих птиц, что по своим характеристикам контрастирует с птицей хумай. Контраст характеристик этих двух птиц во многих персидских стихотворениях доказывает, что сова – символ зла, а Хумай – символ благополучия и счастья. Стихотворение Насера Хосрова является тому примером: Нельзя называть сову Хумай и ожидать от нее благополучия и счастья (Насер Хосро, 1929, 419).

История обеих птиц, упомянутая в статье, представляет собой смесь фактов и легенд. Многие иранцы не знают, что Хумай – птица из рода грифов, и в своем воображении создали еще одну форму этой пти-

цы. Птица счастья, возможно, не сможет убрать все горести российской семьи, но он также используется для представления традиционной культуры в сегодняшних российских домах, и своим полетом он распространяет красоту и элегантность в доме. Птица счастья воскресла в виде стихов и песен (Николай Гнатюк. Птица счастья. Сл. Н. Добро- правова, муз. А. Пахмутовой), но что важно, так это присутствие этих двух птиц в жизни людей.

В этой статье мы объяснили некоторые из тысяч тайн, скрытых за изображением птиц счастья. Хотя сегодня многим из этих убеждений нет места среди полученных научных концепций. Однако эти верования и легенды можно рассматривать как оправдание неотделимости от традиционных культур; или даже рассматривал некоторые из них как развлечение.

Литература

1. Шафак Исмаил, Зарей Джамиля / Исследование «Хумай», Текстология персидской литературы, 48-й год, новый период, номер 1 (13 подряд). Весна 2013 г. С. 57–71.
2. Дехбозорги Голам Хоссейн, 2. Симург Асатири, «Просвещение». Т. 18. № 3. Март 2001 г. С. 114–97.
3. Хэссам Хамид, Амирхани Масуд / Мохаджер Сарземин Афтаб. 57-е изд. Surah Mehr Publications, 2019.
4. Деххода Али Акбар. Словарь Деххода. 1999. Т. 15. Тегеран, Словарный институт Деххода.
5. Фирдоуси, Абулкасем, Шахнаме Хаким Абулкасем Фердоуси. 2013. pdf-версия.
6. Насер Хосров. 1929. Диван / под ред. Насруллы Такви. Тегеран, pdf-версия.
7. Саади, Мослех бин Абдулла. 2006. Голестан, усилиями Халила Хатиба Рахбара. Тегеран : Публикации Сафи Алиша.
8. Яхьяпур, Марзие Иван Бунин и мир Востока. 4-е изд. Тегеран : Тегеранский университет, 2020 (двуязычная книга: на рус. и перс. языках).
9. Козина О. Приметы и суеверия как категория наблюдения-анализа в традиционной русской культуре. ТГУ им. Г. Р. Державина.
10. Легенда записана А. Кончевским («Сказки, легенды и предания Крыма», «Физкультура и спорт», 1930). Обработка Г. Тарана. Печатается по изданию: «Легенды Крыма», Симферополь, «Крым», 1967.
11. Бунин И. А. Птицы небесные. URL: www.bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/pticy-nebesnye.htm (дата обращения: 01.06.2024).

Е. Ю. Муратова
Витебский государственный университет
им. П. М. Машерова
(Витебск, Республика Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье исследуется проявление национальной идентичности в поэтических текстах в разных модусах: через отображение фактов истории, культуры, традиций, национальных праздников, географии своей страны и др. Материалом исследования послужили стихи М. Цветаевой, А. Ахматовой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского.

Ключевые слова: поэтический текст, история, культура, Москва, Петербург.

Русская поэзия во все времена была средством выражения национальной идентичности. Как писал Н. Бердяев, «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» (Бердяев Н., 2004, 107).

Концептуализация действительности в поэтическом тексте может осуществляться в номинативном, событийном, историческом и др. аспектах. На формирование картины мира оказывают влияние такие факторы, как традиции, природа, ландшафт, воспитание, обучение и т. д.

В. И. Постовалова утверждает, что языковая картина «не есть зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, т. е. интерпретация, акт миропонимания... Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» (Постовалова В. И., 1988, 42).

«Национально-культурные цвета» в языковой картине мира определенного народа могут проявляться при помощи разных средств. Это может быть специфическая лексика, ритуалы, обряды, фразеологизмы, символы, закрепленные в языке. В поэзии особым художественным образом проявляется менталитет народа. Как писал Б. В. Томашевский, «произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты» (Томашевский Б. В., 1959, 152).

Национальная идентичность в поэтических текстах может проявляться в разных модусах: через отображение фактов истории, культуры, традиций, национальных праздников, географии своей страны, особенностей природы, в которой живет народ и т. д.

Важную роль в поэтических текстах играют прецедентные имена, т. е. известные всему национально-культурному сообществу. Прецедентные имена – это сложные семантические знаки, способные емко, а главное, кратко отразить любую сферу человеческой жизни: историю, политический строй, культуру, социальные отношения и т. д. Приведем несколько таких примеров, характерных именно для русской нации:

*Скрытымным – это не силлабика. / Лермонтов поэтому непере-
водим. / Лучшая Марина зарыта в Елабуге. / Где ее могила? –
скрытымным...*

*Так Пушкин порвал бы, услышав, / что не ядовиты анчары, / вели-
кое четверостишье / и начал сначала!*

*Хоронила Москва Шукина, / хоронила художника, то есть / хоро-
нила страна мужика / и активную совесть.*

*С души все спадает рабское, / пустяковое, / когда я вхожу в про-
рабскую / Цветаева и Третьякова. / Пчелы национальные! / Медичи из
купцов – / москворецкие меценаты, / точнее – творцы творцов.*

*И сказал Шагал, чуть дыша,
в час последний вдали от родины:
«Там осталась моя душа...» –
и глаза его синие дрогнули.*

*Победу пели наши склянки, / но отвоеванный наш Крым / презен-
товал Хрущев по пьянке / собратьям нашим дорогим.*

Целые эпохи могут отражаться в поэтических текстах. Например:

*Из Москвы уезжает боярыня,
Напоследок двуперстьем грозит.
За крамольные речи наказана
Ссылкой в дальний монашеский скит.
Но не сломлена духом раскольница, –
Сердце вольное гневом кипит.
И бежит за ней русская вольница
Проводить исчезающий быт.*

Одновременно строки стихотворения – это и ассоциативное обращение к картине Василия Сурикова «Боярыня Морозова». На его картине на простых санях, застеленных соломой, полулежит Феодосия Морозова с поднятой вверх рукой с двумя перстами – символом старой веры. И стихи, и картина Сурикова отсылают нас к трагической странице русской истории середины XVII века – эпохе раскола русской православной церкви.

О религиозном лидере русского старообрядчества протопопе Аввакуме, о его ярости в отстаивании старообрядческой веры Е. Евтушенко пишет так:

*Переходила истовость в неистовость
горящего пророка во плоти,
и книгу Аввакума перелистывать,
как будто в сруб пылающий войти.*

Еще одна страница нашей истории – Степан Разин:

*Царь и Бог! Простите малым –
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым.*

*Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!*

*Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!
В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!*

...

*да за удаль несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!*

...

*Царь и Бог! Для ради празднику –
Отпустите Стеньку Разина!*

Стихотворение написано Мариной Цветаевой в 1918 году. Дата его создания имеет важное значение для понимания текста. Образом Стеньки Разина Цветаева как будто обращается к новой власти не быть такой жестокой и безжалостной, такой кровавой. Она как будто молит: *простите, не казните, пощадите, развяжите, отпустите*.

Иногда в поэтических текстах причудливым образом соединяются совершенно разные эпохи, древняя история и современность:

*Вся Русь, / где столько казнено, – / на Лобном месте казино. /
Словно заплатки на портки / кругом ларьки, / ларьки, / ларьки. / Что по-
зади? / Цари, / царьки, / самая в мире лучшая / проволока колючая, / па-
лачи, / салтычихи, / стукачи, / стукачихи, / политбюрошные, / в похо-
жести почти нарошные, / вожди ... / Неужто это и впереди?*

Помимо исторических экскурсов национальная идентичность проявляется в поэзии через образы своей страны, природы, людей. Строго говоря, основой национальной идентичности является верность традициям, преемственность поколений и следование духовно-нравственным ориентирам. Это очень ярко отражено в творчестве М. Цветаевой, кото-

рая писала: «Родина не есть условность территории, – писала М. Цветаева, – а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью» (Цветаева М., 1995, 206).

Она выросла в особой семье. Отец поэта – профессор Московского университета, основатель Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, мать была блестящей пианисткой, свободно владела четырьмя европейскими языками, глубоко знала историю и литературу, сама писала стихи.

Марина Цветаева всю жизнь преклонялась не только перед отцом и матерью, но перед всем их поколением, которое она называла «поколеньем с сиренью и Пасхой в Кремле».

*Вы – ребенку, поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Всё – внушившие – чтить...*

*Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – быть,
Вам, среди шумного бала
Так умевшим – любить!*

*До последнего часа
Обращенным к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!*

При этом ее семья была традиционной православной семьей. С радостью ждали Новый год и Рождество, дарили подарки, украшали елку, на Пасху и красили яйца и пекли куличи, ходили в церковь, как вся православная дореволюционная Россия. И эти русские православные традиции активно проявляются в творчестве М. Цветаевой: *1. Звон колокольный и яйца на блюде / Радостью душу согрели. / Что лучезарней, скажите мне, люди, / Пасхи в апреле? 2. В день Благовещенья / Улыбаюсь до вечера, / Распростившись с гостями пернатými. / – Ничего для себя не надо мне / В Благовещенье, праздник мой!*

М. Цветаева бесконечно любила свою родную Москву, ей она посвятила множество поэтических строк: *1. Над синевой подмосковных роц / Накрапывает колокольный дождь. 2. Облака – вокруг, / Купола – вокруг, / Надо всей Москвой / Сколько хватит рук! 3. Семь холмов – как семь колоколов! / На семи колоколах – колокольни. / Всех счетом – сорок сороков. / Колокольное семихолмие! 4. Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился колокольный гром. ...Царю Петру и вам, о царь, хвала! / Но выше вас, цари, колокола. / Пока они гремят из синевы – / Неоспоримо первенство Москвы.*

Другой великий русский город – Петербург – воспет другим великим русским поэтом – А. А. Ахматовой. Все ее творчество буквально «пропитано» этим городом: его история, культура, великие творцы, любовь, страдания, сам дух города над Невой она сохранила и воспела в своих стихах. 1. *О, это был прохладный день / В чудесном городе Петровом! / Лежал закат костром багровым, / И медленно густела тень.* 2. *За то, что, город свой любя, / А не крылатую свободу, / Мы сохранили для себя / Его дворцы, огонь и воду.* 3. *Вновь Исакий в облаченьи / Из литого серебра. / Стынет в грозном нетерпеньи / Конь Великого Петра.*

Образы Петербурга нашли отражение в творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского, Блока, Белого, Мандельштама и др. И у каждого из них свой неповторимый Петербург. Но именно в лирике Анны Андреевны Ахматовой этот город становится действующим лицом в ее биографии. В ее стихах упоминаются многие архитектурные шедевры, сделавшие образ Петербурга единственным и неповторимым: Александровская колонна, Аничков мост, Зимний дворец, Медный всадник, Исаакиевский собор, Смольный институт, Михайловский замок, Петропавловская крепость и др. И это тоже приметы национальной идентичности.

Марина Цветаева в одном из своих писем употребила выражение «национальное сиротство», которому, на наш взгляд, как раз и противопоставляется национальная идентичность человека, т. е. ощущение им принадлежности к определенной нации, а национальная идентичность в целом – это чувство народа как единого целого. Поэзия в полной мере выражает это единство русской нации, представленного уникальными традициями, преемственностью поколений, историей, культурой и языком.

Литература

1. Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Судьба России. Кризис искусства. М., 2004. С. 101–109.
2. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
3. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М.: Искусство, 1959.
4. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / сост., подготовка текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 4(2).

Е. В. Пронина

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПИТЕКСТАХ ТУЛЬСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассматриваются эпитексты, находящиеся в Благовещенской церкви города Тулы, как предмет изучения с позиций национальной идентичности, принадлежности самобытной русской культуре.

Ключевые слова: эпиграфика, эпитекст, Благовещенская церковь города Тулы, строительная надпись, храмозданная надпись.

Вопросы формирования национальной идентичности находят сегодня отражение в политической и социальной, экономической жизни государства. Существенным представляется тот факт, что самоопределение нации в основном базируется на национальном языке и культуре, точнее, выстраивается на исторической общности и достижениях в культуре. В связи с этим проблемы изучения материальной культуры прошлого представляются особенно значимыми. Конструирование национальной идентичности едва ли возможно без помощи материальных объектов, корректная интерпретация которых позволяет использовать их в национальном строительстве. Одним из подобных материальных объектов являются надписи на твердом материале, находящиеся в логической связи с предметным окружением, – эпиграфика.

Эпиграфика – в настоящее время одна из наиболее динамически развивающихся отраслей науки. В разработке дисциплины принимают участие профессиональные археологи, палеографы, реставраторы, искусствоведы, краеведы, лингвисты. Монументальная эпиграфика является одним из интереснейших исторических и филологических источников религиозной, политической и социальной, экономической жизни государства. Проблемы древнерусской эпиграфики, в частности исследование строительных надписей, особенно провинциальных, весьма актуальны.

Существующие на сегодняшний день эпиграфические тексты представлены надписями двух типов: надписями на артефактах, извлеченных археологами из культурного слоя, и надписями-граффито на стенах церквей.

По мнению исследователей, надписи на стенах храмов, в свою очередь, можно разделить на 2 подтипа: те, которые возникли спонтанно, носят ярко выраженный индивидуализированный характер (представляют собой самовыражение личности: имена, автографы, молитвы: «Господи, помилуй раба твоего...»), и те, которые являются результа-

том коллективной деятельности, созданы для сохранения значимой для общества информации.

В прагматическом аспекте надписи на храме (монументальная эпиграфика) – это публичные долговечные тексты, написанные с осознанной целью сохранить информацию. Именно к таким эпиграфическим объектам относятся монументальные надписи на фасадах Благовещенской церкви 1692 года в Туле, расположенной по адресу: ул. Благовещенская, 4. С некоторыми переделками здание дошло до наших дней и является самой старой из сохранившихся тульских церквей и единственным в Туле памятником архитектуры XVII века.

Искусно отреставрированным и прочитанным эпиграфическим текстом является храмозданная доска – вмурованная справа в стену притвора храма плита из белого известняка размером 119×69. Храмозданная, или храмозданная надпись – уникальный археологический артефакт, памятная надпись, повествующая о времени создания храма, строителях, заказчиках, художниках, создавших фрески, или иконописцах. Уникальность такого типа находок на храмах России позволила археологам считать, что подобные надписи могли создаваться поновителями храмов, чтобы «сохранить его в истории» подтверждением чему, очевидно, является доска тульской Благовещенской церкви. Постройка каменного здания после пожара вместо деревянного датируется 1692 годом, скорее всего, к этому времени и относится храмозданная доска. Причем каждый факт наличия такой реально сохранившейся храмовой доски с четкой, как в нашем случае, надписью о дате и времени строительства, именах строителя, является уникальным.

Надпись гласит: *«В лето 7200-го году при державе благочестивейших царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, и благословением преосвященнейшего Никиты архиепископа Коломенского и Каширского построена церковь сия каменная Благовещения Пресвятыя Богородицы на келейные деньги Троицкого Астраханского монастыря строителя иеромонаха Феодосия прежде бывшего священника Благовещенского вечного ради поминовения по отце своем схимнике Феодосии и по матери своей Марии и по подружии своей Екатерине и по своей грешной душе и по прочих своих родителях и аще будет которой священник сослужитель в церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы и он бы пожаловал в забвение не положил у святого жертвенника за просфиромисанием и на ектениях имена их поминал да и сам поминовен буде у престола Вышнего Судии»* (Иванов А., 1888, 241).

Надпись замечательна своим официальным характером и явно делалась не произвольно, а с разрешения властей, что, несомненно, проливает свет на историю самого древнего из сохранившихся храмов Тулы. Тульская храмозданная доска представляет собой неповторимый

памятник, принадлежащий истории и декоративно-прикладному искусству. Доска относится к раннему русскому барроко и выполнена неизвестным мастером славянской вязью – особым декоративным письмом XIV века и ставшим особенно популярным в XVII веке, на буквах остались следы краски кирпичного и синего цвета. Следует отметить, что это искусный и изящнейший образец русской эпиграфики. Здесь много замысловатых букв, лигатур, сдвоенных и строенных знаков, малых выносных букв, знаков ударений, титл. Надпись рассказывает о том, когда и кем была построена церковь, упомянуты известные в истории Русского государства правители, дата в граффито указана в соответствии с правилами той эпохи, составлена буквенными обозначениями, летоисчисление ведется от сотворения мира.

Другая надпись находится на северном фасаде здания внизу, над ступенями, расчищены от штукатурки в процессе реставрационных работ 2022 года.

На данном этапе работы предположительно восстанавливается следующий текст:

«... (очевидно, дата?) в Туле погребен Свято-Троицкого монастыря Астраханского строитель иеромонах Феодосий, что прежде бывшего отца церкви святой (?) Благовещения (?) Пресвятой (?) Богородицы (?)».

*В сем месте погребен еси иеромонах Феодосий,
матери его Мария (?)....*

Мефоди..(я?) брата схимонаха.....

Анастасия ликоки (инокиня? келейница?) иер....

Есть предположение, что буквы в процессе реставрационных работ конца XX века сначала были расчищены от слоя штукатурки и позже и не всегда точно были обведены красной и синей краской, что затрудняет чтение. Из расшифрованного становится ясно, что здесь, под северной стеной основания храма захоронен строитель церкви иеромонах Феодосий и его родственники.

Уверенно читаются лишь: «погребен», очевидно, «в сем месте», «монахиня(?)», «Феодосия» – 3 строка, «иерея» – конец 3 строки. Надпись 2 более всего нуждается в дополнительной специальной технологической подготовке к чтению.

Личностью, объединяющей эти надписи, является иеромонах Феодосий. Его имя в миру – Феофилакт Федоров, происходил из купеческого рода, был женат, имел сыновей. Он был священником прежней деревянной церкви Благовещения пресвятой Богородицы. Имеются сведения о его отце Феодосии Кирилловиче, который владел в Туле лавкой «в калашном ряду, против кружечного двора» (Авдеев А. Г., 2005, 204), но в конце жизни раздал все свое богатство, принял монашеский постриг и схиму и купил наследственное право для своих четырех сыновей на должность священников Благовещенской церкви.

Сам строитель Благовещенской церкви упоминается с апреля 1665 года в качестве эконома и строителя подмосковного Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря, основанного патриархом Никоном в 1657 году (Зеленская Г. М., 2005, 204-208).

Иеромонах Феодосий, будучи постриженником патриарха Никона, был одним из первых его насельников. Известно, что через него проходило финансирование изразцовых фриз с надписями, в стиле графики которых прослеживаются параллели с храмовой доской тульского храма. Более того, соответствия обнаруживаются также и в формулах этического и богословского окончания каменных документов. Имеются свидетельства, что иеромонах Феодосий в ноябре 1666 года с немногими оставшимися верными последователями сопровождал опального патриарха Никона на Священный собор, нес ответственность за обеспечение продовольствием этой миссии, а также защищал Никона от нападок и оскорблений [Извещение о рождении...]. Не оставил иеромонах Феодосий своего служения и в годы заточения патриарха Никона, тяжелые для Ново-Иерусалимской обители. Строительные работы невозможно было продолжать, однако жизнь в монастыре шла и службы не прекращались. Таким образом, иеромонах Феодосий продолжает дело учителя и остается верен ему до кончины в 1681 году.

В 1690 году иеромонах Феодосий едет в Астрахань и становится настоятелем (устроителем) Троицкого монастыря (подтверждение чему имеется в эпитектах храмовой доски и надписи 1). В тульской Благовещенской церкви служит его родной брат иеродиакон Мефодий, в Туле осталась его многочисленная родня: брат иеромонах Афанасий, племянники. На «келейные», то есть личные деньги старца Феодосия и на оброчные доходы с церковной земли в Туле в 1692 году и было возведено каменное здание Благовещенской церкви.

По комментированному прочтении данных надписей можно с уверенностью сказать, что связь с Тулой иеромонаха Феодосия не прервалась, он упокоился в месте своего первого служения. Данный факт соответствует реальной исторической традиции погребения под храмом, которая возникла на Руси с принятием христианства, в раннее Средневековье подобным образом хоронили мучеников и святых, начиная с XVIII века под пространством храма допускалось хоронить монахов, меценатов-купцов, строителей храмов и общественных деятелей, послуживших на благо отечеству.

Обнаруженные монументальные эпиграфические тексты имеют историческую и филологическую ценность, проливают свет на историю жизни наших предков. Важно, что перед нами подлинные документы конца XVII – начала XVIII века, тем более что приведенные граффито представляют собой официальный текст, нанесенный на стену соборного храма в то время по предписанию Тульской епархии.

Таким образом, пространство и язык храмовых надписей являются уникальными текстами культуры, документами времени. Подобные артефакты служат не только источником изучения этнических и языковых процессов, но и отражением национальной и религиозной идентичности личностей, принимавших деятельное участие в становлении Российского государства, что позволяет расширить знания о развитии истории и культуры Тульского региона.

Литература

1. Авдеев А. Г. Строительная надпись конца XVII века из Тулы // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / сост. Г. М. Зеленская ; науч. ред. : Г. М. Зеленская, Н. А. Кочеляева. М. : Лето, 2005. С. 199–204.

2. Зеленская Г. М. Иеромонах Феодосий – эконоом Воскресенского монастыря во второй половине 1660-х годов // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / сост. Г. М. Зеленская ; науч. ред. : Г. М. Зеленская, Н. А. Кочеляева. М. : Лето, 2005. С. 204–208.

3. Иванов А. Тульские епархиальные ведомости. 1862 (гражданским шрифтом); Святые храмы города Тулы // Материалы для историко-статистического описания Тульской губернии. Вып. 1. Тула. 1888. (По публикации Иванова, гражданским шрифтом); Лозинский Р. Р., прот. Каменный сказ... Тула, 1978.

О. И. Просяникова

*Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)*

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ ТУВИНЦЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *Обрядовая поэзия, сохранившая архаичные черты традиционной культуры в обрядах и культовых ритуалах, представляет собой значительный пласт самобытной национальной культуры тувинского народа. Изучение фольклорных жанров способствует пополнению знаний о них, сохранению и реконструкции духовного наследия. В статье речь идет об обрядовом фольклоре, в частности, о таких произведениях, как алгыши, которые представляют вербальный компонент культовых и лечебных ритуалов. Актуальность такого рода исследований определяется интересом к изучению национального наследия в рамках разной жанровой принадлежности.*

Ключевые слова: *фольклор, обрядовая поэзия, алгыши, тувинская культура.*

Тувинская обрядовая поэзия представляет собой уникальный памятник народной культуры, позволяющий установить не только архаичные истоки верования народа, но и этническую культуру в целом. В обрядовой поэзии сохраняются духовные и национальные традиции тувинского этноса.

К жанрам обрядовой поэзии относятся заклинания (чалбарылгар), благопожелания (йөрээлдер), восхваления (макталдар), заговоры, проклятия (каргыштар) (Юша Ж. М., 2005, 12). Однако существует народное название алгыш, объединяющее эти жанры. В данной работе материалом исследования стали алгыши, представленные как шаманские заклинания в коллекциях М. Б. Кенин-Лопсана и З. К. Кыргыз.

Культовые обряды совершались шаманом, который считался посредником между людьми и потусторонним миром с его обитателями, злыми и добрыми духами. Е. К. Яковлев определил шамана как «совершителя всякого домашнего, общественного и родового моления, обращенного по преимуществу к злым духам (Кенин-Лопсан М. В., 2009, 46). Алгыши – это огромный пласт традиционной культуры, в которой они являются определяющим компонентом национальной идентичности.

Тексты алгышей воплощают мировоззрение и мифологию национальной культуры. Являясь произведением устного творчества, они обладают схожими чертами, несмотря на принадлежность разным по происхождению шаманам. Однако в этих общих чертах кроется национальная идентичность.

В обряде, совершаемом шаманом, имеются ритуал, атрибуты и фольклорная традиция, отраженные вербально в тексте заклинания.

Алгышам свойственно представление шаманом себя (1), своего происхождения (2), своих достоинств (3):

(1) Я – шаманка Таргын–Кара, вот мое имя (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 19).

(2) Я тот шаман, кто рожден небом по имени Азар (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 20).

(3) Я та шаманка, кто умеет заклинать смертельно (Кенин-Лопсан М. Б., 1995, 342).

(4) Я могучий шаман и побеждаю болезнь. // Я коронованный шаман и облегчаю горе (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 21).

Поскольку фольклору свойственно одухотворение и одушевление природы и окружающего мира, то и в камланиях шамана прослеживается его связь с антропоморфными существами, анимистическими персонажами и предметами, к которым он обращается с просьбой о действии и помощи.

(1) Вы, *мои бесы*, любую болезнь сумеете вылечить// И потому вашим именем веду поиск и молюсь вам (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 35).

(2) *Чертовы творцы*, к вам милостиво обращаюсь (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 36).

(3) *Черный ворон*, прошу тебя ко мне явиться (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 38).

(4) О мой *бронзовый бык* круторогий, восьминогий и непоколебимый (Катанов, 2003: 229)!

(5) Будь добр и вежлив, милый *огонь-творец* (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 189).

(6) *Моя золотая хаача*, моя серебряная *хаача**// Не впускайте в юрту ни черта, ни беса. // Прошу тебя, моя дверь, стань твердыней (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 190).

(7) *Тос-караам**, моя девятиглазка, разбрызгаю твой *чажыг** (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 189).

(8) Вы, *мои дииреннер**, характер ваш развеселый (Кенин-Лопсан М. Б., 1995, 324).

*Хаача ‘войлочная дверь юрты’.

*Тос-кара – культовый предмет в виде ковшика с девятью отверстиями.

*Чажыг – жидкость, разбрызгиваемая во время культового обряда.

*Дииреннер ‘бес, нечистая сила’.

Сила шамана тесным образом связана с атрибутами, без которых он не может победить врагов и излечить больного (Кенин-Лопсан М. Б., 1987, 54). Среди них *бөргум* ‘шапка’, *дунгур* ‘бубен’, *орба* ‘колотушка’, *тон* ‘плащ, кузунгу’ ‘зеркало’. Шаман считал своим долгом восхвалять атрибуты, слагая в их честь алгыши:

(1) Моя шапка с растопыренными перьями, // С перьями куропатки, подобными солнцу и луне, // Моя семиперьевая шапка-каскак, // Как твое здоровье (Кенин-Лопсан М. Б., 1987, 108)?

(2) Моё кузунгу из желтого меда // Спустилось из желтых туч, // Приземлилось стремительно, // Одним ударом разбив желтую скалу (Кенин-Лопсан М. Б., 1987, 109).

(3) О вещей наряд мой шаманский, // всегда разноцветно-прекрасный, // служи мне, как прежде, исправно (Катанов Н. Ф., 2003: 216).

Некоторые атрибуты, сопровождающие ритуальные действия шамана, не имеют эквивалентов в других языках, поэтому присутствуют в текстах как ксенонимы: *дунгур* ‘бубен’, *орба* ‘колотушка’, *чакпа* ‘плавник рыбы’:

(1) Кому суждено иметь атрибут *дунгур*, // У него будет только одно дно. // Кому положено держать атрибут *орба*, // У него будет только одна дорога. // Кто носит на плечах атрибут *чакпа*, // Тот должен пройти единственный путь. // Кто приобрел звание *чааран*, // Тот представляет собой мощную грозу (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 42).

(2) Мои духи бубна и мои творцы всех атрибутов!! Убедительно прошу вас без задержки явиться. <...> // Дайте мне, мои духи, мое зеркало Кузунгу // Ступню моего коня буду защищать этим зеркалом (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 40).

(3) Полосатый мой плащ, я надел тебя к камланью (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 36).

(4) Знай, что у меня есть атрибут *ыргак демир** (Кенин-Лопсан М. Б., 2017, 180).

* *Ыргак демир* – кривое железо для шаманского плаща.

В алгышах можно узнать о духовных и нравственных представлениях народа, об отношении людей к красоте, мужеству, труду, чести. В алгыше-благословении положительные качества даются в сравнении с природой, что говорит о единении человека с окружающим миром, который видится через призму его восприятия. Сравнения, используемые автором, в наставлениях юноше, присутствуют точные характеристики животных и черты их поведения, подмеченные человеком в его наблюдениях за природой.

(1) Будь ты неукротимым, юноша, как конь не прирученный. // Будь ты проворным, юноша, как зверь косуля. // Будь ты гордым, юноша, как птица орел. // Будь ты нежным, юноша, как гибкий тальник. // Будь ты подозрительным, юноша, как горный аргар*. // Будь ты певцом, юноша, как певунья птица-соловей. // Будь ты милостивым, юноша, как женщина-мать. // Будь ты трудолюбив, юноша, как рабочая пчела (Кенин-Лопсан, М. Б., 2017, 185).

* *аргар* ‘горный баран’.

В приведенном отрывке упоминается лишь часть зверей и птиц, которые имели большое значение в жизни тувинцев. Во многих алгышах можно встретить обращения шамана к коню, ворону, волку, медведю, орлу, барсуку. Наделяя этих животных сверхъестественной силой, по существу одушевляя их, шаман возлагает на них свою просьбу помочь ему:

(1) Рыжий и круглый конь мой, я тебя выбрал и держу путь (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 36).

(2) Черный ворон, прошу тебя ко мне явиться! (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 38).

(3) Серые волки – мои друзья, у вас грудь в крови. // Прошу вас, волки, не нападать на стадо скота (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 41).

Особенное отношение тувинцев к коню, который, несомненно, являлся самым значимым животным, их сакральная связь с этим животным отражается во многих алгышах в эпитетах, которыми шаман награждает коня:

(1) Где же ты, *мой коронованный конь*, стоишь? (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 126).

(2) И ты, *священный конь*, // Выветривай тяжесть горя. // И ты, *священный конь*, // Помогай человеку в беде (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 75).

Алгыши – это еще и источник знаний о родном крае и манифест отношения к нему. В алгышах можно встретить и топонимы (1, 2), соответствующие реальным природным объектам, и их народные номинации. Главным природным объектом для тувинцев являются горы – танды и тайга. В переводе на русский *танды* ‘цепь гор, самая высокая гора’, *тайга* ‘высокая гора с вечными лесами, и снегами’. Отношение к природе как матери всего живого объясняется тесной связью с хозяйственными занятиями населения, поэтому сакральными для тувинцев являются сам край Танды и его природа, с ними они связывали жизнь и смерть, удачи и неудачи, в благорасположенность которых твердо верили и считали кормильцем (Курбатский Г.Н., 2001, 154). Обращаясь к горам, шаман выражает свое единство с ними (3), свое восхищение и преклонение сопровождает эпитетами *бай* ‘богатый’, *улуз* ‘великий, золотой, щедрый’:

(1) *Великая Танды моя, Хайыракан! // Ак, Алаш, Хайыракан. Кызыл-Шекпер, Хайыракан. Богатый Дулаан-Карам (Кыргыз З. К., 2015, 103)!*

(2) Дедовская сторонка, речка *Артыы-Хем* моя // Ты слависься благородством и большим добром. <...> // Бабушкина сторонка, речка *Иитии-Хем* моя! // Ты мой материнский род и большая страна моя. (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 178).

(3) Где же вы, духи высоких вершин *моей Танды!* (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 61).

(4) *Моя гора Хаттыг-Тайга**! (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 62).

(5) Обращаюсь к вам, *моя Хорлуг-Тайга**, *моя Бай-Тайга**. (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 90).

(6) О *великий и щедрый Танну!* // О текучий и чистый Алас! // О скалистый и красный Шекпер! // О гора родовая Тулан! // Вас на помощь в несчастье зову – вашей милостью жил и живу (Катанов Н. Ф., 2003, 214)!

(7) *Моя золотая Танды, моя великая Тайга* (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 174).

*Хаттыг ‘буря.’

*Хорлуг дословно ‘снежная гора.’

*Бай-Тайга дословно ‘богатая гора’, высокая священная гора в верховьях реки Хемчик.

Одним из важных компонентов культа являлись ритуальные действия, которые шаман пропевал в алгыше:

(1) Прошу вас проветривать запахом можжевельника // Проклятые следы коварного странника тщательно (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 187).

(2) Покурим мы с тобою табаку, // попьем с тобою вместе араку, // поедем на одном коне вдвоем, // потопчемся перед одним костром, поносим шубу на двоих одну, // погоним хворь из тела и души! (Катанов Н. Ф., 2003, 207).

(3) В начале зари, на восходе белой луны, // Зажег сан из полыни и из можжевельника. // Коронное облачение надел, на коня сел верхом. <...> И молюсь, и прошу, чтобы вы были добры (Кенин-Лопсан М. Б., 1917, 36).

Тувинские алгыши, являясь образцом шаманского фольклора, позволяют увидеть, как в образной форме отражаются черты национального характера тувинцев, их культовые обряды, проследить зафиксированные в обрядовой поэзии традиционные представления о родной земле, об отношении к живой природе, о связи с окружающим миром.

Литература

1. Катанов, Н. Ф. Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания Н. Ф. Катанова : в 2 т. / сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб., заключит. статья и коммент. А. В. Преловского. М. : Новый ключ, 2003. Т. 1.

2. Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства : конец XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1987.

3. Кенин-Лопсан М. Б. Тувинские шаманы. М. : ИПЦ «Маска», 2009.

4. Кенин-Лопсан М. Б. Алгыши тувинских шаманов / пер. авт. с тув. Якутск : Бичик, 2017.

5. Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 2001.

6. Кыргыз З. К. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Новосибирск : Сибирская горница, 2015.

7. Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2005.

И. Г. Родионова

*Пензенский государственный университет
(Пенза, Россия)*

АВТОРСКИЕ АФОРИЗМЫ В «СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ» М. Л. МАТУСОВСКОГО

Аннотация. Рассматривается тематика авторских афоризмов М. Л. Матусовского, отражающих его отношение к жизни, к человеку, к творчеству. Делается вывод о том, что высказывания поэта-песенника составляют поистине золотой фонд русской афористической мысли.

Ключевые слова: афоризм, автобиографическое произведение, тематика.

Михаил Львович Матусовский известен прежде всего как поэт-песенник. Однако в его творческой биографии есть место и прозаическим произведениям, одним из которых является книга «Семейный альбом», включающая воспоминания автора о детских и юношеских годах, дневниковые записи времён Великой Отечественной войны, впечатления от поездок, размышления о своей профессии и т. д. Анализ материала позволил заключить, что особенностью автобиографической прозы М. Л. Матусовского является её афористический характер: многие высказывания, представляющие в синтаксическом плане отдельные предложения или ряд предложений, содержат обобщённую ёмкую и глубокую мысль автора, выраженную в сжатой, лаконичной форме. «Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание оригинальной формулировкой мысли», – считают Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев (Словарь литературоведческих терминов, 1974, 23–24).

«Основой афористики является вся человеческая жизнь с её противоречиями», – утверждает А. В. Королькова (Королькова А. В., 2018, с. 136). Афористические высказывания, гармонично включённые в текст «Семейного альбома», отражают взгляды М. Л. Матусовского на жизнь, на человека, на творчество как особый вид деятельности. Исследование афоризмов поэта-песенника позволяет более глубоко понять содержание и мотивы создания стихотворений, не просто ставших популярными песнями, а снискавших поистине всенародную любовь благодаря таким свойствам их содержания, как «высокая нравственность, патриотизм, тесная связь произведений с родиной», что справедливо отмечено Т. А. Дьяковой (Дьякова Т. А., 2023, с. 135). Изучение афористического наследия М. Л. Матусовского, безусловно, способствует воспроизведению образа автора как человека, чей многогранный талант отражает его нравственные начала, воплощённые в высказываниях на различные, актуальные для автора темы.

Значительная часть афоризмов М. Л. Матусовского связана с описанием **человека** – его состояния, способностей и личностных качеств: *Признающийся в любви всегда беззащитен; Память – капризная, ненадёжная вещь; Наглость всегда теряется и отступает, встретив неожиданный отпор.*

В «Семейном альбоме» М. Л. Матусовский рассуждает о становлении, формировании характера человека: *Есть минуты, в течение которых люди взрослеют быстрее, чем в месяцы и годы.*

Отдельные высказывания посвящены восприятию человеком возраста или жизненных этапов: *...У каждого возраста свой счёт времени, своё представление о нём; ...Пока у вас жива мать или первая учительница, вы с полным правом можете считать себя ещё не старым человеком; В нашем возрасте всё чаще происходят встречи с памятниками друзьям, знакомыми именами, высеченными на граните или мраморе.*

море; Жизнь дописывает за нас сюжеты наших рассказов и даже сама ставит в конце соответствующий знак: где – восклицательный, где – точку, а где – многоточие...; ...Приговор детства самый справедливый, окончательный и обжалованию не подлежит.

М. Л. Матусовский говорит о дружеских отношениях между людьми, сравнивая друзей с книгами: *А друзья тоже как книги – иную прочтёшь и равнодушно отложишь в сторону, чтобы никогда к ней не возвращаться, а с другой не можешь расстаться до конца жизни.*

Как человек творческий, М. Л. Матусовский размышляет **об искусстве и о людях искусства**, в частности о поэтах и поэзии. С одной стороны, он говорит о том, что поэт наделён творческим даром свыше, с другой – показывает трудность поэтического ремесла: *Поэтам дан великий, пророческий дар, острое зрение, умение видеть далеко вперёд; Писать стихи несколько не легче, чем рубать уголь; ...О поэте следует судить по его взлётам, как о высоте гор мы судим по их вершинам, уходящим в самое небо.* Кроме того, высказывания М. Л. Матусовского посвящены изобразительному искусству и творчеству художников: *В музеях нам открывается парадная сторона живописи, и, глядя на знаменитые картины в роскошных золотых багетах, размноженные в миллионах репродукций и упоминаемые во всех каталогах, мы забываем о безвестных судьбах, несостоявшихся художниках, невоплощённых замыслах.*

Поскольку М. Л. Матусовский является поэтом-песенником, многие его высказывания связаны с **песенным творчеством**. Он пишет о том, как создаётся песня, начиная высказывание с вопросительного предложения и делая акцент на ответной реплике: *Итак, с чего же начинается песня? В одном уверен твёрдо: песня должна быть выстрадана её авторами. Поэт обязан отдать ей часть своей жизни, своего сердца, чтобы она имела право претендовать на внимание слушателей.*

По убеждению М. Л. Матусовского, песня является результатом труда двух человек – поэта и композитора. Поэтому в афористических высказываниях используется лексема *авторы*, с помощью которой создатели песни предстают как единое целое: *Песня может возникнуть только тогда, когда её **авторам** хочется петь.* М. Л. Матусовский говорит о гармоничном сочетании двух составляющих песни – мелодии и стихов: *Мелодия обязательно должна жить где-то внутри стихотворных строк, и задача композитора как раз и состоит в том, чтобы безошибочно точно угадать эту мелодию...*

М. Л. Матусовский рассуждает о том, какой должна быть хорошая песня: *Песня требует хрестоматийной простоты, акварельности красок, соразмерности всех частей, органичности перехода запевая в припев, полной естественности и непосредственности. В песне предпочтительнее, на мой взгляд, даже некоторая наивность, нежели вычурная надуманность и тяжеловесность.* И, наконец, он рассуждает о том,

какие факторы влияют на судьбу песни. Важнейшим из них, по мнению М. Л. Матусовского, является не «распоряжение свыше», а отклик слушателей: *Песню не введёшь в жизнь распоряжением свыше, по желанию начальства, даже если она будет чуть ли не ежедневно звучать по радио. Ведь песня – это не то, что исполняется, а то, что поётся. Судьба песни решается в тот момент, когда она вылетает из рук её авторов, и слушатели песни являются высшей инстанцией, решающей, быть ей или не быть.*

В афористических высказываниях М. Л. Матусовского содержатся размышления **о различных жизненных ситуациях, о бытовых явлениях**: *Ничто так не интересно, как выброшенные за ненадобностью, отслужившие своё предметы, которые можно приспособить к чему-нибудь и снова пустить в дело; Ни с кем так охотно не разговаривают, как с парикмахерами, официантами и портными; Удобства начинаешь ценить, когда их лишаешься; Неважно, как называется монета – лирой или рупией, пиастром или франком, лишь бы она звенела на дне кармана.*

Интересны высказывания **о путешествиях и поездках**:

Впечатления от поездок по белу свету – это богатство, отнять которое у вас никто не может. Сувениры можно потерять или разбить, вещи ветшают, а воспоминания не теряют цены;

Как и при встрече с человеком, в знакомстве с городом важно первое впечатление – то, что вы успели заметить из окна подъезжающего вагона, те сами по себе незначительные мелочи, может быть вывеска, киоск, может быть привокзальный скверик, становящиеся для вас глубоко личными приметами нового города.

В афористических высказываниях М. Л. Матусовский обращается **к истории страны**. В центре его внимания находится такая трагическая страница истории, как Великая Отечественная война: *Историю Отечественной войны можно изучать по архивам и документам, газетным подшивкам и сводкам Информбюро, а можно знакомиться с ней и по человеческим судьбам.*

Единственный афоризм М. Л. Матусовского посвящён **природе**: *Лес никогда не может утомить и наскучить.*

Важно отметить, что афористические высказывания М. Л. Матусовского лишены категоричности, назидательности. Автор этически корректно делится с читателем своими наблюдениями, используя при этом вводные слова, называющие разную степень уверенности в том, что он утверждает: *Думаю, что неверно утверждать, будто бы всем людям изначально свойственны доброта, отзывчивость и мягкосердечие. Если бы это было так, откуда тогда появляются на свете изуверы, вешатели, кошкодавы, хладнокровные убийцы? К сожалению, человек может быть всяким – злым и добрым, жалостливым и безжалостным, и потому-то так важно, чему и как обучали его первые*

наставники, какие игрушки лежали перед ним в детском саду, какое первое слово он прочитал по складам; Уверен, что песни могут нести дипломатическую службу и помогать дружбе и взаимопониманию между народами; Но, видно, песня стоит того, чтобы ей посвятить жизнь и идти ради неё на любые муки.

Иногда М. Л. Матусовский обращается к читателю, видя в нём собеседника, или апеллирует к общепринятому мнению, что также находит подкрепление в использовании соответствующих синтаксических конструкций: **Вы замечали, что паутина времени покрывает не только фасады домов, но и старые песни. Время словно бы облагораживает их; Как известно, в искусстве «чуть-чуть» имеет решающее значение.**

Таким образом, афористические высказывания, содержащиеся в автобиографическом произведении М. Л. Матусовского «Семейный альбом», разнообразны по тематике. Они отражают его отношение к жизни, к человеку, к творчеству, являются воплощением ёмких и глубоких наблюдений поэта-песенника и составляют поистине золотой фонд русской афористической мысли.

Литература

1. Дьякова Т. А. «Словарь идиостиля Михаила Матусовского»: принципы отбора и описания лексических единиц // Слово. Текст. Источник: методология современного гуманитарного исследования : материалы II Междунар. науч. конф. М. : РГУ им. А. Н. Косыгина, 2023. Вып. 2. Ч. 1. С. 133–149.

2. Королькова А. В. Афористика Бориса Васильева (на материале мемуаров «Век необычайный») // Русская филология : уч. зап. Смоленского гос. ун-та. Смоленск : СГУ, 2018. Т. 18. – С. 135–142.

3. Матусовский М. Л. Семейный альбом. М. : Сов. писатель, 1983.

4. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М. : Просвещение, 1974.

Д. А. Романов

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ДАНИИЛ ГРАНИН ОБ ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В работе рассматривается взгляд Д. А. Гранина, одного из самых авторитетных российских писателей, на изменение черт национальной идентичности русского человека. Прослеживаются ценностные

ориентир, претерпевшие, по мнению Гранина, существенную эволюцию во второй половине XX в. Языковой базой исследования становится лексика, репрезентирующая русскую аксиологическую систему. В логике Д. А. Гранина представляются причины динамики важнейших нравственных составляющих национальной идентичности русского этноса.

Ключевые слова: национальная идентичность, ценности, эволюция, язык, история, литература.

В творческом наследии Д. А. Гранина публицистика занимает едва ли не основное место. По воспоминаниям дочери писателя, в конце 1970-х гг. ему «надоело сочинять сюжеты», и он отдал предпочтение «самой жизни», которая, как считал писатель, дает не меньше поводов к размышлению, чем беллетристические повествовательные коллизии (Гранина М. Д., 2023, 35). Кроме того, сама жизнь подсказывает наблюдателю писателю большое количество сюжетов. В частности, ни одна статья, ни один очерк, ни одно эссе Гранина не обходится без включения в него повествовательных композиционных фрагментов. Как правило, эти фрагменты представляют собой эпизоды жизни реальных людей, которые не может создать ни одна, даже самая богатая писательская фантазия.

Публицистика Гранина, по нашему мнению, четко распадается на три периода: доперестроечный, перестроечный и послеперестроечный.

Период общественного и идеологического слома государства, относящийся к 1985–1990 гг., представляет собой и отдельный этап гранинской литературной журналистики, и водораздел между «традиционным» и «новым» Граниным. В это время «традиционный» Гранин еще находился в плену стиля своих больших романов и повестей, выполнял миссию, возлагавшуюся ранее на писателя советским государством. «Новый» Гранин – это творец освободившийся, который мог разговаривать обо всем, что видел и знал, касаться любых тем и ставить любые проблемы. Он словно бы стал совершенно иным писателем и человеком, способным демонстрировать огромный запас личностных и исторических знаний, наблюдений, заметок.

Гранин перестроечного времени – писатель метущийся, с удивлением отмечавший разрыв важнейших общественных связей, прекращение казавшихся незыблемыми традиций, утрату идеалов и формирование новых, до того неведомых ценностей. Именно в этот период Гранин много размышлял о том, что теперь принято называть «национальной идентичностью человека», констатируя стремительную и неостановимую эволюцию этой идентичности. Центральной в связи с поставленной проблемой нам видится статья Гранина «О милосердии», опубликованная в 1988 году.

Статья эта примечательна тем, что в ней уже опытный, зрелый писатель подводит определенные итоги и констатирует происходящие из-

менения, направленные, по его мнению, далеко не в лучшую сторону. С большим художественным мастерством, в четкой языковой форме, отработанной в ходе долгого писательского труда, Гранин ставится ключевые вопросы 1980-х гг. и дает на них конкретные ответы. Рассмотрим те аспекты статьи, которые связаны с проблемой национальной идентичности и ее чертами, выраженными лексическими языковыми средствами.

Вполне очевидно: ввиду того, что писателю приходится фиксировать (констатировать) черты национальной идентичности, большинство из них выражается с помощью существительных, среди которых доминируют (и это вполне естественно) существительные отвлеченные. Данная лексика составляет основной идейный каркас гранинской статьи и основной предмет разбора в нашей заметке. Однако начинает Гранин размышления о национальной идентичности не с субстантивной, а с глагольной формы. Он задумывается, почему в определенный момент развития русского народа одной из важных его ценностей стало стремление «пройти мимо, не ввязываться, не тратить времени, сил...» (Гранин Д. А., 1988, 108), почему принцип «меня это не касается» стал для русского человека 1980-х гг. обычным и привычным.

В приведенных формулах обозначением новых ценностей для народа становятся глаголы с отрицанием, что весьма показательно и для самой эпохи, и для ее восприятия Д. А. Граниным, поскольку проявляет отторжение тех многолетних традиций и привычек, которые были заложены советским государством. И словно иллюстрируя этот принцип – принцип отторжения – Гранин приводит в пример военное время, когда было невозможно «при виде раненого пройти мимо него». Гранин отмечает: «Из твоей части, из другой – было невозможно, чтобы кто-то отвернулся, сделал вид, что не заметил. Помогали, тащили на себе, перевязывали, подвозили...» (Гранин Д. А., 1988, 108).

Писатель рассуждает о жизненных правилах русского человека, которые, конечно, с полным правом можно назвать чертами национальной идентичности. Далее он их обозначает уже существительными, имеющими вполне четкое лексическое значение аксиологического характера – *взаимопомощь* и *взаимообязанность*. Сравнивая эпохи, писатель отмечает контрасты, с одной стороны, довоенных и послевоенных, с другой – современных представлений о нормальных человеческих взаимоотношениях. Эти контрасты воплощаются лексически в оппозиционных по смыслу словах *отзывчивость* и *равнодушие*, *бездущие*.

На протяжении всей статьи Гранин довольно часто оперирует паронимическими формами, что дает ему возможность подчеркнуть семантику каждого паронима, входящего в репрезентацию черт национальной идентичности. Выше приведены примеры слов *равнодушие* и *бездущие*, которые существенно отличаются по семантике, но при

этом в языковой, а главное – в мировоззренческой – интерпретации Гранина являются легко перетекающими и взаимно переходящими. Действительно, равнодушие весьма легко оборачивается бездушием.

Рассуждая об отношениях людей между собой, Гранин использует два слова-термина, определявших, с его точки зрения, систему традиционных ценностей русского общества – *взаимопомощь* и *взаимообязанность*. Следует отметить, что слово *взаимопомощь* является широко распространенным, а *взаимообязанность* выступает своеобразным авторским неологизмом. Содержание вводимого Граниным понятия *взаимообязанность* включает следующие смыслы: в традиционном русском представлении человек не просто способен прийти на выручку своему ближнему, а воспринимает это как обязанность, наложенную на него если не обществом, то неким внутренним чувством, внутренним требованием к себе, свойственным самому человеку.

Рассматривая причины, по которым *взаимопомощь* и *взаимообязанность* эволюционировали в *равнодушие* и *бездушие*, Гранин приводит еще несколько ключевых лексем, – на этот раз определяющих те разлагающие силы, которые разрушают традиции понимания национальной идентичности: это *ложь*, *показуха*, *корысть*. Именно они, по мнению Гранина, приводят к «безразличию к своей работе, потере всяких запретов», а соответственно, к внедрению «бездуховности и равнодушия» (Гранин Д. А., 1988, 109).

Гранин, как человек, прошедший к концу 1980-х гг. уже очень большой путь в отечественной литературе и имеющий огромный человеческий опыт, отлично понимает, что центральное место в национальной идентичности русского человека занимают моральные качества. При этом Гранин справедливо подчеркивает, что «мораль человека не состоит из изолированных правил жизни» (Гранин Д. А., 1988, 109). Мораль – это сплав, синтез многих качеств, которые работают вместе и обуславливают друг друга. По его мнению, именно этот сплав «сплоченности, взаимовыручки, взаимозаботы, который сохранялся от войны», долгие десятилетия и после нее, поддерживал «дух единства народа» (Гранин Д. А., 1988, 109). Отметим в ряду субстантивных перечислений слово *взаимозабота*, которое также представляет собой гранинское новообразование. Это весьма показательно для рассуждений о национальной идентичности, которая выглядит материей очень тонкой и сложной по своей организации: для ее определения не всегда хватает обычных лексических средств, а необходимы средства, акцентирующие, подчеркивающие что-либо ускользающее в семантике узуальной лексемы.

В этой части своих размышлений писатель опять использует паронимы, на этот раз *бездушие* и *бездуховность*. И то, и другое, разумеется, относится к сфере человеческой нравственности, однако между собой эти понятия находятся в преемственных отношениях, к сожалению, не

слишком оптимистично характеризующих эволюцию национальной идентичности русского человека. Бездуховность закономерно приводит к бездушию. Далее Гранин дает конкретные примеры сюжетного характера, доказывающие обозначенную выше взаимосвязь (истории своего знакомого, у которого в больнице умерла мать, и женщины, отказавшейся от собственного ребенка).

Писательская рефлексия Гранина срабатывает достаточно четко и почти автоматически: он отлично понимает, что «обильные разговоры о нравственности носят слишком общий характер», а нравственность состоит из конкретных вещей – «из определенных чувств, свойств, понятий» (Гранин Д. А., 1988, 109). Их-то Гранин и иллюстрирует с помощью реальных жизненных примеров.

В дальнейших своих рассуждениях писатель делает ключевым словом *милосердие*. Это также одна из составляющих русской национальной идентичности. Писатель с сожалением констатирует, что милосердие ушло на периферию ценностей русского человека. Само слово стало почти устарелым, как и многие понятия, связанные с ним (*сестра милосердия, брат милосердия, улица Милосердия* в Санкт-Петербурге и т. д.). С иронией Гранин говорит о том, что улицу Милосердия вблизи Аптекарского острова переименовали в улицу Текстилей. В дальнейшем он не раз вернется к ставшей для него эпитетом лексикографической помете «устар.». По мнению Гранина, «изъять милосердие – значит лишить человека одного из важнейших проявлений нравственности» (Гранин Д. А., 1988, 110). К сожалению, эта черта национальной идентичности стремительно исчезает, несмотря на то что она вроде бы генетически свойственна любому живому существу.

Писатель размышляет над причинами девальвации понятия *милосердие*. Используя традиционный и для его стиля, и для моральной публицистики в целом принцип обращения к прошлому, автор говорит об «упражнении в милосердии»: как это ни странно звучит, милосердие нуждается в постоянной тренировке. Гранин использует архаическое слово *принуда*, чтобы показать древность, еще славянскую изначальность упражнения в этом чувстве. *Принуда* – ‘вынуждение, убеждение, приказ’ (СРЯ XI–XVII вв., т. 19, 1994, 234). «Есть ли постоянная принуда для милосердия? Часто ли мы получаем призыв к нему?» – спрашивает Гранин. Здесь он вспоминает своего отца, который в послевоенное время не мог пройти мимо просящих подаяния, чтобы не дать им хотя бы копейки. Свой пример он заключает выводом: «Как теперь я понимаю, это была практика милосердия, то необходимое упражнение в милосердии, без которого это чувство не может жить» (Гранин Д. А., 1988, 111).

Публицистика Гранина – это публицистика писательская, а потому она сопровождается отточенными в языковом и идейном плане жизненными примерами. Для Гранина такие примеры относятся ко времени его

детства, военной молодости, восстановления страны в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Вполне естественно, что в композиционном развертывании своей статьи Гранин от постановки вопросов через примеры приходит к констатации определенных истин. Они, как положено любым истинам, выражаются стилем высоким, книжным и, видимо, именно в таком виде они могут быть занесены в символарий национальной идентичности. Так, размышление о милосердии Гранин завершает фразой, возводящей милосердие в ранг показателя «уровня общественной гуманности» (Гранин Д. А., 1988, 112).

Как любой публицист, ставящий важные мировоззренческие проблемы, Гранин постоянно балансирует между частным и общим, личностным и общественным, показывая, что индивидуальные ценности складывают ценности общественные, а черты национальной идентичности обязательно проявляются в поведении каждого конкретного представителя данного этноса. Народ в статье Гранина представлен и как некая целостность, и как совокупность индивидуальных лиц. Приводя в пример важнейшие общественные события 1980-х гг. (ликвидацию аварии на Чернобыльской АЭС, восстановление разрушенных землетрясением городов Грузии, строительство БАМа и т. д.), автор возвращается к тем ценностям, которые должны быть в сознании каждой личности. Именно это и нужно обществу: «нужны те, кто сможет утешать страждущих, поднимать павших духом, исцелять...» (Гранин Д. А., 1988, 113).

Русское просвещенное общество всегда было литературоцентричным, именно поэтому его национальная идентичность во многом определяется теми идеалами, которые сформулированы в литературных произведениях. Литература, с одной стороны, отражает эти национальные черты, с другой – воспитывает их. Гранин вполне закономерно в ходе своих размышлений приходит к важности для русской ментальности пушкинских строк – «милость к падшим призывал». Здесь опять возникает паронимическая «игра»: *милость – милосердие*. Русская литература учила, как замечает Гранин, любить и жалеть человека, видеть в нем лучшие качества, уважать его. Публицист отмечает: «В течение девятнадцатого века русские писатели призывают видеть в забитом, ничтожнейшем чиновнике четырнадцатого класса, как стационарный смотритель, человека с душой благородной, достойной любви и уважения. Пушкинский завет милость к падшим пронизывает творчество Гоголя и Тургенева, Некрасова и Достоевского, Толстого и Короленко, Чехова и Лескова» (Гранин Д. А., 1988, 113).

Литература своим авторитетом меняла общество. Гранин совершенно справедливо замечает, что к национальным ценностям добавлялись и те, которые привносились через наших писателей из зарубежного опыта. Гранин специально не пишет о французском влиянии, но зато употребляет так значимые для французов слова *равенство, свобода*

и *братство*, которые, по его мнению, вошли и в аксиологическую систему России. Таким образом, национальная идентичность русского человека включает в себя не только «всемирную отзывчивость», но и усвоение лучшего опыта других народов.

Особую эмоциональную наполненность имеет композиционный фрагмент гранинской статьи, посвященной книге Джеймса Хэрриота «О всех созданиях – больших и малых». Ее автор, английский ветеринарный врач, особенно близок Гранину тем, что рассказывает о конкретном, действенном милосердии. «Главное в этой книге – горячее чувство сострадания ко всему живому», – пишет Гранин. Доброе отношение к ближнему предполагает интерес к нему, возможность почувствовать и понять то, что чувствует и думает другой человек. Английский автор дает Гранину возможность видеть и в русском национальном характере – *способность понять другого*. Гранин замечает: «Любовь рождает наблюдательность и взаимопонимание» (Гранин Д. А., 1988, 115).

При этом важно, по мнению писателя, возвращаться иногда к тем достижениям, которые в силу каких-то причин были отвергнуты общественной практикой. В частности, распространенная в конце XIX – начале XX в. в русском обществе филантропия, как считает Гранин, была незаслуженно забытой ценностью.

В 1988 г. Гранин еще не мог в полный голос рассуждать о том, что дореволюционное российское общество имело многие идеалы, а главное, как сейчас говорят, «практики» их достижения, которые затем были утрачены обществом советским. Но интеллигентный намек на это Гранин делает. Он говорит о дореволюционной общественной филантропии, имевшей широчайшее распространение. Вслед за ним можно ввести в понятие национальной идентичности русского человека *вспомоществование* нуждающимся ближним. Гранин справедливо пишет о том, что деятельное участие в судьбе других людей, если они в таком участии нуждаются, крайне необходимо. В качестве примера писатель приводит созданный в конце 1980-х гг. Фонд культуры. Из лексических определений этой черты национальной идентичности, с нашей точки зрения, особенно удачным является *добротворство*. Гранин воскрешает это «старое» слово, внутренняя форма которого с максимальной точностью характеризует добродетельную сторону личности русского человека.

Прискорбно, что катаклизмы русской истории XX в. разрушили очень многие извечные этнические ценности. Гранин смело пишет о том, что в советское время пушкинская «милость к падшим» требовала *мужества* и *веры*. Вполне очевидно, что и эти понятия необходимо включить в гранинское представление о национальной идентичности. Бросая ретроспективный взгляд на русскую историю и исследуя эволюцию национальной идентичности в перестроечное время, Гранин отмечает, что основной задачей его современников является

«стремление растревожить совесть, чтобы лечить глухоту души» (Гранин Д. А., 1988, 117).

Хотя напрямую автор не говорит об этом, тем не менее в финале его размышления отчетливо звучит мысль о кризисе национальной идентичности, который возможно преодолеть только совместными усилиями.

Литература

1. Гранин Д. А. О милосердии // Если по совести : сб. ст. М. : Худож. лит., 1988. С. 107–117.
2. Гранина М. Д. Новый стиль Гранина // Страницы одной жизни : сб. воспоминаний о Данииле Гранине. СПб. : Фонтанка, 2019. С. 34–48.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1994. Т. 19.

Т. И. Савельева

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЛИРИКЕ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА

Аннотация. В статье рассматривается лирика Игоря Талькова в аспекте национальной идентичности. Проводится анализ конкретных песен, которые описывают родную землю, ее культуру, традиции и народные черты.

Ключевые слова: национальная идентичность, песенная лирика, символ.

В русской бардовской поэзии после В. С. Высоцкого, пожалуй, не было такого имени и такой судьбы, которые вызывали бы столь жгучий интерес, такое сопереживание и такое количество споров, не утихающих и по сей день, как имя и творчество Игоря Талькова.

Игорь Владимирович Тальков (1956–1991) – известный русский поэт, композитор, певец. Уже в младшем школьном возрасте он начал писать стихи, о которых положительно отзывались друзья и взрослые. В основном это были поэтические строки на тему школьной жизни. В старших классах Игорь Тальков стал создавать лирические стихи, а позже музыку к ним. Первую песню «Мне немного жаль» он сочинил в возрасте семнадцати лет. С этого времени начинается его песенное творчество, которое приобрело широкую известность в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Игорь Тальков начал писать серьезные композиции с остросоциальной направленностью. В результате произошло разделение слушате-

лей на два лагеря: одни его поддерживали (их было большинство), другие резко критиковали. Певец впал в немилость представителям власти, поэтому его песни редко звучали по радио и на телевидении. А ранняя трагическая гибель Игоря Талькова помешала раскрытию его творческого дарования.

Стоит отметить, что Игорь Тальков поднимал в своих песнях тему и национальной идентичности. В гражданской лирике поэта - барда можно найти несколько произведений, где он обращается к этой теме. Например, в песне «Чистые пруды» рассказывается о столице России – Москве. В тексте песни содержатся описания символов города, его исторических мест и культурных особенностей:

*Однажды ты пройдёшь бульварное кольцо
И в памяти твоей мы встретимся, наверно.*

*И воды отразят знакомое лицо
И сердце исцелят и успокоят нервы*

*Чистые пруды, застенчивые ивы
Как девчонки смолкли у воды
Чистые пруды, веков зеленый сон
Мой дальний берег детства
Где звучит аккордеон [2].*

Тальков поет о русской душе, о национальных чертах, которые присущи этому великому городу.

В другой песне «Давно в душе моей утихли бури» поэт обращается к теме национальной идентичности в контексте любви. Он говорит о том, что важно сохранять свою индивидуальность и, в первую очередь, оставаться человеком:

*И если, не дай Бог, придётся круто,
Ты постучи, не бойся, в дверь мою,
И я тебе в любое время отворю
И помогу в тяжёлую минуту [2].*

Другой известной песней, где Тальков коснулся темы национальной идентичности, является «Я вернусь». В этой песне он передаёт всю боль за свою страну, веру в нее:

*Я пророчить не берусь,
Но точно знаю, что вернусь
Пусть даже через сто веков
В страну не дураков, а – гениев [2].*

Эта диалектика – боль за свою страну и одновременно вера в неё – характерная черта русского менталитета.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отметим, что лирика Игоря Талькова отражает его интерес к теме национальной идентичности, как в широком, историческом смысле, так и в контексте индиви-

дуальности. Он ставит акцент на важности осознания и сохранения своего культурного наследия. Поэта-барда нет среди нас, но стихи и песни его живы и часто звучат в эфире. Народ России любит Игоря Талькова и по-прежнему интересуется его творчеством.

Литература

1. Райхлина Е. Л. Гражданская тема в поэзии И. Талькова // I Милоновские краеведческие чтения : сб. науч. ст. Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2019. С. 34–36.

2. Стихи и песенные тексты. URL: <http://talkov-music.narod.ru/txt/verses/poetry5.html> (дата обращения 25.01.2024).

В. Ю. Сухотина

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

РОМАН В. В. ВЕРЕСАЕВА «СЁСТРЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье определена ценность произведений В. В. Вересаева при формировании национально-культурной идентичности индивида. Даны определения понятий «Культура», «Текст культуры», «Культурный код», «Культурная компетенция», «Лингвокультурная идентификация». Обоснована связь развития языка и национальной культуры в контексте времени. Выделены лингвокультурные единицы романа В. В. Вересаева «Сёстры».

Ключевые слова: семантическое пространство романа, национально-культурная идентичность, миропонимание.

В своих произведениях писатели, как правило, раскрывают темы, которые являются отражением окружающей их действительности. Это относится к работам Викентия Викентьевича Вересаева. Творчество писателя и литературоведа затрагивает обширный период – конец XIX и середина XX века. Вересаев получил религиозно-нравственное воспитание и поэтому ему с детства прививали чувство ответственности перед собой и перед другими людьми. В 1884 году В. В. Вересаев поступает на филологический факультет Петербургского университета. В этот период в своем раннем рассказе «Загадка» писатель затрагивает темы отваги, воли, надежды и преодоления жизненных трудностей. В 1888 году В. В. Вересаев был зачислен в Дерптский университет на факультет медицины. Как считал сам автор, возможность изучать меди-

цину позволила прикоснуться к миру людей различного ранга, стать частью их общества: «Моею мечтою было стать писателем, а для этого представлялось необходимым знание биологической стороны человека,...; кроме того, специальность врача давала возможность близко сходить с людьми самых разнообразных слоев и укладов» (В. В. Вересаев, 1999).

Представляется важным подчеркнуть, что работы Вересаева обладают автобиографическим характером, богатый жизненный опыт буквально запечатлен на страницах его сочинений, поэтому писателю так близки проблемы простого народа. В своих произведениях Вересаев документально запечатлевает вехи истории русского народа. Писатель пытается осмыслить народническое движение, стремительно происходящую перестройку общества, отношения интеллигенции и рабочего класса и службу в армии. Автор «Записок врача» и «Рассказов о русско-японской войне» приходит к собственной усовершенствованной концепции мироустройства – «живой жизни». Суть данного философского воззрения состоит в улучшении окружающей нас действительности, в которой центром являются ценностные ориентиры, свободы и равенство человека в обществе. Результатом данного опыта стала повесть «К жизни», о которой автор скажет впоследствии: «В долгих исканиях смысла жизни я в то время пришел, наконец, к твердым, самостоятельным, не книжным выводам, <...> давшим собственное <...> знание, – в чем жизнь и в чем ее “смысл”. Я захотел все свои находения вложить в повесть...» (В. В. Вересаев, 1985, 355–460). Первая русская революция не вполне оправдала ожидания писателя. Идея человеколюбия проходит красной нитью в творчестве Вересаева, в том числе в повести «В тупике», где описывается непростая судьба интеллигенции в период Гражданской войны.

В. В. Вересаев внес значительный вклад в национальную культуру. Посредством чтения произведений В. В. Вересаева осуществляется коммуникативный акт между автором, его персонажами и читателем, последний соотносит события произведения с тем или иным историческим периодом. Так, происходит процесс вхождения индивида в культурное сообщество. Для правильного понимания того, на чем основывается данный процесс необходимо дать определение понятию культуры. Существует несколько определений культуры и что в нее входит. В своих трудах лингвист В. Н. Телия указывает, что «культура – это мировидение и миропонимание, обладающее знаковой природой» (В. Н. Телия, 1996, 222). Миропонимание писателя В. В. Вересаева отражается в его произведениях путем использования языковых средств, обладающих семиотическим происхождением. Анализ теоретических источников показал, что культура и язык находятся в постоянном взаимодействии, при этом культура существует и оказывает влияние на социум посредством

субъекта речи (автора) и его адресата (читателя). После того, как индивид становится частью общества он бессознательно обретает определенный набор культурных установок, а ключом к его успешной коммуникации становится принадлежность субъектов к одному культурному коду. Согласно определению профессора Г. В. Токарева культурный код – система знаковых средств, объединённых одним базовым образом (Г. В. Токарев, 2022, 20). Культурный код реконструируется путем обобщения однотипных образов и представляет собой способ перевода знания в знак. Таким образом, посредством чтения в сознании индивида формируются культурные ценности, усваиваются особые правила поведения в социуме, осуществляется процесс присвоения культурной идентичности.

Уделим особое внимание тому, что культура и язык имеют сходные черты такие, как нормативность и историзм. Норма в языке и культуре реализует функцию сохранения культурного кода, однако данная характеристика может быть непостоянным показателем ввиду вариативности и созданных искусственно подходов к преобразованию культуры. Представляется важным отметить, что и культура, и язык развиваются в контексте времени. При смене поколений происходит сдвиг в парадигмальном срезе культурных ценностей и установок, но межпоколенный опыт транслируется в двух направлениях – синхроническом и диахроническом. Отсюда можно сделать вывод, что культура также представляет собой «своеобразную историческую память народа» (В. Н. Телия, 1996, 226), а языковые единицы – это инструмент передачи отраженных в культуре явлений. Здесь уместно подчеркнуть неоднородность понятий языковой и культурной компетенции. Последняя основывается на «интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода» (В. Н. Телия, 1996, 227). Так, культурное и языковое пространство оказывают двустороннее влияние и являются семиотическими системами. Понимание языковых знаков в рамках культуры рассматривается как одно из ключевых направлений лингвокультурологии, а через осмысление знаков культуры, установок и норм поведения, которые могут быть проиллюстрированы в художественном произведении, происходит формирование лингвокультурной идентификации.

Основной формой существования культуры является текст культуры. Так, художественный текст может быть причислен к текстам такого рода. Текст культуры определяется как объект действительности, отражающий представления о мире (Г. В. Токарев, 2022, 46). Примером текста культуры можно считать роман Вересаева «Сёстры». Роман охватывает период истории СССР 1920-1930 годов. В тексте романа могут быть выделены особые лингвокультурные элементы. В исследуемом произведении героев объединяет общее мировидение, которое заключается в стремлении к высшему идеалу социалистического мироуст-

ройства, основанному на равных правах граждан и коллективном имуществе: «Только вот вопрос: писать дневник, хотя бы даже отчасти и коллективный (ведь нас двое),- не значит ли это все-таки *вдаряться в индивидуализм?*» Достичь желаемой цели можно только посредством добросовестного труда: «Кончила заниматься ерундовыми дневниками комсомолка Лелька Ратникова, бывшая вузовка. Навсегда ухожу в производство». Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Ильич» выступили идейными вдохновителями для работниц завода. Сёстры стараются подготовить почву для будущих поколений юных комсомольцев и быть для них примером: «Моя задача - дать им коммунистическое направление, выработать из них бойцов за лучшее будущее, приучить к дисциплине и организации» (В. В. Вересаев, 2016).

В заключение отметим, что произведения В. В. Вересаева, в том числе роман «Сёстры», отражающий культурные реалии периода 1920–1930 годов, могут выступать в качестве инструмента формирования национально-культурной идентичности. Лингвокультурные элементы, выделенные в романе, позволяют читателю погрузиться в описываемую в культурном тексте эпоху и отождествить себя с национальной культурой.

Литература

1. Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы. М. : Республика, 1999.
2. Вересаев В. В. Собрание сочинений : в 4 т. / сост. Ю. У. Фохт-Бабушкин. М. : Правда, 1985. Т. 4. Авторский сборник, часть собрания сочинений. С. 355–460.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 222.
4. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула : ТППО, 2022. С. 20.
5. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 226.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 227.
7. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула : ТППО, 2022. С. 46.
8. Вересаев В. В. В тупике. Сёстры : романы. М. : Вече, 2016.

А. А. Федотова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается ряд когнитивно-стилистических особенностей отражения национальной идентичности в современной англоязычной литературе на примере произведений в жанре нон-фикшн (документальный роман), автобиографии ирландского писателя Кристи Брауна "My Left Foot" и мемуаров американского юриста Б. Стивенсона "Just Mercy: A Story of Justice and Redemption".

Ключевые слова: язык, текст, идентичность, когнитивная стилистика, документальный роман, образные средства, символы.

В XXI веке в свете сложных глобальных политических и экономических изменений вопросы национальной идентичности и самоидентичности становятся особенно актуальными как в планетарном масштабе, так и в рамках каждой отдельной страны.

Неоспоримы взаимосвязь национальной и государственной идентичности в международных отношениях, значение национальной идентификации в формировании и развитии национальных культур, роль языка в отражении этих процессов в текстовой деятельности.

Язык не только отражает нашу идентификацию, но и активно участвует в ее формировании. Вместе с тем в науке о языке существует несколько подходов к изучению этого явления: коммуникативно-функциональный, когнитивный и дискурсивный. Когнитивный подход рассматривает идентичность как когнитивное и психологическое свойство человеческой личности, являющееся следствием работы сознания и структурируемое когнитивными элементами, такими как концепции, стереотипы и другие. На основе данного подхода исследуются лингвистические и социокультурные особенности речевого портрета, анализируется связь между языком и ментальностью, и изучают языковую картину мира (Горина Е. В., 2016, 38).

Когнитивный базис любой национальной идентичности представляет собой комплекс когнитивных элементов, таких как знания, убеждения, эмоции и языковые особенности их репрезентации, он формирует представление индивида о его/ее принадлежности к определенной нации. Весь этот комплекс находится в постоянной динамике и движении, под влиянием внутренних и внешних факторов он отражает изменения в обществе и мире в целом. Когнитивный анализ чаще всего под-

разумеает изучение и осмысление особенностей речи, учет и оценку языковых и культурных концептов, моделей и стереотипов, с помощью этого появляется возможность трактовать речевые поступки человека, расшифровать спрятанную там идентичность и правильно ее интерпретировать (Лаппо М. А., 2009).

Развитие когнитивной науки как междисциплинарного научного направления связано с работами таких зарубежных и отечественных исследователей как А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, Л. Талми, Б. Хокин, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, И. М. Кобозева, Ю. С. Степанова, И. А. Стернин и др.

Когнитивная стилистика – это область лингвистики, которая изучает то, как когнитивные процессы (восприятие, внимание, память, мышление) влияют на литературу и восприятие текста. Эта научная дисциплина занимается исследованием авторского использования языковых средств для передачи своих мыслей и эмоций, а также читательского восприятия и интерпретации направленных им текстов. Когнитивная стилистика помогает анализировать, как авторы формируют образы в умах читателей, как используют когнитивные процессы для направления внимания на ключевые элементы текста. Анализ концептуальных метафор в тексте позволяет понять, как создатели произведений используют абстрактные понятия и идеи, связанные с когнитивными процессами (например, мышление, понимание), чтобы придать тексту глубину и смысл (Лакофф Дж., 2004).

Когнитивные процессы в сознании автора оказывают влияние на выбор языковых средств, которые, в том числе, передают эмоциональные оттенки текста. Применение когнитивно-стилистического подхода содействует пониманию деятельности, необходимой для создания текста, так читательского восприятия и интерпретации текста.

Изучение национальной идентичности в художественной литературе с использованием методов когнитивной стилистики приносит определенные результаты, так как она позволяет раскрыть некоторые когнитивные аспекты, влияющие на восприятие и интерпретацию текстов. Здесь необходимо отметить, что объектом изучения когнитивной стилистики должны быть не только художественные тексты, но и произведения, созданные в других функциональных стилях (Джусупов Н. М., 2011, 74).

Когнитивная стилистика может стать способом выявления определенных культурных концепций, заявленных в тексте, и раскрыть, как эти концепции формируют национальную идентичность. Анализируя символы, образы, метафоры, аллюзии и языковые структуры, исследователи могут понять особенности мышления и восприятия, характерные для той или иной культуры.

Когнитивный подход дает возможность проанализировать ментальные карты мира, которые авторы формируют в текстах. В 70-х го-

дах XX века учеными была озвучена идея, что важно не только физическое устройство определённого города (пространства), но и его ментальная репрезентация в сознании людей, находящихся в нем (Tuan Y.-F., 1975). Это поможет понять, как национальные особенности влияют на представления о пространстве, времени и отношениях между людьми. Структура повествования может влиять на когнитивное вовлечение читателей в процесс формирования и развития национальной идентичности, либо ее проявления, это и точка зрения, и временные сдвиги, и развитие сюжета. Исследование когнитивных процессов может раскрыть, как языковые выражения и образы могут способствовать формированию национальных стереотипов (т. н. «когнитивно-языковой феномен») и влиять на их восприятие (Косяков В. А., 2009).

Изучение национальной идентичности в литературе играет важную роль в раскрытии культурных, идентичностных и когнитивных аспектов общества. Литературные памятники являются не только отражением, но и активным участником формирования национального самосознания и культурного ландшафта той или иной страны, они позволяют проникнуть в уникальные аспекты традиций, обычаев и ценностей, которые формируют национальную идентичность.

Тексты культуры активно работают над процессом формирования национальной памяти. Они могут сохранять и передавать другим поколениям детали исторических событий и ценностные ориентиры, способствуя укоренению идентичности и созданию общего национального нарратива, а также обнаружить и укрепить культурное многообразие внутри одной нации. Также при изучении литературных памятников исследователи могут выявлять и прослеживать изменения в национальной идентичности на протяжении времени, адаптацию этой составляющей идентичности к новым условиям и взаимосвязь с мировыми трансформациями.

В нашей работе мы обратимся к иллюстрации ряда когнитивно-стилистических особенностей отражения национальной идентичности на примере современной англоязычной литературы, представленной романами-автобиографиями, написанными в жанре нон-фикшн/фэکشн. Данный жанр относится к документальной прозе, направлению, получившему новую волну читательского интереса в последние 10 лет. Авторы стараются сделать фактуальное повествование более эмоциональным, «живым» и интересным для читателя, добавив в него элементы художественного произведения. Каждая из представленных работ может по праву считаться примером становления национальной идентичности сквозь призму жизненных событий каждого отдельного героя. Основными объектами для когнитивно-стилистического анализа являются образные средства и символы, пространственно-временная карта произведения и особенности повествования.

Первое произведение – это автобиография ирландского писателя, поэта и художника, инвалида с детским церебральным параличом, Кристи Брауна «Моя левая нога» (Christy Brown “My left foot” 1954). Главная тема романа – это жизнь человека, запертого в собственном теле, его отношения с семьей, верой, проблемы взросления, учебы и обретения профессии. Сам образ автора, его «борьба» простого человека с рождения и до последних дней, представляет собой символическое отображение Ирландии, маленького островного («замкнутого») государства, на протяжении всей своей истории сражающегося за свою национальную идентичность, свободу, право самоопределения. Это борьба за выживание в прямом смысле этого слова, если вспомнить Великий Ирландский Голод конца XIX века, когда страна потеряла одну восьмую часть населения.

Временная хронология повествования линейна, автор выделяет отдельные промежутки, связанные со значимыми моментами его взросления: первые движения, прогулка с матерью, день на чердаке, поездка к доктору, дальнейшее путешествие. Пространство текста – это с метафорической точки зрения само тело, в котором заперт автор, на протяжении всего повествования он пытается «настроить» его, преодолеть физические и психологические преграды. С другой стороны – это конкретные локации, которые посещает и осваивает Браун, их можно проследить по названиям глав – 3 – “Home”, 8 – *The Prison Walls*, 9 – *Lourdes*, 10 – *The House that Mother Built*. Отношение к семье и католической вере, очень детально и образно переданное в романе, также отражает традиционные ценности Ирландии. Связь Брауна с семьей, их поддержка, вера в Бога и чудеса представляют собой особую коллективную идентичность, характерную для данной страны. Своей книгой автор как бы бросает вызов социальным восприятиям и стигмам, связанным с инвалидностью индивида. Его повествование заставляет читателей пересмотреть предвзятые представления к людям с ОВЗ, отражая более широкую тему борьбы с различными стереотипами в ирландском обществе.

Второе произведение – это роман-автобиография американского юриста Брайана Стивенсона «Звонок за ваш счет: История адвоката, который спасал от смертной казни тех, кому никто не верил» (Bryan Stevenson “Just Mercy: A Story of Justice and Redemption” 2014). Данное произведение – это бленд мемуаров начинающего адвоката и повествования о сложностях судебной системы США, расовом неравенстве, сегрегации, судах Линча. Повествование не линейно, автор вводит ряд флешбеков из детства, описание своих первых дел, сложностей в поиске работы, отдельные комментарии по истории правовой системы. Само название произведения *Just Mercy* в дословном переводе «только сострадание» – это образный призыв Стивенсона к пересмотру всей судебно-правовой системы США. Он иллюстрирует ее в тексте «жестким»

гиперболизированным описанием *an egregious miscarriage of justice* – вопиющая неправильность в отправлении правосудия.

Олицетворением национальной идентичности и единения афроамериканского общества автор считает свою бабушку, родившуюся в период до отмены рабства, воспитавшую девять детей, повторявшую всю жизнь фразу: *Keep close – Держитесь вместе*, тем самым призывая помнить о своих корнях и семье. Эту идею единства и силы национальной идентичности Стивенсон озвучил еще в 2012 году в лекции перед выходом книги: *“There is power in identity. When we create the right kind of identity, we can say things to the world around us that they don’t actually believe makes sense. – В идентичности есть сила. Когда мы создаем правильную идентичность, мы можем говорить окружающему миру вещи, которые, по его мнению, на самом деле не имеют смысла”* (Stevenson, 2012).

Оба романа были успешно экранизированы, получив множество международных наград, что говорит не только о национальном и мировом признании, но дальнейшей необходимости освещать проблемы, затронутые в данных литературных англоязычных произведениях.

Подводя итоги рассмотрения роли языка в отражении процессов проявления национальной идентичности в текстовой деятельности, отметим дидактический потенциал применения когнитивно-стилистического подхода к интерпретации художественных текстов, открывающего новые возможности для понимания значимости анализа литературных произведений, являющихся активными участниками формирования и развития национального самосознания.

Литература

1. Горина Е. В. Анализ формирования национальной идентичности. К вопросу о когнитивно-дискурсивном подходе // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 38–44.
2. Лаппо М. А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 4 (8). С. 30–37.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
4. Джусупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопр. когнитивной лингвистики. 2011. № 3.
5. Tuan Y.-F. Images and Mental Maps // Annals of the Association of American Geographers. 1975. P. 205–213.
6. Косяков В. А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен: на материалах СМИ, посвященных войне в Ираке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009.
7. Stevenson B. Just Mercy (eBook). N. Y. : Penguin Random House Company. 2014.

8. Stevenson B. We need to talk about an injustice. URL: https://www.ted.com/talks/bryan_stevenson_we_need_to_talk_about_an_injustice?quote=1385#t-1265890 (дата обращения 31.01.2024).

И. И. Чумак-Жунь

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)*

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПОЭЗИЯ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматривается концепт «Поэзия» как этнокультурный феномен. Дается описание сущности понятийного ядра концепта, его место в глобальной метафорической модели «Жизнь – художественное творчество», особенности трансляции смыслов концепта в массовом коммуникативном сознании.

Ключевые слова: концепт «Поэзия», русская языковая картина мира, концептуальные смыслы.

1. Понятийные смыслы концепта «Поэзия»

Концепт «Поэзия» неоднократно рассматривался в работах ученых-филологов как открытая подвижная система знаний, хранящихся в памяти любого члена сообщества. Это «многомерное этнопсихическое образование» (Алефиренко Н. Ф., 2005, 63) являлось предметом изучения и как дискурсообразующий, и как сложный художественный концепт. Остановимся на сущности концепта «Поэзия» как этнокультурного феномена.

Концепт живёт в сознании как «система мнений и знаний» (Павилёнис), а «объективируясь на последнем этапе своего формирования в языке, тем самым определяет семантику слова» (Чумак-Жунь И. И., 2015, 399), что «способствует не только фиксации полученных знаний, но и их последовательной передаче от человека к человеку и от поколения к поколению» (Чумак-Жунь И. И., 2015, 399). На эту особенность концепта обращает внимание академик Д. С. Лихачёв. Согласно его теории, концепт следует понимать как результат «столкновения словарного значения с личным и народным представлением человека» (Лихачёв Д. С., 1997, 283), как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закреплённого значения (Лихачёв Д. С., 1997, 283).

Формирование концепта «Поэзия» в этногенезе обусловлено теми представлениями, которые складываются из совокупности мнений

и знаний, отражающих результат формирования концепта в филогенезе (передаются из поколения в поколения в виде архетипического компонента) и в онтогенезе (хранятся в индивидуальном сознании).

Так, судя по значениям слова *поэзия*, отраженным в словарях, соответствующий концепт осмысливается:

1) как культурный феномен – особый вид творчества и творчество нескольких (или одного) поэтов: «*Поэзия – творческий художественный гений, стихия художественного творчества*» (Ушаков – оттенок первого значения); «*художественное творчество какого-н. поэта, группы поэтов с точки зрения его особенностей, отличительных признаков*» (Ушаков – оттенок третьего значения); «*искусство образного выражения мысли в слове, словесное художественное творчество*» (МАС, Ушаков, СО, Крысин); «*стихи, стихотворная, ритмически организованная речь; противоп. проза*» (МАС, Ушаков, СО);

2) с точки зрения аксиологии – ‘изящество’, ‘очарование’, ‘красота’: «*изящество, очарование, поражающее воображение и чувство красоты*» (МАС, СО, Крысин);

3) с точки зрения эмоций – ‘лиризм’, ‘задушевность’: «перен. *Лиризм, задушевность*» (МАС, Ушаков);

4) гносеологически (эпистемологически) – как ‘область воображаемого бытия’, ‘мир фантазии’: «перен. *Область воображаемого бытия, мир фантазии* (устар., часто ирон.)» (Ушаков).

Очевидно, что понятийный слой концепта «Поэзия» включает представление о поэзии как о феномене, отличающемся от других форм речи множеством необычных, «искусственных», характеристик – здесь и визуальный образ, связанный со специфической графической картинкой-столбиком, и аудиальный, представленный ритмомелодической организацией, даже психоэмоциональный – поэзия, несомненно, оказывает психологическое по своему содержанию влияние на личность, представляя воображаемый, нереальный мир. Все это способствует и особому представлению о сущности поэзии, и трансляции соответствующих смыслов в массовом коммуникативном сознании.

2. Представление о сущности поэзии в массовом коммуникативном сознании.

То, что поэтический текст представляет мир по-иному, по сравнению с прозой, гениально подметил Пушкин: «*Она мила – скажу меж нами – Придворных витязей гроза, И можно с южными звездами Сравнить, особенно стихами, Ее черкесские глаза*» (здесь и далее выделения в иллюстративном материале наши. – И. И. Ч.-Ж.).

Необычность поэзии, построенной, в отличие от прозы, как гармонизированная ритмическая речь, способствует тому, что в глобальной метафорической модели «Жизнь – художественное творчество», поэзия занимает особое место.

Сущность этой метафорической модели, в которой практически все виды и жанры литературного творчества, экстраполируясь на определенный фрагмент картины мира, занимают особое место, ярко иллюстрирует общеизвестная цитата В. Шекспира: «*Вся жизнь – игра, а люди в ней – актеры*». В рамках этого метафорического поля *проза жизни*, например, выступает как метафора обыденности («Он называл себя ее юрисконсультom, а свое жалованье, за которым он присылал аккуратно каждое первое число, – *суровою прозой*» – Чехов, *Бабье царство*), а *ломать комедию* – ‘вести себя неискренне, неестественно-лживо’ («Говорите со мной, пожалуйста, по-человечески», – сказала она. – *Я комедий не люблю*» – Чехов, *Бабье царство*). Позиции в этой модели мира занимают и другие единицы поля – знаки вторичного семиозиса в составе связанных словосочетаний: *драматическое происшествие, завязался роман, произошла трагедия* и т. д. и т. п.

Репрезентанты же концепта «Поэзия» (*поэзия (поэтический), стих (стихотворение, стихотворный), лирика (лиричный)*) в соответствии с понятийными концептуальными смыслами выступают как метафора чего-то необычайного, красивого и нереального: «*И инстинкт здоровья и молодости льстил ей и лгал, что настоящая поэзия жизни не пришла, а еще впереди, и она верила и, откинувшись на спинку стула (у нее распустились волосы при этом), стала смеяться, а глядя на нее, смеялись и остальные*» (Чехов, *Бабье царство*).

Примечательно, что лексемы *поэзия* и *проза* метафорически представляют два взгляда на мир – романтический и прагматический соответственно, хотя по отношению к самим видам литературы этого строгого разделения нет, это, скорее, внутренне различие, о котором пишет Ю. Айхенвальд: «Есть внешнее, формальное различие между поэзией и прозой, и есть между ними различие внутреннее, по существу. Первое состоит в том, что прозе противоплагаются стихи; последнее – в том, что прозе, как мышлению и изложению рассудочному, противоплагается поэзия, как мышление и изложение образное, рассчитанное не столько на ум и логику, сколько на чувство и воображение» (Айхенвальд Ю. И., 1925). В целом, поэзия, с одной стороны, воспринимается как язык необыкновенной красоты и необыкновенных возможностей (М. М. Бахтин пишет об этом: «Только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, Поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого»), а, с другой – романтический поэтический взгляд на мир не лишен некоторой излишней сентиментальности, соответственно, поэзия в сознании носителя языка представлена двумя разнонаправленными оценочными векторами, обобщенную коннотацию которых можно определить как *восхищение vs насмешка*.

Сочетания *высокая поэзия, настоящая поэзия или классическая поэзия* – вектор, реализуемый в коммуникативном сознании, выступает

эталонном поэзии «как она должна быть» («*В новых литературах, там, где не было древних форм, признавал только одну высокую поэзию, а тривиального, вседневного не любил; любил Данте, Мильтона, усиливался прочесть Клопштока – и не мог*» – Гончаров И. А. Обрыв), но наивные представления о мире апологетов поэзии вызывают ироническое к ним отношение, что подчеркнуто иронической же интонацией Островского при описании героини: «*Ирина. Нет, я живу только поэзией, самой высокой поэзией... Что такое ужин? Проза. Вот луна, звезды...*» (Островский А. Н. Последняя жертва).

Номинация *поэт* дается мечтательным романтикам (типичный пример обращение Штольца к Обломову в романе Гончарова: «*Да ты поэт, Илья! – перебил Штолец*»), с другой стороны, крайне отрицательно отношение к тем, кто не способен соответствовать этому высокому званию – показателен выразительный объемный синонимический ряд к слову *поэт*, который включает отрицательно коннотированные единицы: *рифмоплет, виршеплет, слагатель, пиит, стихоплет, рифмач, стихослагатель, стихокрапатель*.

3. Формирование поэтических концептуальных смыслов в массовом коммуникативном сознании.

Воздействующая сила поэтических тестов связана с тем, что языковая энергия, преобразуясь в них в текстовую (поэтическую), воздействует на читателя, стимулируя в нем соответствующие эмоции, иногда частично преобразуя существующую в его сознании картину мира. «Включаясь в этнокультурную реальность, в мир межличностных связей, поэтический текст существует как уникальная функционально-эстетическая система» (Чумак-Жунь И. И., 2008, 20). Поэтические тексты с раннего детства служат не только средством развития и воспитания, но одним из важнейших способов познания окружающего мира. «Как рефлексивная монологическая речь поэтический дискурс является стимулом для активации и развития какого-либо элемента системы базовых ценностей. Такие важные характеристики текста, как его отдельность, выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность способствуют тому, что тексты активно закрепляются в национальном коммуникативном сознании» (Чумак-Жунь И. И., 2008, 20). Связано это в немалой степени с тем, что лирические тексты:

- обозримы в деталях, имеют небольшой объем;
- достаточно хорошо известны рядовому носителю языка;
- изучаются наизусть.

Поэтические прецедентные имена выступают преимущественно как культурный маркер. Сложно утверждать, является ли поэтическая прецедентность самой активной частью прецедентной культурной базы, но, по крайней мере, трансляция смыслов из поэтического дискурса достаточно очевидна.

Закрепляются они

- в виде прецедентных текстов «*Я Вас любил...*»,
- в виде модификаций с элементами народной смеховой стихии («*Я вас убил: и смерть ещё, быть может, Разрушила надежды насовсем*»);
- в виде интертекстуальных вкраплений «*Я вас любил. Любовь еще (возможно, что просто боль) сверлит мои мозги*» (И. Бродский).

Поэтические тексты используются как культурный маркер, причем текстовые смыслы могут быть трансформированы до неузнаваемости. В интернет-статье со знаковым названием «Ночь. Улица. Но нет аптеки...» смыслы блоковского текста сужаются до конкретной, важной для автора ситуации.

Кроме того, поэтические тексты перекодируются в другие образно-семиотические системы.

Таким образом, функционирование смыслов концепта «Поэзия» в массовом коммуникативном сознании обусловлено сложными составляющими: текстовыми особенностями, понятийными характеристиками, метафорической природой и стремлением к воплощению образности речи.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи // *Жанры речи*. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 50–63.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста*. Антология. М. : Academia, 1997. С. 280–287.
4. Чумак-Жунь И. И. Концепт “поэзия” в общекультурном контексте: динамика концептуальных смыслов // *Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку*. Рязань, 2015. С. 399–403.
5. Айхенвальд Ю. *Словарь литературных терминов*, 1925.
6. Чумак-Жунь И. И. Поэтическая коммуникация и междискурсивное взаимодействие: столкновение дискурса власти и дискурса поэзии // *Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки*. 2008. № 5 (29). С. 20–23.

ИСКОННОЕ И ЗАИМСТВОВАННОЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ ИНТЕРАКТИВНОГО ДОКУМЕНТА: К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье проявление национальной идентичности в интерактивном документе охарактеризовано через призму использования в нем исконных и уже закрепившихся в русском языке иностранных слов и новых заимствований. Установлено, что соотношение этих единиц зависит от темы документа – предметное поле или сфера IT. Показано, что употребление новых заимствований имеет объективные экстралингвистические причины. Делается вывод о том, что для сохранения национальной идентичности документной коммуникации и документного текста нужна мера в использовании иноязычных слов, понимание причин процесса заимствования, знание особенностей термина как языкового знака.

Ключевые слова: документ, интерактивный документ, терминология, терминология сферы образования, терминология сферы IT, заимствование.

Национальная идентичность – понятие сложное и многогранное. Оно включает в себя различные аспекты, объединяющие людей: общность социальной жизни, традиций, исторической памяти и, безусловно, культуры и языка, отношение к языку как признаку этноса.

Культурно-языковая идентичность проявляется в текстах разных стилей, в том числе и в официально-деловом. Рассматривая культурно маркированные элементы документного текста, Г. В. Токарев показал, что культурная специфика такого текста обнаруживается как в плане содержания, так и в плане выражения. В плане содержания она проявляется в тематическом пространстве текста: выбор темы связан с актуальными для культурной эпохи установками, эталонами, ценностями. В плане выражения культурная специфика документа находит отражение в форме документов, то есть наборе реквизитов, их расположении, которые могут меняться от эпохи к эпохе, вербальных элементах текста, например, этикетных формулах приветствия, обращения, прощания (Токарев Г. В., 146).

К наблюдениям Г. В. Токарева, добавим, что культурно маркированными элементами документа являются также использованные в нем лексические единицы, в частности термины, которые составляют ядро документного текста.

В настоящее время актуальной стала проблема соотношения исконного и заимствованного в языке, коммуникации (прежде всего официальной) и официальных текстах. 17 февраля 2023 года Госдума РФ

приняла законопроект № 221977-8, запрещающий (ограничивающий) использование в официальной коммуникации иноязычных слов, если есть исконные синонимы. Данный документ нацелен на «защиту языка», с которой, безусловно, связано сохранение национальной идентичности. Это касается всех текстов, в том числе и текста документов, который имеет давнюю историю формирования и развития, достаточно строгие каноны, регламентирующие не только форму документа, но и употребление единиц языка. В связи с этим осмысления требует вопрос о том, насколько ограничение на заимствования возможно в документной коммуникации.

Современная практика привела к появлению новых форм документов, в частности, интерактивных. Интерактивный документ, вслед за Е. С. Белоус, понимается нами как «электронный документ, форма представления гипертекста, специальная материальная конструкция (код, программа, бытующая в электронной среде), созданная человеком для сохранения и передачи информации в пространстве и во времени, приспособленная для прочтения текста (как логической или ассоциативной последовательности речевых и неречевых знаков)» (Белоус Е. С., 2021, 171). Специфика речевой организации интерактивного документа на лексическом уровне предполагает использование терминологических единиц двух групп: «темы документа» (его предметного поля) и сферы ИТ. В качестве примера охарактеризуем терминологию такого интерактивного документа, как *Руководство пользователя сервиса «Личный кабинет студента» электронной информационно-образовательной среды Волгоградского государственного университета* (URL: <https://lk.volsu.ru/files/Guid.pdf>).

Этот документ (наряду с другими документами) организует образовательный процесс в вузе. В тексте отмечена терминология двух предметных сфер: образования и ИТ.

Терминология предметной сферы «образование» представлена прежде всего исконными единицами, а также заимствованиями, которые давно и прочно вошли в русский язык: *учебный план, зачетная книжка, основная образовательная программа, балльно-рейтинговая система, часы, нагрузка, курс, зачет, текущий контроль, передача, промежуточная аттестация*. Современные заимствования единичны: *портфолио, модуль, компетенции*; их появление в документах сферы образования связано, по-видимому, со структурными изменениями в образовательной системе нашей страны.

Терминология сферы «ИТ» обнаруживает другое соотношение исконных и заимствованных единиц. Основную часть, ядро такой терминологии составляют заимствованные термины, которые представляют собой существительные или субстантивные словосочетания с предметным значением, являющиеся, как и в любой терминологии, основным

средством номинации специальных понятий. Они называют элементы программы, информационные ресурсы и объекты: *браузер, интернет-браузер, сайт, сервер, домен, логин, интерфейс сервера, скан-копия, e-мейл, медиа-контент, flash-диск, медиа, меню, теги, гиперссылка, модуль, URL* и др.

Эти термины пришли в русский язык вместе с компьютеризацией многих сфер жизни человека и социума. Их использование в анализируемом тексте связано с формой документа и характеризуется рядом преимуществ, поскольку заимствованное слово, как правило, краткое, с широкими словообразовательными возможностями, лишено «созначений». Однако, такие единицы, будучи в русском языке немотивированными знаками понятий, имеют непрозрачную форму, которая не соотносится с содержанием, следовательно, адресату трудно их семантизировать – значения этих лексем нужно знать.

Исконные термины обозначают понятия «дополнительного характера», элементы, которые сопровождают описание устройства программы, работы с ней.

Это существительные: *кабинет, поле, страница, кнопка, роль, данные, запись*, и субстантивные словосочетания, образованные на их основе: *необязательное поле, текстовое поле, личные данные, персональная страница, учетная запись, имя учетной записи, страница личного кабинета*.

Особенность руководства пользователя заключается в частотном употреблении глаголов, поскольку этот вид документа предписывает выполнение определенных действий. Глаголы функционируют здесь преимущественно в форме инфинитива, реализуя модальность необходимости, обусловленную инструктирующим и регламентирующим характером документа: *нажать на кнопку, заполнить поля, перейти по ссылке, выбрать роль* (под ней пользователь войдет в личный кабинет), *загрузить файл, прикрепить скан-копию* и др. Представленные глаголы используются не в прямом общеупотребительном, а в переносном значении. В рамках предметной сферы IT на основе метафорического переноса у них сформировалось специальное значение, то есть произошла терминологизация, ср.: *загрузить* «наполнить грузом до какого-нибудь предела, нагрузить полностью» → «перенести данные откуда-либо на компьютер или куда-либо с компьютера»; *нажать на кнопку*, где *кнопка* – это элемент интерфейса программы, а не механическое устройство; метафорический перенос происходит на основе сходства формы и функции этих элементов – при нажатии активировать работу какого-либо механизма, устройства, программы. Отметим, что в терминологии глагол – это периферийная часть речи, в исследуемом документе они в большинстве своем исконные или вошли в русский язык довольно давно.

Терминологизация – это сложный процесс, имеющий несколько этапов, на которых формируется семантика термина, его сочетаемость, словообразовательные связи. Общеупотребительное слово, становясь термином, образует новые связи в системе языка. От многих глаголов образуются имена существительные, в которых сохраняется терминологизованная семантика процесса: *переход по ссылке, регистрация пользователя, авторизация пользователя, выбор роли* и др.

Исконные терминологические единицы не получают в тексте рассматриваемого документа дефиницию: семантизировать их несложно, поскольку они, как мы уже отметили, образованы метафорически от общеупотребительных слов и сохраняют мотивировочный признак, напр.: *необязательное поле; стартовая страница*. В исконных терминологических единицах сохраняется связь с общеупотребительными значениями, признаки номинации, предметно-чувственного отражения действительности; образ; след значения. В них, как пишет Е. И. Голованова, отражена «интерпретация объектов в рамках наивной картины мира» (Голованова, 2020, 56), что «способствует легкой и быстрой передаче информации» (Голованова, 2020, 56).

В то же время семантизация некоторых терминологизованных единиц, прежде всего словосочетаний, может вызывать затруднения. Так, в процессе терминологизации сформировалось не характерное для русского языка сочетание существительного *согласие: принять согласие* (вместо существующего в сфере общего употребления *дать согласие*). Форма термина может быть ложно ориентирующей, напр.: *бесшовный переход* – такое перенаправление пользователя на сайт с другого сайта, при котором не требуется дополнительно указывать авторизационные данные, поскольку авторизация производится автоматически.

Поскольку заимствованные и исконные единицы характеризуются разной семантической отнесенностью, они, как правило, не имеют синонимических соответствий. Возможно, в качестве синонимов выступают следующие единицы: *персональная информация пользователя – личные данные, e-майл – электронная почта, интернет – сеть*.

Следовательно, в тексте интерактивного документа используются исконные слова, слова, уже вошедшие в язык, и заимствованные единицы, причем их соотношение зависит от «темы документа» – предметное поле или сфера ИТ (в первом случае ядро составляют исконные термины, периферию – новые заимствования, во втором случае – наоборот: ядро образуют новые заимствованные термины, периферию – исконные). Эти единицы могут взаимодействовать, формируя «смешанный терминологический фонд»: *html-страница, курс-донор, курс-реципиент, главная страница сервиса, персональная страница пользователя, получить функционал* и др.

Итак, употребление заимствований имеет объективные экстралингвистические причины – форма документа; однако нужна мера их ис-

пользования, понимание причин процесса заимствования, знание особенностей термина как языкового знака. Эти знания (разумное соотношение исконной и заимствованной терминологии) будут способствовать успешной документной коммуникации и сохранению национальной идентичности документного текста.

Литература

1. Белоус Е. С. Интерактивные документы: языковые особенности и документный статус // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 168–180.

2. Голованова Е.И. Особенности репрезентации научной и наивной картин мира в соотносительных терминах и профессионализмах // Языковое сознание: речевая коммуникация : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессора Валентина Евсеевича Гольдина. Саратов : Наука, 2020. С. 55–59.

3. Токарев Г. В. Основы лингвокультурологии. Тула : ТППО, 2020.

Х. Ю. Юнусова

Национальный университет Узбекистана

им. М. Улугбека

(Ташкент, Республика Узбекистан)

СИМВОЛЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЦАРЕВИЧЕЙ В РОМАНЕ С. БОРОДИНА «ЗВЕЗДЫ НАД САМАРКАНДОМ»

Аннотация. В данной работе рассмотрены коммуникативные правила и нормы, обусловленные культурно-исторической эпохой, изображенной в романе «Звезды над Самаркандом». В статье мы предлагаем рассмотрение лингвистического моделирования коммуникативного поведения царевичей, как обладателей особого социального статуса, на семиотическом уровне.

Ключевые слова: символ, коммуникативное поведение, социальный символизм, невербальные средства коммуникации, регламентированное поведение.

В настоящее время исследователи в сфере когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии уделяют пристальное внимание проблеме системного описания коммуникативного поведения народа и отдельных социально дифференцированных групп и индивидов. Под коммуникативным поведением подразумевается внешняя область деятельности коммуниканта, имеющая внутреннюю мотивированность. Так, наблюдается, что поведение коммуниканта непременно

маркировано социально-исторически обусловленными национальными и культурными процессами, происходящими в обществе. В этом плане уместно изучение коммуникативного поведения народа как культурно-этнической общности, включающей в себя разные классы и группы людей, нации и народности, объединенные одной исторической судьбой.

Теоретический аппарат описания коммуникативного поведения народа включает в себя достаточно широкий спектр понятий, приведенных с отдельными дефинициями: коммуникативное поведение; национальное коммуникативное поведение; лингвокультурная общность; коммуникативное мышление народа; стандартная коммуникативная ситуация; инокультурные информанты; социальный символизм; активные и реактивные коммуникативные действия; аспект коммуникативного поведения; менталитет; вербальное, продуктивное, рецептивное, нормативное и ненормативное коммуникативное поведение; коммуникативный(ая)/(ые) культура, традиции, шок, сфера, факт, признак, фактор, обстоятельства, табу, императивы, допущения (Стернин И. А., 2015, 6).

Ментальные ценности определенной национальной общности, ее культура и история находят свое отражение и в художественной литературе. В пространстве художественного произведения персонажи так или иначе взаимодействуют между собой, относясь при этом к какому-либо социальному слою или группе.

В этом плане нам представляется крайне интересным рассмотрение языкового моделирования социального символизма в романе С. Бородин «Звезды над Самаркандом». Социальный символизм как семиотический уровень воздействия и взаимодействия воссоздан писателем с учетом совокупности коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурно-исторической эпохой и ситуацией, определенного этноса. Отметим, что социальный символизм по классификации И. А. Стернина подлежит описанию в рамках невербального коммуникативного поведения. Коммуникативная символика отражает в сознании людей семиотическую функцию того или иного элемента предметного мира (Стернин И. А., 2015, 10).

В системе образов романа «Звезды над Самаркандом» Бородин отводит ведущие роли наследникам царского трона. Образы царевичей, внуков великого завоевателя, вырисованы с особой тщательностью. В них продуманы все художественные компоненты, создающие характер героев: до мельчайших деталей проработаны внешность, одеяние и всевозможная царская атрибутика. В романе особого внимания заслуживает языковая организация невербальной коммуникации царевичей, как обладателей особого социального статуса с определенным сводом правил поведения и общения.

Согласно царскому регламенту, внуки правителя определенно должны были отличаться от прочей дворцовой знати царской атрибути-

кой, в том числе одеянием. Это своеобразный «язык повседневного поведения» (Формановская Н. И., 2002, 123). В приведенном ниже фрагменте таким элементом является одеяние царевичей: «Золотые розы и звезды, вышитые на багровых и зеленых бархатах халатов, вспыхивали и сверкали, когда внуки Амира проезжали через узкие полосы солнечного света, и тогда казалось, что по базару кто-то расплескивает пригоршни огня» (Бородин С. П. здесь и далее все примеры из худ. текста приведены из источника 1.). Языковая организация признаков знатности и богатства включает: цветопись (*золотой, багровый, зеленый*); символику (*розы и звезды, бархат*); глаголы, характеризующие процесс горения (*вспыхивали и сверкали*); сравнение с огнем (*казалось, что по базару кто-то расплескивает пригоршни огня*). Регламентированное коммуникативное поведение и социальный символизм, встречающиеся в произведении, безусловно объединяют и уравнивают царевичей, как обладателей особого социального статуса.

Отметим, что в царской атрибутике регламентировано использование цветов, каждый из которых выступает знаком, демонстрирующим определенные коммуникативные намерения. Особое значение имеют синий, красный и золотой цвета: «– *Милая моя, – ответил Тимур, – синее прилично надевать, когда кого-нибудь хоронят или оплакивают.* Синий цвет воплощает холодную рассудительность повелителя (образ Синего дворца, там всегда покой и прохлада). В часы раздумий Тимур достает из кармана синий бархатный платок. Красный цвет – цвет победителя – часто упоминается при описании деталей царского одеяния: «*Тюбетей на его голове тоже был красным, но расшит золотыми извилистыми буквами-словами молитвы*». Золотой цвет символизирует не только принадлежность к правящей династии, но и благосклонность повелителя к отличившимся подданным: «*Ему (радже Дульчину) были оказаны царские милости и снисхождения, подарены одежда из золотой парчи, золотой пояс и венец*».

Таким образом, художественные произведения являются одним из источников сведений об особенностях коммуникативного поведения того или иного народа. Однако подчеркнем, что художественное произведение – творение определенного автора, и очевидно, что именно автор моделирует в своем произведении определенное коммуникативное поведение героев посредством отбора тех или иных языковых средств.

Литература

1. Бородин С. Звезды над Самаркандом. URL: https://mir-knig.com/read_124961-303
2. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж : Гарант, 2000.
3. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М. : Рус. яз., 2002.

**Марзие Яхьяпур,
Джанолах Карими-Мотаххар**
*Тегеранский университет
(Тегеран, Иран)*

ОТРАЖЕНИЕ ИРАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Персия – одна из древних Земель, привлекающая внимание многих людей своей поэзией, коврами и миниатюрами. Эти три выдающихся иранских искусства сияют в творчестве многих писателей и поэтов мира, в том числе и России. «Шахнаме» Фирдоуси, которому более тысячи лет и который стал образцом для других великих произведений мира, персидские ковры и миниатюры, обогатили страницы поэзии и культуры северной соседней страны. В статье примеры влияния этих иранских искусств, являющихся частью иранской идентичности, будут упомянуты в творчестве русских поэтов, особенно в творчестве Николая Гумилёва. Рассматривая стихи Гумилева, мы приходим к выводу, что поэт проявлял особый интерес ко всем трем выдающимся иранским искусствам и хвалил их.

Ключевые слова: Персия, культура, идентичность, персидская поэзия, персидский ковёр, персидская миниатюра.

Персия смогла занять высокое место среди народов мира благодаря своей богатой культуре. Персидская поэзия – один из культурных архетипов этой земли, занявший первое место в мире. «Шахнаме» Фирдоуси, которому более тысячи лет, до сих пор известна в мире как шедевр мировой литературы, ставший образцом для создания эпических произведений других народов, например Еруслан Лазаревич.

В стране поэзии и песни есть также мастера, сыгравшие неизгладимые узоры на мировой арене, занявшие также первое место среди любителей искусства и деятелей поэзии и прозы в мире. Персидские ковры и миниатюры также являются частью национальной идентичности иранцев, посвятивших страницы поэзии и прозы других стран описанию их красоты.

Писатели и поэты мира, такие как Гете, Байрон, Хаммер-Пургшталь, Гейне, Пушкин, Лев Толстой, Иван Бунин, Николай Гумилев, Вячислав Иванов, Бальмонт и Есенин, неоднократно упоминали Фирдоуси, Саади, Хафеза, Молави, Хайяма и других иранских поэтов. В своих стихах, помимо восхваления персидских поэтов и их стихов, они также обращались к природе Персии (Ирана). И таким образом воздух поэзии и атмосфера русской поэзии смешались с запахами розы Шираза, уда, амбры и мускуса. А персидскую поэзию сравнивали с «золотыми чётками мудрости» и «жемчугом».

Пушкин, выдающийся поэт золотого века русской литературы, Солнце русской поэзии, использовал слова Саади в стихотворениях

«В прохладе сладостной фонтанов», «Бахчисарайский фонтан», «Фазиль-Хану» и в романе в стихах «Евгений Онегин».

В стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов» стихи Саади он называет златыми:

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И чётки мудрости златой.

(Пушкин.

«В прохладе сладостной фонтанов». 1828)

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), поэт серебряного века, находящийся, по его собственному признанию, под сильным влиянием стихов Саади, также сравнивал слова Саади с жемчугом, что делало его стихи богаче. В свои поездки на Восток он всегда брал с собой «Гулистана» (перс. «Голестан») Саади.

В пути со мною <...> «Тезкират» Саади, «усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Саади Ширазского, да будет священна память его!». В утренней свежести, я сижу на юте и упиваюсь жизнью поэта, мудреца и путешественника (Бунин, т. 4, с. 102).

Саади Ширази (XIII в.) – один из классиков иранской литературы, стихи и взгляды которого оказали большое влияние на целый ряд русских писателей. Наиболее заметным оно было на Ивана Бунина.

Тонко чувствующий культуру Ирана Иван Бунин, был очень увлечен творчеством Саади и создал под его влиянием целый ряд ярких произведений. Во многих из них, таких как «Кума», «Закон», «Смерть (Смерть пророка)», «О Чехове», «Завет Саади», «Камень», «Тень Птицы», Бунин упоминает имя и слова Саади. В рассказе «Смерть» Бунин цитирует мистическую притчу из его «Гулистана»:

«Шейх Саади, – да будет благословенно его имя! – шейх Саади, – много его жемчужин нанизали мы рядом со своими на нитку хорошего слога! – рассказал нам о человеке, испытавшем сладость приближения к Возлюбленному. Человек этот был погружён в созерцание; когда же очнулся он, спросили его с ласковой усмешкой: «Где же цветы из сада мечты твоей?» И человек ответил: «Я хотел набрать для друзей моих целую полу роз; но, когда я приблизился к розовому кусту, так опьянил меня аромат его, что я выпустил её из рук».

Кто может, тот свяжет рассказ поэта с нашим».

(Бунин, т. 4, с. 175).

Еще одна иранская национальная идентичность – персидский ковер, о котором говорится в русских поэтических и прозаических произведениях. Персидский ковер как символ истории и культуры Ирана в творчестве: Лермонтов («Герой нашего времени»), Булгаков («Соба-

чьё сердце»), Куприн («Волшебный ковёр»), Георгий Иванов («Отвлеченной сложностью персидского ковра»), Гумилёв («Галла») и др. Например, Куприн говорит об узоре персидского ковра: «Персидский узор мельче, однообразнее и не так смел.» (Куприн: Волшебный ковёр <https://ru.wikisource.org>).

Или Михаил Булгаков в «Собачьем сердце» упоминает ценность ковров в доме профессора Преображенского: «– Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, – во-первых, вы простудитесь, а во-вторых, вы наследили мне на коврах, а все ковры у меня персидские.» (Булгаков, «Собачье сердце»)

Здесь мы остановимся на стихах русского поэта XX века Николая Гумилева, и все названные выше виды искусства являются основными элементами некоторых из его стихов.

Саади и Хафез (Гафиз)

Произведения Гумилева, как и его предшественников, украшены именами Саади и Хафеза. Русский поэт также воспользовался мудростью и мистикой Востока, в своих стихах и пьесах, таких как «Рядами тянутся колонны», «Дитя Аллаха» и т. д., он послушает слова Саади и Хафеза.

Но мы залятье из залятий
В тот страшный миг произнесли
И вдохновенно, как Саади,
Воспели радости земли.

(Гумилёв, «Рядами тянутся колонны». 1918)

Гумилев много внимания уделял Хафезу Ширази. Этот поэт XX века раскрыл личность Хафеза в своем стихотворении «Подражанье персидскому». В этом стихотворении Гумилев сравнивает свою поэзию с Хафезом и презирает свою поэзию. (Верхолотова, 2009, 70; цит. по книге: Яхьяпур М. и др. 2013, 104).

Подражанье персидскому

Из-за слов твоих, как соловьи,
Из-за слов твоих, как жемчуга,
Звери дикие – слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога.

Я ведь безумным стал, красавица.

Ради щёк твоих, ширазских роз,
Краску щёк моих утратил я,
Ради золотых твоих волос
Золото моё рассыпал я.

(Гумилёв. «Подражанье персидскому». 1919)

Стихотворение «Три лестницы...», конечно, не единственное стихотворение, в котором поэт упоминает Хафеза.

Я одного из них остановил,
Как знать кого, Гаруна аль Рашида,
Гафиз то был иль Боабдил,
Но я такого царственного вида
Досель не зрел, меня с участием он
Спросил: «Какое горе иль обида...»

(Гумилёв.

«Три лестницы, ведущие на небо». 1921)

Русский поэт особенно ярко восхваляет персидского поэта в пьесе «Дитя Аллаха». В пьесе «Дитя Аллаха» он считает Хафеза лучшим человеком на земле. Еще до создания этой стихотворной пьесы Рейснер, современная ему поэтесса, в переписке с Гумилевым обращалась к нему как к Хафезу.

Рейснер, Лариса Михайловна (1895–1926) Николаю Гумилёву:

«Застанет ли Вас это письмо, мой Гафиз?»

«Милый Гафиз, как хорошо жить!»

«Гафиз, это очень печальное происшествие.»

«Милый Гафиз, это письмо не сентиментально, но мне сегодня так больно, так бесконечно больно».

Николай Гумилев Ларисе Рейснер:

«Целую Ваши милые руки. Ваш Гафиз».

Персидский ковёр

В своих стихах Николай Гумилев говорит о восточно-иранской культуре и персидских коврах, например, в стихотворения «Галла» он упоминает персидские ковры. Гумилев совершил рискованную поездку в Галлу в Абиссинии (Эфиопия) и в деревню Шейх-Хусейн, которая является центром мусульман и имеет множество мечетей. В этом стихотворении он описывает, что «Жирный негр восседал на персидских коврах»:

Галла

<...> И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.

Жирный негр восседал на персидских коврах
В полутёмной неубранной зале,
Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.

(Гумилёв. «Галла». 1918)

Персидская миниатюра

Миниатюра – еще один из видов искусства, являющийся символом иранской идентичности и ярко сияющий в стихах русских поэтов.

В стихотворении «Персидская миниатюра» Гумилев восхваляет иранское искусство и думает, что после смерти он станет персидской миниатюрой и таким образом достигнет бессмертия. По словам Верховилова, в стихотворении «Персидская миниатюра» сочетаются романтические и философские вопросы: лирический герой стихотворения воображает, что после смерти превратится в персидскую миниатюру – уникальную небольшую картину с нежными красками. Эта миниатюра изображает восточные сюжеты (Гумилев подробно перечисляет их в своем стихотворении) и призывает к сильной и устойчивой любви. (Верховилова, 2009, 70; цит. по книге: Яхьяпур М. и др. 2013, 106).

Персидская миниатюра

Когда я кончу наконец
Игру в cache-cache со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.

(Гумилёв. «Персидская миниатюра». 1919)

В стихотворениях «Пьяный дервиш», «Подражанье персидскому», и «Персидская миниатюра» тема и метафора объединены друг с другом. Использование в этих стихотворениях восточно-иранского стиля является одновременно поэтическим инструментом Гумилева и связующим звеном, которое соединяет эти три стихотворения в небольшой сборник и делает это возможным. Принять эти три стихотворения как единое «слово» писателя в небольшой поэтический сборник. (Верховилова, 2009, 72; цит. по книге: Яхьяпур М. и др. 2013, 110).

В стихотворении «Гончарова и Ларионов (пантум)» Гумилев еще раз упоминает персидские миниатюры.

Сочетание персидской миниатюры можно увидеть в трех стихотворениях Гумилева: «Персидская миниатюра», «Гончарова и Ларионов (пантум)» и «Египет». Йордан Люцканов, болгарский исследователь, считает, что «В этих стихотворениях Гумилев наиболее явственно “беседует” с поэзией на фарси, с ее художественным “окружением” и с мировоззрением, в ней выговорившемся. “Беседует”, сохраняя ее подлинность и при этом оставаясь верным себе (своему миру, традиции, возможностям)». Далее автор говорит, что «“Персидская миниатюра” и “Египет” стихотворения изображают мистику, постигающую сокровенную близость с Творцом» (Люцканов, URL: <https://www.researchgate.net/publication>)

Гончарова и Ларионов

Пантум

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

...

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньятюрах.
О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньятюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых
Восток и нежный, и блестящий.

(Гумилёв.
«Гончарова и Ларионов». 1917)

В стихотворении «Египет» поэт также упоминает персидские миниатюры.

Египет

...

Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед ними Коран,
Где персидские миниатюры,
Словно бабочки сказочных стран.

(Гумилёв. «Египет». 1918)

Таким образом, во все эпохи русские поэты хорошо отзывались о персидском искусстве и под влиянием персидской поэзии, ковров и миниатюр создавали вечные произведения, показывающие иранскую идентичность в их творчестве.

Литература

1. Бунин И. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худож. лит., 1987–1988. Т. 3. Произведения 1907–1914.
2. Верховилова Е. В. Проблема циклизации в поэзии акмеистов (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам). М., 2009.
3. Куприн А. И. Собрание сочинений : в 6 т. М. : ГИХЛ, 1958. Т. 5. С. 588–600. URL: http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_1919_volshbny_kover.shtml (дата обращения: 05.01.2024)
4. Люцканов Йордан. Персидская миниатюра в поэзии Николая Гумилева. URL: https://www.researchgate.net/publication/339461472_PERSIDSKAA_

MINIATURA_V_POEZII_NIKOLAA_GUMILEVA [дата обращения: 07.01.2024].

5. Яхьяпур Марзие, Садеги З., Карими-Мотаххар Дж. Николай Гумилёв и мир Востока. Тегеран : Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги и Иранская Ассоциация русского языка и литературы, 2013. (Двуязычная книга – на рус. и перс. языках).

6. Яхьяпур Марзие. Иван Бунин и мир Востока. 4-е изд. Тегеран : Тегеранский университет, 2020. (Двуязычная книга – на рус. и перс. языках).

ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

А. А. Бадртдинова

*Академия наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ Ф. С. ХАКИМЗЯНОВА – КАК ПРИМЕР СЛОВАРЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Аннотация. Для изучения фразеологизмов как показателей национальной идентичности народа можно применить лингвокультурологический словарь Ф. С. Хакимзянова «Фразеологический словарь татарского языка: устойчивые словосочетания и выражения».

Ключевые слова: фразеологизмы, обороты, словосочетания, национальный характер, Ф. С. Хакимзянов.

Фразеологизмы как часть языка и культуры, являются формой, отражающей национальный характер, образ жизни народа, культуру, быт, лексику.

Фразеологические единицы традиционно считаются хранилищем важнейших культурных знаний конкретного народа, их изучение позволяет углубить и расширить знания о человеке и обнаружить особенности национального мировидения, отраженные в языке (Кузнецкая Т. Ф., 2023, 16).

Есть универсальные, общие фразеологизмы, например, для всех народов России, живущих на её территории: тат. *авызына су капкан* – рус. *в рот воды набрал*, тат. *телен йоткан* – рус. *язык проглотил* в значении 'молчит' и т. д.; фразеологизмы понятные для представителей иностранных языков: тат. *эт тормышы* – рус. *собачья жизнь* – англ. *a dog's life* – исп. *la vida perra* со значением 'трудная, тяжелая жизнь'. Есть фразеологизмы и обороты, относящиеся и понятные только одному народу, жителям одной местности, например, выражение *өтәләү Мөхәмәтҗаны 'обицпаный Мухамятзан'* говорят татары, живущие в Аксубаевском районе Республики Татарстан в значении 'нетерпеливый, вечно спешащий человек', а татары – представители других местностей могут не понять это выражение. Так проявляется идентичность народа, фразеологизмы объединяют и отличают носителей одного говора или языка, иногда и целые ареалы.

Фразеологизмы рождаются в народе. При изучении чужого языка, чужой культуры, обращение к фразеологизмам имеет колоссальное значение, это как «вход» в чужую культуру, помогает легче понять менталитет, характер народа.

Самое большое хранилище фразеологизмов татарского языка увидел свет недавно. Им является «Фразеологический словарь татарского языка: устойчивые словосочетания и выражения» Ф. С. Хакимзянова. Первый том словаря содержит 10500 выражений.

В Словаре Ф. С. Хакимзянова объясняется смысл устойчивого выражения, форма его использования, приводятся примеры из художественной литературы, средств массовой информации, из живой речи.

Богатый материал Словаря раскрывает татарский характер через его речь, лексику, показывает художественно-образное мышление народа, богатство языка.

Только на слово *акча* 'деньги' в Словаре около 90 примеров: *акча артыннан куу* 'думать только о деньгах, о денежном вознаграждении', *акча корты* 'о человеке, который всегда гонится за деньгами', *акча табу* 'зарабатывать деньги', *акча такыр* 'денег нет' и т. д. Деньги представляют собой особый товар и занимают значительное место в жизни человека, а стало быть, и в его языковом сознании (Сагдеева, Гайнанова, 2017, 11–12).

Со словом *авыз* 'рот' больше 300 выражений. Огромное значение имеет для татар речь, слова, питание, выражение лица. Большинство оборотов связаны с произнесением речи, о красоте «произнесенного ртом», о немногословности или, наоборот, о чрезмерной болтовне. То есть коммуникативные качества человека для татар особенно важны: *авыздан ычкындыру* 'проболтаться', *авыз ачарга ирек бирмәү* 'не дают сказать', *авызга авыз куеп сөйләшү* 'говорить шепотом, на ушко' и т. д.

Также много устойчивых оборотов со словом *баш* 'голова' (больше 100): *баш бәясә* 'очень дорого', *баш ачылу* 'догадаться или понять умом' и т. д. То есть наличие ума, разума – необходимое и нужное свойство для человека.

Таким образом, изучая фразеологизмы, можно проанализировать характер, менталитет народа. Словарь Ф. С. Хакимзянова, который буквально *табадан төште* 'сошел со сковородки', то есть увидел свет недавно, является ярким, достойным примером лингвокультурологического словаря.

Литература

1. Кузенная Т. Ф., Лебедева В. Д. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: “свои” vs “чужие” // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14. № 2. С. 15–22.

2. Сагдеева Ф. К., Гайнанова Д. Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа. Казань, 2017.

3. Хәкимжанов Ф. С. Татар теленең фразеологизмнар сүзлеге: тотрыклы сүзтезмәләр һәм тәгъбирләр: Өч томда. I т. (А–Б). Казан, 2022.

М. А. Бобунова

*Курский государственный университет
(Курск, Россия)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНКОРДАНСОВ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

***Аннотация.** В статье говорится о разных жанрах словарей языка фольклора. Особое внимание уделяется конкордансам фольклорных текстов. На богатом фактическом материале выявляется лингвокультурологический потенциал указанной лексикографической формы.*

***Ключевые слова:** язык фольклора, фольклорная лексикография, словарь, конкорданс.*

На рубеже XX–XXI вв. появились первые специализированные словари языка фольклора и стал формироваться особый отдел лексикографии – фольклорная лексикография (Бобунова М. А., 2004).

Словари, отличающиеся четкой, компактной и структурированной формой, оказались надежной базой для научных исследований и полезным источником объективной информации. Неслучайно за последние 20 лет интерес к словарному описанию языка фольклора возрос, о чем свидетельствуют новые словари, объектом описания которых стали тексты разных фольклорных жанров. Такие словари в большинстве своем относятся к типу лингвокультурологических, главной целью которых является лексикографическое описание культурных концептов, представленных языковыми единицами, аккумулирующими культурную память народа. Это во многом определяет отбор материала и состав словников – этнокультурно маркированная лексика. См. обзор словарей: (Бобунова М. А., 2023).

Однако мы полагаем, что лингвокультурологическим потенциалом обладает любой словарь языка фольклора, поскольку фольклор – это коллективное народное творчество, отражающее менталитет народа, его идеалы, традиции, образ мыслей и взгляды на жизнь. Покажем это примере словарей-конкордансов, создаваемых курскими лингвофольклористами (Бобунова М. А., 2016). Напомним, что конкорданс – это словарь, включающий в алфавитном порядке всю лексику какого-либо текста с исчерпывающим указанием контекстов употребления каждого слова с обязательной паспортизацией. Каждый конкорданс ограничен рамками одного жанра и основан на определенном корпусе фольклорных текстов, записанных на одной территории в определенное время.

В данной статье мы ограничимся конкордансом необрядовой лирики Архангельской губернии, подготовленным на базе свода «Великорусские народные песни» (Бобунова М. А., Хроленко А. Т., 2008). В качестве фонового используем электронный конкорданс онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом в XIX в. (Гильф.).

В конкордансах нет дефиниций, но приведенные контексты в большинстве случаев позволяют читателю самому правильно определить или предположить значение слова. В трудных случаях следует обращаться к толковым, историческим или диалектным словарям, в которых представлена устаревшая лексика и лексика ограниченного употребления. Так, в словарной статье ГРИЗЕТ есть один пример: *Привезу я, душа Машиа, дорогих подарков: Дорогой парчи на юбку, гризету на шубку...* <4, 356>, из которого нетрудно понять, что гризет – это какой-то материал. Уточнить семантику слова помогает словарь В. И. Даля: ‘стар. шерстяная ткань с травчатым узором того же цвета’ (Даль В. И., 2000, 392).

Словарная статья НАРОВЕНЬ включает два контекста: *У нашего двора Полно озеро воды, С берегами наровень...* <4,169>; *Еще хлынь-похлынюшки, Выбирай селезенюшки, Себе ростом-доростом, Себе наровень обычем, Красотою девичьей!* <4,784>. О значении наречия читатель, безусловно, догадается, но обращение к сводному диалектному словарю позволит узнать, что это слово многозначное, одно из значений которого специфически фольклорное: ‘1. Вровень, наравне с кем-, чем-либо. 2. Фольк. Одинаково с кем-либо’ (СРНГ, вып. 20, 126).

Особый интерес представляют семантические диалектизмы и лексемы, которые в фольклорном тексте могут употребляться и в литературном, и в диалектном значении. Обратимся к словарной статье ЖУРИТЬ, где представлены следующие контексты: *За колечушко маменька бранила, За серебряно сударыня журила...* <2,276>; *Ракитовы кусточки без ветра шумят, Лавровые листочки во садочке журят* <5,662>. В первом случае глагол *жури́ть*, который находится в одном ряду с синонимичным словом *брани́ть* ‘ругать’, реализует общеупотребительное значение ‘выражать порицание’. Во втором же – диалектное ‘шуметь, шелестеть’ (СРНГ, вып. 9, 231).

В словарной статье ПРОСТУДИТЬСЯ один пример (*На ветру долго стояла, Простудилась, молода...* <4,592>) говорит, что глагол используется в литературном значении ‘заболеть от простуды’, а другой (*Вышла в сени Сашиа простудиться, Чтобы жар с лица согнать...* <2,285>) – в диалектном ‘освежиться, прохладиться’ (СРНГ, вып. 32, 254).

Интересно, что глагол *смека́ть* в архангельских песнях реализует исключительно диалектную семантику ‘ловить || Добывать, промышлять (зверя, рыбу и т. п.)’ (СРНГ, вып. 38, 350): *И давай здесь зимовать, Промышлять зверей смека́ть...* <6,570>; глагол *полагать* – ‘класть, помещать куда-л., на что-л.; складывать’ (СРНГ, вып. 29, 31): *Упадала-*

припадала, по карманам полагала... <4,68>; а существительное угроза – ‘гроза’ (СРНГ, вып. 46, 256): Подымалася погодушка... Со великими угрозами... <3,51>.

Конкордансы дают читателю полное представление о фольклорном лексиконе конкретного источника, позволяют выделять отдельные группы слов и определять их место в лексической системе, а серия конкордансов, подготовленных одним коллективом на основе одинаковых принципов, способствует проведению сопоставительных исследований в разных аспектах.

Так, сравнение тематической группы «Оружие» в архангельских песнях и онежских былинах показало, что данная группа лексем, как и ожидалось, богаче представлена в эпической традиции, где наряду с частотными существительными *кинжал, лук, меч, палица*, зафиксированными исключительно в былинах, немало единичных, отмеченных в песенной речи только одного сказителя: *булава, кистень, пицалочка, штык* и др. В необрядовой лирике названия видов оружия в целом немногочисленны и низкочастотны. Все выявленные нами лексем относятся к разряду общежанровых: *копье, сабля, ружье, оружье*.

Используя методику «аппликации» словарных статей, сравним лексикографические портреты существительного *копье* в разных конкордансах. Сравнение наглядно демонстрирует не только количественное преобладание лексемы в былинной традиции, но и разные синтагматические связи слова. Если в эпосе *копье* – наименование оружия, которым колот, бьют, ударяют, поэтому оно может поломаться, приломаться, попригнуться, потупиться, притупиться, согнуться, то в лирических песнях с помощью *копья* молодец сообщает девице о своем приезде. Ср.: *Да и копьями молодцы ударились, А и копья в кольцах попригнулисе* (Гильф., 3, № 226); *Тут приехал Алешенька в полночь на коне, Стукнул Алешенька копьем в ворота <3,499>.*

Копье в лирике не определяется эпитетами, в то время как в былинах оно *острое, длинное, долгомерное, трехсаженное, мурамецкое* ‘восточный; татарский (о копье)’ (СРНГ, вып. 18, 351) / *буржомецкое / бурзамецкое / бурманецкое / муржамецкое: Приударить надо в копья в муржамецкии* (Гильф., 2, № 77).

Обратим внимание на слово *винтовка*, зафиксированное в одной из архангельских песен, где говорится о *детине*: *В руках несет сыповку, На плече несет винтовку, Во кармане несет гусли <3,322>.* Наличие в одном ряду названий музыкальных инструментов заставляет предположить, что *винтовка* здесь не является наименованием оружия, что подтверждают материалы диалектного словаря: «СЫПÓВКА, ж. ‘Фольк. Дудка-сопелка. Бежит легонько детина, В руках несет сыповку, На плече несет винтовку [музыкальный инструмент – вертушку]. Не сыпай, моя сыповка, Не винтуй, моя винтовка, Не играйте, мои

гусли, Не вводите парня в мысли (песня). Печор., 1960-е. Мезен. Арх.» (СРНГ, вып. 43, 143).

Таким образом, конкордансы дают исследователю возможность уточнить значение фольклорного слова, выявить общежанровые и специфически жанровые лексемы, конструкции и формулы. Черты сходства и отличия можно увидеть как на уровне отдельных слов, так и на примере фрагментов фольклорной картины мира или словообразовательных гнезд.

Так, анализируемые конкордансы показывают, что для русской традиции значим концепт «подарок». В словообразовательные гнезда с вершиной *дарить* и в эпосе, и в лирике входят слова *дар, подарок, подарочек, подарить*. Кроме того, зафиксированы диалектные лексемы: в былинах – *дарова* ‘Фольк. Дары, подарки’ (СРНГ, вып. 7, 275), *даровье* ‘подарки’ (СРНГ, вып. 7, 276): *А этии дарова князю полюбилисе* (Гильф., 3, № 199); в песнях – *подареньице* ‘Ласк. Подарок’ (СРНГ, вып. 27, 330): *Не расплывай своей трубчатой косы, Не выплывай ты ленты алыя, Ленты алыя, подаренья, – Подареньице друга милаго!* <2,180>.

Однако, несмотря на внешнее сходство словников и в целом соотносительные количественные показатели, словарные статьи глаголов *дарить, подарить* и существительного *подарок* выявляют жанровые различия. В песнях, как правило, подарками обмениваются молодые люди, хотя значительно чаще дарителем оказывается мужчина, который дарит или обещает подарить разные вещи. В качестве дорогого подарка могут быть ткани (*кумач, китайка, плис, бархат, парча, гризет*), одежда и головные уборы (*обновка, гарнитуровый платок, персидский платочек, лента*), украшения (*золотой перстенечек, колечко*), еда (*ярославский пряничек, яблочко*): *Привезу тебе подарки – Кумачу, китайки* <4,353>; *Каждый праздник обновкой буду милую дарить...* <4,263>; *Я тебе словечушко скажу, Я тебя колечком подарю* <5,19>.

Подарок – обязательный атрибут особых отношений между молодыми людьми, отсутствие подарка недопустимо: *Я бы рад к тебе ходити, Да нечем дарити* <4,353>; *Ой, без подарочек-то, без подарочек красна девушка Молодца не любит!* <5,598>.

Иная картина рисуется в эпосе, где богатырям, каликам, князьям, королям, царям, купцам и др. дарят оружие, куниц, лисиц, соболей, золото-серебро, сёла, города и др.: *Сам ли солнышко спотешился, Да кого дарил он городами-то, Да кого-то дарил и с пригородами, Да кого-то дарил и селами-то, Да селами-то дарил да с присёлками, А Ильи-то подарил да шубу кунью-ту, Да-де тот воротник соболиные* (Гильф., 3, № 296). Существительное *подарок* в онежском эпосе часто сопровождается эпитетом *великий, дорогой, умильный, хороший, честный*: *Принял его князь черниговский Во великое себе-ка-ва гостебищю, Он дарил ему*

да честный подарочки, Подарил тут е орудию да богатырскую, Подарил копё да ему вострое, Да пожертвовал ен саблю ему вострую (Гильф., 1, № 3).

Материалы конкордансов свидетельствуют, что в песнях активно используется и синонимичная лексема *гостинец* с диминутивными формами *гостинчик* и *гостинечек*: *Он не так ходил – гостинчики носил, Гостинчики – сладки прянички на меду... <5,566>*; *Я гостинечки взяла, Друга в горенку свела... <4,216>*. Для онежских же былин такие слова не характерны.

Для сопоставления можно привлекать и другие конкордансы, которые помогут проследить за территориальной или временной дифференциацией языка фольклора. Особую ценность для исследователя имеют конкордансы, составленные на базе источников других этносов. Такие словари станут надежной базой кросскультурных исследований.

В заключение вспомним замечание М. Л. Гаспарова, приведенное в Предисловии к российскому изданию конкорданса к стихам А. С. Пушкина: «Конкордансы – это фундамент знакомства с литературным языком. В любой литературе существует набор конкордансов к её классическим авторам, и они, **терпеливо стоя** на библиотечных полках, **медленно делают своё культурное дело** [выделено нами. – М. Б.]» [Гаспаров 2000: III]. Полагаем, что это можно сказать и о конкордансах фольклорных текстов, которые имеют несомненную лингвокультурологическую ценность и могут быть полезны не только лингвистам, но и фольклористам, и историкам, и культурологам.

Литература

1. Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы : дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2004.
2. Бобунова М. А. Конкорданс XXI в.: новая старая форма // *Вопр. лексикографии*. 2016. № 2(10). С. 41–54.
3. Бобунова М. А. Русская фольклорная лексикография начала XXI века // *Традиционная культура*. 2023. Т. 24. № 3. С. 170–176.
4. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. (В ломаных скобках указан номер тома свода и номер песни).
5. Гаспаров М. Л. Предисловие к российскому изданию // Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 1. С. III.
8. Гильф. – Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. Изд. 2-е. СПб. : Типография Императорской АН, 1894–1900. Т. 1–3. (В примерах указан номер тома и номер былины).
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 1.

10. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.

И. А. Воронцова

*Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)*

СЛОВАРЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ

Аннотация. В статье представлена характеристика и типологические вариации словарей, описывающих особый класс культуроспецифичных единиц – прецедентных феноменов (ПФ). К этому классу словарей автор относит словари пословиц и цитат, в том числе афористического характера, словари мифологии и фольклора, словари ПФ, характеризующих идиостиль, литературный жанр и т. д. К ключевым стратегиям лексикографирования прецедентных феноменов следует относить включение определения, историко-этимологической и культурологической характеристики ПФ, введение текстового материала и материала, обобщающего ассоциативные представления о ПФ как компонентах лингвокультуры, демонстрирующих их прагматику и культурный функционал.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвокультурологический словарь, прецедентность, прецедентный феномен, словарь прецедентных феноменов.

Разработка лексикографического описания взаимодействия языка и культуры представляет собой самостоятельное лексикографическое направление. В словарной форме оно стремится учитывать данные исследований в области культурологии, культуроведения, лингвокультурологии, лингвострановедения, лингвистики и лексикографии, существенные для изучения языков и культур в их взаимодействии. По мнению М. С. Колесниковой, создание лингвокультурологических словарей отражает аксиологическую модель в лексикографии, представляющую собой «вертикаль», характеризующую лексикографическую репрезентацию национальных представлений и ценностей определенной лингвокультурной общности (Колесникова М. С., 2004, с. 7). Аксиологичность лингвокультурологических словарей обусловлена их антропоцентрическим характером. Словари данного типа призваны демонстрировать «жизнь» слова в реальной речевой деятельности носителей данного языка... в них в том или ином виде моделируются и отражаются

механизмы функционирования языковой личности как типичного представителя данной языковой общности в определенный период ее существования (Чулкина Н. Л., 2015, с. 285).

Аксиологическая и антропоцентрическая вертикали представлены лингвокультурологическими словарями различных типов: это лингвострановедческие и культуроведческие справочники, словари национально-маркированных единиц, фразеологические и паремиологические словари, словари афоризмов и крылатых выражений, ономастиконы, писательские (шире – авторские) словари, словари мифологии (античной, Библейской и др.), фольклора, словари концептов, фреймов и др.

В самостоятельное направление, на наш взгляд, сегодня вычленяется лексикографирование такого класса культуро- и аксиологически-специфичных единиц, как прецедентные феномены (ПФ). Современная наука убедительно доказывает необходимость создания словарей ПФ как единиц, выступающих культурными скрепами, гносеологическими прототипами, инструментами передачи грядущим поколениям однажды познанных когний, среди которых... характерные для соответствующего социума морально-этические нормы (Гришаева Л. И., 2004, с. 32). ПФ характеризуются эмоциональной и когнитивной ценностью, прагматической значимостью, способностью к реинтерпретации (Воронцова И. А., 2020, с. 124), формальной и содержательной трансформации. ПФ обрастают смыслами, связанными с их реализацией в последующих текстах. Формируются новые представления о ПФ в сознании носителей языка (культуры), изменяются условия апелляции к единице, преобразуются функции, которые данная единица выполняет в культуре (эталона, символа, метафорического основания и т. д.). Вышеназванные и другие аспекты семантики и прагматики ПФ подлежат описанию в словаре (Красных В. В., 2014, с. 20).

В существующей практике лингвокультурологической лексикографии, посвященной описанию прецедентных феноменов, выделяются, во-первых, словари пословиц и цитат, в том числе афористического характера. Словари данной категории фактически регистрируют прецедентные высказывания, актуализирующие прецедентные имена, тексты и ситуации (*Байрамова Л. К., Денисов П. Н. Фразеологический словарь языка В. И. Ленина, 1991; Ayres A. The Wit and Wisdom of Abraham Lincoln, An A–Z Compendium of Quotes from the Most Eloquent of American Presidents Mieder W., Bryan G. The Proverbial Harry S. Truman. An Index to Proverbs in the Works of Harry S. Truman, 1997* и др.). Исследователи (З. Р. Алхастова, О. М. Карпова, В. Г. Перцева, Л. В. Полубиченко и др.) указывают на необходимость осмысления подходов к организации макроструктуры словаря, в частности выбора способа группировки и расположения цитат (алфавитный, тематический, концептуальный, прагматический, хронологический), а также устройства его микроструктуры –

определения оптимальной длины цитаты, ее микро- и макроконтекста, учета цитатных модификаций и контаминаций, оформления атрибуции цитаты, связанного, среди прочего, с поиском и указанием подлинного авторства цитаты, «народной этимологии», цитирующих источников, вопроса разработки дефиниции с отдельным акцентом на коннотативно-прагматический аспект, добавочных семантико-функциональных характеристик и т. д. (Полубиченко Л. В., 2016).

Второе направление в изъяснении ПФ составляют словари мифологии и фольклора. Это недифференцированные «поликультурные» словари и энциклопедии, описывающие разные национальные мифологии в пределах одного издания или ресурса (*Ботвинник М. Н., Коган М. А., Рабинович М. Б., Селецкий Б. П. Мифологический словарь, 1961; Мифы народов мира: онлайн-энциклопедия (<https://www.peoplesmyths.com/>); Encyclopedia Mythica, Mythopedia и др.*) и отраслевые словари, посвященные одной мифологической или фольклорной традиции (*Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь, 1995; Greek Mythology, North American Mythology и др.*). Словари мифологии и фольклора являются источником информации о прецедентных именах, символах, сюжетах (преимущественно) национального и универсального уровней. В словарях, как правило, представлена типовая дефиниция мифолексемы (фольклоронима), иногда излагаются альтернативные варианты мифа или фольклорного сюжета с элементами интерпретации. В статьях содержатся отсылки к мифолексемам, репрезентирующим ту же мифологию или называющим сходные явления в разных мифологиях, что обеспечивает нелинейный характер лексикографирования материала. В значительном числе случаев вербальный материал сопровождается графическими иллюстрациями. Прецедентный статус единиц иллюстрируется отсылками к ритуалам, традициям и т. д., связанным с героями мифов и фольклорных произведений, указаниями на литературные источники, кинофильмы и т. п., содержащими упоминания о мифоперсонаже и др., использование образов в популярной культуре и др.

Особую группу мифологических словарей составляют словари Библии (*Загот М. А. Ищите и найдете, или англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого, 2014; Лукин С. А. Англо-русский и русско-английский словари Нового Завета. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/anglo-russkij-i-russko-anglijskij-slovaryi-novogo-zaveta/>; The New Interpreter's Dictionary of the Bible, 2006; The new Unger's Bible dictionary, 2009, Dictionary of biblical imagery, 2010 и др.*), порталы и агрегаторы соответствующих словарей (*Biblehub.com; Bibliatodo; Bible Gateway; Bible Study Tools и др.*). В работах, посвященных синхронно-диахроническому исследованию словарей библеизмов (Воронцова И. А., 2023; Иванова Н. Е., 2007), отмечается, что эволюция названных словарей, особенно создаваемых в электронном формате, с одной стороны,

детерминируется стремлением к объединению ресурсов в кластеры / агрегаторы, призванные дать многоаспектную характеристику заглавной единицы; с другой – к рубрикации и топикализации лексикографических произведений, результатом которой становятся идеографические и тематические словари. Обязательными элементами микроструктуры ресурсов является документирование значений библеизмов цитатами-иллюстрациями и/или отсылками к соответствующим книгам (главам) библейского текста. Отдельный аспект исследования представляют библейские параллели в разных языках и культурах и вопрос их перевода. В отличие от словарей национальных мифологий, словари Библии практически не содержат указаний на Библейские реминисценции, появившиеся в более поздних текстах.

Третья группа представлена словарями прецедентных феноменов, характеризующих идиостиль (многочисленные словари языка Шекспира и Мильтона, словари и справочники, в том числе генерируемые фан-сообществами, фэнтезийной литературы, например, Дж. Р. Р. Толкина, глоссарное приложение к переводу на английский язык поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки» и др.), литературный жанр – словарь ПФ анекдотического пространства (Тулина Е. В., 2014), литературный «срез», в частности, словарь ПФ из детской литературы – *«Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы. Опыт словаря»* (Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П., 2022) и др. По мнению составителей словаря *«Крошка сын к отцу пришел...»*, прецедентные имена и высказывания из литературы для детей имеют особую значимость в сохранении национального культурного кода. Содержание микроструктуры словаря (проекта) определяется двумя принципами: стремлением к семантической цельности слова (фразеологизации) и актуализацией компонентов содержания в рамках слова или сверхсловного единства. Помимо общей информации о единице (источник) и инварианта восприятия, авторы словаря фиксируют вариативность представления прецедентного феномена в новых контекстах. Учитываются устойчивые ассоциативные связи, о которых свидетельствуют данные ассоциативных словарей и специальных экспериментов, а также интертекстуальные связи в тексте и динамика интертекстуального тезауруса.

В других исследованиях особенностей лексикографирования ПФ (главным образом, имен) рассматриваются вопросы, связанные с мотивами, лежащими в основе формирования корпуса ПИ в словаре, выбором формы имени (особенно, в случае межъязыкового переноса ПИ), проблемы дефинирования ПИ, заключающиеся в их неполноте или идеологической ангажированности, трудности, касающиеся своевременной актуализации вербальных иллюстраций и вызванные ими расхождения в указанных в словарях инвариантах восприятия имен и фак-

тической реализации их сигнификата в современной речи и т. д. (Ли Х., 2021; Маринина Е. В., 2017).

Итак, для описания ПФ в словаре оказывается важным использование историко-этимологического, культурологического, текстового материала, материала, обобщающего ассоциативные представления о ПФ как компонентах лингвокультуры, демонстрирующих их прагматику и культурный функционал.

Литература

1. Воронцова И. А. Прецедентность как маркер авторского стиля // Верхневолжский филологический вестн. 2020. № 2 (21). С. 123–129.

2. Воронцова И. А. Словари Библии: история и современное состояние (на материале английского языка) // Языки и культуры в современном мире : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13–14 ноября 2022 г.) / под общ. ред. Н. А. Ахреновой, С. Н. Курилова, С. И. Родионовой. М. : Изд-во МЭИ, 2023. С. 67–71.

3. Гришаева Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность культур / Министерство образования и науки Российской Федерации, «ИНОЦЕНТР (Информация. Наука. Образование)», Институт имени Кеннана Центра Вудро Вильсона (США), Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 15–46.

4. Иванова Н. Е. Библейские фразеологизмы и их лексикографическая разработка в словарях современного английского языка различных типов : автореф. дис. ... канд филол. наук. Иваново, 2007.

5. Колесникова М. С. Лексикографический аспект лингвострановедения : дис. ... д-ра филол. наук. М. : Моск. пед. гос. ун-т. 2004.

6. Красных В. В. Основные проблемы описания словаря и грамматики лингвокультуры (психолингвокультурологический подход) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 19–22.

7. Ли Х. Прецедентные имена из мультфильмов в современной речи: статус, особенности функционирования, семантика // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2021. (202). С. 236–242.

8. Маринина Е. В. Русские прецедентные имена как элемент английской лингвокультуры (на материале словаря Longman dictionary of English language and culture) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 41–52.

9. Полубиченко Л. В. К вопросу о сфере фиксации цитат // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 42–52.

10. Тулина Е. В. Прецедентные феномены анекдотического пространства: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 63–66.

11. Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Прецедентные феномены из детской литературы и их лексикографическое описание // *Вопр. лексикографии*. 2022. № 24. С. 93–112.

12. Чулкина Н. Л. Антропоцентрическая лингвистика и лингвокультурологические словари нового типа // *Вопр. психолингвистики*. 2015. №. 25. С. 284–299.

Н. С. Куликова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО РОМАНА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отражения национальной идентичности в современной англоязычной литературе на примере произведения британского писателя Питера Акройда “*The House of Doctor Dee*” («Дом доктора Ди»). Особое внимание уделяется рассмотрению пространственно-временного образования, особого хромотопа романа, в котором находит свое художественное отражение многогранная национальная картина мира англичан. Изучаются свойства пространства и времени в данном тексте, связанные с его спецификой и авторским замыслом.

Ключевые слова: национальная идентичность, постмодернизм, пространственно-временные отношения.

В эпоху глобализации особое значение приобрела проблема определения национальной идентичности, которая затрагивает аспекты культуры, языка, истории, политики. Определение механизмов становления национальной идентичности стало одним из ведущих направлений исследований в различных областях гуманитарного знания. Понятие национальной идентичности рассматривается исследователями, в том числе, как отраженная ментально совокупность ряда фрагментов культурно детерминированной национальной картины мира (Писаренко, 2007).

Важно учитывать, что в современном мире понятие национальной идентичности непременно подвержено изменениям под воздействием множества социокультурных факторов. В связи с этим открытым остается вопрос о том, какие ценности и символы определяют нацию и делают ее уникальной, и каким образом человек соотносит себя с той или иной национальной картиной мира.

Понятие национальной картины мира включает в себя представления определенной нации о своей истории, культуре, традициях, ценностях и мироощущении, отражает специфическое восприятие мира, характерное для членов этой нации или этнической группы (Корнилов, 2003). Концепция национальной идентичности закономерно сопряжена с понятием не только национальной, но и языковой картины мира. Согласно З. И. Резановой, языковая картина мира «фиксирует теоретически отрефлексируемый тип отношений языка, мира и человека как тип интерпретативной гносеологической деятельности человека по отношению к миру, объективированный в языковых фактах (языковых единицах, структурах, текстах)» (Резанова, 2001, с. 28).

Кроме того, язык признают в качестве ключевого элемента культурного самосознания народа, который может служить мощным инструментом формирования и поддержания национальной идентичности (Лаппо, 2009). Поддержка языка как части культурного наследия представителей того или иного этноса может быть важным аспектом укрепления чувства национального самосознания и целостности данной общности в целом. Актуальные исследования, проводимые в различных отраслях современной лингвистики, в том числе, в когнитивной лингвистике, нацелены на выявление механизмов формирования принадлежности к определенной нации и языковых средств, посредством которых выражается национальная идентичность в различных социокультурных контекстах и видах дискурса (Вежбицкая, 1997; Попова, Стернин, 2007). В ряде филологических исследований отмечается, что репрезентация национальной идентичности в языке и разных дискурсивных практиках проявляется посредством различных средств, таких, например, как лексические и морфологические маркеры, национимы, антропонимы, топонимы (Асташкина, 2019; Мосягина, 2020)

В силу специфики художественного текста особое место в исследовании национальной идентичности в лингвистических работах отводится рассмотрению отражения данного феномена в различных жанрах современного литературно-художественного дискурса, в том числе текста постмодернистского романа. В исследуемом нами англоязычном постмодернистском романе национальная идентичность может быть представлена как сложный и многогранный концепт, который часто подвергается деконструкции и переосмыслению. Авторы постмодернистских произведений часто играют с традиционными представлениями о национальной принадлежности, разрушая стереотипы и подвергая сомнению установленные идеи о культурной идентичности. В текстах данного жанра национальная идентичность может быть представлена как фрагментированная и многогранная, что позволяет автору произведения отражать сложные взаимосвязи между личным опытом, культурным контекстом и глобальными влияниями. Постмодернистский роман отлича-

ется от других романских жанров присущей ему концептуальностью, где автор не только описывает события, пространство, характеры, мысли и эмоции персонажей, но и обсуждает с читателем интересующие его проблемы.

В романе “The House of Doctor Dee” («Дом доктора Ди») постмодернистский писатель Питер Акرويد создает особый хронотоп, пространственно-временное образование, которое позволяет ему раскрыть особенности национальной картины мира англичан. Действие романа происходит одновременно в XVI веке и в современной автору Англии, поэтому Питер Акرويد не только описывает составляющие национальной идентичности, но и размышляет о том, какие изменения происходили в английском национальном характере в течение веков. В романе «Дом Доктора Ди» писатель постоянно использует топонимы, при помощи которых выражается принадлежность героев к определенной национальной картине мира.

Так, английский город Гластонбери, который является центром традиционных английских легенд о короле Артуре и Святом Граале, описывается как место погребения древних великанов и основателей Лондона: *“I knew well enough that Glastonbury was the most ancient seat of learning in the entire kingdom, where, it is said, the giants who originally inhabited this realm had placed their secrets”* (Acroyd, 1993, с.145).

Центральное место в романе отведено образу Лондона. Оба временных плана повествования в романе имеют общую пространственную точку – дом в историческом районе Лондона Кларкенуэлл, где жил доктор Ди, исторический персонаж, математик, географ, астроном и астролог, один из образованнейших людей своего времени. Главный герой романа Мэтью Палмер получил этот дом в наследство от отца. Автор романа не случайно выбирает район Кларкенуэлл в качестве основного места действия (как в прошлом, так и в настоящем). Этот район играет особую роль в топографии Лондона, описанной в произведении.

Изображение Кларкенуэлла в романе выражает авторскую концепцию локальных императивов. По мнению Питера Акроида, та или иная местность оказывает преобладающее влияние на личность, понятие национальной идентичности и картину мира индивида. Автор выделяет определенные районы и улицы Лондона на основании их выбора в качестве социальной среды, одного из элементов среды обитания, окружающей человека, определенными представителями социальных слоев и профессий.

Исследуя историческую значимость определенных географических точек, Питер Акرويد подчеркивает связь между местом проживания и характером человека. Например, в Кларкенуэлл проживают часовщики и типографы, символизирующие время и знания: *“There were so many watchmakers and watch-repairers in the Clerkenwell Road, so many*

small printers in the lanes leading down to Smithfield and Little Britain: had they chosen this place, or had the place somehow chosen them?" (Acroyd, 1993, с.17).

Создаваемый в романе образ Лондона значительно обогащается по мере развития сюжета, его прошлое постепенно объединяется с настоящим. Мэтью Палмер исследует себя, гуляя по городу и задаваясь вопросами как о самом себе, так и о природе Лондона. Он рассуждает о профессии исследователя как о лабиринте, в котором он себя одновременно потерял и нашел: *"I was led down a sweet labyrinth of learning in which I could lose myself"* (Acroyd, 1993, с.129). Лабиринт источников и документов накладывается на лабиринт улиц и мест, которые посещает главный герой.

Мэтью Палмер переживает момент прозрения, который помогает ему постигнуть истинную суть Лондона. Он вспоминает случай, когда, будучи подростком, ехал на автобусе и увидел, как солнечный луч проник сквозь облака и осветил металлический поручень перед ним. Этот момент принес ему необыкновенный восторг и ощущение, будто он оказался вовлеченным в какую-то тайну. Он чувствовал, что в нем заложена связь с этим местом, с его улицами и атмосферой. Это откровение произошло у Мраморной арки, при повороте на Тайберн-Уэй, и было тесно связано с конкретным местом, подчеркивая важность локальной принадлежности опыта Мэтью. С тех пор Мэтью потерял мистическое восприятие света города; жизненный опыт научил его видеть не только духовный свет, но и реальные темные стороны Лондона: *"Somehow I had been present at their beginning; or, rather, there was some presence within me which had always existed in this soil, this stone, and this air. That original fire has left me now, which is perhaps why I seem such a stranger to myself; slowly, over the years, the city has darkened within me"* (Acroyd, 1993, с. 42).

Образ описываемого в романе пространства включает не только Кларкенуэлл, но и исторический Лондон. Физическое пространство Лондона постепенно уступает место образу духовного пространства, которое является единственно истинным в концепции автора о городе: *"About a year ago I was walking by the Thames. Do you know, near Southwark? When suddenly I thought I saw a bridge of houses. A shimmering bridge, lying across the river"* (Acroyd, 1993, с. 17).

Каждый слой повествования соответствует определенному образу Лондона: Мэтью гуляет по современному Лондону, где он ищет ответы на вопросы о прошлом его семьи, а доктор Ди в своих исследованиях пытается разобраться в истории «волшебного града» Лондона, созданного гигантами. Таким образом, в романе «Дом доктора Ди» описывается Лондон прошлого и Лондон настоящего, которые в свою очередь отражают изменения, происходившие на протяжении веков в националь-

ной картине мира англичан и в их национальной идентичности. Лондон поглощает время и всю свою бесконечную историю, превращаясь в мистический город, образ которого создается в главе “Dream” («Мечта»).

Особое значение в постмодернистском романе отводится концепту истории. В романе «Дом Доктора Ди» тесная связь и переплетение прошлого и настоящего выражается в многогранных взаимосвязях и переплетениях пространственно-временных отношений. Так, Доктор Ди описывает историю Лондона, ссылаясь на хронику Гальфрида Монмутского о его основании. Однако исторический персонаж романа доктор Ди предлагает свою версию, утверждая, что Лондон был основан ранее. Герой романа даже уходит вглубь истории, упоминая легенду об Атлантиде, предполагая, что Британия была частью этого древнего континента: “*To Britain's shore once came the giants and, afterwards, those who escaped from the deluge of Atlantis. Their great truths must never be forsaken*” (Acroyd, 1993, с. 66). Таким образом, Питер Акرويد в романе описывает не только известные исторические события, но и мифические легенды, расширяя хронологию и данные о происхождении Британии, что, в свою очередь, тесно связано с содержанием понятия национальной идентичности.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что в художественных постмодернистских текстах меняются традиционные представления о национальной принадлежности человека, разрушаются стереотипы и подвергаются сомнению устоявшиеся идеи о национальной идентичности. Несмотря на разнообразие подходов к представлению национальной идентичности, в постмодернистских романах прослеживается тенденция к подчеркиванию динамичности, подвижности и многомерности этого понятия в современном мире.

Художественные тексты эпохи постмодернизма позволяют переосмыслить традиционные ценности и предлагают новые интерпретации устоявшихся национальных картин мира, отказываясь от принятых стандартов и норм. Сочетание литературных приемов и языковых средств, отражающих в текстах романов концептуализацию национального, позволяет убедить читателей в необходимости быть открытыми к вариативности и интерпретации, что позволяет задуматься о структуре, значениях и смысле национальной идентичности в контексте постмодернистской культуры.

Литература

1. Acroyd P. The House of Doctor Dee. L. : Hamish Hamilton, 1993.
2. Асташкина П. Г. Язык медиа и национальная идентичность: русско-немецкие параллели : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2019.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.

4. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
5. Лаппо М. А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009.
6. Мосягина М. С. Национальная идентичность и ее вербальное отражение в англоязычном медиадискурсе // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2020. 26 (2). С. 169–175.
7. Писаренко Н. В. Идентичность в аспекте коммуникации: теоретические подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2005.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007.
9. Резанова З. И. Языковая картина мира: взгляд на явление сквозь призму термина-метафоры // Картина мира: Модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» / под общ. ред. проф. З. И. Резановой. Томск, 2002. С. 28–34.
10. Стернин И. А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. ; посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 257.

В. А. Маслова

*Витебский государственный
университет им. П. М. Машерова
(Витебск, Белоруссия)*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье исследуется разновидность идентичности личности – региональная идентичность, формирование данного понятия в науке относят ко второй половине XX века. Цель – проследить влияние региональной поэзии на формирование региональной идентичности в коммуникативном пространстве региона.

Ключевые слова: идентичность, регион, поэзия, региональная идентичность.

Как известно, глобализация размывает этнические, национальные религиозные границы. Влияние глобализации в области языка и культуры привели к кризису учения о национальной идентичности и самой идентификации личности. Противостоять этому сможет идентификация себя с близкими по духу, языку, культуре, образу жизни, этническим и национальным, региональным признакам.

Цель нашего доклада – проследить влияние региональной поэзии на формирование региональной идентичности в коммуникативном пространстве региона.

Проблема идентификации особенно актуальна сейчас – в контексте витруализации коммуникативного пространства, когда ломаются традиционные механизмы социализации личности, стираются границы виртуальной и реальной коммуникации. Именно вербальная коммуникация делает человека человеком, ибо язык – видоспецифическая характеристика человека.

Каждый регион имеет свою историю, является полиэтничным, а народы его населяющие, часто не могут себя идентифицировать. Термин *идентичность* происходит от латинского слова, в переводе означающего «отождествление». Нас интересует прежде всего самоотождествление личности с некоторой социальной, национальной, региональной группой. Причем, эта личность – поэт региона, в языке которого – особый колорит, обилие региональной безэквивалентной лексики, региональных ономастических единиц и т. д.

Если формирование национальной идентичности относят ко 2-й половине XIX века, когда национальная принадлежность становится основной характеристикой для объединения в государства, то понятие региональной идентичности еще моложе, т. к. само понятие региона пришло ближе к концу XX века. Почему так важна именно региональная идентичность? Существует мнение, что национальная (а, возможно, и региональная) культура важнее общечеловеческой: «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в каком-то своем качестве восходящая до общечеловечности» (Бердяев Н. А., 2004, 138). Но национальная культура также неоднородна: в каждом пограничном регионе свой фольклор, свои обряды и обычаи. Есть такая русская поговорка «*Что не город, то норы*». Даже праздники, идущие еще от язычества, празднуются в разных регионах по-разному. Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

На сегодняшний день существуют разные концепции идентичности в различных науках – философии, психологии, лингвистике. Человек относит себя через сравнение с другими людьми региона к определенной этнической, социальной, политической группе. В современных исследованиях различают *идентичность* как состояние и *идентификацию* как процесс (Теркулов В. И., 2003).

При региональной идентичности некоторая совокупность людей отождествляет себя с социальной группой себе подобных и связывает это с определенным административным делением – регионом. Они создают таким образом надындивидуальную общность.

Мы существуем в рамках парадигмы «человек – среда – культура». Отсюда следует, что региональная языковая личность основана на ре-

гионально маркированных знаниях, ценностях, представлениях, которые репрезентированы различными языковыми средствами. В коммуникации региональная языковая личность реализует свое коммуникативное намерение в соответствии с принятыми в данном социуме правилами и нормами общения. Но важны не только нормы, но и обычаи и культурные традиции и символы, а также сведения о реальных артефактах (замках, крепостях, храмах и др.), о природных объектах (реках, озерах, заповедниках), и знания прецедентных в регионе имен собственных – антропонимов, топонимов, гидронимов и т. д. (Славянские..., 2017).

Когнитивной базой формирования региональной идентичности можно считать, в первую очередь, язык. Язык рассматривается как лингвокультурный феномен, как выразитель национальной и региональной культуры. Т. И. Вендина справедливо утверждает, что именно региональное слово менее других подвергается иностранному влиянию, а потому сохранило свою самобытность (Вендина Т. И., 2020).

Регион – многозначный термин, мы используем лишь значение «территория», но и здесь единства: это и несколько районов, и несколько областей, и несколько стран (Тихоокеанский регион). В русской культуре, в отличие от белорусской, складывается следующая картина.

Близкими по значению слову *регион* будут нейтральные – *провинция, периферия, край, территория, земля и др.*; разговорные – *глухомань, глушь, глубинка, дыра, захолустье, Кукуевск, Тьмутаракань* и др.; жаргонные единицы – *Мухосранск, Зажопинск, Пындровка* и др. Широко бытуют в лингвокультуре такие фразеологизмы: *Медвежий угол* – полное захолустье; *Куда Макар телят не гонял*; *За тридевять земель*; *К черту на рога*; *На край света* – очень далеко; *У черта на куличках (к чёрту на кулички)* – в глухом месте.

В белорусской лингвокультуре такого разнообразия синонимов для названия региона нет, как нет и слов с негативной коннотацией для названия региона. Например, *глухомань* – в Витебском регионе – это глухой человек (Рэгіянальны..., 2012, 67). Связано это с тем, что белорусы особенно трепетно относятся к «малой» родине: *Кожнаму свой куток мiлы. Радзіма – матка, чужына – мачыха*. Наша региональная поэзия и на русском, и на белорусском языках пропитана любовью к родному краю. Покажем это далее на примере рек. Как известно, для региональной языковой личности «свои» имена имеют большее значение, чем имена с национальным или даже мировым авторитетом, поэтому региональные имена сопровождаются разными позитивными эмоциями, вызванными эпитетами, сравнениями, метафорами. Так, река Днепр протекает по Смоленскому региону России, по Витебскому, Могилевскому, Гомельскому регионам Белоруссии и по Украине и впадает в Черное море. Ее восприятие в региональной поэзии позволяет выявить региональное видение. В результате когнитивной деятельности челове-

ка с рекой связывают различные смыслы – *кормилица, защитница, объединительница живущих вдоль ее берегов народов*. Река всегда культурно нагруженная когнитивная структура: в поэтическом дискурсе Витебщины река Двина *мудра и опытна, знает ответы на многие вопросы, всегда поймет и выслушает*. Такой она предстает в творчестве витебского поэта Юлии Сенченко: *Улетают все печали прочь, / Я тебе одной открою душу...*

Анализ стихов региональных поэтов позволил выделить ряд культурно-значимых признаков, которые связаны со стереотипами и образами регионального языкового сознания: *река светлая, красивая, она заступница, близкая подруга и родная витеблянам, как мать* (Славянские..., 2017).

Таким образом, в творчестве регионального поэта дано, казалось бы, представлено личностное мировидение поэта. Но поэт, овладевая в детстве речевыми навыками, формирует у себя особое региональное и национальное мировидение (картину мира). Поэт живет в особой среде – в конкретном регионе – и осмысливает мир сквозь призму его языка и культуры эмоционально. В поэзии любого крупного регионального поэта много не только регионального, но и национального, а также общечеловеческого, наднационального, ведь поэзия не без основания считается древнейшим способом освобождения человеческого духа, являя собой духовную истину, наделенную поэтической энергией.

Литература

1. Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Судьба России. Кризис искусства. М., 2004. С. 101–109.
2. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. СПб. : Нестор-История, 2020.
3. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. Ч. 1.
4. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов : коллективная моногр. / под ред. В. А. Масловой, М. В. Пименовой. Мн. : УП «Энциклопедикс», 2017.
5. Теркулов В. И., Тамерьян Т. Ю. Языковая идентификация и идентичность // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 27–34.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТИЛИСТИКЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО РОМАНА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отражения английской национальной идентичности в тексте современного англоязычного постмодернистского романа Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» («*The French Lieutenant's Woman*», 1969). Особое внимание уделяется рассмотрению понятия «английскость» или «английская национальная идентичность». В статье представлена интерпретация особенностей стилистики текста изучаемого романа – стилистических приемов создания мифологизации викторианской эпохи – стилизации произведения Джона Фаулза под викторианский роман и наличия большого количества аллюзий и реминисценций на викторианские тексты в сочетании с ясной и нарочито концептуальной авторской позицией, «внешней» по отношению к изображаемому в тексте романа времени.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальный характер, «английскость», «английская национальная идентичность», «британскость», постмодернизм, стилистика текста, англоязычный постмодернистский роман.

Последние десятилетия прошлого века и начала века нынешнего отмечены интересом исследователей, принадлежащих многим современным научным дисциплинам, к проблеме национального, одной из наиболее актуальных и дискуссионных в современной гуманитарной науке. В контексте концепций национального, разрабатываемых в рамках философии, антропологии, этнографии, психологии, социологии, литературоведения, истории, политологии, лингвистики, данная проблема была описана во взаимосвязи с понятием национального характера, теоретическую базу изучения которого заложил в XVIII веке философ Шотландского Просвещения Дэвид Юм, и понятием национальной идентичности, утвердившимся в XX веке.

В связи с сопряженностью в социокультурном контексте понятия идентичности с принадлежностью индивидуума коллективу, в современном научном контексте представлены различные виды идентичности: политическая, национальная, культурная, субкультурная, гендерная и другие в зависимости от типа коллектива. Кроме того, в межкультурном сообществе актуальной является также проблема самоидентичности или самоидентификации (Петракова, 2017), преимущественно для многих мультикультурных стран, включая Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Вопросы национальной идентичности, проявляющей себя на уровне индивидуального чувства национальной принадлежности и на уровне идентичности коллективного целого по отношению подобным ему другим, в современном научном контексте изучаются неотрывно от постмодернистского гуманитарного знания и содержания понятия «Englishness» («английскость»), либо понятия «English national identity» («английская национальная идентичность»), определяющих национальную идентичность англичан как народа или этнической группы, доминирующей в Англии. Вместе с тем, следует отметить, что рассматриваемое нами в данной работе понятие «Englishness» («английскость») в настоящее время не получило своего четкого определения ввиду исторической изменчивости его содержания и широкого распространения в различных отраслях современных гуманитарных наук.

Многие исследователи при интерпретации понятия «английскость» непременно отмечают исторические аспекты развития данного термина, возникшего и оформившегося еще в XI веке (Петросова, 2005; Зинатулина, 2010; Когут, 2020, с. 38). Д. С. Когут проводит анализ развития понятия «английскость» в исторической перспективе с опорой на работы британских ученых. Так, ссылаясь на работу британского ученого Дж. Джиллингема (Gillingham, 2000), который в свою очередь основывается в своем исследовании на труды шести писателей XII столетия, автор статьи подтверждает важные факты развития описываемого понятия «английскость» или «английская национальная идентичность» на Британских островах. Таким образом, отражение английской национальной идентичности в текстах шести английских писателей того времени становится основанием для выводов британского ученого о формировании описываемого понятия в указанный период времени. Согласно выводам британского исследователя Дж. Джиллингема, к 1066 году англосаксы осмысляли себя в постоянном противопоставлении кельтам. Тем не менее, Нормандское завоевание объяснимо и ожидаемо стало причиной временного прерывания процесса развития национального самосознания англосаксов, и только в XII веке жители Британии снова стали ощущать себя «как некое единство» (Gillingham, 2000, p. 140).

Дальнейшее развитие понятия «английскость» связывается автором цитируемой нами статьи (Когут, 2020) с Новым временем, периодом расцвета британской империи, поскольку именно в этот период тесная взаимосвязь системы ценностей человека и его национальности стала аксиомой. В соответствии с выводами автора становление понятия «английскость», определяющего национальную идентичность англичан как народа или этнической группы, доминирующей в Англии, можно датировать Новым временем как факт «воплощения национальной идентичности, основанной на надэтнической общности» (Когут, 2020, с. 38).

Проблемы национального изучаются в настоящее время с позиции социополитического аспекта, культурологии, литературоведения, линг-

вистики и других гуманитарных дисциплин. Проблема «английскости» остается актуальной и является предметом изучения многих гуманитарных наук. Различные аспекты «английскости», или другими словами ощущения, понимания национальной идентичности как народа или доминирующей в Англии этнической группы исследуются зарубежными и отечественными исследователями в зависимости от их научных интересов и избранной методологии научных исследований.

В контексте социологии понятие «английскость» рассматривается как совокупность особенностей национального поведения, характера и образа мыслей (Hewitt, 1996; Langford, 2000). В литературоведении и лингвистике закономерно изучается концептосфера, объективирующая понятие «английскость» в языке и культуре. Известно, что английская концептосфера формировалась на протяжении столетий и включила в свой состав элементы, безусловно, связанные с культурами многих европейских народов. Теоретическое осмысление и изучение описываемого понятия на материале современной англоязычной литературы подводит отечественных исследователей к выводам о понимании «английскости» как макроконцепта национальной ментальности англичан, получившего проявление в художественной картине мира того или иного английского писателя. При этом ряд ученых справедливо отмечает, что «английскость» в литературном произведении может актуализировать национальную ментальность как «своего», так и «чужого» «Я» автора/героя (Меркулова, Сатюкова, 2010). Данное положение, на наш взгляд, перекликается с некоторыми постколониальными исследованиями проблемы национальной идентичности, в которых понятие «английскость» рассматривается авторами с точки зрения других наций, проживающих в Соединенном Королевстве (Gicandi, 1996).

Очевидно, учет фактора мультикультурализма как социально-философского феномена и общекультурной реальности, характерного для британской политики по интеграции инокультурных и иноконфессиональных иммигрантов в общество на протяжении длительного времени, подводит автора концепции (Когут, 2020) к рассмотрению понятия «английскость» как многоуровневого макроконцепта национальной концептосферы с определяющей трехчастной структурой, которая теоретически была обоснована академиком Ю. С. Степановым (Степанов, 2004, с. 53).

Согласно автору статьи, ядерное (базовое) значение макроконцепта «английскость» напрямую связано с устоявшимися в жизни англичан концептами (*home, freedom, privacy, common sense, gentleman, sense of charity, sense of justice, sense of humour, stiff upper lip, affection, heritage*). Автор справедливо отмечает, что восприятие данных устоявшихся концептов в современном мире становится значимой чертой для жителей Англии. Национальные меньшинства также приобщаются к преоблада-

нию данных концептов в их жизни, поскольку эти концепты являются основополагающими для современного английского быта. Смыслы, в полной мере приближенные к ядру (*private life, solidarity, good manners, tolerance, honesty*) формируют внутреннюю форму макроконцепта «английскость». Современные значения, включающие противопоставление концептов «британскость» и «английскость», «шотландскость» и «английскость», относятся к актуальному слою макроконцепта «английскость» (Когут, 2020, с. 42).

Данная концепция описания макроконцепта «английскость», разработанная отечественными литературоведами, на наш взгляд, соответствует нейтральному, официальному представлению содержания понятия «английскость», определяющего национальную идентичность англичан как народа или этнической группы, доминирующей в Англии. Тем не менее значимость и актуальность проблемы национального в английской литературе обусловлена многолетней разработкой понятия «английскость» в художественных концепциях многих английских авторов.

Проблема национального в английской литературе остается одной из наиболее значимых и разработанных в связи с тем, что уже в течение многих десятилетий описывается и разрабатывается понятие «английскость». Каждый из современных авторов представляет собственную концепцию содержания понятия, отражающую авторское мировосприятие и видение национальной идентичности англичан. Это авторское художественное видение национальной идентичности находит свое отражение в стилистике текстов английских авторов. Исследование творчества того или иного современного автора с позиции литературоведения или лингвистики может подвести нас к выводам об авторской концепции национального.

Изучение творческого наследия английского писателя Джона Фаулза, романиста, эссеиста, одного из выдающихся представителей постмодернизма в литературе, позволило литературоведу З. Р. Зиннатуллиной утверждать, что в своих произведениях постмодернистский писатель представляет новую оригинальную концепцию национального (Зиннатуллина, 2010). Значимой особенностью теории Джона Фаулза, представленной в публицистике и «Дневниках», является исключение из понятия «английскость» имперской составляющей и определение ее через понятие «британскость», входящее в актуальный слой макроконцепта «английскость» (Когут, 2020). На основе этой авторской, писательской версии понятия «английскость» разрабатывается художественная концепция, в формировании которой значимую роль играют такие составляющие, как национальный характер, образ национального мира и национальный миф.

Роман Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» («*The French Lieutenant's Woman*», 1969) справедливо признается многими

британскими и зарубежными критиками лучшим произведением английского писателя-постмодерниста. Джон Фаулз создает с позиций XX века «викторианский роман», стремясь погрузить своих читателей в эпоху викторианской Англии 60-х годов XIX века. Эта цель автора определяется его намерением вникнуть в психологию людей описываемой им викторианской эпохи, которая оказала значительное влияние на последующее развитие английской истории, культуры, литературы, формирование особого английского культурного типа.

По мнению Т. Е. Красавченко, это стремление Джона Фаулза продиктовано тем, что в Англии XX века психология, представления о нравственности, характер культуры, литературы во многом формировались как реакция, т. е. усвоение и отрицание, преодоление именно викторианского склада сознания, викторианских этических представлений, канонов общественного бытия. Фаулз хочет понять викторианский век, то, как сформировались англичане, какова их национальная природа, каков путь к настоящему (Красавченко, 1990, 141).

В викторианском романе «Женщина французского лейтенанта» Джон Фаулз представляет свою концепцию английского национального характера, которая основывается на авторском изучении воздействия исторических изменений на черты людей. Реализация авторской концепции английского национального характера осуществляется на различных уровнях. Согласно З. Р. Зиннатуллиной, данный роман становится наиболее прямой реализацией концепции, которая была представлена автором в статье «Быть англичанином или британцем». В этой статье оппозиция английскость/британскость, где с британскостью связаны отрицательные коннотации, описана наиболее прямо (Зиннатуллина, 2010). Исследуемая Джоном Фаулзом национальная идентичность англичан, изучаемый им национальный характер находят свое отражение в стилистике текста современного постмодернистского англоязычного романа «Женщина французского лейтенанта» («The French Lieutenant's Woman»). На основе концептуализации национального характера и национального хронотопа автором создается национальный миф, важной составляющей которого становится мифологизация национальной истории.

Следует отметить, что под стилистикой текста имеется ввиду область филологического знания, которая исследует текст в стилистическом аспекте в соответствии с требованиями и законами стиля и сферы общения. Стилистика текста как особое направление филологии была разработана и описана в монографии В. В. Одинцова (Одинцов, 1980). Автор монографии подчеркивал своеобразие стилистики речи в анализе текстовых структур и текстовой организации. Стилистика текста трактовалась автором основополагающей работы в области филологического знания как часть стилистики речи, к данной области филологии

В. В. Одинцов относил изучение структурных принципов текста и конструктивных приемов.

В рамках современной стилистики текста выделяются три направления – стилистика декодирования (Арнольд, 1974, 1980), функциональная стилистика (Кожина, 1993) и коммуникативная стилистика текста (Болотнова, 2009). Современная стилистика текста ориентирована на структурно-смысловую ее организацию и интерпретацию. Исследовательский акцент обращен на стилистический узус и его проекцию на смысловое развертывание текста, его композицию, текстовые категории.

Стилистика текста романа «Женщина французского лейтенанта» строится на мифологизации викторианской эпохи. Постмодернистский автор разрушает основные мифы, которые относятся к данному периоду истории Англии, и представляет свое авторское видение жизни людей в XIX веке.

Особая функция в романе отведена эпиграфам – каждую главу предвосхищает один или два эпиграфа, большая часть которых заимствована из произведений современников королевы Виктории. Взаимоотношения эпиграфов и текстов глав романа "Женщина французского лейтенанта" очень разнообразны и во многих случаях связаны со сверхзадачей автора, которая, по мнению И. В. Арнольд и Н. Я. Дьяконовой, состоит в том, чтобы объяснить факторы, определяющие становление личности и ее зависимость от эпохи (Арнольд, Дьяконова, 1985, 396).

Джон Фаулз рассматривает викторианскую эпоху как определенную социокультурную систему, предписывающую человеку жесткий набор норм поведения и способов моделирования действительности. По мнению писателя и в его изображении, отмечает А. К. Долинин, эта система имеет репрессивный характер: она подавляет живые человеческие чувства, ставит вне закона страсть и воображение, накладывает строгие ограничения на межличностные отношения, устанавливает ложную иерархию моральных ценностей, в которой ложно понятый долг считается главной добродетелью, и строго карает тех, кто осмеливается нарушить хотя бы одно из ее многочисленных табу. Люди, опутанные сетью запретов, приличий, правил этикета, начинают бояться самих себя; их представления о мире искажены, уродливы; они вынуждены лгать, лицемерить, играть, прятаться за фасадом благопристойности (Долинин, 1985, 11). Цитаты в эпиграфах к главам романа, привлекаемые автором для подтверждения своих выводов, дают ключ не только к отдельным эпизодам и образам, но и к авторской художественной концепции викторианского общества.

Обратимся к примеру. Главу 4 романа предваряют два эпиграфа, один из которых заимствован из сентиментальной поэмы «Хозяйка замка Лагарэ» популярной в 60-е годы девятнадцатого века английской поэтессы и романистки Каролины Нортон:

*What's Done, is what remains! Ah, blessed they
Who leave completed tasks of love to stay
And answer mutely for them, being dead,
Life was not purposeless, though Life be fled.*

Mrs Norton, The Lady of La Garaye (1863) (F. L. W., 21)

Второй эпиграф представляет собой цитату из работы «"Человеческие документы викторианского золотого века» Э. Ростона Пайка:

Most British families of the middle and upper classes lived above their own cesspool...

E. Royston Pike, Human Documents of the Victorian Golden Age. (F. L. W., 21).

Каждый из введенных в данный эпизод романа голосов создает собственный круг ассоциаций. Вместе с тем и голос поэтессы, воспевающей добродетели филантропов, и рассуждения Пайка о неудовлетворительном состоянии цивилизации в викторианскую эпоху иронично перекликаются с рассказом писателя о героине романа, ханже и лицемерке миссис Полтни, и под воздействием контекста главы переосмысливаются.

Популярная среди викторианцев поэма К. Нортон «Хозяйка замка Лагарэ» повествовала о супруге французского аристократа, ставшей известной благодаря совершенному ею акту благотворительности – открытию больницы для бедных. С авторской характеристикой тусклого дарования поэтессы (*Inspid her verse is...*), ее личности и биографии читатель встретится в главе 16 романа. Здесь же он узнает о высокой оценке поэмы критиками – современниками К. Нортон в престижном "Эдинбургском обозрении": *The poem is a pure, tender, touching tale of pain, sorrow, love, duty, piety and death (F. L. W., 100).*

Таким образом, в число совершенств, приписанных викторианцами этой «чистой, нежной, трогательной истории», входят основные викторианские добродетели – чувство долга и благочестие. В нарративной части главы 4 Фаулз вступает в диалог с Каролиной Нортон, воспевающей филантропов и обещающей им возблагодарение в их будущей жизни после смерти. Цитируя текст викторианской культуры, писатель воссоздает с его помощью картину мира викторианцев и в то же время оспаривает в своем рассказе ее истинность. Следующее за эпиграфами повествование Джона Фаулза о ханже и садистке миссис Полтни, набожность которой так же фальшива, как и все ее существование, является иллюстрацией одной из основных мыслей романа о ложно понятом викторианцами чувстве долга, о его тирании. Так, вынесенная в эпиграф к главе цитата, в поэтической форме декларирующая понятие о долге современников Нортон, становится средством воплощения иронии Фаулза, его полемической рефлексии. Включенная в новый контекст и помещенная в иную структурную позицию цитата приобретает

дополнительный, модифицирующий смысл, обнажающий фальшивость и ложность воспеваемых Нортон добродетелей.

Таким образом, основными стилистическими средствами мифологизации в данном романе становятся стилизация произведения под викторианский роман и наличие большого количества аллюзий и реминисценций на викторианские тексты в сочетании с ясной авторской позицией, «внешней» по отношению к изображаемому в тексте романа времени и нарочито концептуальной. Подобная стилистика текста значительно отличает настоящее постмодернистское произведение от исторического романа. Стилистические приемы позволяют читателю сравнить уже существующий в их сознании образ викторианской Англии с параллельно воссозданным в тексте романа авторским образом викторианской эпохи.

Литература

1. Anthony Smith. 'Set in the silver sea': English national identity and European integration. *Nations and Nationalism.*, 2016. 12. 433–452.
2. Gicandi S. *Maps of Englishness. Writing, Identity in the culture of colonialism.* N. Y. : Columbia University Press, 1996.
3. Gillingham J. *The English in the Twelfth Century: Imperialism, National Identity and Political Values.* Woodbridge : The Boydell Press, 2000. P. 140.
4. Hewitt K. *Understanding Britain.* M. : Perspective Publications, 1996.
5. John Robert Fowles. *French Lieutenant's Woman.* Back Bay Books; Vol. 1 edition, 1998.
6. Langford P. *Englishness Identified. Manners and Character 1650-1850* Oxford University Press, 2000.
7. Арнольд И. В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования // *Стилистика художественной речи.* Л., 1980. С. 3–11.
8. Арнольд И. В. *Стилистика декодирования.* Л., 1974.
9. Арнольд И. В., Дьяконова Н. Я. Авторский комментарий в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» // *Вестн. АН СССР. Сер. яз. и лит.* 1985. Т. 44. № 5. С. 393–405.
10. Болотнова Н. С. *Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус.* М. : Флинта: Наука, 2009.
11. Долинин А. К. Паломничество Чарльза Смитсона (О романе Джона Фаулза «Подруга французского лейтенанта») // *Подруга французского лейтенанта.* М. : Изд-во худ. лит., 1985. С. 3–18.
12. Зиннатуллина З. Р. «Английскость» и «британскость» в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» // *Вестн. Татарского гос. гуманитарно-пед. ун-та.* 2010. № 1 (19). С. 59–63.
13. Зиннатуллина З. Р. Художественная концепция национального в творчестве Джона Фаулза (на материале романов «Женщина француз-

ского лейтенанта», «Дэниел Мартин», «Червь») : автореф. дис. .. канд. филол. наук. Казань, 2012.

14. Когут Д. М. Определение «английскости» в современном литературоведении // Междунар. науч. журн. «Вестник науки». 2020. № 6 (27). Т. 4. № 6. С. 37–43.

15. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1993.

16. Красавченко Т. Н. Реальность, традиции, вымысел в современном английском романе // Современный роман: Опыт исследования. М. : Наука, 1990. С. 127–154.

17. Меркулова М. Г., Сатюкова Е. Г. «Английскость» в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия // Гуманитарные исследования. Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет». 2010. № 4 (36). С. 7–18.

18. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980.

19. Петракова А. С. Исследование проблемы идентификации и самоидентификации личности в коммуникативном подходе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 112–116.

20. Петросова У. Г. Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе (Г. Свифт, П. Акройд) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

21. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академ. проект, 2004. С. 42–67.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Ю. Н. Антюфеева

*Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные аспекты изучения иностранного языка в школе, непосредственно связанные с формированием национальной идентичности, а также преимущества интегрированного предметно-языкового обучения, как эффективного инструмента, способствующего успешному процессу национальной самоидентификации учащихся.

Ключевые слова: национальная идентичность, иностранный язык, интегрированное предметно-языковое обучение.

Изучение языка и, в том числе, нового иностранного языка представляется своего рода всеобъемлющим опытом, который затрагивает все аспекты развития молодого поколения, включая физический, когнитивный и эмоциональный. Обретая этот нелегкий опыт, учащиеся колеблются, с одной стороны, между восприятием себя как носителя своего родного (первого) языка и, с другой стороны, осознанием себя личностью, изучающей второй (иностраный) язык. Следовательно, формирование национальной идентичности через использование языка является постоянным, непрерывным и динамичным процессом.

Исследования, проводимые в рамках различных дисциплин, лишь подтверждают тот факт, что изучение языков и конструирование идентичности учащихся тесно взаимосвязаны. Многие ученые также пришли к выводу о том, что данные процессы неразделимы (Edwards J., 2009).

Кроме того, предполагается, что язык играет центральную роль в познании человека не только потому, что он способствует формированию его идентичности, но и сам формируется под влиянием последней.

В данной статье нами предпринята попытка рассмотреть факторы, влияющие на восприятие и переосмысление идентичности учащихся, в контексте изучения второго иностранного (английского) языка в сред-

ней общеобразовательной школе. В целом исследователи наблюдают положительные тенденции в попытках учащихся интегрироваться в английскую культуру, поскольку они начинают изучать английский язык в раннем возрасте (а именно 8–9 лет), когда культурная идентичность учеников еще не сформирована и дети открыты получению новых знаний (Norton B., 2009). Учитывая психолого-педагогические особенности данного возраста, отметим, что роль учителя, в данном случае, огромна, поскольку ему открыты широкие возможности по воспитанию национальной идентичности, культуры, патриотизма и нравственных качеств учащихся.

В современном мире в условиях мультикультурной среды учащимся важно быть готовыми к познанию и осмыслению реалий иноязычной культуры. В данном контексте ключевой задачей изучения иностранного языка в школе является мотивация к личностной и профессиональной самореализации учащихся. В свою очередь, овладение иноязычной коммуникативной компетенцией будет способствовать процессу национальной самоидентификации и развитию поликультурной личности. Для достижения данной цели, мы полагаем, самым эффективным инструментом станет интегрированное предметно-языковое обучение (CLIL).

Преимущества данного обучения, прежде всего связаны с языком и его культурными аспектами, поскольку, именно, культура представляет собой некую форму знаний, язык же, являясь неотъемлемой частью культуры, способствует формированию национальной идентичности человека (включая ее культурный, исторический, идеологический аспекты) (Crystal D., 2003). Понятие идентичность – очень изменчиво и неоднозначно, в этой связи, достаточно сложно дать ему устойчивое определение, тем не менее, интегрированное предметно-языковое обучение может стать весьма перспективным в этом отношении.

Следует отметить, что учащиеся считают данное формат обучения интересным и мотивирующим, отмечается: улучшение словарного запаса изучаемого языка; разговорных навыков; более основательное изучение грамматических реалий; разнообразие тематики; расширение знаний по таким предметам как история и литература, кроме того, мотивирование учащихся к чтению.

Интегрированное предметно-языковое обучение способствует развитию также и культурной идентичности, повышает уровень социальной мобильности в современном обществе, подверженном процессу мировой глобализации в целом. В рамках данного обучения через знакомство с культурой другой страны и участия в непрерывной коммуникативной практике на уроках иностранного языка, учащиеся смогут развить в себе качества интегрированной личности с мультикультурной системой знаний, навыков, ценностей и социального опыта.

Таким образом, изучение иноязычной культуры будет побуждать учащихся задуматься о родной культуре, и наоборот – понимание и осо-

знание родной культуры будет способствовать пониманию иностранной культуры, такой своего рода культурный обмен информацией. Построенный поликультурный и билингвальный диалог, сформирует у личности соответствующие системы познания, ценностей и мышления, спроецированные на систему национальной самоидентификации. Изучение иностранного языка (английского) положительно влияет на формирование идентичности учащихся и язык, в данном контексте может выступать в качестве сильного мотиватора в процессе обучения в школе в целом.

Следовательно, изучение иностранного языка не препятствует процессам формирования национальной идентичности учащихся. Вместе с тем опыт межкультурной коммуникации и двуязычная компетенция могут способствовать актуализации национальной идентичности. Степень же влияния данных факторов на формирование национальной идентичности может стать вполне перспективным направлением исследований.

Литература

1. Edwards J. Language and identity: An introduction. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. P. 314.

2. Crystal D. English as a global language. N. Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 229.

3. Norton B. Identity: Second language. In J. L. Mey (Ed.), Concise encyclopedia of pragmatics. Oxford, UK: Elsevier, 2009. P. 358–364.

Л. И. Богданова

*Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

РУССКИЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Аннотация. В статье рассматривается формирование национально-культурной идентичности молодёжи на основе деятельно-ценностного подхода к языку, который даёт возможность выявлять национально-культурные смыслы, в имплицитном и эксплицитном виде отражённые языком. Речевая деятельность, связанная с умением понимать и создавать тексты, позволяет не только изучить лингвистические механизмы интерпретации и порождения речевых произведений, но и овладеть способами извлечения национально-культурной информации из текстов, что способствует формированию национально-культурной идентичности.

---

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ключевые слова: русский язык, культурные ценности, национально-культурная идентичность, понимание и порождение текстов, культурная информация.

В современную эпоху проблема изучения русского языка как носителя ценностей и российской ментальности приобретает новое звучание.

Согласно исследованиям экспертов (Индекс, 2023), позиция русского языка в мире за 2023 год, по сравнению с предыдущими выпусками Индекса (2020, 2022), снизилась: он занимает в рейтинге языков по количеству говорящих 9-е место в мире, однако сохраняет за собой 5-е место по глобальной конкурентоспособности. Эти факты красноречиво говорят о том, что обучение русскому языку и как родному, и как неродному, и как иностранному должно быть в центре внимания российского общества. Необходимо учитывать, что знание любого языка, в том числе и родного, включает в себя два основных сформированных умения: 1) умение точно понять содержание услышанного или прочитанного текста, выделив в нём объективное содержание и субъективные смыслы; 2) умение создать собственный текст, адекватно отражающий цель автора, его ценностные установки, а также учитывающий особенности адресата и условий общения (Милославский И. Г., 2015). Подход к изучению языка как деятельности даёт возможность рассмотреть многие актуальные вопросы современной общественной жизни, находясь в позиции человека, осознающего ценностные векторы развития общества и отражающего их в своей речевой деятельности.

Одной из основных потребностей человека, безусловно, можно считать его способность отождествлять себя с определённой культурой, традициями, ценностями, социальными группами, находясь во взаимодействии с социумом, с окружающим миром. Идентичность, понимаемая как чувство собственной истинности, полноценности и одновременно как чувство единства с другими людьми, является не только фундаментом любой личности, но и может служить показателем ее психосоциального благополучия, жизненной успешности, личностной реализованности (Эриксон Э., 2006). Родной язык не может не быть основой формирования личности. Известно, что при утрате возможности говорить на родном языке человек в значительной мере ощущает свою неполноценность, чуждость другим людям, всему окружающему миру, что приводит к депрессии. В этом плане показателен пример из Национального корпуса русского языка: *На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности. Мы утрачиваем способность шутить, иронизировать* (Сергей Довлатов. Заповедник, 1983) (НКРЯ). Язык в его деятельностном, активном понимании формирует культурную идентичность, которая, в свою очередь, формирует отношение человека к другим людям, к самому себе, к миру в целом.

Основная роль в формировании культурной идентичности у представителей нового поколения традиционно отводится социальным инс-

титутам: семье, учреждениям образования и культуры, СМИ и др. Ценность образования заключается в том, что оно является одним из надёжных способов передать будущим поколениям идею человечности, составляющей глубинное ядро культуры, транслировать понимание смысла человеческой жизни, осуществлять культурную трансмиссию (Богданова Л. И., 2022). Идею ценностного подхода к образованию связывают с гуманистической парадигмой, для которой характерны принципы равенства, партнёрства, диалогизма в духе идей М. М. Бахтина (Бахтин М. М., 1986).

Формирование культурной идентичности – сложный и противоречивый процесс, особенно в многонациональном государстве (Национально-культурная идентичность, 2015). Российская Федерация с этнолингвистической точки зрения представляет собой сложный, многослойный полиэтничный феномен (Языковая политика, 2015, 7). Для современного этапа формирования идентичности важно отметить повышение информирующего характера ценностной функции языка. Национальные ценности и их ранжирование особенно ярко проявляются при контакте, а иногда и при столкновении культур. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне.

Специфически русскими чертами многие исследователи считают *правду и искренность*. Русский «разговор по душам» характеризуется *искренностью, теплотой, сердечностью, прямоотой*. В рамках русской культуры *прямота* ценится высоко, считается положительным качеством. В словарях *прямой* толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’ (СОШ, 2000). Однако с позиций другой культуры это качество может оцениваться и как отрицательное. В процессе обучения важно обратить внимание студентов на различную иерархию ценностей в разных типах культуры, на национально-специфический характер ценностей. Например, быть эмоциональным в сознании русских людей – это положительное качество. Ср.: *Приходили Толя Якобсон с женой. Толя – чистый, совестливый, очень эмоциональный человек. Прелестная натура* (Давид Самойлов. Поденные записи, 1962) (НКРЯ). Русское прилагательное *эмоциональный* нередко употребляется в контекстах с явной положительной оценкой: <...> *яркий, эмоциональный, со страстной музыкой, вдохновенно поставленный режиссером спектакль, который меня восхитил* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты, 2004) (НКРЯ). В то же время известно, что в сознании англичан эмоциональность – это отрицательная черта. Истинный джентльмен должен скрывать свои чувства, и даже скорбь по умершим близким людям неприлично обнаруживать публично.

Культурная идентичность вырастает из коммуникации, формируется в обмене мнениями, в общении. *Общение*, являющееся большой цен-

ностью для русских, существенным образом отличается от *коммуникации*, обладая при этом и комплексом сходных с ней характеристик. Эквивалентная замена этих слов возможна в следующих высказываниях и словосочетаниях: *Язык – средство общения / коммуникации; невербальное общение / невербальная коммуникация; деловое общение / деловая коммуникация* и др. Однако различия выявляются даже на уровне словарных дефиниций. Ср.: *общение* – ‘взаимные сношения, деловая или дружеская связь’; *коммуникация* (во втором значении) – ‘сообщение, общение (книжн.)’ (СОШ, 2000). Как видно из толкований, *общение* может предполагать ‘дружескую связь’, а *коммуникация* не содержит этого компонента значения, поэтому мы говорим: *тесное, дружеское, теплое, искреннее общение*, а **искренняя коммуникация, *дружеская коммуникация* или **тесная, теплая коммуникация* не могут считаться корректными сочетаниями слов.

Особая, ценностная роль тесной связи людей в русской культуре обнаруживается и в анализе других слов. Интерес на занятиях по русскому языку вызывает анализ внутренней формы ряда устойчивых выражений с этим значением, например, таких как *узы брака, узы любви*.

Согласно словарю М. Фасмера, *уза* – ‘то, что связывает’, по происхождению восходит к словам *узел, вязать*; в древнерусском языке *уза* (оуза) – это ‘оковы’ (Фасмер М., 2004). В метафорическом плане слово *узы* постепенно стало обозначать тесную, нерушимую связь: *Я был привязан к моим знакомым не только душевными, но и сердечными узами...* (И. А. Гончаров. Лихая болезнь, 1938) (НКРЯ). В современном русском языке это слово представлено в двух значениях: *Узы* – 1. ‘Оковы, кандалы’ (устар.). *Узы рабства*. 2. Перен. ‘То, что связывает, соединяет’ (высок.). *Узы брака. Узы дружбы, любви. Братские узы* (СОШ, 2000). Идея связи и совместной деятельности заложена и в словах *супруг, супруга, супружество*. Согласно этимологическому словарю (Фасмер М., 2004), происхождение этих слов (от глагола *съпрягти*) связано с упряжкой (парная упряжка), поэтому *супруги* понимаются как соединённые, сопряжённые прочной связью воедино муж и жена, что передаёт культурную ценность, постепенно трансформирующуюся.

Значения слов с их ассоциативным национально-культурным компонентом реализуются в тексте. Чтение и порождение текстов является важнейшим фактором формирования российской идентичности, устойчивой практики сохранения и развития культуры. В контексте современных вызовов, обусловленных как падением интереса к чтению, так и стремительным развитием интернет-культуры, роль осознанного, глубокого чтения постепенно повышается. Способность понимать и создавать тексты различной сложности не является врождённой. «Умение строить тексты в соответствии с заданной ситуацией и адекватно декодировать поступающие извне тексты является результатом целенаправ-

ленных усилий активной языковой личности» [Богданова Л. И., 2014, 11]. Формирование текстовой компетенции, связанной с пониманием и порождением текстов, предполагает несколько этапов. На начальном этапе необходимо осознать текстовые функции лексики, получить знания о том, каким образом слово способно обогащать текст своими потенциальными смыслами. При обучении текстовой деятельности важным является формирование умений отличать субъективную информацию от объективной. На последующих этапах необходимым является анализ структуры текста, внутритекстовых связей, типологии текстов. Особую значимость приобретает изучение вопросов, связанных с триадой «автор – текст – читатель», проблемы понимания и интерпретации высказываний и текстовых фрагментов, диалогичность текста. Построение текста в соответствии с замыслом говорящего – сложная и неоднозначная задача. Чтобы построить полноценный текст, необходимо тонкое знание языка и его стилистики, лингвокультурных опор, составляющих его когнитивную базу, прецедентных текстов, а также необходимо умение правильно кодировать и декодировать эмотивный дискурс. Успешная текстовая деятельность невозможна без овладения набором средств жанрово-стилистической реализации текста. Обучение текстовой деятельности примечательно ещё и тем, что даёт преподавателю ключ к пониманию запросов и устремлений современного студента, способствует гармонизации межличностных отношений (Богданова Л. И., 2014).

В этой связи считаем необходимым включение в университетские учебные программы предметов, способных обучать дискурсивной деятельности, вырастающей из умения читать, анализировать, интерпретировать и создавать тексты. Подход к формированию национально-культурной идентичности, представленный в данной статье, реализован на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова в рабочих программах следующих дисциплин: «Язык как медиатор национально-культурных ценностей» (для учащихся магистерской программы «Коммуникативные коды в современном межкультурном пространстве»), «Русский язык как культурная ценность» (для учащихся отделения магистратуры «Русский и французский языки и культуры»), «Теория и практика создания текстов» (для учащихся магистратуры по направлению «Прикладная культурология», программа «Культурное наследие в современном информационном пространстве»), «Русские культурные концепты» (для учащихся магистратуры по направлению «Лингвистика», курс по выбору).

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986.

2. Богданова Л. И. Формирование текстовой компетенции в процессе рецепции и продукции текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2014. № 1. С. 11–19.
3. Богданова Л. И. Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2022. № 2. С. 9–19.
4. Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс) Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 3 / авт.-сост. А. Л. Арефьев, В. А. Жильцов, С. Ю. Камышева, Т. В. Нестерова, А. А. Филиппова; под ред. С. Ю. Камышевой. М. : Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2023.
5. Милославский И. Г. Русский язык на каждый день и навсегда. М. : КДУ, 2015.
6. Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. СПб. : Алтейя, 2015.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorgo.ru
8. СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2000.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. М. : АСТ, 2004. 4-е изд.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006.
11. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М. : Азбуковник, 2015.

Ю. А. Васильева

*Астраханский государственный
университет им. В. Н. Татищева
(Астрахань, Россия)*

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ШКОЛЕ *

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы формирования речевой толерантности в условиях поликультурной образовательной среды. Рассмотрены основные направления этой работы в процессе освоения учащимися программы по русскому языку на уровне основного общего образования.

---

* При финансовой поддержке РНФ и Министерства образования и науки Астраханской области в рамках научного проекта № 23-28-10019 «Концепция преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве Прикаспия» (2023–2024 гг.).

Ключевые слова: речевая толерантность, поликультурная школа, этнический стереотип, этнонимы.

Актуальность формирования речевой толерантности учащихся в поликультурном образовательном пространстве обусловлена нестабильностью в вопросах межэтнических отношений. Неустойчивость бесконфликтного межкультурного взаимодействия проявляется в наличии этнических стереотипов, коммуникативных барьеров, репрезентированных в формах речевой агрессии (словесных нападениях, тактиках отчуждения, манипулирования, стратегиях отрицания и негативной оценки). Вместе с этим именно в условиях поликультурной образовательной среды у молодого поколения формируется и развивается «объективное представление о многообразии мировых культур и культур России, их взаимовлиянии» (Гукаленко О. В., 2017), о способах продуктивного взаимодействия с представителями других этносов и культур.

Анализ коммуникативного поведения (норм и традиций общения) разных народов позволяет выявить коммуникативные признаки, соотносимые с принципами речевой толерантности: одни ориентируют этнический коллектив на толерантное коммуникативное поведение, другие, напротив, призывают к нетерпимости, а также допускают или прощают такую нетерпимость (Михайлова О. А., 2015, 41). Напряженность между коммуникантами может провоцироваться незнанием этикетных, конвенциональных норм и принципов общения, культурных стереотипов. На наш взгляд, именно существование этнических и речеповеденческих стереотипных представлений препятствует установлению бесконфликтных отношений между учащимися поликультурных школ. Этнические стереотипы, с одной стороны, облегчают коммуникацию в среде «своих», с другой стороны, становятся причиной интолерантной коммуникации.

Речевая толерантность как форма взаимодействия людей подразумевает учёт убеждений адресата, приемлемых для него норм и традиций общения, не допускает речевой агрессии и служит основой лингвистической компетенции. Важнейшая задача педагогов поликультурных школ – обучать коммуникативным стратегиям и тактикам толерантной коммуникации.

Основные направления этой работы сформулированы в планируемых результатах освоения программы по русскому языку на уровне основного общего образования. В результате изучения русского языка у учащихся должно быть сформировано представление о социальных нормах и правилах межличностных отношений, а также осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, формируемое в том числе на основе примеров из литературных произведений, написанных на русском языке.

Поскольку мы рассматриваем этнолингвистический аспект речевой толерантности, обозначенные направления работы педагогов считаем

целесообразным реализовать в рамках раздела «Общие сведения о языке» рабочей программы по русскому языку для 5–9 классов. Отметим особенности моделирования содержания обучения при планировании уроков.

В процессе изучения темы «Язык как развивающееся явление» в седьмом классе будет уместно обратиться к вопросам взаимовлияния языков: рассказать учащимся о многоязычии современного общества, обогащении словарного фонда за счёт заимствованных слов, о торговых, военных, политических связях России с другими государствами, которые привели к языковым заимствованиям. Важно продемонстрировать учащимся, что многие заимствованные слова вошли в число общеупотребительных и уже не воспринимаются как иноязычные: например, слова *сахар*, *свёкла*, *баня* и другие, воспринимаются как исконно русские, хотя они были заимствованы из греческого языка. То же относится к распространённым в нашей стране мужским и женским именам: Александр, Андрей, Евгений, Екатерина, Николай, София, Ирина и многие другие также имеют греческое происхождение.

Заимствованную лексику для работы на уроках можно распределить по тематическим группам, например, предложить учащимся составить «Кулинарный словарь» с названиями любимых блюд и сделать предположения о происхождении вошедших в него слов: *пирог*, *арбуз*, *сосиски*, *плов*, *балык*, *лаваш*, *квас*, *лазанья*, *суп*, *лапша*, *пахлава*, *кисель*, *пицца*, *пельмени*, *халва*, *паштет*, *котлета*, *колбаса*, *макароны*, *шашлык*, *коврига*, *манты*, *лимон*, *чай* и др. Далее учитель говорит, из каких языков были заимствованы эти слова и поясняет, что в процессе употребления большая часть их подверглась влиянию заимствующего языка. Национальная самобытность русского языка не пострадала от проникновения в него слов иноязычных, так как заимствование – вполне закономерный путь обогащения любого языка. Например, тюркизмы (а тюркские языки включают казахский, татарский, и азербайджанский, узбекский, туркменский и другие языки народов России) стали названиями блюд и кулинарных изделий всех основных семантических подгрупп (первых и вторых блюд, напитков, сладостей, закусок).

Система упражнений с заимствованной лексикой может строиться на обнаружении иноязычных слов в читаемых текстах и объяснении их лексического значения. Познавательный интерес учащихся будет стимулировать сопоставление значений заимствованных слов в период вхождения в русский язык и в современном русском языке. Некоторые из таких лексем приобрели новые значения или оттенки значения, словообразовательные способности, а также стилевые характеристики.

Задание. Сравните значение слова «калым» в романе М.Ю. Лермонтова и газете «Аргументы и факты». Как оно изменилось? Образуйте от него производные слова и сравните их значения.

Я знаю, что год тому назад она ему больно нравилась – он мне сам говорил, – и если б надеялся собрать порядочный калым, то верно бы посватался... [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)].

Подросток признаётся, что это не первый его побег. Он уже сбегал из интерната. Тогда мальчик ходил по домам и просил «калым». Кому яму выкопать нужно было, кому что-то перенести, – рассказывает Рома. – Так и зарабатывал на жизнь» (Аргументы и факты. 29.01.2014).

Работая над формированием представления о российской гражданской идентичности в поликультурном обществе, можно предложить различные виды работы с этнонимами. Использование наименований этнических групп в качестве языкового материала на уроках даст учащимся сформировать представление о нациях и народностях многонациональной России. Для уроков русского языка можно отбирать как отдельные слова-этнонимы (в зависимости от национального состава учебного коллектива), так и тексты, включающие этнические названия. Например, в пятом или шестом классах проводим выборочный диктант: учитель перечисляет названия разных народов, а учащимся нужно записать в тетрадь известные. Затем проводится проверка с комментированием. Другой вид работы с лексемами этой группы – составление словарика этнонимов с их пояснением, например: «ингуши – народ, проживающий на Северном Кавказе».

Отметим, что этнонимы могут выступать языковым материалом на уроках русского языка уже в начальной школе, например, при изучении тем «Род имени существительного», «Изменение имен существительных по числам». В качестве заданий учащимся предлагается образовать форму единственного числа мужского и женского рода от этнонимов *россияне, русские, татары, узбеки, казахи, башкиры, туркмены, дагестанцы, ингуши, чеченцы, калмыки* и т. д. При этом необходимо приводить минимальный контекст использования этнонимов, работать с небольшими текстами, содержащими сведения о местах проживания народностей, их традиционных занятиях, или включать в занятия просмотр мультипликационного сериала по мотивам сказок народов России «Гора самоцветов». Работая с текстом стихотворения Владимира Степанова «Российская семья», учащиеся получают задание назвать народность по короткой характеристике:

*Живут в России разные / Народы с давних пор.
Одним тайга по нраву, / Другим – степной простор.
У каждого народа / Язык свой и наряд.
Один черкеску носит, / Другой надел халат.
Один – рыбак с рожденья, / Другой – оленевод,
Один кумыс готовит, / Другой готовит мед.
Одним милее осень, / Другим милей весна.
А Родина Россия, / У нас у всех одна.*

В произведениях писателей XIX–XX вв. представлены этнонимы, называющие народы России. Фрагменты этих текстов можно использовать на уроках для комментированного чтения. Функции этнонимической лексики не ограничиваются созданием этнического колорита или репрезентацией национальной специфики. Этнонимы в художественном дискурсе создают впечатление единства, общности представителей разных культур. В качестве примера приведем отрывок рассказа А. П. Чехова «Убийство»: «С тех пор как он пожил в одной тюрьме вместе с людьми, пригнанными сюда с разных концов, – с русскими, хохлами, татарами, грузинами, китайцами, чухной, цыганами, евреями, и с тех пор, как прислушался к их разговорам, нагляделся на их страдания, он опять стал возноситься к богу, и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал».

Предлагаемые задания демонстрируют связь языков разных народов России и дают учащимся поликультурных школ возможность более ярко увидеть своеобразие родной и специфику других культур. Формирование речевой толерантности в многонациональных ученических коллективах – длительный процесс, подразумевающий системную работу и постоянную вовлеченность учителя.

Литература

1. Гукаленко О. В. Поликультурное образовательное пространство как среда обеспечения социально-педагогической безопасности молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27331> (дата обращения: 12.01.2024).

2. Корякина А. А. К вопросу о формировании толерантности в поликультурном образовательном пространстве // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-tolerantnosti-v-polikulturnom-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 10.01.2024).

3. Михайлова О. А. Лингвокультурологические аспекты толерантности : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.

4. Федеральная рабочая программа основного общего образования «Русский язык» (для 5–9 классов образовательных организаций). М., 2022.

О. В. Данич

*Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
(Витебск, Республика Беларусь)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИРОВАНИЕ СИМВОЛОВ БЕЛАРУСИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы формирования лингвокультурной грамотности детей младшего школьного возраста. В состав лингвокультурной грамотности включены фоновые культурные знания, ценностные ориентации, речевая культура. Материалом для формирования предлагаются символы как лингвокультурные единицы, а средством – учебный словарь.*

Ключевые слова: *символ, лингвокультурная грамотность, учебный словарь.*

Отправным тезисом нашего исследования будет ставшая аксиомой взаимосвязь и взаимовлияние языка и культуры, где человек будет «мерилом всех вещей»: языковых единиц и их смыслов, условий для реализации этих смыслов, элементов материальной и духовной культуры, существующих для человека «в теле» единиц языка и т. д. В нашем случае речь будет идти о национально окрашенном взаимовлиянии и взаимопроникновении языка и культуры, поскольку именно эта взаимосвязь оказывает серьезнейшее влияние на формирование человека определенной национальной культуры и, как обязательное, по нашему мнению, следствие, на формирование человека культуры вообще. В современной теории образования это качество человека принято называть общекультурной компетентностью.

Нет необходимости останавливаться на доказательстве очевидного падения уровня общей культуры, у детей, в первую очередь. Более важным нам представляется поиск наиболее эффективных путей решения этой проблемы, поскольку не владение близким для всего национально-го сообщества пластом культурных знаний делает зияющей пропасть между поколениями, ослабляет единство общества в целом.

В обширное понятие культурных знаний обычно включают и фоновые культурные знания, и систему нравственных ценностей, и правила речевого поведения и многое другое. Владение такими общими для подавляющего большинства знаниями, соответственно, составляет основу культурной грамотности (по терминологии необычайно популярного американского педагога и культуролога Э.-Д. Хирша – автора теории культурной грамотности). Ядром культурных знаний являются фо-

новые культурные знания как сведения универсального и национально-го характера, безусловно важные именно для данной нации. Эти общие знания позволяют представителям одного национального сообщества легко понимать друг друга с полуслова и эффективно взаимодействовать, чего не может в полной мере обеспечить владение одним языком.

Важнейшей частью фоновых культурных знаний являются символы. Самым распространенным является понимание символа как того, что служит условным знаком какого-либо понятия, явления, идеи (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999). В этом случае символ вторичен, поскольку появляется в рамках определенной культуры и детерминируется ее представителями. Кроме того, символ и сам – реалия культуры, духовной и материальной, и это подчеркивает его важность как средства присвоения человеком национальной культуры. В этом случае мы можем оперировать термином «символ культуры». Как пишет Г. В. Токарев, «...символы по своей природе относятся к натурфактам и артефактам. Первые представляют собой включенные в то или иное семиотическое пространство природные объекты.... Символы-артефакты созданы руками человека с опорой на различные языки культуры» (Токарев Г. В., 2021, 20).

Как уже говорилось выше, символы культуры являются обязательной и очень продуктивной частью фоновых культурных знаний, в частности, и культурной грамотности, в целом. По нашему мнению, более точным будет употребление термина «лингвокультурная грамотности», так как язык нации является одновременно и инструментом «присвоения» национальной культуры, в первую очередь, родной, и ее продуктом.

Поскольку предметом нашего научного интереса является организация процесса формирования лингвокультурной грамотности детей младшего школьного возраста, то основной проблемой становится разработка соответствующего научно-методического обеспечения. Одним из таких средств может стать учебный словарь лингвокультурной грамотности, созданный в русле лингвокультурологии. Такой словарь совмещает функции справочно-энциклопедической и собственно дидактической литературы, так как материал словарной статьи, помимо энциклопедических сведений, включает серию практических заданий, ориентированных на последовательное формирование устойчивых знаний о реалии национальной духовной или материальной культуры.

Продемонстрируем сказанное на примере фрагментов словарной статьи, посвященной одному из общеславянских символов – рубашке.

«Что же таит в себе слово, которым назван самый обычный предмет одежды? Посмотрим, что подскажет нам толковый словарь:

1. РУБАШКА, ж. р. (бел. кашуля, ж. р.) – это 1) одежда из легкой ткани для верхней части тела, употр. как принадлежность белья и как

верхняя одежда: *льняная рубашка, ночная рубашка, белая рубашка*; 2) цвет шерсти, масть животных (лошадей, собак): *у пса – белые пятна по серой рубашке, жеребец, рубашкой потемнее*; 3) обратная сторона игральной карты: *положили колоду карт рубашкой вверх*; 4) верхний, покрывающий слой: *рубашка луковицы, рубашка зерна*.

Если искать общее в нескольких значениях этого слова, то мы увидим – это роль рубашки. Она всегда прикрывает, защищает, находится очень близко к телу. Поэтому этот предмет одежды всегда был важен для человека.

История рубашки очень древняя: археологи считают, что первые рубахи из льна появились не менее пяти тысяч лет назад у египтян. Затем были греческие хитоны, туники римлян, которые и считаются предшественниками современных рубашек. Вначале это была только мужская одежда, чаще – нижнее белье, например, рыцари надевали их под железные доспехи.

Наши предки очень серьезно относились к рубашке. Они даже считали рубашку второй кожей человека, почти его двойником. Она всегда была надета на ее владельце, и поэтому она могла сыграть огромное значение в его судьбе. Ношеную рубашку нельзя было продавать, чтобы не продать свое счастье. Младенца после рождения могли заворачивать в рубаху отца или самой старой женщины в роду, чтобы ребенку передались здоровье и долголетие. Лечебной силой обладала свадебная рубашка жениха или невесты.

Мы видим, что для наших предков – древних славян – рубашка была связана с достатком, богатством: остаться без рубашки означало стать нищим. Целебная, защитная сила рубашки могла сделать человека удачливым, счастливым от рождения, могла уберечь от беды. Поэтому воины перед решающим сражением надевали чистое белье.

И сегодня перед важным событием люди переодеваются во все чистое, чтобы чистыми и светлыми были и душа, и мысли.

– Что общего в значении слова «рубашка»? Найдите в первом абзаце текста два слова-глагола, которые называют роль рубашки.

Подсказка: слова-глаголы отвечают на вопрос – Что делает предмет?

– Как назывались предшественники рубашки у древних народов?

– Что, в представлении наших предков, нельзя было делать с рубашкой и почему?

– Какой обычай, связанный с рубашкой, сохранился до наших дней?

– Какой рисунок находится не на своем месте? Почему? Какое место он должен занимать?

Подсказка: нужно обратить внимание на историю возникновения такого предмета одежды, как рубашка.

2. С рубашкой связано много пословиц и поговорок.

Голосиста птичка, да грязна рубашка; ныне гуляшки и завтра гуляшки – будешь без рубашки; по Ивашке и рубашка; своя рубашка ближе к телу; с миру по нитке – голому рубаха; у кого – соболя шуба, а у кого – холщовая рубаха; какова пряжа, такова на ней и рубаха.

– Значение каких пословиц и поговорок вам непонятно?

Подсказка: обратитесь за помощью к учителю или дополнительному источнику информации (интернет-источникам, словарям и др.).

– Какую из пословиц иллюстрирует этот рисунок? Действие, которое обозначает эта пословица, является правильным или нет? Почему?

– Назовите две пословицы из перечисленных, которые связаны с трудолюбием и бездельем.

3. Рубашка присутствует в устойчивых выражениях (фразеологизмах).

Родиться в рубашке; последнюю рубаху снимают; отдать последнюю рубашку; рубаха-парень; без рубашки оставить; остаться в одной рубашке.

– Какой из данных фразеологизмов близок по значению к выражению *родиться под счастливой звездой*?

Подсказка: «родился под счастливой звездой» говорят про удачливого во всем, счастливого человека.

– Какой из этих фразеологизмов связан с понятием «бескорыстная помощь людям»?

Подсказка: бескорыстная – это значит, ничего не требующая взамен.

– Какие из фразеологизмов являются противоположными по значению к выражению, о котором шла речь в предыдущем вопросе?

4. В Ассоциативном словаре мы можем выделить такие самые частые реакции на слово «рубашка»:

Белая, в клетку, тело, мужская, новая, одежда, шелковая, голубая, к телу, своя.

– Попробуйте угадать, с какой из пословиц, перечисленных в задании 2, связано сразу несколько слов-реакций?

– С каким из 4-х значений слова *рубашка* связано большинство слов-реакций?

– Постройте свой ассоциативный ряд к слову *рубашка* (4–5 слов).

5. От слова *рубашка* можно образовать такие слова, как *рубашечка*, *рубашонка*, *рубашечный*. Однокоренным также является слово *рубах*.

– Какие из перечисленных однокоренных слов встречаются в составе пословиц, поговорок, фразеологизмов из заданий 2 и 3?

– Назовите предметы на картинках, используя подходящие слова из ряда однокоренных.

– Слова могут обозначать предметы, признаки предметов и их действия. Что обозначают перечисленные выше однокоренные слова?

6. Для находчивых и любознательных.

– Попробуйте определить, как произошло слово *рубашка*. Как называется словарь, который сможет вам помочь?

Подсказка: наука, которая занимается выяснением происхождения слов, называется «этимология». Значит, такой словарь называется...» (Данич О. В., 2023, 103–106).

Контент данной словарной статьи построен на реализации основных признаков символа *рубашка* как квазисимвола (вида лингвокультурных единиц), демонстрируя прецедентность его семантики, семантическую многослойность, образность и оценочность (Токарев Г. В., 2021, 30).

Источниками для подбора символов или квазисимволов, входящих в лексикографическое поле «белорусская лингвокультура», послужили тематические словари, учебно-программная документация учреждений общего среднего образования и медиа-ресурсы, ориентированные на детей выбранной нами возрастной группы. Так, символами-натурфактами стали *Беловежская пуца*, *аист*, *василек*, озеро *Нарочь*, артефактами – *Брестская крепость*, *дерево*, *дом*, *книга*, *мост*, *нить*.

Таким образом, культурные символы являются частью важнейших для носителя определенной лингвокультуры знаний, в первую очередь, детей младшего школьного возраста, а их лексикографирование в учебных словарях становится обязательным условием организации процесса формирования лингвокультурной грамотности в целом.

Литература

1. Данич О. В. Учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999.

3. Токарев Г. В. Лингвокультурный симболярий: квазисимволы : моногр. Тула : ТППО, 2021.

УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема формирования гражданской идентичности. Русский язык и литература – это учебные дисциплины, помогающие формировать высокую познавательную активность и обеспечивающие предметную основу гражданской идентичности личности.

Ключевые слова: язык, патриотизм, краеведение, гражданская идентичность.

В настоящее время обсуждение вопросов, которые связаны с формированием гражданской идентичности, становится актуальным. Главная задача современной российской школы, которая обеспечивает социокультурную модернизацию общества, – воспитание законопослушного гражданина страны. Интеллектуальная, гражданская, духовная и культурная жизнь детей и подростков сосредоточена именно в школе. Существует несколько причин, согласно которым уделяется пристальное внимание проблеме формирования гражданской идентичности. Среди этих причин можно выделить глобализацию и расширение межличностных и межгрупповых контактов, а также изменчивость и неопределенность социальной ситуации развития детей и подростков (Степанова Е. А., 2015, 107–110).

Проблема гражданской идентичности становится наиболее актуальной для молодого поколения, так как процесс становления идентичности совпадает с процессом социализации личности. Поэтому возникает необходимость изучать культурно-историческое прошлое своей страны и народа, чтобы потом сформировать способность целенаправленно конструировать своё будущее. И естественно, что русский язык и литература являются теми школьными дисциплинами, которые помогут обеспечить предметную основу гражданской идентичности личности.

Именно русский язык и литература ориентируют школьников на духовно-нравственное общекультурное наследие русского народа, выступая как часть историко-культурной и литературной традиции. Мирозрение и систему общекультурных ценностей помогают формировать литературные произведения. Эти школьные дисциплины, основанные на толерантности, создают необходимые условия для подготовки личности к продуктивному диалогу в поликультурном социуме.

Высокой познавательной ценностью обладает русский язык как учебный предмет, помогающий детям осмыслить общечеловеческие

ценности, направлен на воспитание патриотически настроенной личности. К. Д. Ушинский говорил: «Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка... Таков этот великий народный педагог – родное слово» (Ушинский К. Д., 1968, 89).

В каждом классе необходимо вести планомерную работу по формированию патриотизма. Однако это будет зависеть не только от общего уровня подготовки школьников, но и специфики программного материала и межпредметных и метапредметных связей.

Любовь к своей стране, преданность народу и Родине, осознанное желание и готовность встать на защиту Отечества по примеру своих предков – это основные воспитательные принципы гражданской идентичности. А правильно подобранный дидактический материал поможет учителю и детям выявить эти принципы и проанализировать конкретные ситуации через определение основной мысли текста, выявление проблемы текста. Главное, не забывать акцентировать внимание на тех чувствах и мыслях, которые помогают формировать патриотизм и гражданственность.

Огромную роль в формировании гражданской идентичности играет работа со словарями. Можно проанализировать словарные статьи со словами «патриот», «патриотизм», «Отечество». Также написать сочинение-миниатюру или сочинение-рассуждение на тему «Герой нашего времени: кто он?», «Кого я считаю истинным патриотом».

Уроки литературы также обладают большим воспитательным потенциалом по формированию гражданской идентичности, так как это единственный предмет, который обращён не только к уму человека, но и к его сердцу. При работе по формированию патриотического воспитания необходимо также использовать возможности внеурочной деятельности через краеведческую работу. Краеведение – это огромный воспитательный пласт, так как уважение к старшим и гордость за свою страну строится на конкретной исторической основе. Именно знания о своей малой Родине помогают сформировать любовь к Отечеству, бережное отношение к природе и всему тому, что нам досталось от предшествующих поколений.

Литература

1. Степанова Е. А. Формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и литературы // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Самара, август 2015 г.). Самара : Изд-во «АСГАРД», 2015. С. 107–110. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/202/8594/> (дата обращения: 08.01.2024).
2. Ушинский К. Д. Родное слово : кн. для учащихся // Избранные педагогические произведения. М. : Просвещение, 1968. С. 89–151.

**СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ
ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ***

***Аннотация.** В статье раскрываются возможности регионализации учебного процесса по русскому языку в образовательных учреждениях Мурманской области. Описаны некоторые методические рекомендации к проведению регионально ориентированных уроков. Приведен фрагмент учебного занятия по лингвокраеведению.*

***Ключевые слова:** лингвокраеведение, регионально ориентированные уроки, регионализация лингвистического образования, региональный компонент, языковая специфика региона.*

На современном этапе развития лингвистического образования одним из важных требований к профессиональной подготовке преподавателей русского языка является умение вести работу по формированию речевой культуры обучающихся с учетом различий местной и национальной языковой нормы; проявлять позитивное отношение к языковым явлениям, отражающим культурно-исторические особенности развития региона, и знакомить с ними школьников и студентов.

Для нашего региона знание и понимание стереотипов поведения народов, живущих на одной или близких территориях, представляется особенно важным, так как, являясь моноязычным, Кольский Север все же поликультурен и на коммуникативное поведение населяющих его народов не могут не влиять национальные традиции. Основными составляющими культуры Кольского Заполярья являются, помимо русской культуры большинства населения, саамская культура коренного народа полуострова и поморская культура, отражающая традиции старожильческого населения края (Бурцева А. А., 2011, 106). В данной статье раскроем некоторые возможности изучения в образовательных учреждениях Мурманской области языковой специфики региона.

Региональный компонент по русскому языку, который был детально разработан учеными-методистами еще в 90-х годах XX века (Коренева Л. А., 1995), обычно реализуется путем проведения лингвокраеведческих занятий, которые позволяют расширить у обучающихся знания о языке Кольского края, обогащают лексический запас, учат правильно писать, произносить и употреблять регионально маркированную лексику, дают информацию о разных сторонах жизни северян, прибли-

---

* Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №122061400030-3.

жают к пониманию культуры Мурманской области. Регионально ориентированные занятия проводятся в разных формах: активно используются игры, экскурсии в музеи, интегрированные занятия, на которых язык края изучается во взаимосвязи с литературой, историей, географией, изобразительным искусством и музыкой Кольского Севера. Особое внимание уделяется использованию заданий исследовательского характера (сбор и первичная обработка местного языкового материала, лингвистический анализ текста, лингвистический эксперимент, разработка проектов и т. д.).

При подготовке преподавателям помогает методическая литература по региональному компоненту, например, учебно-методическое пособие «Уроки по лингвистическому краеведению» (Коренева Л. А., 2005), которое состоит из трех разделов:

1. «Некоторые теоретические вопросы содержания и методики проведения уроков по лингвокраеведению».

2. «Примерные варианты лингвокраеведческих уроков».

3. «Примерные варианты уроков по развитию речи».

Такая структура объясняется тем, что для эффективного проведения регионально ориентированных учебных занятий преподавателю необходимы специальные знания по проблеме регионализации лингвистического образования. Поэтому в книге сначала предложены статьи, в которых рассматриваются теоретические вопросы, а затем предлагаются занятия, иллюстрирующие эти положения.

Приведем фрагмент лингвокраеведческого урока на тему «В мире северной лексики и фразеологии», проведенного в форме игры-соревнования. Урок предназначен для того, чтобы сформировать у учеников представление о богатстве и неповторимости словесного облика Кольского Севера; углубить знания по лексике и фразеологии Мурманской области; развивать и закреплять навыки работы со справочной литературой и региональными словарями.

Организационная работа

1. Выбор жюри, ведущего.

2. Формирование 2 команд (примерные названия: «Поездники» (ловцы рыбы), «Зуйки» (мальчики, помогающие взрослым на промысле)).

3. Объяснение условий игры.

Ход урока

1. Вступительное слово ведущего о богатстве и неповторимости словесного облика Кольского Севера.

2. Знакомство команд с этапами игры и заданиями.

3. Примерные этапы игры:

- 1) конкурс «Раскрой тайну фразеологизма». Команды объясняют значение фразеологизмов, например: полуночная страна – Кольская земля; морская душа – ласковое название тельняшки; вознять ветрило –

поднять парус; большой угол – передний угол в избе; ветреный гость – приезжий человек; мертвый якорь – постоянное пристанище; кость заморская – клыки мертвых животных; растянуть каньги (обувь из оленей кожи) – протянуть ноги, умереть;

2) конкурс «Лингвистическая смекалка».

Задание 1. В финском языке есть наименования, которые буквально переводятся так: рот бутылки, спина книги, глаз иглы, ухо чашки, корень носа, глазное яйцо. Какие языковые образы используют русские, чтобы назвать те же части бутылки, книги, иглы, чашки, носа и глаза? Можно ли назвать подобные сочетания слов фразеологизмами? Аргументируйте свой ответ.

Задание 2. В русском языке и финском есть выражение умыть руки в значении «отказываться от участия в чем-либо, устраняться от ответственности». Можно ли утверждать, что финны заимствовали русский фразеологизм? Аргументируйте свой ответ;

3) конкурс «Кто больше назовет».

Задание: привести пословицы, поговорки, загадки, отражающие особенности природы, климата, культуры и быта поморов. Побеждает группа, которая назвала большее количество.

Например, первая группа называет реку Варзуга, а вторая группа: «Семга глаз не выколет», «мелка рыбка, да лучше щей»;

4) конкурс «Путешествие по карте Мурманской области».

Задание 1. Найдите на карте Мурманской области ойконимы (первая группа) и гидронимы (вторая группа). Объясните их происхождение.

Задание 2. Используя книгу А. Минкина «Топонимы Мурманска» (она есть у каждой команды), как можно быстрее найдите и озвучьте все версии о происхождении названия города Кола.

В книге три версии: от слова кол – рыболовное сооружение для лова семги; одно из первых сооружений в поселении – острог, который был огорожен кольями; от саамского Кульйок – рыбная река (кул по-саамски – рыба, а отсюда и город Кола и Кольский полуостров, что значит Рыбный).

Задание 3. Перечислите как можно больше особенностей города Мурманска.

Возможные ответы: областной центр, столица Заполярья; самый крупный город за Полярным кругом; самый крупный незамерзающий порт; самый старый город Заполярья (с 1916 года); город-герой (в годы войны не был захвачен немцами); город рыбаков.

Задание 4. Определите, каким способом образовано слово Мурманск. Вспомните и запишите названия городов и поселков Мурманской области, образованных таким же способом (Мончегорск, Оленегорск, Североморск, Кировск, Снежногорск и др.);

5) лингвистический аукцион «Краеведческая арифметика» и «Арт-галерея».

Задание 1. Вспомните реалии Мурманска, в состав названий которых входит числительное, например, остановка «Пять углов», гостиница «69-я параллель», остановка «Три ручья». Приведите примеры фразеологизмов, пословиц, поговорок, в которых встречаются те же числительные, например, «знать как свои пять пальцев» и т. д.

Задание 2. Приведите примеры топонимов, в состав которых входит название цвета или оттенка цвета (например, Краснощелье, Белокаменка, Белое море, мыс Зеленый, п. Зеленоборский, озеро Жемчужное).

5. Подведение итогов игры. Награждение победителей и номинантов.

Педагогический опыт преподавателей русского языка в Мурманской области подтверждает мысль о том, что проведение регионально ориентированных занятий по лингвистическому краеведению «направлено не только на расширение и углубление знаний о родном языке, но в большей мере – на развитие личности, на воспитание ученика как гражданина, патриота своего Отечества» (Новикова Т. Ф., Корнейко Е. А., 2015, 98).

Литература

1. Бурцева А. В. Диалог культур в образовательном пространстве Кольского Севера. Мурманск : МГГУ, 2011.

2. Коренева Л. А. Национально-региональный компонент предмета «Русский язык» в школе : (содержание, пути реализации) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995.

3. Коренева Л. А. и др. Уроки по лингвистическому краеведению : учеб.-метод. пособие для учителей-словесников, слушателей системы повышения квалификации. Мурманск : НИЦ «Пазори», 2005.

4. Новикова Т. Ф., Корнейко Е. А. Особенности регионально ориентированной методической системы преподавания русского языка // Уч. зап. Забайкальского гос. ун-та. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2015. № 6 (65). С. 90–99.

М. Л. Лаптева
*Астраханский государственный
университет имени В. Н. Татищева
(Астрахань, Россия)*

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ШКОЛЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности моделирования направленного на формирование национальной идентичности содержания уроков по «Родному (русскому) языку». Предлагаются задания для следующих тем: «Образное слово как воплощение особенностей национальной культуры», «Заимствованная лексика» и «Национально-культурное своеобразие фразеологии».

Ключевые слова: национальная идентичность, родной язык, поликультурная школа.

Одними из задач, которые ставятся и решаются в рамках дисциплины «Родной язык (русский)», являются такие, как воспитание уважительного отношения к культурам и языкам народов России и овладение культурой межнационального общения.

В формулировках планируемых личностных результатов, которых должен достичь учащийся, осваивая данный курс, встречаем понятие о российской гражданской идентичности и идентичности человека с российской многонациональной культурой, которая, безусловно, невозможна без осознания этнической принадлежности, знания истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества, т. е. без национальной идентичности.

Решение поставленных задач становится особенно значимым в школах с многонациональным составом учащихся, которых на территории г. Астрахани и Астраханской области насчитывается достаточно большое количество. Численность нерусских по национальности учащихся в некоторых школах превышает численность русских.

В настоящее время мы говорим о необходимости разработки для подобного поликультурного образовательного пространства особого содержания обучения межкультурной коммуникации с учетом сохранения национальной идентичности, совершенствования у обучающихся компетенций в области межнационального общения и развитие их речевой толерантности.

На наш взгляд, при наполнении занятий по родному языку конкретным содержанием учитель должен опираться на принцип контра-

---

* При финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Астраханской области в рамках научного проекта № 23-28-10019 «Концепция преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве Прикаспия» (2023–2024 г.).

тивного предъявления языкового материала, сопоставляя факты из истории и современного состояния русского языка с актуальными фактами из языков народов, представители которых обучаются в классе. Таким образом на уроке будет формироваться поликультурная обучающая среда, позволяющая всем учащимся почувствовать свою причастность к российскому многополярному миру.

Поскольку разработка такого полного курса требует больших затрат, в том числе и временных, и учителю вряд ли удастся в условиях отведенного учебного времени достичь всех поставленных задач, направление работы по формированию национальной идентичности как части идентичности себя с полиэтнической российской культурой можно реализовать в рамках такого раздела, как «Язык и культура», представленного в программах по родному языку для классов с пятого по девятый.

Обратим внимание на некоторые особенности моделирования содержания обучения при планировании уроков по следующим темам:

1. Образное слово как воплощение особенностей национальной культуры (5 класс).

Как образные слова на уроке родного языка рассматриваются не только крылатые слова (выражения), пословицы, поговорки, но и загадки.

Одним из методических решений для включения в процесс обучения загадок является сравнение загадок разных народов, посвященных одному предмету. Таким образом, обучающиеся впервые сталкиваются с особенностями национальных картин мира, отраженных в жанрах художественной словесности. При этом следует найти, прежде всего, такие образы, которые носят универсальный (общенациональный) характер. В качестве примера рассмотрим русские и туркменские загадки о небесных светилах – месяце, луне и звездах.

Сравним: русские загадки *Рассыпался горох на четырнадцать дорог. Голубое небо серебром усыпано* (Звезды) и туркменские *Видал я – в агиле спят / Много беленьких ягнят. / А когда настал рассвет, / Посмотрел – ягнят нет* (Звезды).

Или: *Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка. Собаки лают, а достать не могут* (Месяц) и *Раньше была похожа на серп немножко, А потом стала кругла, как лепешка* (Луна).

Учащимся предлагается разгадать эти загадки. Можно предупредить школьников, что отгадкой для нескольких загадок является одно и то же слово. Учитель обращается к классу с вопросами:

– По каким признакам вы решили, что речь идет о звездах (луне)?

– Какие из этих загадок – русские, какие – туркменские? Почему вы так думаете?

Обратим внимание на несовпадение образов, которые применяются к номинируемым объектам. В русских загадках, отгадкой для которых является слово «звезды», кодировка происходит через указание на такие

признаки, как форма (круглая форма гороха), цвет и сияние (серебро), множественность и способность раскатиться по поверхности (рассыпался, рассыпано), т. е. используются разнообразные метафорические образы, создающие единое представление о восходящих на небе звездах. В туркменской загадке используется актуальный для данного народа анималистический образ белых ягнят, спящих в агиле, где *агил* – экзотизм, номинирующий загон для ягнят. Заметим, что в целом животные образы не чужды традиционной картине мира русских. Ср.: *Два быка бодаются – вместе не сойдутся* (Небо и земля). *Белая кошка лезет в окошко* (Лучи солнца). *Махнула птица крылом, закрыла весь свет одним пером* (Ночь).

Описывая предмет по тем наблюдениям, которые содержатся в посвященных ему загадкам, учащиеся воссоздают свойственное народному сознанию видение предмета. Переводя учащихся в авторскую позицию, предлагаем каждому ребенку сочинить свою загадку об общем для всех предмете (например, о солнце), при этом расширяем художественное видение каждого ученика. Сравнение загадок, сочиненных детьми, выявляет разнообразие принадлежащих учащимся разных национальностей взглядов на знакомый предмет / явление природы.

2. Заимствованная лексика (6 класс).

Работа по ознакомлению с историей и этимологией слов может строиться на материале лексики тюркского происхождения. Согласно данным «Словаря тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой, их насчитывается порядка двух тысяч, многие из них являются обозначением устаревших понятий – названиями одежды, орудий, предметов быта, не используемых в современном русском языке. Более 500 лексем входит в круг употребительных, представляющих собой языковые единицы религиозного, правового, бытового содержания, давно ассимилированные русским языком. Для использования такой лексики в качестве дидактического материала ограничения отсутствуют. Предложим начать урок знакомства с иноязычными словами следующим образом.

Задание. Распределите данные слова по группам. Дайте каждой группе название.

Алыча, бирюза, лошадь, жемчуг, изюм, баклажан, ишак, бешбармак, изумруд, арбуз, кабан, бисер, алмаз, бык, собака.

– Какое из слов не вошло ни в одну группу? (*бешбармак*)

– Что оно обозначает?

– Какими словами можно дополнить группу с данным словом?

– Являются ли записанные слова собственно русскими?

– Как вы думаете, из какого языка (языков) они пришли в русский?

Далее учитель говорит о том, что все эти слова были заимствованы русским языком из тюркских языков, к которым относятся и казахский, и татарский, и азербайджанский, и узбекский, и туркменский, поэтому

звучание представленных слов на родном языке учащихся очень похоже на русское.

Для учителя является важным показать, как на уровне языка «работает» фактор объединения культур и народов, которые давно имели дипломатические и экономические связи. Известно, что впервые тюркизмы (татарские и турецкие слова) были зафиксированы в русском языке еще в XV–XVIII веках (Бурибаева М. А., 2013, 100).

3. Национально-культурное своеобразие фразеологии (6 класс).

Формирование национальной идентичности на фоне российской гражданской идентичности не может проходить без обращения к национально-культурной семантике фразеологизмов, значения которых аккумулируют и во всем многообразии передают специфику внеязыковой действительности. При этом важно не только показать особенности мировидения русского народа, но и продемонстрировать связь языков разных народов, проявляющуюся в опосредованном отражении окружающего мира в слове. Для этого достаточно найти в сопоставляемых языках и культурах фразеологизмы со схожим образным основанием. Обратимся к подобным примерам, взятым нами из русского и туркменского языков соответственно. Сравним:

Словно аршин проглотил (рус). – *агач ювудан ялы* (туркм.), где агач – «дерево»;

Стать притчей во языцех (рус). – *агза душмек* (туркм.), где агза – «рот»;

На вес золота (рус). – *гызылын аграмына ден* (туркм.);

Находить общий язык (рус). – *сезун алышмак* (туркм.);

Пускать пыль в глаза (рус). – *гөзе чөп атмак* (туркм.).

Сначала учащимся предлагаются русские фразеологизмы, уточняется, знают ли школьники, что они обозначают, в каких ситуациях их можно употребить, по отношению к кому или чему использовать. Безусловно, следует обратить внимание на лексический компонент «аршин» в первом фразеологизме *словно аршин проглотил*. Так, несмотря на его тюркское происхождение («аршин» заимствовано, по данным Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой, из татарского языка, где оно обозначало меру длины в 15 или 16 вершков (Шанский Н. М., 2004, 29), вряд ли его значение будет известно современным школьникам. Учитель обращается к классу с вопросом о том, почему для человека, который держится неестественно прямо, используется такое шутовское сравнение? Какие образы используются в туркменском языке? Проводится сравнение русского фразеологизма с туркменским, делается вывод о том, что и русские, и туркмены отзываются о человеке, имеющем такой внешний вид или скованном в поведении, неодобрительно, он кажется им непривлекательным.

В лингвострановедческом комментарии нуждается и фразеологизм *притча во языцех*, т. к. в его туркменском эквиваленте аналогом старо-

славянской формы местного падежа множественного числа существительного *язык* (в значении 'народ, племя') – *во языцех* – является общеупотребительная лексема *агза* – «рот».

Работая над развитием критического мышления, предлагаем задание творческого характера: составить из предложенных слов казахскую пословицу о дружбе, которая по смыслу была бы близка данной русской пословице.

1. *Дерево сильно корнями, а человек – друзьями.*

Птица, человек, сила, крылья, дружба.

Ответ: *Сила птицы – в крыльях, сила человека – в дружбе.*

2. Друг познается в беде.

Цена, хлеб, голод, дружба, беда, узнать.

Ответ: *Цену куска хлеба в голод узнаешь, цену настоящей дружбе в беде узнаешь.*

3. С кем поведешься – от того и наберешься.

Хороший, быть, дружить, глупый, путь, сбиться.

Ответ: *С хорошим дружить – самому хорошему быть, с глупым водиться – с пути сбиться.*

Пословицы, образованные школьниками по ключевым словам, сравниваются с исходной формой паремий, определяется, удалось ли учащимся посмотреть на дружбу сквозь «культурные очки» казахов. Кроме того, проводится сравнительный анализ русских и казахских паремических образов, определяется, насколько они понятны. В межкультурном полилоге обязательно выслушивается точка зрения учащихся, являющихся представителями казахского народа.

Таким образом, подобные задания позволяют учителю на уроках родного языка планомерно решать задачу формирования этнической (национальной) идентичности учащихся в тесной связи с российской многонациональной культурой. Языковые средства в данном случае используются как аккумуляторы и трансляторы разных культур.

Литература

1. Бурибаева М. А. Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестн. ИГЛУ. 2013. № 1 (22). С. 99–105.

2. Каррыев Б. А. Туркменские пословицы, поговорки и загадки. Ашхабад : Сов. энциклопедия, 1981.

3. Примерная рабочая программа ООО «Родной язык (русский)» для 5–9 классов образовательных организаций. М., 2021.

4. Туркменско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова. М. : Сов. энциклопедия, 1968.

5. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. М. : Дрофа, 2004.

6. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976.

А. В. Макарова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ В ЦЕЛЯХ УТВЕРЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. В статье рассматривается возможность вынесения информации о истории развития русского языка в отдельный раздел в учебном пособии для школьников. Автор отмечает, что такое направление педагогической работы способствует развитию национального самосознания обучающегося.

Ключевые слова: язык, национальная идентичность, история русского языка, орфограмма, языковой процесс.

Язык и самосознание – идентичны. Язык способен также быть и органом коллективного сознания. Процесс говорения, факт понимания устройства родного языка (знание сущности законов словообразования, фонетики и т. д.) относят человека к определённому этносу. Однако не всегда человек осознанно владеет языком, для него достаточно понимания того, что он способен к коммуникации с окружающими. При этом может страдать речевая составляющая (лексика языка в высокой степени склонна к «загрязнению», вбирая в себя просторечия, мат, слэнг, заимствования). Язык же должен служить не только процессу коммуникации, но и осознанию того, почему человек является носителем именно этого языка, что связывает человека с действием языковых законов.

Процесс самоопределения, становления российской гражданской идентичности продолжается. Добавим к обстоятельствам самоопределения следующие – при всех трансформациях общее коммуникативное пространство в стране необходимо, в России оно есть и обеспечивается русским языком [Арутюнова Е. М., 2021, с. 10].

Сегодня общество прогрессирует (как положительно, так и отрицательно) в два раза быстрее, чем до XXI века, это обусловлено технической оснащённостью бытия. Как правило, технический процесс благоприятно воспринимается подростками и людьми зрелого возраста. Но если вторые дают рациональную рефлексию происходящего, грамотную оценку, то подростки к такому анализу продуктов технического прогресса ещё не готовы. Они используют технологии без сохранения опыта, прежде всего языкового. Так, сохранение национальной идентичности в скором будущем может подвергнуться угрозе.

Обоснование ценности родного языка – неотъемлемая часть преподавания языка. Обучающемуся важно глубоко понимать историю становления русского языка

Во многих школах используется учебно-методический комплекс Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и др. Определенная часть учебного материала данного комплекта посвящена и истории русского языка [Глухих Н. В., Миронова А. А., 2013, с. 2].

Задания данного учебного комплекса были типологизированы профессорами Челябинского государственного педагогического университета – Глухих Н. В. и Мироновой А. А.:

- 1) этимологический анализ слов;
- 2) задания историко-культурного плана;
- 3) лексико-семантическая характеристика единиц с точки зрения активного и пассивного словарного запаса;
- 4) анализ графики и её история;
- 5) историко-словообразовательный и историко-морфемный анализ слов;
- 6) историко-морфологический анализ слов;
- 7) экскурс в исторический синтаксис [Глухих Н. В., Миронова А. А., 2013, с. 2].

Но с целью формирования национальной идентичности, на наш взгляд, необходим специальный раздел в учебных пособиях, в котором задания соответствовали бы возрасту обучающегося.

Важно подвести к вопросу о том, как возник русский язык. И, конечно, начать с рассмотрения вопросов связи с индоевропейской общностью. Подобно тому, как дополняется информация по биографии писателя в каждом следующем классе в учебнике литературы, так можно и надстраивать историю развития русского языка.

Необходимым нам представляется кажется и момент соотнесения изучаемой орфограммы с определённым этапом в истории развития русского языка. Например, при изучении чередующихся корней в 5 классе.

Учебник 5 класса Ладыженской Т. А., Баранова М. Т. предлагает такое объяснение процесса чередования звуков: «При образовании и изменении слов может происходить замена одних звуков другими в одной и той же части слова. Чередуются гласные с гласными, согласные с согласными. Эту замену называют чередованием звуков». Для обучающихся информация проста и понятна. Но с частой вероятностью возникают вопросы «А почему?». У педагога есть возможность использовать разные методические материалы.

Например, решая учебную задачу по правописанию безударных проверяемых гласных в корне, необходимо подобрать проверочное слово. Вторая гласная слова «*берегите*» может быть проверена сильной позицией в слове «*беречь*». Обучающемуся важно подобрать именно однокоренное слово. У него должен возникнуть вопрос, почему произошла замена «*г*» на «*ч*». Необходимым представляется дать задание ми-

ни-исследовательского характера: *расскажите о возникновении исторического суффикса «ч».*

Также исследовать вопрос школьники могут в индивидуальном проекте. Гораздо продуктивнее обратиться к готовому тексту в учебном пособии с целью ответа на вопрос: *к какой эпохе принадлежит зарождение того или иного чередования, как объяснить этот процесс.* Такой процесс изучения русского языка дисциплинирует ум, воспитывает соотнесение себя с нацией.

Из-за отсутствия такой информационной базы в учебно-методических комплексах обучающиеся также не понимают обоснованности существования исключений из правил в русском языке.

Рациональным представляется подход к изучению русского языка, при котором обучающиеся узнают, какие изменения претерпел язык, кто внёс вклад в его развитие, а что наносит разрушение и вред. Продуктивной кажется разработка отдельного модуля учебно-методического комплекса, посвящённого истории становления и развития русского языка. Такое дополнение усилит образовательный эффект изучения русского языка, актуализирует связь с национальной идентичностью.

Литература

1. Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // СНИСП. 2021. № 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-rossiyskoy-identichnosti-teoreticheskie-podhody-i-aktualnyy-kontekst> (дата обращения: 29.01.2024).

2. Глухих Н. В., Миронова А. А. Комментирование фактов истории русского языка в школьном обучении // Вестн. ЮУрГГПУ. 2013. № 12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentirovanie-faktov-istorii-russkogo-yazyka-v-shkolnom-obuchenii> (дата обращения: 29.01.2024).

3. Кондаков Б. В., Назмутдинова С. С., Чугаева Т. Н. и др. Русский язык: история, цивилизация, культура // Вестн. Перм. федерал. исследовательского центра. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-istoriya-tsivilizatsiya-kultura> (дата обращения: 29.01.2024).

4. Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность // ОНВ. 2011. № 3 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-natsionalnaya-identichnost> (дата обращения: 29.01.2024).

5. Русский язык. 5 класс : учеб. для общеобразоват. организаций : в 2 ч. / авт. : Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. ; науч. ред. Н. М. Шанский. 6-е изд. М. : Просвещение, 2016. Ч. 2.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ В ИРАНСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В современном обществе, в котором наблюдается интенсивная мировая глобализация, укрепление международных и межкультурных связей, знание иностранного языка предполагает не только усвоение его грамматических и лексических норм, но и знакомство с национальной культурой страны изучаемого языка, поскольку именно в культуре народа накапливаются образ его мышления, особенности мировосприятия и исторического развития. На занятиях русского языка как иностранного в иранской аудитории студенты становятся участниками межкультурной коммуникации, успех которой зависит от понимания культуры русского народа.

Ключевые слова: культура, коммуникация, культурный барьер, социокультурный подход, коммуникативная компетенция.

На сегодняшний день, изучение русского языка предполагает не только усвоение иранскими студентами фонетических, лексических и грамматических норм данного языка, но и знание национальной культуры русского народа. Поскольку особенности исторического развития и мировосприятия, образ мышления народа отражаются в языке. Не зря говорят, что язык – это зеркало культуры. Язык – важная категория культуры, посредством которого формируется и выражается миропонимание человека. Язык является хранителем национальной культуры. Посредством языка человек общается с другими носителями этого языка. Можно сказать, что языковое общение – это своего рода путешествие, так как, общаясь с носителями русского языка иранские студенты открывают для себя новый мир, новые идеи, знакомятся с другой культурой и способами мышления, приобретают опыт, мотивацию для дальнейшего обучения русскому языку.

Совместное изучение культуры и языка восходит к концепциям В. Гумбольдта, суть которых сводится к связи обучения языку с обучением новому мировосприятию, характерному для носителя данного языка [Гумбольдт В., 1985].

Знакомство с миром другой культуры посредством изучаемого языка, способствует также развитию личности студентов, их познавательных способностей, расширяет кругозор, обеспечивает доступ к культурным ценностям новой страны, стимулирует их личностные качества [Игнатенко И. И., 2016]. Межкультурные и межъязыковые контакты способствуют обогащению языков новыми языковыми единицами и понятиями, в том числе лексическими и фразеологическими.

Как известно, русский язык является языком общения многих стран, также одним из шести официальных языков ООН. Иранские студенты, изучающие русский язык как иностранный должны быть готовы к межкультурной коммуникации и осознавать особенности мира изучаемого языка. Речь, письмо, язык жестов, голос – все перечисленное является средствами общения, которые, в свою очередь, определяют коммуникативное поведение. В разных культурах существуют свойственные только данной культуре правила общения, правила коммуникативного поведения [Яхьяева А. А., Куркаева А. Х., 2021, 70]. Успех такой коммуникации зависит от понимания культуры русского народа, незнание которого может привести к культурному барьеру, который, в свою очередь, неотделим от языкового барьера. «Языковые барьеры представляют собой абсолютные величины, культурные барьеры – относительные, но не менее сложные препятствия в коммуникации» [Комиссаров В. Н., 1999, 11].

В нашем случае, под культурой мы понимаем «не набор искусств (живопись, театр, архитектура и т. п.), а подразумеваем традиции, образ жизни, верования, идеологию, представление о мире, систему ценностей и т. д.» [Тер-Минасова С. Г., 2014, 36]. В своих многочисленных работах С. Г. Тер-Минасова пишет: «Иностранцам интересно общаться с нами, только если мы можем рассказать им об особенностях нашей страны, о нашей культуре, о том, кто мы такие и чем отличаемся от них» [Тер-Минасова С. Г., 2015, 26]. Именно все перечисленное вызывает интерес у иранских студентов, изучающих русский язык как иностранный в иранской аудитории, мотивирует их на занятиях, создает стимул для продолжения обучения в этой сфере.

На занятиях русского языка в Гилянском университете, учитывая отсутствие языковой среды, большое значение придается формированию у иранских студентов коммуникативной компетенции, составляющими которой являются социокультурный, лингвокультурный и страноведческий подходы к процессу обучения.

Социокультурный подход способствует формированию национальной идентичности студентов, так как состоит из коммуникативных задач национальной направленности. Воспитание национальной идентичности должно осуществляться через содержание изучаемого материала с применением разных форм работы, методов и приемов обучения. В данном подходе внимание уделяется личности как участнику межкультурного общения, обращаясь к «национально-культурному фону его родного окружения и к той роли, которую его опыт и представления, сформированные в его родной культуре, играют в процессе постижения иностранной культуры» [Кузьмина Л. Г., Кавнатская Е. В., 2001, 114]. В рамках данного подхода наиболее важным аспектом в процессе обучения русскому языку как иностранному являются индивидуальные

особенности восприятия инокультурных реалий или личный опыт взаимодействия с их носителями. Данный подход требует глубоких страноведческих исторических и современных познаний как родной культуры, так и культуры страны изучаемого языка.

В процессе обучения русскому языку как иностранному студенты сравнивают особенности национального характера иранцев и представителей страны изучаемого языка и таким образом, становятся участниками межкультурной коммуникации, высказывают, обосновывают и доказывают свои мнения по определенной теме. Весь процесс происходит путем сравнения и сопоставления родного персидского и изучаемого русского языков, а также иранской и русской культур. Межкультурная коммуникация рассматривается как общение языковых личностей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам. А готовность участников общения предполагает умение воспринимать различия их коммуникативного поведения и понимание культурной обусловленности данного явления.

Развитие коммуникативной компетенции иранских студентов в рамках лингвокультурного подхода, включает владение русским языком для общения на межкультурном уровне и умение взаимодействовать с представителями русской культуры. Данный подход к обучению помогает иранским студентам понимать культурные коды, которые скрыты в определенных языковых единицах. В лингвокультурном подходе язык изучается как предмет, хранящий национально-культурную специфику, а основным источником получения информации служит лексика. Сторонники данного подхода утверждают «необходимость более глубокого и тщательного проникновения в мир носителей языка и их культуры» [Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1980, 57], без которого изучение русского языка как иностранного является неполноценным. Иранские студенты должны знакомиться с языковыми единицами, наиболее ярко отражающими национальные особенности культуры русского народа: слова, обладающие национальным колоритом, фразеологизмы, пословицы и поговорки русского языка, учебные материалы, являющиеся образцами культурного наследия русского народа. Иранские студенты должны понимать в каких ситуациях общения можно использовать те или иные языковые единицы. Они должны овладеть навыками и умениями, которые позволят им практически пользоваться русским языком в ситуациях межкультурной коммуникации. Лингвокультурный компонент способствует синхронному развитию языковой, культуроведческой, коммуникативной, лингвистической компетенций с формированием ценностных ориентаций иранских студентов в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Страноведческий подход в обучении, в свою очередь, так же является одним из главных и необходимых при обучении русскому языку

как иностранному, особенно, если речь идет о процессе обучения в языковой среде. Использование страноведческого материала на занятиях по русскому языку в иранской аудитории способствует одновременному и взаимосвязанному развитию кругозора и лингвистической компетенции иранских студентов. Ценность страноведения состоит в том, что знакомство с культурой страны изучаемого языка происходит путем постоянного сравнения и оценки понятий со знаниями и понятиями о своей стране студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Страноведение – многогранный предмет, включающий в себя несколько сфер знаний. В данной языковой дисциплине можно выделить несколько аспектов:

1) учебный аспект: этот аспект подразумевает усвоение русского языка как межличностного общения, а также получения навыков самостоятельной работы в процессе развития уровня иноязычной культуры;

2) познавательный аспект: данный аспект является способом обогащения духовного мира личности и реализуется преимущественно на основе аудирования и чтения;

3) развивающий аспект: один из самых значимых, способствующий развитию речевых и психических функций, умению общаться;

4) воспитательный аспект: он включает в себя обучение иноязычной культуре, является средством всех сторон воспитания [Прудникова В. А., Гриценко А. А., 2014, 181]

Из всего вышесказанного следует, что в обучении русскому языку как иностранному в иранской аудитории, сложно следовать одному из подходов. В каждом из подходов как иллюстративный материал прослеживается культурологический компонент. Знакомство с русской культурой, ее познание должно присутствовать в контекстах изучаемого материала. Элементы культуроведческого и страноведческого материалов должны иметь место на каждом занятии по РКИ в иранской аудитории. Лекции преподавателя, доклады, презентации, выступления студентов, мультимедийные материалы, занятия с просмотром коротких фильмов о России и русских, конкурсы, соревнования, олимпиады, подготовленные преподавателем могут обеспечить полное погружение иранских студентов в русскую культуру и, тем самым, создать искусственную языковую среду и мотивировать студентов в процессе обучения.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / пер. с нем. языка. М. : Прогресс, 1985.

3. Игнатенко И. И. Проблемы формирования коммуникативной культуры личности // Преподаватель. 21 век. 2/2016. С. 66–67.

4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : курс лекций. Ч. 1. Общелингвистическое введение в переводоведение. Лекция № 1. Перевод как объект лингвистического исследования. М. : ЭТС, 1999.
5. Кузьмина Л. Г., Кавнатская Е. В. Современные культуроведческие подходы к обучению иностранным языкам // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. С. 108–117.
6. Прудникова В. А., Гриценко А. А. Страноведческий аспект в обучении английскому языку // Изв. МГТУ «МАМИ». 2014. № 4 (22). Т. 5. С. 179–181.
7. Тер-Минасова С. Г. Преподавание языков в современной России. Что впереди? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 31–41.
8. Тер-Минасова С. Г. Преподавание иностранных языков в современной России: Нужно подумать... // Иностранные языки в школе. 2015. № 11. С. 21–29.
9. Яхьяева А.А. Куркаева А.Х. Национально-культурная специфика коммуникативного поведения русских и чеченцев // Материалы 1-й Всерос. науч.-практ. конф. «Молодежь и наука: проблемы современной филологии и методики преподавания иностранных языков» (30 апреля 2021, г. Грозный). С. 69–72.

Г. Н. Мухарлямова, Д. М. Абдуллина
*Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)*

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ НОВЫХ УМК ПО РОДНОЙ (ТАТАРСКОЙ) ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Родная литература содержит в себе огромные возможности в плане воспитания и развития личности, поэтому является одним из основных учебных предметов в школе, формирующий духовный мир и нравственные ориентиры человека. Приобретение системных знаний на уроках родной литературы об истории, языке, культуре, мировоззрении, менталитете, философии своего народа обеспечивает условия для развития национального самосознания, осознания этнической принадлежности, формируя тем самым общероссийское гражданское сознание.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальная культура, этнокультурный компонент, родная литература, диалог этнокультур.

Чтение литературы, будучи сознательной творческой деятельностью, которая обеспечивает освоение идейно-нравственного содержания произведения, его эстетическое восприятие и, сближая к нравственным ценностям нации и человечества в целом, оказывает большое влияние и с воспитательной стороны. Всегда следует помнить, что основными задачами родной литературы как учебного предмета являются не только знакомство учащихся с историко-литературными сведениями и понятиями, ознакомление с текстами литературных произведений, формирование общих представлений об историко-литературном процессе, научение интерпретированию и оцениванию литературного произведения; но и, что очень важно, воспитание нравственно, эстетически и интеллектуально развитой личности, готовой к самосовершенствованию и самопознанию, способной к милосердию, сочувствию, осознающей грань между добром и злом, прекрасным и безобразным; формирование национального и общечеловеческого сознания, гражданской позиции, толерантного отношения к миру.

На уроках литературы ведется активное освоение передающихся из поколения в поколение исторического, культурного, нравственного и эстетического опыта, посредством знакомства с материальными и духовными ценностями народа. Таким образом, при изучении родной литературы у обучающихся происходит формирование культуроведческой компетенции, которая связана с осознанием родной литературы как части национальной культуры. «Через постижение литературы человек усваивает параметры своей культурной идентичности и вместе с осознанием органического единства родной литературы с общим литературным процессом и мировой художественной культурой – понимание не только своей этнокультурной особенности, но и общности» (Гогоберидзе Г. М., 1997, 9). В связи с этим учебные предметы «Литературное чтение на родном языке» и «Родная литература» считаются предметами этнокультурной направленности.

Одними из средств обучения, содержащие этнокультурный материал, являются школьные учебники, в том числе электронные, входящие в состав учебно-методических комплектов. Сегодня в Татарстане ведется разработка новых УМК, в свете изменений в системе обучения родным языкам и литературам. В частности, созданы УМК по литературному чтению на родном (татарском) языке, по родной (татарской) литературе для образовательных организаций, ведущих обучение на русском и татарском языках. Они разработаны в соответствии с требованиями обновленных ФГОС и на основании новых федеральных рабочих программ по родной (татарской) литературе.

Основой формирования национальной идентичности является процесс осознания обучающимися своей принадлежности к определенной этнической и культурной группе. Данный процесс осуществляется на

уроках литературного чтения на родном (татарском) языке и родной (татарской) литературы, ценностные ориентиры которых определяются базовыми национальными ценностями, нравственными установками, моральными нормами татарского народа.

Одними из средств формирования национальной идентичности у обучающихся являются фольклорные произведения, которые определяя эстетические и духовные потребности детей, доносят из глубины веков такие представления как добро, любовь, верность, справедливость. Через воспитание уважения к национальной культуре других народов, развитие национального самосознания, и как следствие, любви к Родине, в том числе к малой родине воспитываются чувства патриотизма, национальной гордости, бережного отношения к природному и духовному наследию родного края.

В младшем школьном возрасте необходимо заложить привязанность к культуре родного края, развитие понимания национальной гордости, единства и взаимообогащения культур разных народов. Так, в учебник по литературному чтению на родном (татарском) языке для 3-го класса включены сказки татарского, русского, казахского, ногайского народов. В сказках всегда отражается образ жизни, быт, характер, дух и культура народа. Тут важно помочь обучающимся вжиться в определенный тип культуры, которая определяется национальным образом мира, географической средой, национальным складом психики, мышления. В УМК по литературному чтению увидеть это своеобразие помогают и иллюстрации, демонстрирующие природу, местность, обычаи и традиции отдельного народа.

Раскрытие особенностей культуры, к которой относятся выбранные для изучения те или иные произведения, способствует сравнительно-сопоставительный анализ произведений. Учащиеся находят, что между сказками разных народов много общего. Это и сюжеты, чудесные превращения, волшебные предметы, магические задания, и, конечно же, герои. Например, в сказках разных народов часто встречается такой известный персонаж, как Баба-Яга. Следует заметить, у разных народов образ Бабы-Яги имеет свои характерные черты. Предлагаемые для изучения татарская народная сказка «Гульчечек» и русская народная сказка «Гуси-лебеди» помогают увидеть эти отличия и выявить общие черты данного сказочного персонажа.

Сопоставление текстов разных культур способствует определению сходства тематики, мотивов фольклорных произведений разных народов, дает возможность глубокого понимания и трактовки художественной природы произведения, а также формированию у учащихся культуры литературных связей и ассоциаций. Такой «диалог этнокультур» позволяет увидеть общечеловеческое содержание каждой национальной культуры и характерные для каждой из них «национальные картины мира».

Важную часть национального культурного наследия составляют народные пословицы и поговорки. Многие пословицы, имея одинаковую суть, могут передаваться совершенно разными словами, так как в основе пословиц лежат разные ассоциации. Но не следует забывать, что история развития каждого народа индивидуальна, поэтому существует большое количество пословиц, в которых трудно найти соответствия с пословицами других народов. Данное утверждение учитывалось и при разработке темы «Пословицы и поговорки» в УМК по родной (татарской) литературе для 5 класса. Наряду с татарскими пословицами и поговорками вниманию обучающихся предлагаются русские, бурятские, дагестанские, удмуртские, казахские, азербайджанские, турецкие пословицы, в которых прослеживается своеобразие видения и понимания мира этими народами, тем самым формируя у учащихся культуру ассоциаций.

В новом учебнике для 5 класса для изучения предлагается тема «Легенды и предания». Так, принцип «диалога этнокультур» реализуется при изучении татарской легенды «Как появилась кукушка?» («Күке ничек барлыкка килгән?»), где в рамках историко-культурного комментария предлагается рассмотрение образа кукушки в фольклоре русского и белорусского народов. Отдельное внимание уделяется использованию данного образа в тюркском фольклоре. На основе рассказанного содержания башкирской народной легенды, учащиеся делают вывод, что у разных народов разное видение образа кукушки, в то же время отмечая и некую общность в ее изображении.

Следует отметить, что этнокультурный материал представлен в новых УМК на всех этапах изучения родной литературы, что можно наглядно увидеть и в содержании учебников. Так, при знакомстве обучающихся с историко-литературным материалом, даются пояснения, в том числе и исторические сведения о том или ином событии, культурном объекте, явлении или понятии. Это способствует расширению познавательных интересов обучающихся, в том числе расширению круга знаний о культуре, истории татарского народа. Более того здесь прослеживается взаимосвязь национальной культуры не только с историей народа, но и с историей страны в целом.

В учебнике комментарии национально-культурного и исторического характера сопровождают и процесс чтения литературных произведений. Встречающиеся в литературном тексте отдельные слова, понятия с национально-культурным компонентом, которые по той или иной причине могут быть незнакомы обучающимся, находят отражение в данной рубрике. Речь идет, прежде всего, об архаизмах, историзмах, о понятиях и явлениях, которые имели место быть в далеком и недалеком прошлом и татарского народа и России в целом.

Комментарии предлагаются и с целью ознакомления обучающихся с произведениями различных видов искусства. Новые учебники хо-

рошо оформлены, тексты сопровождаются красочными иллюстрациями. В них также можно проследить национально-культурный компонент, который находит отражение в одежде, в украшениях, в быту, в оформлении домов, в интерьере.

Таким образом, занимая особое место в развитии учащихся, родная литература выступает носителем важных для них смыслов, духовно-нравственных представлений, напрямую содействуя приобщению к ценностям национальной и мировой культуры, познанию и усвоению духовного богатства и жизненной философии татарского народа, формированию национального самосознания, а также общероссийского гражданского сознания.

Литература

1. Әдәби уку. 3 сыйныф. Ике кисәктә. Беренче кисәк : башлангыч гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен туган тел буларак өйрәнүче укучылар өчен) / Г. Н. Мөхәрләмова, Д. М. Абдуллина. Казан : Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе нәшрияты, 2023.

2. Волков Г. Н. Этнопедагогика. М. : Академия, 2013.

3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. М. : Изд. центр «Академия», 2013.

4. Гогоберидзе Г. М. Этнокультурный аспект литературного образования в национальной школе : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

5. Туган (татар) телдәге әдәбият. 5 сыйныф: төп гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен туган тел буларак өйрәнүче укучылар өчен) / Г. Н. Мөхәрләмова, Д. М. Абдуллина. – Казан : Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе нәшрияты, 2023.

**И. А. Рёбрушкина,
О. Л. Арискина, Е. А. Дрянгина**
*Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва
(Саранск, Россия)*

ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В МОРДОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. В статье описываются виды заданий, направленных на развитие этнического самосознания, национальной идентичности студентов филологического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва. Анализируются этнонимы «мордва», «мордвины» и др., рассматривается термин «мордовский язык».

Ключевые слова: мордовский язык, этнос, идентичность, этническое самосознание, мокша, эрзя.

Республика Мордовия – пример поликультурного, полиэтнического, многоязычного ареала в Российской Федерации.

Поликультурное образовательное пространство отражает специфические особенности этнического многообразия и существенным образом сказывается на культурной среде школы и вуза, которые в свою очередь являются своеобразной социокультурной системой.

В данной статье мы остановимся на вопросе формирования национальной идентичности – этнического самосознания – в практике преподавания филологических дисциплин (социолингвистика, лингвокультурология, стилистика, риторика и др.) в Мордовском государственном университете.

Так, на занятиях по социолингвистике и лингвокультурологии педагог вместе со студентами изучают самый распространенный в Республике Мордовия этноним – слово *мордва*. Этимология этой номинации не вполне ясная:

«**мордва́** (собир.) – название фин.-уг. народа на территории бывш. Саратов., Сам., Тамб., Пенз., Нижегород. губ., др.-русск. мордва (Пов. врем. лет), впервые – в форме *Mordens* (Иордан 23) – среди народов, подвластных Эрманариху; см. Сетэлэ, SSUF, 1885, стр. 92; Миккола, FUF 15, 60; *Μορδία* – название страны мордвинов (Конст. Багр., *De Adm. imp.* 37, 46). Нет основания производить это слово из ир. *marđuvār – «людоед» (др.-ир. было бы **martiyaχvara-*; ср. *μαρτιχώρας*, *μαρτιχώρας* у Фотия и Павсания; ср. Хорн, *Npers. Et.* 113, 217 и сл.), точно так же, как отождествлять его с геродотовскими андрофагами (вопреки Томашеку и Шахматову (*Bull. Ac. Sc. Poug.*, 1911, стр. 716; см. Фасмер, RS 6, 209 и сл.)). Нет также уверенности в тождестве *мордвы* и *буртасов* (см. *буртасы*), вопреки Маркварту (*UJb.* 4, 277; *Streifzüge XXIV*). Последнее название Маркварт пытался объяснить из ир. *mərətāsa – "людоед". Связь с коми *mort*, удм. *murt* "человек, удмурт" или с названием народа, живущего на юг от Каспийского моря – *Μάρδοι*, *Μαρδυηνοί* – чрезвычайно сомнительна, вопреки Мункачи (*KSz* 11, 157), ср. Тойво-нен, FUF 24, 106. Отсюда *мордвин* "чертополох"; ср. *татарин* – то же (ср. еще выше, на *дедóк*); мордва – ругательство по отношению к евреям и детям (Добровольский) – распространено вплоть до Смоленска, где слово *мордвин* употребляется также в знач. "проказник", возм., из-за созвучия с зап. *мордовать* (см.).

Комментарии Трубочева: [Против этимологии Томашека см. еще Бубрих, Зап. Мордовского НИИ при Совете Мин. Морд. АССР, 3, Саранск, 1941, стр. 29 и сл. Стар. объяснение повторяет Мошинский ("*Zasiag*", стр. 108 и сл.); Кипарский ("*Scando-Slav.*", 4, 1958, стр. 259) обращает внимание на следы стар. ударения: *на мórдву*, рукоп. XVI в. – *T.*]» (Фасмер М, 1986, 653–654).

В результате исследования студенты приходят к выводу: этнонимы *мордва*, *мордвины*, *мордовцы* не являются ни автоэтнонимами, ни вообще словами, принадлежащими мордовским языкам. Мокшанское и эрзянское слово «мордовский» есть заимствование из русского; носители мокшанского и эрзянского языков в родной речи для обозначения чего-то общего, совокупного, характерного как для мокши, так и для эрзи, предпочитают пользоваться словом «мокшэрзянь» – букв. «мокшано-эрзянский» (Арискина О.Л., Ребрушкина И.А., 2011, 90).

Это мнение подтверждается профессором Д. В. Цыганкиным: «Слова *мордва*, *мордвин* ни мокшей, ни эрзей не употребляются и никогда не употреблялись в качестве самоназвания» (Цыганкин Д. В., 2010, URL).

Подтверждает вышесказанное и следующий частный факт. На занятии по русскому языку и культуре речи в группе студентов, обучающихся по специальности «Финно-угорская филология» и являющихся мокшанами и эрзянами по национальности, было предложено задание написать стихотворение в прозе – подражание стихотворению И. С. Тургенева «Русский язык» на тему «Мой родной язык». (Задание выполнялось на русском языке.) Ни один студент не выбрал в качестве названия родного языка слово «мордовский», были использованы словосочетания *мокшанский язык* и *эрзянский язык*.

Стоит также отметить, что нередко представители мокшанского и эрзянского народов относятся к экзоэтнониму *мордва* негативно, как к неблагозвучному или даже оскорбительному, – вероятно от созвучий со словами *морда*, *мордовать*, имеющими негативную окраску; ср. также свидетельство М. Фасмера: «...мордва – ругательство по отношению к евреям и детям» (Добровольский) – распространено вплоть до Смоленска, где слово *мордвин* употребляется также в знач. "проказник"...» (Фасмер М., 1986, 654).

Исходя из этого можно делать вывод о том, что сами мокшанский и эрзянский народы, мыслящие себя как разные, мыслят свои языки отдельными, самостоятельными языками, а не диалектами или подъязыками единого мордовского языка.

Далее на занятиях рассматривается понятие *этнос*, которое определяется как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием)» (Исаев М. И., 2003, 179).

В свою очередь, «этническое самосознание составляют несколько факторов: знание своего этнонима (имени народа), наличие мифологических, религиозных, исторических, культурных представлений о своем этносе и, наконец, *языковое самосознание* – представление говорящих о том, какой язык они используют, какой язык является для них родным,

первым, материнским, а какой неродным, вторым, «изученным» в силу конкретных социально значимых причин. ...Языковое самосознание – важная составляющая этнического самосознания» (Арискина О. Л., 2006, 40), так как, согласно данным многочисленных исследований, язык представляется людям практически самым важным этнодифференцирующим фактором.

Таким образом, студенты приходят к выводу: пока не существует единого мордовского языка, не вполне корректно говорить о едином мордовском этносе.

Дисциплина «Русский язык и культура речи», преподаваемая студентам практически всех специальностей Мордовского государственного университета, обладает большими возможностями для того, чтобы, обучая культуре русской речи, воспитывать у учащихся разных национальностей любовь и уважение как к русскому, так и к другим языкам, поддерживать и развивать этническое (и, в частности, языковое) самосознание студентов. Для этого была разработана система заданий. Приведем в качестве образца некоторые из них.

Задание 1 (может быть использовано при изучении тем «Функционально-смысловые типы речи», «Богатство как коммуникативное качество речи» и др.).

1. Прочитайте отрывки из учебного пособия В. Г. Крысько «Этническая психология», содержащие описания социально-психологических портретов представителей разных этнических групп. 2. Согласны ли вы с предложенными описаниями? 3. Точным ли является термин *мордовский этнос / мордовская национальность*? Почему? 4. Уточните / дополните / продолжите тексты, характеризующие представителей вашего этноса. Создайте текст, содержащий элементы описания и рассуждения. В качестве аргументов приведите пословицы и поговорки своего народа, касающиеся тематического поля «человек». Например, начать можно так: «Представители мокшанского этноса характеризуются стремлением к немногословию, сдержанности в речевом поведении. Данный речевой идеал находит отражение в таких мокшанских пословицах, как *Лишняя соль портит пищу, лишнее слово – речь; Длинным языком хорошо только облизывать*» и т. д. (Сивцова Н. В., Ребрушкина И. А., Арискина О. Л., 2011, 158).

Задание 2 (может быть использовано при изучении микротемы «Понятие национального языка», тем «Точность речи», «Выразительность речи», «Художественный стиль» и др.).

1. Найдите знаменитое стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Русский язык». Приготовьтесь к его выразительному чтению.

2. Какие изобразительно-выразительные средства использует автор?

3. Пользуясь такими же изобразительно-выразительными средствами, напишите стихотворение в прозе – подражание И. С. Тургеневу на тему «Мой родной язык».

Приведем примеры таких подражаний, созданных студентами Мордовского государственного университета.

***

Бывают такие дни, когда становится невыносимо больно и обидно за свою Родину, и только ты приходишь всегда ко мне на помощь, звучный и до боли милый сердцу родной эрзянский язык! Если бы не было тебя, как смогла бы я пережить те события, что совершаются в нашем безумном мире? И я верю, что такой язык может быть дан только могучему и поистине сильному народу, который, сплотившись, переживет все беды и пронесет через года всю силу и богатство эрзянского языка (Елена Лазуткина).

***

В наши дни, когда многие языки исчезают с лица земли, когда люди начинают стесняться своего языка, ты, мой родной и великий мокшанский язык, с каждым днем становишься все богаче и краше!

Не будь тебя – что ждало бы нас при виде того, как уменьшается языковой клад страны?

И я верю и надеюсь, что ты будешь процветать всегда независимо от беспорядка, происходящего в мире (Наталья Беляйкина) – (Сивцова Н. В., Ребрушкина И. А., Арискина О. Л., 2011, 161–162).

Аналогичные задания, направленные на развитие этнического самосознания, могут быть использованы в процессе преподавания других лингвистических дисциплин, объектом которых являются любые языки.

Литература

1. Арискина О. Л. Введение в социолингвистику. Саранск : Тип. «Красн. Окт.», 2006.
2. Арискина О. Л., Ребрушкина И. А. Мордовский язык: к вопросу содержания понятия в социолингвистическом аспекте // Язык и социальная динамика. 2011. № 11-1. С. 87–92.
3. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2003.
4. Крысько В. Г. Этническая психология. М. : Изд. центр «Академия», 2002.
5. Сивцова Н. В., Ребрушкина И. А., Арискина О. Л. Развитие этнического самосознания студентов на занятиях по русскому языку и культуре речи // Языковая ситуация и языковая политика в Республике Мордовия. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. С. 156–162.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 2.
7. Цыганкин Д. В. О некоторых факторах, способствующих сужению языкового пространства мокшанского и эрзянского языков как государственных (7 марта 2010 г.). URL: <http://www.cigankin.ru/archives/289> (дата обращения 25.03.19).

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТАДЖИКСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются методы работы с лингвокультурными единицами, являющимися значимыми феноменами для русской культуры. Они характеризуются высокой степенью национальной «наполненности» и обусловленности.

Ключевые слова: прецедентные феномены, русская культура, таджикская аудитория, методика преподавания.

Выбор того или иного приёма раскрытия значения прецедентных феноменов требует учета смысловой природы лингвокультурем, их соотнесенности с выражаемым понятием в сравнительном аспекте, индивидуальных и психофизиологических возможностей студентов таджикоязычной аудитории.

Применительно к прецедентным феноменам (прецедентное имя, прецедентное высказывание) нужно относиться с предельно внимательным подходом, дабы учитывать характерные их национально-культурные особенности для облегчения употребления в речи. Так, когда студенты таджикоязычной аудитории знакомятся с растениями, являющиеся символами для русских, например, «береза», нужно применить способ расширенного комментирования. Дело в том, что для студентов это понятие знакомо, но они не знают, что «береза» символ женственности, символ России. С березкой ассоциируют молодую девушку с ее красотой, стройностью, элегантностью. Березовые рощи – типичная русская панорама с прекрасными пейзажами и неопишуемой природой. Ее ветками украшали дома и православные храмы. «Перед свадьбой девушки плели венки из березовых веток, водили хороводы вокруг дерева. В лесу под берёзами растут грибы – подберёзовики» (Ансимова О. К., 2016, 173).

Безусловно, самым ярким моментом занятия станет ознакомление студентов со стихотворением С. А. Есенина:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит береза

В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

(Ансимова О. К., 2016, 174).

Такая презентация прецедентного феномена имеет далеко идущие планы, так как она направлена на:

1) восприятие и понимание студентами таджикоязычной аудитории национально-культурной специфики прецедентного феномена;

2) сравнение прецедентного феномена в разрезе восточной и русской культуры, их косвенного и частичного сопряжения в целях эффективного осуществления межкультурной коммуникации;

3) развитие когнитивного и ассоциативного мышления студентов как важного элемента в осмыслении лингвокультурного феномена.

Работа с русскими прецедентными феноменами в таджикоязычной аудитории всегда преследует восприятие историко-культурной информации. Одновременно проходит процесс ознакомления студентов с автором текста (произведения, стихотворения), откуда прецедентное выражение появилось; сведения о периодах и событиях русской истории. Знакомство с любым прецедентным феноменом дает возможность студентам таджикоязычной аудитории чувствовать себя в определенном историческом пространстве, в гуще событий прошлой жизни русского народа с его героями, поэтами, писателями, личностями государственного значения (Рузиева Л. Т., 2019, 271).

Методический прием «приближение имени и исторического времени» (Смыкунова Н.В., 2003, 11) ускоряет процесс вхождения студентов в русскую когнитивную базу и русское лингвокультурное пространство. С этой целью студентам предлагается расширенный список литературных произведений, с которыми им предстоит работать постоянно, ибо они являются источниками предъявляемых прецедентных феноменов.

Эффективность приемов работы с прецедентными феноменами подтверждена экспериментальной проверкой. Рассмотрим основные типы заданий, реализующих представленную методическую модель.

Задание 1. Запишите следующие строки:

*...Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось...!*

(А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»,
гл. 7, строфа 36, 1830)

(Ансимова О. К., 2016, 28)

Вопросы:

1. Кто автор этих строк?
2. В каком произведении поэта встречается это прецедентное выражение?
3. Какие эмоциональные чувства поэта можно обнаружить в этих строках?
4. А вы были в Москве?
5. Что вы знаете о Москве.

Лингвострановедческий комментарий. При жизни и деятельности А. С. Пушкина (XIX век) столицей России была не Москва, а Петербург. Поэма писателя «Евгений Онегин» родилась именно в Москве. «Древний город на берегах одноименной реки. Его основателем считается князь Юрий Долгорукий. В Москве находятся федеральные органы государственной власти Российской Федерации (за исключением Конституционного суда, расположенного в Питере). Является важным историко-культурным центром России. Значимые объекты города: Московский Кремль, Красная площадь, соборы Казанской иконы Божьей Матери и Покрова Пресвятой Богородицы, Воскресенские ворота, улица Арбат, Останкинская телебашня, Большой театр, Малый театр, Исторический и зоологический музеи, Музей антропологии, Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Третьяковская галерея, киностудия имени М. Горького, «Мосфильм», «Союзмультфильм. История Москвы – это история России» (Ансимова О. К., 2016, 26).

Прецедентное выражение: *Москва... как много в этом в этом звуке, Для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!* – преимущественно употребляется в жанре публицистики и публицистической речи: подчеркивается особое место и значение Москвы в истории России, в жизни каждого русского человека.

Есть еще слова М. Ю. Лермонтова о Москве:

*Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священных блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный...*

Вопрос. Какие еще знаете произведения, посвященные столице России, городе-герое Москве (М. И. Цветаева «Стихи о Москве»; С. А. Есенин, цикл «Москва кабацкая»; А. П. Чехов, рассказы «В Москве на Трубой площади», «Три года»; А. Белый, романы «Москва», «Москва под ударом», «Московский чудик» и мн. др.).

Задание 2. Запишите такие строки:

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;*

*В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.*

(Ансимова О. К., 2016, 149).

Вспомните, кому принадлежат эти строки (*М. В. Ломоносов, 1747 год*).
Как вы понимаете значение слов: *утеха, странствие, градский, наедине*; можете пользоваться словарем.

Утеха – удовольствие, забава, утешение (во втором значении).

Странствие (*устар.*) – странствование, путешествие.

Градский здесь: городской.

Наедине – одиночество, с самим собой,

Что вам стало известно по данному тексту?

В какой прецедентной ситуации можно напомнить о словах великого ученого-лингвиста?

Задание 3. Запишите высказывание: *«Любви все возрасты покорны».*

Знакомо ли вам данное выражение? (*А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», 1823–1831 гг., глава 8, строфа 29*).

В каком значении употреблено слово «покорны»? *Покорны – послушны.*

Как вы понимаете это выражение?

Любовь приходит к человеку в любом возрасте.

Приведите примеры употребления этого прецедентного высказывания.

Задание 4. Запишите отрывок из стихотворения:

Я помню чудное мгновенье:
*Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.*

Кому принадлежат эти строки? (*А. С. Пушкин, стихотворение «Я помню чудное мгновенье...»*), 1825 г).

Какие строки выделяются в этом отрывке? *Гений чистой красоты.*

Что вы понимаете под прецедентным выражением? *Поэтический образ прекрасной женщины.*

Какие еще известные выражения вы знаете из произведений великого русского поэта, которые можно цитировать.

Какие произведения А.С.Пушкина вы читали в переводе на таджикский язык.

Кто занимался их переводами (*А. Лахути, Х. Юсуфи, С. Улугзаде*).

Такие разработки заданий направлены на реализацию приемов комплексного анализа прецедентного текста, в том числе, путем лингвокультурного и лингвострановедческого комментирования.

Национально-прецедентные феномены отражают историю и культуру народа, специфику национального характера. Каждый народ способен сохранять прецедентные феномены, которые отражают его духовно-нравственные ценности, картину мира. Отсюда ценность восприятия и воспроизведения прецедентных феноменов при обучении русскому языку в таджикоязычной аудитории получается двойной, ибо студенты овладевают комплексом информации и сведений о национально-культурной специфике носителей коренного языка. Изучение прецедентных феноменов предусмотрено учебной программой и учебниками в ходе занятий по русскому языку в таджикоязычной аудитории.

Прецедентные имена представляют собой существенную ценность в кумулятивном плане. Они способны бережно накопить и передать национально-культурную информацию. По мнению исследователей, «прецедентными называются общеизвестные имена исторических личностей (*А. М. Матросов, И. П. Кулибин, А. С. Макаренко, И. В. Мичурин, И. Сусанин*), героев и персонажей произведений художественной литературы и фольклора (*дядя Стёпа, Илья Муромец, Колобок, Левша, Митрофанушка, Обломов, Плюшкин, Чичиков, Шариков*), которыми можно назвать человека, чтобы охарактеризовать его личные качества» (Ансимова О. К., 2016, 143).

Все названные прецедентные имена – культурное богатство русского народа, своеобразный информационный канал для передачи современному поколению российского национально-культурного наследия. Они задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей общества, объединяя “своих” и противопоставляя им “чужих”. Прецедентные имена – лингвокультурологические единицы, обладающие экспрессивной, символической, коннотативной функциями, она способна передавать культурную информацию.

Каждая национальная культура славится именами исторических личностей и персонажей, которые по праву именуется прецедентными. В английской литературе – это У. Шекспир (*Отелло, Гамлет, Король Лир, Ромео и Джульетта*); в русской литературе – А. С. Пушкин (*Руслан и Людмила*), Н.В.Гоголь (*Чичиков, Хлестаков, Плюшкин*); А. С. Грибоедов (*Фамусов, Чацкий*); в таджикской литературе – С. Айни (*Кори Ишкамба, Ятим, Одина*).

Прецедентные имена содержат разные дополнительные смыслы. Более того, некоторые из них претендуют на вечный прецедентный портрет-феномен. Например:

Малюта Скуратов – маниакальная жестокость

<i>Моцарт</i>	– гениальность, талант
<i>Макаренко</i>	– учитель, педагог, воспитатель
<i>Кулибин</i>	– изобретатель
<i>Павка Корчагин</i>	– идейность, готовность жертвовать собой за идею
<i>Колобок</i>	– полнота
<i>Кощей</i>	– худоба
<i>Обломов</i>	– лень, бездеятельность
<i>Плюшкин</i>	– жадность, бессмысленное накопительство
<i>Шапокляк</i>	– вредная, пакостница
<i>Хлестаков</i>	– обман
<i>Илья Муромец</i>	– физическая сила
<i>Павлик Морозов</i>	– предательство.

Отдельная категория прецедентных имён представляет собой негативную оценку, имеет диффузное распространение, обладает набором противоречивых качеств:

Митрофанушка – символ невежества, малограмотный, необразованный человек, не желающего учиться, недоучка, глупый, лень, избалованный матерью;

Остап Бендер – обманщик, символ плутовства, мошенник, великий комбинатор, авантюрист, жулик, аферист;

Плюшкин – символ скупости, мелочный человек, жадный помещик любитель накопительства, несчастны;

Шариков – символ агрессивного невежества, безнравственный человек, бессовестный, необразованный.

Настоящее исследование связано с таджикоязычной аудиторией, в которой почти не учатся русские студенты, поэтому для опроса мы выбрали контингент студентов начальных курсов, чей уровень подготовки по русскому языку и общий уровень развития мало чем отличаются от уровня учащихся старших классов общеобразовательной школы.

Полученные в ходе эксперимента данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Качественный состав прецедентных имён для русских и таджиков не представляет особых трудностей для восприятия и понимания. Такие прецедентные имена, как *А. С. Пушкин*, *А. С. Макаренко*, *М. В. Ломоносов*, *Александр Матросов*, *Абуали ибн Сино (Авиценна)*, *Садриддин Айни*, *Бободжон Гафуров* являются значимыми личностями для русского и таджикского лингвокультурного сообщества.

2. Прецедентные имена для таджиков и русских, соответственно, имеют свои специфические восприятия. Они не всегда тождественны в смысловом и национально-культурном аспекте, в основном, значимы для представителей только одного лингвокультурного сообщества (таджикского или русского). Так, *Восеъ*, *Темурмалик*, *Исмоили Сомони*,

Спитамен представляют собой прецедентными имена для носителей таджикского языка и культуры. Таковыми в русском лингвокультурном пространстве являются *Иван Грозный, Александр Матросов, Александр Невский, Пётр I великий* и мн. др.

3. Некоторые прецедентные имена в русском и таджикском лингвокультурном пространстве имеют своеобразные представления. Так, *Петр I* для русского народа, прежде всего, *великий царь с большими амбициями в плане изменения жизни к лучшему, новаторскими способностями, человек высокого роста*. Для воображения студентов – носителей таджикского языка *Петр I – гордый царь с манией величия, всегда отстаивающий свое собственное мнение*.

4. В рамках русского и таджикского лингвокультурного сообщества встречаются параллельные личности как прецедентные имена. Например, *Александр Сергеевич Пушкин* и *Садриддин Айни* воспринимаются как особые персоны в лингвокультурном сообществе России и Таджикистана, как основатели русской и таджикской литературы. Однако прецедентное имя *Александр Сергеевич Пушкин* ассоциируется с величайшим русским поэтом, создателем современного русского литературного языка, тогда как *С. Айни* является основоположником современной таджикской литературы, ученым, академиком АН РТ, героем Таджикистана, писателем-патриотом, борца за величие и чистоты таджикского языка.

Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что многие прецедентные имена являются национально-маркированными. Так, в русском лингвокультурном пространстве таковыми являются имена *Суворов, Обломов и Чацкий*, в таджикском – *Спитамен, Исмоили Сомони*. Мы также выявили особенности прецедентных имён, стоящих за данными феноменами в разрезе конкретных представлений (Рузиева Л. Т., 2019, 280).

Помимо анкетирования, студентам таджикоязычной аудитории предлагалось выполнить задания, определяющие готовность адекватно использовать прецедентные имена в речи. Например:

Закончите следующие характеристики, реагируя на них именем, связанным с известным персонажем:

- полный человек невысокого роста (*Шрек, Наполеон*) –
- он жадный подобно (*Плюшкин*) –
- очень высокий человек (*Гулливер, дядя Стёпа*) –
- ленивый, апатичный и безмятежный (*Обломов, Иванушка-дурачок*) –
- бескорыстный, смешной мечтатель (*Дон Кихот, Мюнхаузен*) –
- беззащитно лгущий и хвастающий человек (*Хлестаков*) –
- самоотверженный, жертвенный, делающий подвиг во имя прекрасной цели (*Иван Сусанин*) –
- он воплощает в себе добро и зло (*Стенька Разин*) –

человек, всегда и во всем сомневающийся (*Гамлет*) – человек, одержимый бесчеловечностью и жестокостью (*Гитлер*) – человек, стремящийся облагородить человечество (*Робин Гуд*) –

Полученные результаты имеют важное практическое значение и служат базой для разработки опытного обучения в контексте исследуемой проблемы.

Литература

1. Ансимова О. К. Ключ к русской культуре: Словарь лингвокультурной грамотности. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016.

2. Рузиева Л. Т. Прецедентно-значимые тексты как когнитивный компонент культуры народа в системе обучения русскому языку в неязыковом вузе в лингвокультуроведческом аспекте : Дис. ... д-ра пед. наук. Душанбе, 2019.

3. Смыкунова Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному : Дис. ... канд. пед. наук. М., 2003.

3. Садеги Сахлабад

Университет Аль-захра

(Тегеран, Иран)

РОЛЬ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Сравнительная литература предоставляет уникальные инструменты для преподавания литературы с акцентом на укрепление национальной идентичности, обогащая образовательный опыт студентов и помогая им лучше осмыслить свое место в мировой литературной карте. Метод сравнительной литературы в преподавании родного языка и литературы представляет собой подход, который включает анализ и сравнение литературных произведений из различных культур и стран. Основная цель – расширить обзор студентов, предоставив им возможность понимать свою национальную литературу в контексте мировой литературной традиции. В статье рассмотрены некоторые ключевые аспекты этого метода.

Ключевые слова: сравнительная литература, национальная идентичность, метод.

Сравнительная литература представляет собой ценный метод в преподавании родного языка и литературы, особенно с учетом аспектов национальной идентичности. О. Э. Мандельштам написал: «Нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (Мандельштам О. Э., 1990, 238).

Этот метод позволяет студентам сравнивать и анализировать литературные произведения разных культур и стран, что способствует не только лучшему пониманию родной литературы, но и формированию глобального взгляда на свою национальную идентичность. Включение сравнительных анализов в рамках учебных программ позволяет студентам сравнивать произведения различных авторов, эпох и культур. С точки зрения В. М. Жирмунского, «мы можем и должны сравнивать между собой аналогичные литературные явления, возникающие на одинаковых стадиях социально-исторического процесса, вне зависимости от наличия непосредственного взаимодействия между этими явлениями» (Жирмунский В. М., 1979, 7).

Это помогает студентам увидеть схожие и уникальные черты своей литературной традиции. В продолжение, перечислены некоторые из преимуществ использования метода сравнительной литературы.

1. Широкий культурный контекст и расширение горизонтов студентов и глубокое восприятие национальной литературы. Сравнительная литература позволяет студентам выходить за границы национальной литературы и погружаться в широкий культурный контекст. Это помогает лучше понимать собственные литературные традиции в контексте мировой литературы. Изучение литературных произведений различных культур позволяет студентам взглянуть за пределы границ своей нации и лучше понять контекст своей собственной литературы, а также видеть общие черты и уникальные особенности различных литературных традиций. Сравнительный анализ может помочь студентам более глубоко воспринимать свою собственную национальную литературу. Размещение её в контексте мировых литературных традиций дает новые перспективы и способствует лучшему осмыслению ценностей и особенностей собственной культуры. Метод сравнительной литературы помогает студентам выходить за рамки национального ракурса и воспринимать литературные произведения в глобальном контексте. Это способствует более полному восприятию собственной культуры.

В. М. Жирмунский подчеркивал, что ни одна великая национальная литература не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов, и «те, кто думает возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на «блестящую изоляцию», а на провинциальную узость и «самообслуживание»... Чем культурнее народ, тем интенсивнее его связи и взаимодействия с другими народами» (цит. по: Селитрина Т. Л., 2009, 10).

Студенты изучают и анализируют тексты не только из своей собственной литературной традиции, но и из других культур. Это позволяет им выявлять сходства и различия в структуре, темах, стиле и языке.

2. Поддержка толерантности и многообразия и взаимопонимания. Изучение литературных произведений различных культур способст-

вует развитию толерантности и уважения к разнообразию. Используем слова выдающегося советского филолога Н. И. Конрада в книге «Восток и запад»: «Разные части человечества, при всех своих распрях, в области культуры всегда были в общении друг с другом и без этого общения обойтись не могли» (Конрад Н. И., 1966, 429).

Сравнение культурных особенностей через литературу может помочь студентам строить мосты понимания между разными нациями. Студенты, сравнивая различные литературные традиции, могут лучше понимать и ценить уникальность каждой нации, что способствует более гармоничному межкультурному взаимодействию. Анализ литературы из разных культур способствует формированию у студентов глобального взгляда. Они учатся видеть общие темы и универсальные аспекты человеческого опыта, что может усилить их понимание собственной национальной идентичности в контексте всемирной культуры.

3. Развитие критического мышления. Сравнительный анализ литературных текстов стимулирует развитие критического мышления у студентов. Они учатся видеть множество перспектив и интерпретаций, что способствует гибкости мышления в контексте своей национальной идентичности. Они учатся выявлять сходства и различия, анализировать и интерпретировать литературные произведения, что важно для формирования глубокого понимания своей культуры.

4. Стимулирование творческого мышления. Сравнительная литература может стать источником вдохновения для студентов. Изучение разнообразных литературных стилей и подходов может стимулировать творческое мышление, что является важным компонентом формирования национальной идентичности.

5. Интерактивные методы обучения. В методе сравнительной литературы активно используются интерактивные методы, такие как групповые обсуждения, проекты, исследования, что способствует активному участию студентов в образовательном процессе.

6. Обсуждения и дискуссии. Проведение обсуждений на тему сравнительной литературы в классе может создать стимул для активного участия студентов в диалоге о культурных и литературных вопросах. Это способствует активной формации идентичности через обмен мнениями и взглядами.

7. Проекты и исследования. Задания на проведение исследований в рамках сравнительной литературы могут стать мощным инструментом для углубленного изучения особенностей национальной идентичности. Студенты могут создавать проекты, включающие анализы и интерпретации, что способствует более глубокому восприятию своей культурной принадлежности.

Итак, сравнительная литература предоставляет уникальные возможности для преподавания родного языка и литературы с акцентом на

национальную идентичность. Этот метод помогает студентам видеть свою культуру в глобальном контексте, способствуя более полному и глубокому пониманию и уважению к собственной идентичности. Сравнительная литература может эффективно использоваться как метод преподавания литературы для укрепления национальной идентичности. Этот метод обогащает опыт студентов, предоставляя им возможность не только углубленного понимания своей собственной литературы, но и развития культурной компетенции и глобального мышления.

Литература

1. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведения. Л. : Наука, 1979.
2. Конрад Н. И. Запад и Восток. М. : Наука, 1966.
3. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. – Т. 2. Проза.
4. Селитрина Т. Л. Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур. М. : Высш. школа, 2009.

Н. М. Старцева

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам формирования национально-культурной идентичности современных подростков посредством художественной литературы. На примере повести В. П. Крапивина «Колыбельная для брата» рассмотрены возможности художественного текста влиять на становление мировоззрения молодого человека и показаны важнейшие ценностные маркеры национальной культурной идентичности.*

Ключевые слова: *национальная идентичность, художественный текст, подростковая литература, базовые ценности, воспитательное воздействие литературы.*

Определить сущность понятия национальная идентичность на наш взгляд, возможно только через описание ее обязательных составляющих, а это национально-государственный, этико-культурный и традиционный аспекты. Как точку отсчета можно взять определение, приведенное в книге М. К. Поповой «Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании» (Попова М. К., 2009). Автор счита-

ет, что следует понимать национальную идентичность «на основе традиционного определения нации как социокультурной общности», она «определяется как осознание индивидом своей принадлежности к этой общности и осознание общностью своей специфики и самобытности» (Попова М. К., 2009, 12).

Естественно, люди, живущие в обществе, воспринимают себя в двух взаимосвязанных проекциях: «это восприятие человеком себя как уникальной личности, то, что определяется как самовыражение, самопрезентация, и одновременно это социальная проекция, восприятие себя как части группы, коллективного сообщества» (Чернявская В. Е., 2022, 7). Уже в юные годы человек должен ответить для себя на вопросы о том, кто он как личность, чего стоит и какие ценности являются для него безусловными, а также где его место среди людей, с которыми он связан.

Размышляя о проблеме формирования национальной идентичности, нельзя не обратиться к художественной литературе, которая, с одной стороны, отражает главные особенности жизни народа, его культурные и нравственные ценности, историю и традиции, сохраняет представления о менталитете, а с другой стороны, формирует у человека представления о принадлежности к определенной нации. Недооценивать ее влияние на человека и общество в данном вопросе невозможно, и особенно важно помнить об этом, когда мы говорим о подростковом чтении, так как именно в юном возрасте происходит осознание себя как личности и представителе «материнского» этноса.

Герой, способный заинтересовать подростка, должен быть близок этому подростку или представлять для него идеал, еще лучше, если ему удастся совместить и то, и другое. Среди подобных персонажей отечественной детской литературы – герои произведений В. П. Крапивина. Писатель, автор большого количества реалистических и фантастических произведений для детей, педагог если не по образованию, то по призванию, стремился в книгах показать своему читателю героев, наделенных мятежными и романтическими натурами, мечтателей, имеющих собственный взгляд на мир и совершающих взрослые и серьезные поступки, несмотря на свой юный возраст. Можно обратиться, например, к повести «Колыбельная для брата», где рассказана история семиклассника Кирилла Векшина, в которой, на наш взгляд, нашли отражение важнейшие характеристики национального сознания, такие как ценность дружбы, бескорыстие, честность, забота и милосердие.

Как и во многих других произведениях В. П. Крапивина, в центре повести показана история обретения дружбы юными героями. Почти все они одиноки в начале повести, хотя и по разным причинам, а человек, по мысли В. П. Крапивина, не должен быть одиноким, брошенным, ненужным. Кирилл, главный герой повести, не находит близкого человека среди одноклассников, потому что класс, называясь «правофланго-

вым отрядом», на самом деле не связан никаким общим делом, а без этого настоящих крепких отношений не складывается. Именно благодаря делу – сооружению небольшого парусника – Кирилл приобретает хороших друзей. Его новые знакомые – настоящая команда, где все работают и отдыхают вместе, мечтают о настоящем плавании, а затем осуществляют свою мечту и даже отправляются спасать от пожара семью туристов. Дело становится тем мерилom, которое определяет человека: доброе дело и полезное объединяет, а злое (драки, шантаж, вымогательство денег у слабых, чем занимается шайка хулигана Дыбы), напротив, разобщает людей: в шайке нет дружбы и взаимовыручки, там – страх перед силой.

Именно благодаря тому, что Кирилл все в своей жизни измеряет поступками, он точно знает, что хорошо и честно, а что плохо и непорочно или внутренне пусто. И если случается что-то плохое, то он начинает действовать сам и увлекает других: именно ему удается объединить разобщенный класс, показать, что реальная цель и взаимопомощь способны изменить мир к лучшему. Одноклассники слушают Кирилла, потому что видят, как спокойно и независимо он себя ведет, отстаивая правду, чувствуют в его словах твердость и решимость. Женя Черепанова перестает послушно подчиняться классному руководителю и бояться осуждения своей авторитарной мамы, Олег Райский оказывается совсем не равнодушным «ботаником», а человеком чести, способным отличать пустые слова от настоящего дела. Кирилл способен брать на себя ответственность, не боится «вступить в бой» за правду и справедливость, защитить и простить человека, даже если тот оступился.

Таким Кирилл стал во многом потому, что в его семье господствующими являются традиционные жизненные ценности: забота друг о друге, взаимопомощь, честность во взаимоотношениях, ответственность, безусловное доверие. Различные эпизоды повести иллюстрируют это. Так, Кирилл ни секунды не сомневается в том, что никто в семье не поверит, будто мальчик мог взять чужой кошелек. И писатель подкрепляет эту его уверенность словами и матери, и отца Кирилла. С другой стороны, никакие мальчишеские дела или желания не мешают Кириллу приносить каждый день молоко для маленького брата или по вечерам помогать маме укладывать Антошку спать с помощью песни. Кстати, песни, которые выбирает Кирилл, чтобы петь для души (он сбегает с репетиции хора, так как там поют без всякого чувства), тоже показывают характер самого мальчика и его родителей. Семья главного героя показана именно как коллектив единомышленников и друзей, где нет места сомнениям друг в друге, предательству, где царят доверие и понимание. Даже не самый внимательный читатель не может этого не заметить.

Ценность семьи и дома для ребенка раскрывается также на примере истории Деда и Митьки, его внучатого племянника. Дедом семья

и друзья в шутку зовут Геннадия Кошкарева, совсем еще молодого человека, помогающего воспитывать своего маленького племянника, родители которого работают в геологической экспедиции. Он не дает отдать мальчика в интернат, понимая, что тот не сможет там жить: дом для Митьки – обязательная составляющая спокойствия и счастья, лишенный возможности там находиться, он мучается и бунтует. Геннадий понимает мальчика и берет на себя ответственность за него, потому что иначе поступить не может, и при этом свой поступок он расценивает как естественный и самый заурядный.

Желание помочь тому, кто в этом нуждается, и понимание такого стремления как единственно возможный путь в жизни объединяют Деда и Кирилла, важной составляющей характера которого является бескорыстие и готовность прийти на помощь. Символично, что дружба героев началась с подобной ситуации: Кирилл берется вместе с Геннадием нести тяжелые сумки, хотя видит тогда своего будущего старшего друга и командира впервые. Чувство ответственности за попавшего в беду и не способного в одиночку с ней справиться заставляет Кирилла забывать о себе и бросаться на помощь. Так, он спасает одноклассника Чирка от унижения, дает ему шанс исправить ситуацию, не бросает на полпути то, что начал: заходит к заболевшему однокласснику, помогает ребятам понять, что и почему случилось на самом деле с запутавшимся и запуганным Петькой Чирковым.

И хотя с момента создания произведения прошло уже более сорока лет, история не производит впечатления устаревшей, далекой от жизни, потому что затронутые в ней проблемы не теряют актуальности. Благодаря интересному и динамичному сюжету, героям, напоминающим обычных школьников, яркому, образному и одновременно живому и понятному языку повесть «Колыбельная для брата» интересна и имеет высокий воспитательный потенциал. Безусловно, в картине мира любого писателя вольно или невольно отражается тот набор представлений о характере положительного героя, который сложился в его сознании. Возможно, Владислав Крапивин никогда специально не задумывался об этом, однако его герои воплощают лучшие черты национального характера, дорогие писателю – честность, благородство, милосердие, умение прощать, гуманность, отвагу и стремление к справедливости.

Литература в целом и подростковая литература в частности не только помогают глубже понимать проблему национально-культурной идентичности, но и способствуют ее формированию. Поэтому важно внимательно относиться к выбору текстов для чтения, помогающих подростку правильно расставлять акценты в своей картине мира. Следовательно, разумно построенный процесс изучения художественной литературы может быть фактором становления и важнейшим инструментом укрепления национально-культурной идентичности.

Литература

1. Крапивин В. П. Колыбельная для брата. М. : Центрполиграф, 2000.
2. Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004.
3. Чернявская В.Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 7–10.

Е. В. Турковская

*Витебский государственный
университет им. П. М. Машерова
(Витебск, Беларусь)*

МАЛЫЕ ФОРМЫ ФОЛЬКЛОРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. *В статье выявлена роль малых форм фольклора в формировании мировоззрения, культуры, традиций и национальной аутентичности; проведен понятийный анализ малых жанров фольклора; раскрыто содержание основных форм устного народного творчества и их влияние на изучения языка и литературы.*

Ключевые слова: *фольклор, жанр, культура, учащиеся.*

Малые формы фольклора имеют важное значение для исследования языка и лингвистики, так как они содержат множество языковых конструкций, метафор, символов, которые могут быть изучены в контексте их использования в культуре. Малые жанры фольклора интересны для сравнительных исследований между культурами, поскольку они помогают понять различия и сходства в мировоззрении, традициях и обычаях разных народов.

Таким образом, анализ малых жанров фольклора является актуальным и важным для понимания культуры, традиций и национальной аутентичности народа. Изучение малых форм фольклора на уроках английского языка может помочь учащимся лучше понимать и оценивать культурные различия между странами и народами, воспитать толерантность и уважение к другим культурам, расширить сравнительные исследования в области лингвистики.

В 1846 году Уильям Томс опубликовал статью в литературном журнале «Атенеум», в которой он использовал термин ‘folk-lore’ для обозначения традиционных обычаев, легенд, песен и прочих выражений культуры, передающихся устным народным творчеством. С тех пор термин «фольклор» стал широко распространенным в академических

и научных кругах, используется для описания народной культуры и ее истории.

После появления термина 'folk-lore' в статье Уильяма Томса многие исследователи народной культуры начали использовать его для обозначения общественных выражений, которые были переданы из поколения в поколение. Термин «фольклор» также стал использоваться в более широком смысле для описания культурных традиций, обычаев и историй народов мира.

В толковом словаре Д. Н. Ушакова 'фольклор' определяется следующим образом: «Фольклор – устное народное творчество, которое уходит своими корнями в историю народа; совокупность верований, обычаев, обрядов, песен, сказок» (Ушаков Д. Н., 1940, 357). Изучение фольклора имеет большое значение для воспитания и обучения детей в школе. Все программы обучения языку включают устное творчество родного народа. Содержание устного народного творчества выдержало испытание временем и стало классикой словесного искусства. В настоящее время важным является выбор методических приемов подачи произведений учащимся. Способ представления фольклора должен быть таким, чтобы привлечь интерес и внимание детей, живущих в развитой информационной среде.

Анализ научной литературы, посвященной исследованиям фольклора, свидетельствует о скрытых в нем больших резервных возможностях для реализации задач поликультурного образования.

Известный детский поэт и мастер художественного перевода С. Я. Маршак, который перевел на русский язык множество народных английских баллад, песенок, считалок, загадок, собирал и изучал детский английский фольклор. «Поэзию – особенно народную, песенную – он любил самозабвенно и жадно», – писал о нем другой мастер перевода и детский поэт К. И. Чуковский. Именно благодаря переводам С. Я. Маршака и К. И. Чуковского английский фольклор стал популярен в нашей стране.

Малые жанры английского фольклора представляют собой различные формы народного творчества, которые передаются из поколения в поколение устным путем. Эти формы включают в себя такие жанры, как загадки, пословицы, поговорки, считалки, стихи, песни и т. д.

Российский филолог-фольклорист В. П. Аникин, исследуя малый жанры фольклора, дал им следующее определение: «Малые жанры фольклора – это небольшие по объему произведения устного народного творчества, которые имеют устную форму распространения, особую художественную форму и коллективность создания. Основными признаками, характеризующими фольклорные произведения, считают устную форму их распространения, коллективность создания и особую художественную форму» (Аникин В. П., 2004, 476).

В. П. Аникин выделяет следующие малые фольклорные жанры: дразнилки, загадки, колыбельные, пестушки, пословицы и поговорки, потешки, приговорки и заклички, скороговорки, страшилки, считалки, шутки и прибаутки (Аникин В. П., 2004, 57). В зарубежной литературе мы находим те же виды творчества, что и в русском: колыбельные песни, прибаутки, считалки, дразнилки и пр. Много общего и в системе образов, но своеобразие поэтического видения действительности, отличающее разные народы, помогает по-иному взглянуть на знакомые явления.

Классификация малых форм фольклора по возрастным группам может быть использована в образовательных целях для составления учебного плана, создания учебных материалов и организации учебного процесса, чтобы помочь учащимся развиваться и расширять свои знания о мире и культуре.

Подобную идею классифицировать фольклорные жанры по возрастному принципу мы наблюдаем у О. И. Капица, которая отмечает, что существует две группы носителей текста. Первая – это взрослые, которые заботятся и воспитывают детей от рождения до пяти-шести лет. Тексты, которые они рассказывают, дети понимают и осмысливают. Вторая группа – это сами дети в возрасте от пяти до 15 лет. Но все произведения составляют единое целое – детский фольклор. Современное исследование также видит необходимость выделения в детском фольклоре поэзии взрослых, предназначенной для детей, прежде всего поэзии пестования (Капица О. И., 2002, 102).

Для детей подросткового возраста предназначен игровой фольклор. Его выделяют практически все современные исследователи, но каждый из них понимает его содержание по-своему. Г. А. Барташевич относит к нему считалки, игровые песни и приговоры. М. Н. Мельников прибавляет к ним пестушки и потешки. Все остальные жанры детского фольклора, включая колыбельные песни, он обозначает как «поэзию словесных игр». Детские игры он рассматривает как форму, предшествующую детской народной драме (Мельников М. Н., 1987, 37)

Г. С. Виноградов относит к игровому фольклору все разновидности детских ролевых игр и «игровые прелюдии». Этим термином исследователь обозначает считалки, жеребьевые стихи, приговоры. Он считает, что словесные компоненты «не могут изучаться вне драматической игры, компонентом которой они являются» (Виноградов Г. С., 1999, 24).

К другой группе текстов Г. С. Виноградов относит потешный фольклор. Его цель – развлечь, развеселить, позабавить себя и своих сверстников. В него входят, по его мнению, «забавы, не связанные с драматическим действием», их игровая основа заключена в словах и вспомогательных действиях или только в словах, например, словесные игры, перевертыши, скороговорки, молчанки, поддевки (Виноградов Г. С., 1999, 25).

Несмотря на все вышесказанное А. Дандес утверждает, что «не может быть строгой типологии без предшествующей морфологии», и изучает структурную типологию, предлагая формальный анализ фольклора как средства для понимания конкретного человеческого поведения и мыслей (Дандес А., 2003, 134).

Изучая фольклорные жанры с точки зрения их структуры, целей и содержания и учитывая, что форма, функция и сфера употребления являются тремя основными критериями в классификации жанра, структура фольклорного повествования рассматривается как форма, ее социальное назначение – функция, а содержание – сфера. Таким образом, функция и сфера фольклорного повествования способствуют развитию лингвокультурологической компетенции через отражение культурных особенностей и ценностей, осмысление изучаемых явлений, их творческую переработку и дальнейшее применение. Рассматривая фольклорное повествование как средство передачи и сохранения культурных, моральных, эстетических и исторических ценностей народа, изучение фольклорных произведений разных жанров и народов позволяет учиться понимать и уважать наследие других культур.

Литература

1. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 1940.
2. Аникин В. П. Русское устное народное творчество : учеб. для вузов. М. : Высш. школа, 2004.
3. Капица Ф. С., Русский детский фольклор : учеб. пособие для вузов. М. : Флинта: Наука, 2002.
4. Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М. : Наука, 1987.
5. Виноградов Г. С. Игровые прелюдии. – СПб. : 1999.
6. Дандес А. Фольклор: семиотика и психоанализ. М. : Вост. лит., 2003.

М. А. Фирсова

*Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева
(Астрахань, Россия)*

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности моделирования учебного процесса при преподавании «Русского (родного) языка». Предлагаются темы и приемы, направленные на формирование лингво-

---

* При финансовой поддержке РНФ и Министерства образования и науки Астраханской области в рамках научного проекта № 23-28-10019 «Концепция преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве Прикаспия» (2023–2024 гг.).

культурной компетенции учащихся многонациональных школ Астраханской области в части разделов «Язык и культура», «Культура речи».

Ключевые слова: родной язык, поликультурная школа, культура речи, речевая агрессия.

Лингвокультурная компетенция в современной лингвистической науке понимается как самостоятельная, существующая обособленно от языковой и коммуникативной компетенций (Г. Ю. Богданович, В. И. Карасик, Г. В. Токарев, В. Н. Телия и др.). Знание языка не предопределяет владение «связанным с ним культурным кодом и фактами языка в категориях культуры» (Токарев, 2009, 49). Однако с точки зрения методики обучения русскому языку осознание языка как формы выражения национальной культуры, понимание его связи с историей народа, а также владение культурой межнационального общения являются важнейшими составляющими в процессе гармоничного развития личности школьника.

Задачи по развитию культуры межнационального общения решаются в рамках дисциплины «Родной язык», которая включает в себя овладение национально-культурной спецификой как русского языка, так и собственно родного языка, если таковой выбран в качестве изучаемого в рамках данной дисциплины. В Астраханской области в 14 общеобразовательных школах ведется преподавание «Родного (татарского) языка» и «Родного (казахского) языка». Кроме того, в СОШ им. Махтумкули Фраги – единственной в России туркменской школе – факультативно изучается туркменский язык. Статус «многонациональная школа» закреплен за 15 школами Астрахани и Астраханской области. Вся территория ее, именуемая Каспийской столицей, исторически представляет собой многонациональный и поликультурный регион, где мирно сосуществуют более 100 национальностей.

В данных условиях особо возрастает значимость толерантного отношения к культурам и языкам представителей разных национальностей, обучающихся в школах Астрахани и области. Целью данной статьи является формулировка предложений по моделированию учебного процесса в рамках курса «Родной (русский) язык», а именно разделов «Язык и культура» и «Культура речи» для учащихся многонациональных школ.

По нашему мнению, в изучение темы «Исконно русская лексика» (8 класс), подразумевающей знакомство со словами общеиндоевропейского фонда, словами праславянского (общеславянского) языка, а также древнерусским языком, стоит включить также изучение лексики языков тюркской группы – казахского и татарского. Именно эти народы являются коренными на территории Астраханской области, а слова из татарского и казахского языков по звучанию и значению знакомы школьникам Астрахани. Например: *рахмат* (спасибо), *балам* (ребенок), *салам алейкум* (здравствуйте, мир вам (досл.)), *кайнар*, *эчпочмак* и др. Наряду

с лексикой общеславянского языка в рамках урока на тему «Исконно русская лексика» можно включить примеры тематических групп тюркизмов, например, одежда: *башимак, кушак, армяк, зипун*; кушания: *шашлык, латша, курага, балык*; оружие: *аркан, кинжал, кистень* и т. д. Сближение языков и культур при знакомстве со словами языков тюркской группы должно способствовать укреплению межнациональных связей, развивать толерантное отношение школьников к иной культуре, повышает интерес к изучаемой дисциплине. Кроме того, знакомство школьников с тюркизмами, широко распространенными в повседневном общении, приведет к пониманию близости языков и, следовательно, к осознанию взаимовлияния культур коренных народов Астраханской области.

Программа дисциплины «Родной (русский) язык», а именно изучение раздела «Культура речи» в 8 классе включает тему «Этикетные речевые тактики и приемы в коммуникации». На наш взгляд, уместным будет рассмотрение на таких уроках речевых тактик и приемов, помогающих противостоять и предупреждать речевую агрессию и конфликтное речевое поведение, которые имеют широкое распространение в разных коммуникативных ситуациях, начиная от бытовых, заканчивая общением в учебных и корпоративных группах. Данные формы деструктивной коммуникации не только негативно воздействуют на сознание участников общения и затрудняют полноценный обмен информацией, но и могут привести к переходу от вербальной формы к физической. Агрессия всегда мотивирована агрессивным состоянием говорящего и зачастую преследует цель вызвать или поддержать агрессивное состояние адресата. Поэтому речевая агрессия является нарушением не только этико-речевой нормы, но и нарушением границ социально допустимого поведения. Школьная речевая среда является «полем» для разворачивания так называемых «словесных войн» между учащимися: лингвистический троллинг (провокационные комментарии, например, «*Ничего получше надеть не придумал?*»), флейминг (оскорбительное сообщение, например, «*Бесите, ненавижу вас!*») являются инструментами по разжиганию конфликта в коммуникационном пространстве и имеют широкое распространение среди школьников.

Анализ и понимание содержательных характеристик феномена речевой агрессии и научных подходов к формированию конструктивных стратегий вербального поведения позволяют определить, что повышение индивидуального уровня речевой культуры – главная задача в процессе изучения средств речевого этикета в разделе «Культура речи». Мотивация учащихся при этом должна быть сформирована по двум направлениям: 1) осознание негативизирующего воздействия речевой агрессии в процессе общения; 2) необходимость ее «гашения» путем предотвращения средствами и приемами речевого этикета. Знакомство учащихся к тактикам и приемами преодоления и предупреждения рече-

вой агрессии как в повседневной, так и в деловой коммуникации, а также отработка применения данных тактик на конкретных примерах – задачи учителя при изучении этого раздела.

Рассмотрим приемы преодоления речевой агрессии, которая часто репрезентирована в таких формах, как оскорбление, грубое требование, угроза, насмешка, враждебное замечание и пр.

1. *Игнорирование* – прием контроля речевой агрессии, основанный на тактиках ухода от ответа и тактике умолчания. Обращение к пословицам (*на гнилое слово держи ухо глухо; собака лает – караван идет* и др.) актуализируют тему и предваряют понимание необходимости применения приема игнорирования при возникновении потенциально конфликтного речевого поведения. Например: *«Мы продолжим разговор, когда ты успокоишься»*, *«Я не хочу общаться в таком тоне»*, *«Давай прекратим общение – оно мне неприятно»* и др. Осознание учащимися возможности не вступать в конфликтную коммуникацию с целью устранения речевой агрессии должно основываться на понимании коммуникативного превосходства при использовании приема игнорирования.

2. *Переключение внимания* – прием, направленный на разрушение негативного сценария конфликтной коммуникации путем отвлечения от агрессивного намерения. Может быть реализован с помощью введения в агрессивную коммуникацию неожиданного вопроса, переключения темы, обращение внимания на отвлеченные предметы. Например: *«Смотри, какая хорошая погода!»*; *«А ты завтра что делаешь после уроков?»* и пр. Прием переключения внимания при возникновении речевой агрессии в процессе общения призван продемонстрировать учащимся возможность занять нейтральную позицию, которая переходит в позицию превосходства над негативным коммуникативным сценарием.

3. *Ориентация на положительные стороны коммуниканта* – прием преодоления речевой агрессии, направленный на перевод деструктивной коммуникации в положительное русло путем комплимента, удивления, разочарования, шутки. Например: *«Ты же добрый, зачем нам переходить на грубость?»*; *«Я и не думал, что ты способен на оскорбление»*; *«Жаль, что ты так грубо разговариваешь, я был о тебе лучшего мнения»*; *«Ты настоящий профи в обидных словах, научи меня!»* и др. Данный прием преодоления речевой агрессии призван сосредоточить внимание учащихся на позитивной коммуникации, которая выступает средством контроля речевой агрессии.

Рассмотренные приемы преодоления речевой агрессии направлены на гармонизацию межличностного общения учащихся. Их знание и умение применять в речевой практике способно предотвратить развертывание негативного сценария коммуникации. Учащиеся, владея данными приемами, способны фокусироваться на достижении положи-

тельного результата коммуникации и предотвращать конфликтогенное речевое поведение.

Необходимо также отметить, что развитие навыков применения указанных приемов преодоления речевой агрессии имеет особую значимость в поликультурном контингенте учащихся. Лингвокультурные особенности феномена речевой агрессии учащихся многонациональных школ г. Астрахани и Астраханской области позволяют говорить об этнокультурных факторах ее репрезентации (например, прозвищные номинации по национальному признаку *чурка, азер, абрек* и пр.). Следовательно, применение лингвометодических механизмов по моделированию уроков по разделам «Язык и культура» и «Культура речи» способствуют формированию речевой толерантности как интеркультурной коммуникативной компетентности языковой личности, что представляется актуальным в аспекте развития лингвокультурной компетенции учащихся многонациональных школ.

Литература

1. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта, Наука, 2017.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
3. Токарев Г. В. Лингвокультурология. Тула : Ид-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009.

Н. А. Хван

*Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования музыкальной идентичности как составляющей национальной культурной идентичности. Национальная идентичность в русской музыке имеет исторические основы и проявляется в связи с социально-политическими и культурно-философскими особенностями эпохи. Перспективным направлением в формировании музыкальной идентичности является интегрированное предметно-языковое обучение английскому языку и истории русской музыкальной культуры.

Ключевые слова: национальная идентичность, музыкальная культурная идентичность, интегрированное предметно-языковое обучение.

Формирование национальной идентичности стало актуальной проблемой гуманитарных наук. По мнению большинства исследователей, национальная идентичность представляет собой комплексное образование, включающее этническую, политическую, гражданскую, гендерную, культурную, лингвистическую, философскую составляющие. В современной науке преобладает конструктивистский подход, трактующий национальную идентичность как исторически формирующийся феномен, включающий освоение и присвоение личностью социального опыта, ценностей, верований, способов переживания и выражения эмоций, формирования самооценки и др. «Музыкальное искусство рассматривается здесь как часть целостного исторического нарратива, влияющего на конструирование социального мира, его общественного видения и коллективной идентичности» (Лобанкова Е. В., 2009, 4).

Многие исследователи указывают на кризис культурной и духовной идентичности в современном обществе и видят один из путей его преодоления в использовании потенциала музыкального искусства для осмысления содержания, норм и образцов отечественной культуры. «В музыкальной культуре в образной и символической форме воплощаются человеческие идеалы и ценности, позволяющие человеку идентифицировать себя с ними и обрести культурную идентичность» (Кашина Н. И., Тагильцева Н. Г., 2022, 38). Идентификационный потенциал музыкальной культуры основан на выполняемых ею функциях: кумулятивной (накоплением и передачей фонда музыкальных произведений и заключенных в них особенностей музыкального языка и эстетических образов), коммуникативной (формировании «этнослуха» и музыкального мышления и развитии восприимчивости к содержанию музыкальных произведений), отражения действительности (музыкальном кодировании образов, эмоций, ассоциаций предметного мира), этической (трансляции духовно-нравственных образцов, символов, ориентиров).

В настоящее время проблема национальной идентичности в русской музыке изучается с точки зрения культурологии, искусствоведения и философии. Данные исследования проводятся в тесной связи с теорией музыки, историей, социологией и лингвистикой. «Русское музыкальное искусство можно рассматривать не только в виде рефлексии русской философии, но и как общественное мнение, как продукт духовной деятельности социума» (Чупахина Т.И., 2012, 11). Приведем несколько примеров трактовки русского музыкального дискурса в поле национальной культурной идентичности в определенные исторические периоды.

С творчеством М. И. Глинки традиционно связывают зарождение и становление русской национальной классической музыки. При этом исследователи подчеркивают соответствие мировоззрения, менталитета, национального самосознания композитора, преломленных в музыке, культурно-историческим истокам, нравственным нормам, ценностям

и общественно-политическим устремлениям российского культурного сообщества. Его музыкальный язык сочетает «иррациональную стихийную семиотику Южной Руси (...), с которой ведет начало наша цивилизация в виде фольклора и мифологии, и рациональную дисциплинированную семиотику Северной России (...), где цивилизация, сублимируя этнические истоки в рассудочность, порождает Империю» (Бильченко Е. В., 2023, 31). Философско-эстетический анализ музыкального дискурса М. И. Глинки как создателя национальной русской оперы позволяет выявить ценностное ориентирование на национальные идеи, такие как соборность и народность. «Народность в творчестве Глинки выражает одновременно две интенции: языческую и христианскую, (...) фольклорную и элитарную, формальную и содержательную, барочную и классическую» (Бильченко Е. В., 2023, 38), и, таким образом, является отражением национального духа.

Во второй половине XIX века расцвет реформаторского движения стал импульсом для смены ценностных парадигм в обществе и музыкальном искусстве: «идея нового, прогрессивного искусства, синтезированная со славянофильской мечтой об «особом пути» России и народническими устремлениями, объединила композиторов «Могучей кучки»» (Лобанкова Е. В., 2009, 11). Анализ музыкально-критического дискурса этого периода позволяет исследователям реконструировать идею «национального мифа» – системы концептов, отражающих особенности отечественной музыки, – и проследить его связь с выразительными средствами «русского стиля» в творчестве композиторов-«кучкистов». Восходящие к «уваровской триаде» национальные идеалы «народность, религия, власть» (Лобанкова Е. В., 2009, 17) воплотились в художественных принципах (интерес к древнерусскому искусству, фольклорные элементы, восточные мотивы) и оперном и симфоническом языке (жанрах, формах, интонации, ритмических структурах, ладогармонических особенностях) М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, А. П. Бородина.

Под влиянием социально-политических и культурно-философских факторов в русской музыкальной культуре XX века происходят кардинальные изменения в системах национальных идеалов, образов, мифов, символов и стереотипов поведения: от идей мессианства творца, воплотившихся в творчестве А. Н. Скрябина, до «растворения» образа художника в пролетарском массовом искусстве.

Освоение основ национальной музыкальной культуры обычно происходит в раннем возрасте путем ее непосредственного восприятия и традиционно включает фольклорно-этнический, духовный и национальный классический компоненты. Однако в условиях глобализации и коммерциализации культуры в XXI веке происходит изменение музыкальных вкусов общества, и у большей его части ранние музыкальные

впечатления ограничиваются популярной музыкой. Действительно, за редким исключением, музыкальный мир современного ребенка не основан на восприятии и исполнении народной музыки как части повседневной жизни, регулярном участии в церковных службах и посещении классических концертов. Таким образом, возрастает значение целенаправленного обучения для формирования национальной музыкальной идентичности. Не вызывает сомнения, что школьное и вузовское образование играют важную роль в этом динамическом процессе. Если в младшей и основной школе знакомство с лучшими образцами отечественного фольклора и национальной классической музыки происходит на уроках музыки, то в старших классах средней школы и в вузах (кроме специализированных) данный предмет не предусмотрен. Тем не менее, присвоение идей и ценностей национальной музыкальной культуры требует их дальнейшего осознанного осмысления молодыми людьми. Поэтому возникает необходимость вводить национально-культурный музыкальный компонент в содержание других предметов гуманитарного цикла, прежде всего, истории и литературы, которые создают для этого адекватный контекст и основу.

Однако, по нашему мнению, существует и другой механизм формирования у молодого поколения музыкальной культурной идентичности. Таким механизмом является представление национальной культуры средствами иностранного языка. Глубокое постижение особенностей собственной культурной идентичности происходит в процессе сравнения ее с культурными кодами другого языкового сообщества. Таким образом, перспективным с точки зрения вклада в формирование национальной идентичности представляется интегрированное обучение иностранному языку и истории музыкальной культуры в старших классах средней школы. «Английский язык, являясь, по сути, междисциплинарным по тематике предметом школьной программы, играет в этом процессе отнюдь не последнюю роль» (Мишиева Е. М., 2017, 43).

Принципы интегрированного предметно-языкового обучения применяются в настоящее время при создании учебных курсов различной степени предметной сложности, интеграции и уровня языковой подготовки учащихся (совместное преподавание курса предметником и преподавателем иностранного языка, осуществляющим «техническую» языковую поддержку; преподавание предметного курса с его адаптацией к языковому уровню учащихся; курсы, направленные на повышение языковой компетенции на новом материале предметного содержания). При любом варианте построения курса происходит развитие не только предметных и языковых умений, но навыков мышления и социокультурной компетенции учащихся. Для формирования музыкального аспекта национальной культурной идентичности и ее адекватного представления в межкультурной коммуникации необходимо:

– обеспечить непосредственное знакомство учащихся с образцами русского музыкального искусства путем демонстрации аудио- и видеоматериалов, актуализировав исторический, социально-политический, культурно-философский контекст их создания;

– выработать понятийный аппарат и сформировать соответствующий иноязычный вокабуляр для отражения концептосферы того или иного исторического периода в русском музыкальном дискурсе;

– организовать совместную работу учащихся над данным материалом с использованием современных методик преподавания, направленную на развитие навыков мышления высшего порядка, таких как анализ, синтез, оценка (Игнатова И. В., Уварова Е. А., Хван Н. А., 2023), с целью формирования ценностного отношения к отечественному музыкальному искусству в культурно-историческом контексте;

– предоставить возможность для выражения на иностранном языке сформировавшейся личной позиции в поле национальной идентичности в условиях сопоставления разных культур.

Попытка практического применения данных принципов производится, в частности, в серии разработанных нами учебных пособий для факультативного предметно-языкового интегрированного курса «Historically Speaking» («С исторической точки зрения»), предназначенного для преподавания культурных аспектов истории России XIX–XX вв. на английском языке в 9–11 классах школы. Перспективным направлением работы в данной области нам представляется применение данной методики в высшей школе, так как представление русской музыкальной культуры на иностранном языке через призму ее исторической значимости способствует формированию культурного аспекта национальной идентичности личности.

Литература

1. Бильченко Е. В. Философия музыки М. И. Глинки в оптике классической и неклассической эстетики // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2023. № 1. С. 30–48.

2. Игнатова И. В., Уварова Е. А., Хван Н. А. Интегрированное обучение английскому языку и истории как способ развития социокультурной компетенции школьников // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2023. № 1 (147). С. 77–89.

3. Кашина Н. И., Тагильцева Н. Г. Музыкальная культура в становлении культурной идентичности личности // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 32–40.

4. Лобанкова Е. В. Национальные модели в русской музыкальной культуре на рубеже XIX–XX веков на примере творчества Н. А. Римского-Корсакова и А. Н. Скрябина) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009.

5. Мишиева Е. М. Формирование национальной идентичности в процессе обучения английскому языку в школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 41–49.

6. С исторической точки зрения = Historically speaking: учеб. пособие для факультативного предметно-языкового интегрированного курса истории России XIX века и английского языка / авт.-сост. В. Н. Андреев, Ю. Н. Антюфеева, И. В. Игнатова, Е. В. Симонова, Н. А. Красовская, Е. А. Уварова, Ж. Е. Фомичева, И. В. Щукина, Н. А. Хван. Тула, 2022.

7. Чупахина Т.И. Русская музыка золотого и серебряного веков как социально-философский феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2012.

Е. В. Черненко, И. А. Тропина

*Ростовский государственный
медицинский университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

СИМБОЛАРИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В статье освещена необходимость овладения иностранными обучающимися актуальными для них единицами симболария региональной идентичности края, где им предстоит жить и учиться. Представлен ряд вербальных и невербальных знаковых единиц региональной субкультуры жителей Ростовской области.

Ключевые слова: лингвокультурология, региональная идентичность, Ростовская область, симболарий, культурный текст, русский язык как иностранный.

Изучение любого языка как иностранного невозможно без лингвокультурологической составляющей. В задачи преподавателя РКИ входит как обучение всем видам речевой деятельности на русском языке, так и ознакомление учащихся с основной информацией о стране изучаемого языка, её географией, политическим устройством, экономикой, наукой, историей, культурой... Для приехавших в Россию иностранных граждан актуальна не только информация об одной из самых больших стран мира и «загадочном» русском характере, но и умение ориентироваться в ее потоке, чему способствует более детальное знакомство с уникальной географией, культурным и историческим наследием и нюансами современной жизни ее основных регионов, в особенности того, где им предстоит жить и учиться.

Обучающиеся подготовительного факультета перед поступлением в университет должны не только овладеть необходимыми речевыми компетенциями, но и получить представление о выдающихся людях страны и региона и их заслугах, достижениях науки и техники в сфере своей будущей специальности, усвоить базовую страноведческую информацию, известную их будущим однокурсникам.

Национальная и региональная идентичность жителей Ростовской области требует пристального внимания и своеобразного погружения со стороны недавно приехавших иностранных граждан. Местный культурный код является симбиозом и наследием многонациональных и социальных традиций. Обычаи донского казачества соседствуют с культурой ростовского купечества, армян Нахичевани и Чалтыря, народов Северного Кавказа, Украины и Калмыкии.

Территориальная лингвокультурология является одним из новых, актуальных направлений на стыке лингвистики и регионоведения. Она рассматривает региональную идентификацию с опорой на вербальные знаковые средства, функциями которых являются «интеграция своих и противопоставление их чужим, брендинг региональной культуры, кумуляция знаний о самобытности региона» (Токарев Г. В., 2022, 173). Такие знаковые средства формируют и симболярий региональной субкультуры жителей Ростовской области, актуальный для адаптации иностранных обучающихся к жизни в Донском крае.

Рассматриваемые вопросы представлены в рамках лингвокультурологического подхода преимущественно при помощи описательного и сравнительно-сопоставительного методов. Классификация исследуемого материала и обобщение полученных результатов достигается путем теоретического и практического анализа комплексного типа.

Региональная идентичность, или «комплекс репрезентированных различными знаковыми средствами представлений лингвокультурного сообщества о собственной самобытности, уникальности в рамках противопоставления одной локации другой» (Токарев Г. В., 2022, 174), отражает невербальные и вербальные средства выражения, то есть совокупность знаков различных семиотических систем, обладающих социокультурной семантикой.

Для иностранных обучающихся, впервые приехавших в один из Российских регионов, одинаково важно ознакомиться как с его официальной символикой – гербом, флагом, туристическим брендом (в Ростовской области это красный конь, резвящийся у вольного Дона), так и со «стихийно» сложившимися аксиологическими доминантами коллективного регионального самосознания (Дон-батюшка и Ростов-папа, атаман С. Д. Ефремов и архитектор А. Н. Померанцев, древнегреческий Танаис и Волгодонская АЭС, революционная тачанка-ростовчанка и мемориал жертвам нацизма в Змиевской балке, «дом с ангелами»

и конструктивизм драматического театра, реконструкция Азовского осадного сидения и «Шолоховская весна», мозаика в подземных переходах и железнодорожный «мост Эйфеля», донская селедка и раки, и многие другие).

Не всегда можно разграничить вербальный и невербальный символ. Так, образ «тачанки-ростовчанки» сложился благодаря песне на слова Михаила Рудермана, обобщенно описывающей сражение во время Гражданской войны, хотя тачанки применялись в русской армии еще во время Первой мировой. Этот вербальный символ «буденновской» тачанки воплощен ростовским скульптором Анатолием Скнариным в один из самых узнаваемых в нашем регионе монументов и стал одним из невербальных символов города. Сегодня лексема «тачанка» для большинства ростовчан и многих жителей области ассоциируется в первую очередь с изображением памятника, и лишь часть из них вспоминает саму конную повозку с пулеметом либо слова популярной некогда песни.

Вербальный символ «Ростов-папа», напротив, обязан своим происхождением знаковому для того времени событию из истории криминалитета, но сейчас об этом существует уже несколько легенд и само происшествие, давшее городу данное «звание», мифологизировано. Вместе с тем суббренд «Ростов-папа» давно перестал носить негативную окраску и воспринимается далекими от преступной среды ростовчанами с некой гордостью, демонстрируемой «принадлежностью к чему-то избранному», а в наши дни благодаря стараниям имиджмейкеров приобретает понемногу позитивное переосмысление, связанное с символом «Дон-батюшка» – папа, глава семейства, который может поддержать.

Так как единицы символярия функционируют в культурном тексте, который В. Н. Телия определяет как «любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет место культурно маркированная деятельность» (Телия В. Н., 1999, 19), их репрезентация представляется нам целесообразной во взаимосвязи: вербальные символы сопровождаются фотографическими изображениями, и в такой форме наиболее эффективно усваиваются иностранными обучающимися.

В Ростовской области представлены такие лингвокультурные средства выражения региональной идентичности, как

– прецедентные имена (императоры Петр I и Александр II, императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II, святитель Димитрий Ростовский, старец Павел Таганрогский, Любавичский Ребе, предводители народных восстаний С. Т. Разин и К. А. Булавин, полководцы А. В. Суворов и М. И. Платов, видные деятели Гражданской войны С. М. Буденный и К. А. Ворошилов – и Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель, участник водружения Знамени Победы на Рейхстаг А. П. Берест и герой обороны Ростова-на-Дону С. М. Оганов, ученый Ю. А. Жданов,

скульптор Е. В. Вучетич и художник М. С. Сарьян, архитекторы Л. Л. Эберг и Н. А. Дорошенко, писатели А. П. Чехов, М. А. Шолохов и А. И. Солженицын, джазмен Ким Назаретов и рэпер Баста, актрисы Ф. Г. Раневская и Т. И. Ильинская, «самый сильный человек XX века» тяжелоатлет Василий Алексеев и др.),

– названия городских и региональных объектов (выдающиеся по тем или иным причинам здания и знаковые малые архитектурные формы, мемориалы, парки, театры, музеи и др.) и географические наименования (река Дон, Ростов-на-Дону, Таганрог, Азов, Танаис, Азовское море, сальские степи, Щепкинский лес и др.),

– хрононимы (Азовское осадное сидение, казачьи походы «за зипунами», восстания Степана Разина и Кондратия Булавина, переселение в Турцию староверов казаков-некрасовцев и переселение на Дон крымских армян, «Ледяной» поход Белой армии, Миус-фронт, оборона Ростова-на-Дону и др.),

– названия продукции, связанные с регионом и являющиеся его брендом (семикаракорская керамика и азовская халва, донская рыба и раки, колбасные изделия «Тавр» и подсолнечное масло «Злата», одежда Глория Джинс, комбайны и вертолеты и др.).

Не все элементы симболария региональной субкультуры одинаково актуальны для контингента подготовительного факультета. Даже для жителей региона значимость того или иного средства культурной идентификации различна. В связи с этим перед преподавателями подготовительного факультета стоит задача адекватного отбора презентуемых иностранным обучающимся единиц выражения региональной идентичности.

Представим фрагмент текста, знакомящего наших обучающихся с одной из значимых единиц субкультуры Ростовской области:

«Однажды в воскресенье мы встретились с преподавателем и отправились на представление в театр имени М. Горького. Это здание удивило меня своей красотой. Преподаватель сказал, что архитекторы создали его в форме трактора, а его макет находится в лондонском музее архитектуры. Мы узнали, что здание театра было построено в 1935 году и входит в список мировых шедевров конструктивизма; оно вызывало восторженные отзывы великих архитекторов Оскара Нимейера и Ле Корбюзье. Как это необычно и удивительно!

Внутри всё тоже было красивое, светлое и яркое. Мы гуляли в фойе, через огромное панорамное окно любовались видом Театральной площади и много фотографировались.

Этот вечер подарил мне много радости и приятных впечатлений. Я получил удовольствие от игры актёров и от атмосферы театрального зала. Я надеюсь посетить его ещё раз. Но сначала мы договорились пойти в Музыкальный и Молодёжный театры. Очень хочется сравнить их.

Ответьте на вопросы:

1. Какие театры есть в Ростове-на-Дону?
2. А вы уже были в каком-нибудь ростовском театре? Расскажите об этом» (Тропина И. А., 2022, 73–74).

Результатом освоения симболария региональной идентичности Ростовской области достигается максимально полное погружение иностранных обучающихся в языковую среду, знакомство с различными сторонами жизни Донского края, где им предстоит жить и учиться, позволяет им эффективно адаптироваться в социокультурной среде. При этом знакомство с особенностями языковой среды региона не должно препятствовать освоению общероссийской культурной семантики.

Литература

1. Абрамова В. И., Цветова И. П., Кунникова О. А. Симболарий региональной идентичности и его роль в преподавании РКИ // Русская литература в иностранной аудитории. СПб. : РГПУ им. Герцена, 2023. С. 357–362.
2. Мы учимся в России : учеб. пособие / И. А. Тропина, Н. В. Лучкина, Е. В. Черненко [и др.]. Ростов н/Д : Изд-во РостГМУ, 2022.
3. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М. : Яз. рус. культуры, 1999. С. 13–24.
4. Токарев Г. В. Вопросы изучения симболария региональной идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2022. Т. 21. № 6. С. 173–182.

И. В. Щукина

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ УМЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются предпосылки и преимущества предметно-языкового интегрированного обучения английскому языку на материалах текстов о родной культуре. В рамках интегрированного обучения развиваются метапредметные умения у обучающихся, примеры которых в рецептивной и продуктивной иноязычной речевой дея-

тельности на материале текстов культуры представлены в статье. Благодаря интегрированному обучению происходит знакомство обучающихся с культурным наследием страны средствами английского языка, что поможет в дальнейшем представлять родную культуру в процессе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *метапредметные умения, предметно-языковое интегрированное обучение, обучение языку и культуре.*

На современном этапе развития языкового образования возникла необходимость формирования метапредметных умений у обучающихся, обеспечивающих их успешность в учебной деятельности в целом. При этом формирование и совершенствование данных умений в области как родного, так и иностранного языка неотделимо от обучения культурным ценностям, от формирования национальной идентичности, осознания себя как представителя родной культуры в процессе межкультурной коммуникации средствами иностранного языка. Знание иностранного языка и, как следствие, способность работать с иноязычными текстами культуры открывают новые горизонты и расширяют границы познания в учебной и профессиональной деятельности для обучающихся

Иностранный язык как учебный предмет благодаря своей специфике позволяет реализовывать межпредметные связи со многими дисциплинами. Так, на иноязычных текстах можно и нужно обучать родной культуре, что следует шире использовать в языковом образовании в рамках интегрированного обучения. Таким образом, предметно-языковое обучение, позволяющее интегрировать развитие собственно языковых навыков на иностранном (английском) языке и обучение родной культуре является способом оптимизации и мотивации обучающихся при изучении иностранного языка в настоящее время.

В интегрированном обучении параллельно приобретаются предметные знания о культурных особенностях нашей страны, на современном этапе и в разные исторические эпохи, ее традициях, произведениях искусства и развиваются иноязычные умения и навыки, т. е. фактические культуроведческие знания обучающиеся получают посредством работы с англоязычными материалами, при обсуждении на английском языке историко-культурных явлений, событий и персоналий России. Тем самым формируется осознание своей культурной принадлежности и национальная идентичность. Важным учебным аспектом здесь является интегрированное, взаимосвязанное развитие рецептивных и продуктивных иноязычных умений и навыков, а также обогащение культурного опыта.

К предпосылкам внедрения интегрированного предметно-языкового обучения английскому языку и культуре относятся:

1. Переход на новые стандарты в системе школьного и вузовского образования.

2. Усиление развивающей и воспитательной функции предмета «Иностранный язык».

3. Повышение мотивации обучающихся к изучению английского языка через демонстрацию его возможностей для изучения родной культуры.

4. Расширение образовательных горизонтов за счет работы с аутентичными англоязычными текстами культуры.

5. Реализация дифференциации обучения.

6. Развитие гибких навыков, метапредметных умений обучающихся, потенциально важных для будущей профессиональной деятельности.

Среди преимуществ интегрированного предметно-языкового обучения стоит прежде всего выделить его соответствие нормативным требованиям. Оно опирается на положения системно-деятельностного подхода, который обозначен как методологическая основа уже в стандартах школьного образования (ФГОС СОО. Раздел 1. Общие положения, 2012, б), что в свою очередь предполагает активную учебно-познавательную деятельность обучающихся, развитие их способности к установлению междисциплинарных связей и формированию метапредметных умений благодаря интеграции обучения английскому языку и культуре. Поэтому основной целью выступает не столько сообщение культуроведческих знаний, сколько развитие личности обучающегося при работе с иноязычными текстами культуры, совершенствование метапредметных интегрированных умений, составляющих суть общекультурных компетенций.

Таким образом выделяется еще одно преимущество предметно-языкового интегрированного обучения. Благодаря реализации межпредметных связей с литературой, историей, географией, искусствоведением на занятиях по английскому языку развиваются общекультурные компетенции обучающихся, о важности формирования которых пишут многие методисты (Галимуллина Н. М., 2016, 75).

К преимуществам предметно-языкового обучения также относится его большой потенциал для повышения мотивации к изучению английского языка за счет акцента на знакомом, близком и интересном содержании – родной культуре – и ее изучении средствами иностранного языка.

Так как в основу предметно-языкового обучения положены принципы содержательной насыщенности, культуроведческой направленности и акцента на общее развитие обучающихся посредством работы с аутентичными англоязычными материалами (Coyle D., Hood P., Marsh D., 2010), важным является грамотный выбор иноязычных текстов культуры. Они должны отличаться жанровым и структурным многообразием и представлять как линейные печатные тексты, так и нелинейные – графики, таблицы, схемы, диаграммы, отражающие особенности истории, архитектуры, музыки, литературы и других видов искусств.

ва России. Данные иноязычные материалы широко используются при составлении контрольно-измерительных материалов в рамках государственной итоговой аттестации (ГИА) школьников по английскому языку, что еще раз подчеркивает актуальность предметно-языкового обучения.

Для обеспечения вариативности обучения в рамках предметно-языкового обучения целесообразно применять задания разного уровня сложности. Тем самым будет обеспечена большая дифференциация обучения, что позволит учитывать, как отмечала Е. С. Полат, индивидуальные образовательные возможности (Полат Е. С., 2000, 6–7) и потребности обучающихся, а главное – их разный уровень владения английским языком. К таким сложным в коммуникативном и когнитивном планах заданиям относятся проектные и творческие работы, например, создание туристического буклета-путеводителя по музею, описание истории создания памятника архитектуры по выбору, драматизация диалога-интервью по ролям с известным российским деятелем искусства или ученым прошлого столетия и т. д.

Однако, развитие именно метапредметных умений представляет особую ценность и является результатом интегрированного предметно-языкового обучения английскому языку и культуре на иноязычных текстах культуроведческой направленности.

Метапредметные умения отличаются универсальностью. Представим отдельные примеры данных умений, которые легко соотнести с видами заданий для обучающихся, по принципу возрастания когнитивной сложности по двум группам, начиная с рецептивного уровня иноязычной речевой деятельности и заканчивая продуктивным.

В рецептивных видах иноязычной речевой деятельности на материале текстов культуры

- Понимание иноязычной терминологии при работе с научно-популярными текстами о родной культуре.
- Владение разными стратегиями работы с аудио и печатным текстом культуроведческой направленности для извлечения информации в необходимом объеме.
- Владение стратегиями различения основной информации и второстепенных деталей, фактов и мнений при работе с материалами о родной культуре.
- Понимание хронологии событий, явлений в рамках работы с материалами о родной культуре.
- Понимание структурно-смысловых связей внутри текста.
- Угадывание по контексту, ситуации на основе языкового и межкультурного опыта и предугадывание дальнейшего развития событий на материалах текстов культуры.
- Подбор с целью дальнейшего использования англоязычных материалов, в том числе среди представленных онлайн, по теме, проблеме, вопросу, связанному с представлением родной культуры.

- Критическое осмысление материалов, описывающих культурные явления, события, факты, в том числе связанные с конкретной исторической эпохой и/или личностью в России.

В продуктивных видах иноязычной речевой деятельности на материале текстов культуры

- Описание средствами английского языка культурных явлений, событий, фактов, в том числе связанных с конкретным периодом времени и/или личностью в России.

- Владение в письменных и устных высказываниях иноязычной терминологией, отражающей специфику культурного наследия страны, ее достопримечательностей.

- Обмен информацией, мнениями в устной и письменной форме при обсуждении материалов о родной культуре.

- Интерпретация схематически и визуально представленной информации при обсуждении данных материалов.

- Аргументация своей позиции в отношении культурных явлений, событий, личностей и их вклада в становление культурного наследия страны.

- Выражение согласия или несогласия с суждениями, представленными в тексте культуроведческой направленности.

- Написание краткого изложения на основе информации, представленной в аудио и/или печатном тексте о родной культуре.

Обобщая представленные выше аспекты, стоит подчеркнуть не только обучающий потенциал предметно-языкового обучения культуре России и английскому языку, но и его развивающий и воспитательный характер. Работа с текстами о родной культуре на английском языке дает возможность обучающимся узнать много нового и интересного о культурном наследии нашей страны для его грамотного представления в рамках диалога культур.

Литература

1. Галимуллина Н. М. Общекультурные компетенции в системе подготовки бакалавров технических направлений : Современное образование. 2016. № 4. С. 75–86. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21068

2. Полат Е. С. Разноуровневое обучение // Иностранные языки в школе. 2000. № 6. С. 6–11.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (ФГОС СОО) Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 г. № 413 (ред. от 11.12.2020 г.). URL : <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo>

4. Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Токарев Г. В.

О лингвокультурологической интерпретации проблемы идентичности..... 3

Дорофеева Т. Ю.

Проблема национальной идентичности
в работах современных исследователей..... 7

Зубарева Ю. М.

К вопросу о специфике формирования национальной идентичности..... 9

Киров Е. Ф.

Лингвокультурология в системе родственных наук..... 13

Морозова И. А., Селезнева К. О.

Понятие *культура* и его отражение в русском языковом сознании 18

КОГНИТИВНАЯ БАЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анисимова В. Р.

Язык как основа национальной идентичности:
проблемы настоящего времени 24

Борzych Е. А.

Антропоцентричность концепта «трава» в русском языковом сознании..... 27

Волкова Е. В.

Концепты *gezelligheid* и *hugge* как основа нидерландской
и датской национальной идентичности..... 30

Дмитриева Е. Г.

Лексика эмоций как средство репрезентации
национальной и региональной идентичности..... 34

Ерофеева И. В., Пильгун М. А.

Языковые формы репрезентации базовых
религиозно-нравственных категорий русского народа в средние века..... 37

Жбанкова Е. В.

Социокультурная идентичность и физическая культура
дореволюционной России 42

Здор Н. А., Рядчикова Е. Н.

Понятие «интеллигенция» как составная черта русской
национальной идентичности: лингвокультурологический аспект 47

Кудрина Е. В.

Языковая личность как отражение национальной идентичности..... 53

Курьянович А. В. О динамике культурных смыслов в региональной дискурсивной картине мира	57
Огуренкова М. С. Гендерные стереотипы во фразеологических словарях русского языка	62
Пименова М. В. Факторы самоидентификации в лингвокультуре: макроконцепт <i>род</i>	67
Пименова М. В., Вайрах Ю. В. Концепт <i>родник</i> как фрагмент русской лингвокультуры	73
Сергиенко Н. А., Литовченко А. С. Особенности национальной культуры в современных лингвистических исследованиях	78
Харченко В. К. Семейные родословные и поиски национальной идентичности	81

СИМБОЛАРИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Абакумова О. Б. Антипословицы и национальная идентичность.....	87
Аттия А. Х. Язык, культура, общество.....	91
Ахмедов О. А., Бабаходжаева М. Х. Отражение узбекского национального менталитета в терминах родства.....	95
Булатова М. Р. Диалектизмы, диалектные формы языка как средство формирования национальной идентичности	99
Булатова А. К., Сагдеева Ф. К. Исследование татарской диалектологии в лингвокультурологическом аспекте	102
Дорофеенко М. Л. Меморативы, связанные с известными личностями, в виконимном пространстве Беларуси и Франции	106
Кайгородова И. Н., Беззубикова М. В. Лингвокультурные особенности региональных образных единиц.....	111
Карпинская Н. В. Соматизм <i>голова</i> в когнитивном пространстве русского языка (на фразеологическом материале)	115
Катермина В. В. Категория пространства в англоязычном неологическом дискурсе.....	121

Красовская Н. А. Понятие <i>почва, покрытая дёрном</i> в говорах русского языка	125
Логвина С. А. Эвфемизм как лингвокультурологический феномен в национальной картине мира	131
Малыхина Т. М., Кузьмина А. В. Симболярный Курского региона как ядро национальной идентичности	136
Мозгачёва К. С. Прецедентные имена как средство самоидентификации туляка	141
Мокиенко В. М. Лингвокультурологический потенциал новой русской фразеологии	143
Низовцева К. В. Отражение культуры в фразеологизмах с цветообозначением белый (на примере русского, немецкого и латышского языков)	149
Ума Парихар Сравнительное изучение лингвокультурологических особенностей русского языка и языка хинди в области фонетики и графики.....	152
Пузикова Е. А. Понимание значения фразеологизма как выражение культурной идентичности	162
Резвани В. Роль национального и этнического языков в национальной идентичности.....	164
Рогозинникова Н. Г. Титульный топоним как центр симболярия городской идентичности Ташкента.....	169
Родичева А. А. Самоидентификация человека в аспекте мировосприятия (макроконцепты <i>мир</i> и <i>world</i>)	173
Сафонова И. А. Фразеологизмы с глаголами восприятия как средство выражения национально-культурной идентичности	177
Табаченко Л. В. Названия народов и военных противников в основных источниках о победах Александра Невского в Невской битве и Ледовом сражении.....	182

<i>Трофимова Н. А.</i> Русская национальная культура в отражении номинаций городского пространства Санкт-Петербурга (на материале ресторанных онимов)	187
<i>Цветаева Е. Н., Панкратьева Е. С.</i> Визуализированная фразеология в семиотическом пространстве позднесредневековой Европы.....	190
<i>Чадова Д. Б.</i> Символика яблока в русской вербальной культуре.....	194

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

<i>Гельманова С. Р.</i> Влияние американских медиапродуктов на русское коммуникативное поведение: опыт исследования речи современных подростков.....	198
<i>Глаголева А. С.</i> Частица <i>де</i> при противопоставлении «свой – чужой» в текстах XVII в.: корпусное исследование	202
<i>Дединкин А. Л.</i> От выражения национальной идентичности к этническому экстремизму (из опыта работы лингвиста-эксперта).....	205
<i>Егоркина Ю. Д.</i> Оберег как отражение национальной идентичности в современном мире	209
<i>Захарова Н. Н.</i> Функционирование прецедентных феноменов в сетевом фольклоре	211
<i>Золотухина Д. А.</i> Особенности кадровой ориентации и трансфера знаний в сфере fashion-индустрии.....	217
<i>Китанина Э. А., Ерёменко Н. Г.</i> Проявление оппозиции <i>свой/чужой</i> в современных православных масс-медиа	221
<i>Кузина Ю. И.</i> Коммуникативное поведение Л. Н. Толстого в ситуации речевого этикета «прощание» как отражение русской ментальности: на материале ранних писем писателя к жене.....	226
<i>Пименова Е. С.</i> Речевая агрессия в феминистских интернет-сообществах: уровень номинации.....	231

Романова А. А. Способы идентификации представителей русскоговорящего сообщества в немецкой лингвокультуре (на примере немецкоязычного документального сериала «GERMANIA – Was ist deutsch?»).....	236
Руссу К. Р. Теоретические предпосылки лингвистического моделирования розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв.	240
Сафонова Т. В. Литературный язык советской эпохи как культурный феномен	245
Свиридова Е. С. Дискурс-анализ этносимволизма.....	250
Фомина С. Б. Англоязычные этнографические реалии и способы передачи значений с английского на русский язык.....	254
Хабибуллина Л. Г. О некоторых синтаксических особенностях мензелинского говора среднего диалекта татарского языка.....	259
Шаманова М. В. Качества человека в отношении к общению (на материале пословиц, поговорок и афоризмов)	262

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

Андреев В. Н. Способы проявления национально-обусловленных черт в англоязычном академическом тексте	268
Бут-Гусаим С. Ф. История и культура славянских народов в зеркале именослова исторической прозы Зинаиды Дудюк	274
Валеева Л. В. Сакральная семантическая символика в текстах русских заговоров	279
Верхотурова Н. А. Лексико-стилистические особенности стихов как отражение национальной идентичности переводчиков.....	284
Грицук Л. Н. Отражение национальных проблем в творчестве Язэпа Пуци.....	289
Ермакова К. А. Отражение национальной идентичности в текстах официальных документов Российской Федерации	294

Зайнеева Г. Н., Хуснутдинова Г. А. Публицистика Фатиха Амирхана и Гаяз Исхаки (1907–1912).....	297
Игнатова И. В. Отражение национальной идентичности в современном англоязычном романе-антиутопии (на примере трилогии С. Коллинз “The Hunger Games”)	301
Климас И. С. Русский в прозе Е. И. Носова.....	306
Красноухова Е. С. Репрезентация художественного концепта «Россия» в поэзии Н. С. Гумилёва.....	311
Круковская А. В. Персидские мотивы в творчестве Расула Гамзатова	314
Милютина О. В. Отражение национальной идентичности в рассказе Ю. Нагибина «Берендеев лес»	322
Миронова Г. С. Поэзия русской дворянской усадьбы в драматургии А. Н. Островского и А. П. Чехова: к проблеме национальной идентичности.....	324
Фаезе Мохаммадния-Ханаий «Птица счастья» в иранской и русской культуре	329
Муратова Е. Ю. Отражение национальной идентичности в поэтических текстах	334
Пронина Е. В. Отражение национальной идентичности в эпитекстах Тульского региона.....	339
Присянникова О. И. Обрядовая поэзия тувинцев как отражение национальной идентичности.....	343
Родионова И. Г. Авторские афоризмы в «Семейном альбоме» М. Л. Матусовского.....	348
Романов Д. А. Даниил Гранин об эволюции национальной идентичности русского человека	352
Савельева Т. И. Национальная идентичность в лирике Игоря Талькова	359
Сухотина В. Ю. Роман В. В. Вересаева «Сёстры» как инструмент формирования национально-культурной идентичности	361

Федотова А. А. Когнитивно-стилистические особенности отражения национальной идентичности в текстах современной англоязычной литературы	365
Чумак-Жунь И. И. Ценностно-смысловое представление концепта «Поэзия» в русской языковой картине мира	370
Шептухин М.К. Исконное и заимствованное в терминологии интерактивного документа: к вопросу о проявлении национальной идентичности	375
Юнусова Х. Ю. Символы идентификации царевичей в романе С. Бородина «Звезды над Самаркандом»	379
Марзие Яхьянур, Джанолах Карими-Мотаххар Отражение иранской идентичности в русских литературных текстах	382

ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Бадртдинова А. А. Фразеологический словарь Ф. С. Хакимзянова – как пример словаря лингвокультурологического типа	389
Бобунова М. А. Лингвокультурологический потенциал конкордансов фольклорных текстов	391
Воронцова И. А. Словарь прецедентных феноменов как разновидность лингвокультурологического словаря: принципы формирования и типологические вариации	396
Куликова Н. С. К вопросу об отражении национальной идентичности в текстах англоязычного постмодернистского романа	401
Маслова В. А. Региональная идентичность личности сквозь призму поэзии	406
Фомичева Ж. Е. Отражение национальной идентичности в стилистике текстов современного постмодернистского англоязычного романа.....	410

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Антюфеева Ю. Н.

К вопросу о формировании национальной идентичности
на уроках иностранного языка в школе 419

Богданова Л. И.

Русские ценности и проблема формирования
национально-культурной идентичности 421

Васильева Ю. А.

К вопросу о содержании обучения
межнациональному общению в поликультурной школе 426

Данич О. В.

Лингвокультурологическое осмысление символов Беларуси
как материал для формирования
лингвокультурной грамотности младших школьников 431

Дорофеев М. А.

Уроки русского языка и литературы
как средство формирования гражданской идентичности..... 436

Коренева А. В.

Специфика регионально ориентированных занятий по русскому языку
в образовательных учреждениях Мурманской области 438

Лаптева М. Л.

Формирование национальной идентичности учащихся
на уроках родного языка в поликультурной школе..... 442

Макарова А. В.

Роль изучения истории развития русского языка в школе
в целях утверждения национальной идентичности обучающихся 447

Мехтиханлы С. Г.

Культурологический аспект
формирования иноязычной культуры в процессе
обучения РКИ в иранской аудитории 450

Мухарлямова Г. Н., Абдуллина Д. М.

Формирование национальной идентичности у обучающихся
средствами новых УМК по родной (татарской) литературе 454

Рёбрушкина И. А., Арискина О. Л., Дрянгина Е. А.

Вопрос национальной идентичности
в аспекте преподавания филологических дисциплин
в Мордовском государственном университете..... 458

Рузиева Л. Т.

Национально-культурные особенности прецедентных феноменов
на занятиях русского языка в таджикской аудитории..... 463

Садеги Сахлабад З. Роль сравнительной литературы в укреплении национальной идентичности	470
Старцева Н. М. Влияние художественного текста на формирование национальной идентичности современных подростков.....	473
Турковская Е. В. Малые формы фольклора как средство развития лингвокультурологической компетенции учащихся.....	477
Фирсова М. А. Развитие лингвокультурной компетенции учащихся многонациональных школ	480
Хван Н. А. Формирование культурного аспекта национальной идентичности в условиях интегрированного обучения иностранному языку и истории музыкальной культуры.....	484
Черненко Е. В., Тропина И. А. Симболярный региональной идентичности Ростовской области в практике преподавания русского языка как иностранного	489
Щукина И. В. К вопросу о развитии метапредметных умений в процессе предметно-языкового интегрированного обучения английскому языку и культуре	493

Научное издание

**ЯЗЫК КАК ОСНОВА
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

*Материалы международной
научной конференции*

Подписано в печать 25.04.2024.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 31,75. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Тульский полиграфист 1».

300600, Тула, ул. Каминского, 33/49.